

История
БАШКОРТОСТАНА

*во второй половине XIX –
начале XX века.*

Том II

История **БАШКОРТОСТАНА**

во второй половине XIX – начале XX века

В двух томах

Редколлегия:

И. М. Гвоздикова, М. И. Роднов (ответственные редакторы),
Ф. Г. Хисамитдинова

*Рукопись книги утверждена к печати ученым советом
Института истории, языка и литературы УНЦ РАН*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

История **БАШКОРТОСТАНА**

во второй половине XIX – начале XX века

Том II

Уфа – 2007

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных исследований
Академии наук Республики Башкортостан*

Почётный редактор серии «История Башкортостана»
доктор исторических наук, профессор,
почётный академик АН РБ Х.Ф. Усманов

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор П.С. Кабытов (Самара)
доктор исторических наук Б.А. Азнабаев (Уфа)

История Башкортостана во второй половине
XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. II. – Уфа: Уфимский
полиграфкомбинат, 2007. – 368 с.

ISBN 978-5-85051-416-7

Во втором томе показана история Башкортостана после 1861 и до 1917 г., вплоть до свержения династии Романовых. Исследуется конфессиональный состав населения края, история региона в эпоху важнейших исторических событий (революция 1905–1907 гг., Первая мировая война и Февральская революция – начальный этап Российской революции 1917 г.), социально-экономическое развитие в начале XX в., а также развитие культуры народов Башкортостана. В качестве приложения публикуются исторические источники.

Расчитана на историков, преподавателей, краеведов, студентов, всех, кто интересуется историей своего родного края.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало XX столетия для многонационального народа Башкортостана было эпохой стремительных перемен. Край переживал период бурного экономического подъёма, который не оставили кризис 1900–1903 гг. и последующая депрессия в промышленности. Активно развивалось сельское хозяйство, Башкортостан входил в ряды крупных поставщиков зерна на внутренний и международные рынки, началось увеличение золотодобычи, непрерывный технологический прогресс затрагивал все отрасли народного хозяйства. Кардинально менялась жизнь простого населения. Вслед за паровозом и телеграфом привычными явлениями становились автомобили и мотоциклы на улицах, заполненные всевозможными отечественными и импортными товарами витрины магазинов, электрическое освещение и «движущиеся картинки» синемаграфов.

Не меньшие потрясения происходили в политике. Позор русско-японской войны, первая революция 1905–1907 гг. и объявление демократических свобод в Манифесте 17 октября 1905 г., относительно свободная пресса, формирование гражданского общества, регулярные избирательные кампании в Государственную Думу, начало «реформации» в мусульманском обществе (джадидизм) и, наконец, катастрофа Первой мировой войны обостряли усиливавшееся социальное расслоение, насаивались на медленную и мучительно тяжёлую трансформацию традиционного общества и «вторжение» агрессивного капитализма эпохи первоначального накопления.

Во втором томе «Истории Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века» показывается как эти глобальные события в Российской империи, изменившие весь ход мирового исторического процесса, сказались на развитии одного из ключевых регионов страны – Южного Урала (Уфимской и Оренбургской губерний), современного Башкортостана.

Второй том подготовлен авторским коллективом:

Предисловие, заключение – к. и. н. И. М. Гвоздиков, д. и. н. М. И. Роднов;
Глава I – к. и. н. Д. Д. Азаматов (§ 1), к. и. н. Ю. Н. Сергеев (§ 2), к. и. н. И. С. Гареев (марийцы) и к. и. н. Р. Р. Саликов (удмурты) (§ 3);

Глава II – М. А. Валеев (§ 1 и 2, § 2 в соавторстве с к. и. н. К. В. Максимо-
вым и к. и. н. М. Е. Рышкевич), д. и. н. Л. А. Ямаева (§ 3);

Глава III – д. и. н. М. И. Роднов (§ 1–3, текст § 1 о транспорте совместно
с Р. Р. Фатхутдиновым, в § 3 текст о рабочем и крестьянском движении – Р. Р.
Кутушев, думские выборы – к. и. н. М. Е. Рышкевич), д. и. н. Л. А. Ямаева (§ 4);

Глава IV – д. и. н. М. И. Роднов (§ 1–3, § 1 совместно с Р. Р. Кутушевым,
в § 2 текст о положении рабочих – Р. Р. Кутушев, раздел «Первая мировая вой-
на и мусульманское либеральное движение» – д. и. н. Л. А. Ямаева);

Глава V – к. и. н. С. Н. Шитова (§ 1), д. ф. н. И. Г. Галяутдинов (§ 2), § 3 –
сокращённый фрагмент из подготовленной к изданию монографии «История
башкирской литературы». В 3 т.: Т. 1 / Сост. д. ф. н. Г. Б. Хусаинов, к. ф. н.
М. Х. Надергулов; ред. к. ф. н. А. Х. Хакимов, к. ф. н. Р. М. Булгаков; русская
литература – д. и. н. М. И. Роднов, § 4–6 – к. и. н. М. Н. Фархшатов, § 5 совме-
стно с к. и. н. И. М. Гвоздиковой, § 6 в соавторстве с канд. медиц. наук
А. У. Киньябулатовым), § 7 – канд. архитектуры А. Р. Ширгазин, к. и. н.
И. М. Гвоздиков;

Приложения и именной указатель – д. и. н. М. И. Роднов;

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

§ 1. Оренбургское магометанское духовное собрание в 1861–1917 гг. Ислам в Башкортостане

Во второй половине XIX – начале XX вв. ислам в Башкирии занимал прочные позиции. В 1895 г. в Уфимской губернии действовали 1609 мечетей религиозную службу несли 3556 духовных лица, в Оренбургской – 577 и 1017. В дальнейшем количество мечетей и духовных служителей постоянно увеличилось. Всё мусульманское духовенство находилось под контролем Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), открытого в Уфе по указу Екатерины II ещё в 1788 г. Его функции оставались неизменными. Оно по-прежнему являлось высшей инстанцией духовного суда по семейно-брачным и имущественным делам, принимало экзамены у претендентов на должности священнослужителей, рассматривало дела, связанные со злоупотреблением и предосудительным поведением мусульманского духовенства и выносило по ним приговоры, участвовало в выдаче разрешений на строительство и ремонт мечетей. ОМДС находилось в непосредственном подчинении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В тоже время оно (по многим вопросам) состояло в ведении Уфимского губернского правления, возглавляемого губернатором¹.

Объём работы Духовного собрания был достаточно велик. В 1902 г. в территориальном округе ОМДС находились 32 губернии и области, 5500 приходов и 8897 духовных лиц. В отличие от государственно-мусульманских структур в Закавказье и Крыму, здесь не было региональных управлений. Немногочисленным составом штатных и внештатных работников Духовного собрания (всего 16 человек) за год было рассмотрено 9190 и выпущено 7790 документов, сделано 1350 переводов с тюрко-татарского, арабского и персидского языков. Объём работ ежегодно возрастал, а штат и содержание работников оставались прежними. В 1912 г. в территориальной компетенции Духовного собрания уже находились 40 губерний, где проживало 3,5 млн мусульман, насчитывалось 6202 прихода, почти 13 500 духовных лиц. Было рассмотрено более 13 тыс. и выпущено 9600 документов².

¹ См.: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – начале XX века. Уфа, 1999.

² См.: ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2775. Л. 19–60; Оп. 2. Д. 279; Журнал Оренбургского магометанского духовного собрания. 1905. 12 декабря.

Шестидесятые годы XIX в. для Духовного собрания ознаменовались сразу несколькими крупными событиями. Кончина в 1862 г. муфтия Габдулвахиды Сулейманова пришлась на начало либеральных реформ в Российской империи, повлиявших на государственно-религиозные отношения. Более трёх лет в Духовном собрании не было муфтия, его обязанности исполняли старшие заседатели. Министерством внутренних дел была предпринята попытка провести выборы главы ОМДС. К разработке документа были подключены начальники губерний с наиболее многочисленным мусульманским населением. Самарский и казанский губернаторы положительно отнеслись к идее выборности председателя Духовного собрания, причём последний предлагал сделать местом проведения общероссийского съезда духовенства Казань, как город с наиболее древними мусульманскими традициями.

В Оренбургской губернии мнения разделились. Гражданский губернатор Г.С. Аксаков разработал проект, по которому в каждой губернии на съездах мусульманского духовенства согласно квоте избирались выборщики. Наибольшее представительство на общероссийском съезде должна была получить Оренбургская губерния, так как в ней в это время осуществляли службу 2673 имама и муэдзина (для сравнения – на втором месте находилась Казанская губерния с 853 мусульманскими священнослужителями). По мнению Г.С. Аксакова, общероссийский съезд следовало провести в Уфе как историческом центре мусульман и месте нахождения Духовного собрания. Но оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак, опасаясь интриг мусульман при проведении выборов и прихода к духовной власти лиц, «нисколько, не заслуживающих доверия правительства», отверг все варианты избрания муфтия.

Долговременное отсутствие главного мусульманского чиновника вызвало возбуждение в мусульманском обществе. Стерлитамакские и белебеевские имамы считали, что «не добро, если работники будут выбирать своего хозяина», и предлагали назначить достойного муфтия из среды мусульманского духовенства. В одном из анонимных писем мусульман в Министерство внутренних дел предлагалось не привлекать к выборам чиновников разного уровня и доверить это исключительно муллам. В различные правительственные инстанции посыпались петиции с выдвижениями кандидатов на высокий пост. Среди претендентов значились старший ахун Уфимской соборной мечети Ш. Сулейманов, гражданский имам Санкт-Петербурга А. Хантемиров, старший ахун Петропавловска Г. Юшев, ахун соборной мечети Стерлитамака К. Шарифетдинов (Ногаев), старший ахун Башкиро-мещеряцкого войска Х. Алтынгужин, подполковник А. Давлетшин¹.

После нескольких лет обсуждения законопроекта МВД о выборе муфтия мусульманским обществом, правительство не решилось на принятие закона. Высшие круги российской администрации боялись избрания муфтием авторитетного человека, близко понимающего нужды мусульманского населения и способного стать не только религиозным, но и общественным лидером. Центральные и местные органы власти опасались растущей активности мусульманского населения. Так, оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, обозревая избирательную кампанию 1862–

¹ *Azamatov Danil. The Muftis of the Orenburg Spiritual Assembly in the 18th – 19th Centuries: The Struggle for Power in Russia's Muslim Institution // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the early 20th centuries. Berlin, 1996. Vol. 1. P. 363–367.*

1865 г., констатировал, что «магометане перешли от роли угнетённых, просящих помилование, к роли действующих и требующих прав»¹.

Министерство внутренних дел сохранило обычную практику назначения муфтия и обратилось к кандидатуре оренбургского помещика Салимгарея Тевкелева. 28 апреля 1865 г. появился соответствующий указ императора. Впервые на должность главы мусульман правительство определило человека, не имевшего религиозного образования и богословской подготовки.

С. Тевкелев, отставной штабс-ротмистр, в молодости служивший в гусарском полку и удостоенный многих боевых наград за участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении польского национального восстания 1830–1831 гг., некоторое время был горячим сторонником избрания муфтия. Но как он сам признавался, чрезвычайная активность казанского купечества и мусульманского духовенства, привела его к мысли, что эта группа стремилась навязать своё мнение всем российским мусульманам.

На момент вступления в должность нового муфтия приходится открытие здания Духовного собрания в Уфе. Оно было построено на деньги мусульман Российской империи, которые с 1835 г. перечисляли в ОМДС специальный налог за регистрацию бракосочетания – 30 коп. серебром. Строительство здания обошлось в 54,7 тыс. руб. В 1865 г. брачный налог с мусульман был снижен до 8,5 коп.

С. Тевкелев считал себя управленцем, администратором, а не духовным лицом, муфтий неоднократно подавал в отставку, столкнувшись с недоверием к себе со стороны заседателей (кадиев) и служащих. Он стремился реформировать Духовное собрание, подготовил несколько проектов положений, которые регулировали бы взаимоотношения Духовного собрания и приходского духовенства и усиливали роль муфтия в коллегиальном учреждении, обобщались в документах вероисповедные права мусульман Российской империи. Но все проекты неизменно под разными предлогами отклонялись правительственными инстанциями.

Деятельность муфтия вызывала противоречивую оценку у чиновников и мусульманского духовенства. В целом, ожидания властей, что С. Тевкелев будет стоять в стороне от главных задач Духовного собрания и проблем подведомственных ему имамов и муэдзинов, не сбылись. За инициативность и отстаивание интересов мусульман генерал-губернатор Н.А. Крыжановский даже назвал его религиозным фанатиком. Известный в крае православный миссионер Н.И. Ильминский считал состоявшееся в 1865 г. кадровое решение «большой ошибкой властей», так как личное богатство, авторитет в обществе нового муфтия укрепили, а не ослабили, как предполагалось, Духовное собрание. В мусульманском обществе существовала серьезная оппозиция новому муфтию, состоявшая из казанских мулл, обвинявших его в отсутствии богословского образования. В числе их был известный татарский просветитель Шигабутдин Марджани, отмечавший, что основными чертами муфтия были красноречие и прожектерство. В то же время поддержка С. Тевкелева со стороны основной части мусульманского духовенства была достаточно высока. Имамам и муэдзинам весьма льстило, что муфтий пользовался большим авторитетом в Санкт-

¹ Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – начале XX века. С. 70.

Петербурге, что подтверждалось регулярным награждением орденами (Св. Станислава, Анны и Владимира 1-й степени). Общественное празднование награжденных производилось в уфимской соборной мечети, куда съезжались видные представители мусульманского общества.

Все расходы производились по определению муфтия и с утверждения министра внутренних дел. В 1877 г. Министерство внутренних дел разрешило ежегодный отпуск для этой цели по 1365 руб. С. Тевкелев старался облегчить трудное финансовое положение Духовного собрания. Он добился того, что своим решением от 28 ноября 1880 г. Комитет министров увеличил брачный сбор до 15 коп. и установил правила расходования денежных средств. Теперь они могли идти только на содержание и ремонт здания Духовного собрания, усиление средств канцелярии, на чрезвычайные издержки (например, народные бедствия) и помощь отдельным духовным лицам. Небольшие суммы расходовались на наём сверхштатных служащих. Нередко муфтий из собственных средств оплачивал канцелярские расходы и выделял деньги нуждающимся сотрудникам.

С. Тевкелев пытался изменить порядок избрания заседателей (кадиев) в Казанской губернии. На съезды выборщиков в Казани делегаты избирались по пропорциональной системе с учётом количества имамов в уезде. В 1871 и 1874 гг. выборы заседателей проходили по схеме, предложенной муфтием. Он неоднократно ходатайствовал перед властями о снятии ограничений при строительстве мечетей и частично его предложения были реализованы в 1886 г. При нём произошли определённые изменения при приеме экзаменов претендентов на духовные должности. Кандидаты должны были представлять справку об окончании религиозных учебных заведений, а на экзамене продемонстрировать знание специально установленных Духовным собранием книг.

С. Тевкелев не останавливался перед решительными мерами, когда речь шла о каком-нибудь неповиновении отдельных представителей мусульманского духовенства правительству. Так, когда некоторые муллы в марте 1874 г. приняли участие в волнениях башкир Пермской губернии, протестовавших против призыва в армию на общих основаниях, он лично прибыл на место и участвовал в пресечении недовольства. Отстранив от должности 5 имамов, поддержав введение войск, организовав несколько собраний и сходов, муфтий добился успокоения населения.

Муфтию пришлось преодолевать сопротивление подведомственного духовенства при реализации правил об образовании «инородцев» от 26 марта 1870 г. Агитация против введения русско-башкирских и русско-татарских школ была настолько сильна, что С. Тевкелев выступил со специальной фетвой, разъясняющей необходимость знания мусульманами государственного языка. В то же время, судя по обращению троичских имамов от 13 апреля 1873 г. и слабой наполняемости в крае государственных инородческих школ, позиции муфтия и большей части имамов сблизить не удалось.

В 1880-х гг. лесные массивы семейства Тевкелевых подверглись вырубкам со стороны башкирских, русских и татарских крестьян. Более того, в Белебеевском уезде летом 1883 г. башкиры захватили часть земли, принадлежащей муфтию. Только с помощью войск и полиции удалось остановить развернувшееся аграрное движение. Поскольку у С. Тевкелева не было наследников по прямой линии, он раздал своё состояние родственникам и завещал суммы на постройку мечетей и мектебов. При этом 2 тыс. дес. земли передавались как вакуф (добровольное пожертвование) Уфимскому

мусульманскому приюту и богадельне. Их открытие состоялось 5 октября 1878 г. Впоследствии заведения перешли в ведение Уфимского попечительного о бедных комитета¹.

Салимгарей Тевкелев последние годы жизни тяжело болел, скончался 2 января 1885 г. После его смерти вопрос о выборе главы религиозного учреждения практически не обсуждался. На рассмотрение Министерства внутренних дел были выдвинуты кандидатуры Мухамедьяра Султанова и известного башкирского просветителя Мирсалиха Бекчурина. По указу императора Александра III 2 января 1886 г. главой Оренбургского магометанского духовного собрания назначили Мухамедьяра Султанова. В собственности бывшего начальника башкирских кантонов, а затем мирового посредника и судьи Мензелинского и Белебеевского уездов находилось 774 дес. земли. М. Султанов, как и предшественник, не имел соответствующего религиозного образования.

Уже первые годы деятельности нового муфтия пришлось на крупные изменения в законодательстве, касавшиеся вероисповедных прав мусульман. 18 декабря 1889 г. Государственный совет постановил изменить 1236 статью Устава Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД о выборе главы Духовного собрания. В новом варианте она гласила: «муфтий назначается к должности по представлению Министерства внутренних дел Высочайшею властью».

Он получал большие административные права. Теперь члены Духовного собрания и три кандидата к ним назначались Министерством внутренних дел по представлению муфтия каждый на три года. Ежегодно из состава религиозного учреждения отчислялся один кадий, а на его место прибывал другой. Предусматривалась возможность продления срока их службы. В течение первых 6 лет после принятия закона членами Оренбургского магометанского духовного собрания могли назначаться лица, познания которых в русском языке ограничивались просто грамотностью, в последующие годы было необходимо предъявлять свидетельства об окончании гимназии.

Требование знания русского языка распространялось и на мусульманское духовенство. Согласно указу императора Александра III от 16 июля 1888 г. при определении высшего приходского духовенства (ахунов и хатыбов), кандидатам необходимо было предъявить свидетельства об успешной сдаче экзаменов по программе одноклассного начального народного училища, для назначения имамами и муэдзинами – свидетельства уездных училищных советов о знании ими русской разговорной речи и чтения. Это положение вызвало неоднозначную реакцию в мусульманском обществе. Только в январе 1889 г. в Духовное собрание поступило 100 коллективных прошения от полумиллиона человек об отмене указа. Например, башкиры д. Кинзебулатово Азнаевской волости Оренбургской губернии в петиции от 25 февраля 1889 г. оценили указ как «казусное событие» и выразили уверенность, что «наша магометанская вера никогда не должна подвергаться каким-либо изменениям, а мы сами незаконным стеснениям». В самом Духовном собрании возникли разногласия по поводу передачи этих петиций в Санкт-Петербург. В то время, когда заседатели Духовного собрания настаивали на этом, служащие напоминали, что указы императора не могут быть обжалованы и подлежат безусловному исполнению. Как наступление на права мусуль-

¹ Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – начале XX века. С. 58–64.

ман рассматривался и циркуляр Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г. об изъятии из мектебов и медресе рукописных книг и запрещении преподавательской деятельности лицам, получившим религиозное образование за рубежом.

В 1894–1897 гг. муфтий принял активное участие в пресечении волнений мусульман в Урало-Поволжском регионе, вызванных слухами о насильственной христианизации. Небольшая часть мусульман покинула пределы России и переселилась в Турцию¹. Так как просьбы о разрешении на выезд стали поступать от жителей отдельных деревень, правительство попросило муфтия объехать лично Уфимскую губернию и провести разъяснительную работу. М. Султанов справился с возложенными на него задачами, убедил население, что правительственный курс по отношению к мусульманам остаётся неизменным.

Муфтий стремился в меру сил навести порядок в отношениях между муллами и верующими. Он систематизировал большой архив Духовного собрания, оказывал поддержку учёным, поэтам – Р. Фахретдинову, М. Уметбаеву и М. Акмулле. Правительство стремилось повысить международный авторитет муфтия. С этой целью оно организовало в 1893 г. его поездку к святым местам – в Мекку, Медину и Иерусалим. 19 марта российское посольство с целью демонстрации лояльного отношения своей страны к исламу устроило аудиенцию муфтия у турецкого султана. На ней М. Султанов удостоился ордена Османя 2-й степени².

В конце XIX – начале XX вв. Духовное собрание неоднократно поднимало вопрос о своём неудовлетворительном финансовом положении и принятии дополнительных мер к исправлению ситуации. В центральные органы направлялись предложения об увеличении брачной пошлины, установлении размера брачного налога в зависимости от суммы калыма и количества жён, введении нового налога за принятие экзаменов у кандидатов на религиозные должности, сборе с доходов вакуфов, составлявших более 100 руб.

В финансовой деятельности Духовное собрание было ограничено. За запись в книгах важных событий в жизни мусульман (рождение, свадьба, смерть и т. д.) муллы получали определённую сумму и отсылали её в Уфу. В 1873 г. на его счетах находилось 24,5 тыс. руб. Такое положение сохранялось в течение последующих 10 лет. В дальнейшем, несмотря на временный прирост средств в связи с увеличением брачного сбора, финансовые дела Духовного собрания шли всё хуже. К 1906 г. на счетах не осталось ни копейки. Средства из брачных и метрических сумм расходовались на жалованье и пособия служащим, ремонт, отопление и освещение зданий, канцелярские и типографские расходы, оплату работы казначейства. Из брачной суммы выплачивались вознаграждение преподавателям училищ за обучение русскому языку кандидатов на религиозные должности, единовременные пособия муллам, пострадавшим от пожара. Так, 991 духовному лицу Уфимской, Вятской и др. губерний, пострадавшим от неурожая хлеба в 1897–1898 гг., были выданы беспроцентные ссуды, которые к 1905 г. были возвращены.

¹ См.: Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань, 2000.

² Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – начале XX века. С. 65–68.

Духовное собрание считало своим долгом участвовать в благотворительных акциях. Только в 1903–1905 гг. религиозные служители собрали в пользу пострадавших в Семиреченской области – 27,5 тыс. руб., для раненых и инвалидов русско-японской войны – 65 тыс. руб.¹

Ещё в 1908 г. в ходе обсуждения сметы расходов МВД председатель мусульманской фракции в Государственной Думе К.Б. Тевкелев выступил с речью, в которой обосновывал необходимость увеличения ассигнований на духовные учреждения мусульман. Из бюджета на все исповедания выделялось 33,5 млн. руб. Из этой суммы на долю мусульман приходилось всего 58 697 руб. или 0,18 % всех расходов на управление делами веры, между тем мусульмане составляли 12 % населения империи. В доказательство он приводил оклад оренбургского муфтия – 3482 руб., что было ниже денежного содержания полицейского пристава. Лидер думской фракции российских мусульман называл условия, в которые поставлено Духовное собрание «ненормальными», «не отвечающими требованиям духовно-религиозной жизни»².

Материальное обеспечение служащих ОМДС оставляло желать лучшего. Во время Первой мировой войны в результате значительного уменьшения количества браков почти на треть снизилась собираемость брачного налога, соответственно на треть упала и заработная плата служащих. Работники аппарата Духовного собрания получали жалованье в среднем в 2–4 раза меньше, чем в других равных ему по статусу губернских учреждениях. Впервые за свою более чем столетнюю историю Духовное собрание добилось незначительного увеличения финансирования из казны только в 1916 г.³

Определённые надежды ОМДС и подведомственное ему духовенство связывало с вакуфами – имуществами, переданными владельцами для какой-либо религиозно-благотворительной цели. Они представляли собой движимую или недвижимую собственность, приносящую доход обладателю – мечетям или учебным заведениям. По официальным данным, в 1870 г. на территории Европейской России было зарегистрировано всего 3 вакуфа, в том числе пожертвование стерлитамакского купца Г. Ибраева в пользу первой соборной мечети Стерлитамака – 5 лавок и 90 десятин земли (1829 г.). К 1889 г. количество вакуфов увеличилось до 21, в том числе 10 имений приходилось на Уфимскую и Оренбургскую губернию.

В октябре 1917 г. под юрисдикцией Духовного собрания имелось уже 91 учреждение с вакуфными владениями. Мечетям и учебным заведениям принадлежало 49 домов с надворными постройками, два крупных гостиничных комплекса (подворья), 20 торговых лавок, 1382 дес. земли, более 516,6 тыс. руб. неприкосновенного банковского капитала. Общая стоимость данного имущества оценивалась почти в 1 млн руб. Наиболее крупными вакуфами, находившимися в территориальной компетенции ОМДС являлись пожертвования оренбургского купца А. Г. Хусаинова (1906 г. – стоимость около 500 тыс. руб.), троицких купцов братьев Яушевых (1907 г. – 50 тыс. руб.),

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 279. Л. 22; Журнал Оренбургского магометанского духовного собрания. 1905. 12 декабря.

² Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов. Уфа, 1998. С. 110–112; ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2775. Л. 74.

³ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2775; Оп. 2. Д. 279; Магломате махкамаи шаргыяи Оренбургия (Известия Оренбургского магометанского духовного собрания) (далее: Магломат). 1916. № 13. С. 18–19.

Н. Сейдукова (1898 г. – 19 тыс. руб.), Ф. Тевкелевой (1908 г. – более 30 тыс. руб.). В Уфимской губернии к 1917 г. в хозяйственном ведении мечетей и медресе на условиях вакуфа было 13 зданий (из них 9 деревянных), 7 каменных лавок, 1369,65 дес. земли, 12 724 руб. неприкосновенного капитала.

В конце XIX – начале XX вв. среди башкир развернулось движение за передачу мечетям земельных участков, инициированное Духовным собранием. Муфтий неоднократно в своих фетвах призывал башкир передавать мечетям на условиях вакуфа общественные земельные владения. Но большинство заявлений не было удовлетворено из-за норм в российском законодательстве, запрещавшим башкирам делать подобные пожертвования. Только в 1912–1914 гг. в документах ОМДС зафиксировано 20 отказов башкирским обществам в оформлении передачи земли в вакуфы мечетям. Общая площадь предполагаемых пожертвований составляла 1706 дес. земли¹.

Духовное собрание, как правительственное учреждение, видело свою роль во всемерной поддержке вакуфной собственности, усилении собственного контроля над действиями попечителей, в разработке соответствующих законоположений. На совещании при Министерстве внутренних дел, состоявшемся в июне 1914 г., была принята резолюция о предоставлении права башкирам-вотчинникам всех губерний отчуждать в пользу мечетей, мектебе и медресе свободные от душевых наделов земли. Этот вопрос обсуждался и в аппарате Министерства внутренних дел, но его решение откладывалось до принятия специального законодательства о вероисповеданиях «инородцев».

Духовное собрание также поддержало широкое общественное движение по учреждению благотворительных организаций, рассчитывая, что с их помощью можно будет охватить все категории обездоленных. Наиболее плодотворно оно взаимодействовало с Уфимским мусульманским мужским благотворительным обществом. В немалой степени твёрдая позиция М. Султанова способствовала тому, что в Уфе развернуло свою деятельность и женское мусульманское благотворительное общество. Учредительное собрание, проходившее 15–17 января 1908 г., избрало председателями общества супругу муфтия Марьям Султанову и купчиху Зулейху Урманову. Более ста его членов ставили своей целью оживить мусульманское общество, вывести его из состояния застоя, существенно нарастить слой высокообразованных людей – врачей, учителей, предпринимателей, способных принести пользу своему народу. После того как общество зарегистрировалось, в Духовное собрание стало поступать много писем от религиозных деятелей, в которых сам этот факт воспринимался как неслыханное для мусульманского мира дело, идущее вразрез с исламскими традициями. Но это не сказалось на развёртывании деятельности общества. Уже 6 марта 1908 г. его правление взяло на своё попечение 22 девочек-сирот, поставив целью дать им «научное воспитание». В дальнейшем общество с помощью городской земской управы построило для детского приюта двухэтажный каменный дом с флигелем².

Духовное собрание занималось вопросами прохождения службы мулл в рядах Российской армии. В соответствии с законодательством 1874 г. мусульманское духовенство не было освобождено от всеобщей воинской повинности. В середине XIX в.

¹ Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. Уфа, 2000. С. 19–21.

² Маглюмат. 1908. № 6. С. 120–122; 1908. № 15. С. 330; 1908. № 16. С. 357.

Военное министерство приняло решение о назначении в некоторые военные округа штатных военных мулл. Роль Духовного собрания при назначении военных мулл сводилась к принятию экзаменов на знание шариата у претендентов (если они не имели религиозных степеней), присвоению религиозных званий (муэдзин, имам и ахун), выдаче должностных инструкций. Оно также занималось разбором жалоб на этих духовных лиц. В городах, где находились крупные воинские части, для исполнения религиозных обрядов приглашались имамы местных мечетей. Некоторые из них получали заработную плату и именовались военными муллами. Например, в Уфе эти функции выполнял ахун Ш. Сулейманов. Он входил в когорту наиболее почитаемых мусульманских духовных служителей, был отмечен правительством двумя золотыми и одной серебряной медалями.

В 1896 г. в ходе реформирования Российской армии должности военных мулл были упразднены. Оренбургское магометанское духовное собрание не могло оставить этот факт без внимания. Муфтий М. Султанов 26 марта 1903 г. лично представил императору Николаю II докладную записку, в которой выражал крайнюю озабоченность ликвидацией штатных должностей мулл, тем более, что это произвело «удручающее впечатление на всё мусульманское население империи и возбуждает среди него нежелательные опасения в смысле ограничения веротерпимости». При отстаивании своего мнения М. Султанов ссылался на многочисленные ходатайства военнослужащих, в которых содержались рассуждения по поводу их «угнетённого состояния».

Реакция российского императора на ходатайство муфтия была достаточно благоприятной. По его распоряжению от 30 августа 1903 г. все уволенные с военной службы муллы обеспечивались пожизненной пенсией. Кроме того, было принято решение о восстановлении должностей военных мулл. Дальнейшему решению вопроса о военных муллах помешала русско-японская война 1904–1905 гг. В дальневосточной кампании приняли участие десятки тысяч мусульман. На военную службу было призвано около 200 мулл, большинство непосредственно участвовали в военных действиях¹.

14 мая 1904 г. Николай II повелел учредить на время военных действий по одной штатной должности мулл при штабе Маньчжурской армии и штабе Приамурского военного округа. По размеру денежного содержания и другим видам довольствия они были приравнены к младшему офицерскому составу. Уже в июле 1904 г. избранные Духовным собранием военные муллы из Уфимской губернии Г. Абызгильдин и Г. Рахманкулов отбыли к театру военных действий. Правда, Г. Абызгильдин недолго пробыл на военной службе. Он был уволен из армии по причине плохого здоровья. Приказом Оренбургского магометанского духовного собрания от 9 февраля 1905 г. вышеуказанную военную должность занял Х. Мухамадеев, состоявший муллой при 50-м полевом лазарете в Харбине².

В связи с образованием 3-й Маньчжурской армии в ноябре 1904 г. на должность военного муллы штаба был назначен Г. Расулев. В феврале 1905 г. он побывал в японском плену. В своих донесениях военный мулла отмечал гуманное отношение

¹ Маглюмат. 1908. 15 февраля. № 3. С. 15.

² *Azamatov D.D. Orenburg mohammedan assembly and issues of military service of moslems in the Russian army (the end of XVIII-th – the beginning of XX-th century) // The Turks. Ankara, 2002. Vol. 5. P. 747.*

к себе японского командования, через короткое время отправившего его обратно в Российскую армию.

Однако, если положение военных мулл было более менее удовлетворительным, то десятки представителей мусульманского духовенства, призванные в армию, испытывали все тяготы воинской службы наряду с рядовым составом. Положение усугублялось тем, что мусульман-офицеров было мало. В 1904 г. в рядах вооружённых сил состояло около 30 тыс. военнослужащих-мусульман, из них только 275 являлись офицерами. Часть русского офицерства пренебрежительно относилась к военнослужащим – мусульманам, использовала их на самых сложных участках фронта. В этих условиях муллы обращались за помощью в Духовное собрание. Государственно-религиозное учреждение выступило с инициативой о предоставлении муллам особых условий службы, что было положительно воспринято в Санкт-Петербурге. 17 марта 1904 г. Главным штабом Военного министерства было сделано распоряжение о зачислении призванных на службу мулл в военно-врачебные заведения – не более двух человек на каждый госпиталь или лазарет. Однако и после реализации этих мер поток нареканий со стороны мусульманского духовенства не сокращался. Например, бывший имам Г. Кутлуахмедов, проходивший службу в 16-м Восточно-Сибирском батальоне, выражал недоумение, почему ему не разрешали хотя бы раз в день совершить молитвы. В своём письме Духовному собранию от 27 октября 1904 г. он описывал весьма неприглядное состояние мусульманского духовенства в армии. Сопоставление статуса мулл, ничем не отличающихся от солдат, с православным священнослужителями, имеющими льготы или освобождение от несения военной службы, приводило его к выводу, что «магометанские духовные лица остаются в полном презрении и унижении, делаются предметом насмешек и глумления». Удручающим Г. Кутлуахмедов называл состояние мечетей и религиозных школ, часто остающихся без духовного попечительства после призыва на военную службу имамов и муэдзинов. Он полагал, что «ни о чём этом до царя не доходит, что ничего этого он не знает, иначе этого не могло бы быть»¹.

В Уфимской губернии распространялись слухи о незаконности привлечения к военной службе мулл. Власти фиксировали в Бирском уезде «сильный ропот по поводу взятия во время мобилизации на войну их мулл, так как русские священники освобождены от военной службы, то и муллам следует предоставить такое же право»².

Русско-японская война вызвала активное обсуждение мусульманским духовенством условий прохождения воинской службы. Имамы настаивали на уравнивании солдат-мусульман с православными соратниками в удовлетворении религиозных нужд, а также – реализации их специфических потребностей, связанных, например, с употреблением особо приготовленной пищи (разделанное по шариатским правилам мясо, отказ от свинины, спиртных напитков и т. д). Так, мулла М. Серметев сообщал в Духовное собрание, что мусульмане Мензелинского уезда выразили пожелание, чтобы «такие несчастные для России годы, как 1904–1905-ые, более не повторялись и чтобы башкирской нации было возвращено прежнее звание со всеми его правами»³.

¹ Ibid. P. 748.

² Национальные движения в период первой революции в России. Чебоксары, 1935. С. 160.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 280; Журнал Оренбургского магометанского духовного собрания. 1906. 27 марта.

В целом, во время русско-японской войны мусульманское общество находилось на патриотических позициях и демонстрировало полную поддержку власти. Например, ахун д. Медиак Челябинского уезда Оренбургской губернии Г. Курбангалеев в мае 1905 г. устроил трёхдневное богомоление по «случаю войны России с Японией». В лагере около деревни собралось 500 чел., в центре был поставлен высокий столб с российским флагом. 9 октября 1905 г. по распоряжению правительства во всех церквях и мечетях проводились молебны по случаю окончания войны с Японией.

5 февраля 1906 г. по инициативе и под председательством М. Султанова в Уфе состоялось совещание по вопросам службы мусульман в Российской армии. Оно признало желательным «в целях естественной братской сплочённости и наибольшей солидарности между собою солдат, в чём заключается сила и мощь воинства», образование из мусульман отдельных частей¹.

Вопрос о количестве военных мулл обсуждался на Военном Совете в 1906 г., где с соответствующей справкой выступил муфтий М. Султанов. Положением Военного Совета от 9 июня 1908 г. в армии вводилось 9 должностей военных мулл. В Виленском, Варшавском, Киевском и Приморском военных округах назначалось по двое военных мулл, в Московском – один. В их обязанность входило совершение религиозных обрядов при похоронах, организация праздничных богослужений (в том числе пятничных), а также дача наставлений военнотружущим-мусульманам. Специально оговаривались вопросы денежного содержания, оплаты расходов на командировки и проживание. Так как количество мулл было явно недостаточным, военным властям предлагалось привлекать гражданских мулл, выплачивая деньги на их проезд к месту совершения религиозных обрядов.

Согласно Положению назначение военных мулл осуществлялось Главным штабом по представлению штабов военных округов. При этом Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД лишь ставился в известность о новых назначениях, а Оренбургское магометанское духовное собрание было лишено возможности влиять на подбор кандидатур на должности военных мулл. Благодаря единой согласованной позиции мусульманских депутатов III Государственной Думы и Духовного собрания в 1912 г. в Устав о воинской повинности были внесены изменения, освобождающие высшее мусульманское духовенство и муэдзин старше 22 лет от призыва в армию. Эта поправка вошла и в новую редакцию воинского Устава (19 апреля 1915 г.)².

Демократические преобразования в России, происходившие в 1905–1906 гг., затронули и сферу государственно-религиозных отношений. Был официально провозглашен принцип терпимости ко всем нехристианским религиям. По распоряжению правительства царский манифест 1905 г. зачитывался во всех мечетях империи. На собраниях мусульман обсуждались вопросы о повышении статуса Духовного собрания, выделении сумм из бюджета земства на содержание мектебе и медресе, др. Так, башкиры Бураевской волости Бирского уезда Уфимской губернии 2 марта

¹ *Azamatov D.D.* Orenburg mohammedan assembly and issues of military service of moslems in the Russian army (the end of XVIII-th – the beginning of XX-th century). P. 748–749.

² *Ямаева Л.А.* Российское законодательство о правах мусульман Урало-Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв. // Шарият: теория и практика. Уфа, 2000. С. 149.

1906 г. ходатайствовали о назначении в состав Государственного совета для защиты интересов мусульман оренбургского и таврического муфтиев¹.

Муфтий пытался успокоить мусульманское население, предостерегал его от радикализма. Он выступал против имевших место земельных захватов, убеждая, что «всякое завладение чужой собственности грех, караемый Богом и преступление, караемое законом во всех государствах на земном шаре»².

Мусульмане России наряду с другими вопросами активно обсуждали и вносили предложения по реформированию Духовного собрания. Характерной чертой того времени стал целый поток обращений мусульманского населения в органы государственной власти, включающий в себя просьбы об уравнивании в правах мусульманского духовенства с православным, сосредоточении всех религиозных, вакуфных, учебных (открытие и заведывание мектебами и медресе) дел в Духовном собрании, введении выборности муфтия и заседателей всем мусульманским обществом, децентрализации управления мусульманами и разрешении на создание самостоятельных Духовных управлений на отдельных территориях, снятии ограничений на строительство и ремонт мечетей, издании религиозных книг и газет. Определённое обобщение этих петиций было дано в решениях губернского совещания доверенных из башкирских волостей, состоявшем в Уфе 22–25 июня 1905 г. Совещание высказалось за создание четкой управленческой вертикали, включающей высшего иерарха – муфтия, среднюю ступень – окружных ахунов и низшую – приходских имамов. Каждый из элементов этой системы управления был подчинён демократическим принципам. Подробно оговаривались права и обязанности религиозных деятелей разного уровня. По мнению собравшихся, муфтий должен был стать «предводителем и защитником духовно-религиозных интересов своей паствы перед высшим правительством» и избираться всем мусульманским населением с последующим утверждением в должности императором. Члены ОМДС также избирались, но получали утверждение в Министерстве внутренних дел. Совещание высказалось за проведение раз в три года съездов высшего мусульманского духовенства. Утверждение в должности мулл и преподавателей (соответственно, лишение полномочий), учреждение и деятельность учебных заведений, регистрация вакуфов и попечительских советов должны были перейти под полный контроль Духовного собрания³.

В дальнейшем эта программа получила завершённый вид в постановлении III общероссийского мусульманского съезда «О реорганизации управления духовными делами» (август 1906 г., Нижний Новгород). Его делегаты настаивали на введении поста главы всех мусульман – раисуль-улама с подчинением ему пяти руководителей Духовных управлений в разных частях империи – шейхуль-исламов, а также предлагали открыть мусульманские учреждения на уровне губернии и уезда, независимые от местных властей, а подведомственные только надзору Сената или министра внутренних дел.

¹ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1269.

² Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 119.

³ См.: Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. Министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии, для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения, 22, 23 и 25 июня 1905 года. Уфа, 1905.

За короткое время верхушка мусульманского общества выработала программу религиозной автономии мусульман и в дальнейшем твердо её придерживалась. Вначале Духовное собрание предприняло ряд мер, направленных на выявление интересов мусульман в различных сферах жизни, и осторожно поддержало реформаторские идеи. Но когда большинство средств массовой информации, как либерального толка, так и леворадикальных, стало негативно оценивать роль ОМДС в общественной жизни российских мусульман, обвинять его в слабом отстаивании позиций ислама в стране, М. Султанов демонстративно отстранился от сотрудничества с реформаторами.

В этот период высшие правительственные инстанции стали относиться к Духовному собранию с недоверием. Планы религиозного объединения всех мусульман на автономных началах, под главой самостоятельного высшего духовного лица воспринимались в верхах отрицательно. Наиболее открыто это проявилось в решениях «Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» (1910 г.). В свете начатой тогда в стране кампании по борьбе с панисламизмом и пантюркизмом, ОМДС обвинялось в «отатаривании» мулл, которые затем, якобы, в свою очередь занимались «татаризацией» башкир, казахов, удмуртов, марийцев, чувашей и других народов края. Более того, по мнению участников совещания, Духовное собрание, «прикрываясь своим официальным положением сыграло ...значительную роль в создании и поощрении противогосударственного движения в мусульманской среде». Исходя из этого, правительственные чиновники сочли необходимым разделить Оренбургское магометанское духовное собрание на несколько учреждений. Совещание также постановило взять под контроль мусульманских духовных судей¹.

Последний раз вопрос о преобразованиях Духовного собрания обсуждался на высоком уровне в июне 1914 г. Представители мусульманской общественности, собравшиеся на совещание при Министерстве внутренних дел, подтвердили планы реорганизации Духовного собрания, высказанные на мусульманских съездах. Но все реформы были отложены до окончания войны.

Это обстоятельство в некоторой степени способствовало тому, что роль Духовного собрания в рассмотрении семейно-брачных дел оставалась прежней. Разговоры о широких реформах в области семейного права шли с начала XX в. Комиссия по составлению Гражданского Уложения по семейному праву в 1903 г. разработала законопроект, по которому в ведении мулл оставались только разводы, совершаемые по добровольному согласию супругов.

В 1908 г. Министерство юстиции внесло на обсуждение Государственной Думы законопроект, по которому разводы по причине нарушения супружеской верности и импотенции переходили светским судам. Вначале предполагалось введение данного положения только по отношению к православным, но потом победила точка зрения об одинаковом подходе ко всем категориям российских граждан вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности. В более смягчённом варианте проекта предусматривалось, что расследования по поводу супружеских измен и половой несостоятельности будут проводить светские суды, а окончательные постановления останутся в компетен-

¹ Журнал Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае // Красный архив. 1929. Т. 4. С. 111, 113; Т. 5. С. 74–79.

ции духовных учреждений. Муфтий М. Султанов, посоветовавшись с заседателями, а также некоторыми авторитетными религиозными деятелями, отрицательно высказался о предполагаемых нововведениях. Он отметил чрезвычайную важность процедурных вопросов в мусульманском правоведении и заявил, что постановления Духовного собрания, принятые на основе разбирательств, произведённых людьми, не знающими шариат, будут незаконны с точки зрения каждого мусульманина¹.

В начале XX в. в России произошли определенные изменения в христианско-мусульманских отношениях. 1904 г. стал переломным в отношении веротерпимости. Были устранены запреты на переход язычников в ислам (п. 6 указа Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 г.). Положением Комитета министров от 25 июня 1905 г. устанавливалось, что жители, только формально числящиеся православными и желающие официально оформить свой новый статус, должны были подавать заявления местному губернатору. Именно губернские власти осуществляли проверку, действительно ли заявитель или его предки принадлежали к исламу. В случае, если это представляло большие трудности, администрация собирала сведения о выполнении заявителем православных религиозных обрядов (был ли до 17 апреля 1905 г. на исповеди, причащён ли, не совершал ли других православных обрядов).

Хотя муфтий 12 сентября того же года издал циркуляр о реализации данных правовых актов, подведомственное духовенство выражало недовольство недостаточно активной позицией государственно-религиозного учреждения мусульман в вопросах реализации нового курса правительства².

По данным Министерства внутренних дел в 1905–1909 гг. в Казанской, Симбирской, Пензенской и Уфимской губерниях из православия в ислам перешло 49 тыс. чел. Причём, если в первые годы процесс шёл быстрыми темпами, то потом он замедлился. Например, в 1908 г. ислам приняло 800 чел., прежде исповедовавших христианство, а в 1909 – всего 240³.

В этом отношении представляет интерес длительная перепалка между светскими и религиозными властями в Уфимской губернии. Православные церковнослужители, не рискуя в открытую оспаривать шаги государства по предоставлению религиозных свобод, выражали свою позицию через критику непосредственных исполнителей правительственных постановлений. Они подталкивали губернские власти жёстче контролировать процесс перехода из православия в ислам, по возможности тормозить его, создавая различные барьеры, в том числе путем привлечения священнослужителей.

Уфимское епархиальное управление РПЦ, возглавляемое епископом Михеем, стремилось поставить под сомнение сам порядок перехода из христианства в ислам, считало, что многие изъяны нового законодательства ведут к усилению позиций ислама. В своем обращении к Обер-прокурору Святейшего Синода и в Министерство внутренних дел в 1912 г. оно просило включить в процесс рассмотрения заявлений желающих перейти в мусульманскую веру свидетелей из православных. Жёсткой критике подвергся уфимский губернатор П.П. Башилов, который по мнению еписко-

¹ Маглюмат. 1908. № 7. С. 123–124.

² Национальный музей Республики Башкортостан. Основной фонд (ОФ) 19891/3. Л. 3; ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 276; Журнал заседаний Оренбургского магометанского духовного собрания. 1905. 3 июня.

³ Журнал Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае. С. 118.

па, исключая из православия заявителей, вторгается в компетенцию духовных властей. Епископ утверждал, что к «человеку слабому, ... но не решающему окончательно отпасть от Православной церкви, приходят на помощь деятели мусульманской пропаганды, обещая материальную помощь в виде земли и денег, и в результате переход в магометанство ... неизбежен». Министерство внутренних дел удовлетворилось ответом губернатора П.П. Башилова о том, что при отпадении из православия в ислам христианские священники обязательно опрашиваются, а по отношению к заявителям проводится дознание. Губернатор считал, что нет особой необходимости держать в тисках людей, которые не имеют связи с господствующей религией и тем самым создавать почву для недовольства¹. Несмотря на расхождения между православным и мусульманским духовенством по вопросу перехода из одной веры в другую, открытых конфликтов на этой почве в крае не наблюдалось.

Недовольство мусульман вызывало то, что их ущемляли в праздновании пятницы. В деревнях и районах с преобладающим мусульманским населением действовало Временное положение от 15 ноября 1906 г., которое разрешало перенос выходных. Однако, иногда уездные и волостные власти запрещали работу торговых заведений в мусульманских деревнях и в воскресные дни, чем наносили урон местным предпринимателям и населению. Так, в д. Кармаскалы Уфимского уезда всех жителей подпиской обязали закрыть в воскресенье все заведения и магазины, распустив служащих по домам².

События начала XX в., когда Духовное собрание оказалось под огнём критики, заставили его позаботиться о своем имидже. Особое место в системе религиозной прессы занял печатный орган ОМДС – журнал «Маглюматы махкамаи шаргия Орынбургия» (1908–1911 и 1916–1917 гг.). В 1908–1911 гг. вышел 71 номер журнала, в 1916–1917 гг. – десять. Первым редактором газеты был М. Хасанов, а в 1916–1917 гг. обязанности редакторов были возложены на заседателей Духовного собрания. Первоначально редакции журнала пришлось взять в кредит 20 тыс. руб. Число подписчиков журнала постепенно увеличивалось. К моменту выпуска в 1909 г. 22-го номера было 2500 подписчиков, 26-го номера – 3200.

Издание выполняло своё предназначение – предоставляло точную информацию о мусульманских учреждениях и его духовенстве. Журнал позиционировал себя как внепартийное и внесловное издание, давал возможность имамам высказаться по животрепещущим вопросам религиозной жизни³. В нём обсуждалось распространение среди молодежи скептических идей, задевающих правоверие и шариат, в частности «презрение и высмеивание собственного духовенства». Редакция воспринимала свободомыслие мусульманской молодёжи как подражание общемировым процессам, когда повсеместно наблюдалось снижение религиозности населения⁴.

Начало Первой мировой войны вызвало рост патриотизма в обществе. Определённый подъём испытывало и мусульманское духовенство. Муфтий призывал верующих идти на жертвы ради победоносного ведения войны. В мечетях губернии устраивались моления во имя императора и победы России в войне. Вступление Турции в войну на

¹ Национальный музей Республики Башкортостан. ОФ 19891/3. Л. 2–3, 26.

² Маглюмат. 1908. № 16. С. 358.

³ Маглюмат. 1908. № 1. С. 4; № 16. С. 336; 1909. № 27. С. 446–447; 1916. № 1. С. 7–8.

⁴ Там же. 1916. № 2. С. 9.

стороне Германии заставило Духовное собрание выступить со специальным заявлением от 14 ноября 1914 г., в котором глава российских мусульман называл действия Турции необдуманным шагом, сделанным под давлением Германии. Он рассматривал нападение Турции на Россию не как защиту интересов ислама, а как агрессию¹.

Вообще контрпропагандистская война с Турцией началась ещё 1910 г., когда стало известно, что турецким шейхуль исламом издана фетва, «обращённая ко всем мусульманам, в том числе и русским, с приглашением к жертвованиям на усиление турецкого флота, которая должна быть зачитана во всех мечетях». По распоряжению властей Духовное собрание 2 апреля 1910 г. предписало всем имамам дать расписки, что они воздерживаются от оглашения указанной фетвы в мечетях и распространения её среди прихожан.

Духовное собрание опровергало многочисленные слухи, распространяемые как на фронте, так и в мусульманских регионах России о том, что Германия является защитницей исламского мира, а немецкий император Вильгельм является мусульманином. Показать двойную мораль германских правителей, утвердить среди населения стойкое неприятие к противникам России – на этих направлениях были сосредоточены усилия печатного органа мусульманского духовенства².

В разгар Первой мировой войны в 1915 г. скончался Мухамедьяр Султанов. Мусульманское общество в очередной раз принялось предлагать кандидатуры на должность муфтия. В мусульманских периодических изданиях высказывалось мнение, что на этот раз высшие российские власти прислушаются к голосу мусульман. Однако ожидания общества не сбылись. Муфтием был назначен 38-летний петербургский ахун Мухамедсафа Баязитов. К этому времени в его послужном списке были руководство в столице вторым мусульманским приходом, преподавание в Пажеском Его Императорского Величества корпусе, Николаевском Инженерном училище, Первом кадетском корпусе, Николаевском кадетском корпусе, Корпусе Императора Александра II, Женском институте. Новый муфтий имел разностороннее образование, закончил одно из казанских медресе и гимназию, учился в Санкт-Петербургском университете. Муфтий был женат на дочери купца Зюлейхе Халитовой и имел четырёх детей. Семейству принадлежал каменный дом в Петрограде стоимостью 110 тыс. руб.³ Назначение М. Баязитова вызвало негативную реакцию в мусульманском либеральном обществе и волну критики в печати. К этому времени он являлся учредителем и руководителем Всероссийского мусульманского союза «Сырате-Мустаким», которое воспринималось либералами как черносотенная организация. На самом деле, лозунги защиты монархии, единства и целостности страны, провозглашённые новым движением, были обычным явлением той поры и не давали основания сравнивать её с организациями – инициаторами националистических погромов.

В целом, мусульманское духовенство в начале XX в. демонстрировало консерватизм, который поддерживался ОМДС. Мусульманское духовенство было своеобразной частью государственной машины и могло действовать только в отведённых рамках. Муфтий как государственный служащий выполнял все указания властей, служил монарху. Насколько

¹ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 784.

² *Azamatov D.D.* Orenburg mohammedan assembly and issues of military service of moslems in the Russian army (the end of XVIII-th – the beginning of XX-th century). P. 749, 750.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 12453. Л. 1–5.

мусульманское духовенство почитало императора, можно судить по многочисленным верноподданническим обращениям имамов в 1913 г., когда они оказались вычеркнутыми из списков награждаемых в связи с 300-летием династии Романовых.

Мусульманское духовенство отвечало за своевременное предоставление местным властям списков призывников в Российскую армию и приведение к присяге на верность императору на сборных пунктах. Оно должно было противостоять агитации леворадикальных организаций, призывавших к бунту, массовому выходу башкир и татар из армии. В условиях, когда часть башкирского и татарского населения, проявляла колебания, правительство рассчитывало на усиление влияния Духовного собрания на мусульманское духовенство. Через все документы ОМДС, рассылавшиеся по стране, проходила идея защиты страны. В них разоблачалась антивоенная агитация, а также развенчивались слухи и домыслы военных противников России.

Как и прежде, Духовное собрание ставило вопрос об увеличении числа военных имамов в армии. Однако в высших эшелонах власти и армии преобладали настроения о скоротечности военной кампании. К тому же военное командование придерживалось мнения, что держать мулл под контролем проблематично, поскольку они общаются с единоверцами на родном языке.

Война обострила некоторые проблемы, которые беспокоили мусульманское общество и в мирное время. Среди них – участие солдат-мусульман в христианских церемониях, освобождение солдат от службы в дни мусульманских праздников и др. Во время войны положение мусульманского духовенства значительно ухудшилось. В Духовное собрание поступали сотни жалоб на прихожан, переставших обеспечивать религиозных служителей. На совещании при Министерстве внутренних дел в июне 1914 г. было рекомендовано при выборе имама ввести в приговор пункт о фиксированном материальном обеспечении его со стороны общества¹.

В связи с войной в сложном положении оказались мектебы и медресе. Многие преподаватели были взяты на военную службу. В 1915 г. последовало обращение к муфтию М. Баязитову преподавателей и учащихся медресе Уфы и Казани с просьбой решить кадровый вопрос в правительстве. Причём главным доводом служило то, что по сути медресе являлись государственными учреждениями, так как находились в ведении Министерства народного просвещения. В апреле 1916 г. Военное министерство пошло навстречу муфтию и предоставило отсрочку от призыва всем преподавателям и учащимся медресе. Позже такое же право было распространено и на преподавателей мектебов. Военные учреждения достаточно оперативно реагировали на случаи нарушения этого положения и принимали меры по их устранению.

Во время войны в тылу требовали решения многочисленные вопросы, возникающие в связи с регистрацией браков и разводов военнослужащих, а также их участием в разделе наследства. Согласно российским законам, браки солдат нижних чинов разрешались только вдовым солдатам и сверхсрочно служащим. Однако во многих деревнях даже призванные на службу умудрялись обойти этот закон и зарегистрировать свои браки. 14 октября 1916 г. правительство сняло все ограничения в этой области. Духовное собрание постановлением от 9 ноября 1916 г. запретило женщинам, чьи мужья погибли или пропали без вести на фронте, выходить замуж до окончания военных действий. Объяснялось это много-

¹ Маглюмаг. 1916. № 1. С. 23.

численными ошибками военного командования, когда объявленные «умершими» оказывались живыми и невредимыми, а их браки к тому времени уже были расторгнуты. Что же касается раздела наследства, то Духовное собрание потребовало от мулл обязательного взятия письменных расписок от военнотружущих¹.

В 1916 г. в Центральной Азии вспыхнуло большое восстание, вызванное указом от 25 июня 1916 г. о принудительном привлечении ранее не служивших народов (казахов, киргиз, узбеков, туркмен и др.) к тыловым работам в прифронтовых районах. По поручению российских властей Духовное собрание дало официальную оценку восстанию. В редакционной статье в журнале «Маглюмат» ОмДС трактовало его как «неприятное событие» и считало, что мусульмане Центральной Азии встали на «ошибочный путь». Приводя в пример мусульман Внутренней России, имеющих большой опыт службы в Российской армии и защите государства, Духовное собрание называло трудовую мобилизацию народов Туркестана вынужденной и оправданной мерой. В то же время, оно полагало, что национальные и религиозные потребности всех призванных на трудовые работы необходимо соблюдать в полной мере².

Первые признаки недовольства как в армии, так и в тылу, по поводу затянувшейся войны, необходимость усиления контроля за солдатами-мусульманами, заставили правительственные инстанции гибче относиться к просьбам Духовного собрания. В частности, 12 апреля 1916 г. Военное министерство постановило ввести должности военных мулл в каждой дивизии, уже к концу года в армии появились полковые муллы с заместителями. Только на Северном фронте служило 34 военных мулл. Причём подбором кандидатур, их назначением на должность занимались военные ахуны. В июне 1916 г. муфтий М. Баязитов был принят императрицей Александрой Фёдоровной и министрами царского правительства. Во время встречи был обговорен порядок назначения военных мулл, согласно которому преимущественно пользовались кандидаты, имеющие более высокую религиозную степень, а также аттестат о знании русского языка. Одновременно был решен вопрос о предоставлении отсрочки всем учащимся и преподавателям медресе. После данной встречи многие военные муллы, а также члены различных мусульманских комитетов были представлены к награждению орденами и медалями. Среди них орденом Св. Анны 3-й степени был награжден Х. Сеидбурханов, медалями ахун при штабе Приморского военного округа Г. Мурзин, военный имам при штабе 3-й армии Ш. Камалетдинов и др.³

Духовное собрание во время войны активно занималось благотворительной деятельностью. Через подведомственных мулл велся постоянный сбор денежных средств в различные общественные комитеты и фонды. М. Султанов, а потом М. Баязитов неоднократно выступали со специальными заявлениями, предлагали мусульманам не только вносить деньги, но активно участвовать в организации благотворительных обществ. Сотни мулл откликнулись на призыв и их деятельность, в свою очередь, подтолкнула мусульманскую фракцию Думы к проведению в декабре 1914 г. съезда благотворительных обществ мусульман России. На нём был образован Центральный мусульманский комитет, который занялся открытием больниц, строительством убежищ, отправкой на

¹ *Azamatov D.D. Orenburg mohammedan assembly and issues of military service of moslems in the Russian army (the end of XVIII-th – the beginning of XX-th century). P. 750.*

² Маглюмат. 1916. № 16–17. С. 3.

³ Там же. № 13. С. 18–19; 1917. № 1. С. 4.

фронт продовольствия и одежды. Сразу после окончания съезда Духовное собрание за две недели собрало и направило в Петроград около 19 тыс. руб.¹

Благотворительная помощь оказывалась нуждающимся мусульманам, находящимся в тылу. Так, в одном из обращений М. Баязитова говорилось о необходимости помощи тысячам беженцев из западных губерний России. Муфтий призывал всех мусульман проявлять к ним, вне зависимости от вероисповедания и национальности, сострадание, предоставлять квартиры, питание, одежду и работу². Другой акцией Духовного собрания стала организация помощи в сельскохозяйственных работах всем семьям, члены которых находились на фронте. В большинстве деревень мусульмане сообща занимались обработкой земли и посевом различных культур³.

После февральских событий 1917 г., которые ознаменовали конец монархического строя в России, Уфимский губернский комитет общественных организаций назначил для надзора над деятельностью Духовного собрания трёх комиссаров: А. Ахтямова, К. Алкина, Г. Терегулова. Им было предписано «взять в свои руки Духовное собрание и арестовать служащих старому строю М. Баязитова и Г. Капкаева». 8 марта муфтий и заседатель были взяты под домашний арест. В тот же день Министерство внутренних дел официально уволило муфтия М. Баязитова от должности⁴. М. Баязитов и Г. Капкаев содержались под арестом две недели и затем были выпущены со взятием подписок не участвовать в антиправительственном движении⁵. В жизни Оренбургского магометанского духовного собрания началось бурное время перемен, в ходе которого неоднократно менялся статус учреждения, функции и роль в общественной жизни мусульманского населения.

Во второй половине XIX – начале XX вв. ислам оставался религией большинства населения Уфимской и значительной части Оренбургской губерний. В Уфе продолжал действовать высший орган мусульман Европейской России (без Крыма и Кавказа) – Оренбургское магометанское духовное собрание. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны официальных властей, мусульманские священнослужители исполняли важные государственные функции – вели регистрацию населения, составляли списки для призыва в армию и др. В Башкортостане существовали толерантные отношения между двумя главными конфессиями, слабо проявлялось миссионерское соперничество, возврат в ислам сравнительно небольшой группы населения также не повлияло на межрелигиозные отношения. Духовное собрание играло существенную роль в организации, пополнении и подготовке кадров, финансовом обеспечении мусульманских приходов, важное значение имела позиция муфтия, от умения которого находить общий язык с властями часто зависели взаимоотношения с губернской и центральной администрацией. В то же время общественность настойчиво добивалась реформирования Духовного собрания на демократических началах.

¹ Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936. С. 301.

² См.: ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 784.

³ Azamatov D.D. Orenburg mohammedan assembly and issues of military service of moslems in the Russian army (the end of XVIII-th – the beginning of XX-th century). P. 751.

⁴ Маглюмат. 1917. № 5–6. С. 85.

⁵ Тормыш. 1917. 24 марта. № 617.

§ 2. Уфимская православная епархия, другие христианские течения

Удельный вес христианского населения Уфимской губернии (русские, украинцы, белорусы, мордва, чуваша, часть татар и др.) во второй половине XIX – начале XX вв. оставался достаточно стабильным. По данным переписи 1865 г. оно составляло 39,3%, в 1897 г. – 45,6%, в 1914 г. – 46,6%. Абсолютное большинство были православные – 38,2% в 1865 г., 45,5% в 1914 г. Численность старообрядцев по разным сведениям определялась от – 1,01% до 1,55 (1897 г.) и 0,74% (1914 г.). Представителей иных христианских течений (лютеране, католики и т. д.) имелось совсем немного¹. Местная статистика, впрочем, не располагала точной информацией о вероисповедальном составе жителей, смешивала различные конфессиональные группы, представители которых часто не стремились раскрывать свою численность. По официальным данным на 1 января 1915 г. в Уфимской губернии насчитывалось 1 484 629 православных, 7100 единоверцев, 23 984 старообрядцев, 4262 католиков, 7553 лютеран, 56 меннонитов 1 596 646 магометан, 1912 евреев и 134 497 язычников, всего 3 260 639 чел.²

Ведущей христианской конфессией Башкортостана являлось **православие**. В 1859 г. Оренбургско-Уфимская епархия из-за обширности территории и связанных с этим затруднений в миссионерской деятельности была разделена на две: Оренбургскую и Уральскую с кафедрой в Оренбурге, Уфимскую и Мензелинскую с архиерейской кафедрой в Уфе³. После образования в 1865 г. самостоятельной Уфимской губернии границы епархий совпадали с административно-территориальным делением края. Первым уфимско-мензелинским епископом стал викарный епископ г. Дмитрова Московской губернии Порфирий Соколовский (управлял в 1859–1860 гг.). Всего же на рубеже веков уфимской архиерейской кафедрой последовательно руководили 12 архипастырей в сане епископа: Порфирий Соколовский Филарет Малышевский (1860–1869), Пётр Екатериновский (1869–1876), Никанор Бровкович (1876–1883), Дионисий Хитров (1883–1896), Иустин Полянский (1896–1900), Антоний III Храповицкий (1900–1902), Климент Верниковский (1902–1903), Христофор Смирнов (1903–1908), Нафанаил Троицкий (1908–1912), Михей Алексеев (1912–1913), Андрей Ухтомский (1913–1920 гг.)⁴. Среди уфимских архиереев были выдающиеся миссионеры (Дионисий Хитров), крупные богословы и религиозные философы (Никанор Бровкович, Иустин Полянский, Антоний III Храповицкий), неординарные синодальные политики и реформаторы (Андрей Ухтомский). Управление Уфимско-Мензелинской епархией осуществлялось через консисторию и систему благочиний (церковных округов). В составе епархии в конце XIX в. было 26 благочиний: два в Уфе и в уездах Уфимском – 6, Стерлитамакском, Бирском, Мензелинском, Златоус-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 8–11; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 8; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1915. С. 8; см. также: *Сергеев Ю.Н.* Христианские конфессии в Уфимской губернии в пореформенный период (1861–1917 гг.) // *Modern history: Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока.* Уфа, 2006. Вып. VI. С. 78–99.

² Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 8.

³ Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 268.

⁴ Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993. С. 10–11.

товском – по три, Белебеевском – 4; монастыри и единоверческие церкви составляли два особых благочиния¹.

В епархии происходил неуклонный рост численности церквей. Если в 1870 г. насчитывалось 178 храмов, в 1897 г. – 366, то в 1912 г. уже было 526 церквей. Количество монастырей и общин возросло с пяти в 1870 г., до семи в 1899 г. и 15 (в том числе 6 мужских) в 1913 г. Соответственно увеличивался состав священнослужителей. К 1913 г. штатное белое духовенство епархии состояло из 18 протоиереев, 519 священников, 171 диакона, 387 псаломщиков. Черное духовенство (монашество) было гораздо малочисленней. В 1877 г. насчитывалось 29 монахов, 45 монахинь, 9 послушников и 150 послушниц, в 1913 г. – 71 монах, 315 монахинь, 193 послушника и 1656 послушниц².

Материальное обеспечение приходского духовенства складывалось из платы прихожан за исполнение обрядов (треб), штатного жалованья и церковной земли, отводившейся в деревенских приходах по 33 дес. Угодья выделялись из казённого фонда или земель крестьянских общин вплоть до начала XX в.³ В 1877 г. церкви уфимской епархии имели 5903 дес. (3298 дес. пашни), в 1890 г. у 205 храмов находилось 10 518 дес.⁴ К 1917 г. имелось церковной земли в Бирском уезде 1797,9 дес., Белебеевском – 2735,6 дес., Уфимском – 3901,8, Мензелинском – 2608,8, Стерлитамакском – 2426,6, Златоустовском – 1484 дес., итого в губернии – 14 954,7 дес.⁵

Государство определило неотчуждаемость выделенной церквям земли. При упразднении приходской церкви её земля передавалась той, к которой приписывали прихожан. Владения навечно закреплялись за храмом, но не за причтом, который являлся лишь пользователем. Поэтому церковная земля не подлежала передаче в заклад, дарению, продаже, передаче по наследству. Ушедшие за штат священнослужители теряли право пользования угодьями. Кроме того, в отдельных приходах Уфимской епархии практиковалась руга (натуральные подношения причту от прихожан хлебом или деньгами).

Помимо платы за исполнение обрядов, земли у сельских храмов и руги, штатное духовенство получало фиксированное жалованье. Все приходы были разделены на 7 классов по числу прихожан (мужского пола) и членов причта. В среднем на приход, в зависимости от класса, выделялось от 140 до 576 руб. в год, священнику назначалось от 72 до 180 руб., диакону – 54–80, причетнику – 24–40 руб. в год. Как видно, поступления от казны не составляли главной статьи церковных доходов⁶. Например, в 1860-х гг. в приход Троицкой церкви с. Красный Яр Уфимского уезда входили ещё

¹ Златоверховников И. Уфимская епархия. Уфа, 1899. С. 57–58; см. также: Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справочник-путеводитель / Авторы-составители П.В. Егоров, Л.Г. Рудин. М., 2005.

² Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 890. Л. 6; Златоверховников И. Указ. соч. С. 208; Полный Православный Богословский энциклопедический словарь М., 1992. Т. 2. С. 2215–2216; Башкортостан. Краткая энциклопедия. С. 407–408; Абдулахатов Н.Р. Православное духовенство Уфимской епархии 2-й пол. XIX – начала XX вв. // Религии в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1999. С. 11.

³ Фёдоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 41.

⁴ Любинецкий Н.А. Землевладение церковей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. Ч. II. С. 10–11.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

⁶ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии СПб., 2005. С. 146; Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 415.

три деревни: Вязново, Подымалово и Якшиваново. Общая численность прихожан составляла 922 души м. п. и 944 души ж. п. Причт включал священника, диакона, двух причетников, имел участок пашни и луга (38 дес.). Казна выплачивала причту 126 руб. 42 коп. В приходе стерлитамакской церкви во имя иконы Казанской Богоматери, помимо горожан, состояли ещё жители 11 деревень общей численностью 2965 душ м. п. и 3089 душ ж. п. Приход обслуживали 2 священника, диакон, 3 причетника. Казна выплачивала причту по 393 руб. 96 коп. Помимо этого причт имел ругу по 2 пуда хлеба и пуду овса, «пользовался процентами с четырёх казначейных билетов в 1000, 600, 300 и 142 рубля»¹.

В начале XX в. средние доходы православных церквей росли. В Никольской церкви с. Кузьминовка Стерлитамакского уезда (1902 г.) причт включал священника, диакона и псаломщика. Церковной земли в приходе было 33,5 дес., жалованья от казны – 180 руб., имелось 2 церковных дома. Диакон получал ещё 50 руб. как учитель «закона божия» в местной школе. Вместе с «братскими доходами» (плата за требы и разного рода сборы) священник указанной церкви имел в год около 450 руб., диакон до 300 руб., причетник – около 150 руб.² Бюджет городского храма Михаила Архангела в Бирске (штат 1902 г. – 2 священника, диакон, 2 псаломщика) комплектовался без казённого жалованья, причт жил за счёт «братских доходов», составлявших до 2000 руб., имелось 3 церковных дома и поступали проценты с капитала в 10 000 руб. Старший священник, как наблюдатель церковно-приходских школ, получал дополнительно 900 руб., второй священник – как законоучитель – 120 руб.³

Основой материального обеспечения большинства монастырей были земельные участки, полученные как от государства, так и от частных лиц по завещаниям или в ходе дарственных актов. Так, Благовещенский женский монастырь получил в 1879 г. в дар от купца первой гильдии Н.К. Блохина участок земли в 377 дес. 1200 саж. в Уфимском уезде при с. Глумилино⁴. Бирской Свято-Троицкой общине в 1857 г. богатый крестьянин Г. Залесов подарил 50 дес. при с. Даниловка⁵.

К 1890 г. пять монастырей Уфимской епархии имели 2040 дес. Особенно крупными землевладельцами являлись женские монастыри: Уфимский Благовещенский – 614 дес. и Мензелинский Пророко-Ильинский – 560 дес. Наиболее обеспеченный мужской монастырь – Уфимский Успенский уступал женским обителям (470 дес., из которых 226 дес. леса)⁶. К 1917 г. в частной собственности монастырей находилось 1505,3 дес. в Уфимском уезде, 530,9 в Бирском, 976,7 в Белебеевском, 889,3 в Мензелинском и 1346,5 дес. в Стерлитамакском уезде, итого в Уфимской губернии монастырское землевладение составляло 5248,7 дес.⁷ Многие общины имели мельницы, Уфимский Благовещенский и Мензелинский Пророко-Ильинский женские монастыри организовали свечное производство.

¹ *Игнатъев Р.Г.* Сведения о церквях Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. II. С. 32, 52.

² ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

³ Там же. Д. 9. Л. 12.

⁴ Там же. Ф. И-291. Оп. 1. Д. 39. Л. 188.

⁵ *Игнатъев Р.Г.* Монастыри Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. II. С. 30.

⁶ *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. Ч. 4. С. 31.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

В женских монастырях епархии существовали золотошвейные, иконописные, одеяльные мастерские. Деревенские монастыри, как правило, содержали домашний скот, имели развитое садово-огородное хозяйство. Со второй половины XIX в. монастыри Уфимской епархии начинают приобретать кредитные билеты, заводя таким образом свои счета в банках. Так, Уфимский Благовещенский женский монастырь имел в 1911 г. банковский счет в 90 937 руб., процентами с которого пользовался¹.

Уфимская епархия по денежному довольствию была отнесена к четвёртой, низшей, группе. Епископы получали до 1500 руб. в год на собственные нужды и до 3100 руб. на обслуживание архиерейского дома². Самой епархии в 1890 г. принадлежала земля (255 дес.) на хуторах в Осоргинской волости и в Богородской волости близ Уфы по дороге в д. Глумилино³.

Русская православная церковь играла важнейшую роль в жизни государства. Православие являлось фактически официальной идеологией, освящало существование правящей династии и легитимность самодержавия. Принадлежность к православию было обязательным условием для успешного продвижения лиц разных сословий на государственной службе. Православная церковь удовлетворяла религиозные запросы миллионов людей, являясь носителем морально-этических ценностей. Исполнение обрядов было для православного духовенства по-сути осуществлением важных государственных обязанностей, для которых тогда ещё не имелось собственного административного аппарата. Именно церковь документально фиксировала и вела статистику рождений, смертей, заключения браков.

Фактически являясь особой группой чиновничества, православное духовенство имело собственные награды, ордена и звания. За безупречную службу священники получали знаки церковного отличия: набедренник, камилавку, бархатную фиолетовую скуфью, наперсный бронзовый крест, благословение Синода, золотой наперсный крест, сан протоиерея, а также государственные ордена Св. Анны 3–2-й степеней и Св. Владимира 4-й степени. Ряд священников Уфимской епархии в конце XIX в. за свои труды были возведены в потомственное дворянство: протоиереи А.И. Никитский (умер 5 июня 1898 г.), Е.Н. Соловьёв (скончался 18 января 1900 г.), В.Н. Бережковский (умер 8 июня 1893 г.). Они были записаны в третью часть дворянской родословной книги Уфимской губернии.⁴ Свои отличия, кроме получения дворянства, имели также диаконы и причетники. Признаком нахождения на государственной службе являлось получение жалованья от государства. Подобное огосударствление православной церкви в XIX – начале XX вв. имело свои негативные последствия. Духовенство начинает выполнять несвойственные ему полицейские функции. В указе императора Александра II от 1 декабря 1866 г. говорилось: «воспрещение мыслей о посягательстве на собственность ближнего и повиновение властям предержавшим... Утверждение сих божественных правил в православном народе есть прямой долг пастырей церкви»⁵. Эта деятельность священнослужителей отталкивала верующих,

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-291. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

² Римский С.В. Указ. соч. С. 519.

³ Любинецкий Н.А. Указ. соч. Ч. 4. С. 31; Постановления Уфимского епархиального собрания. Уфа, 1918. С. 73.

⁴ Уфимский епархиальные ведомости. 1893. № 16. С. 445; 1898. № 17. С. 460; 1900. № 3. С. 72.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 6. Л. 392.

способствовала распространению различных форм свободомыслия, приводила к индифферентному отношению к исполнению православных обрядов. Прихожане, прежде всего городских церквей, всё чаще уклонялись от таинства исповеди. В материалах Спасской церкви Уфы о числе лиц, «бывших и не бывших у исповеди», указано, что в 1883 г. из 258 лиц мужского и 277 женского пола, приписанных к приходу, на исповеди не были 56 и 60 чел. (почти каждый четвёртый мужчина и каждая пятая женщина)¹. В сельских приходах, где влияние духовенства было значительно сильнее, упадок религиозности выражался в отказе наделять причт землёй, выплачивать продуктовую и денежную ругу, потравах церковных участков, как случилось в с. Бижбуляк Белебеевского уезда в 1886–1890 гг. и с. Зирган Стерлитамакского уезда в 1878–1886 гг.² В среде горожан вольнодумство выливалось в критику основополагающих христианских догматов. Так, купец С. Хлебников из Стерлитамака в 1889 г. выступил с утверждением, что «Бог и святые есть греческий миф, Иисус Христос – незаконнорождённый сын»³.

Носителем антирелигиозных настроений нередко выступала интеллигенция. В 1876 г. управляющий помещика Н. Заварицкого И.И. Видавский в Стерлитамакском уезде позволял себе резкие антицерковные заявления. По донесению местного урядника, «в людной избе, при значительном собрании крестьян, И. Видавский доказывал, что Табынская явленная икона Божьей матери – ничто иное как простая доска, с ликом, нарисованным кем-либо из духовенства, названная явленной для возбуждения большего к ней уважения в простом народе и извлечения из этого духовенством большого дохода. В другой раз, после литургии... Видавский говорил своим рабочим, чтобы они не верили в существование мощей, так как они тоже делаются духовенством... для больших барышей»⁴.

Элементы свободомыслия проникали и в среду приходского духовенства, особенно его низшего звена, иногда сочувствовавшего радикальным общественно-политическим течениям. Так, псаломщик златоустовского Троицкого собора И. Петров в 1883 г. был обвинён в связи с группой революционеров. При обыске на его квартире были найдены экземпляр газеты «Народная воля» и программа этой партии, а сам он «был замечен в ведении разговоров в крайне либеральном духе»⁵. И, наконец, формой непринятия казённого православия был уход в старообрядчество, другие формы христианства, а то и не христианства, особенно после либерального законодательства 1905 г. Во время двух революций начала XX в. православие (как и ислам) не смогло оказать заметного влияния на духовную и общественную позицию паствы.

Уфимская епархия выполняла ряд дополнительных функций, в первую очередь миссионерство. Башкортостан отличался поликонфессиональной средой, здесь были организационно сильный ислам, достаточно многочисленное язычество и немалый слой старообрядчества. Другие христианские конфессии (католицизм и различные ветви протестантизма) были слабы и не представляли для православия опасности.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-290. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

² Там же. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 471. Л. 1, 6.

³ Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1208. Л. 1а.

⁴ Там же. Д. 1042. Л. 2 и об.

⁵ Там же. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–4.

Отношения между православием и исламом в крае во второй половине XIX – начале XX вв. оставались достаточно стабильными. Оренбургское мусульманское духовное собрание внимательно наблюдало за всеми попытками христианизации тюркских народов региона, решительно пресекая любые случаи административного давления на мусульман с целью их крещения. Лишь в 1878 г. в Уфе удалось открыть региональное отделение Всероссийского миссионерского общества под председательством епископа Никанора Бровковича. На рубеже 1870–1880-х гг. основное внимание миссионеры обращали на создание школ для татар-кряшен с обучением на родном языке. Первая такая школа возникла ещё в 1868 г. в с. Мелекес Мензелинского уезда Уфимской губернии, затем учебные заведения открываются в с. Бакалы, д. Савалеево, Ильтени и других.

Большое внимание уделялось укреплению кадров духовенства. Указом Синода от 13 ноября 1880 г. в целях усиления надзора «в среде татар-кряшен предписано открыть вакансии помощников настоятелей в приходах Бакалинском, Килеевском Белебеевского уезда, Лякинском, Афанасовском и Останковском Мензелинского уезда». В 1885 г. были выделены дополнительные штаты приходских церквей для крещёных татар и башкир в 21 селе, для чего из казны поступало ежегодно по 440 руб. на приход. На совещании архиереев православных епархий Поволжья и Приуралья, проведенном в 1886 г. в Казани, отмечалось особое значение переводов православной литературы на языки местных народов и желательность проведения богослужения в кряшенских сёлах на двух языках (русском и местном). Предлагалось ввести в состав предметов в Уфимской семинарии углублённый курс этнографии, языков и религии тюркских народов края. В ответ Синод отправил в Уфимскую епархию в конце 1880-х – начале 1890-х гг. десятки словарей, грамматик и Евангелий на татарском и чувашском языках¹.

В 1897 г. по инициативе епископа Иустина Полянского в Уфе было создано епархиальное братство «Воскресение Христово», главной целью которого было усиление православного миссионерства. В речи на открытии братства епископ Иустин сказал: «Православная церковь всегда и везде есть церковь воинствующая»². В состав братства вошло всё духовенство епархии, что должно было, по мнению владыки, сделать миссию делом обязательным для любого прихода или монастыря. Однако радикального перелома в православном миссионерстве так и не произошло. За 1878–1904 гг. было крещено всего лишь около 900 мусульман Уфимской губернии, 9/10 из которых принадлежали к татарскому этносу. Из 108 тыс. чел. всего крещёного (православные – нерусские) населения Уфимской епархии на 1904 г. бывших мусульман насчитывалось только 28%. Основную массу составляли прежние язычники угро-финны (марийцы, удмурты, мордва) и тюрки (чуваши). Православное миссионерство, к началу XX в. практически не имевшее никаких силовых способов воздействия, могло использовать лишь агитацию и убеждение.

Либерализация религиозной политики Российской империи, наступившая в 1905 г., привела к отходу от православия и возвращению к вере предков. Только за 1905–

¹ Сергеев Ю.Н. Ислам и христианство в Уфимской губернии: характер взаимоотношений (1878–1905) // Религия в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1999. С. 117–118.

² Уфимские епархиальные ведомости. 1897. № 1. С. 2.

1909 г. в ислам вернулось 937 кряшенских семей (4501 чел.). Процесс перехода в ислам принял массовый характер среди татар Мензелинского и Белебеевского уездов Уфимской губернии. «Предки отпавших были обращены в православие много лет назад, но настолько плохо усвоили православную веру, что их дети уже тайно исповедовали ислам», – говорилось в материалах административного расследования¹. Православная церковь была поставлена перед необходимостью перестройки своей миссионерской работы. Определённый импульс миссионерство в Уфимской епархии получило в годы управления архиерейской кафедрой епископа Андрея Ухтомского (1913–1920 гг.). Он осуществил в большинстве новокрещенских приходов переход к двуязычию в богослужении, основал миссионерский журнал «Заволжский летописец». В 1914 г. епископ получил помощника – архимандрита Николая Ипатова в качестве руководителя Уфимского миссионерского комитета, для агитации стали привлекаться жёны духовенства и учительницы церковно-приходских школ². Делу миссии содействовало учреждённое в 1915 г. «Восточно-русское общество», целью которого являлось «подробное изучение местного края и его населения, проведение в жизнь начального христианского просвещения и христианской культуры»³. Наиболее активными миссионерами епархии были священники С. Матвеев, П. Шлёнкин, Ф. Стрелков, П. Белоусов, А. Даньев, псаломщик В. Макаров. К 1913 г. новокрещёны жили в 206 сёлах епархии (127 805 чел.), чуваша – 71 243, татары – 46 414, мордва – 4500, марийцы – 3939, удмурты – 1709 чел.⁴

Духовенство Уфимской епархии активно занималось благотворительной деятельностью, особенно в годы войн и природных бедствий. Так, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в епархии активно собирали тёплые вещи, медикаменты, постельные принадлежности, чай, сахар, кисеты с табаком, перевязочные материалы для лазаретов и раненых воинов. А денежные пожертвования монастырей и приходов позволили сформировать и оснастить санитарный отряд в июле 1877 г.⁵ Уфимское духовенство оказывало помощь своим коллегам из Болгарии, собирая иконы, богослужебную литературу, предметы культа, за что получило благодарственную телеграмму от софийского митрополита Мелетия в 1882 г.⁶

В годы русско-японской войны 1904–1905 гг. духовенство края собирало пожертвования на нужды Красного Креста. В Уфе действовал распорядительный комитет по оказанию помощи семьям воинов и инвалидам. Ещё более значимая помощь государству была оказана духовенством Уфимской епархии в годы Первой мировой войны. Женские монастыри шили постельное и нательное бельё, халаты, вязали носки и варежки, шили кисеты для табака. Для детей воинов и сирот открылись монастырские приюты в Михайлово-Архангельском женском монастыре (на 15 девочек-сирот), Мензелинском Пророко-Ильинском (на 30 чел.), Покровском Стерлитамакского уез-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 831. Л. 5.

² Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 33. С. 957, 961.

³ Там же. № 29. С. 872.

⁴ Там же. 1914. № 18. С. 333.

⁵ Латыпова В.В. Об участии русской православной Церкви в общественной жизни Уфимской губернии во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Исторический опыт развития духовной культуры Башкортостана: тенденции, современность, перспективы. Уфа, 1992. С. 229.

⁶ Уфимские епархиальные ведомости. 1882. № 7. С. 224.

да (25), Уфимском Благовещенском (45), Камско-Берёзовском Бирского уезда (20), Георгиевском Бирского уезда (на 25 чел.). Мужские монастыри епархии выделяли помещения под лазареты для раненых и выздоравливающих воинов. Так, Златоустовский Воскресенский единоверческий монастырь выделил 10 мест для некурящих и холостых солдат, Владимирский Уфимского уезда – 20 мест, включая хлебное довольствие, отопление и освещение помещения, Алексеевский Стерлитамакского уезда два места с полным содержанием и др.

Выздоровливающих воинов принимали отдельные приходы и частные лица. Так, священник с. Зириклы Белебеевского уезда А. Васильев принял двух выздоравливающих, причт с. Ново-Константиновка – 6 человек, в с. Шаровка попечительским советом был организован целый лазарет на 10 мест. В 1915 г. лазареты были открыты при церковно-приходских школах в Уфе (Благовещенской монастырской и Успенской приходской)¹.

Церковная благотворительность распространялась на беженцев, для помощи которым 21 ноября 1915 г. в Уфе был открыт отдел Всероссийского общества попечения о беженцах под председательством епископа Андрея. Помещения для проживания беженцев предоставили Архиерейский дом, Бирский Свято-Троицкий и Мензелинский Пророко-Ильинский женские монастыри, кусекеевская церковно-приходская школа Бирского уезда, уфимская приходская школа Александро-Невской церкви².

Представители православного духовенства Уфимской епархии приняли непосредственное участие в военных действиях в годы Первой мировой войны в качестве полковых священников или младших офицеров. В январе 1917 г. в сражении на р. Шаре в Белоруссии погиб благочинный дивизии А.П. Холмогоров, который во время русско-японской войны был гарнизонным священником Порт-Артура³. Ротными командирами в званиях от прапорщика до подпоручика служили уфимские семинаристы С. Николаев, В. Орлов, И. Первозванский, С. Матюшкин и другие, а Н. Воецкий служил в русском экспедиционном корпусе во Франции⁴.

Во время сильного голода 1891 г. Уфимский епархиальный комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая, созданный 29 сентября 1891 г., к февралю 1892 г. собрал 31 138 руб. 14 коп., из которых 13485 руб. 4 коп. тут же выдал в качестве пособий для голодающих⁵. В США было закуплено 200 пуд. муки для бесплатной столовой, открытой при Уфимском Благовещенском монастыре 24 февраля 1892 г. Там ежедневно кормили 100 детей и 50 женщин, отпускали на дом хлеб и картофельный суп⁶. Аналогичные столовые были открыты при Бирском Свято-Троицком женском монастыре (на 80–100 чел.), Мензелинском Пророко-Ильинском женском монастыре (на 130 чел.), Уфимском Успенском мужском монастыре. В Ар-

¹ Васильева О.В. Благотворительная деятельность духовенства в годы I мировой войны // Религия в Башкортостане: история и современность. С. 33–34.

² Там же. С. 35.

³ Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 10. С. 260.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–13.

⁵ Уфимские епархиальные ведомости. 1892. № 2. С. 9; № 4. С. 88.

⁶ Сергеев Ю.Н. Благовещенский женский монастырь. Очерки истории (1826–1929). Уфа, 2006. С. 45.

хиерейском доме раздавался бесплатный хлеб по карточкам с декабря 1891 г.¹ Помощь православного духовенства спасла во время голода сотни людей.

В епархии велась борьба с пьянством. При приходских церквях создавались братства трезвости, особенно активные при Успенской и Казанско-Богородской церквях Уфы. Члены братств вели беседы с прихожанами о вреде алкоголя, выступали с лекциями, снабжали приход литературой нравственного содержания. В 1895 г. под патронажем епархии было основано Уфимское попечительство о народной трезвости. Заметную активность Уфимская епархия проявляла и в сфере народного просвещения, имелась собственная сеть начальных церковно-приходских школ (140 в 1885, 358 в 1905 г.), в которых обучалось в 1905 г. 14 732 чел. Учителями служили священники, диаконы, псаломщики, иногда их жёны².

Начальное профессиональное образование духовенство получало в Уфе в духовном училище, где к 1860 г. обучался 81 чел.³ В 1873 г. Уфимское училище было превращено в пятиклассное с годичным курсом в каждом, с 1912 г. – шестиклассное. В конце XIX в. в нём училось 244 чел., имелось три библиотеки (3899 книг в 1910 г.), к 1917 г. занималось около 270 чел.⁴

Среднее специальное образование духовенству давала Уфимская семинария. В 1873 г. она стала шестиклассной (4 года общеобразовательные курсы, 2 – богословские), с 1912 г. семинария преобразована в четырёхклассную. В 1898 г. здесь обучался 181 чел., в 1913 г. – 214. В апреле 1912 г. при ней открылся церковно-археологический комитет по охране и регистрации церковных древностей Уфимской епархии⁵. Среди преподавателей семинарии и училища работали серьёзные исследователи, занимавшиеся церковным краеведением (И.Е. Златоверховников, К. Херувимов, Е. Зефиров), интересные краеведческие работы выпустили некоторые приходские священники (С.Б. Матвеев, М. Васильев, иеродиакон Дионисий, Н. Модестов, В. Сперанский)⁶.

Второй, по численности, христианской конфессией в Уфимской губернии было **старообрядчество**, существовавшее на Южном Урале с начала XVIII в. Многолетние усилия государства в борьбе с расколом привели лишь к появлению *единоверия*, компромиссного варианта православия, в котором, при организационном подчинении священства официальному епископату, допускалась служба по старинным богослужебным книгам с соблюдением всех старообрядческих культовых особенностей.

Численность единоверцев была невелика, к 1 января 1915 г. из 1,5 млн православных Уфимской губернии единоверцев имелось всего 7100 чел., тогда как старообрядцев – 23 984 чел.⁷ В 1914 г. единоверческие церкви действовали в Бирском уезде (с. Королёво, Куяштырь), Златоустовском (с. Александровка, Софоново, Сикияз,

¹ Уфимские епархиальные ведомости. 1892. № 9. С. 171; № 10. С. 192.

² Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период (60-90-е гг. XIX в.). М., 1994. С. 98.

³ Там же. С. 33.

⁴ Латыпова В.В. Духовное мужское училище в Уфе // Башкортостан. Краткая энциклопедия. С. 264.

⁵ Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. С. 61–62.

⁶ Сергеев Ю.Н. Вклад православного духовенства Южного Урала в культурное развитие региона (конец XVI – начало XX вв.) // История православия на Урале. Екатеринбург, 2005. С. 275.

⁷ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 8.

Кусинский и Саткинский заводы, с. Айлино, г. Златоуст), Мензелинском (с. Шуган) и Белебеевском (с. Верхне-Троицкое) уездах. В Златоустовском уезде также существовала женская Тихвинская (монашеская) община¹, а во 2-й Айлинской волости до 1917 г. действовал небольшой Воскресенский единоверческий монастырь².

Сведения о количестве старообрядцев в Уфимской губернии достаточно приближительны. По данным всеобщей переписи 1897 г. их насчитывалось 34 011 чел., или 3,4% от всего православного населения³. По другим сведениям в 1898 г. в губернии проживало 40 189 чел. сторонников «старой веры». В 1912 г. старообрядцы были зарегистрированы в 157 населённых пунктах Уфимской губернии, а общая численность (без Мензелинского уезда) составляла 39 560 чел. (Белебеевский уезд – 10 621, Бирский – 2756, Златоустовский – 7190, Уфимский – 12 105, Стерлитамакский – 6888 чел.). В значительном количестве староверы традиционно концентрировались в заводских посёлках. В 1911 г. в с. Усень-Ивановском проживало 5380 чел., Верхне-Троицком – 1610, Нижне-Троицком – 1450, Юрюзанском заводе – 1356 чел.⁴ В крае существовали отдельные старообрядческие селения, но часто имело место совместное проживание представителей разных христианских течений. Так, в с. Айлино Златоустовского уезда в 1913 г. насчитывалось 253 семьи православных, 45 единоверческих, в 37 дворах придерживались часовенного согласия, в 14 – были старообрядцы-австрийцы, в трёх – поморы⁵.

Старообрядчество состояло из множества течений (согласий, толков), делившихся на два главных направления – поповцев и беспоповцев. Среди первых сохранялся институт священства, куда включались перешедшие из официальной православной церкви, поповцы стремились создать собственную иерархическую структуру управления. Беспоповцы, считая никонианскую церковь лишённой благодати, отказались от таинств, совершавшихся священниками, и заменили священников наставниками из простых людей.

Наиболее крупной группой поповцев были сторонники *белокриницкой иерархии*. В 1852 г. белокриницкий⁷ епископ Софроний посвятил в сан епископа Уральского Виталия (Митяева), организационно подчинив ему белокриничан Южного Урала. Виталий основал тайный монастырь в Златоустовском уезде близ озера Тургояк. В 1850-е гг. в Оренбургской губернии вели миссионерскую деятельность белокриничанские монахи Серафим и Геннадий (Беляев). Последний, в сане епископа Пермского (с 1857 г.) до 1862 г. активно проповедовал в Златоусте и Миассе. Его сменил Оренбургский белокриницкий епископ Константин (Коровин)⁶.

¹ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С. 102, 119–120, 137–138, 153.

² См.: *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002. С. 17.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38 (староверы и уклоняющиеся от православия).

⁴ *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002. С. 30, 40, 61.

⁵ ЗГАО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 613. Л. 1–7.

⁶ Название от с. Белая Криница (территория Австрийской империи), откуда второе наименование – австрийцы.

⁷ Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 142–147.

По данным Уфимского губернского правления (1912 г.) наиболее крупные белокрыницкие приходы располагались в Златоустовском и Белебеевском уездах. Община Кусинского завода насчитывала 515 чел., имелся храм, где служили священник и два псаломщика, община города Златоуста состояла из 370 чел., был храм; в с. Усень-Ивановском проживало 362 белокрыничан, было два молитвенных дома. Крупные общины существовали в Стерлитамакском уезде (Стерлитамак – 196 чел., д. Садовка – 320). Всего белокрыничане этого уезда имели 4 храма и даже одну школу.

Другим крупным старообрядческим течением поповцев, не принявших белокрыницкой иерархии, были *беглопоповцы*. Так стали именовать поповцев, которые в 1846 г. отказались подчиняться власти первого белокрыницкого митрополита Амвросия. Наиболее крупные общины беглопоповцев к 1912 г. действовали в Белебеевском уезде в с. Усень-Ивановское (5018 чел., 7 священников, молитвенный дом), с. Верхне-Троицкое (1590 чел., молитвенный дом), с. Нижне-Троицкое (990 чел., молитвенный дом). В Уфимском уезде большие общины беглопоповцев были в Иглинской волости (339 чел.), Благовещенской волости (234 чел.) В общей сложности беглопоповцев Уфимского уезда насчитывалось к 1912 г. 1001 чел.¹

Значительной в Уфимской епархии была численность *часовенного согласия* – старообрядческого направления, находящегося на стыке поповцев и беспоповцев, к которым оно постепенно склонялось.² Самыми крупными общинами часовенных были общины Юрюзанского завода (900 чел., молитвенный дом) и с. Айлино (242 чел., молитвенный дом) в Златоустовском уезде, где общая численность этого согласия к 1912 г. составила около 3 тыс. чел. В Уфимском уезде приверженцев часовенного согласия насчитывалось 4789 чел., было 4 наставника, 5 молитвенных домов и две школы.

Более массовым, чем все поповцы, было беспоповское направление в губернии. Оно делилось на массу толков и согласий. В Уфимской губернии в начале XX в. существовали следующие группы беспоповцев: поморское согласие, федосеевское, рябиновцы, самокрещенцы, бегуны (странники), нетовцы (спасово согласие). Центром *поморского согласия* Южного Урала был Златоуст, где община существовала с 1825 г. До 1882 г. ею руководил Т.В. Байдосов, затем В.Е. Пильнов и др.³ Златоустовские поморцы были настолько авторитетны, что стали инициаторами ряда общепоморских съездов. К 1912 г. в Уфимской губернии насчитывалось около 10 тыс. поморцев. Крупные общины поморцев располагались в Златоустовском уезде: Златоуст – 600 чел. (два молельных дома, начальная школа), Юрюзанский завод – 450 чел., с. Тастуба – 526 чел. (молельный дом), Ярославка – 139 чел., Дуван – 128 чел., Метели – 278 чел. (молельный дом)⁴. В Уфимском уезде насчитывалось 2809 поморцев с 11 наставниками и 10 молельными домами (в Уфе проживало 673 чел., была молельня)⁵. Наставниками уфимской общины поморцев служили П.И. Белов (1908–1912 гг.), Я.А. Кривошеин (1912–1914), М.Ф. Шалупов (с 1914 г.)⁶. В Стерлитамакском и Бирском уездах группы поморцев были невелики.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 906. Л. 3 об.–31.

² Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. С. 87–88.

³ Там же. С. 21.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 906. Л. 4–6.

⁵ Там же. Д. 614. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 1666. Л. 7–9.

Значительным по численности своих последователей в Уфимской губернии было *спасово согласие* (нетовцы). Центр нетовцев располагался в с. Помряскино Стерлитамакского уезда (687 чел., 3 молевных дома). Небольшие группы нетовцев жили по хуторам, располагались в с. Дмитриевка (47 чел), Мелеуз (33), Осиповка (139). В Уфимском уезде численность спасовцев к 1912 г. составила 417 человек с 1 наставником. Группы спасовцев в Бирском (55 чел.) и Белебеевском уездах были незначительны¹. В Уфе и уезде проживали группы *федосеевского согласия* (49 чел., главным образом в Уфе, молежня была в Нижегородке². Также федосеевцы проживали в Новотроицкой волости Бирского уезда и пос. Шакарла Златоустовского уезда.

Странники – бегуны были зарегистрированы в Златоустовском уезде (122 чел. в с. Ново-Петропавловском, Усть-Икинском, Шакарла, Емаши), *рябиновцы* в Стерлитамакском уезде (с. Мелеуз и хутора), там же *самокрещёны* (с. Воскресенское, Александровка). Из менее известных течений в Уфимской губернии присутствовали *согласие животворящего креста* с центром в Благовещенском заводе (2231 чел., молитвенный дом). В Нагаевской волости Уфимского уезда существовал близкий к ним толк *Гладкого креста* с наставником и молитвенным домом (160 чел.)³.

Государство и господствующая православная церковь делили старообрядцев на три группы: «приемлющих священство, не приемлющих священство, но приемлющих браки и молящихся за царя, и не приемлющих браки и не молящихся за царя». Хотя все старообрядцы подвергались административному давлению и полицейским преследованиям, особенно жёстко это проводилось в отношении последней группы. Виновных в распространении существующих старообрядческих и сектантских учений, а также в заведении новых сект приговаривали к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение. В отношении совратившихся предусматривалось только увещание и вразумление духовным начальством⁴.

Начиная с 1860-х гг. в отношении старообрядчества проводилась некоторая либерализация законодательства. Старообрядцы получили право свободно заниматься торговлей, заведением фабрик и мастерских. Поповцы и ряд беспоповских направлений могли учреждать школы грамотности под контролем Министерства народного просвещения. С согласия губернатора разрешалось ремонтировать обветшавшие молитвенные здания, иногда открывать новые. Старообрядцы вели почти «подпольный образ жизни, но с разрешения официальных властей»⁵.

Несмотря на либерализацию, губернские власти совместно с епархиальным духовенством продолжали преследования старообрядческих общин. За священнослужителями и наставниками старообрядческих общин был установлен постоянный надзор, запрещалось без согласия полиции покидать место жительства. В августе 1870 г. был закрыт и разгромлен монастырь белокрыницкой иерархии возле Кусинского завода

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 829. Л. 149; Д. 906. Л. 21, 31.

² Там же. Д. 614. Л. 6.

³ Там же. Д. 906. Л. 29, 31.

⁴ *Ершова О.П.* Развитие законодательной системы в области раскола в 50–60 гг. XIX в. // Старообрядчество. История. Традиции. Современность. М., 1995. Вып. 2. С. 27.

⁵ *Ершова О.П.* Роль МВД в формировании государственной политики в отношении старообрядчества в 60-е гг. XIX в. // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1996. Вып. 5. С. 29.

Златоустовского уезда¹. Лишь после принятия 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» старообрядчество формально уравнили в правах с православием. Разрешалось легальное устройство скитов и монастырей, свободное отправление духовных треб, устройство начальных школ, признавались браки между старообрядцами и православными. В дополнение, указом от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» был определён порядок образования и регистрации общин, для чего прежде всего требовалось разрешение губернатора или градоначальника с последующей регистрацией общины в реестре губернского правления. После этого общины получали право избирать духовных лиц, настоятелей или наставников, сооружать новые молитвенные дома, учреждать школы, приобретать недвижимость. Губернаторы обязаны были рассматривать прошения в течение двух месяцев и при наличии необходимых документов на их регистрацию давать разрешение².

В результате послаблений в церковной политике правительства в крае начался подъём старообрядчества. В 1907–1915 гг. были поданы сотни прошений о регистрации общин и наставников. Так, в ноябре 1908 г. получила регистрацию Казанская старообрядческая община белокриницкой иерархии в Уфе во главе со священником Е.Т. Иванушкиным³. В октябре 1907 г. стала легально существовать община Животворящего креста на Благовещенском заводе во главе с настоятелем И.С. Белкиным⁴. К 1909 г. в Уфе насчитывалось уже 8 старообрядческих общин (поморская, две спасовские, австрийская, федосеевская, филипповская, даниловская и согласия Гладкого креста)⁵. После 1912 г. регистрация замедлилась, стали появляться отказы властей. Так, в августе–декабре 1913 г. дважды отклонялось утверждение на должность наставника общины поморского согласия Уфы В.И. Куликова⁶. Тем не менее, старообрядчество было легализовано.

Значительной группой христианского населения Уфимской губернии были представители «старого русского сектантства» – молокане, духоборы, христоверы и стоявшие особняком субботники и скопцы. Эти группы сформировались в ходе самостоятельного осмысления народными массами Библии и поисков раннехристианских идеалов. Наиболее крупной сектой в губернии были *молокане*. Они компактно проживали в Белебеевском (265 чел., пос. Раевка, Максимовка и др. Альшеевской волости), где имели молитвенный дом, и Стерлитамакском (230 чел., пос. Толстовский и Новиковский, хутора) уездах. К 1912 г. в губернии насчитывалось молокан 1361 чел.⁷ Из других групп выделялись *монтане-беседники (хлысты)*. Они проживали в д. Николаевка, Александровка, пос. Раевка Белебеевского, д. Львовка Стерлитамакского уезда (всего 77 чел.). Во главе общины монтан-беседников в начале XX в. стояла

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1048. Л. 7.

² Юрчикова А.Ю. Указ 17 апреля 1905 г. // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1995. Вып. 3. С. 19.

³ Сергеев Ю.Н. Из истории закрытия Казанской старообрядческой церкви в Уфе // Старообрядчество. М., 1997. С. 169.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 802. Л. 1.

⁵ Данилко Е.С. Указ. соч. С. 59–60.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 956. Л. 7–9.

⁷ Там же. Д. 906. Л. 55.

бывшая игуменья Раковского монастыря Самарской губернии Анастасия Кузьминична. Она именовалась в общине «богородица –тётенька».¹ Молокане и хлысты прибыли в край из Нижнего Поволжья.

Секта *субботников* (жидовствующих) лишь формально может быть отнесена к христианским течениям. Это скорее русский вариант иудаизма. К 1912–1913 гг. в Уфимской губернии их насчитывалось 350 чел., компактно проживавших в Стерлитамакском уезде (333 чел., д. Ивановка и Петровка Фёдоровской волости)². В 1914–1915 гг. субботники указанных деревень во главе с Д. Костригиным и С. Вершининым пытались зарегистрировать свою общину, но получили отказ³. Особняком стояли *скопцы*, которых к 1912–1913 гг. в Уфимской губернии насчитывалось 295 чел. (Уфа – 129, Уфимский уезд – 111, Стерлитамакский – 52 и др.). Губернская администрация активно боролась со скопчеством. Так, в 1872 г. крупная группа скопцов во главе с «пророком» Е. Лопуховым была обнаружена в Златоусте. Следствие, длившееся до 1878 г., выявило филиалы секты «на заводах Илек и Миньяр, в деревнях Бианки, Ярославка, на заводах Кусинском, Саткинском, в ряде мест Бирского, Троицкого и Челябинского уездов, в г. Уральске, в Пермской губернии в г. Екатеринбурге, Кунгуре, селе Кыштым»⁴. «Пророк» и главные «оскопители» были навечно сосланы в Сибирь, остальные члены секты отправлены на «увещевание» по окрестным монастырям⁵. Местное православное духовенство даже выпустило брошюру о скопцах и методике миссионерства у них⁶.

К началу XX в. на территории Уфимской губернии также проживали последователи христианских западноевропейских церквей и течений. После подавления польских восстаний сюда ссылали поляков-*католиков*. Так, в 1860-е гг. более двух десятков польских ксендзов находились в административной ссылке в Уфе и Бирске⁷. В Уфимской губернии к 1870 г. насчитывалось 769 католиков (573 мужчин, 196 женщин). Крупные общины католиков были в Уфе (416 чел.) и Бирске (58 чел.)⁸. По национальному составу $\frac{3}{4}$ католиков были поляками, остальные – немцы. Христианские требы католическое население губернии получало от священника из Оренбурга, который посещал Уфу, Златоуст, Бирск и Белебей раз в году. По просьбе уфимских католиков в декабре 1863 г. в одном из частных домов была открыта часовня в честь Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии⁹. В 1890 г. в Уфе была построена новая часовня в честь Воздвижения Креста Господня, приписанная к римско-католическому приходу Златоуста, в котором католический храм был построен ещё в середине XIX в. Настоятелями (капелланами) часовни (потом костёла) в Уфе слу-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 906. Л. 95.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1071. Л. 4, 17.

⁴ Там же. Д. 1112. Л. 29, 70.

⁵ *Сергеев Ю.Н.* Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале (конек XVII – начало XX в.) // Башкирский край. Уфа, 1993. Вып. 3. С. 36.

⁶ *Диаконов А.* Новоскопчество как особое направление в скопчестве, его краткая история, культ и основные положения вероучения с приложением разбора и обличения их. Уфа, 1914.

⁷ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 547.

⁸ Там же. Д. 890. Л. 4 об. – 5.

⁹ Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. С. 75.

жили ксендзы Л. Мацкевич (1894–1900) и др.¹ К 1897 г. в Уфимской губернии проживало 1288 католиков², в основном поляки и латыши, немного было немцев. Учащимся римско-католического вероисповедования с 1916 г. велось преподавание Закона Божия по своей конфессии в двух женских гимназиях, реальном училище и частной мужской гимназии Уфы.

Наиболее крупной из протестантских деноминаций Уфимской губернии были *лютеране*, которых к 1870 г. насчитывалось 547 чел., они компактно проживали в Златоусте (332 чел., имелась кирха), Уфе (82) и Стерлигамакском уезде (64 чел.)³. По сведениям всеобщей переписи 1897 г. в губернии насчитывалось 4482 лютеранина⁴, в 1908 г. в – 6490⁵. В январе 1910 г. была построена вторая в губернии кирха – в Уфе (пастор И. Недель, 1910–1917 гг.), в приходе которой состояло 95 немцев, 26 латышей, 12 эстонцев и 1 русский⁶. Кирхи в Златоусте и Уфе функционировали и в годы Первой мировой войны. Лютеранский молельный дом имелся в Стерлитамаке.

Меннониты на территории Уфимской губернии зафиксированы с начала 1890-х гг. По данным 1897 г. в губернии проживало 308 меннонитов⁷. К 1915 г. их численность возросла до 1115 душ (Белебеевский уезд – 837 чел., Бирский – 195, Уфимский – 83). Действовали три молитвенных дома, а крупнейшей меннонитской общиной была Давлекановская, где имелся духовный старшина и 10 проповедников⁸. Долгое время духовным старшиной меннонитов губернии являлся К.Г. Фридрихсен (с 1910 г.)⁹.

Достаточно значительными были в крае группы *евангельских христиан и баптистов*, догматически очень близких. Власти их практически не отличали, именуя всех «штундо-баптистами». Первая община евангельских христиан была основана в 1899 г. немецким проповедником Бинбаумом в д. Сосновке Белебеевского уезда. Баптисты отмечены к 1900 г. в Уфе и немецких хуторах Иглинской волости Уфимского уезда¹⁰. К 1912 г. в Уфимской губернии насчитывало 623 «штундо-баптиста»¹¹. Крупнейшие общины баптистов находились в Уфе и латышских хуторах Иглинской волости, а евангельских христиан – в Давлеканово и д. Шаровка Белебеевского уезда. Баптисты и евангельские христиане отличались многонациональным составом, в их рядах были латыши, немцы, украинцы, эстонцы, русские. Лидерами в начале XX в. выступали

¹ Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. С. 76; *Симонов В.В.* Католическая церковь в Башкирии. Уфа, 2003. С. 9–11.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 890. Л. 4 об.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38.

⁵ *Сергеев Ю.Н.* Из истории лютеран в Башкирии // Запад–Россия. Исторический опыт взаимодействия и взаимовлияния. Уфа, 1999. С. 41.

⁶ Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. С. 71.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38 (баптистов было 78 чел.).

⁸ *Григорьев Д.В.* Немцы Башкортостана в конце XIX–XX вв. Уфа, 2003. С. 186.

⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1183. Л. 2–4.

¹⁰ См.: *Симонов В.В.* История голландцев (меннонитов) в Башкирии // История христианства и деятельность небольших христианских церквей в Башкирии. Уфа, 2004.

¹¹ *Сергеев Ю.Н.* Протестантизм в Башкирии: история и современное состояние // Христианство и ислам на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 193.

Д.С. Ольшанский (1909–1913 гг.) – пресвитер Шаровской общины евангельских христиан, М.Э. Крузе (1909–1911 гг.) – наставник Балтийской баптистской общины Иглинской волости, Э.Ф. Крикшев-Сиполин (1911–1914 гг.) – наставник Скимской общины баптистов Архангельской волости, К.С. Кестер – с 1911 г. наставник баптистов Иглинской волости. Имелось 4 молитвенных дома¹.

По данным всеобщей переписи 1897 г. в Уфимской губернии также проживали отдельные представители армяно-грегорианской (16 чел.) и армяно-католической (двое) церквей².

В целом, во второй половине XIX – начале XX вв. для Уфимской губернии был характерен рост численности и религиозной активности старообрядческих групп и различных христианских сект, проникновение в край новых конфессиональных направлений (протестантизм и др.) при абсолютном господстве Русской православной церкви. Увеличивалось количество храмов, в мирных формах продолжалась миссионерская деятельность, епархия постепенно пыталась изменять свою деятельности, приспособляясь к новым условиям (свобода совести с 1905 г., отказ от государственного принуждения в религиозной сфере, нарастающая конкуренция других христианских течений, формирование в городской среде атеистических настроений).

§ 3. Язычество в крае

Конфессиональная ситуация в Башкортостане во второй половине XIX – начале XX вв. отличалась уникальной особенностью. В крае проживало значительное количество населения, сохранявшего языческие верования. Это были марийцы – «последние язычники Европы», а также удмурты и небольшое число чувашей. Большая часть местных марийцев и удмуртов в начале XX в. оставались язычниками, среди чувашей их было около 8%³. Во время всероссийской переписи 1897 г. регистрировались «лица прочих нехристианских вероисповеданий», куда включались главным образом язычники. Таковых в Уфимской губернии насчитывалось 98 208 чел., из них в Бирском уезде – 83 720 чел., или 85% общего количества⁴. Подавляющее большинство язычников проживало на севере Башкортостана, где была сосредоточена основная часть марийцев и удмуртов. В соседней Казанской губернии лиц «остальных нехристианских исповеданий» (без мусульман) в 1897 г. было всего 12 474 чел.⁵ На исторической родине марийцы преимущественно приняли православие. По официальным данным к 1 января 1915 г. язычников в Уфимской губернии насчитывалось 134 497 чел.⁶ По удельному весу язычников во всём населении Башкортостан занимал уникальное положение, являясь самым языческим регионом во всей Европе.

¹ См.: *Сергеев Ю.Н.* Протестантизм в Башкирии: история и современное состояние // Христианство и ислам на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 193.; *Сергеев Ю.Н.* Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.). Уфа, 1998. С. 16–17.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38–39.

³ См.: Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 662.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38–39.

⁵ Там же. XIV. Казанская губерния. 1904. С. 98–99.

⁶ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 8.

Такое положение объяснялось своеобразием исторического развития. Прибывшие в Башкортостан ещё в XVII–XVIII вв. переселенцы из поволжских народов бежали от насильственного крещения и, расселившись среди лесов Северного Башкортостана, они долгое время оставались вне досягаемости православных миссионеров. Древние языческие верования соответствовали уровню социально-экономического развития общинного, патриархального крестьянства. Кроме того, в обстановке многонационального, смешанного расселения язычество выступало важным фактором этнической идентификации, отличавшей их от соседних народов. Среди марийцев и удмуртов сохранялось убеждение, что перемена веры есть преступление, которое не останется без наказания, ведь «деды и отцы клятвою завещали соблюдать все обряды и почитать богов, иначе марийцы должны погибнуть».

Сохранению языческой веры в значительной степени способствовало наличие **исламского фактора**. Так, в феврале 1854 г. в Белебеевский, Бирский и Мензелинский уезды Оренбургской губернии, являющиеся основным местом проживания язычников, по распоряжению Святейшего Синода с целью «назидания и поучения идолопоклонников» было командировано одиннадцать священников. Однако миссия завершилась полным провалом. Оренбургский епископ вынужден был отозвать священников, и приказал прекратить всякие действия со стороны духовенства относительно обращения язычников в православие, так как пропаганда встретила сильное противодействие не столько язычников, сколько со стороны мусульман. Местное начальство посчитало, что «миссионерские действия этих священников при настоящем положении политических дел (шла Крымская война с мусульманской Турцией – *авт.*), возбуждающие естественно различные толки между магометанами, не могли не произвести на них неблагоприятное впечатление, возрождая мысль, что правительство намерено отрешить всех магометан в христианство». Поэтому, «при настроенном фанатическом состоянии у иноверцев, проповедь идолопоклонникам может иметь невыгодные последствия, сколько для успеха в самом просвещении язычников, столько же и для сохранения спокойствия среди мусульман»¹. Марийцы и удмурты-язычники, входившие в сословие тептярей, находились в составе Башкирского войска на правах военных прилущенников и тем самым оказались ограждёнными «исламским барьером» от давления со стороны государства в религиозных вопросах.

Во второй половине XIX – начале XX вв. приобщение марийцев и удмуртов к христианству продолжалось. Основным направлением деятельности правительства стало открытие миссионерских школ (в 1865 г. в марийском селе Чураево Бирского уезда, в которую привлекали детей из близлежащих деревень, в 1893 г. учреждена Ишимовская инородческая школа и др.). Учеников старались склонить к принятию православия, что приносило определённый эффект. Именно из желания получения образования перешел в христианство Г.Г. Кармазин – известный марийский учёный и литератор, в язычестве К. Ибаев из д. Ишимово². Были другие случаи перемены марийцами веры и отказа от язычества в пользу православия³.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6770. Л. 20 об., 45.

² Зайнаев Г. Кутлукай Ибаев, сын черемисина // Мишкан – песнь моя. Йошкар-Ола, 1998. С. 240.

³ Напр., в 1913 г. в Уфимском губернском правлении рассматривалось дела о «перечислении» из язычества в православие марийца д. Тиктем В. Николаева и А. Семенкина из с. Никольского (ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 967, 968, 970; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 553).

В Уфимском и Белебеевском уездах язычество испытывало сильное влияние ислама. Нередко марийцы переходили из язычества в магометанство¹. Исследователь П. Ерусланов в 1895 г. отмечал, что «белебеевские черемисы находятся на рубеже перехода в магометанство». Он обратил внимание на утрату отдельных языческих обрядов и божеств, указал на значительные изменения или искажения в них, замену башкирскими праздниками. В ряде деревень «черемисы почти все омагометанились»². В конце XIX в. принимают ислам многие язычники-чуваши Белебеевского уезда³.

Таким образом, язычество марийцев и удмуртов во второй половине XIX – начале XX вв. испытывало сильное воздействие со стороны двух мировых религий: христианства (православия) и ислама. Однако, несмотря на отдельные факты смены веры, основная часть языческого населения сохраняла свои древние обычаи и традиции. В условиях конфессиональной конкуренции происходит своеобразное укрепление язычества, в процессе культурного взаимодействия оно трансформировалось, усваивались новые формы.

Язычество марийцев и удмуртов состояло в обоготворении таинственных сил и явлений природы. Общим было представление о разделении мира на три основные части: верхнюю – небо, место обитания высших богов, среднюю – землю людей и большинства духов, и нижнюю – подземный загробный мир – мир умерших, или мир душ, также имеющих своих начальников и старших. Мировой осью, связующим звеном между землёй, подземным миром и небом служило дерево⁴.

Основу марийского и удмуртского язычества составляла вера во множество богов, божеств, духов и различных мифологических существ, олицетворяющих различные силы природы. Хотя в воззрениях марийцев мир духов делится на высших и низших, строгая иерархия отсутствовала. К высшим духам относятся боги – Юмо, живущие на небе⁵. Творцом мира и человека, вседержителем у марийцев считается Добрый великий бог – Поро кугу Юмо, которому молятся прежде всего. Он сотворил небо, землю и всё, что видит человек⁶.

К группе главных божеств можно отнести Бога богов (управляющего всеми подчиненными богами), Бога предопределяющего (Пуйыршо Юмо – помощник верховного бога, исполнитель его поручений, в книге которого при рождении человека записывается его будущая судьба), Бога определяющего ход жизни, Пигамбара – курьера верховного бога, постоянно разъезжающего по земле и собирающего сведения, защитник человека и домашнего скота от дикого зверя. Природные явления олицетворяли боги грома, ветров и воды – Вуд Он – владыка водяного мира⁷. Жизнь людей зависела в первую очередь от Бога неба – Кава Юмо, живущего отдельно от других богов в глубинах воздуха, властвующего над человеческими болезнями и нуждами.

¹ Напр., в 1914 г. из язычества в магометанство перешли марийцы д. Сакты Белебеевского уезда Ш. Тахбеков и Ш. Шахмуратов (ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 977).

² Ерусланов П. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнографическое обозрение. 1897. №1. С. 326–328.

³ Ягафова Е.А. Исламизация чувашей во второй половине XIX – начале XX в. по материалам ЦГИА РБ // Археография Южного Урала. Уфа, 2004. С. 245.

⁴ Калчев Ю.А. Об астральных представлениях марийцев // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1994. С. 21.

⁵ Васильев В.М. Материал для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск, 1927. С. 16–17.

⁶ См.: Филоненко В. Праздник «Кусо» у восточных черемис // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1912. № 7.

⁷ Маторин Н.М. Религия у народов Волжско-камского края прежде и теперь. М., 1929. С. 53.

У марийских женщин существовал свой пантеон, в первую очередь Мать богинь – Юмын Ава, управляющая всеми остальными богинями. От неё зависит продолжительность человеческой жизни. Особым почитанием отличались Мать солнца, охраняющая от болезней и дающая людям здоровье, Мать земли и богини луны, судьб, детородия, счастья и богатства. Урожай от бури охраняла богиня ветра. При божеествах состояли особые ангелы или докладчики о людских молитвах и просьбах (ангел-хранитель, Азырен – ангел смерти, Большой ангел на весь свет и др.)¹.

Особое место в языческой религии марийцев занимали низшие духи – добрые и злые, подобные человеку, но превосходящие его силой и могуществом, способные проникать в любой предмет, обращаться в животных, населять горы, леса, болота и воды. Языческое поклонение духам и божеествам возникло из почитания умерших предков. Смерть рассматривалась как переход бессмертной человеческой души в загробный мир, делившийся у восточных марийцев на светлую (рай) и тёмную (ад) половину. От ислама перешло представление о переходе души по узкому мостику из ниток (у удмуртов) или тонкой жердочке (у марийцев) через котел с кипящей серой или огненную пропасть, куда падали души грешников².

Усопшие продолжали нуждаться в житейских предметах, для удовлетворения их потребностей в язычестве сложился развитый поминальный культ, включавший частные и общественные родовые поминки³. К ним относилось поминовение утумов – забытых предков, проводившееся раз в сорок лет. Утумы – забытые покойники, от слова утум (уто) – лишний, не нужный. Считалось, что утумы, не получая от живых потомков ничего и, доведённые до крайней степени истощения, невидимо являются всей своей массой, опустошают поля, «выедают посевы» и таким образом производят неурожай. За вторую половину XIX – начало XX вв. поминовение утумов было проведено лишь один раз – в 1894 г. Тяжёлые бедствия, обрушившиеся на крестьянство края – неурожай 1891 г. и эпидемия холеры 1892–1893 гг. – марийцами были приписаны именно утумам и им повсеместно приносились обильные жертвы⁴.

К духам человеческого происхождения марийцы относили злых духов – кереметей*. Поэтому нужно заботиться об их кормлении и обязательно приносить им жертвоприношения, которые лишь на время задобряют злого духа. Затем он опять начинает приносить бедствия и неурожай и требовать новых даров⁵. Жертвы духам и божеествам приносились сначала в лесу, на определённых полянах под большими деревьями, обычно возле ручья. Когда леса были вырублены, места жертвоприношений остались как запретные островки среди распаханых полей. Так возникли священные рощи марийцев, зачаток храма – ото, огороженные иногда деревянными пряслами.

¹ Филоненко В. Указ. соч. С. 230–231.

² Васильев В.М. Материал для изучения верований и обрядов народа мари. С. 116.

³ Маторин Н.М. Указ. соч. С. 38.

⁴ См.: Ерусланов П. Жертвоприношения черемис Бирского уезда (Уф. губ.) по случаю неурожая // Известия Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Оренбург, 1894. Вып. 4. С. 9–19.

* Также словом «керемет» восточные марийцы называют не только злых душ предков-духов человеческого происхождения, но и одновременно родовых духов-покровителей.

⁵ Маторин Н.М. Указ. соч. С. 41.

По свидетельству современника, побывавшего на марийском молении в 1896 г., в рощу все должны были заходить обязательно в лаптях, в сапогах никого не пускали. В ото соблюдалась величайшая чистота, за этим следили специальные люди. Осквернение рощи, рубка священного дерева по воззрениям марийцев караются гневом богов, насылающих болезни или смерть.

Существовали священные рощи семейно-родовые, частные и общественные. В семейно-родовых (керемет – священное дерево) жертвоприношения приносились каким-либо одним родом своему духу-покровителю. Частные рощи обычно обслуживали одну деревню, там приносили жертву в случае болезни скота, неурожаев. В общественных рощах жертвоприношения приносились раз в три года или по особым случаям: засухе, массовом падеже скота, эпидемии. Существовали особо известные и почитаемые рощи, которые служили сборным молитвенным пунктом марийцев, привлекавшие тысячи людей из различных уездов¹. Отметим, что восточные марийцы не теряли религиозных связей с луговыми марийцами, которые даже будучи новокрещёнными, сохраняли приверженность языческой религии и не раз участвовали в общемарийских молениях. Например, в священную рощу у с. Сернур Уржумского уезда Вятской губернии в конце XIX в. приходили марийцы из Казанской губернии и Бирского уезда².

Хранителями языческой религии являлись старики, письменной традиции не было, всё передавалось устно. Общественными молениями и жертвоприношениями у марийцев обычно руководили жрецы – карты, они следили за священными рощами. Во второй половине XIX в. под влиянием ислама их нередко стали называть молами. При выборе в жрецы избирали не того, кто более грамотен или сведущ в вере, а кто умеет «много и хорошо просить». Карты выполняли также целый ряд административно-хозяйственных функций в общине, по их указаниям производились вывозка навоза на поля, начало пашни и сева. Но языческое жречество – карты – не обособилось в отдельную группу со своей организацией³.

Языческая религиозная обрядность находилась в строгом соответствии с аграрным циклом. Перед началом ярового сева проводился праздник поля или сохи и плуга. Марийцы на моление собирались в особом мольбище вблизи деревни со своеобразным алтарём – три соединенные бревна, направленные на восток. Перед сенокосом происходило большое летнее моление, продолжавшееся одну–две недели⁴, во время которого запрещалось работать. Под влиянием ислама любую молитву восточные марийцы начинали с возгласа «Бисмилла – Господи благослови» а заканчивали, становясь на колени, – амен. Летом проводились моления о дожде и другие.

¹ Маторин Н.М. Указ. соч. С. 46–48.

² Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 221.

³ Маторин Н.М. Указ. соч. С. 48, 61–62; Ерусланов П. Жертвоприношения черемис Бирского уезда по случаю неурожая. С. 12; Мендияров Г. О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. 1894. № 3. С. 45.

⁴ В 1912 г. на таком молении в д. Курманасво Чураевской волости присутствовал В. Филоненко. По его описанию праздник продолжался 9 дней, в молениях участвовали жители 25 деревень, а религиозными обрядами руководило 12 молл. С верующих было собрано много денег на приобретение животных, предназначенных в жертву богам, которым принесли 7 лошадей, 9 коров, 7 баранов и гуся. См.: В. Филоненко. Праздник «Кюсе» у восточных черемис // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1912, № 7–8.

Язычество удмуртов. В конце XIX – начале XX вв. основная часть удмуртов Башкортостана также являлась приверженцами своих традиционных верований¹. По данным переписи 1897 г. 20 920 из 22 501 удмурта Уфимской губернии (или 89%) исповедовали языческую веру. Остальные придерживались православия (1176 чел., 9,2%) или мусульманства (405 чел., 1,8%). Подавляющее большинство удмуртов-язычников было сосредоточено в Бирском уезде – 20 442 чел., остальные – 474 чел. – находились в Уфимском уезде².

Кроме Башкортостана небольшие группы удмуртов-язычников проживали в Пермской (6092 чел.), Казанской (2253 чел.), Вятской (1958 чел.) и Самарской (264 чел.) губерниях³. Несмотря на малочисленность, язычество продолжало оказывать большое влияние на крещёных удмуртов⁴.

Удмурты-язычники Уфимской губернии называли себя «настоящими удмуртами» (чын удмуртьёс), в отличие от принявших христианство. Переселение своих предков на земли башкир они объясняли исключительно стремлением сохранить свою веру, желанием избежать христианизации, «благодаря чему и осталась горсть некрещёных вотяков»⁵.

Традиционная религия удмуртов характеризовалась развитостью и сложностью, в то же время не представляя собой единую кодифицированную систему, а проявлялась во множестве локальных форм, имеющих незначительные различия в культовой практике. По свидетельству современника, у вотяков язычников «религиозные обряды устно передаются от одного к другому, и в них замечается значительная разница почти в каждой волости»⁶.

Удмурты почитали верховного бога Инмара, бога земли, бога «произрастания хлебов» и др. Особым почитанием пользовалось злое божество Луд или Керемет, в честь которого устраивали особые умиловительные жертвоприношения. Более нижнюю ступень в иерархии занимали различные духи природных стихий, а также покровители «домашнего» пространства.

В религии удмуртов можно выделить три комплекса культов: аграрные, воршудно-родовые, семейные. Аграрные культы были призваны способствовать успеху в земледельческом труде. Главным их носителем была сельская община, которая следила за выполнением всевозможных жертвоприношений, совершавшихся в начале и в конце основных сельскохозяйственных работ. Воршудно-родовые культы связаны с почитанием воршудов – покровителей рода. В год проводилось 2–3 крупных моле-

¹ См.: Садиков Р.Р. Традиционные верования закамских удмуртов: историография проблемы // Этнографическое обозрение. 2006. № 2; Он же. Крещёные закамские удмурты: проблемы этнической и конфессиональной идентичности // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М., 2006.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. VII, VIII, 45, 49, 53.

³ Isimoto K., Stremeski J. Subcontractors' monograph of the Votyak (Udmurt). New Hawen, 1955. P. 106.

⁴ История Удмуртии. Конец XIX – начало XX в. Ижевск, 2004. С. 522.

⁵ Макаров В. Краткое описание жизни и верований язычников вотяков Бирского уезда // Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 578.

⁶ См.: Комов А.Ф. Вотяки середины северной половины (второй стан) Бирского уезда. Этнографические очерки // Уфимские губернские ведомости. 1889. № 49.

ния в родовом святилище. Семейные культы связаны с почитанием умерших предков, к которым обращались за поддержкой их ныне живущие потомки.

Для почитания богов и духов были выработаны различные обряды, которые совершались выборными служителями культа – вöсья, куриськись. Старшему жрецу прислуживали помощники, отвечавшие за жертвенный огонь и забой животных. Обряды, связанные с почитанием предков совершались старшими членами семей. Служители культа имели специальную ритуальную одежду: белый кафтан и белую войлочную шляпу.

Религиозные ритуалы и жертвоприношения совершались в специально отведенных местах. В каждой деревне имелись священные рощи: Бадзым вöсь и Керемет, где приносились жертвы Инмару и Луду. Определенные моления, связанные с земледельческим трудом совершались на полях. Средоточием культа воршуда являлась куала – бревенчатая постройка с крышей без пола, потолка и окон, с открытым каменным очагом по середине. Обряды почитания предков проводились дома у печи.

Удмурты имели сложную религиозную организацию. Жители нескольких деревень, обычно связанные общим происхождением, объединялись в крупную религиозную общину – мер, мёр. Раз в год проводились крупные моления такой общины – Мер/Мёр вöсь. Как отмечал И.Н. Смирнов, «в настоящее время мэр'ы сохранились в Бирском уезде и означают союзы нескольких деревень, связанных общими жертвоприношениями. Семь деревень соседних с Варяжем, например, составляют мэр»¹. Существовало также объединение всех удмуртов-язычников Уфимской и Пермской губерний – эль, которое проводило свои моления – Элен вöсь. По замечанию К. Яковлева, «это богомоление – самое торжественное, так как этот праздник считается праздником всех вотяков Бирского и Осинского уездов. Местом жертвоприношения служат три деревни: Старо-Варяшево Кызыльяровской вол. Бирского уезда, Алтаево Ваньш-Алпаутовской вол. того же уезда и Сухо-Кырги Больше-Гондырской вол. Осинского уезда. В одно лето жертвоприношение происходит только в одной из деревень, а в остальных – уже в следующие годы»². Жители одной деревни составляли более мелкую общину, которая проводила моления. Свообразными религиозными единицами являлись воршудно-родовые объединения и родственники по отцовской линии.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. среди марийцев и удмуртов Башкортостана язычество, находясь в окружении двух мировых религий, продолжало удерживать сильные позиции, оставаясь основой народной культуры и этнической самобытности.

В Башкортостане на рубеже XIX–XX вв. также проживали лица, исповедовавшие другие религии. Представители немногочисленной еврейской диаспоры (625 чел. в 1889 г.) добились в 1896 г. разрешения на открытие в Уфе синагоги, во главе которой стоял избираемый верующими и утверждаемый властями раввин (Г. Левитан, М.И. Аптекарь, Ш.А. Богин и др.). Иудаистские общины имелись также в Иглино,

¹ Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. VIII. Вып. 2. Казань, 1890. С. 171.

² Яковлев К. Верования и религиозные обряды вотяков Бирского и Осинского уездов // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 6–7. С. 263.

Давлеканово, Стерлитамаке, Белебее, Бирске и Златоусте¹. К началу Первой мировой войны в Уфимской губернии насчитывалось 1912 евреев². По данным всеобщей переписи 1897 г. в крае жили отдельные караимы (11 чел.), буддисты и ламаисты (двое)³.

Таким образом, к началу XX в. Башкортостан являлся одним из самых поликонфессиональных регионов Российской империи. Помимо численно преобладавших мусульманства и православного христианства, здесь проживало большое количество язычников, старообрядцев, представители иных религиозных течений. За столетия совместного проживания среди местного населения выработались устойчивые традиции толерантного, уважительного отношения к иноверцам, признания их прав на свободу вероисповедания. Даже официально «первенствующая» православная церковь в лице Уфимско-Мензелинской епархии фактически отказалась от силовых методов крещения, используя, как и ислам, только мирные формы вербовки новых сторонников. Оказавшиеся между двумя мировыми религиями язычники активно создавали собственные протоконфессиональные структуры для сопротивления миссионерскому натиску с обеих сторон и сохранения своей социокультурной самобытности.

Исторический многовековой опыт совместного проживания на территории Башкортостана различных этноконфессиональных общностей сформировал в рядовых массах и региональной элите определённую систему межнационального и межрелигиозного сосуществования без вмешательства во внутренние дела соседей, признания их прав на культурную автономию в самом широком смысле. Несмотря на все сложности экономического и политического развития региона во второй половине XIX – начале XX вв. никаких сколько-нибудь существенных конфликтов на конфессиональной почве в крае не происходило.

¹ Шкурко Э.А. Очерки истории евреев Башкортостана. Уфа, 1999. С. 25, 204–205.

² Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 8.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 38–39.

§ 1. Развитие революции в крае в 1905 г.

В начале XX в. Российская империя переживала один из самых сложных этапов своей истории. Ускоренная модернизация, быстрое развитие промышленности, складывание среднего класса происходило на фоне кризиса традиционной общинной деревни и архаичной организации самодержавной государственной власти. Не оправдались надежды либеральной общественности на нового императора, Николай II (1894–1917 гг.) упрямо продолжал консервативный курс своего отца – Александра III, хотя обстановка в стране стремительно менялась. Катализатором революционного взрыва стала бессмысленная русско-японская война 1904–1905 гг. После патриотического подъема первых месяцев, страна была потрясена огромными жертвами и непрерывными поражениями российских армии и флота, бездарностью военного командования, плохой организацией снабжения. Среди разных слоёв населения распространялись антиправительственные и антивоенные настроения.

Либеральные круги (земство, интеллигенция, предприниматели) начинают открыто требовать конституционных реформ. В конце 1904 г. в стране разворачивается подача петиций на имя императора. Уфимские либералы также отправляли прошения. Чувствуя слабость власти и всеобщий подъём, они выдвигали требования основных буржуазных свобод и пересмотра положения о земствах в пользу расширения его полномочий¹.

Оппозиционные идеи открыто высказывало губернское земство. На состоявшихся в Уфе очередных сессиях земских собраний развернулось противоборство власти и либеральной общественности. Администрация и предводитель дворянства, по должности председательствовавший в собраниях, пытались не допустить обсуждения вопросов общегосударственного значения. Но уже 7 января 1905 г. во время первого заседания была проведена антиправительственная демонстрация. Группой неизвестной молодёжи численностью около 10–12 чел. в зале были разбросаны прокламации «Ко всем гражданам». После чего губернатор потребовал либо закрыть двери для публики, либо поместить наряд полиции. Председатель собрания князь А.А. Кугушев

¹ Куреева О.А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX веков (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Уфа; Стерлитамак, 2003. С. 68, 82.

категорически возражал против подобных мер и был вынужден отправить телеграмму министру внутренних дел. После получения рекомендаций, на заседания публика стала допускаться только по билетам, а в вестибюле поставили пять городских. Вскоре работа была продолжена, специальная комиссия подготовила адрес Николаю II по случаю рождения цесаревича Алексея, носивший верноподданнический характер только по форме. Содержание его составляли либеральные требования, созыв народного представительства и др.

В конце заседаний, 4 февраля 1905 г. председатель управы П.Ф. Коропачинский выступил с инициативой возбудить ходатайство о пересмотре земского положения на принципах всеословности, расширения полномочий, предоставления самостоятельности, причём реформой должны были заниматься сами представители земств¹. Таким образом, земцы Уфимской губернии в январе–феврале 1905 г. открыто выступили с реформаторской программой, повторявшей их прежние требования.

Расстрел манифестации рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. и начало первой российской революции оказали двойственное воздействие на уфимскую либеральную общественность. Кроме продолжавшейся оппозиционности и противостояния власти губернатора, начались разногласия внутри земства. Радикализация требований масс отпугивала умеренных деятелей. На земских собраниях в июле–сентябре 1905 г., как правило, происходили столкновения с администрацией, а также между либералами и консерваторами. Например, летом 1905 г. уфимский губернатор накануне открытия очередного земского собрания прислал на имя председателя управы П.Ф. Коропачинского предупреждение о недопустимости противодействия правительственным распоряжениям. Уфимские гласные в ответ заявили, что не нуждаются в нравоучениях относительно их долга и обязанностей². Российская либеральная общественность повышала свои требования. Летние сессии земских собраний 1905 г. поистине были чрезвычайными. Правительство, полностью растерявшись, отправило губернаторам два взаимоисключающих документа. Постановлением Совета министров в мае 1905 г. земствам разрешалось обсуждать вопросы касающиеся «усовершенствования государственного благосостояния», а циркуляр МВД предписывал не допускать на заседания земских служащих, членов комиссий и других «посторонних лиц». В Уфе председательствующие прерывали ораторов по любому поводу, а губернатор изощрялся в придириках и пытался запретить сессии³.

Дворянское собрание также высказывалось за либеральные реформы. 1 августа 1905 г. было отправлено ходатайство в Совет министров об отмене положения об усиленной охране. Кроме того, в телеграмме содержались резолюции, принятые собранием. Они содержали требование срочных преобразований в области государственного устройства (всеобщих равных выборов, свободы слова, народного представительства и т. д.)⁴.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 140. Л. 50; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1905. Д. 1350, ч. 56. Л. 1–8.

² Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Уфа, 1915. Т. I. С. 42.

³ Земское самоуправление в России, 1864–1918. М., 2005. Кн. 2. С. 24.

⁴ Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. I. С. 131.

Общественно-политический кризис способствовал росту популярности леворадикальных настроений в обществе. В крае действовали различные кружки и группы социалистов-революционеров и социал-демократов. Все они занимались в основном пропагандой среди рабочих, учащейся молодежи, служащих. Небывалый подъем общественной жизни сделал возможным сотрудничество революционеров всех направлений, вместе они проводили стачки и демонстрации. Весной 1905 г. сложилась уфимская организация эсеров, тесно связанная с поволжским союзом партии. Они вели пропаганду среди городских жителей и крестьян, имелась издательская группа.

Социальный состав эсеров не был однороден. В начале революции большинство составляла интеллигенция, абсолютно преобладая среди активных членов, доминируя во всех комитетах и руководстве кружков. Лишь в немногих организациях, где были сильны рабочие союзы, их представители входили в комитеты. В Уфе в 1905 г. численность эсеров составляла около 350–400 чел.¹ Городской комитет пользовался популярностью среди учителей, приказчиков, учащихся, служащих железной дороги, почты и телеграфа. Эсеры имели определенное влияние среди рабочих мелких предприятий, кустарей и ремесленников. В Уфе ими был создан партийный рабочий союз².

Наиболее активными в крае были социал-демократы, среди которых доминировали сторонники радикального (большевистского) течения. В феврале 1905 г. была восстановлена уфимская организация РСДРП, которую возглавили В.Ю. Фридолин (Дашин), В.В. Авдеев (Кибардин), С.С. Протопопов (Чёрный)³. Делегаты из Уфы в начале 1905 г. присутствовали на второй областной конференции РСДРП. Всего в социал-демократической организации в Уфе состояло не более 200 членов⁴. Они вели пропаганду на горных заводах губернии (Усть-Катавском, Катав-Ивановском, Юрюзанском и др.)⁵. В начале 1905 г. при уфимском комитете РСДРП была создана группа башкирских и татарских социал-демократов во главе с Х. Ямашевым и Г. Сайфутдиновым. Она распространяла среди мусульманского населения прокламации на тюрко-татарском языке, которые издавались на гектографе со специальным арабским шрифтом. Уфимская организация РСДРП выпустила листовки на русском («Ко всем гражданам») и татарском языках («К мусульманам»), о сборе средств в поддержку петербургских рабочих. Однако до октября 1905 г. своей типографии у уфимской организации РСДРП не было⁶.

Становление антиправительственного подполья в крае происходило в условиях острейшего политического кризиса. Начало 1905 г. выделяется невиданным ранее размахом рабочего движения в Уфимской губернии. В связи с трагическими событиями 9 января на Дворцовой площади Петербурга («Кровавое воскресенье»), в Уфе 12 января был организован митинг, собравший около 200 чел. 19 января в уфимских железнодорожных мастерских прошёл митинг, на котором присутствовало около

¹ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 172, 451.

² *Катугович И.С.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С. 57.

³ *Мельников Ф.Е.* Западный Урал в революции 1905–1907 гг. Пермь, 1946. С. 59.

⁴ Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. Челябинск, 1972. С. 92.

⁵ Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. 1883–1920 гг. С. 34.

⁶ Национальные движения в период первой революции в России. Чебоксары, 1935. С. 158; *Габитова Р.Х.* Деятельность большевиков среди башкирского и татарского населения Уфимской губернии в период первой российской революции // Башкирия в революции 1905–1907 гг. Уфа, 1987. С. 41.

2000 рабочих, был организован сбор средств в пользу семей погибших 9 января в Санкт-Петербурге. 14 февраля забастовали 140 рабочих мукомольной мельницы П.И. Костерина. Подъем общественного и забастовочного движения происходит весной–летом 1905 г. 31 марта в уфимском Обществе вспоможения частному труду на собрании приказчиков торговых предприятий было решено требовать 8-часового рабочего дня и, в случае отказа, объявить забастовку в ближайшие дни. Работники многих других частных заведений и контор требовали от своих хозяев повышения платы и других уступок¹.

Революционные силы перешли к открытым выступлениям. В Уфе 1 мая 1905 г. за городом прошла большая демонстрация. Около мужского монастыря в 3–4 часа дня собралось до 200 чел., преимущественно молодежь: учащиеся гимназии и землемерного училища, студенты, рабочие, среди них были и женщины. «Проезжавшего мимо полицмейстера толпа встретила шумом и выкриками – «Долой самодержавие, долой Царя, долой полицию, долой полицмейстера!» и выстрелами вверх из револьверов. После этого демонстранты двинулись по направлению к Уфе. Заранее подготовленные полиция и солдаты встретили их у города, при попытке окружить колонну большинство участников митинга разбежалось. Было арестовано около 50 чел.²

Реакцией революционного подполья стал теракт против высшего руководителя края. Ночью 3 мая 1905 г. в летнем театре Видинеева во время антракта на уфимского губернатора И.Н. Соколовского было совершено покушение. Член боевой дружины эсеров три раза выстрелил из браунинга. Убегая, боевик произвел четвертый выстрел в полицмейстера, но ранил одного из прохожих, а затем скрылся из сада. На помощь губернатору одним из первых прибыл врач С.А. Каплан (известный своими либеральными взглядами), но раненый И.Н. Соколовский закричал, увидев его: «Уберите этого мерзавца!»³. Несмотря на все усилия полиции, террористы не были найдены.

С каждым днём набирала силу революционная пропаганда. Борьба с распространением прокламаций, выпускавшихся подпольем, отнимала много сил и времени у жандармерии и полиции. Городовые специально передевались в гражданскую одежду и патрулировали ночью центральные улицы города, чтобы поймать разбрасывателей прокламаций. Помимо регулярной пропаганды среди рабочих и служащих, революционеры вели агитацию среди войск, направлявшихся на Дальний Восток, что вызывало крайнее беспокойство администрации⁴. В начале июня 1905 г. министр внутренних дел объявил Уфимскую губернию на положении усиленной охраны. Многие сразу подверглись арестам за незаконные «сходбища» и ношение оружия⁵.

Крупнейшим событием стала забастовка в депо и железнодорожных мастерских станции Уфа. Накануне социал-демократы вели агитацию за проведение всеобщей стачки, а на собрании железнодорожников 20 июня распространили листовку, в которой выдвигался лозунг о всеобщей забастовке. 5 июля 1905 г. 2200 чел. прекратили работу, заявив, что после разработки требований они предъявят их администрации

¹ Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии. М.; Л., 1941. С. 96.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

³ Там же. Д. 135. Л. 747–757; Капцугович И.С. Указ. соч. С. 53.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 134. Л. 547; НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 64. Л. 112.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1905. 4, 22 июня, 1 июля.

дороги. В ответ был закрыт железнодорожный клуб, организована охрана пути и станционной территории войсками, из Самары просили выслать ещё две роты солдат. Со следующего дня движение поездов происходило под охраной войск, но на третьи сутки запас готовых паровозов был исчерпан и движение прекратилось. Рабочие мастерских и депо предъявили свои требования по отдельности. Железнодорожники настаивали на установлении 8-часового рабочего дня, увеличении зарплаты на 50–75%, выдаче пособий на время болезни, ограничении труда малолетних, а также требовали объявить неприкосновенность забастовщиков и сохранить им зарплату, гарантировать свободу собраний и печати. Часть требований администрации пришлось удовлетворить, и работа была возобновлена¹.

Вскоре также забастовали рабочие завода Гутмана, мастерских Фролова, чаеразвесочной фабрики «Караван», нескольких лесопилок и других промышленных заведений города. Июльская забастовка 1905 г. в Уфе стала началом целой серии стачек и забастовок по всей губернии. Например, 8 июля 400 рабочих депо Златоуста тоже объявили стачку. В августе начали забастовку телеграфисты всех станций Самаро-Златоустовской железной дороги².

Губернская администрация никогда прежде не сталкивалась со столь масштабными выступлениями народных масс и революционным движением – забастовками, митингами, революционной пропагандой, покушением на высших должностных лиц края, нараставшей оппозиционностью общественных объединений. В такой сложной обстановке управление краем было фактически парализовано. После покушения раненый губернатор И.Н. Соколовский уехал, новым уфимским губернатором высочайшим указом от 27 июня 1905 г. был назначен смоленский вице-губернатор действительный статский советник Болеслав Павлович Цехановецкий, который 16 июля прибыл в Уфу³.

Башкортостан в период подъёма революции (вторая половина 1905 г.). К осени 1905 г. в стране проявилось открытое противостояние политических сил, сформировались три лагеря: правительственный, либерально-буржуазный и революционный. На более высокий уровень перешло забастовочное движение – октябрьская политическая стачка охватила основные промышленные центры и железные дороги страны (7–25 октября 1905 г.). Не стала исключением и Уфа, где 7 октября прекратили работу в железнодорожных мастерских, депо и на станции. 12–15 октября к забастовке присоединились рабочие других предприятий Уфы, почтово-телеграфные работники, служащие учреждений, приказчики. Забастовка приобрела всеобщий характер. Были выдвинуты экономические (установление 8-часового рабочего дня и т. д.) и политические требования (созыв учредительного собрания, провозглашение демократических свобод и др.)⁴. Экономическая жизнь города замерла, остановилась торговля, что вызвало естественное недовольство части населения, обвинявших в сложив-

¹ Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 20; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 84; ЦГИА РБ. И-187. Оп. 1. Д. 111. Л. 2–4 об.; Д. 112. Л. 293; *Габдулхаков Р.Б.* Леворадикальные партии на Урале между двумя буржуазно-демократическими революциями (1900–февраль 1917). М., 2003. С. 158.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 111. Л. 2, 54, 55.

³ Уфимские губернские ведомости. 1905. 8, 19 июля.

⁴ Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. С. 157.

шейся ситуации революционеров, студентов и интеллигенцию. Обстановка в городе в октябре 1905 г. была крайне беспокойная, «повсюду ходили патрули, для поддержания внешнего порядка... А так как администрация почты и телеграфа была в особенности мишенью угроз и поползновений со стороны стачечников», властям пришлось организовать специальную конную перевозку почты внутри губернии и тщательно следить за телеграфными линиями¹.

Основная заслуга в организации рабочего движения принадлежала социал-демократическим и эсеровским организациям, их революционной пропаганде, сделавшей значительные успехи. Помимо устной агитации (листовки изготовлялись на гектографе только в Уфе и Златоусте), в октябре 1905 г. уфимский комитет РСДРП, наконец, налаживает свою нелегальную типографию и начинает массово тиражировать агитационную литературу. В октябре – ноябре издаются прокламации «Что делать дальше?», «Ко всем», «К тёмным людям», «Граждане», «Чёрная сотня», «От матроса к солдату» и др. В штаб пропаганды превратился клуб Общества вспоможения частному труду. По всей губернии во множестве распространялись печатные и гектографированные (на русском и тюрко-татарском языках) прокламации, издававшиеся также Уральским, Самарским, Казанским и другими комитетами РСДРП².

Октябрьская забастовка железнодорожников в Уфе имела важнейшее значение и потребовала личного вмешательства нового губернатора. Во время русско-японской войны Самаро-Златоустовская магистраль и вся полоса отчуждения подчинялась командующему войсками Казанского округа, а беспрепятственное прохождение грузов по железной дороге в Сибирь и на Дальний Восток имело стратегическое значение. 14 октября 1905 г. губернатор Б.П. Цехановецкий отправился в железнодорожные мастерские, где выступил перед многочисленным собранием бастовавших рабочих. Б.П. Цехановецкий пытался отговорить митингующих от похода в город, поскольку проведение незаконной демонстрации привело бы к столкновению с войсками и полицией. Он заверил рабочих, что будет всеми силами способствовать мирному разрешению конфликта. На собрании губернатор столкнулся в дискуссии с «профессиональным агитатором Николаем Ивановичем» [Елькиным], также выступавшим перед рабочими. Однако, часть забастовщиков решила участвовать в демонстрации и двинулась в город. Возле улицы Достоевской они были остановлены отрядом солдат и конной полицией, угрожавших в случае дальнейшего движения открыть огонь. После предупреждения часть демонстрантов разбежалась, другие вернулись назад и около сада Общества трезвости разошлись. Чтобы не допустить обострения обстановки, Б.П. Цехановецкий 16 октября, по соглашению с военной властью и железнодорожной жандармерией, принял решение ввести в мастерские войска³.

Забастовка железнодорожников задержала в Уфе несколько сот пассажиров, по большей части прибывших из уездов на пароходах, чтобы пересесть на поезда. В го-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 7 об.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 112. Л. 3; *Кийков А.* Из былого Урала. Материалы по истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье (1905–1916 гг.). Уфа, 1923. С. 68.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 5; *Габдулхаков Р.Б.* Указ. соч. С. 185. Сад Общества трезвости – ныне парк им. И. Якутова; Елькин (Элькин, Элькинд) А.Я., социал-демократ (большевик), с осени 1905 г. член Уфимского комитета РСДРП, один из организаторов Совета рабочих депутатов (Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 686).

родском управлении им раздавали денежную помощь, и губернатор сам был вынужден встречаться с десятками посетителей: его «тормошила толпа челобитчиков, путешественников и солдатских жён, которых нельзя было не принимать»¹. Обстановка в городе была напряжённая, но после опубликования манифеста Николая II от 17 октября Всероссийская политическая стачка прекратилась. Оставалась бастовать ещё несколько дней только железная дорога.

Октябрьские события привели к активизации консервативных политических сил. Союз Русских людей призвал к созданию по всей стране приходских комитетов порядка. Все верноподданные жители должны были собраться в церквях, избирать комитеты и предложить священникам превратить храмы в опорные пункты монархистов². В Уфе такими центрами стали Вокзальная (Никольская) и Симеоновская церкви. Священник последней – Н. Афанасьев – 17 октября на площади перед храмом, недалеко от железнодорожных мастерских, проводил проповедь и во время молебна пятеро революционеров стали смеяться над молившимися. В результате произошла драка, полиции с трудом удалось восстановить порядок. Похожие происшествия прошли и в других частях города³. Критика царя и церкви воспринимались консервативной частью общества как прямое оскорбление патриотических и религиозных чувств, усугубляя ущемлённое поражением в русско-японской войне национальное самолюбие. Внутренняя смута воспринималась как одна из причин поражения и ухудшения экономического положения. Многие горожане были недовольны политикой губернатора-«поляка».

Утром 18 октября Б.П. Цехановецкий получил официальную телеграмму с текстом «Высочайшего Манифеста», который он сразу направил в типографию «с приказом отпечатать, как можно больше экземпляров для распространения в народе этого государственного акта»⁴. На пороге губернаторского дома появилось несколько людей с просьбой показать Манифест. Как только в городе узнали, что губернатор раздаёт манифест, у здания собралась толпа и Б.П. Цехановецкому пришлось лично раздать всю огромную пачку со свежотпечатанным документом. При этом масса вела себя очень шумно, люди вырывали друг у друга листы и радостно кричали, некоторые пришли с красными флагами. Губернатору пришлось дать своё согласие на немедленное освобождение всех политических заключённых, не состоявших под следствием и освобождение которых зависело от администрации. 18 октября Б.П. Цехановецкий на совещании с губернским прокурором и офицером, исполнявшим обязанности заболевшего жандармского начальника, решил немедленно освободить всех политических заключённых, не состоявших под следствием⁵.

Полученное известие о царском манифесте, в котором провозглашались основные гражданские свободы, было воспринято неоднозначно. Православное духовенство отнеслось к нему крайне неодобрительно. Священниками была даже командирована специальная депутация к губернатору с целью удостовериться, что опубликованный

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 19.

² Степанов С.А. Чёрная сотня в России. 1905–1914 гг. М., 1992. С. 42.

³ Максимов К.В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905–1917 гг.). Уфа, 2003. С. 13–14.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 16; Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. С. 164.

документ не фальшивка. В уфимских железнодорожных мастерских группа монархистов сначала не давала прочесть манифест и даже избила привезшего его из города рабочего. Обстановка в городе вышла из-под контроля власти.

Так, в течение 18 октября произошло несколько столкновений демократически настроенных манифестантов с полицией и солдатами, нападение неизвестных лиц на прохожих (несколько человек сильно избили), были попытки разгромить полицейские участки. Через весь город прошла демонстрация железнодорожных рабочих в несколько тысяч человек, среди которых были горожане, учащиеся, многие с красными флагами, закончившаяся митингом в Ушаковском парке. На нём выступили руководители уфимского комитета РСДРП А.И. Свищерский и А.Я. Елькин, собрание постановило начать сбор денег на оружие «для восстания». Участниками демонстрации были многие известные горожане – начальник уфимских железнодорожных мастерских инженер В.Д. Лопатто, железнодорожный врач И.М. Шефтель, городской голова А.А. Малеев и др.¹ Толпа после митинга собирается у губернаторского дома, находившегося рядом с парком, и по требованию демонстрантов Б.П. Цехановецкий опять предстаёт перед уфимцами (беспрецедентная в истории края ситуация – высшее должностное лицо непрерывно выступает перед народом). Возбуждённые люди заявили губернатору о случаях избиения нескольких лиц солдатами при попустительстве полиции и потребовали смещения полицмейстера, пристава и околоточных надзирателей.

Причину столкновений жителей с военными и нападения неизвестных на мирных обывателей 15–18 октября губернатор объяснял озлобленностью солдат, считавших манифестантов причиной своей задержки в Уфе. Он заявлял, что «эти случаи послужили беспорядочным элементам (партии беспорядка) предлогом нападения на полицию и полицейские участки». Губернатору пришлось пообещать провести тщательное расследование «этих побоищ» и отстранить причастных к событиям околоточных надзирателей и полицмейстера, гарантировать безопасность революционеров и разрешить проведение демонстраций в течение трёх дней. Губернатор «всё обещал» и кланялся толпе. При этом Б.П. Цехановецкий считал, что народу неясен смысл манифеста и в разгар кризиса это «сводит обывателей с ума». Ситуация для властей осложнялась тем, что не было инструкций о публичных манифестациях, ранее запрещённых². Действия губернатора поддерживались некоторыми крупными чиновниками, например, начальником жандармского управления, который был согласен с подобной тактикой и считал, что «крутые действия губернатора могли бы вызвать столкновения манифестантов с войсками и полицией», а губернатор заставил толпу успокоиться и разойтись³.

В тот же день, 18 октября, прошло заседание Уфимской городской думы, на котором главным был вопрос о сохранении правопорядка. Предлагалось создать организацию общественной безопасности из разных слоёв общества в виде народной милиции, поскольку даже крайне умеренные горожане были категорически против поли-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 112. Л. 26–28.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 12, 51; 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башрееспублика). Уфа, 1925. С. 14.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 112. Л. 26.

ции¹. Под влиянием присутствовавших на заседании посторонних лиц, дума постановила поручить управление городом комитету общественной безопасности. Однако эти решения не были исполнены, а протокол губернская администрация аннулировала как незаконный².

Наконец, 19 октября 1905 г. около 3 тыс. чел. собралось на митинг в Ушаковском парке Уфы. От собрания к губернатору явились два делегата, которые просили его лично выйти к народу и объяснить какие меры принимаются для обеспечения безопасности жителей. Губернатор выступил перед собравшимися и обещал со следующего дня закрыть винные лавки и направить по всему городу патрули с целью разгонять уличные сборища³. Значительную роль в октябрьские дни сыграл профсоюз железнодорожников, организации которого возникли на всех крупных станциях Самаро-Златоустовской железной дороги. Благодаря ему забастовки везде начинались одновременно, производя на власть ошеломляющий эффект. В Уфу на помощь местному стачечному комитету 13 октября прибыл «революционный поезд» из Самары, члены которого сразу были арестованы, так как прошёл слух, что едет вооружённая дружина с целью захватить город. Однако, после проверки в жандармском управлении, всех делегатов отпустили, даже вернув им оружие, и вскоре они присоединились к проходившим в Уфе демонстрациям. 22 октября поезд вернулся обратно в Самару, с ним уехали делегаты линейных служащих и рабочих уфимских железнодорожных мастерских⁴.

Между тем ухудшилась экономическая обстановка в крае. Забастовки на железной дороге, промышленных и торговых предприятиях города привели к нарастанию сопротивления революционному движению со стороны консервативно настроенной части населения. В противовес «прискорбным» событиям предшествующих суток – 21 и 22 октября 1905 г. были объявлены «царскими днями», по случаю которых в церквях Уфы состоялись торжественные молебны. На Соборной площади архимандрит Андроник отслужил молебен, призывая граждан к «миру и единению», во время молебна распространялось «Воззвание святейшего синода чадам православной церкви». Консервативная часть населения выражала чувства преданности царю и благодарности за Высочайший манифест. Здесь выступал губернатор Б.П. Цехановецкий, он отрёкся от уступок революционным кругам и согласился на требования толпы восстановить в должности сотрудников полиции⁵.

На 23 октября 1905 г. была назначена ещё более внушительная манифестация. Две колонны по несколько тысяч человек с портретами царя, хоругвями, иконами и военной музыкой двинулись от двух церквей с разных концов города, чтобы соединиться у губернаторского дома. Объединённое (до 10 тыс. чел.) шествие возглавил губернатор, который довёл демонстрацию до дома муфтия (там М. Султанов произнёс речь) и потом вернулся. При возвращении части демонстрантов разыгралась тра-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 21; Деятельность большевиков Урала по революционному воспитанию народных масс в 1903–1917 годах. Челябинск, 1983. С. 72.

² Нарский И.В. Кадеты на Урале в революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1991. С. 60.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 30–31.

⁴ 1905 г. в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925. С. 144, 183, 582–583.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 33.

гедия. Во время шествия один из манифестантов случайно проткнул древком хоругви портрет Николая II, заподозренный в принадлежности к революционерам, несчастный был тут же растерзан обезумевшей толпой. Двое прохожих также были забиты на смерть, третий получил тяжёлые повреждения. Рота солдат с трудом отогнала толпу от трупов¹. Узнав об этом, губернатор позвонил в казармы, и солдаты рассеяли манифестантов. Однако, беспорядки в городе не прекратились, войска разгоняли собрания в одних частях Уфы, они возникали в других. 23 октября были разгромлены квартиры и лавки горожан на Александровской и др. улицах².

Для тихого провинциального города эти события были крайне неординарны. Беспорядки стали толчком к вооружению, созданию боевых структур в социал-демократических и эсеровских организациях. А перепуганные горожане запирались дома, и чтобы себя хоть как-то обезопасить, выставляли на окно все иконы, какие только имелись. После всех беспорядков, 24 октября 1905 г. уфимский губернатор опубликовал приказ, запрещающий любые публичные собрания на улицах³.

К концу 1905 г. кризис губернской власти становится очевидным. Отсутствие надёжной вооружённой силы и недоверие к губернатору со стороны консервативных слоёв населения лишает администрацию опоры. Б.П. Цехановецкий осаждает военного министра телеграммами, прося ускорить присылку войск, губернные власти срочно занимаются набором полицейских кадров. Городская дума 1 ноября выделяет дополнительные средства на жалованье нижним чинам полиции и содержание добавочного штата конных городских. Трудная ситуация сложилась в военных частях. К губернатору неоднократно приходили солдаты местного гарнизона, недовольные задержкой, требовавшие демобилизации и отправки домой. Б.П. Цехановецкому приходилось выступать на воинских собраниях, делать всё возможное для поддержания порядка в частях. В конце ноября в Уфу прибыли три роты пехоты из Саратова и три эскадрона казаков из Оренбурга. Слух о появлении последних «произвёл на улицу впечатление пушечного выстрела и впечатление очень полезное для общественной безопасности»⁴.

В октябре происходит быстрый рост численности членов революционных организаций. В Уфе, в клубе Общества вспоможения частному служебному труду агитаторы регулярно проводили митинги и собрания среди сочувствующих горожан. Подобные центры пропаганды возникают также в Златоусте, Миньяре, Симе, Тирляне, Белорецке и др. заводах, способствуя притоку новых членов. Только в уфимских железнодорожных мастерских осенью 1905 г. насчитывалось около 650 социал-демократов и 53 эсера⁵.

Во многих городах и заводах проходят демонстрации и митинги. Так, 20 октября, с получением известий о царском манифесте, рабочие Белорецка и Тирляна начали забастовку. Три дня предприятия бездействовали, шли непрерывные митинги. Многолюдная демонстрация состоялась в Белорецке 23 октября. Забастовки прошли на

¹ Максимов К.В. Указ. соч. С. 16–19; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 36–38.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 416. Л. 7; Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. С. 168–169; Лисовский Н.К. Долой самодержавие! Из истории революции 1905–1907 гг. на Южном Урале. Челябинск, 1975. С. 127.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 50–51; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 101.

⁵ 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башреспублика). С. 22.

Усть-Катавском, Катав-Ивановском, Саткинском, Юрюзанском, Миньярском и Бого-явленском заводах, в Златоусте, Стерлитамаке, Белебее, Бирске, ряде волостных центров и крупных сёл¹. Для администрации постоянным источником напряжения была нарастающая в ноябре революционная активность, особенно среди железнодорожников. Хотя «никаких особых волнений не было», властям стало известно, что в мастерских вытачиваются оболочки для бомб².

8 ноября 1905 г. в Уфе прошли похороны местной революционерки, убитой во время октябрьских беспорядков в Красноярске, превратившиеся в стихийную демонстрацию. 9 ноября около 700 рабочих железнодорожных мастерских под председательством токаря А.П. Олезова провели собрание, на котором добились от администрации возвращения ранее уволенных И.С. Якутова, И.Л. Мавринского и др. Рабочие фактически устанавливают контроль над предприятием и 16 ноября явочным путём вводят 8-часовой рабочий день. 26 ноября объединённое собрание рабочих мастерских и депо во главе с И.С. Якутовым выдвигает требования начальнику Самаро-Златоустовской дороги: узаконить 8-часовой рабочий день, повысить заработную плату, «ввести в законность» комиссию труда и стачечный комитет. В ответ 1 декабря 1905 г. были уволены все подписавшие требование, в том числе члены стачечного комитета (И.С. Асеев, Рауш, В.И. Хаустов и др.)³.

На Златоустовском, Кусинском и Усть-Катавском заводах также проходят организованные революционерами митинги и собрания. Так, 17 ноября рабочие Златоуста собрались на площади и потребовали, чтобы горный начальник разрешил провести митинг в зале арсенала. Горный начальник был вынужден уступить, состоялась многолюдная манифестация, а местная организация РСДРП выпустила прокламацию «Что делать дальше?». В конце ноября стачечный комитет был создан на Кусинском заводе⁴. На отдельных предприятиях (Симском, Аша-Балашовском, Катав-Ивановском и др.) выдвигались требования об увеличении заработной платы, 8-часовом рабочем дне и др. Во многих случаях администрация шла на уступки⁵.

Особое внимание в ноябре–декабре 1905 г. революционные организации Уфы обращали на агитацию в войсках, где распространялись листовки «К солдатам» и «К крестьянам»⁶. В Обществе вспоможения частному труду ежедневно проходили митинги с участием А.И. Свицерского и др.⁷ В результате революционной пропаганды значительная часть войск оказалась ненадёжной. 29 ноября уфимский губернатор доносил министру внутренних дел: «Уфа без войск. Запасные чины батальона челябинского полка заявили сегодня командиру требования о немедленном роспуске. Положение администрации в случае ухудшения обстановки будет безвыходное»⁸. Единственной вооружённой силой, на которую могли опереться местные власти, были казаки.

¹ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 76.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 111. Л. 82.

³ 25 лет первой революции. Уфа, 1930. С. 40–41; Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 92; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.

⁴ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 78.

⁵ См.: 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башреспублика) С. 8–49.

⁶ Очерки истории большевистских организаций на Южном Урале. С. 178–179, 201.

⁷ Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. С. 124.

⁸ Габдулхаков Р.Б. Указ. соч. С. 200.

Обострение общественно-политической обстановки в крае происходило на фоне очередного кризиса власти. Противоречивая позиция губернатора Б.П. Цехановецкого, стремившегося избежать насилия и умиротворить толпу, его поведение и либеральные взгляды встретили сопротивление многих чиновников губернской администрации, считавших его пособником революционного движения. В телеграммах в Санкт-Петербург они жаловались, что «со дня приезда в июле месяце губернатор вступил в тесную связь с местными революционными деятелями», «открыто объявил, что он не сторонник самодержавия, пропагандировал скорейшее ограничение власти Государя конституцией» и «пытался склонить подчинённых ему содействовать конституционным стремлениям». На митингах 18–19 октября Б.П. Цехановецкий «шествовал под развёрнутыми красными флагами», «снял шапку перед революционными знамёнами», под давлением демонстрантов «удалил от должности чинов полиции, препятствовавших революционерам»¹.

Кроме того, за губернатором следили. Правителя канцелярии губернатора, члена уфимского отдела консервативного Русского Собрания А.П. Лобунченко систематически информировали о всех действиях «хозяина губернии». Например сообщалось, что Б.П. Цехановецкий встречался с революционерами Спасским и Свицерским и «долго разговаривал с ними у себя в кабинете». Наблюдение установило, что губернатор один без охраны скрытно отлучается куда-то по ночам. Авторы телеграмм отмечали, что под покровительством Б.П. Цехановецкого в губернской типографии печатаются «прокламации, приглашающие к кровавой мести со слугами Царя», а непосредственно уличные беспорядки они видели «результатом подстрекательств Б.П. Цехановецкого городских земских деятелей». В жалобах ситуация в Уфе представлялась в катастрофическом свете, а сами авторы просили «защитить жизнь и имущества наши от вооружившихся революционеров»².

Эти послания не остались без внимания в Санкт-Петербурге, откуда срочно требовали выяснить действительную позицию губернатора в событиях в Уфе. Начальник местного жандармского управления отправил доклад в департамент полиции о событиях октября 1905 г. Он успокоил власти, заявив, что действия губернатора предотвратили «кровопролитие и толпы разошлись», а «депутации от думы, дворянства и духовенства являлись благодарить губернатора за его поведение, послужившее к предотвращению кровопролития», и также что «рабочие настроены совершенно мирно»³. В разгоревшемся конфликте между Б.П. Цехановецким и уфимским консервативным чиновничеством, победу, однако, одержали правомонархические силы. Один из уволенных служащих оказался в Москве, где 20 ноября 1905 г. на съезде Монархической партии выступил с публичным докладом о событиях в Уфе. На следующий день его речь была напечатана в «Московских ведомостях», а затем чиновника принимает министр внутренних дел П.Н. Дурново. После состоялся пятитчасовой доклад о событиях в Уфе на заседании влиятельной монархической организации Русское Собрание⁴. Скандал принял общероссийский масштаб и под давлением кон-

¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905. Д. 1350, ч. 56. Л. 46.

² ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 112. Л. 23–24, 29 и об., 31–32.

³ Там же. Д. 112. Л. 26.

⁴ Государственная измена. СПб., 1906. С. 75–76; Максимов К.В. Указ. соч. С. 20; *Stiemwedel Charles*. The 1905 Revolution in Ufa: Mass Politics, Elections, and Nationality // *Russian Review*, Vol. 59, No. 4. (Oct., 2000). P. 562–566.

сервативного общественного мнения 26 ноября 1905 г. Б.П. Цехановецкого снимают с должности губернатора и переводят из Уфы. Но назначенный новый губернатор – А.С. Ключарёв – прибудет только через месяц, в конце декабря 1905 г.

Эйфория от октябрьской победы мешала революционному сообществу видеть реальную силу правящего режима. Между тем к концу 1905 г. ситуация складывалась не в пользу оппозиции – снижался накал борьбы, значительно сокращалось число забастовщиков и участников политических стачек, укреплялась полиция, накопившая немалый опыт борьбы с подпольем. Однако революционеры считали, что новый пик противостояния с властью ещё впереди. Вооружённые столкновения происходили во многих городах России. 7 декабря 1905 г. в Москве началась политическая забастовка, которая через два дня переросла в вооружённое восстание. Революционеры через профсоюз железнодорожников имели налаженную связь со всеми городами страны и в тот же день, 7 декабря, в 3 часа дня рабочие уфимских железнодорожных мастерских и депо объявили политическую стачку. К ним присоединились рабочие завода Гутмана, учащиеся мужской гимназии и служащие городских контор. В тот же день в Златоусте бастующие железнодорожники (рабочие депо и станции) поддержали всеобщую стачку, а 8 декабря устроили демонстрацию. Организаторами выступили местные эсеры, которые 10 и 11 декабря совместно с заводскими рабочими организовали многолюдный митинг. Однако 14–15 декабря в город прибыли казаки, при помощи которых удалось провести аресты и установить контроль в городе¹.

Тем временем, 7 декабря 1905 г. в уфимских железнодорожных мастерских на базе стачечного комитета был создан Совет рабочих депутатов (около 35 чел.), председателем которого стал И.С. Якутов, также в него входили А.А. Юрьев, А.Я. Елькин и др.² 8 декабря стачечный комитет в Уфе принимает решение остановить движение поездов по Самаро-Златоустовской магистрали, за исключением эшелонов с возвращавшимся с фронта войсками. Телеграфное сообщение тоже было прервано.

9 декабря в сборочном цехе собралось около 400 рабочих и горожан. Митингующие заперли пришедшего начальника станции Беляева в конторке мастера. По распоряжению коменданта станции есаула Мандрыкина его помощник отправился в мастерские с казаками. Оставив рядовых около входа, помощник коменданта, поручик Бакулин, попытался уговорить митингующих разойтись, однако его самого арестовали и заперли в той же конторке. Затем таким же путём был задержан унтер-офицер Полетаев. Когда комендант станции с 30 солдатами и высланным ранее для охраны мастерских казачьим взводом подошёл к входу в мастерские, навстречу вышло несколько человек, которые на заявление есаула Мандрыкина о немедленном освобождении задержанных и приказе солдатам идти в сборочный цех, стали стрелять из револьверов и бросили несколько самодельных бомб, ранив 4 солдат (один впоследствии скончался). Солдаты настолько не ожидали сопротивления, что их ружья не были заряжены. Это заставило их отойти на возвышение и оттуда произвести обстрел здания мастерских. Митингующим пришлось срочно выбираться из мастерских окруж-

¹ Раинов. Р.М. Указ. соч. С. 139.

² Усманов Х.Ф. Революционная борьба в Башкирии в период всероссийской политической стачки и декабрьского вооружённого восстания 1905 г. // Башкирия в революции 1905–1907 гг. С. 28, 36; Ведерников Д.Н., Васильев С.М. Иван Степанович Якутов. Уфа, 1968. С. 55, 75; Очерки истории большевистских организаций на Урале. Ч. 1. 1883–1918 годы. Свердловск, 1951. С. 84.

ными путями. При этом было несколько раненых, убитых и замёрзших насмерть. Декабрьские события стали первым открытым вооружённым столкновением между революционерами и властью, кульминацией революционных событий 1905 г. в Уфе¹. В депо забастовка продолжалась до 17 декабря, а в мастерских работы возобновились лишь 30 декабря. Для установления контроля над стратегически важной магистралью, приказом министра внутренних дел 22 декабря 1905 г. вводится чрезвычайное положение на Самаро-Златоустовской железной дороге².

В ночь на 10 декабря в городе прошли массовые аресты, Совет прекратил существование, однако И.С. Якутову удалось скрыться. Мастерские были закрыты, во время обыска обнаружены револьверы, кинжалы, нелегальная литература, прокламации, чертежи бомб и т. д.³ Все рабочие были уволены, а их начальник В.Д. Лопатто с помощником срочно вызваны в Петербург⁴.

Забастовка привела к ухудшению материального положения рабочих-железнодорожников, многие устали от потрясений, квалифицированные высокооплачиваемые специалисты были недовольны диктатом революционеров. Для противодействия им осенью 1905 г. возникает неформальное собрание рабочих-монархистов, которое в декабре получает организационное оформление. Официальное открытие «Патриотического общества мастеровых и рабочих уфимских железнодорожных мастерских» состоялось 6 декабря 1905 г. в «день Тезоименитства Его Императорского Величества» Николая Александровича при собрании до 1200 чел., царю была отправлена телеграмма. После подавления вооружённого выступления в мастерских рабочие-монархисты активно сотрудничали с полицией и администрацией, указывали на лидеров революционеров, настаивали на скорейшем возобновлении работ. Местью революционеров стали покушения. Так, 10 декабря 1905 г. была брошена бомба в рабочего-монархиста Кудряшова. Пострадавший остался жив, хотя взрывом повредило череп и оторвало ухо. Затем был избит слесарь С. Корнеев, перешедший от революционеров к патриотам⁵.

К концу 1905 г. революционные организации превращаются из немногочисленных подпольных групп в мощные объединения. Наиболее влиятельной силой были социал-демократы, партийная структура которых в Уфе состояла из двух районных организаций: городской (около 450 чел.) и железнодорожной (до 650)⁶. В декабре организацию возглавляли И.С. Якутов, А.И. Свищерский, Л.И. Бойкова и др. Октябрьские события привели к созданию собственных вооружённых отрядов. Подготовку боевиков осенью 1905 г. возглавил приехавший из Екатеринбурга Н.Е. Вилонов⁷. Производилась закупка оружия, изготовление бомб, обучение вооружённой группы (около 200 чел.). В конце ноября 1905 г.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 101. Л. 11–12.

² *Кантимирова Р.И.* Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Стерлитамак, 2000. С. 100.

³ Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. С. 102; *Кашиц В.* Буревестники Урала. Уфа, 1973. С. 10.

⁴ ГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 662. Л. 560.

⁵ *Максимов К.В.* Указ. соч. С. 23.

⁶ Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 131; *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 28.

⁷ Очерки истории большевистских организаций на Южном Урале. С. 159; *Соколов-Новосёлов А.* Вооружённое подполье. Уфа, 1958. С. 19.

рабочая милиция была реорганизована в боевую дружину, в состав которой принимались члены партии от 16 до 35 лет. Вступавший давал клятву выполнять приказы командиров. Измена, предательство, невыполнение распоряжений во время боевых операций, разглашение тайны карались судом вплоть до расстрела. Дружина делилась отряды по специальностям: стрелки, бомбисты, сапёры, разведчики и т. д.

Комитет партии руководил дружиной через совет, куда входили тысяцкий – командующий, командиры отдельных отрядов и представитель парткома, непосредственно осуществлявший контроль над деятельностью боевой организации. Дружина имела штаб во главе с инструктором – начальником штаба. Тысяцким был избран Иван Кадомцев, инструктором стал его брат Эразм, офицер и участник русско-японской войны, представителем комитета в совете был назначен Н.Н. Накоряков. Видную роль в боевой организации играл и младший из братьев Кадомцевых – Михаил². Главной трудностью было обеспечение дружины оружием, которое, преимущественно револьверы, закупалось на пожертвования рабочих, интеллигенции, предпринимателей. Была организована мастерская по изготовлению бомб в конспиративной квартире на ул. Приютской (руководитель – И.М. Мызгин, работали В. Густомесов, В.И. Алексеев, Т.И. Шаширин и др.). Уделялось внимание военной подготовке дружинников, обучению стрелковому делу, тактике уличных боёв, изучались планы Уфы и окрестностей. В ноябре 1905 г. боевики провели экспроприацию шрифта из типографии купца Соловьёва³.

Активную деятельность вела партия социалистов-революционеров. Эсеры Вятской, Пермской и Уфимской губерний были объединены в Уральскую областную организацию. Уфимские эсеры имели кружки среди учителей, приказчиков, учащихся, опирались на поддержку служащих железной дороги, почты и телеграфа, пользовались влиянием среди рабочих мелких предприятий, кустарей и ремесленников. В Уфе был создан рабочий союз и боевая бригада. По губернии действовали отделения крестьянского союза⁴.

Первая российская революция, борьба либеральной и леворадикальной оппозиции с самодержавием не могла не затронуть крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения. Положение в деревне Башкирии в начале XX в. в целом было значительно лучше, чем в центре страны, из-за достаточно высокой обеспеченности землёй (в среднем свыше 15 дес. на двор), формирования фермерского хозяйства, на малонаселённые земли продолжался приток переселенцев. Все политические силы стремились распространить свои идеи в крестьянстве, издавая огромное количество пропагандистской литературы. Но ни одной партии в 1905 г. не удалось создать в крае сколько-нибудь массовой и устойчивой сети первичных организаций.

В деревне велась одиночная, случайная агитация. В начале 1905 г. в с. Топорнино возник небольшой кружок эсдеков, прокламации и прочая социал-демократическая литература распространялись в Зиргановской и Воскресенской волостях Стерлитамакского уезда, в с. Байки Бирского уезда учитель раздавал революционные брошю-

¹ Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы (1903–1917). М., 1974. С. 74.

² Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 106.

³ 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башреспублика). С. 135.

⁴ Очерки истории большевистских организаций на Южном Урале. С. 194.

ры, иногда полиция задерживала агитаторов. При извещении о свободах, дарованных манифестом 17 октября, в с. Кананикольское Орского уезда жители обращались к земскому начальнику с «довольно резкими замечаниями», в Дедовской волости Стерлитамакского уезда под воздействием толкований манифеста крестьяне были настроены враждебно против должностных лиц и землевладельцев. В ноябре 1905 г. крестьяне (русские и башкиры) южных волостей Стерлитамакского уезда высказывались за бойкот выборов в Государственную Думу, без сомнения, под влиянием революционеров. Впрочем, реакция на политические события была разная. В октябре жители с. Ломовка Белорецкой волости Верхнеуральского уезда не пропустили крестьянский ход с иконами и красными знамёнами, устроив побоище. В декабре 1905 г. озлобленные забастовкой железнодорожников крестьяне напали на станцию Арғаяш Челябинского уезда, пытались поджечь здание, выбили стёкла, нанесли побои начальнику¹.

Неграмотная деревня нередко воспринимала проникавшие из города идеи свободы и гражданских прав как вседозволенность, отказ от исполнения любых законов и обязанностей (прекратилась уплата налогов), безвластие, безначалие, анархическую волю личности. Согласно рапорту старосты, некий В. Бувеч в 1906 г. бежал по улицам починка Ново-Петровского Нагаевской волости Уфимского уезда с криком: «Теперь свобода! свобода слова, не признаю ни Бога, ни Царя», а затем бил окна у соседнего крестьянина². Среди сельского населения функционировали разнообразные слухи. Например, в башкирских деревнях Каракипчакских волостей Оренбургского уезда весной говорили, что при мобилизации мусульмане откажутся давать солдат и отберут землю помещиков. Распространение получают нарушения прав собственности, в первую очередь лесные порубки, хищение помещичьего, заводского, казённого леса, нередко с целью продажи. Центрами напряжённости были горнозаводские посёлки, где случались конфликты рабочих и администрации из-за земли (Белорецкая волость и др.).

В пору сельскохозяйственных работ (май – сентябрь 1905 г.) обстановка в деревне края оставалась вполне спокойной. Но в октябре – декабре в Уфимской губернии возник очаг крестьянского движения, где сложились крайне враждебные отношения между помещиками и сельчанами. Это были юго-западные волости Мензелинского уезда (Ново-Спасская, Старо-Кашировская, Троицкая, др.), где соседствовали большие дворянские и купеческие имения и малоземельные общины, в которых уже началось аграрное перенаселение и демоэкологический кризис. Здесь расхищался хлеб из амбаров и с полей, происходили поджоги хлеба и сена, порубки, нападения на охрану, раздавались призывы к захвату земли и, в итоге, была разгромлена усадьба барона Притвица. В погроме участвовали жители нескольких селений Мензелинского и Бугурусланского уездов Уфимской и Самарской губерний (русские, чуваша, кряшены и др.). Землевладельцы вызывали вооружённых стражников. Напряжённая обстановка складывалась также вокруг отдельных имений в центре Башкирии, в конце но-

¹ См.: Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1998. С. 152–163.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 282. Л. 250 и об.

ября – декабре стражники направлялись в поместья Н.В. Ляхова (Уфимский уезд) и Ц.А. Ландсберга (Бирский уезд)¹. Дворянство края, купцы-землевладельцы, напуганные угрожающими слухами, стали массами предлагать свои имения Крестьянскому банку для продажи.

Кульминационный момент в развитии революции в крае происходил на фоне продолжавшегося кризиса высшего управленческого аппарата. Обвинённый в пособничестве оппозиционным силам уфимский губернатор Б.П. Цехановецкий ещё 4 декабря 1905 г. «вследствие болезненного состояния» сдал управление губернией вице-губернатору А.И. Келеповскому. А приказом по гражданскому ведомству, согласно прошению, 9 декабря был уволен городской голова А.А. Малеев, также «скомпрометировавший» себя связями с левыми². Во время самых напряжённых событий (с 19 октября по 12 декабря) отсутствовал управляющий канцелярией губернатора А.П. Лобунченко, его функции исполнял заместитель³. Реакцией революционных сил на разгон Совета и массовые аресты среди железнодорожников стал очередной теракт. 20 декабря 1905 г. в час ночи, во время выхода посетителей после представления из театра в вице-губернатора было произведено несколько выстрелов из револьвера. А.И. Келеповский получил серьёзные ранения. Задержанный заявил, что принадлежит к боевой группе Уральской социал-революционной партии⁴. В такой обстановке 27 декабря в Уфу прибывает новый, назначенный ещё 2 декабря, губернатор А.С. Ключарёв⁵.

Революционный взрыв осени 1905 г. застал врасплох провинциальную администрацию. Не имея опыта противодействия массовым общественным движениям, власти не знали, как реагировать на бурные октябрьские события. Либеральные заигрывания Б.П. Цехановецкого с манифестантами имели определённый успех, но в то же время отталкивали от губернатора консервативно настроенную часть общества. Осенью 1905 г. происходит преобразование небольших подпольных социалистических групп в чёткие революционные организации со своей печатью и массовой агитацией. Хаос начинает отпугивать средний класс от поддержки (моральной и материальной) революционных партий. Подъём революции в конце 1905 г. сопровождается всплеском преступности. В Уфе происходит серия крупных ограблений, обыватели опасаются вечером ходить по улицам из-за нападения хулиганов. Для сдерживания преступности уфимский полицмейстер 1 ноября отдаёт приказ, чтобы чины полиции в свободное от службы время ходили по улице в форме⁶. Власти получают некоторое содействие общества и опыт в борьбе с оппозицией, что помогло в декабре 1905 г. ликвидировать оплот революционного движения в уфимских железнодорожных мастерских.

¹ См.: Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 154, 158–163.

² Уфимские губернские ведомости. 1905. 9 декабря.

³ Там же. 15 декабря.

⁴ Капцугович И.С. Указ. соч. С. 53–55; Уфимские губернские ведомости. 1905. 22 декабря.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1905. 28–29 декабря.

⁶ Там же. 1905. 1, 31 ноября.

§ 2. Стабилизация общественно-политической ситуации в 1906–1907 гг. Поражение революции

Возглавивший Уфимскую губернию в конце декабря 1905 г. новый губернатор А.С. Ключарёв сразу принимает решительные меры по укреплению административного аппарата, усилению борьбы с революционным движением. На смену противоречивым, компромиссным действиям губернская власть берёт курс на полное подавление оппозиции. В соответствии с положением о чрезвычайной охране уже 3 января 1906 г. А.С. Ключарёв запрещает организацию демонстраций, митингов, собраний, распространение слухов в устном и письменном виде, обращение с различными званиями, а также хранение, ношение и продажу оружия. По приказу губернатора теперь могли арестовать на срок до одного месяца любого жителя по подозрению «в причастности к преступному сообществу»¹. В донесении императору А.С. Ключарёв так описывал свои действия: «Я приложил все старания к удалению из правительственных и общественных учреждений неблагонадёжных и вредных элементов. Дарованные Вашим Императорским Величеством милости относительно свободы слова, печати, собраний не остановили преступной деятельности врагов порядка. Напротив, они стали теперь более дерзкими и открыто проповедуют безумные теории. Возможно, скоро будет потрясение»². 1 марта 1906 г. министр внутренних дел сменил режим в Уфимской губернии с чрезвычайного, на более мягкий – усиленной охраны. Общественные собрания разрешались только при строгом соблюдении существующих законов³. Угодить в тюрьму можно было за любые неосторожные слова, произнесённые даже в трактире⁴. В конце 1906 г. были учреждены военно-полевые суды⁵.

Особое внимание новая администрация обратила на укрепление правоохранительных органов. В феврале 1906 г. уфимский полицмейстер принимает меры для улучшения охраны порядка в городе⁶. Для повышения эффективности действий рядового состава полиции в Уфе открывается школа для нижних чинов⁷. Одновременно полицейским было повышено жалованье, делались единовременные денежные пособия к пасхе и другим праздникам. Начальник уфимского губернского жандармского управления полковник И.И. Яковлев был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени⁸. Для усиления борьбы с революционным движением были образованы дополнительные жандармские отделения в Уфе, Златоусте и Аше, входившие в Самарское жандармское полицейское управление железных дорог. Они контролировали стратегически важные участки Самаро-Златоустовской магистрали, вели борьбу с революционным подпольем среди рабочих-железнодорожников, выступавших в авангарде забастовочного движения в 1905 г. В январе 1906 г. управление СЗЖД запретило распространение в полосе отчуждения около 13 наименований газет и журналов⁹.

¹ Уфимские губернские ведомости. 1906. 3 января.

² Цит. по: *Кантимирова Р.И.* Указ. соч. С. 100–101.

³ Уфимские губернские ведомости. 1906. 3 марта, 4 марта.

⁴ См.: НА РГ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 55, 173, 280.

⁵ Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. С. 227.

⁶ Уфимские губернские ведомости. 18 февраля.

⁷ Там же. 25 марта.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 152. Л. 122, 148, 182.

⁹ Уфимские губернские ведомости. 1906. 26, 29 января.

Администрация А.С. Ключарёва в борьбе с революцией не ограничивалась одними силовыми мерами. Большое внимание уделялось агитации, привлечению общественного мнения на сторону правительства. С начала 1906 г. становятся постоянными совещания представителей губернской власти с предводителями дворянства с целью «сообща выработать наиболее действенные меры для успокоения умов населения»¹. По распоряжению Министерства внутренних дел от 3 декабря 1905 г. во всех губернских и ряде уездных городов империи создавались особые комитеты, призванные оказать добровольное «содействие правительству в водворении мира и спокойствия в стране и противодействовать разрушительным стремлениям врагов отечества»². В январе 1906 г. губернский комитет был создан в Уфе под руководством А.С. Ключарёва. 10 января под председательством губернатора состоялось первое совещание, на котором присутствовало около 200 представителей государственных, общественных, дворянских, мусульманских, земских и др. учреждений, а также депутация от железнодорожных рабочих. Совещание высказалось за организацию губернского комитета, председателем которого стал предводитель губернского дворянства князь А.А. Кугушев. В состав новой организации вошли известные горожане и земцы – П.Ф. Гиневский, Г.В. Гутоп, С.С. Джантюрин, П.Ф. Коропачинский, лидеры патриотического движения Г.А. Бусов и Д.Г. Попов³.

Подобные комитеты возникли в ряде уездных центров. В Уфе он состоял из 147 чел., его возглавил уфимский уездный предводитель дворянства Ап.В. Новиков⁴. 3 февраля 1906 г. был создан златоустовский особый комитет, в который входило 25 чел., в основном чиновники и авторитетные общественные деятели⁵. На совещаниях раздавались брошюры и листовки патриотического содержания⁶. Попытка создать подобный комитет в Стерлитамаке на уездном земском съезде 19 февраля 1906 г. закончилась неудачей, потому что большинство приглашённых на собрание оказались сторонниками либеральной оппозиции. По свидетельству очевидца, «на борьбу с революцией призывались лица, ходившие 20–22 октября [1905 г.] с красными флагами». Собравшиеся заявили, что «они не находят возможным образовать уездный комитет, так как последнему не предоставляется право самостоятельной деятельности», а администрации они «вообще не доверяют»⁷.

Комитеты проводили совещания, на которые приглашались представители власти, учебных заведений, общественных организаций, частных учреждений⁸. Члены комитетов должны были заниматься агитационной работой среди городского и сельского населения губернии путем организации бесплатных народных чтений, публичных лекций, раздачи печатной продукции. Так, в 1906 г. комитет распространил среди населения 57 тыс. экземпляров брошюр и 150 тыс. листовок на русском и тюрко-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 46.

² Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 6.

³ Уфимские губернские ведомости. 1906. 12 января; Максимов К.В. Указ. соч. С. 39.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1906. 10 февраля.

⁵ Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале (1905 – февраль 1917). Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1997. С. 58.

⁶ Уфимские губернские ведомости. 1906. 10 февраля.

⁷ ЦИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1452. Л. 17 об.

⁸ Уфимские губернские ведомости. 1906. 12 января.

татарском языке. Их приобретали у центральных монархических организаций при содействии губернского комитета попечительства о народной трезвости. Распространялись брошюры «Довольно насилий» (10 тыс. экз., выпущено Братством свободы порядка), «О Государственно Думе» (10 тыс. экз., издание «Союза 17 октября»), «Окружное послание к Волынской пастве» епископа Антония (6 тыс. экз.), «Что дал император Николай II русскому народу» (5 тыс. экз.) и др.

Комитет и сам публиковал или перепечатывал монархические воззвания. Например, были напечатаны на русском и тюрко-татарском языках листовки «За царя, за Родину, за веру православную, за правду и мир в земле нашей» тиражом в 60 тыс., «Выписка из Корана о неприкосновенности личности и имущества» (на тат. яз., 10 тыс. экз.), а также «Письмо патриотического общества рабочих и мастеровых Самаро-Златоустовских железнодорожных мастерских» (15 тыс. экз.) и многие другие¹. Кроме того, немало подобных материалов печаталось в губернской прессе.

В брошюрах и листках разъяснялась политика правительства (нередко в приукрашенном виде), подчёркивалось его стремление облегчить положение рабочих и крестьян. Члены комитета призывали население губернии к порядку, спокойствию и смирению, не слушать врагов отечества – революционеров. Так, 3 марта 1906 г. в зале дворянского собрания, в присутствии более чем 100 чел., одним из членов особого комитета читались выдержки из сочинения «Политика как наука» и др. произведений². В агитации использовалось духовенство всех конфессий.

Кроме того, в Уфе был создан особый комитет по разъяснению городскому и сельскому населению губернии смысла царских Манифестов 17 октября и 3 ноября 1905 г. Он состоял из влиятельных местных чиновников (уездный предводитель дворянства Ап.В. Новиков, правитель канцелярии А.П. Лобунченко, городской голова П.Ф. Гиневский, уфимский полицмейстер Г.Г. Бухартовский), купцов (М. Галанов, Г.А. Бусов) и представителей духовенства (епископ Христофор, муфтий М. Сулганов, архимандрит Андроник, протоиерей Е.В. Еварестов) и др.³

Важное место в борьбе с революционным движением отводилось правомонархическому, патриотическому движению, возникшему в 1905 г. как стихийная реакция на действия либеральных и леворадикальных кругов. Социальный состав монархистов (черносотенцев) был разнороден и включал консервативные круги чиновничества, дворянства, мещанства, среднего и мелкого купечества, крестьянства и пролетариата, хотя ощущался недостаток представителей интеллигенции и духовенства.

Монархические организации окончательно оформляются в начале 1906 г. Так, 1 января 1906 г. к губернатору явилась делегация из 30 чел. от Патриотического общества мастеровых и рабочих уфимских железнодорожных мастерских (первое официальное собрание состоялось 6 декабря 1905 г.), поднесла приветственный адрес и «хлеб-соль». А.С. Ключарёв «сердечно благодарил» депутатов⁴. Устав «Патриотического общества» был утверждён губернатором 17 февраля 1906 г. и в дальнейшем власть поддерживала эту организацию. Численность общества достигала 1400 чел.,

¹ Кутушев Р.Р. Легальная национальная периодическая печать в Башкирии в годы революции 1905–1907 гг. // Башкирия в революции 1905–1907 гг. С. 67–68; Кантимирова Р.И. Указ. соч. С. 100.

² Уфимские губернские ведомости. 1906. 4 марта.

³ Там же. 12 января.

⁴ Там же. 3 января.

что составляло 64% от общего числа работавших в мастерских. В него вступали в основном высокооплачиваемые рабочие, владельцы собственных домов («рабочая аристократия»), а новые и малооплачиваемые работники больше поддерживали революционеров¹. Участие в патриотическом обществе обеспечивало рабочим возможность лучшего заработка².

В течение 1906 г. в крае возникает целая сеть правомонархических партийных организаций – Объединённое дворянство (1906–1915 гг.), Бирское царско-народное русское общество, Уфимский отдел Русского собрания (1907 г.), «Кружок дворян, верных присяге» (Белебей, 1907 г.), Союз землевладельцев (Златоуст, Стерлитамак, 1906 г.). Всего в 1905–1907 гг. на территории Уфимской губернии было открыто 23 отдела различных монархических организаций с общей численностью до 4,5 тыс. чел. Правое движение, опираясь на монархические настроения широких слоёв общества и поддержку центральных и местных властей, стало серьёзной политической силой. Местные монархисты учитывали этническую и религиозную специфику края, придерживались более мягкой, по сравнению с центральными органами, тактики по национальному вопросу. Были случаи принятия мусульман в местные отделы черносотенцев (Белебей, Давлеканово), монархисты заключали предвыборные соглашения с представителями консервативной части мусульман (Уфа)³.

Наиболее крупной правомонархической организацией в Башкортостане являлся Союз русского народа (СРН, руководитель врач А.И. Дубровин), Уфимский губернский отдел которого образовался 26 ноября 1906 г. путем слияния Уфимского царско-народного русского общества, Уфимского патриотического общества и Патриотического общества мастеровых и рабочих уфимских железнодорожных мастерских. Его возглавил купец-старообрядец К.А. Лаптев, с 1907 г. отделом руководил купец 2-й гильдии, железнодорожный подрядчик Г.А. Бусов. Возникла сеть уездных отделов (Белебей, Бирск, Златоуст, Мензелинск) и сельских подотделов. В ноябре 1907 г. власти отмечали, что «рост как отделов СРН, так и подотделов прогрессивно увеличивается и упадка против левых партий не ощущается». Сам губернатор А.С. Ключарёв вместе со всей семьёй, а также полицмейстер Г.Г. Бухартовский были почётными членами Уфимского губернского отдела СРН⁴.

Во время революции консервативно-монархические организации выступали с критикой насилия, боролись за восстановление «порядка», пытались предотвратить политические забастовки на предприятиях, сотрудничали с властями, полицией и жандармерией, пропагандировали идеи монархизма, участвовали в ряде организаций консервативного направления. За заслуги в восстановлении транспортного сообщения 110 членов «Патриотического общества» из уфимских железнодорожных мастерских были награждены царём серебряными медалями. Монархисты занимались улучшением положения рабочих – членов союза (имелись ссудо-сберегательная касса, столовая, чайная, библиотека), пропагандировали трезвый образ жизни, открыли в Уфе в 1907 г. бесплатную школу (работала до 1912 г., занималось 150 детей). Дея-

¹ Максимов К.В. Указ. соч. С. 24–25.

² См.: Уфимские губернские ведомости. 1905. 13 сентября.

³ См.: ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 545. Л. 1–2; Уфимский край. 1907. 19 января; Максимов К.В. Указ. соч. С. 8.

⁴ Максимов К.В. Указ. соч. С. 36–37.

тельность монархистов-рабочих вызывала жёсткое противодействие революционеров, вплоть до избиений и покушений. Например, 22 августа 1906 г. в квартиру активного деятеля СРН железнодорожника Д.Г. Попова был брошен разрывной снаряд весом в 3 кг, который, запутавшись в занавеске, чудом не взорвался. Однако 16 августа 1907 г. на окраине города его всё же убили анархисты¹. Председатель уфимских монархистов Г.А. Бусов регулярно получал анонимные письма с угрозами. Правительству отправлялись телеграммы с отчаянными просьбами оградить их от боевиков².

Но популярность монархистов среди населения Уфимской губернии оставалась невысокой. Хотя на выборах в Думу черносотенцы заключали предвыборные блоки с близкими по идеологии организациями («Союз 17 октября», представителями консервативной части мусульман), они ни разу не смогли провести своих кандидатов в Думу. Далеко не всегда черносотенцы находили поддержку со стороны власти, администрации предприятий и даже православного духовенства, а епархиальное начальство запрещало священникам вступать в какие-либо политические партии. Не было у монархистов и собственного издания, хотя официальные «Уфимские губернские ведомости» широко освещали их деятельность. А газета «Уфимский край», также отражавшая позицию власти, была настоящим «рупором черносотенцев»³.

Слабое влияние в регионе имели и октябристы (легальная партия «Союз 17 октября»), хотя консервативно-реформистские идеи находили определенную поддержку в населении. Например, в Стерлитамаке и с. Бузовьязы того же уезда была образована организация октябристского толка, под названием «Кружок, положивший в основе акт от 17 октября 1905 года». В программе объединения провозглашалось, что для страны требуется «не препирательство из-за избирательных прав, а деятельная созидательная работа в духе прогресса к утверждению гарантии правового порядка в государстве ... при твердом убеждении сохранения целостности и единства России». Предлагалось начать разработку важнейших законопроектов об устройстве крестьян и рабочих, народном просвещении, децентрализации управления⁴.

В кругах либерально настроенной местной общественности в 1906–1907 гг. происходили сложные, часто противоречивые процессы. Сохранявшаяся оппозиционность к власти, неудовлетворённость уступками самодержавия обострялись столкновениями с местной властью, взявшей курс на жёсткое подавление революционных выступлений. С другой стороны, оказывал влияние опыт 1905 г.: хаос в экономической и политической жизни, рост популярности леворадикальных и экстремистских сил, рабочее и крестьянское движение, покушение на частную собственность. Многие либералы являлись помещиками или предпринимателями, для них предпочтительным казался путь постепенных реформ под конституционной властью монарха.

Провозглашённая в Манифесте 17 октября свобода слова привела к появлению в Уфе частной прессы. Первая коммерческая газета – «Уфимский вестник» – отражала интересы местной либеральной буржуазии, в результате она подвергалась притеснениям со стороны губернской власти. В течение одного 1906 г. издание «Уфимского

¹ ГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 750. Л. 66; Максимов К.В. Указ. соч. С. 38, 46–49.

² Степанов С.А. Указ. соч. С. 148; Максимов К.В. Указ. соч. С. 51.

³ Нарский И.В. «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994. С. 56.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 75. Л. 1–4.

вестника» приостанавливалось четыре раза, а его редакторов адвокатов П.М. Сокурова и Н.Н. Быховского за публикацию статьи «Резать хотят», текста Выборгского воззвания и др. привлекали к судебной ответственности. Независимая пресса поднимала неудобные для власти вопросы, затрагивала политические темы, показывала недостатки в работе административного аппарата. Так, газета писала о плохих условиях содержания в уфимской тюрьме и угрозах расправы над политическими заключенными с помощью уголовников.

В провинции действия чиновников никогда ранее не предавались гласности. Цензура не допускала осуждения правительственных органов со стороны печати. Теперь критический материал появлялся регулярно. В статье «Суд и карательная экспедиция», например, разбирались судебное следствие и вынесенный приговор¹. В публикации «Предвыборная махинация» указывалось на стремление правительства искусственно сформировать состав Государственной Думы, говорилось о поощрении черносотенных организаций. Мероприятия кабинета П.А. Столыпина – иронизировал автор – «отличаются необычайным разнообразием и богатством художественного вымысла»². Наконец, в статье П.М. Сокурова «Маленькие законодатели» говорилось о произволе самого А.С. Ключарёва, распорядившегося уничтожить журнал заседания губернского присутствия за 6 октября, где был зафиксирован незаконный запрет на участие в выборах не устраивавшего губернатора дворянина Ш.Ш. Сыртланова. Публикация критического материала не прошла даром. Редактора привлекли к суду, а газета была закрыта на 18 месяцев³.

Наиболее левой среди легальной прессы Уфы являлась газета «Южный Урал». Издателем её была Н.В. Верниковская, а редактором – адвокат Д.В. Резанцев. Однако газета просуществовала недолго: 19 декабря 1906 г. увидел свет пробный номер, а 5 января 1907 г. вышел последний, четвёртый. Газета освещала внутреннюю жизнь страны, резко критиковала черносотенцев, особенно «Союз русского народа». За статью «Чёрная партия» она была закрыта, а редактор – арестован⁴.

Постепенно менялось соотношение сил в уфимском земстве. В провинции наблюдался резкий спад либерального движения, в результате выборов в губернских земских собраниях либералы, и раньше не составлявшие большинства, вытеснялись правыми, которые отказывались от политической деятельности и возвращали земства к решению только хозяйственных вопросов. Кроме того, земские либералы переходили в ряды либеральных партий, активно участвуя в пропагандистской работе и предвыборной агитации.

В начале 1906 г. в Уфимском губернском земском собрании либеральное крыло ещё сохраняло свои позиции. Управа во главе с П.Ф. Коропачинским опиралась на гласных разночинцев, составлявших 1/3 собрания. Земцы выдвигали требования «немедленного проведения в жизнь начал Манифеста 17 октября, снятия усиленной охраны, отмены ограничений в правах крестьянства, всеобщую амнистию»⁵.

¹ Уфимский вестник. 1906. 9 ноября.

² Там же. 1906. 16 ноября.

³ См.: НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 177; История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 189; *Кантимирова Р.И.* Указ. соч. С. 107.

⁴ История Уфы. Краткий очерк. С. 190.

⁵ Земское самоуправление в России, 1864–1918. М., 2005. Кн. 2. С. 35.

1 декабря 1906 г. губернатор А.С. Ключарёв открыл очередное Уфимское губернское земское собрание. В своей речи он отметил, что 1905 и первая половина 1906 г. ознаменовались «великою смутою», которая внесла расстройство в экономическую жизнь страны. Население растерялось, утратило чувство законности и чувство долга, земские сборы не поступают. Но к концу 1906 г. жизнь постепенно стала входить в нормальное русло. Тем не менее, отголоски революционных событий губернатор нашёл в деятельности губернского земства, в частности, по его мнению «Уфимская земская газета» распространяла идеи пассивного сопротивления властям, а управа не реагировала на замечания властей. Губернское по земским и городским делам присутствие приняло решение о прекращении издания¹. Общий анализ земской сметы привёл губернатора к выводу, что она обременительна и надо сокращать расходы. Отстоять земскую газету гласным не удалось². Беспокорство властей вызывал земский книжный склад, который якобы выписывал, хранил и продавал нелегальные издания.

Крестьянские выступления лета–осени 1905 г. поставили перед земством важнейший аграрный вопрос. Беспорядки в деревне затронули интересы многих общественных деятелей. Земцы констатировали, что крестьяне стали другими. Ослабление власти привело к резкому сокращению поступлений в земские бюджеты, крестьянство перестало платить подати. Например, за 1906 г. в Уфимской губернии с крестьян было собрано лишь 15% налогов. Со второй половины 1906 – начала 1907 гг. в земском управлении усиливаются консервативные элементы, земство обвинялось в политизации, потворстве криволе. Допросам и обыскам подвергались председатели ряда земств, в том числе уфимского. Уход с земской сцены ведущих лидеров либеральной оппозиции в политические партии, а затем Государственную Думу привёл к поправлению состава земских собраний³.

Основной ареной деятельности местной либеральной общественности, примыкавшей к партии кадетов (конституционных-демократов), стали избирательные кампании в Государственную Думу. Результатом первой российской революции стало учреждение высшего законодательного органа страны. Самодержавная монархия начала постепенную трансформацию в направлении конституционной монархии. Впервые в истории Башкортостана проводились выборы депутатов современного парламента. Указами царя вводилась многоступенчатая система выборов. Избирательного права были лишены женщины, молодёжь до 25 лет, военнослужащие и др. В депутаты также не могли быть выбраны лица, «не знающие русского языка» и чиновники с высокими окладами.

Для избирателей (кроме крестьян) вводились имущественные цензы (на основе земских и городских), выборы происходили по четырём куриям: от уездных землевладельцев, городских избирателей, от волостей и станиц, от рабочих. Например, крестьянами депутаты Государственной Думы избирались в несколько этапов: выдвигались выборщики на волостном сходе, на съезде уполномоченных от волостей,

¹ Систематический сводный сборник Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. I. С. 43–46.

² Куреева О.А. Указ. соч. С. 154.

³ Земское самоуправление в России, 1864–1918: Кн. 2. С. 38, 40–41, 44; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 430.

на губернском избирательном собрании, с которого выборщики-крестьяне направлялись на общее собрание, где представители всех четырёх куриЙ и выбирали думских депутатов¹.

В Уфимской губернии выборы в I Думу были назначены на март 1906 г.: предварительные съезды мелких землевладельцев и православных священников в уездах (4 марта), уездные съезды крестьянских уполномоченных от волостей и губернский съезд уполномоченных от рабочих (10 марта), съезды уездных землевладельцев (11 марта), съезды городских избирателей (12 марта) и, наконец, 26 марта – губернское избирательное собрание².

Несмотря на накал политической борьбы и новизну избирательной кампании, выборы проходили без эксцессов. Леворадикальные партии (эсдеки и эсеры) бойкотировали их, поэтому борьбу за избирателей, точнее за состав выборщиков, вели в Уфимской губернии два блока – кадетов и мусульманской партии «Иттифак», а также октябристов и черносотенцев. Из-за неграмотности большинства избирателей печатная агитация дополнялась устной на собраниях. Например, в Уфе «10 марта состоялось предвыборное в Государственную думу собрание Уфимского царско-народного русского общества. В очень скромном помещении общества впервые собрались простые люди в количестве более 400 человек ... После молебна присутствовавшие были подробно ознакомлены с их предстоящими целями и задачами. Речи простых людей не отличались красноречием, но были проникнуты чувством любви и благодарности к своему Государю. Никаких разногласий при избрании шести городских выборщиков не было и есть основания думать, что каждый намеченный выборщик получит 12 марта подавляющее число голосов»³.

Губернские власти, естественно, стремились контролировать ход выборов. Местная администрация установила надзор за антиправительственными партиями. Земские начальники получили право вмешиваться в предвыборную агитацию. Официально запрещалось находиться в помещении, где идут предвыборные собрания и избрание кандидатов, «неблагонадёжным» лицам. Часто, если в число выборщиков попадали нежелательные кандидаты, выборы объявлялись местным начальством недействительными⁴.

Наиболее масштабную и организованную агитационную кампанию развернули кадеты. Они представляли себя единственной силой, способной обеспечить удовлетворение требований народа мирным путём. Из-за бойкота выборов левыми партиями кадеты, действительно, оказались единственной организованной силой, за которую могли голосовать все оппозиционно настроенные и несогласные с бойкотом избиратели⁵.

Ещё 23 сентября 1905 г. в Уфе собрался губернский избирательный комитет, на котором было решено создать уездные избиркомы. Уфимские земцы в письме в оргбюро кадетской партии указывали, что важнее не детальная программа, а привлече-

¹ См.: Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957.

² Уфимские губернские ведомости. 1906. 28 февраля.

³ Там же. 12 марта.

⁴ Королёва Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 83–84.

⁵ Первая революция в России. Взгляд через столетие. С. 432.

ние как можно большего числа единомышленников. В начале 1906 г. в кадетский комитет вошло множество гласных земства во главе с И.Г. Жуковским. Уфимские кадеты создали несколько избирательных комитетов. Среди либералов существовало предубеждение против жёстких организационных структур, деятельность партии должна вестись в основном в предвыборный период. В январе 1906 г. представитель уфимских кадетов посещал агитаторские курсы в Москве¹.

На выборах по крестьянской курии особенно успешно выступили мусульмане, по наставлению имама или учителя голосовавшие за своих представителей. Так, в Бирске на выборах уполномоченных от волостей мусульмане «умело и настойчиво проводили ... своих, по-видимому, ранее намеченных и вполне достойных кандидатов. Отлично знали также, – кого нужно пропустить из русских и черемис и оказались вполне сознательными хозяевами выборов». Русские «по обыкновению, как и на всякой сельской сходке, мужички по-видимому, прежде всего втихомолку перессорились; каждый из них думал, вероятно, только о себе, иначе ничем нельзя объяснить огромное количество неизбирательных шаров, как только баллотировался русский»².

Кадеты успешно прошли по земледельческой курии, либеральные помещики были опорой местных кадетов. Вместе с тем на заключительном избирательном собрании в Уфе 26 марта 1906 г. неожиданно оказалось 77 мусульман против 69 русских выборщиков. После очевидной победы, среди мусульманских представителей даже появилась идея, что все 10 мест должны принадлежать им. Лидер иттифаковцев Ш.Ш. Сыртланов предложил другой вариант: отдать кадетам, выдвинутых национальными либералами, четыре места. Это поставило блок на грань разрыва, а лидер уфимских кадетов И.Г. Жуковский демонстративно отказался участвовать в выборах, заявив, «что мусульмане, чувствуя за собой силу собственной организации, были не прочь подчеркнуть первенствующее своё положение»³. В результате русские кадеты получили всего три места из десяти, а четвёртым русским был избран левый (в Думе трудовик) земский служащий И.Д. Бычков.

Всего же первыми народными депутатами I Государственной Думы от Уфимской губернии стали: А.А. Ахтямов, С.С. Джантюрин, С.Д. Максюттов, Ш.Ш. Сыртланов, К.Б. Тевкелев, Я.Х. Хурамшин, П.П. Толстой, Г.В. Гутоп, С.П. Балахонцев и И.Д. Бычков⁴. Хотя первая Дума проработала совсем немного и была распущена Николаем II, жители Башкортостана как и вся страна получили важнейший опыт парламентаризма.

Правительство назначило выборы во II Государственную Думу на январь – февраль 1907 г.: выборы уполномоченных от рабочих (14 января), предварительные съезды мелких землевладельцев и священнослужителей (20 января), уездные съезды уполномоченных от волостей (22 января), губернский съезд уполномоченных от рабочих (24 января), съезды городских избирателей (25 января), съезды уездных землевладельцев (28 января)⁵.

¹ Нарский И.В. Кадеты на Урале в революции 1905–1907 гг. С. 24.

² Уфимские губернские ведомости. 1906. 11 апреля.

³ Нарский И.В. «Революционеры справа». С. 94.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1906. 28 марта.

⁵ Там же. 1907. 13 января.

Во второй избирательной кампании популярность кадетов снизилась. За участие в составлении и подписании Выборгского воззвания был предан суду уфимский кадет граф П.П. Толстой, многим случайно удалось избежать наказания¹. Положение кадетов стало критическим, когда правительственным указом в сентябре 1906 г. чиновникам и служащим городского и земского самоуправления было запрещено состоять членами политических партий. Это привело к оттоку членов и развалу местных организационных структур. Во время выборов во II Государственную Думу уфимские кадеты использовали беспартийные собрания, превращая их в трибуну для пропаганды своих взглядов². Уфимские кадеты придерживались идеи создания блока прогрессивных избирателей вокруг определенных личностей, а не политической платформы, пытаясь объединить вокруг себя разнородные элементы. Нарастали противоречия между кадетской и мусульманской партиями. Лидеры мусульманской партии, чувствуя свою силу, не желали быть послушным орудием в руках кадетов³.

Избирательная кампания во вторую Думу проходила в более напряжённой обстановке. Левые партии (социал-демократы и эсеры) также включились в избирательную борьбу. Иногда на предвыборных собраниях встречались политические оппоненты и разгорались дискуссии, переходящие в скандалы. Например, в Уфе на большое предвыборное собрание, организованное кадетами, пришли и монархисты, и революционеры с целью сорвать мероприятие. Как только заговорил кадет, черносотенцы, вдохновляемые дяконом, подняли невероятный крик и шум, «прерывали его буквально на каждом шагу. Дьяконовская иерихонская труба заглушала голос несчастного кадета». Следующим выступил большевик М. Лядов. Его критика кадетов вызвала поддержку черносотенцев, которые оратора «всё время поддерживали своими выкриками – “так его, валяй, знай наших”, аплодировал буквально весь зал». Когда социалист перешёл к критике самих черносотенцев, рядовые монархисты долго ещё поддерживали его выступление⁴.

Выборы во II Думу проводились по прежнему избирательному закону и кадетов ждало полное поражение. Состав народных избранников стал ещё более левым. Из десяти депутатов от Уфимской губернии мусульмане провели уже семь своих представителей (иттифаковцы: депутаты первого созыва Ш.Ш. Сыртланов и К.Б. Тевкелев, а также М.М. Биглов, М.М. Тукаев, Ш.А. Кульбаков, М.М. Хасанов) – в качестве беспартийного прошёл К.Г. Хасанов (в Думе входил в мусульманскую трудовую группу). Среди трёх русских депутатов кадетов вообще не оказалось. Были избраны беспартийный (трудолик) А.П. Малеев, гласный Уфимской городской думы А.П. Козлов (эсер), а также социал-демократ, конторщик Юрюзанского завода И.Д. Серебряков⁵.

Значительно более радикально настроенные выборщики не поддержали либералов. Уфимские кадеты занимали двойственную позицию, выступая за умеренные реформы, хотя многие из них оказывали поддержку революционерам. Например, ме-

¹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 97.

² Уфимский край. 1907. 19 января.

³ Нарский И.В. Указ. соч. С. 90.

⁴ Лядов М. Из жизни партии накануне и в годы первой революции. Воспоминания. М., 1926. С. 189–190.

⁵ См.: Боиович М.М. Члены Государственной Думы. (Портреты и биографии). Второй созыв 1907–1912 гг. М., 1907.

стом явки большевиков служила квартира члена уфимского кадетского комитета С.А. Каплана¹. Либералы надеялись возглавить революционно настроенные массы. Для многих политических деятелей были характерны расплывчатые представления, переплетались радикальные и либеральные взгляды. Например, князь В.А. Кугушев – в прошлом участник социал-демократического кружка Д. Благоева – был связан одновременно с эсерами, социал-демократами и кадетами. После казни И.С. Якутова он помогал его семье деньгами. Имение Кугушева возле Уфы стало прибежищем для многих революционеров, управляющим помещьем служил большевик А.Д. Цюрупа, другой известный социал-демократ А.И. Свидерский также проживал в княжеской усадьбе в 1905 г.²

Однако, получая материальную поддержку от либералов, революционеры проводили самостоятельную политическую линию. Кадетам не удалось подчинить их организации своему влиянию. В марте 1906 г. уфимский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой характеризовал кадетов как наивных людей, верящих в возможность мирной борьбы³. Обострение политической борьбы привело к противостоянию либералов с революционными партиями. На предвыборном собрании 14 января 1907 г. уфимский кадет И.П. Грунский говорил: «Крайние левые смотрят на Думу как на ораторскую трибуну, с которой они могут ораторствовать и воспитывать народные массы. Мы, конституционалисты-демократы, полагаем, что Дума не должна служить средством перевоспитания народа; её главная и первоочередная задача – законодательство»⁴. В 1906–1907 гг. кадеты считали, что революция исчерпала себя, радикальные методы борьбы дискредитированы и необходимо приступить к созидательной работе на основе свобод 17 октября. С другой стороны, власть продолжала относиться к кадетам с подозрением, рассматривая их как антиправительственную силу. В официальной прессе постоянно помещались критические статьи, доказывающие, что кадеты «ведут страну к гибели»⁵.

В ходе революционных событий 1905 г. в крае, в первую очередь в Уфе и на некоторых горных заводах, сформировался революционный социум, прослойка «профессиональных» подпольщиков, занимавшихся политической деятельностью. Ведущей силой оставались социал-демократы, среди которых преобладали сторонники радикального, большевистского направления. Более умеренные эсдеки – меньшевики – были представлены лишь отдельными фигурами. В Уфе одним из руководителей организации стал Н.П. Брюханов. В конце 1905 г. и начале 1906 г. сюда прибыли Н.Н. Накоряков, Н.Е. Вилонов, С.А. Черепанов, В.А. Крысин и др. В январе 1906 г. в Уфу приезжал Я.М. Свердлов. Стараясь наладить революционные связи, представители уфимской организации социал-демократов посещали уездные города – Бирск, Стерлитамак, Мензелинск, Белебей и Златоуст, а также горные заводы – Миньярский, Катав-Ивановский и Симский, создавая на местах группы⁶.

¹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 71, 72.

² Там же. С. 51; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 80. Л. 247.

³ Нарский И.В. Указ. соч. С. 74–76, 92.

⁴ Вестник Уфы. 1907. 16 января.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1906. 28 мая, 16 июня.

⁶ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 83, 86.

В феврале 1906 г. состоялась конференция партийных организаций, к середине года они объединились вокруг уфимского комитета РСДРП. Теперь были связаны все социал-демократические кружки Стерлитамака, Бирска, Белебея, Мензелинска, с. Богоявленский завод и Топорнино, а также Миньярская, Симская, Усть-Катавская, Аша-Балашовская, Катав-Ивановская, Юрюзанская, Белорецкая, Тирлянская заводские¹. В 1906 г. в составе уфимского комитета в разное время, помимо Н.П. Брюханова, работали Н.Н. Накоряков, Э.С. Кадомцев, Л.И. Бойкова, В.М. Потоцкий, Х. Ямашев, С.Ф. Гарденин.

Уфимские социал-демократы имели наиболее крепкую организационную структуру, делали упор на работу в массах и агитацию. Если в 1905 г. издания печатались кустарным способом на гектографе и мимеографе, то в 1906 г. была организована нелегальная хорошо оснащённая типография. По оценке центрального органа РСДРП газеты «Пролетарий»: «Лучшая – уфимская [типография], выпустившая за год (октябрь 1906 г. – октябрь 1907 г.) свыше полумиллиона экземпляров листовок, газет, брошюр»². Выходило большое количество пропагандистской литературы. Например, в январе 1906 г. уфимский комитет РСДРП выпустил листовки «Новый обман царского правительства» с призывом бойкотировать Думу, «Ко всем гражданам, о Государственном Совете», «К избирателям» тиражом в 5–15 тыс. экз.³

Активная издательская деятельность продолжалась и в последующие месяцы. Только в мае 1906 г. было напечатано около 12 тыс. листовок⁴. С 18 октября 1906 по 17 октября 1908 г. печаталась нелегальная газета «Уфимский рабочий» средним тиражом в 3 тыс. экз. Издавались гектографированные прокламации на тюрко-татарском языке. Редакторами газеты были Н.П. Брюханов, А.Х. Митрофанов, Б.М. Волин. Агитационная литература распространялась в Уфе и на горных заводах. Кроме того, в типографии печатались некоторые газеты и листовки областного комитета РСДРП. Об успешной работе типографии можно судить по отчёту за октябрь 1907 г. С 15 октября 1906 г. по 15 октября 1907 г. социал-демократы выпустили 24 номера «Уфимского рабочего» в количестве 71 тыс. экз., три номера «Солдатской газеты» – 5 тыс. экз. и один номер «Крестьянской газеты» – 700 экз. В то же время было напечатано около 60 наименований листовок тиражом 180 тыс. экз. и программа РСДРП – 10 тыс. экз.⁵ Активная пропагандистская деятельность давала свои плоды. В начале 1907 г. начальник охранной команды на станции Уфа сообщал, что «настроение охранной команды таково, что достаточно малейшего повода и вся команда перейдёт на сторону революционеров»⁶. Уфимские большевики для пропаганды среди татаро-башкирского населения в 1907 г. создали специальную типографию, вы-

¹ Кийков А. Указ. соч. С. 68–69.

² Габитова Р.Х. Агитационно-пропагандистская деятельность Уфимского комитета РСДРП (1905–1917 годы) // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1997. С. 26.

³ Раимов Р.М. Указ. соч. С. 155.

⁴ См.: НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 173.

⁵ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 87; Узиков Ю.А. Роль газеты “Уфимский рабочий” в революционном воспитании масс в период первой российской революции // Башкирия в революции 1905–1907 гг. С. 51, 56; Очерки истории большевистских организаций на Урале. Ч. 1. С. 120, 146.

⁶ ГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 742. Л. 154.

пускавшую на тюрко-татарском языке прокламации, брошюры и газеты «Урал»¹. Борьба с агитацией среди солдат и населения, поиск типографий оставались важнейшей задачей жандармерии.

Входившие в единую организацию умеренные социал-демократы (меньшевики) после издания Манифеста 17 октября усиливали своё влияние, особенно среди квалифицированных рабочих-железнодорожников, с 1906 г. выступая против вооруженных действий².

В 1906 г. в Уфимской губернии, как и в целом по России, волна забастовок пошла на спад, однако, народное движение продолжалось. В январе прошли митинги и собрания, посвящённые годовщине «кровавого воскресенья». С 9 по 12 января состоялась забастовка в Миньяре, которую поддержали рабочие золотопромышленного товарищества. 9 января они организовали митинг с пением революционных песен. 1 мая 1906 г. на многих заводах Южного Урала состоялись собрания-маёвки. В сентябре бастовали рабочие Богоявленского, Тирлянского и Златоустовского заводов³.

26 сентября 1906 г. стихийно вспыхнула забастовка на Симском заводе. При попытке арестовать известного местного боевика М. Гузакова рабочие оказали сопротивление и забросали полицейских камнями. Стражники были вынуждены отступить в лес. На следующий день в Сим из Уфы прибыли эскадрон драгун, пехотная рота и 300 пеших и конных стражников. На заводе начались повальные аресты, а М. Гузаков и его дружинники скрылись в лесах. Арестовать их удалось только через год⁴.

Подчиняясь решениям партийного руководства уфимские эсдеки бойкотировали выборы в I Думе. Однако, убедившись в значении нового органа государственной власти, леворадикальные партии приняли активное участие в выборах во II Думу. Социал-демократы вели агитацию за своих кандидатов, особенно в уфимских железнодорожных мастерских, создавали избирательные комиссии, которые устраивали предвыборные собрания и митинги. Уфимский комитет РСДРП выпустил до 10 прокламаций: «К крестьянам-мусульманам» на тюрко-татарском языке тиражом 700 экз., «Воззвание к избирателям» (сентябрь 1906 г.), «К гражданам-избирателям», «К рабочим избирателям» и др. Важную роль играла газета «Уфимский рабочий». В результате из 154 выборщиков социал-демократов представляли 12 чел⁵. А, благодаря умелой политике на губернском избирательном собрании, они сумели провести в Думу одного своего представителя⁶.

К 1907 г. положение революционных организаций начало меняться коренным образом. Укрепление жандармерии и полиции, накопленный опыт в борьбе с антиправительственным движением позволил нанести серию ударов по уфимскому подпо-

¹ Габитова Р.Х. Указ. соч. С. 27.

² См.: Асадуллина Д.В. Проблемы становления и развития меньшевизма на Урале // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. С. 18.

³ Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. С. 220–222.

⁴ 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башреспублика). С. 61–64.

⁵ Очерки истории большевистских организаций на Южном Урале. С. 211, 212; Лядов М. Из жизни партии в 1903–1907 годах. Воспоминания. М., 1956. С. 194–198.

⁶ Габитова Р.Х. Деятельность большевиков среди башкирского и татарского населения Уфимской губернии в период первой российской революции // Башкирия в революции 1905–1907 гг. С. 45; Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. С. 129–135, 160, 177.

лью. Летом и осенью 1907 г. прошли серии арестов революционеров (под стражу взяли около 40 чел.). Начался массовый отход сочувствовавших, разочаровавшихся в радикальных методах борьбы. Если в начале 1907 г. уфимская городская организация социал-демократов насчитывала 400 чел., то к концу года её ряды сократились до 150 членов¹. В уфимских мастерских практически прекратилась деятельность железнодорожного союза, близкого к РСДРП². Благодаря созданной агентурной сети полиция получала информацию о положении в революционных организациях³.

Ужесточение полицейского режима требовало создания крепкой партийной структуры. В июле 1907 г. уфимская конференция РСДРП приняла устав, по которому организация делилась на два района: городской и железнодорожный. В них выделялись подрайоны, состоявшие из партийной ячейки одного крупного или двух-трёх мелких предприятий. Последние делились на тройки, пятёрки и десятки во главе с партийными организаторами. Члены районных комитетов выбирались по подрайонам. Для решения важных вопросов райкомы могли созывать конспиративные собрания или конференции. Высшим органом признавалась общегородская конференция, которая выбирала уфимский комитет в составе семи человек. Однако, в заслушанном на этой конференции докладе было отмечено, что «работа в общем идёт плохо... финансовое положение организации весьма плачевное», а налаживается лишь «военная организация»⁴.

В 1907 г. ряд лидеров местных социал-демократов был привлечён к суду, а 7 ноября в уфимской тюрьме казнили председателя Совета рабочих депутатов железнодорожных мастерских И.С. Якутова⁵. В октябре 1907 г. суд вынес приговор активному члену боевой дружины М.С. Кадомцеву⁶. Задержаны другие видные деятели. К осени 1907 г. социал-демократическая организация была в значительной степени парализована, в условиях полицейских репрессий представители разных течений в партии (большевики и меньшевики, имевшие влияние среди рабочих железнодорожных мастерских) стремились работать сообща⁷. Постоянное давление на организацию приводило к усилению конспиративной боевой работы.

Вторая леворадикальная партия в крае – социалистов-революционеров имела аморфную структуру, во главе которой стоял уфимский комитет эсеров. К 1906 г. в Уфе насчитывалось примерно 350–400 эсеров, в Уфимском уезде – 280, в Белебее в 1906 г. возникла небольшая группа из 15 членов и в уезде имелось около 70 эсеров. Сильные организации действовали в горнозаводском районе. В Златоусте комитет партии объединял 175–200 членов, на Катав-Ивановском заводе эсеров было 75 чел., группа на Усть-Катавском заводе насчитывала 22 члена, в 1906 г. работал эсеровский кружок в Белорецке. Были созданы рабочие организации в Уфе (300 чел.), Уфимском уезде (80), Златоусте (75), Усть-Катаве. Большое внимание эсеры уделяли пропаганде

¹ Уфимские губернские ведомости. 1906. 21 июня; Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 97, 104.

² ГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 747. Л. 329.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 105. Л. 27, 30, 34, 40, 48, 54, 55, 163.

⁴ Кийков А. Указ. соч. С. 73; Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 103.

⁵ НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 279. Л. 90.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 331. Л. 17–19.

⁷ Габдулхаков Р.Б. Указ. соч. С. 222.

в деревне. К 1906 г. действовали 40 крестьянских организаций в Уфимском уезде (270–320 чел.), а также в Бирском уезде¹. Небольшой кружок эсеров существовал в Бирске (руководитель – М.Н. Струкова), где велась пропаганда среди учащейся молодёжи, имелась боевая дружина².

Положение в партии эсеров было сложным. Они признавали что, «финансы переживают небывалый кризис», а «текущий момент характеризуется крайним усилением полиции». Выход видели в расширении террористической деятельности (в 1906 г. в Уфе была создана военная организация), делалась ставка на ведение «партизанской войны» и уничтожение полицейских как наиболее эффективные способы нанесения «урона» правительству³. Большое внимание уделялось пропаганде среди населения. По поводу покушения в декабре 1905 г. на уфимского вице-губернатора А.И. Келеповского была выпущена листовка «К гражданам Уфы», в которой восхвалялся террор⁴. В 1906–1907 гг. эсеры активно печатают прокламации, издают газеты «Социалист», «Крестьянская дума», «Девятый вал», «Крестьянин и рабочий». В Златоусте выходит газета «Знамя Урала»⁵. После бойкота первой думской кампании уфимские эсеры сумели провести депутата во II Думу.

Поражение революции, всё возрастающий натиск правоохранительных органов, разгром центра антиправительственного движения в уфимских железнодорожных мастерских в декабре 1905 г. вынуждал революционные организации уходить в глубокое подполье. Отказ от легальной политической деятельности, тактика на насильственное свержение государственного строя вели к усилению боевой, террористической деятельности. Кроме того, отказ среднего класса, недовольного обстановкой экономического и политического хаоса, от поддержки революционеров, лишал последних источников финансирования в виде добровольных пожертвований. Источником пополнения партийных касс становились экспроприации и иные методы.

Наиболее организованные и влиятельные социал-демократы создают военизированные дружины в Уфе, Миньяре, Симе, на других горных заводах⁶. В начале 1906 г. боевые отряды, созданные в железнодорожных мастерских, реорганизуются Э.С. и И.С. Кадомцевыми в три дружины. Первая представляла собой руководство, включавшее «Совет боевой организации» и штаб. Совет состоял из выборных представителей (командиров) отдельных отрядов и возглавлялся тысяцким (И.С. Кадомцев). В Совет входил представитель партийного комитета (Н.Н. Накоряков)⁷. Штаб во главе с инструктором (Э.С. Кадомцев) состоял из специалистов: военного инженера, заведующего мастерской бомб, заведующего разведкой и др. Вторая дружина являлась основной действующей силой. Она делилась на десятки (отряды), а иногда на пятёрки. В дружине были отряды бомбистов, стрелков, разведчиков и пр. Третья дружина

¹ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 433, 450, 486–487.

² *Сахратуллин С.Ф.* Из истории Бирской организации социалистов-революционеров // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. С. 19.

³ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 486; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 105. Л. 37, 134; Д. 169. Л. 666.

⁴ *Габдулхаков Р.Б.* Указ. соч. С. 183.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 199. Л. 749; *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 450.

⁶ *Кадолицев Э.* Воспоминания молодости. М., 1937. С. 36.

⁷ *Мызгин И.* Ни бог, ни царь и не герой. Воспоминания уральского подпольщика. М., 1959. С. 25.

считалась запасной¹. С лета 1906 г. в окрестностях Уфы проводилось обучение дружинников, работала мастерская по производству бомб². Помимо рабочих железнодорожных мастерских, составлявших большинство, в дружине были гимназисты³. В феврале 1906 г. прошла Уральская областная конференция РСДРП, на которой И.С. Кадомцев стал во главе боевой организации всего Урала⁴. Самыми видными её членами были В. Алексеев, А. Калинин, М. Кадомцев, К. Мячин, В. Мясников, Т. Шаширин, В. Токарев, А. Хрущёв, В. Густомесов и др.⁵

Задачей боевиков было уничтожение полицейских осведомителей, провокаторов, изменников. Без всякого суда даже революционер, заподозренный товарищами, мог стать жертвой возмездия по принципу «виновен, пока не доказана невиновность»⁶. Важное значение отводилось революционному возмездию тюремным надзирателям, черносотенцам, полицейским и казакам, в октябре 1906 г. планировался взрыв поезда с оренбургскими казаками⁷. Используя теракты в целях устрашения сторонников самодержавия, революционеры стремились посеять панику и смятение в правительственных структурах и таким образом помешать им бороться с оппозицией.

С лета 1906 г. край захлестнула волна террора, грабежей и насильственной конфискации государственной и частной собственности. Главной проблемой боевиков оставался поиск вооружения, для этого через присяжных поверенных Спасского и Озерецковского была организована закупка оружия⁸. В Уфе совершается ряд дерзких ограблений: в августе 1906 г. – экспроприация бланков у волостного писаря, похищение токарного станка из железнодорожных мастерских, необходимого для производства оболочек для бомб. Наконец, 8 августа у разъезда Воронки социал-демократы боевики отцепили паровоз с почтовым вагоном, откуда похитили до 28 тыс. руб. Часть средств была передана руководству партии, на них закупалось оружие. А вечером 21 сентября 1906 г. боевики остановили поезд, в котором перевозилась крупная сумма денег, между разъездом Дёма и Уфой. Охрана открыла огонь, в результате перестрелки (террористы использовали также бомбы) погиб часовой, второй солдат был ранен. В налёте на поезд участвовали М. Кадомцев, А. Калинин, К. Мячин, Г. Андреев, П. Гузаков, В. Трясоногов и др.⁹ Добыча боевиков составила около 150 тыс. руб. Основная часть денег поступила в Петербург на проведение V Лондонского съезда РСДРП, уфимскому комитету партии, на эти средства состоялся съезд боевых и военных организаций РСДРП в Финляндии, были организованы бомбистские школы, закупалось оружие. В ответ полиция провела массовые аресты. Но террористическая деятельность не прекращалась, зимой 1906–1907 гг. произошло похищение шрифта из типографии Блохина, 21 июня 1907 г. – экспроприация брау-

¹ Раимов Р.М. Указ. соч. С. 160.

² Кадомцев Э. Указ. соч. С. 36, 38.

³ Соколов-Новосёлов А. Вооружённое подполье. Уфа, 1958. С. 22, 36; Он же. Революцией призванный (из воспоминаний большевика подпольщика). Уфа, 1964. С. 8–9.

⁴ Мызгин И. Указ. соч. С. 30.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 10266. Оп. 1. Д. 61. Л. 38.

⁶ См.: Соколов-Новосёлов А. Вооружённое подполье. С. 68–70.

⁷ См.: Галанов В. Покушение на взрыв поезда с казаками // 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башреспублика). С. 162–163.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 145. Л. 230, 237.

⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 10266. Оп. 1. Д. 21. Л. 75 об.

нингов у охраны винного склада¹. Некоторые из проведённых операций, например, нападения на поезда, требовали тщательной подготовки. Дружинники прошли курс управления локомотивом, научились быстро расцеплять вагоны².

Менее «активны» были эсеры. В конце 1906 г. их боевые группы, несогласные с линией Уральского областного комитета на прекращение терактов, объединились в автономный «Уральский боевой союз», который ставил целью продолжение экспроприаций. Союз имел отделения во многих городах, в том числе в Уфе, где в 1906–1907 гг. удалось провести ряд террористических актов³. Однако, в 1907 г. ситуация осложнилась, в мае был арестован ряд лиц за принадлежность к террористической группе, в апреле 1907 г. раскрыта типография⁴. Осенью 1906 г. сформировалась «Уфимская группа анархистов-коммунистов». На их счету было два экса, убийство, неудачная попытка вооружённого побега из тюрьмы.

Постепенно пропагандистская работа отходит на второй план, удачные налёты и обилие добытых денежных средств приводят к разложению боевиков. Один из участников боевой организации РСДРП В.Л. Терентьев вспоминал, что первый же удачный «экс» – нападение на поезд близ разъезда Дёма, внёс в ряды революционеров самое настоящее расслоение. Дружинники стали смотреть на партийный комитет и его пропагандистскую работу свысока, как недостойную их. «В самой организации появилось воровство. Деньги тратились на кутежи, на проститутки, на покупку домов, и различные поездки, а дружинники, ранее еле сводившие концы с концами, стали обращать на себя внимание своей одеждой, гульбой в ресторанах и катанием на рысаках⁵. Всё это привело к конфликту внутри организации, появляются никому неподвластные отряды, которые ведут самостоятельную «работу». К осени 1907 г. из огромных сумм практически ничего не остаётся, а центр боевой работы перемещается на уральские заводы.

Распространение терроризма в крае создало для полиции большие проблемы. Мелкие разрозненные группы боевиков было гораздо труднее взять под контроль, чем жёсткую партийную структуру. Внедрить агента в строго конспирированный отряд было практически невозможно. Независимость от партийных комитетов привлекала в боевые организации молодёжь, которой хотелось попробовать «настоящей» революционной работы, не вдаваясь во все тонкости партийных программ. Правительство признавало боевые организации наиболее опасным противником⁶.

В Уфе и губернии наблюдается рост преступности, всевозможных экспроприаций, налётов, рэкета. Пойманные бандиты нередко заявляли, что совершили грабёж или убийство во имя революции и являются революционерами. Зажиточные слои населения получали письма с требованиями пожертвовать на нужды революционных организаций определённые денежные суммы под угрозой поджечь дом или просто

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 10266. Оп. 1. Д. 21. Л. 75; ГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 750. Л. 26; *Соколов-Новосёлов А.* Вооружённое подполье. С. 52, 61, 65; *Рыбченко Т.И.* Пляска Святого Витта. Уфа, 1992. С. 88–94; Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 91.

² ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 143. Л. 12, 13, 111.

³ *Капузович И.С.* Указ. соч. С. 73, 78.

⁴ НА РТ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 207. Л. 2.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 10233. Оп. 1. Д. 18. Л. 3, 5.

⁶ ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 157. Л. 619, 622, 640, 701.

пристрелить¹. Несмотря на ограничения в торговле оружием, часто днём и ночью была слышна стрельба. Грабили дома, пассажиров в поездах, жителей на улицах, типографии, магазины и лавки. После налета обычно разливали керосин и поджигали помещение². Уфимская общественность была потрясена жестокими убийствами в центре города семьи из семи человек, проживавших в непосредственной близости от квартиры вице-губернатора, а также тюремного надзирателя Кольбе³. Журналист сообщал из Уфы: «Убийства, покушения на таковые, самые дерзкие отчаянные грабежи то и дело мелькают в нашей повседневной хронике. Аресты и конфискации не прекратили деятельность бомбистов. Грабежи у нас сделались почти обычным явлением; не проходит и дня без смелого грабежа в центре, а на глухих улицах прохожих, грозя смертью, раздевают до нага»⁴.

Неудивительно, что в эти годы наблюдалась нехватка полицейских кадров, городские опасались отходить от собственного поста⁵. В них стреляли часто без всякой причины. Так, в июле 1907 г. был убит городской В. Гурьянов. Это преступление вызвало возмущение жителей Уфы, городскому были устроены торжественные похороны, на которых присутствовали представители администрации с губернатором во главе, пешая и конная полиция, масса публики и почти весь отдел Союза Русского народа со своим знаменем⁶.

Под угрозой террористических покушений находились высшие должностные лица края, руководители полиции, администрация предприятий. Весной 1907 г. рассматривалась возможность покушения на уфимского губернатора. Департамент полиции сообщал, на основании агентурных сведений, о предстоящем теракте⁷. Революционеры покушались на жизнь начальника отделения городского полицейского управления В.А. Ошурко, к которому даже приставили дополнительную охрану⁸. Полиция предупреждала об участившихся случаях посягательств на жизнь руководителей крупных предприятий. В июне 1907 г. на имя инженера железнодорожных мастерских поступило несколько угроз от уволенных рабочих⁹. Не гнушались противозаконными методами и правоохранительные органы. Так, 18 ноября 1907 г. в квартиру владельца завода И.И. Гутмана явился казачий офицер, сторонник Союза Русского народа, с двадцатью казаками и заявил, что прибыл для производства обыска. «Затем этот офицер приступил к обыску квартиры и завода, и приказал сопровождавшим его офицерам бить Гутмана плетью, а сам стал угрожать револьвером и произвёл один выстрел. После обыска офицер потребовал себе пива, которое распил с казаками, и потребовал от Гутмана, чтобы последний отпустил с ним свою дочь в отдельную комнату»¹⁰.

¹ См., напр.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81, ч. 6. Л. 97.

² Уфимские губернские ведомости. 1906. 28, 30 мая.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81, ч. 10. Л. 1.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 10 августа.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1906. 5 мая.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81, ч. 7. Л. 46.

⁷ ЦТИА РФ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 113. Л. 572.

⁸ Там же. Д. 212. Л. 260.

⁹ Там же. Д. 223. Л. 183.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81, ч. 10. Л. 76.

В ответ предприниматели вооружали работников своих контор, начальство уфимских железнодорожных мастерских хотело обеспечить револьверами сторожей, однако не получило разрешения. В 1907 г. управление Самаро-Златоустовской железной дороги усилило вооружённые команды дежурившие на всех станциях, а также сформировало два боевых поезда в Самаре и Челябинске, готовые выехать в любой пункт дороги. Вместо патрулирования окрестностей была введена охрана всех пассажирских поездов, следовавших от разъезда Дёма до станции Черниковка, значительно усилили охрану ценных грузов. Для военных чинов на железной дороге было введено дополнительное довольствие, а в конце 1907 г. на станции Уфа численность команды для охраны касс и прочего имущества была доведена до 156 чел.¹

В конце 1906 г. А.С. Ключарёв обращался в Санкт-Петербург с просьбой о прекращении отправки ссыльных в Уфимскую губернию, так как «прибытие новых неблагонадёжных в политическом отношении лиц усилит и так уже довольно многочисленный в губернии беспокойный противоправительственный элемент и вызовет нежелательную, в смысле общественного порядка и спокойствия, тревогу и брожение в населении»². Усилиями полиции и жандармерии в 1907 г. происходят аресты членов революционных партий. В летнее время в окрестностях Уфы ещё проводились массовки и митинги, но полиции удалось разогнать множество «сборищ» и арестовать немало их участников. Обычно налёты на такие собрания оканчивались стрельбой³. К середине 1907 г. власть устанавливает контроль над ситуацией, открытая революционная деятельность прекращается, оставшиеся оппозиционные группы уходят в глубокое подполье, нормализуется криминогенная обстановка.

В 1906 г. в отдельных селениях края продолжалось распространение революционных прокламаций (д. Базгиево и др.), интеллигенция и грамотные крестьяне вели одиночную устную агитацию (с. Надеждино Белебеевского уезда, в Бушман-Суун-Каракипчакской волости Орского уезда). В августе страховой агент в с. Аскино разъяснял жителям смысл Выборгского воззвания, текст которого также зачитывался на собрании сельчан в Базановской волости Бирского уезда, раздавались призывы не давать рекрутов. Продолжались незаконные порубки леса, в некоторых заводских посёлках (Кананикольское, Тирлян) возникали споры с администрацией из-за лугов. Но в целом, на всей территории Башкирии крестьянского движения в 1906 г. не было. Вероятно, повлияла очередная засуха, поразившая Южный Урал. Лишь в волостях Мензелинского уезда, где ранее происходили столкновения общинников с помещиками, волнения продолжались. В августе 1906 г. жители травили луга дворянина Обухова, угрожая вообще разорить его, воровали сено у соседних землевладельцев. В с. Багряш-Никольское была введена команда стражников для поиска украденного.

В мае 1907 г. в 1-й Каракипчакской волости Оренбургского уезда уроженец Кананикольского завода читал крестьянам брошюру «Здравствуй, социализм», в июне в с. Ново-Макарово Стерлитамакского уезда распространялись прокламации, велась агитация за республиканскую форму правления. Последними отголосками противо-

¹ ГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 740. Л. 38, 88, 112.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 141. Д. 267, ч. 19. Л. 1.

³ Там же. Оп. 116. Д. 81, ч. 3. Л. 12–14.

стояния помещиков и общинников в Мензелинском уезде стали поджоги в двух имениях Ново-Спасской волости. В июле – сентябре в восточных волостях Стерлитамакского уезда происходили порубки и самовольные покосы на частновладельческих землях, в д. Ахметьево башкиры даже оказали сопротивление страже (трое крестьян убито)¹.

Общественный резонанс получили два конфликта из-за действий полиции, пытавшейся запретить торговлю книгами на тюрко-татарском языке (в ходе борьбы с нелегальной литературой). 6 февраля 1907 г. на базаре в с. Бураево Бирского уезда силовые действия полиции закончились массовой дракой и применением оружия (один башкир был убит). Аналогичный трагический инцидент произошёл 5 марта в с. Ерлыково Киргиз-Миякинской волости Белебеевского уезда. Торговец книгами «просил помощи у собравшихся, обещая поставить четверть водки». Толпа в 200–300 чел. осадила дом урядника, который зарубил одного сельчанина. Эти конфликты были использованы депутатами II Государственной Думы, которые 10 и 12 апреля 1907 г. сделали два запроса министру внутренних дел (подписали 33 и 35 членов)².

Таким образом, в 1905–1907 гг. впервые в истории территория Башкортостана была охвачена революционными событиями, глубокие потрясения затронули все слои общества. Революция представляла собой сложное социальное явление, в котором переплетались часто противоположные интересы различных общественных сил. Торгово-промышленная буржуазия, интеллигенция, немалая часть чиновничества, сельские предприниматели были заинтересованы в быстрейшем развитии России по западному (демократическому) варианту, стремились получить допуск к управлению страной, их не устраивала архаичная самодержавная власть. Традиционалистские силы, напротив, выступали с антибуржуазными требованиями, особенно общинное крестьянство, за сохранение патриархальных устоев.

Революция 1905–1907 гг. в Башкирии в основном носила городской характер, деревня была затронута слабо, началось пробуждение мусульманской интеллигенции. Массы и власть получили огромный исторический опыт, увлечение «среднего класса» оппозиционной борьбой с самодержавием, финансирование революционеров быстро сменились отрезвлением из-за террора и хаоса в экономике. Среди рабочих-железнодорожников, одного из самых высокооплачиваемых отрядов пролетариата, наступил раскол. Местный административный аппарат, даже в условиях длительного кризиса в верхнем эшелоне власти в 1905 г., оказался достаточно силён, чтобы справиться с революционным натиском. Социальной опорой леворадикальных сил оставался узкий слой интеллигенции, учащейся молодёжи и части рабочих. Но важным наследием потрясений 1905–1907 гг. стал сформировавшийся революционный социум «профессиональных подпольщиков», готовых к любым жертвам ради захвата политической власти.

¹ См.: Сафонов Д.А. Указ. соч. С. 164–181.

² Там же. С. 175; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов. Уфа, 1998. С. 70–73.

§ 3. Мусульманское либеральное движение в Башкирии в 1905–1907 гг.

Революционные события 1905 г. в центре Российской империи привели к подъёму национально-освободительных движений на окраинах. Одним из таких полиэтничных регионов была Башкирия, где мусульмане – башкиры и татары составляли в Уфимской губернии – около 50%, Оренбургской – 23% всего населения¹. Ислам исповедовали в России в основном тюркские народы. Религия для мусульман была не только верой, она определяла весь образ жизни, менталитет народа. А отсутствие в исламской традиции идеи нации, как группового самосознания, этнокультурное родство татарского и башкирского народов предопределили слияние национальных движений в единый общемусульманский поток².

Из начавшейся в 1880-е гг. борьбы за преобразование конфессиональных учебных заведений формируется движение с целью общего религиозно-культурного возрождения мусульман – джадидизм. Реформаторский характер джадидизма определялся социальным составом его участников – представителей национальной интеллигенции, торгово-промышленного класса, либерально настроенных духовенства и землевладельцев. Резкое обострение политической обстановки в стране к 1905 г., начатая «петиционная кампания» привлекла и мусульманских либералов, поднимавших вопрос о религиозных нуждах населения. На имя царя и председателя Комитета министров С.Ю. Витте шли обращения от башкир Мензелинского, Орского и Оренбургского уездов. Всего подобных петиций и просьб от различных мусульманских обществ и отдельных лиц со всей страны поступило до 500³.

В Бирском уезде в апреле 1905 г. собирали подписи под прошением уфимскому губернатору о разрешении мусульманам созвать совещание для выработки общегубернской петиции императору⁴. Губернатор сообщал в Министерство внутренних дел, что либералы стремятся «к достижению своих желаний спокойно, возбуждая ходатайство законным путём». Чтобы предохранить губернию «от пропаганды тайной», он разрешил провести совещание под его руководством, которое состоялось в июне 1905 г. в Уфе. В петиции совещание просило царя о реорганизации духовных учреждений мусульман, изъятии из ведения Министерства народного просвещения конфессиональных школ – мектебе и медресе – и о предоставлении права наблюдения за ними исключительно мусульманскому духовенству. Не был обойдён и насущный вопрос о башкирских землях. В документ были включены три пункта: о запрещении башкирам продавать земли; о распределении земли по наличным, а не по ревизским душам; о разрешении наделения малоземельных за счёт башкирских «свободных» земель⁵. Местные либералы, кроме общемусульманских проблем, выдвигали специфично-национальный вопрос о башкирском вотчинном землевладении.

¹ Даликов А. Мусульмане России и федерация. Пг., 1917. С. 10.

² См.: Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 58. Л. 14; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 107. Л. 47–50; Оп. 2. Д. 593. Л. 463; Раимов Р.М. Указ. соч. С. 98.

⁴ Национальные движения в период первой революции в России. С. 170–171.

⁵ Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955. С. 734–735; Раимов Р.М. Указ. соч. С. 98, 99.

Результатом многочисленных обращений и петиций к правительству по вопросам религии стало утверждение Николаем II 17 апреля 1905 г. положения Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости». Согласно этому документу было создано Особое совещание по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева, которое приступило «к пересмотру действующих узаконений, определяющих порядок управления духовными делами магометан в Империи». Но вскоре совещание, не завершив своей работы, было распущено, а собранные материалы переданы в МВД¹. Вопросы школьного образования мусульман рассматривались отдельно на Особом совещании при Министерстве народного просвещения под председательством А.С. Будиловича. 31 марта 1906 г. были утверждены «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России».

Мусульманский либерализм, проявлявшийся до 1905 г. в основном как идейное направление, с развитием революции перешёл к активным действиям, созданию своей политической организации. Идея всемусульманского съезда довольно долго обсуждалась в среде джадидистов и получила своё воплощение в первом Всероссийском съезде мусульман, который проходил 15 августа 1905 г. в Нижнем Новгороде во время традиционной ярмарки. Не имея официального разрешения и стремясь избежать конфликта с администрацией, делегаты съезда в составе 120 чел. отправились «на прогулку» по Оке на пароходе «Густав Струве»². На съезде присутствовали представители российских мусульман со всех концов страны – юристы, учителя, купцы, землевладельцы, несколько либерально настроенных мулл. В числе делегатов были выходцы из Уфимской и Оренбургской губерний: Абуссугуд Ахтямов – один из организаторов съезда, юрист, в прошлом председатель Белебеевской земской управы, секретарь Оренбургского магометанского духовного собрания; Селимгирей Джантюрин – крупный землевладелец, видный земский деятель Уфимской губернии; Фатых Каримов – будущий редактор мусульманской либеральной газеты «Вақыт»; Вали-бай Яушев – купец из Троицка и др.

Председателем съезда был избран Исмаил бек Гаспринский – идеолог джадидизма, редактор знаменитой в мусульманском мире газет «Гарджиман» («Переводчик»), выходящей в Крыму. Заместителями председателя стали Юсуф Акчураин – идейный руководитель съезда, один из лидеров татарской либеральной буржуазии, выходец из семьи симбирских фабрикантов; Рашид Ибрагимов – видный мусульманский реформатор, редактор газеты «Ульфат» («Единство»); Али-Мардан бек Топчибашев – адвокат, лидер закавказских мусульман, редактор выходящих в Баку газет «Каспий» и «Гаят». На съезде намечалось обсудить следующие вопросы: 1) о составлении адреса императору Николаю II по случаю учреждения им законосовещательного органа народного представительства – Государственной Думы, 2) о представительстве мусульман в Думе, 3) о мерах по поднятию образования и культуры магометан, 4) о содействии деятельности Особого совещания по делам веры под председательством А.П. Игнатьева, 5) об отношении к рекомендациям по школьному образованию мусульман Особого совещания под председательством А.С. Будиловича.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 5–9, 462–463.

² Национальные движения в период первой революции в России. С. 217–219.

В центре развернувшихся на съезде дебатов был вопрос о форме организации мусульманского движения. В итоге взяли верх умеренные настроения и съезд решил учредить вместо политической партии «Союз мусульман» («Иттифак эль-муслимин»). В резолюции определялись задачи союза: содействовать объединению всех российских мусульман в рамках одного движения, вносить свой вклад в дело установления в стране такого политического порядка, «по которому законы составлялись бы при участии избранных народом представителей» (конституционной монархии), приложить все силы к ликвидации юридического и фактического неравенства мусульман в России, стремиться к культурному и образовательному прогрессу мусульманского населения. Осуществление поставленных задач было возложено на местные собрания – межлисы¹. Несмотря на политическую аморфность формулировок резолюции, съезд сделал первый крупный шаг на пути создания либеральной партии мусульман.

Большие перемены в политической обстановке в стране осенью 1905 г. – принятие Манифеста 17 октября 1905 г. и нового избирательного закона по выборам в Государственную Думу в декабре – ускорили созыв второго съезда «Иттифака», который состоялся в Петербурге 13–23 января 1906 г. Сославшись на Положение о чрезвычайной охране правительство запретило съезд², и делегаты вынуждены были собраться для обсуждения повестки дня полулегально по группам, а затем на званых обедах совместно принимали общие документы. На съезд прибыло 83 делегата с Кавказа и Крыма, из Казани и Астрахани, Сибири и Туркестана. Среди них было 19 представителей Башкирии. Из Уфы приехали Селимгирей Джантюрин, Шахайдар Сыртланов – дворянин из башкир, крупный землевладелец и известный земский деятель; из Оренбурга – Фатых Каримов, Мухамедзакир Рамеев – один из братьев золотопромышленников, известный больше как поэт Дәрдемәнд; из Стерлитамакского уезда – Мухамедшакир Тукаев, ахун, мударрис Стерлибашевского медресе и ряд других делегатов из Орска, Троицка, Челябинска³.

Съезд обсудил два принципиальных вопроса: проекты устава и программы «Иттифака», а также тактику на выборах в Государственную Думу. По первому вопросу съезд утвердил устав, состоящий из 23 пунктов. В резолюции отмечалось: «Устав этот предлагает мусульманам образовать одну политическую партию и действовать теперь, а также в будущем, как одна организация». Программа «Иттифака», буквально скопированная с кадетской, была принята как временная из-за невозможности рассмотреть и обсудить её подробно. По второму вопросу – о предвыборной тактике – съезд постановил: присоединиться на выборах в Государственную Думу к кадетам⁴. Небольшие «недоразумения» по вопросам программы были разъяснены Ю. Акчуриным и ЦК партии кадетов признал «необходимым организовать постоянные сношения между представителями мусульман и центральными органами партии, а также и между местными партийными комитетами и комитетами мусульман для согласо-

¹ Национальные движения в период первой революции в России. С. 218–221; ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906. Д. 609. Л. 4.

² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906. Д. 609. Л. 20.

³ ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 39 и об.

⁴ Национальные движения в период первой революции в России. С. 223–225.

ния действий в избирательной кампании»¹. Тактика на выборах в Думу рассматривалась и в провинции. В Оренбурге, например, мусульманские либералы под руководством Ф. Каримова устроили большое собрание в городском театре, где после обсуждения программ различных партий, было решено блокироваться с кадетской партией².

В феврале 1906 г. Николаем II подписываются указы о преобразовании Государственного Совета в верхнюю законодательную палату, имевшую право вето на решения Думы, куда мусульманам было отказано в праве выдвигать своих представителей. В ответ на собраниях избирателей выдвигались ходатайства с просьбой назначить в состав Государственного Совета «двух членов от мусульманского духовенства, т. е. муфтиев двух округов Оренбургского и Таврического». Такие предложения были приняты на совещании доверенных лиц от башкирских селений Бураевской волости Бирского уезда и на предвыборном собрании мусульман Уфы в марте 1906 г.³ Прошения остались без ответа, самодержавие не могло допустить «инородцев» в верхние эшелоны власти.

В ходе предвыборной борьбы в Государственную Думу мусульманское население демонстрировало активность и организованность. По свидетельству журналистов в Бирском уезде мусульмане «проявили такую опытность и знание, как будто являлись на выборы уже не в первый раз. Упорно и настойчиво проводили они своих, по видимому, ранее намеченных и вполне достойных кандидатов... [Мусульмане] оказались вполне сознательными хозяевами выборов»⁴. Население стремилось выдвигать большее число кандидатов, в Орском уезде просили «о предоставлении башкирскому народу права избирать в Государственную думу своих представителей особо от русского крестьянского населения в Башкирии, пропорционально числу душ»⁵.

Депутатами в I Думу были избраны от Уфимской губернии 10 чел., из них 6 мусульман; от Оренбургской губернии – 7 чел., из которых мусульман было двое. Депутатами стали видные члены «Иттифака» А. Ахтямов, С. Джантюрин, М.-З. Рамеев, Ш. Сыртланов. Кроме них в Думу прошли Сахипзада Максютов – купец из Бирского уезда, попечитель земских школ, Шагишариф Матинов – ахун из Орского уезда, Кутлумухамед Тевкелев – белебеевский уездный предводитель дворянства, крупный землевладелец, полковник в отставке, Ямалетдин Хурамшин – мулла из Белебея. Все восемь мусульманских депутатов в думских списках проходили как кадеты, в целом победившие на выборах в I Думу.

Всего в Государственную Думу первого созыва (27 апреля – 8 июля 1906 г.) было избрано 36 депутатов-мусульман. До роспуска Думы из них успели приехать и принять участие в работе органа народного представительства только 24. Сначала многие мусульманские депутаты входили в думскую фракцию партии «Народной свобо-

¹ Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 91.

² Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Казань, 1926 (пер. с тат. яз.). С. 164.

³ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1269. Л. 2, 5; РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 589. Л. 9.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1906. 11 апреля.

⁵ Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997. С. 185.

ды» (кадеты), но затем руководство «Иттифака» решило создать самостоятельную мусульманскую фракцию. Ряд видных членов партии составили костяк фракции. Председателем был избран лидер закавказских мусульман А.-М. Топчибашев. Из семи членов бюро фракции четверо были уроженцами Башкирии: А. Ахтямов, С. Джантюрин, М.-З. Рамеев, Ш. Сыртланов¹.

Важнейшим из рассматривавшихся в Думе законодательных документов был проект «О гражданском равенстве», основным требованием которого была отмена всех ограничений в гражданских правах, «обусловленных принадлежностью к той или другой национальности или вероисповеданию». Не остались в стороне от обсуждения и мусульманские депутаты; в своих выступлениях члены фракции А. Ахтямов и Ш. Сыртланов перечислили ряд ограничений юридических прав мусульманского населения². Они имелись как в национально-культурной сфере (больше всего в области народного образования), так и в экономической. Однако достаточно резко критикуя произвол царских властей по отношению к мусульманскому населению, члены фракции не протестовали против национальной политики в целом.

Коренной проблемой российской действительности был аграрный вопрос. На рассмотрение депутатов Думы было предложено два аграрных проекта: кадетов и трудовиков. Парламентарии мусульмане поддерживали в целом кадетский вариант, однако фракция в этом вопросе учитывала национальную специфику, например в вопросе о вакуфных землях. Было решено сделать заявление о необходимости возвращения вакуфов, отнятых у мусульманских общин Крыма и Туркестана³. Проблеме башкирских вотчинных земель посвятил своё выступление депутат Ш. Сыртланов. В своей речи он подчёркивал, что башкиры возлагают большие надежды на Государственную Думу в справедливом разрешении этого вопроса⁴.

После роспуска царём I Думы большая часть депутатов выехала в Выборг, где подписала обращение «Народу от народных представителей» с призывом в знак протеста не платить налоги и не исполнять воинскую повинность. Подписавшие воззвание депутаты были приговорены судом к 3-х месячному тюремному заключению, что лишало их избирательных прав. Среди подписавших Выборгское воззвание были 6 депутатов мусульман: С. Алкин, А. Ахтямов, А. Букейханов, С. Джантюрин, И. Зиатханов и А.-М. Топчибашев⁵. Несмотря на краткий срок деятельности Думы мусульманская фракция сумела заявить о себе, как о самостоятельной политической силе.

Стремление к обособленности российских мусульман проявлялось в характере их организаций. После издания Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. в Башкирии стали создаваться «мусульманские общества». Только в Оренбургской губернии в течение 1906–1907 гг. возникло 8 мусульманских благотворительных обществ⁶. Наиболее крупным и значимым среди них было «Мусульманское общество в Оренбурге», разрешённое губернатором «к действию» с 16 июня 1906 г.

¹ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. Кн. VII. С. 46.

² Государственная дума. Стенографические отчёты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 2. С. 1106–1109, 1111–1113.

³ Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1987. С. 53.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. Сессия первая. Т. 2. С. 923.

⁵ Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 7, 8.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1911. Д. 74, ч. 53. Л. 27–28 об.

Учредителями стали известные в Оренбургской губернии лица: З. Байбурин, Б. Баязитов, М. Курпачев, Х. Донской, А. Капкаев, К. Мухамедрахимов. «Общество мусульман, – говорилось в уставе, – имеет целью просвещать лиц магометанского вероисповедания, всесторонне знакомить их с событиями политическими и экономическими... и оказывать нуждающимся материальную помощь». Губернатор разрешил обществу издавать свои труды, иметь помещение и библиотеку, «открывать религиозные и другие школы, содержать стипендиатов в высших и специальных учебных заведениях, ... устраивать различные лекции, беседы, литературные вечера, курсы прикладных знаний, народные митинги»¹. Подобно оренбургскому было создано «Мусульманское благотворительное общество» в Уфе, председатель С. Джантюрин. Деятельность мусульманских обществ не выходила за рамки культурно-благотворительных задач.

Мусульманские либералы, не имевшие практически до этого своих национальных газет и журналов, воспользовались предоставленной царём свободой печати. В Оренбурге с февраля 1906 г. стала выходить издаваемая на средства золотопромышленников Рамеевых газета «Вақыт» («Время»), редактором которой являлся известный писатель и публицист Ф. Каримов. В Уфе была основана газета «Аль-галам аль-ислами» («Мусульманский мир»), выходявшая с мая 1906 по январь 1907 гг. Официальным издателем считался Г. Мустафин, но издавалась она специально организованным для этой цели товариществом уфимских либералов-мусульман. Газету редактировали З. Камали, Ш. Абызгильдин, Б. Максютов². Либеральная печать с первых номеров стала широко освещать общественно-политическую жизнь российских мусульман. Регулярно публиковались статьи о всероссийских съездах мусульман, речи и заявления депутатов Думы. Газеты выступали за реформы в области духовной жизни мусульман, за воспитание детей в духе национальной идеи, развитие культуры тюркских народов и изучение их истории.

Одним из самых ярких событий в истории общественно-политического движения мусульман явился III Всероссийский мусульманский съезд, который легально проходил в Нижнем Новгороде с 16 по 20 августа 1906 г. На съезде присутствовало около 800 чел. – учителя, муллы, издатели, а также съехавшиеся на ярмарку купцы и промышленники. Работу съезда освещали корреспонденты 17 мусульманских и русских столичных и провинциальных газет. Официально разрешённая повестка работы съезда предусматривала обсуждение вопросов о реорганизации управления духовных учреждений и учебных заведений мусульман. Были выбраны две комиссии по религиозным и школьным делам по 15 чел. каждая³.

Однако, отойдя от жёсткой повестки, съезд приступил к обсуждению проекта программы мусульманского союза, который фактически был подготовлен на втором съезде, а затем доработан на совещаниях лидеров «Иттифака». В ходе дискуссий выявилось три точки зрения. Более консервативно настроенные делегаты во главе с

¹ Устав мусульманского общества в Оренбурге. Оренбург, 1906. С. 3–4, 6.

² Кутушев Р.Р. Легальная национальная периодическая печать Башкирии в годы революции 1905–1907 гг. // Башкирия в революции 1905–1907 гг. С. 79.

³ Национальные движения в период первой революции в России. С. 230.

И. Гаспринским и левое крыло съезда*, по различным причинам, пришли к одному выводу: «Иттифак» должен оставаться религиозно-культурной общественной организацией и не ставить политических целей. Но большинство съезда поддержало взгляды приверженцев создания самостоятельной партии – Ю. Акчурина, Р. Ибрагимова, Ш. Сыртланова, А.-М. Топчибашева¹. После длительных дебатов программа «Иттифака» была окончательно принята.

Программа ставила задачу «объединить в одной деятельности всех граждан-мусульман России, единомышленных по своим политическим убеждениям»². Основными принципами провозглашались конституционная монархия, неприкосновенность частной и общественной собственности, гражданские права и свободы для всех, без различия веры и национальности, культурно-национальная автономия для мусульман в составе унитарного Российского государства. Программа «Иттифака» буквально повторяла принципиальные положения партийной платформы кадетов.

Представления мусульманских либералов о культурно-национальной автономии легли в основу резолюции съезда о реорганизации управления духовными делами мусульман. Проект религиозной реформы, принятый съездом, предлагал меры к ограничению государственного вмешательства в мусульманские дела. Съезд намечал создание своеобразного мусульманского министерства во главе с раисуль-уламом. Глава всех мусульман России, согласно этому проекту, имел бы право личного доклада императору. В резолюции съезда говорилось, что духовные учреждения мусульман должны управлять не только религиозными делами, но также и просвещением, благотворительностью, распоряжаться вакуфами. Проект вносил некоторые элементы либерализма в религиозную структуру, намечал введение в духовные учреждения мусульман системы выборного начала. Это своё решение съезд «Иттифака» надеялся провести через Государственную Думу. В телеграмме, направленной председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину, съезд просил «законопроекты о духовных делах мусульман не разрешать до созыва Государственной думы»³. Однако предложения о реорганизации управления духовными делами мусульман в полном объёме не рассматривались ни правительством, ни законодательными органами России.

В последний день работы съезда был избран центральный комитет «мусульманской политической партии» в составе 15 чел. с постоянным бюро из трёх лиц в Петербурге. В центральный орган «Иттифака» вошли наиболее видные представители джадидистского движения – И. Гаспринский, Р. Ибрагимов, Ю. Акчурин, А.-М. Топчибашев и др. В состав ЦК были избраны и два представителя Уфимской губернии – С. Джантюрин и Ш. Сыртланов. Съезд поручил центральному комитету ходатайствовать перед правительством о легализации «Иттифака» и возглавить избирательную кампанию среди мусульман по выборам во II Думу⁴.

* Сюда относились татарские эсеры-«тангисты» – Г. Исхаки, Ф. Туктаров, будущий депутат II Думы Х. Атласов и др.

¹ Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 28–30.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 3.

³ III-й Всероссийский мусульманский съезд. Казань, 1906. С. 7–11, 14.

⁴ Там же. С. 11–14.

На третьем съезде «Союза мусульман» был закончен процесс создания партии, но вместе с тем он оказался последним съездом «Иттифака»¹. Оценивая его работу проправительственная пресса писала: «съезд в первых же заседаниях коснулся неподлежащих его суждению политических вопросов и позволил себе в своих резолюциях подвергать осуждению действия правительства, выразившиеся будто бы в притеснениях и ограничениях общегражданских прав мусульман и в роспуске Государственной думы, оказавшей, по мнению съезда, несомненные заслуги государству»².

Прогрессивный характер решений III съезда «Иттифака», явная поддержка мусульманскими либералами кадетской партии в Думе и вне её окончательно испортили в глазах правительства репутацию сравнительной благонадёжности, которой ранее пользовались российские мусульмане. Партии «Иттифак эль-муслимин» было отказано в регистрации, многие мусульманские газеты закрыли.

Избирательная кампания во II Думу проходила в обстановке ужесточившихся правительственных репрессий и полицейского произвола. Значительная часть населения была запугана, многие обыватели боялись даже занести своё имя в избирательные списки. В Уфимской губернии по сведениям жандармерии «предвыборная агитация ... ведётся крайне вяло», однако «мусульманская партия прилагает усилия к проведению своих кандидатов»³.

Выборы во II Думу состоялись в январе – феврале 1907 г. на основе прежнего избирательного закона 11 декабря 1905 г. Новая Дума по своему составу оказалась левее прежней, но, наряду с социал-демократами и трудовиками, в ней оформилось правое крыло во главе с черносотенцем-шовинистом В.М. Пуришкевичем, «поправели» и кадеты, по всем принципиальным вопросам сблизившиеся с октябристами.

В Думу было избрано 36 мусульманских депутатов, из них по Уфимской губернии прошло 7 чел., по Оренбургской – двое. Кроме вновь избранных депутатов первой Думы III. Сыртланова и К. Тевкелева, Башкирский край во II Думе представляли: М. Биглов – землевладелец, председатель Белебеевской уездной земской управы, III. Кульбаков – председатель волостного суда из Златоустовского уезда, III. Сейфитдинов – потомственный почётный гражданин из Троицкого уезда, М.-Ш. Тукаев – ахун и мударрис Стерлибашевского медресе Стерлитамакского уезда, Х. Усманов – мулла из Оренбургского уезда, К. Хасанов – учитель из Бирска, М. Хасанов – имам-хатыб 3-й соборной мечети Уфы. Все они, кроме М. Биглова (кадет), на вопрос анкеты депутата о партийной принадлежности ответили, что принадлежат к «мусульманской народной партии».

«Союз мусульман» в Думе также образовал самостоятельную мусульманскую фракцию, которая приняла программу, составленную по программе «Иттифака». Однако ряд положений третьего мусульманского съезда был пропущен или изменён. Так, отсутствовал параграф о неприкосновенности собственности. В разделе «Государственный строй» исключили положение о том, что «министры ... ответственны за

¹ IV съезд «Иттифака», на который в августе 1907 г. в Нижний Новгород съехались 60 чел., был запрещён царской администрацией и делегаты вынуждены были разъехаться по домам (см.: Русь. 1907. 23 августа). Съезды стали заменяться совещаниями центрального комитета «Союза мусульман», которые также вскоре прекратились (ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1913. Д. 74, ч. 53. Л. 116 об.).

² Россия. 1906. 14 сентября.

³ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906. Д. 725, ч. 86. Л. 2 и об.

свои действия перед собранием народных представителей» – краеугольный камень кадетской и иттифакской программы. В разделе «Крестьянский вопрос» опущен параграф, требовавший справедливого решения земельного и переселенческого вопроса на окраинах, полностью отсутствовал раздел «Военные силы» и ряд др.¹ Таким образом, в программу фракции не вошли наиболее радикальные требования, принятые съездом мусульманской партии, что объяснялось изменением политической ситуации в России и попыткой учесть печальную судьбу I Думы. В целом «поправили» к открытию Думы 20 февраля 1907 г. не только кадеты, но и сами мусульманские либералы.

Но сильное левое думское крыло оказало влияние на часть депутатов-мусульман, выходцев из крестьян. В марте 1907 г. шесть мусульманских представителей, в их числе Калимулла Хасанов, выделились в мусульманскую трудовую фракцию («Мусульман хезмят тейфасэ»). Они вошли как особая часть в общедумскую группу трудовиков. Мусульманская трудовая фракция с 21 апреля 1907 г. приступила к изданию своего печатного органа «Дума», поэтому фракцию было принято называть ещё «Думчелар». В первом номере газеты была опубликована платформа мусульманских трудовиков, носившая в основном декларативный характер. В ней указывалось, что партия «Иттифак» защищает интересы только богачей, что для подлинного возрождения нации необходимо организовать мусульманскую трудовую партию, которая была бы способна отстаивать интересы более широких трудовых масс².

Основным вопросом, по которому расходилась фракция «Думчелар» с «Иттифакком», был аграрный. Отражая настроения национальной деревни, которая принимала активное участие в крестьянском движении, мусульманские трудовики поддерживали в целом программу русских трудовиков. Но были и особенности. В выступлениях мусульман звучал протест против расхищения земель на окраинах. В своей речи депутат К. Хасанов заявлял: «Если нам наши земли, отобранные правительством, не будут возвращены, мы все меры будем принимать к тому, чтобы эти земли обратно отобрать»³.

Истории земельного вопроса в Башкирии посвящено заявление депутата Ш. Сейфитдинова в аграрную комиссию II Думы. От имени башкир-вотчинников и их припущенников Ш. Сейфитдинов просил думскую комиссию «удовлетворить их требования, согласно местным условиям с соблюдением качества земель, рода занятий как по отношению хлебопашества, так и скотоводства»⁴.

На имя депутатов-мусульман поступали телеграммы и письма, в которых отдельные лица и сельские общества из разных регионов просили помощи и защиты от насильственных действий властей, несправедливых решений судов и религиозных притеснений. По наиболее вопиющим случаям члены фракции составляли запросы правительству. Так, в апреле 1907 г. министру внутренних дел П.А. Столыпину были

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 3–9; Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. С. 67–84.

² *Ибрагимов Г.* Указ. соч. С. 99–100, 219–221; *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Указ. соч. С. 36.

³ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 2. Стб. 641.

⁴ Заявление члена Государственной думы от Оренбургской губернии Шигбала Сахаутдинова Сейфитдинова в аграрную комиссию 2 Госуд. думы. Оренбург, 1907. С. 13.

сделаны два запроса «О насилии стражников в деревне Бураевой Бирского уезда Уфимской губернии» и «Об убийстве, насилиях и арестах, произведённых полицией в селе Ерлыково Белебеевского уезда Уфимской губернии»¹. В обоих случаях речь шла о произволе полиции по отношению к торговцам книгами религиозного содержания и насилии по отношению к населению. Запросы «потонули» в архивах МВД и Государственной Думы.

Выполняя решения III съезда партии иттифаковцы в Думе пытались провести ряд положений своей школьной программы. В соответствии с резолюцией съезда о школьном образовании мусульман² фракция внесла в Думу заявление «Об отмене правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев», текст которого был подготовлен временной комиссией ЦК «Союза мусульман». Отмечая, что Министерство народного просвещения «проводит начала, которые всегда приводили и приводят к отторжению школы от жизни», мусульманская фракция видела «спасение культурно отставших инородцев – в рационально поставленной начальной школе с преподаванием грамоты на родном языке и с участием в ведении учебно-воспитательного дела общественного элемента»³. Мусульманские депутаты, подписывая своё заявление 24 мая, надеялись, что Дума рассмотрит его «до окончания настоящей сессии»⁴. Однако 3 июня 1907 г. был объявлен царский манифест о роспуске Думы и был принят новый избирательный закон по выборам в Думу, нарушавший положения Манифеста 17 октября 1905 г.

Период 1905–1907 гг. ознаменовался для российского мусульманства подъёмом в общественно-политической жизни. На базе движения за реформирование школьного образования оформилось политическое либерально-оппозиционное движение. Была создана партия «Иттифак эль-муслимин» на кадетской платформе и организована самостоятельная мусульманская фракция в Думе, возникли культурно-благотворительные общества и национальная печать. Уфа и Оренбург стали крупными центрами либерального движения среди мусульман. Наметилось расслоение в мусульманском движении по социальным и национальным интересам. Башкирские общественные деятели видели основу для культурно-экономического возрождения своего народа в сохранении традиционного вотчинного землевладения.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 1251. Л. 3 и об.; Д. 1252. Л. 4–5.

² III-й Всероссийский мусульманский съезд. С. 2–7.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 1230. Л. 1–4.

⁴ Заявление мусульманской фракции и многочисленные письма и телеграммы от мусульманских обществ правительству с просьбой отменить Правила 31 марта 1906 г. вынудили министра народного просвещения П.М. фон-Кауфмана созвать в октябре 1907 г. специальную комиссию для рассмотрения этого вопроса. В комиссию по пересмотру Правил 31 марта 1906 г. об инородческих училищах, наряду с чиновниками министерств народного просвещения и внутренних дел, вошли и 8 представителей от мусульман. Среди последних были из Челябинского уезда – ахун Габидулла Курбангалиев и дворянин Шагнахмет Кучуков, а также дворянин из Белебеевского уезда, будущий депутат III Думы Гайса Еникеев (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550. Л. 75–76). Результатом работы комиссии стали новые правила «О начальных училищах для инородцев», утверждённые царём 1 ноября 1907 г., которые принципиально ничего не изменили в деле образования мусульман.

§ 1. Рыночная экономика (транспорт, финансы, промышленность)

Транспорт. Южный Урал относился к числу наиболее важных экономических регионов Российской империи. Здесь были сосредоточены крупные промышленные предприятия, отсюда вывозилось большое количество сельскохозяйственной продукции, формировался внутренний рынок. Основой успешного развития являлось выгодное геополитическое положение Уфимской губернии на стратегически важном для всей страны железнодорожном пути из Европы в Азию. Главной транспортной артерией, по которой перевозились миллионы пудов грузов и перемещались сотни тысяч пассажиров, оставалась казённая Самаро-Златоустовская железная дорога (СЗЖД).

В начале XX в. непрерывно продолжалась модернизация магистрали. Возводятся несколько, отходивших от основной линии, подъездных путей, обслуживавших крупные промышленные предприятия. Небольшие ветки были сооружены при станции Уфа (к пристаням на р. Белой, а также в Нижегородке) и в Златоусте¹. В декабре 1900 г. открылось движение на участке Бердяуш – Бакал², а в октябре 1904 г. построили железнодорожную ветку Вязовая – Катав-Ивановский завод. В горнозаводской зоне Уфимской губернии прокладывается вторая колея на участках Бердяуш – Салган и Симская – Кропачёво (1904 г.), а также Вязовая – Тюбеляс (1905 г.)³. В 1906–1907 гг. второй путь начал действовать между Симской и Миассом, после 1908 г. на перегоне Раевка – Шафраново⁴. Наконец, к 1913 г. стальная магистраль соединила станцию Аксаково с соседним уездным городом Белебеем.

К 1905 г. в главных уфимских мастерских было занято 2 тыс. рабочих, в депо – 600 чел.⁵ Возрос парк подвижного состава, всего по линии Батраки – Челябинск к концу 1904 г. работало 525 паровозов, в течение следующего года прибыло 45, убыло за негодностью к службе 54 и к концу 1905 г. на СЗЖД было 516 паровозов, из них

¹ Мейен В.Ф. Россия в дорожном отношении. СПб., 1902. Т. III. С. 727.

² Статистический сборник МПС. СПб., 1901. Вып. 65. Сведения о железных дорогах. С. 2.

³ Статистический сборник МПС. СПб., 1906. Вып. 85. Сведения о железных дорогах за 1904 г. С. 2, 7.

⁴ Краткий обзор развития и деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 25-летие 1888–1913 гг. М., 1914. С. 37, 42.

⁵ См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I, ч. 2. С. 291.

57 пассажирских, 18 товаро-пассажирских, 436 товарных, преимущественно четырехосных (334). Товарных вагонов на начало 1904 г. на СЗЖД имелось 11 536 штук¹. Самаро-Златоустовская железная дорога являлась также крупнейшей транзитной магистралью, связывавшей Европейскую и Азиатскую Россию. Уже в начале XX в. интенсивность движения по ней достигла технических пределов, «на линии от Кинеля до Челябинска число поездов в 1904 г. доходило до 20 пар в сутки, и более, при трудности продольного профиля, дорога пропускать не в состоянии»². В годы русско-японской войны 1904–1905 гг. по СЗЖД перевозилось огромное количество военных грузов и личного состава.

В начале XX в. начинается расширение сети железных дорог в крае. Для вывоза продукции Белорецкого завода, отправка изделий которого ранее осуществлялась весной по горной реке, хозяева, фирма московских немцев «Воган и К^о», своими силами соорудила узкоколейную железную дорогу, связавшую Белорецк с линией СЗЖД, где возникла станция Запрудовка-Белорецкая при Катав-Ивановском заводе³. Строительство началось в 1909 г., а движение открылось в 1912 г., к 1914 г. оно осуществлялось от Запрудовки до Тирлянского завода⁴. Строительство узкоколейки было редким случаем прямого участия капитала в прокладке дорог для нужд собственных предприятий. В основном местная общественность, городское и земское самоуправление, особенно там, куда стальная магистраль не пришла, ходатайствовали перед правительством о проведении новых железнодорожных путей, рассчитывая на казённое финансирование. В начале XX в. обсуждались разнообразные проекты: от трансуральских, способных разгрузить СЗЖД, до меридиональных с юга на север, соединяющих провинциальные города, и просто подъездных путей. Особенную активность проявлял Стерлитамак, не имевший даже надёжного речного сообщения.

С конца XIX в. выдвигались различные варианты, уфимское земство ходатайствовало перед правительством о линиях Оренбург – Стерлитамак – Уфа – Кунгур – Пермь, Набережные Челны – Шафраново – Стерлитамак – Богоявленский завод – Авзяно-Петровские заводы – Верхнеуральск, Уфа – Архангельский завод – гора Магнитная, от СЗЖД к Юрюзанскому и другим заводам, Златоуст – Куса – Красноуфимск, Уфа – Москва через Тетюши или Симбирск и т. д.⁵ В 1900-е гг. проводились изыскания по линии предполагаемой железной дороги от Уфы на Кишишки – Ирнышки (с переправой через Белую), далее по долине Инзера через Лемезы – Ассы к Белорецку и Троицку⁶. Но реализованы были немногие проекты, и в начале XX в. на территории края началась прокладка ряда новых железных дорог.

¹ Статистический сборник МПС. Вып. 85. Табл. III. С. 2, 18.

² Адрианов Г. и Чмутов С. Сеть железных дорог в России в будущем с приложением карты 55 410 вёрст новых железнодорож. линий. СПб., 1908. С. 33.

³ См.: Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002. С. 195–196.

⁴ Болашенко С. Белорецкая узкоколейная железная дорога // <http://www.southural.ru/region/182.html>; см. также: Егоров Александр. Зеркало Белорецкого пруда. Белорецк, 2006. С. 143.

⁵ О проектируемых уфимским губернским земством и другими местными учреждениями железнодорожных путей в Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 33; см. также: Самородов Д.И. Становление и развитие системы стационарной торговли в дореволюционной Башкирии (эпоха капитализма). М., 2001.

⁶ См.: Изыскания железнодорожной линии Уфа – Троицк 1913 г. Пояснительная записка и расценочная ведомость. СПб., 1913.

Среди первостепенных выдвигалась идея строительства магистрали от Уфы на запад: «для Белебеевского уезда необходимо продолжение дороги, идущей из г. Симбирска на посад Мелекес, через Бугульму до Уфы, при каком-либо направлении дорога обслужит северную часть Белебеевского уезда»¹. Образованная частная Волго-Бугульминская железная дорога была целиком введена в действие в 1914 г. с протяжённостью пути в 577 км от станции Часовня (на Волге) до Бугульмы и Чишмов, где она соединялась с Самаро-Златоустовской дорогой. После постройки в 1915 г. моста через Волгу в районе Симбирска Волго-Бугульминская железная дорога стала дополнительной транспортной коммуникацией с запада на восток, разгрузившей СЗЖД². В административных границах Уфимской губернии на ВБЖД действовали станции Ютаза, Туймаза, Кандры, Буздяк, Благовар и Чишмы³.

С 1890-х гг. неоднократно выдвигалась идея постройки дороги вдоль горного хребта, в первую очередь для доставки руды знаменитого Бакальского месторождения на заводы Среднего Урала. В 1910 г. Комиссия о новых железных дорогах выдала разрешение, а в 1911 г. был утверждён устав Общества Бердяуш-Лысьвенской (с 1912 г. Западно-Уральской) железной дороги. В 1913 г. началось строительство, оконченное в феврале 1916 г. И, наконец, в октябре 1916 г. было открыто движение. Трасса начиналась в Златоустовском уезде Уфимской губернии от станции Бердяуш СЗЖД и шла на станции Жукатау, Кусинский завод, Злоказово, Ургала, Ункурда и далее на север⁴.

Бирское земство ещё в начале XX в. активно выступало за идею строительства Московско-Кыштымской магистрали⁵. Но лишь в 1911 г. правительство поддержало предложение Общества Московско-Казанской железной дороги о прокладке линии Казань – Екатеринбург, ставшей возможным после возведения в 1912 г. Зеленодольского моста через Волгу. Согласно проекту, после Сарапула магистраль «сворачивает около Камбарского завода несколько к югу и идёт вдоль р. Буя по южной окраине Осинского уезда. В нескольких верстах южнее стеклянного Тюинского завода линия входит в Красноуфимский уезд»⁶. В канун Первой мировой войны, «приступлено было к сооружению линии Казань – Екатеринбург». Строительство не было полностью закончено к осени 1917 г. Трасса проходила по самой северной границе Бирского уезда Уфимской губернии⁷.

Большие усилия прилагались для строительства меридиональной дороги от Оренбурга на Уфу и Пермь. Уфимское земство ходатайствовало по этому вопросу ещё с 1897 г., поддерживало проект местное купечество и, особенно, власти Стерлитамака. В 1913 г. пермский предприниматель Н.В. Мешков получил разрешение на

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. XLIV. Уфимская губерния. С. 11, 37.

² Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 91, 286.

³ Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916. С. XVII.

⁴ Штольцман С.А. Западно-уральская жел. дор. Пг., 1917. С. 3, 30, 49, план линии.

⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С. 11, 100, 105.

⁶ Неопиханов А.А. Железнодорожные пути Урала. Пермь, 1912. С. 251–252, 254.

⁷ Штольцман С.А. Указ. соч. С. 32; Железная дорога Казань – Екатеринбург, по сведениям краеведов, строилась в 1909–1914 гг., где открылась станция «Янаул». Первый поезд через неё, по рассказам старожилов, прошёл в 1916 г. (*Шангареев Инсур*. Исторические вехи Янаула // <http://yanaul.narod.ru/history.htm>).

создание общества для сооружения и эксплуатации железнодорожной линии между Оренбургом и Уфой¹. Но мировая война и иные проблемы не позволили приступить к строительству. Вплоть до 1917 г. велись только проектно-изыскательные работы².

Одновременно железнодорожные пути прокладывались по окраинам юго-восточного Башкортостана. После открытия в 1911 г. Троицкой железной дороги (от станции Полетаево СЗЖД до уездного города Троицка Оренбургской губернии), с 1914 г. велось продолжение этой линии от Троицка до Орска через Каргалы, неоднократно останавливавшееся в годы Первой мировой войны³. Летом 1913 г. началось строительство железной дороги от Оренбурга до Орска. Но к концу 1914 г. она была доведена только до станции Сара, а между Кувандыком и Медногорском был пробит первый туннель⁴.

Таким образом, к 1917 г. основная часть территории Башкортостана была охвачена сетью железнодорожных магистралей (казённая Самаро-Златоустовская, частные Волго-Бугульминская, Западно-Уральская, Белорецкая узкоколейная, строившиеся линии Казань – Екатеринбург, Троицк – Орск, Оренбург – Орск, проектировалась трасса Оренбург – Уфа), по которым до сих пор перевозится основная часть грузов и пассажиров. Именно сложившаяся к началу XX в. железнодорожная сеть (в советскую эпоху достроили линию Уфа – Оренбург и возвели новую трассу Уфа – Белорецк, и всё) сыграла решающую роль в экономическом развитии края, создала единый региональный рынок и включила Башкортостан в формирующийся общероссийский рынок. Особенностью транспортной структуры региона была не конкуренция, а взаимодополнение речных и железнодорожных перевозок.

Если экономика южных и центральных районов базировалась вокруг железнодорожных магистралей, то основной транспортной коммуникацией северо-западных уездов в 1900-е гг. оставалось речное судоходство. Здесь также происходила постоянная техническая модернизация. Мощные буксиры с двигателями на нефтяном топливе обеспечивали быструю доставку крупнотоннажных барж. Перед Первой мировой войной на Белой работали буксирные колёсные пароходы «В.Г. Стахеев» и «Стахеев» с двигателями в 1000 индикаторных сил. Компания «Крестьянин» предлагала для перевозок по Каме и Белой баржи грузоподъёмностью до 350–425 тыс. пуд. Начали появляться винтовые суда. Так, перевоз на уфимских переправах обслуживали три небольших паровых винтовых катаера «Гражданин», «Орлёнок» и «Уфа», принадлежавшие городской управе⁵.

¹ Журнал комиссии о новых железных дорогах по вопросу о сооружении железнодорожной линии Оренбург – Уфа. [СПб., 1913]. С. 1–3, 18; Предварительные данные по экономическому исследованию проекта железнодорожного пути Оренбург – Стерлитамак – Уфа – Кунгур. СПб., 1913. С. 4; Отчёт уфимского биржевого комитета за 1912 год. С. 83.

² См.: Маркелова Л.А. Из истории строительства железной дороги Оренбург – Уфа // Археография Южного Урала. Уфа, 2001. С. 112–117.

³ Шуклина Н.Я. Троицкая железная дорога // Энциклопедия Челябинск, <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=3826>; Краткий обзор развития и деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 25-летие 1888–1913 гг. С. 31, 48.

⁴ См.: Вдовенко А. История Орского отделения Южно-Уральской железной дороги. Орск, 2000.

⁵ Перечень судоходных предприятий Волжского бассейна и Мариинской системы. СПб., 1914. Вып. I. Список судоходных предприятий и речного флота в районе Волжского Страхового Товарищества. Суда с механическим двигателем. С. 74–75, 84–85; Б. Суда без механического двигателя. С. 118–119.

Сформировалась сеть затонов, где зимовали сотни судов, крупнейшими и наиболее безопасными из которых были Старицкий (Киржацкий) возле Уфы, Золотовский против д. Ново-Биктово ниже Дюртюлей, Атасьевский¹, и на Каме – Дербёшкинский близ устья Белой и затон возле Набережных Челнов. Старицкий затон (пригодные для зимовки берега) принадлежал семейству уфимских мещан Першиных². Прочие предприниматели у них арендовали участки, где возник целый посёлок. В ноябре 1910 г. журналист сообщал после закрытия навигации: «Затонский “походный” городок зажил своею жизнью. Открыта школа и амбулатория. Собираются ставить любительские спектакли. Уместно заметить, что в затонскую амбулаторию обращаются за помощью крестьяне ближайших деревень Киржацкой и Миловки»³.

За состоянием Белой с притоками следила Уфимская дистанция Елабужского инспекционного участка МПС (Уфимский технический участок)⁴. Здесь уже к началу XX в. имелись бакены, «для облегчения по реке Белой судоходства производилась обстановка её от г. Уфы до впадения в реку Каму указательными береговыми и плавающими знаками, в ночное время освещавшимися»⁵. В навигацию 1911 г. «обстановка была произведена на протяжении 465 вёрст, число открытых постов было 91», каждый на пять вёрст пути. Расходы на обстановку и содержание постовой прислуги составили 21 385 руб. На Уфимке действовало 33 поста⁶. Для контроля за уровнем воды к 1912 г. существовали Стерлитамакский (Левашёвский), Уфимский, Бирский и Андреевский (в низовьях Белой) водомерные посты. На р. Уфе к 1913 г. имелись посты у д. Шафеево и в Белом Ключе⁷.

К началу XX в. разворачиваются работы по благоустройству фарватера. Так, в навигацию 1911 г. на Белой были устроены плетневые сооружения на Казанцевском и Камышлинском перекатах, на Уфимке на мелководных перекатах также ставили плетни, производили взрывы камней одинцов. На двух реках действовали водолазный кран и пять карчеподъёмниц, которыми было вынута 683 карчи, 185 пней, взорвано 453 камня одинца, вынута 49 частей затонувших судов и пр.⁸ В 1912 г. подняли две баржи и 2000 пуд. чугуна, очищали перекаты на Уфимке, вплоть до Красноуфимска работали две карчеподъёмницы⁹. Но необходимо было углубление фарватера и по настойчивым ходатайствам уфимской биржи в 1910 г. на Белую был прислан землесос «Волжская-10», который работал «несколько дней у Старицкого зато́на». После чего по заказу Казанского округа путей сообщения в 1912 г. «река Белая впервые получила специальный снаряд», в

¹ Сборник Казанского округа путей сообщения. Вып. LXXVIII. Карта меженного фарватера р. Белой от г. Уфы до устья, составленная командиром парохода «Елабуга» И.А. Бовиным по навигации 1914 года. Казань, 1915.

² ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 737. Л. 146 об. – 147; Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. VII, ч. II. С. 70–71.

³ Уфимский вестник. 1910. 4 ноября.

⁴ Волжско-Камская справочная книжка. Казань, 1912. Ч. I. С. 185.

⁵ Обзор Уфимской губернии за 1899 год. Уфа, 1899. С. 41.

⁶ Обзор Уфимской губернии за 1911 год. Уфа, 1914. С. 37.

⁷ Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. LVI. (исследования 1913 г., чертежи). СПб., 1914. Карта VII, 1.

⁸ Обзор Уфимской губернии за 1911 год. С. 38; плетнями сужали русло реки, ускоряя течение, что способствовало размыванию отмелей.

⁹ Отчёт уфимского биржевого комитета за 1912 год. Уфа, 1913. С. 41, 55.

апреле вновь построенная землечерпательная машина «Бельская-1» приступила к расчистке Старицкого затона, затем она работала на шести перекатах¹.

Бельское пароходство переживало благоприятную эпоху. С развитием местных рынков началось освоение труднодоступных верховьев. Так, «грузооборот р. Уфы в 1913 г. ... сравнительно с 1910 г. увеличился вдвое», возрос объём перевозок и на верхнем плёсе Белой. По маршруту Стерлитамак – Уфа в навигацию 1914 г. «открыла рейсы такая солидная фирма, как пароходство Н-цы Д.Д. Якимова»². По данным МПС в 1900 г. по Белой ходило 73 судна*, в том числе 58 буксиров, из которых лишь 17 пароходов принадлежало крупным волжско-камским компаниям, занимавшимся грузовыми перевозками по рекам (фирмы Каменских, Любимова, Мешкова, Стахеевых, общество «Мазут»)³. В начале 1900-х гг. на бельском транспортном рынке господствовал средний предприниматель, часто владелец единственного парохода.

Сложности плавания по достаточно мелководной реке (к концу лета уровень воды в Белой сильно падал), отсутствие стабильных объёмов отправляемых грузов, небольшое количество оборудованных пристаней резко увеличивали риски судовладельцев. Например, из-за неудачной навигации 1910 г., когда Белая сильно обмелела, разорилась П.К. Якимова, когда её (незастрахованные) пароходы пострадали от аварий⁴. Выживал средний предприниматель, чьи капитаны досконально знали фарватер, успевали за короткий весенний паводок вывезти грузы, брались за малоприбыльные операции. Сравнение списков судовладельцев показывает большую текучесть в этом бизнесе. В условиях жёсткой конкуренции многие предприниматели работали на бельских пристанях одну или несколько навигаций, после чего уходили навсегда⁵.

Пассажирские перевозки обслуживались фирмами Якимовых, Сорокина и Тупицына, некоторых других. Их суда совершали регулярные рейсы от Уфы до Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Вятки и в иные города. Например, в 1900 г. крупнейший товаро-пассажирский пароход «Златоуст» (владелица Е.В. Якимова) имел двигатель в 100 номинальных сил и, помимо 14 тыс. пуд. груза (он также мог буксировать баржи), брал 19 пассажиров в 1-й класс, 50 – во второй и 700 чел. третьим классом. Пароход курсировал по маршруту Пермь – Уфа – Вятка – Казань⁶. По отзывам современников, хотя эти суда «не отличаются особенными удобствами, всё-же вполне приличны и путешествие на них не лишено комфорта, правда очень незначительного по сравнению с волжскими и камскими гигантами»⁷.

¹ Отчёт уфимского биржевого комитета за 1912 год. Уфа, 1913. С. 210; Труды третьего съезда судовладельцев Волжского бассейна. Нижний Новгород, 1911. Ч. II. С. 68, 75, 100–101; Труды пятого очередного съезда судовладельцев Волжского бассейна. Нижний Новгород, 1913. С. 43, 132–133.

² Отчёт уфимского биржевого комитета за 1914 год. Уфа, 1916. С. 22.

* В 1906 г. в среднем на волжское судно приходилось за навигацию 11 рейсов (Труды второго съезда судовладельцев Волжского бассейна. Нижний Новгород, 1910. С. 2).

³ См.: Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1900 года. СПб., 1902. Вып. 4.

⁴ Прикамская жизнь. 1913. 31 июля.

⁵ Обзор Уфимской губернии за 1898 год. Уфа, 1900. С. 51–52; Обзор Уфимской губернии за 1900 год. Уфа, 1902. С. 44–45; Обзор Уфимской губернии за 1902 год. Уфа, 1903. С. 38–39; Обзор Уфимской губернии за 1903 год. Уфа, 1904. С. 37–38.

⁶ Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1900 года. Вып. 4. С. 186–187.

⁷ Почтово-пассажирское пароходство товарищества Пароходства и Транспортирования грузов «Ф. и Г. Бр. Каменские» 1911 г. СПб., 1911. С. 103.

К 1910-м гг. ситуация на бельском рынке перевозок меняется. Избыток судов на Волге из-за конкуренции железных дорог привёл к активному проникновению сюда известных транспортных компаний, вытеснивших средний капитал. По данным переписи МПС в 1914 г. из 73 буксирных пароходов, работавших на Белой, 51 (или 70%) принадлежало уже крупным фирмам. Акционерное общество «Кама» (правление в Санкт-Петербурге) направило к бельским пристаням 10 буксиров, АО «Крестьянин» из Нижнего Новгорода – 24 парохода, по шесть – Н.В. Мешков (Пермь) и Стахеевы (Елабуга). Они предлагали под перевозку сразу и баржи, и буксиры. Всего в 1914 г. в бассейне Белой доставляли разнообразные грузы (хлеб, лес, нефть, металл и пр.) сотни барж, в том числе от АО «Крестьянин» – 25, торговых домов В.Г. Стахеева – 34, И.Г. Стахеева – 44 баржи и т. д.¹

Сохранялось в крае судостроение. В 1910 г. в Уфимской губернии было построено 25 баржей, 56 барок, 11 коломонок, 7 подчалков, 6 белян, 76 лодок, 2 баркаса и даже один двигатель на общую сумму в 513 540 руб.² После пуска узкоколейной железной дороги прекратилось строительство судов на заводах Белорецкого округа, но и в 1914 г. на Белой и Уфимке с притоками спустили на воду 122 судна (28 барок, 5 полубарок, 65 коломонок, 7 подчалков, 10 белян, 4 деревянных и 3 железных баржи). Суда строили на реках Ай, Юрюзань, Инзер, Лемеза, Сим, Таньп, на Белой возле Уфы и Стерлитамака³.

Развитие пароходства вовлекало местных предпринимателей в транспортные и пассажирские перевозки. По переписи 1914 г. жителям Благовещенского завода принадлежало пять судов, в том числе два небольших теплохода. Уфимцы владели 5 пароходами, работавшими на разных маршрутах по Волге, Каме, Белой, кроме того у Э.Н. Хасабова было 4 небольших товаро-пассажирских парохода, торговый дом Братья Юдаевы приобрёл 2 буксира⁴.

Значительно большее число уроженцев края являлись баржевладельцами. Некоторые просто сдавали свои деревянные барки в аренду, другие отправляли на них различные товары. Среди владельцев «непаровых» судов были жители Бирска, Топорнино, Дуваней, Стерлитамака, Благовещенского завода, Николо-Берёзовки, Дюртюлей, различных приречных селений. Даже И.К. Ефремов, местонахождением которого была указана железнодорожная станция Шафраново, являлся собственником пяти барок под перевозку хлеба грузоподъёмностью в 55 тыс. пуд. каждая. Особенно много баржевладельцев находилось в Уфе. Например, торговый дом Братья Колотовы держал три баржи, а в 1913 г. заказал ещё две однолетних беляны. Купцу А.С. Манаеву принадлежало 5 судов, С.М. Назирову – 9 коломонок, Э.Н. Хасабову – 6 судов, И.Н. Шамову – девять, Юдаевым – три баржи. Хлеботорговец Х.Г. Хабибулин (проживал в с. Большая Ока Красноуфимского уезда, суда приписаны к Уфе) в 1911 г. построил 10 коломонок грузоподъёмностью по 36 тыс. пуд.⁵

¹ См.: Перечень судоходных предприятий Волжского бассейна и Мариинской системы. Вып. I. Список судоходных предприятий и речного флота в районе Волжского Страхового Товарищества. Суда с механическим двигателем; Б. Суда без механического двигателя.

² Обзор Уфимской губернии за 1910 год. Уфа, 1912. С. 34.

³ Отчёт уфимского биржевого комитета за 1914 год. С. 140–144.

⁴ Перечень судоходных предприятий Волжского бассейна и Мариинской системы. Вып. I. Список судоходных предприятий и речного флота в районе Волжского Страхового Товарищества. Суда с механическим двигателем. С. 10–11, 22–23, 26–29, 36–37, 72–73 и др.

⁵ Там же. Б. Суда без механического двигателя. С. 26–27, 32–35, 48–51, 62–63 и др.

К началу XX в. в Башкортостане появляется совершенно новый вид транспорта – автомобильный. Перед Первой мировой войной в Уфимской губернии насчитывалось около 20 легковых автомобилей, находившихся в собственности не только организаций, крупных землевладельцев и купцов, но и представителей «среднего класса», интересовавшихся техникой. Наиболее мощные машины принадлежали уфимской полиции (50-сильный «Фиат», использовался, видимо, пожарными) и торговому дому «Россия» (40-сильный «Перлес»). Автопарк Уфы к 1914 г. был весьма разнообразен, помещик и нотариус Б.Н. Ляуданский держал 25-сильный «Пармен» и 50-сильный «Жормен», купец А.С. Манаев – 20-сильный дубль-фаэтон «Лорен Дитрих», П. Кузнецов – «Фиат» (35 л. с.). С другой стороны, в Уфе имелись три «Ольдсмобилия» в 7–10 л. с. (С. Стуколкина, А.И. Серебренникова, В. Вахитова) и «Opel» С.И. Михалёва в «пять городских сил». Так, А.И. Кузнецову принадлежал пятиместный двухцилиндровый автомобиль завода Клеман Баяр с 16-сильным двигателем, колёса деревянные артиллерийского образца, ручной и ножной тормоза, три скорости вперёд и одна назад, кузов открытый с откидным «американским» верхом, два боковых керосиновых медных фонаря с лампами и два боковых фонаря ацетиленовых медных с горелками.

Отдельные автомобили находились в сельской местности (в Топорнино, Мензелинском уезде, у помещика В.Н. Жданова возле Белебея), а дворянин С.С. Джантюрин держал 18-сильный «Фиат» в своём имении в Тюрюшевской волости Белебеевского уезда (около с. Килимово). В июле 1914 г. С.С. Джантюрин совершил на нём поездку в город Вятку (совр. Киров). Обрато, правда, машину со сломанной осью привезли на настоящих лошадиных силах.

Имелись в Башкортостане также мотоциклы. В Уфе было девять штук («Пежо», «Магнетто», «Nacional», др.), а упоминавшийся выше мещанин С.И. Михалёв приобрёл 1,5-сильный «Мосотакош». В Стерлитамаке в 1914 г. было 6 мотоциклов марок «Некарсульм», «Дукс» и пр., держали мотоциклы в Бирске и Аскино. В Уфе городская полиция разработала правила вождения, большинство машин имели номера¹. Тогда же началась история дорожно-транспортных происшествий в крае. Летом 1908 г. в Уфе на улице Пушкинской приезжий сельчанин продавал уголь, как вдруг оказался автомобиль. Перепуганная лошадь с телегой бросилась бежать и врезалась в телеграфный столб, а потрясённый башкир только и вымолвил – «шайтан»². С началом Первой мировой войны почти все автомобили и мотоциклы (кроме неисправных) были «мобилизованы» в армию.

Жителя края были знакомы и с авиацией. В Уфу с показательными выступлениями приезжали первые российские лётчики, полёты аэропланов проводились на поле за городом. Например, 20 июля 1911 г. в Уфе демонстрировал своё мастерство авиатор Кузнецов³.

В начале XX в. в крае сложилась современная система связи. Действовавшие почтовые тракты с 34 станциями 1 августа 1914 г. были закрыты распоряжением Главного управления почт и телеграфов, за исключением тракта Уфа – Оренбург. Достаточно плотная почтовая сеть обеспечивала потребности населения и не требовала пере-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1017. Л. 96, 172, 259, 324 и др.

² Уфимский край. 1908. № 125.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 342. Л. 696 об.

возки корреспонденции ямщиками. К 1 января 1914 г. в Уфимской губернии существовало 14 почтово-телеграфных контор, 35 почтово-телеграфных отделений и 21 почтовое отделение. Приём и выдача корреспонденции также производились в некоторых волостных правлениях и на железнодорожных станциях. Население активно пользовалось услугами связи. В течение 1914 г. на всех почтовых учреждениях в губернии было получено и отправлено около 16,9 млн простых писем, 6,7 млн бандеролей, 475 тыс. заказных отправлений, 84 тыс. денежных и ценных пакетов, 67,5 тыс. посылок и 656 тыс. телеграмм. Общая протяжённость государственных телефонных линий в Уфимской губернии составила 315 вёрст, телефонных проводов – 4293 версты. Деятельность почты приносила заметную прибыль. При всех расходах в 293,4 тыс. руб., доходы от почтовых, телеграфных и телефонных операций в 1914 г. составили 769,3 тыс. руб.¹ На юго-востоке Башкортостана к 1905 г. действовали почтово-телеграфные конторы и отделения в Ермолаевке, Преображенском, Белорецком, Авзяно-Петровском заводах, почтовые отделения в Мраково, Темясово и Поляковке².

Финансы и торговля. Рост экономики края способствовал дальнейшему развитию финансовых учреждений, где кредитовались местные предприниматели, население хранило деньги, исполнялись разнообразные операции (учёт векселей, переводы, покупка акций и пр.). На 1 января 1914 г. в Уфимской губернии действовала сеть государственных кредитных учреждений: казначейства (Белебей, Бирск, Златоуст, Мензелинск, Набережные Челны, Стерлитамак, Уфа), в Уфе также находилось отделение Государственного банка, а в Мензелинске на период работы знаменитой ярмарки открывалось временное отделение Госбанка с 26 декабря по 11 января. За исключением Златоуста во всех городах и крупнейших торговых центрах края имелись частные банки и иные структуры. В Белебее в 1914 г. были Общество взаимного кредита и Городской общественный банк, в Бирске – отделение Сибирского Торгового банка и Городской общественный банк, в Благовещенском заводе, Давлеканово и Набережных Челнах – Общества взаимного кредита, в Мензелинске – Городской общественный банк и ломбард, в Стерлитамаке – отделение Сибирского Торгового банка и Общество взаимного кредита. Наиболее широкая сеть финансовых учреждений действовала в столице края – Уфе. Здесь работали отделения Волжско-Камского Коммерческого, Русского для внешней торговли и Сибирского Торгового банков, Общество взаимного кредита, Городской общественный банк и ломбард³. Помимо этого в Уфе действовали три ипотечных банка – отделения государственного Крестьянского Поземельного, частных Донского и Нижегородско-Самарского; а также две кассы мелкого кредита, 5 ссудо-сберегательных касс, 15 страховых агентств («Волга», «Московское», «Саламандра» и др.), 6 транспортных контор⁴.

Широкая сеть государственных сберегательных касс в сельской местности стимулировала увеличение вкладов населения. В июне 1902 г. в почтово-телеграфную

¹ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1916. С. 75–76.

² Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1905 год. Оренбург, 1905. С. 47, 53, 60, 68.

³ Русские банки в 1914 году. Полный перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения, элеваторы Государственного Банка и нотариусы к 1 января 1914 года. СПб., 1914. С. 12–17, 44–45, 56–57, 96–97, 104–105, 108–109, 158–159, 170–171.

⁴ Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 237.

сберкассе в с. Месягутово Златоустовского уезда крестьянин с. Сикияз Е.В. Резанов положил 200 руб.¹ Активно проникали в глубинку различные страховые общества (земское и частные). К 1917 г. в Оренбургской губернии страховые агенты находились в Ермолаево, Мраково, на Верхнем и Нижнем Авзяно-Петровских и Инзерском заводах. Только в Белорецке действовали страховые общества Северное, «Россия», Русское, «Якорь»².

В сельской местности роль главных кредитно-финансовых учреждений постепенно брали на себя кооперативы. Быстрому развитию кооперации в крае способствовало Положение об учреждениях мелкого кредита от 7 июня 1904 г., значительно облегчившее условия создания и их деятельность³. Если в 1904 г. в Уфимской губернии насчитывалось всего 5 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, то в 1908 г. их стало 69, а в 1912 г. – 178. Средний состав сельского кооператива возрос с 289 чел. в 1905 г. до 604 чел. в 1911 г. Всего в 1912 г. в кредитной кооперации состояло 20,2% крестьянских хозяйств губернии. Общая сумма открытых кредитов увеличилась с 295,5 тыс. руб. в 1905 г. до 7627,5 тыс. руб. в 1912 г.⁴ Только в Стерлитамакском уезде в 1912 г. действовало 27 кредитных товариществ (Асавбашевское, Зелим-Карановское, Кармаскалинское, Мелузовское, Толбазинское и др.), а также Дедовское ссудо-сберегательное товарищество и Богдавленское общество потребителей⁵. Преимущественно в кооперативы вступали крепкие хозяева, связанные с рынком.

Региональный рынок Башкортостана выступал как часть общероссийского рынка, поставляя в основном продукцию сельского и лесного хозяйства, а также металл. В среднем за 1911–1914 гг. из Уфимской губернии вывозилось ежегодно 130 млн пуд. различных грузов (60 млн пуд. по железным дорогам, 70 млн по рекам), в том числе хлеб – 35 млн пуд. (речным транспортом – 25 млн), лес и лесные изделия – 45,2 млн пуд., руды, металлы, металлические изделия – 28 млн пуд. Кроме того отправлялись продукты животноводства – 1,5 млн пуд., минералы – 4,5 млн и прочие товары – 5,5 млн пуд. Лес и хлеб составляли 63% общегубернского вывоза. Среди хлебных грузов преобладали рожь и ржаная мука – 46%, пшеница и пшеничная мука – 17, гречиха – 11, овёс – 18, горох – 4, масляничные – 2% и пр.⁶

Значительная часть местных предпринимателей занималась вывозом продукции из края в центральные районы России или за границу. Особенно ярко это проявлялось в хлебной торговле. Вдоль пристаней масса мелких скупщиков зимой составляла небольшие партии зерна или муки и подвозила их к речным пунктам. Здесь процветал «амбарный» бизнес, владельцы складов и лабазов сдавали их в аренду под хранение хлеба, который подсушивался, очищался, вырабатывались мука и крупа. Весной с началом навигации купцы-экспортёры арендовали баржи и отправляли товар в Рыбинск или другие приволжские города. В основном вывозом из Уфимской

¹ ЗГАО. Ф. И-83. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

² Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1917 год. Оренбург, 1917. С. 58, 75.

³ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 109 и др.

⁴ Кооперация в Уфимской губернии. Уфа, 1913. Вып. 1. Кредитная кооперация. С. 8, 11, 13, 39.

⁵ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912. С. 161–163.

⁶ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. Уфа, 1918. С. 27.

губернии занимались крупные купцы и фирмы, хотя на отдельных пристанях мелкий и средний предприниматель составлял им серьёзную конкуренцию.

Например, в навигацию 1913 г. со всех пристаней бассейна Белой было доставлено в Рыбинск на баржах 14,3 млн пуд. хлеба. В руках крупного капитала находилось 2/3 вывоза – 9,9 млн пуд., или 70%. В таблице приведены сведения о количестве доставленного в 1913 г. в Рыбинск хлеба (пуд.) самыми значительными компаниями и предпринимателями. Среди крупнейших экспортёров преобладал «пришлый» бизнес.

Фирма, предприниматель	Местонахождение	Доставлено хлеба (в пуд.)
Т-во «И. Стахеев и К°»	Санкт-Петербург	1 146 374
Т-во Н.С. Менькова	Саратовская губ.	987 275
М-Н. Хакимов	Уфа	844 001
ТД «И.Г. Стахеев»	Елабуга	834 905
Т-во Л. Дрейфус и К°	Париж	662 166
Т-во А.И. Галунова	Рыбинск	553 489
ТД В.Г. Стахеева н-ки	Елабуга	504 770
Бр. Ягудины	Уфа	471 763
В.А. (Ф.А.) Гоголев	Елабуга или Рыбинск	431 010
Ш. Мухитов	с. Актаныш Менз. у.	410 158
С.П. Горохов	Бирск	390 331
Г.Ф. (К.) Батыршин	Мензелинский уезд	365 398
М.Ф. Заруцкий	Санкт-Петербург	346 135
Ш.Ю. Хамитов	с. Бураево Бирск. у.	332 522
И.А. Позолотин	Бирск	315 325
Н.П. Таганов	Бирск	313 102
ТД Бр. Халфины	д. Тлянчитамак Менз. у.	298 549
Калимуллин	с. Бураево Бирск. у.	279 701
А.Х. Ишмаев	д. Кучербаево Бел. у.	221 148
Т-во Я.С. Черnoneбова	Нижний Новгород	216 016

Источники: Вестник Рыбинской биржи. 1913. 30 апреля (13 мая) – 18 (31) октября; ТД – торговый дом, т-во – товарищество, н-ки – наследники, бр. – братья.

Особую роль играли три фирмы семейного клана купцов Стахеевых, сконцентрировавшие 2,5 млн пуд. (17,4% от всего бельского вывоза). Да с камских пристаней (Челны, Дербёшки и др.) все Стахеевы отправили в Рыбинск ещё 2,5 млн пуд. хлебных грузов. При этом, на Белой первое место занимала молодая фирма «И. Стахеев и К°», созданная в 1912 г. и получавшая кредиты для закупок зерна в крупнейших банках (Русско-Азиатский, Петроградский международный коммерческий, Соединённый, Русско-французский коммерческий и др.). Торговый дом наследников И.Г. Стахеева был основан ещё в 1905 г. и давно укрепился на хлебном рынке Уфимской губернии. На его хлебозаготовительный аппарат опиралась новая компания. Уникальность бизнеса купцов Стахеевых заключалась не просто в масштабах. Они, по-

мимо хлебного дела, торговали нефтью, лесом, мануфактурой и многим другим. Современник говорил о фирме Стахеевых, как «обладавшей “значительным капиталом”, располагавшей широким кругом постоянных покупателей и имевшей “громадное знакомство с пароходовладельцами”». Компания вела хлебную торговлю в 23 городах империи, вплоть до Петербурга и Финляндии, действовали 26 зернозакупочных станций в пяти губерниях, в том числе в Бирске, Бакалах, Чуганаке, Набережных Челнах, Мензелинске. В Уфимской и Вятской губерниях работало 9 мукомольных мельниц, имелись собственные пристани и целый флот, включавший 8 буксирных пароходов и «сухогрузочный караван» из 44 баржей общей грузоподъёмностью 5 млн пуд.¹

Большие массы уфимского хлеба вывозили саратовская фирма Менькова, крупнейший во всей России экспортёр – французская компания Дрейфус, рыбинское товарищество Галуновых. Лидерами местного предпринимательства были уфимцы Хакимов и Ягудины, а также купцы-хлеботорговцы из Бирска и с низовьев Белой. А крупнейшими центрами вывоза хлеба из Уфимской губернии по данным земской управы и биржевого комитета являлись пристани Набережные Челны – 7,4 млн пуд., Топорнино – 5,3 млн пуд., Уфа (пристань и станция) – 2,7 млн пуд., Дюртюли – 2,8 млн, Николо-Берёзовка – 2,3 млн, Бирск – 2 млн пуд., а также железнодорожные станции Давлеканово – 4,9 млн пуд., Белебей-Аксаково – 2,2 млн пуд. и Мелеуз, откуда отправлялись грузы гужевым транспортом, – 2,3 млн пуд.²

В 1900-е гг. сохранялись различные формы торговли, отвечавшие запросам разных групп населения. На севере Башкортостана существовало много сельских ярмарок, продолжала действовать крупнейшая Мензелинская ярмарка, обороты которой перед Первой мировой войной доходили до 1,6 млн руб. Кроме всевозможных потребительских товаров, ведущую роль на ней стала играть торговля лошадьми³. В 1914 г. на все ярмарки Уфимской губернии было привезено товаров на 7,7 млн руб., а продано на 3,6 млн руб.⁴ Широкое распространение имели базары. Например, в Златоустовском уезде действовало 23 крупных базара (в с. Айлино, Аркаул, Верхние Киги и др.)⁵. На юге, под воздействием железной дороги, обеспечивавшей круглогодичную поставку товаров, быстрыми темпами развивалась стационарная торговля.

Если полунатуральное общинное крестьянство и бедная часть горожан запасались товарами на базарах на длительный период времени, дожидаясь ярмарочных распродаж по сниженным ценам, то для более состоятельных слоёв населения главным становились повседневная доступность товара и его качество. В городах и крупных сёлах в 1900-е гг. существовала разветвлённая сеть стационарных лавок (магазинов), предлагавших покупателю самый широкий ассортимент. В 1913 г. в небольшом Бирске всегда в продаже были галантерейные, парфюмерные, мануфактурные, пушные, бакалейные, скобяные и иные товары, граммофоны и пластинки, швейные машинки,

¹ Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969. С. 24–26, 31, 171.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 207. Л. 415

³ Самородов Д.П. Становление и развитие системы стационарной торговли в дореволюционной Башкирии (эпоха капитализма). С. 26–27.

⁴ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 52.

⁵ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. С. 498.

писчая бумага, чернила, канцелярские принадлежности, фарфоровая и фаянсовая посуда, самовары, английский и немецкий инструмент, а также чай, сахар, кофе, какао, «шеколад и конфекты», колбаса, ветчина, сосиски, вина, консервы русских и зарубежных фирм, последние модели мужского и дамского платья, резиновые галоши и азиатская обувь, аптекарские магазины предлагали широкий выбор медикаментов¹.

Существовали налаженные торговые связи, в край поступало огромное количество отечественных и импортных товаров. Только за 1911–1913 гг. по железной дороге в Уфимскую губернию было ввезено 140,6 тыс. пуд. апельсинов и лимонов, 419,9 тыс. пуд. арбузов и дынь, 23,8 тыс. пуд. минеральной воды, 1105,5 тыс. пуд. чая, 2247,8 тыс. пуд. разного сахара, 142,3 тыс. пуд. табака и табачных изделий, 576,7 тыс. пуд. рыбного товара и раков, 624,7 тыс. пуд. керосина очищенного и неочищенного, 130,3 тыс. пуд. разной бумаги, картона и изделий из них².

Всего в Уфимской губернии накануне Первой мировой войны действовало 12 296 предприятий торговли с оборотом в 80 391 тыс. руб. Основными направлениями являлись бакалейная торговля (7237 заведений, оборот 22 526 тыс. руб.), мануфактурная (1310 и 9537 тыс. руб.), хлебная (541 и 22 500 тыс. руб.), галантерейная (400 и 1727 тыс. руб.), лесная (257 и 1450 тыс. руб.), продажа шорных, кожаных изделий, обуви и головных уборов (256 и 3016 тыс. руб.), железо-скобяная торговля (253 и 2795 тыс. руб.), скупка яиц (33 и 609 тыс. руб.), торговля керосином (23 и 720 тыс. руб.), солью (23 и 250 тыс. руб.) и прочее (1963 и 14 151 тыс. руб.)³. Продажа продукции сельского хозяйства (хлеб, лес, яйца) составляла 30% общегубернского оборота.

В центрах городов, вокруг главных площадей формировались районы сплошных магазинов, как в Уфе на Верхне-Торговой площади. В Стерлитамаке на 1 января 1914 г. имелись 153 бакалейных магазина (лавки), 20 мануфактурных, 56 хлебных, 16 лесных, 79 пивных и трактиров, 325 прочих, а всего торговая сеть Стерлитамака включала 649 торговых заведений⁴. В сельской местности также сложились локальные системы торговли. Так, в начале 1910-х гг., выделенный выдающимся российским географом В.П. Семёновым-Тян-Шанским, Дюртюлинский экономический район (с. Дюртюли, Асяново, Бураево, Казанцево, Исмаилово и др.) обслуживало 412 торговых предприятий с оборотом в 2451 тыс. руб. Важное значение имела торговля, связанная с вывозом товаров за пределы края: хлебом (оборот 658 тыс. руб.), лесом (30 тыс. руб.), заготовка лесных изделий (19), скупка корья и кулей (2), яиц (127), торговля кожами (88 тыс. руб.). Объём товарооборота, предназначенного в основном на «экспорт», составлял 924 тыс. руб., или 38% всего оборота Дюртюлинского района. Но главную роль играла торговля, обеспечивавшая местное население товарами. Сюда входили продажа вместе чая, сахара и хлеба (410 тыс. руб.), бакалеи (406), вина (212), мануфактуры (173), чая и сахара (99), вместе керосина и чая (60), мануфактурно-бакалейных товаров (59), одного керосина (35), пива (32), а также соли, стекла,

¹ См.: Редкий источник по истории города Бирска // Хрестоматия по истории Северного Башкортостана. Уфа, 2005. Ч. I. С. 185–189.

² Красильников М.П. Грузооборот в Уфимской губернии. Материалы к торговому договору с Германией. Уфа, 1915. С. 122–123, 126–127, 130–131.

³ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 26.

⁴ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 612–615.

железо-скобяных и прочих товаров¹. Деревня снабжалась бесперебойно мелкими предпринимателями. Крупные фирмы, за исключением местных, не выходили за пределы городов, выступая в роли оптовых поставщиков. Лишь стерлитамакская компания Г. Усманова в 1908 г. имела отделения в с. Стерлибаш, Мелеуз, Зирган, Петровское и др., а торговый дом Баязитовых кроме Стерлитамака имел лавки ещё в 8 селениях Стерлитамакского уезда².

В начале XX в. большие перемены происходят в развитии предпринимательства. Расширение сети банков в крае открыло сравнительно дешёвый и доступный кредит для мелкого и среднего коммерсанта. Началась так называемая «демократизация» торговли, на железнодорожных станциях, например, заготовка и вывоз хлеба в значительной степени оказались в руках мелкого предпринимателя. В 1910 г. из Белебей-Аксаково было вывезено мелкими торговцами 62% от общего количества заготовленного хлеба. Более десятка лиц отгрузили от нескольких тысяч до сотен пудов хлеба, вплоть до единственного вагона. Например, Г. Иванов отправил 16 вагонов с рожью и иными продовольственными хлебами, М. Пименов организовал 12 вагонов, Суханов – всего два вагона, а И. Пашин загрузил хлебом один вагон³. Мелкий бизнес имел ряд преимуществ перед крупным (большая оперативность, ниже уровень накладных расходов, близость к потребителю), хотя нередко падало качество услуг и продаваемых товаров.

С другой стороны, в 1900-е гг. развернулось формирование современных (акционерных) форм предпринимательства, что позволяло привлекать дополнительные капиталы сначала ближайших родственников или знакомых, затем (через выпуск акций и участие банков) посторонних лиц. На смену купцу – единоличному собственнику «дела» приходили собрания акционеров и менеджеры-управленцы. Это было началом важнейшего процесса, изменившего сам характер капиталистического общества.

В России промежуточной стадией являлись торговые дома (товарищества), объединявшие первоначально капиталы членов семьи или наследников (например, Стасеевых). В Уфе было учреждено несколько торговых домов – «И. Назаров с Товарищи» (торговля илецкой солью), «Л.Л. Богоров с Сыновьями» (мануфактура оптом), «К.Ф. Вячкилева и К^о» (мануфактура в розницу), «М.В. Тюрин, И.П. Кондручин и А.М. Сенников» (розничная торговля фаянсовой, фарфоровой и иной посудой) и т. д. Например, в 1902 г. трое братьев, купцы (потомственные почётные граждане) Николай, Борис и Валерий Андреевичи Груздёвы создают торговый дом «Братья Груздёвы». Они являлись «полными товарищами», то есть отвечали за долги всем своим имуществом. Каждый из братьев внёс по 10 тыс. руб., а также в основной капитал вошла недвижимость на сумму в 50 тыс. руб. Фирма занималась хлебной торговлей, правление располагалось в с. Урюш Бирского уезда.

Торговые дома возникали в различных районах Башкортостана. В Стерлитамаке такое же полное («на вере», как говорили в то время) «Товарищество по выработке кирпича и других изделий из глины» образовали купцы 2-й гильдии А.В. Кузнецов, В.А. Сухоуков, А.В. Дьяконов и мещанин А.Ф. Краузе. Главный доход давала продажа кирпича.

¹ Семёнов-Тян-Шанский В.П., Штрумп Н.М. Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., б. г. Вып. IV. Центральная хлеботорговая полоса. С. 412.

² Самородов Д.П. Указ. соч. С. 61.

³ ЦИА РБ. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 11. Л. 76–91 об., 107–116 об.

В Мелеузе торговый дом «Братья Симоновы» составили четверо братьев (Василий, Пётр, Николай и Григорий), сбывавшие шапки, фуражки и разную обувь. Более крупные компании соединяли активы предпринимателей из разных регионов. В начале XX в. возникает лесопромышленное товарищество «Лаптевы и Манаев», учреждённое уфимскими купцами С.С. Манаевым, М.А. и В.А. Лаптевыми и тюменским купцом В.Р. Лаптевым (капитал 190 тыс. руб.). Главная контора фирмы располагалась в Челябинске, имелись отделения в Тюмени, Кургане, Петропавловске, на железнодорожных станциях Мишкино и Макушино. Компания занималась торговлей лесом и строительными материалами¹. Торговые дома (акционерные общества) возникали и в других отраслях экономики (торговля нефтепродуктами, металлургия, золотодобыча).

Нередко создавались многопрофильные компании, когда капитал вкладывался в различное производство и недвижимость ради большей надёжности. Например, в июне 1910 г. при разделе имущества торгового дома «Братья Злоказовы» Ф.А. Злоказов получил Исетский пивоваренный завод в Екатеринбурге и там же дома с пивными подвалами, пивоваренный и ректификационный заводы в Ирбите, дома в Ялutorовске, Туринске, Тюмени, Шадринске, Нижнем Тагиле, Златоусте и других городах, Петровский винокуренный, спиртоочистительный и стеклоделательный заводы в Ялutorовском уезде Тобольской губернии, Никольскую мельницу при д. Муслотово Шадринского уезда Пермской губернии, Петропавловский винокуренный завод, Константиновскую мельницу, Никольский чугуноплавильный завод в Златоустовском уезде и пр. В.П. Злоказову отошли Уральская суконная фабрика в Екатеринбургском уезде, пароходные пристани в Семипалатинске и Тюмени, мойки (шерсти) в Чугучаке и Павлодаре, дом в Иркутске и т. д.² Далеко не самая крупная фирма имела различные предприятия и недвижимость на огромной территории, от монгольской границы до Уфимской губернии.

Дальнейшее развитие торговли в крае привело к созданию в 1905 г. в Уфе товарной биржи, располагавшейся около Верхне-Торговой площади (организатор и председатель биржевого комитета – купец Н.Н. Степанов). Членами биржи являлись как крупные фирмы и банки (I разряд), так и более мелкие купцы из Дюртюлей, Красноуфимска, с. Байки Бирского уезда и др. (II разряд). Далеко не все предприниматели участвовали в работе биржи. В 1908 г. отмечалось, что «местные торговцы и промышленники состоят из русских и татар, при чём последних едва-ли даже не больше, чем русских». Но мусульмане не понимали значения биржи, уклонялись и за первые три года в её состав вступило лишь 12 предпринимателей-мусульман³.

Объёмы операций биржи постепенно возрастали, она становилась рупором местных торгово-промышленных кругов, с её мнением считались государственные органы. Но значение уфимской биржи в экономике края оставалось скромным. В 1913 г. маклеры В.И. Сорокин и А.В. Крутовских совершили сделки по продаже 567 800 пуд. хлеба (ржи – 332 800, гречи – 110 000 пуд. и пр.). Тогда как только с бельских пристаней в Рыбинск было доставлено 14,3 млн пуд. хлеба (доля маклеров составляла

¹ Указатель торговых домов, составлен по официальным данным учреждений Министерства внутренних дел под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1907. С. 177, 281–283.

² ЗГАО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 522. Л. 143.

³ Отчёт уфимского биржевого комитета за 1908 год. Уфа, 1909. С. 41, 62–63; Самородов Д.П. Указ. соч. С. 92–95.

всего около 4%). Кроме того на бирже совершались сделки по лесу, нефти, мазуту, было продано два парохода, три железных баржи, заключались контракты на аренду караванов и буксиров, выводку барж с хлебом (208 тыс. пуд.) в Рыбинск¹.

Промышленность. Из некогда многочисленных предприятий цветной металлургии в начале XX в. продолжал действовать единственный Верхоторский медеплавильный завод наследников В.А. Пашкова. В 1905 г. на нём было занято 133 рабочих и 2205 чел. трудились на вспомогательных операциях. Выплавка штыковой меди составляла 16 931 пуд. Сырьё для завода, как и прежде, поступало с Каргалинского месторождения под Оренбургом, где эксплуатировалось 12 собственных рудников (20 шахт и штолен), под землёй работало 172 чел., на поверхности – 77. В 1905 г. было добыто 689,5 тыс. пуд. медной руды, которая доставлялась в Верхотор гужевым транспортом. Спрос на медь поддерживал существование предприятия. В 1906 г. на Верхоторском заводе было получено 22 905 пуд. штыковой меди, в 1907 г. – 19 759 пуд., в 1909 г. – 16 512 пуд., в 1910 г. – 13 230 пуд. Истощённое Каргалинское месторождение с трудом обеспечивало предприятие сырьём. В 1909 г. здесь было добыто всего 261,8 тыс. пуд. медной зелени, вкрапленной в песчаник. В 1910 г. добыча медной руды вообще не велась². Выплавка меди сокращалась (1911 г. – 6239 пуд., 1912 г. – 3947 пуд.) и в 1913 г. последний в Уфимской губернии Верхоторский завод произвёл 7513 пуд. меди³ и окончательно закрылся.

В 1906 г. владелец не действовавшего Преображенского завода (с. Зилаир) В.Н. Охотников возобновил производство меди. Всего было получено 1500 пуд. чёрной и 210 пуд. штыковой меди (трудилось 35 чел.). В 1907 г. выплавка составила 1789 пуд. штыковой меди, но небольшое предприятие, расположенное в глухой местности, не имевшее надёжного транспортного сообщения, уже в следующем году было закрыто. В 1909 г. на Уваряжском руднике В.Н. Охотникова силами 23 рабочих удалось добыть 25 800 пуд. медного колчедана⁴. Впоследствии Преображенский завод лишь числился в справочниках промышленных предприятий⁵. Цветная металлургия на западном склоне Южного Урала прекратила существование. Но в Зауралье Южно-Уральское горнопромышленное акционерное общество (ЮУГАО) начало в Таналыко-Баймакском районе геологическое изучение местности, а затем и строительство медеплавильного завода (см. далее).

Кроме того, в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии продолжалась небольшая добыча марганца и хромистого железняка товариществом химических заводов П.К. Ушков и К^о. В 1910 г. было получено на Ивано-Петровском руднике 10 тыс.

¹ Отчёт уфимского биржевого комитета за 1913 год. Уфа, 1914. С. 133–134.

² Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1905 году. СПб., 1908. С. 232–239; Там же в 1906 году. СПб., 1909. С. 220–221; Там же в 1907 году. СПб., 1910. С. 224–225; Там же в 1909 году. СПб., 1912. С. 261, 270–271; Там же в 1910 году. СПб., 1913. С. 228–229.

³ Доклад уполномоченного Акционерного Общества «Медь» о положении медного дела за 1914 год. М., 1915. С. 4.

⁴ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1906 году. С. 220–221; Там же в 1907 году. С. 224–225; Там же в 1909 году. С. 261.

⁵ Например, за 1910 г. отмечен Преображенский медеплавильный завод В.Н. Охотникова, основан в 1905 г., заведующий – Э.Н. Биньковский, годовое производство 2500 пуд. красной штыковой меди на 30 тыс. руб., занято 30 чел., один двигатель в 30 л. с. (Список фабрик и заводов России 1910 г. М.; СПб.; Варшава, б. г. С. 335).

пуд. марганцевой руды (трудилось 17 рабочих), а на двух разрезах – 6 тыс. пуд. хромистого железняка (22 чел.)¹. По всему краю действовали каменоломни, добывался также асбест. В 1908 г. на землях башкир 3, 4 и 5-й Усерганских волостей разведкой и добычей занимался инженер С.А. Подьяконов, всего было получено 51 тыс. пуд. асбестовой руды и 5 тыс. пуд. чистого асбеста². В Златоустовской казённой даче работал рудник АО Асбестовых заводов «Изолятор» (246 чел., получено 13 847 пуд.), а в Верхнеуральском уезде в 1909 г. – небольшой Натальинский рудник дворянина Б.К. фон Шуберга (15 чел., добыто 5150 пуд. асбеста)³.

Крупнейшая отрасль промышленности Южного Урала – чёрная металлургия – в начале XX в. переживала сложный период. Предприятия края были ориентированы на общероссийский рынок, поэтому экономический кризис 1900–1903 гг. и последующая депрессия тяжело отразились на ряде производств. В 1903 г. закрылись маломощные Архангельский и Лемезинский заводы⁴, другие на время прекращали работу. В наиболее устойчивом положении находились предприятия Златоустовского казённого округа, исполнявшие преимущественно военные заказы. Выплавка чугуна на заводе в Сатке составляла в 1907 г. 1785,5 тыс. пуд., в 1910 г. – 1709 тыс., в Кусе – 428 и 459 тыс., в Златоусте – 988 и 1474 тыс. пуд.⁵ Выпускалось также большое количество разнообразных изделий из металла и вооружение. Например, в 1905 г. на Златоустовском заводе и оружейной фабрике было изготовлено 183 тыс. штук артиллерийских снарядов разного калибра, 86,5 тыс. штук холодного оружия (солдатских и офицерских шашек, кинжалов и пр.), 17 тыс. пуд. пуль свинцовых сферических. На Кусинском заводе выпустили 138,3 тыс. штук гранат, ядер и шрапнелей, 37,6 тыс. пуд. чугуна посуды, художественных вещей и различных изделий⁶. Златоустовские заводы были оснащены передовой для того времени техникой.

Успешно действовали предприятия Симского горнозаводского округа. Если на Симском заводе выплавка чугуна несколько сокращалась (с 863,5 тыс. пуд. в 1905 г. до 575 тыс. пуд. в 1910 г.), то Аша-Балашовский завод наращивал выпуск продукции. В 1905 г. здесь было получено 702 тыс. пуд. чугуна, в 1910 г. – 1495 тыс. пуд. А Миньярский завод в 1910 г. выдал 1416 тыс. пуд. готовой продукции из металла (сортовое и кровельное железо)⁷. Владельцы – дворяне Н.П. и И.П. Балашовы – постоянно финансировали производство из семейных капиталов⁸, провели техническую реконструкцию, планировали построить крупный завод по выпуску сельскохо-

¹ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1910 году. С. 238–239.

² Статистический обзор Оренбургской губернии за 1908 год. Оренбург, 1909. С. 14–15.

³ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1909 году. С. 565.

⁴ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 479; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII – XIX веков. Уфа, 1985. Ч. I. С. 249.

⁵ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1907 году. С. 304–305; Там же в 1910 году. С. 284–285.

⁶ Обзор Уфимской губернии за 1905 год. Уфа, 1906. С. 18, 21.

⁷ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1905 году. С. 326–327; Там же в 1910 году. С. 290–291, 320–321.

⁸ Им принадлежали земли и в других регионах страны. Так, в 1895 г. в Новгородском уезде Е.А. Балашова владела 7487 дес., а в Устюженском уезде (оба в Новгородской губернии) в собственности Н.П. и И.П. Балашовых находилось 14 645 дес. (Нижулин В.Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград, 2005. С. 257, 307).

заводских машин. Предприятия давали устойчивую прибыль, избежали кризисных моментов, но для дальнейшего развития Симского округа потребовалось изменение формы собственности. В 1910 г. был утверждён устав акционерного общества (ему перешли заводы и земля), а в марте 1913 г. прошло первое общее собрание пайщиков. Основной капитал составил 12 млн руб. (12 тыс. акций по 1000 руб.). Семья Балашовых сохранила контрольный пакет, получив 8200 из 12 тыс. акций (председатель правления А.Н. Балашов). Прочие акции перешли к банкам – Петроградскому частному коммерческому, а также Русско-Азиатскому и Торгово-промышленному¹.

В Златоустовском уезде продолжал работать небольшой Никольский металлургический завод Злоказовых (с одной домной). Выплавка чугуна сильно колебалась, в 1906 г. – 53 953 пуд., в 1907 г. – 251 570 пуд., в 1910 г. – 6631 пуд.² В 1913 г. на нём было занято 168 рабочих, производство составило 117 734 пуд. чугуна и 31 207 пуд. чугунных отливок³. В июне 1910 г. имущество торгового дома «Братья Злоказовы» было разделено на три части и Никольский чугуноплавильный завод отошёл к Ф.А. Злоказову⁴.

Основой развития чёрной металлургии Южного Урала являлись богатейшие месторождения железной руды. В 1910 г. сырьё на златоустовские заводы поступало с Бакальского, Ельничного и Ахтенского рудников, где (внутри и на поверхности) трудилось 535 чел., а также с Магнитного. Всего было добыто 7,3 млн пуд. Для Симских заводов железная руда поставлялась с 5 рудников (316 чел.), добыто 3,7 млн пуд.; для Белорецких тоже с пяти (703 чел., 2,6 млн пуд.); для Инзерских – с четырёх (247 чел., 2 млн пуд.) и один рудник обслуживал Зигазинский завод (97 чел., 716 тыс. пуд.)⁵. Но даже прекрасная сырьевая база, растущий спрос на металл, удобные пути сообщения не гарантировали стабильности производства.

В 1908 г. произошло крупнейшее в регионе банкротство. Два, вчера ещё процветавших и поставлявших на рынок востребованную продукцию, предприятия прекратили свою работу. Тысячи людей оказались без средств к существованию. На Катав-Ивановском заводе выплавка чугуна с 1905 по 1907 гг. поднялась с 1156 до 1253 тыс. пуд., на Юрюзань-Ивановском заводе она несколько упала с 938 до 800 тыс. пуд. В 1907 г. в Юрюзани выпустили 124 тыс. пуд. железа, 368 тыс. пуд. стальных отливок и 634 тыс. пуд. различной готовой продукции. На Катав-Ивановском заводе в 1907 г. производство составляло 1467 тыс. пуд. отливок и 1004 тыс. пуд. различной стальной продукции⁶. Оба завода входили в число ведущих по объёмам производства и технической оснащённости на всём Южном Урале.

Владелец предприятий – князь К.Э. Белосельский-Белозёрский – в высшем свете имел авторитет «энергичного и инициативного предпринимателя», но его успехи держались на огромных правительственных льготах, предоставлявшихся по распоряжениям

¹ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 189–191.

² Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1906 году. С. 312–313; Там же в 1907 году. С. 314–315; Там же в 1910 году. С. 292–293.

³ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. С. 43.

⁴ ЗГАО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 522. Л. 143 и об.

⁵ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1910 году. С. 270, 275.

⁶ Там же в 1905 году. С. 326–327; Там же в 1907 году. С. 312–313, 336–337, 358–359.

императоров Александра III и Николая II. Так, срок погашения казённой ссуды с 1902 г. был отодвинут на 1908 г. (ежегодный взнос должен был составлять 198 тыс. руб.). Но уже к 1903 г. задолженность достигла 5,5 млн руб., над заводами было учреждено опекуновское управление в составе сына владельца С.К. Белосельского-Белозёрского и зятя князя В.Н. Орлова. Несмотря на получение (по разрешению Николая II) очередной правительственной ссуды в 1450 тыс. руб., опекуны лишь один раз выплатили проценты по кредитам. Долги продолжали нарастать, к 1906 г. увеличившись ещё на 900 тыс. руб., а средства расходовались «на содержание князя и его семьи». В конце концов под давлением Министерства финансов в июне 1908 г. опекуновское управление «прекратило работу на заводах» и приступило к наделению жителей землёй¹. Лишь спрос на оборонную продукцию с началом мировой войны возродил производство. В 1914 г. на Катав-Ивановском заводе было выплавлено 1080,4 тыс. пуд. чугуна².

Продолжало успешно действовать небольшое акционерное общество «Магнезит», выпускавшее огнеупорный кирпич, в 1910 г. на нём трудилось 324 рабочих, было произведено 672 259 пуд. магнезитного порошка и 946 781 пуд. магнезитного кирпича³. Один из владельцев этой компании, А.Ф. Шуппе, рядом с башкирской д. Асылгузино в 1906 г. арендует 50 дес. казённой земли возле порогов на р. Большая Сатка, где в 1908 г. началось строительство гидроузла (по проекту профессора Б.А. Бахметьева) и завода по производству ферросплавов. В мае 1908 г. образуется «Уральское электрометаллургическое товарищество графа А.А. Мордвинова, графини Е.А. Мордвиновой, барона Ф.Т. Ропша и А.Ф. Шуппе». Здесь была построена первая на Южном Урале и одна из первых в России ГЭС с двумя гидротурбинами мощностью 610 кВт. Предприятие было оснащено самой передовой техникой, электричество использовалось для заводских нужд и освещения посёлка. В июле 1910 г. завод «Пороги» был пущен в эксплуатацию, прошли первые плавки ферросилиция и феррохрома. Сырьём служил кварцит, в производстве использовался древесный уголь⁴. В 1914 г. на электрометаллургическом заводе трудилось 60 рабочих, было выплавлено 40 881 пуд. чугуна⁵.

Заводы Белорецкого округа, выпускавшие продукцию под торговой маркой акционерного общества Пашковых, принадлежали фирме московских немцев «Воган и К^о». Несмотря на общую неблагоприятную конъюнктуру и большие проблемы с вывозом продукции (продолжалась архаичная отправка весенних караванов с металлом вниз по Белой), заводы имели стабильное финансирование. Сокращение выплавки чугуна и временные перебои в работе компенсировались активным техническим перевооружением, ростом производства стали, кровельного железа и проволоки. В 1907–1910 гг. округ давал устойчивую прибыль в 223–485 тыс. руб.⁶

¹ Гиндин И.Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1968. Т. 82. С. 122, 125, 131–133, 135; Крюков Н.А. Краткое описание Катав-Юрюзанского имения князя К.Э. Белосельского-Белозёрского. СПб., 1910 (заводы были закрыты 12 августа 1908 г.). С. 13.

² Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1916. С. 51.

³ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1910 году. С. 513.

⁴ http://sb-1.msk.ru/TRAVEL/2007/01_Porogi/manual.html // Информационная справка о природно-историческом комплексе «Пороги» в Саткинском районе Челябинской области.

⁵ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 51.

⁶ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 159–160.

На Белорецком заводе выплавка чугуна возрастала с 341,9 тыс. пуд. в 1905 г. до 734,5 тыс. в 1910 г. Производство сварочного железа было почти ликвидировано (с 51 894 до 368 пуд.), зато выпуск готовой продукции (полосового и сортового металла) увеличился с 2,5 до 3,1 млн пуд. На Узянском заводе выплавка чугуна оставалась стабильной (548 042 пуд. в 1905 г. и 610 430 пуд. в 1910 г.), здесь отливались чугунные изделия, выпускались иные товары. Тирлянский завод специализировался на производстве литого металла (листовая сталь), 849 662 пуд. в 1905 г. и 1 210 091 пуд. в 1910 г. А Кагинский завод выпускал проволоку, из которой изготавливались гвозди. В 1905 г. в Каге было произведено 520 311 пуд. проволоки (в том числе 404 977 пуд. гвоздей), в 1910 г. завод поставил 417 287 пуд. гвоздей¹.

В 1911 г., в результате сильнеешего пожара, Кагинский завод сгорел², компания решила его не восстанавливать, производство проволоки и гвоздей было перенесено в Белорецк. В предвоенные годы Белорецкий округ интенсивно развивался. Постройка узкоколейной железной дороги сняла транспортную проблему, была увеличена мощность центральной электростанции, продолжалась техническая реконструкция. В результате в 1913 г. основной капитал общества возрос с 3,5 до 7 млн руб., выпущенные акции разошлись к 30 апреля 1913 г. Торговый дом «Boгау и К^о» и лица, тесно связанные с ним, контролировали 5150 тыс. из 7 млн руб.³ В письме германского консула в России так оценивалась деятельность руководства фирмы (Гуго Марк и др.): «Одной из его главных заслуг стало развитие Белорецких металлургических заводов, которые ещё 15 лет назад представляли незначительно неприбыльное предприятие. Но с течением времени из этого предприятия вырос значительнейший горный завод Южного Урала с европейской организацией, современным техническим оборудованием и собственной железнодорожной сетью протяжённостью 160 км»⁴.

Общество Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов к 1905 г. имело 2,5 млн руб. долгов. После закрытия Лемезинского завода работал только Авзяно-Петровский завод. В 1905 г. здесь было выплавлено 663 011 пуд. чугуна, в 1906 г. – 836 225 пуд., в 1907 г. – 596 194 пуд. Но ежегодные убытки привели в 1908 г. (получено 439 582 пуд. чугуна) к полной остановке Авзяно-Петровского завода⁵.

Зигазинский завод Шамова и Кальсина (затем М.В. Асеева), опираясь на богатую рудную базу, постепенно увеличивал выпуск продукции. В 1905 г. выплавка чугуна составила 166,8 тыс. пуд., в 1906 г. – 408 тыс., в 1907 г. – 253,2 тыс., в 1908 г. не работал, в 1909 г. – 495 тыс., в 1910 г. – 498,1 тыс. пуд.⁶

¹ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1905 году. С. 328–329, 354–355, 376–377, 404–405; Там же в 1910 году. С. 290–291, 308–309, 320–321, 342–343.

² Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С. 144.

³ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 238–239.

⁴ Цит. по: Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002. С. 195–196.

⁵ Там же. С. 164; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1905 году. С. 328–329; Там же в 1906 году. С. 312–313; Там же в 1907 году. С. 312–313; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1908 год. С. 16–17.

⁶ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С. 410; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1905 году. С. 328–329; Там же в 1906 году. С. 312–313; Там же в 1907 году.

Инзерское горнозаводское общество (большинство акций принадлежало С.П. фон Дервизу), опираясь на поддержку Азовско-Донского, Нижегородско-Самарского и др. банков, благополучно пережило период кризиса, несмотря на падение цен на чугун, сохранило объёмы производства. Выплавка чугуна оставалась стабильной, в 1905 г. на Инзерском заводе произвели 556,5 тыс. пуд., в 1910 г. – 493 тыс., на Лапыштинском – 440,1 и 554,5 тыс. пуд.¹

Большие изменения происходили в *золотодобывающей* отрасли. К началу XX в. примитивная эксплуатация месторождений привела к истощению запасов, прекращению работ на большинстве приисков юго-восточного Башкортостана. Если в 1895 г. только на землях башкир-вотчинников Орского уезда действовало 16 приисков, то к 1905 г. в дачах башкир трёх Бурзянских волостей работали два крупных (близ д. Гадильшино и Султанский) и 4 мелких прииска Рамеевых². Добычу рассыпного и рудного (жильного) золота в границах современного Башкортостана показывает таблица.

Период	Среднегодовая добыча золота (кг)
1895–1899 гг.	955,62
1900–1904 гг.	715,95
1905–1909 гг.	484,44
1910–1914 гг.	1127,71

Источник: Макарова В. Н. Золотодобывающая промышленность Башкортостана в период двух модернизаций (80-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.). Уфа, 2006. С. 243.

Добыча золота в первое десятилетие XX в. сокращалась. Технологии, основанные на ручном труде, незначительное применение высокопроизводительных промывальных машин вело к разработке самых богатых месторождений, после исчерпания запасов которых предприниматели просто забрасывали прииски. Для эксплуатации более бедных месторождений требовались крупные капиталовложения и передовое оборудование. Активная добыча золота продолжалась только на землях казённой Тептяро-Учалинской дачи.

Семейные фирмы, арендовавшие башкирские земли в Оренбургской губернии, постепенно прекращают свою деятельность. Наследники известного золопромышленника К.П. Горяева отходят от дел, права на прииски были проданы екатеринбургской купчихе Д.И. Андреевой (в 1906 г. разрабатывались Таналыкский, Мрясовский и Уртазым-Горяевский прииски). Но она разорилась и в 1907–1910 гг. добычу золота здесь осуществляло «Конкурсное управление по делам несостоятельной должницы Д.И. Андреевой».

Резко сокращают добычу золота на башкирских землях предприниматели Рамеевы. Основной бизнес семья переносит на земли казачества и даже в Тургайскую об-

С. 314–315; Там же в 1909 году. С. 342–343; Там же в 1910 году. С. 292–293; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1908 год. С. 16–17.

¹ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 166, 240–241; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1905 году. С. 328–329; Там же в 1910 году. С. 292–293.

² История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2006. Т. I. С. 215; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1905 году. С. 86–87.

ласть. На территории станицы Магнитной М.-Ш. Рамееву принадлежало 19 приисков, М.-З. Рамееву – семь. В 1907 г. М.-Ш. М.-С. Рамеев разрабатывал в Верхнеуральском уезде 21 прииск. Но в 1910 г. в дачах башкир функционировали только три рамеевских прииска. Информация о добыче золота в 1910 г. приведена в приложении № 3. В 1911 г. М.-Ш. Рамеев продаёт свою резиденцию – Гадильшинский прииск (в 1912 г. он умер)¹.

В начале XX в. начинается активное проникновение в золотодобывающую промышленность крупного капитала, который приходит на смену семейным фирмам, предпринимателям-одиночкам и старательским артелям. В период с 1910 по 1914 г. добыча золота в Башкортостане резко возросла, более чем в два раза превысив предыдущий уровень (см. таблицу). В Верхнеуральском горном округе с конца 1902 г. начала работу Тептярская золотопромышленная компания (основные акционеры Р.Н. Миллер, Б.Л. Келлер и др.). На озёрах Ургун и Колкан в 1903–1907 гг. действовала паровая драга, извлекавшая золото из донного ила. Фирма скупала прииски, использовались новейшие технологии извлечения драгоценных металлов. Более десяти приисков разрабатывало Тамьян-Тангауровское товарищество (директор Х.Х. Нигматуллин), на собственных участках добывали золото Комаровское и Белорецкое общества. В 1910–1912 гг. возникают Верхнеуральское и Бурзянское золотопромышленные товарищества.

Но наибольший размах приобрела деятельность возникшего в 1912 г. Южно-Уральского горнопромышленного акционерного общества (ЮУГАО), учредители – барон В.В. Меллер-Закомельский, английский подданный Л.А. Уркарт и др. ЮУГАО активно скупает арендные права на земли под бывшими приисками Горяевых (в 1911 г. у Д.И. Андреевой за 150 тыс. руб. их приобрёл красноуфимский купец А.Ф. Кабанов, который в 1912 г. уже за 972 тыс. руб. переуступил права ЮУГАО), Рамеевых (в том числе Гадильшинский прииск), Миасско-Троицкого золотопромышленного общества, Уваряжский медный рудник В.Н. Охотникова и др. В 1913 г. основной капитал общества было решено увеличить с 1,2 до 10 млн руб. Компания опиралась на поддержку британской Таналыкской корпорации.

Помимо золотых приисков, ЮУГАО начало разработку богатейшего Таналыко-Баймакского месторождения полиметаллических руд. Проводились большие геологические изыскания, выявлены запасы каменного угля, началось строительство медеплавильного завода в Баймаке. Пробные плавки прошли в 1913 г. (было получено 1050 пуд. черновой меди), в 1914 г. постройка завода завершилась. Кроме меди, здесь извлекали золото и серебро².

Башкортостан в начале XX в. оставался крупным центром *лесозаготовок и лесопильной промышленности*. В дачах башкир-вотчинников, купцов-лесопромышленников, горных заводов непрерывно велись массовые лесозаготовки, на которых было занято всё окрестное население. Только в 1914 г. в районе 21-го лесничества было вырублено 8650 дес. башкирских лесов (самими башкирами – 7333 дес., «кортомщиками» (арендаторами) – 1317 дес.³). Ежегодно тысячи плотов сплавлялись по многочислен-

¹ Макарова В.Н. Золотодобывающая промышленность Башкортостана в период двух модернизаций (80-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.). Уфа, 2006. С. 64–67; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1906 году. С. 74–75; Там же в 1907 году. С. 68–72; Там же в 1910 году. С. 60–66.

² См.: Макарова В.Н. Указ. соч. С. 59, 89–108, 246–248.

³ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 128.

ным рекам бассейна Белой, к волжским пристаням шли баржи с лесом. В навигацию 1910 г. по Белой и Уфе ходили 20 буксиров, нагружалось 175 судов, 264 парохода, 72 плота, разгружалось – 61 судно, 1159 пароходов, 3873 плота¹. За 1911–1913 гг. в среднем за год из Уфимской губернии вывозилось леса и лесных изделий по железной дороге – 10 634,3 тыс. пуд., по рекам – 10 217, а всего – 20 851,3 тыс. пуд.² Леса южного Башкортостана снабжали дровами и строительными материалами Оренбург. Торговлей занимались крупные компании, например Оренбургское лесное промышленное и торговое общество с капиталом в 2150 тыс. руб. (8600 акций по 250 руб.). Правление фирмы находилось в Санкт-Петербурге³. Сложилась целая система транспортировки древесины. Башкиры верхних прибельских деревень рубили лес, составляли плоты и сплавливали вниз. Потом брёвна выгружали на левый берег на пристанях в районе д. Юмагузино и Псянчино (совр. Худайбердино). Отсюда шла гужевая дорога на д. Мраково, стоявшее на речке Большой Ик, притоке Сакмары. На этом участке – примерно в 20 вёрст – осуществлялись зимние перевозки лесоматериалов, которые весной опять сплавливали по Сакмаре до Оренбурга.

Рост городов, бурное жилищное строительство, развитие промышленности и торговли создало устойчивый спрос на пиломатериалы и разнообразную древесину. Перед Первой мировой войной в Уфимской губернии насчитывалось 18 крупных лесопильных предприятий, 15 из которых располагались в Уфе⁴ (таблица показывает крупнейшие заводы на 1910 г.).

Место-нахождение	Владелец лесопильного предприятия	Дата основания	Число рабочих	Двигатель	Продукция
Уфа, правый берег Белой	О-во Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов	–	86	Один, 25 л.с.	Доски, брусья, шпалы на 200 тыс. руб. в год
Уфа, пристань Чёрный Яр	Д.С. Лысанов	1908	52	Один, 100 л.с.	25 тыс. шт. досок, 48200 ящиков для упаковки яиц, 17230 пуд. древесной шерсти, всего на 47 тыс. руб.
с. Надеждино Бирский уезд	Наследники графа А.А. Мордвинова	1895	40	Один, 36 л.с.	Доски разные и перемол ржи, на 22 тыс. руб. в год
Уфа, Никольский посёлок	В.А. Петунин	1900	50	Два, 26 л.с.	Годовое производство на 4 тыс. руб.
Уфа	Уфимское лесопромышленное товарищество	1905	120	Один, 40 л.с.	Доски, ящики для упаковки яиц и древесная шерсть, на 200 тыс. руб. в год

Источник: Список фабрик и заводов России 1910 г. М.; СПб.; Варшава, б. г. С. 238.

¹ Обзор Уфимской губернии за 1910 год. С. 34.

² Красильников М.П. Грузооборот в Уфимской губернии. С. 4.

³ Статистика акционерного дела в России. Харьков, 1907. Вып. I. Учёт прироста основного капитала акционерных компаний и паевых товариществ в 1905 и 1906 гг. / Под ред. Н.А. фон-Дитмара. С. 7.

⁴ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 20.

Все лесопилки были оснащены паровыми двигателями, продукция отправлялась на вывоз (ящики, древесная шерсть – упаковочный материал в виде тонкой стружки) и поставлялась на внутругубернский рынок – доски, брусья, шпалы, трудились сотни рабочих. На лесном деле были созданы крупные состояния купцов Лаптевых, Манавых, Софроновых.

Из других отраслей *обрабатывающей* промышленности особую роль играло мукомольное производство. Сельское население перемалывало своё зерно на многочисленных мелких водяных (реже ветряных) мельницах. На 1911 г. в Уфимской губернии насчитывалось 2606 водяных мукомольных мельниц, 465 ветряных мельниц, 1058 толчей и обдирок, последние основаны не на растирании зерна между жерновами (1 постав = 1 жернов), а на принципе дробления. Также имелось 17 мутовок (в Белебеевском уезде) и пять конных мукомольных мельниц¹. Только в Мишкинской волости Бирского уезда в 1910-е гг. действовали водяные мельницы при д. Ирсаево на р. Иняк, д. Чебыково на р. Заводской, д. Старо-Васькино на р. Малый Иняк, две при д. Сухоязово на р. Вагуш и Сухояз, д. Яндыганово на ключе, д. Кигазы-Тамак на р. Кигазы и пр. Повсеместно небольшие речки были перекрыты многочисленными мельничными плотинами, что благотворно влияло на экологию, регулировало сток, повышало уровень грунтовых вод. Например, на р. Бирь в пределах Мишкинской волости стояли водяные мукомольные мельницы близ д. Бабаево (две), пос. Николаевский, д. Кочкильдино, Сухоязово, Урьяды².

В большинстве случаев мельницы (земля под ними) принадлежали крестьянским общинам, которые сдавали их арендаторам на несколько лет. В Пономарёвской волости Бирского уезда в 1910-е гг. насчитывалось 14 водяных мукомольных мельниц (см. таблицу на след. стр.).

Пономарёвская волость примыкала к городу Бирску, что влияло на характер производства. Здесь существовали деревенские мельницы с доходностью до 300 руб. Они в основном обслуживали потребности самих сельских жителей. Рядом с ними работали крупные мельницы на 4–5 поставов. В Бирск стекалось большое количество зерна для вывоза на речных судах, на этих мельницах часть его перемалывалось в муку, вырабатывалась крупа, очищалось от шелухи зерно на обойках. Доходность предприятий достигала 2–6 тыс. руб., владельцами и арендаторами мельниц являлись Удельное ведомство, известные бирские купцы Гороховы, Уткины или пароходчик Збитнев, а семейство Князевых специализировалось на мукомольном бизнесе.

В мукомольном производстве соседствовали простейшие маломощные деревенские мельницы и крупные высокотоварные предприятия. В 1911 г. в сельской местности Стерлитамакского уезда действовало 147 однопоставных водяных мукомольных мельниц, 153 – на два постава, 46 – на три, 5 четырёхпоставных и единственная водяная мельница на 5 поставов, а также 35 ветряных мельниц разной производительности и 77 обдирок.

Наиболее крупные деревенские мельницы тоже исполняли заказы местных предпринимателей по перемолу товарных масс зерна. Однако непрерывно растущий спрос на муку для населения края и вывоза за пределы региона привёл к строительству совре-

¹ Уфимский земский календарь на 1911 год. Уфа, 1911. С. 148–151.

² ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2533. Л. 225 об. – 229.

Местонахождение мельницы	На речке	Характер производства	Собственник	Арендатор, доходность
д. Силантьево	Еланде	2 муком. постава, обдирка для проса и обойка для пшеницы	Бирское и Николаевское сельские общества	Е.С. Царегородцев (150 руб.)
Имение Е.И. Князева	Кынгыре	2 муком. постава, обдирка и обдирка для проса	Е.И. Князев	Он же (296 руб.)
д. Шестыково	Шаде	2 муком. постава, обдирки для проса и полбы	Шестыковское сельское общество	М.А. Порубов (298 руб.)
д. Старо-Угузево	Риязе	2 муком. постава, обдирка для проса	«Башкиры дер. Старо-Угузевой»	А.С. Хлестов (158 руб.)
д. Старо-Угузево	Туллинке	2 муком. постава, обдирка для проса	Они же	И.П. Чайников (100 руб.)
д. Старо-Угузево	Туллинке	То же	Они же	Т.П. Белослудцева (129 руб.)
д. Симкино	Дике	То же	Они же	П.Т. Зинов (?)
д. Баженовка	?	Крупяно-мукомольная мельница, 5 поставов	Е.С. Горохова	Она же (5930 руб.)
д. Ярославка	?	4 муком. постава, обдирка	Удельное ведомство	И.И. Уткин (3011 руб.)
с. Десяткино	?	5 муком. поставов	Удельное ведомство	Г.П. Князев (1581 руб.)
д. Кутькино	?	5 муком. поставов, обдирка	Удельное ведомство	М.Д. Князев (2807, 8 руб.)
с. Суслово	?	5 муком. поставов, обдирка	Бирское и Николаевское общества	М.Д. Князев (3046,7 руб.)
д. Баженовка	?	4 муком. постава	Уфимский женский Благовещенский монастырь	Он же (2323,2 руб.)
д. Самосадка	?	3 муком. постава, 2 крупянки	И.Т. Збитнев	Он же (3478 руб.)

Источник: ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2533. Л. 276 об. – 280.

менных высокопродуктивных предприятий. По всей Уфимской губернии к 1911 г. функционировали 23 паровых мукомольных и крупяно-мукомольных мельниц, 109 мельниц и крупянок с нефтяными, турбинными, керосиновыми, газо-генераторными двигателями, а также 25 лесопильно-мукомольных заводов, 330 зерносушилок¹.

Многочисленные водяные мельницы работали на юго-востоке Башкортостана. В Оренбургском уезде в 1910 г. действовала мельница М. Ануфриева возле д. Ямангулово, во 2-й Каракипчакской волости у предпринимателей Грачёвых находилось 4 водяных мельницы (при д. Бустубаево, Иткучуково и др.), а И.В. Ададунову принадлежала паровая мельница при с. Ломовка Белорецкой волости Верхнеуральского уезда².

¹ Уфимский земский календарь на 1911 год. С. 148–151.

² Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 731–732.

Крупные мукомольные предприятия нередко превращались в многоотраслевые хозяйства, объединявшие разные виды деятельности. Основанную в 1900 г. в с. Левашёвка возле Стерлитамака паровую мельницу и крупорушку купцов Аверьяновых, где вырабатывалась гречневая крупа (годовой оборот 100 тыс. руб., 32 работника, двигатель в 35 л. с.), затем дополнили пивоваренный, винокуренный, кирпичный заводы, сушилка, 10 амбаров, дома и казармы, сарай и лабазы, оранжерея и многое другое¹.

В основном на внутренний рынок работала винокуренная промышленность. В 1908 г. на 25 частных заводах было произведено 1215,9 тыс. ведер 40-градусного «вина» (1 ведро = 12,29 литра). В России действовала государственная монополия на торговлю водкой. Казна скупала спирт, перерабатывала его и распределяла по казённым винным лавкам. В 1908 г. в Уфимской губернии действовало 395 таких лавок, в том числе 355 в сельской местности, откуда было продано частным лицам, немного аптекам и предпринимателям «обыкновенного вина» в 40° на 9656,3 тыс. руб., «столового вина» в 40° (более высокого качества) – на 77 тыс. руб., спирта в 90, 95° и разных крепостей – на 177,9 тыс. руб. А всего казна реализовала в пересчёте на 40-градусную водку 1217,4 тыс. ведер на сумму в 9911,2 тыс. руб. Максимальные продажи спиртного наблюдались в ноябре и декабре (по 10% от годовой реализации), наибольшим спросом пользовались бутылки и полубутылки.

Средняя продажная цена одного ведра водки в 40° была 8,14 руб., а все расходы казны равнялись 2,18 руб. С каждого ведра чистая прибыль составляла 5,96 руб. и общий доход казны от винной операции в Уфимской губернии в 1908 г. выразился в сумме 7337,7 тыс. руб.² Для сравнения, основной поземельный налог с надельных земель губернии в 1912 г. составил 2,4 млн руб.³ (государство получало от водки доходов в несколько раз больше, чем от сбора прямых налогов), а уфимское земство за десять лет (1901–1911 гг.) продало крестьянству сельскохозяйственных машин и орудий на 2199,6 тыс. руб.⁴ Теоретически, на пропитые миллионы в начале XX в. можно было полностью модернизировать сельское хозяйство края.

Недорогая и доступная казённая водка царила на местном рынке. По сообщениям из деревень, до 90% сельчан домашнюю брагу варить «почти что бросают». Хотя процветало шинкарство – незаконная продажа водки частными лицами, «шинкам счёту нет, что двор – то шинок», говорили жители⁵. По потреблению спиртного на душу населения лидировали Белебей (2,34 ведра в 1908 г.) и Бирск (2,01), на селе пили примерно в пять раз меньше, чем в городах. В целом пьянство в крае росло. Если в 1903–1904 гг. в Уфимской губернии на душу приходилось 0,32 ведра водки, то в 1905 г. – 0,45, 1906 г. – 0,46, 1907 г. – 0,4, 1908 г. – 0,42, 1909 г. – 0,45 ведра⁶. Особый размах пьянство приняло в годы первой российской революции.

¹ Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 795; Инвентарь администрации по делам Е.К. и С.А. Аверьяновых на 1 мая 1911 года. Стерлитамак, 1911.

² Уфимский земский календарь на 1910 год. Уфа, 1910. С. 96–101.

³ См.: Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 118.

⁴ Уфимский земский календарь на 1912 год. Уфа, 1912. С. 39–41.

⁵ *Рождественский Ив.* К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914. С. 20, 27.

⁶ Уфимский земский календарь на 1910 год. С. 101–102; Там же на 1911 год. С. 146.

Пьянство стало представлять большую социальную проблему. По данным анкетирования, проведённого уфимским земством в 1913 г., отмечалось пьянство у молодёжи (86% опрошенных), лиц среднего возраста (12%), малограмотных и безграмотных (97%), женщин, подростков, детей (74%), девушек (60%). Среди мусульман в 33% анкет говорилось, что «закоренелых пьяниц в нашей местности нет», хотя особенно процветало пьянство у башкир и татар на праздниках «сабантуе и зиине». Обнаружились в Уфимской губернии и 22 деревни, где почти совсем не пили (14 старообрядческих и 8 татарских)¹.

Большой спрос на спиртное и гарантированные закупки спирта казной обеспечивали рентабельность винокуренной промышленности. С июля 1912 по июль 1913 гг. 25 заводов Уфимской губернии переработали 86,3 тыс. пуд. ржаной муки, 777,5 тыс. пуд. ржи зерновой, 652,4 тыс. пуд. картофеля и т. д.² На территории Башкортостана в 1910 г. крупнейшими предприятиями являлись Покровский винокуренный завод № 2 Л.И. Шотта в с. Ермолаевка Кургазинской волости Оренбургского уезда (основан в 1858 г., производство – 188 тыс. вёдер спирта на 240 тыс. руб., 114 рабочих, три двигателя в 83 л. с.) и Знаменский винокуренный и ректификационный завод № 8 В.М. Деева в с. Знаменке Усень-Ивановской волости Белебеевского уезда (основан в 1883 г., производство – 110 тыс. вёдер спирта, ректификация (очистка спирта) – 130 тыс. вёдер, на 100 тыс. руб., 65 рабочих, три двигателя в 50 л. с.).

Кроме того в Уфимской губернии действовало 9 пивоваренных заводов, крупнейшим из которых являлось предприятие наследников В.И. Видинеева на окраине Уфы (52 рабочих). Здесь в 1910 г. выпускалось 177 тыс. вёдер пива сортов портер, пильзенское и др. на 190 тыс. руб.³ В край ввозилось также много виноградных вин и коньяков.

В начале XX в. получают дальнейшее развитие и другие отрасли промышленности. Бурный рост городов создавал спрос на кирпич и строительные материалы. На окраинах Уфы и в других местах края возникают десятки мелких («кирпичные сараи») и отдельные крупные заведения, из качественной продукции которых отстроены центральные улицы городов Башкортостана. В 1910 г. наибольшее количество изделий давали в Стерлитамаке «завод» А.В. Кузнецова и А.В. Дьяконова (600 тыс. штук кирпича в год на 5400 руб., 15 рабочих), в Уфе – М.А. Лаптева (600 тыс. шт. красного и белого кирпича на 7625 руб., 15 чел.). Купец М.С. Ларионов в д. Глумилино под Уфой основал механический кирпичный заводик (12 рабочих, двигатель в 12 л. с.).

В городе и деревне требовалось большое количество стекла и различных изделий из него. В Башкортостане существовало три стекольных предприятия. В Тамьян-Тангауровской волости Верхнеуральского уезда возле д. Байназарово действовал небольшой стекольный завод (его именовали Мариинский или Петровский), владельцы Н.М. Фёдоров (1905 г.), М.А. Фёдорова (1910 г.). Выпускалась разнообразная про-

¹ *Рождественский Ив.* Указ. соч. С. 10, 11, 14–15, 31; мулла М.-З. Бабишев из д. Асяново Бирского уезда сообщал в 1904 г., что «ни один мулла не позволит себе присутствовать на сабантуе, этот праздник – разгул и пьянство, [он] строго воспрещён Шариатом, что наоборот все муллы, не исключая и меня, преследуют этот праздник и убеждают свой приход уничтожить этим безобразные празднества» (ЦИА РБ. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 73. Л. 75).

² Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 654–655.

³ Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 526, 563, 615.

дукция – оконное стекло (310 ящиков в год), пивные венские бутылки (20 тыс. шт.), кувшины (1500 шт.), кринки (2500), банки, бочата, пузыри и кадки на 6–9 тыс. руб. в год. На предприятии работало 17 чел., стоял двигатель в 6 л. с. В Байкинской волости Бирского уезда в 1908 г. был основан Антониновский завод, владелец симбирский купец В.А. Арацков (42 рабочих). Здесь выпускалось оконное и цветное стекло, бутылки разных фасонов, мелкие изделия – кувшины, молочные банки и пр.

Но ведущим в отрасли оставался Богоявленско-Александрыйский стекольный завод наследников В.А. Пашкова в с. Богоявленское Стерлитамакского уезда. В 1910 г. здесь трудилось 310 чел., имелся двигатель в 25 л. с. В год производилось товаров на 235 тыс. руб. – оконного русского листового стекла 6797 ящиков, бемского (витринного) – 3545 ящ.¹ Богоявленский завод обеспечивался собственным сырьём и топливом, был хорошо оснащён техникой, работали бельгийские специалисты, являлся рентабельным предприятием. В 1911 г. стекла здесь продали на 295 тыс., в 1913 г. – на 400 тыс. руб.²

В Башкортостане действовал ряд других крупных предприятий. Нижне-Троицкая суконная фабрика в одноимённом селе Белебеевского уезда переживала период подъёма. В 1905–1914 гг. ежегодно вводилось новое оборудование, владельцы (АО Алафузовских торгово-промышленных предприятий, правление в Санкт-Петербурге) закупили машины (кроме водяной турбины в 60 л. с., работали 5 паровых машин, динамо и газогенератор), фабрика освещалась электричеством, отапливалась паром. Шерсть поставлялась из Уфимской и Оренбургской губерний, Забайкальской, Закаспийской, Семиреченской областей и др. мест. При фабрике имелись школа, столовая для рабочих, приёмный покой. К 1914–1915 гг. предприятие оценивалось в 495,7 тыс. руб. (в том числе стоимость двигателей и машин составляла 284,5 тыс. руб.). Увеличивалась переработка шерсти: в 1906–1907 гг. – 215 322 пуд., в 1913–1914 гг. – 377 946 пуд. К 1910 г. годовое производство достигло 340,5 тыс. аршин сукна на 850 тыс. руб. На фабрике трудилось 425 чел.³

Работали небольшие канатные «заводы» братьев Кругловых (основан в 1905 г. возле Уфы, выпускал 3 тыс. пуд. канатов, 4200 пуд. верёвок на 36 тыс. руб. в год, трудилось 36 чел., двигатель в 4 л. с.) и купца А.С. Манаева в с. Спасское Бирского уезда, уфимские спичечная фабрика И.П. Дудорова (в год 5 тыс. ящиков на 15 тыс. руб., 100 рабочих, двигатель в 10 л. с.), столярно-паркетное заведение В.В. Кутлина (годовое производство 100 кв. саж. на 10 тыс. руб., 15 рабочих) и электрическая фабрика механических гильз (для папирос) Л.В. Рискина (20 тыс. ящ. на 60 тыс. руб., 35 чел., двигатель в 3 л. с.)⁴.

Крупным предприятием являлась фабрика обёрточной бумаги в пос. Белый Ключ (ныне Красный Ключ) Бирского уезда, принадлежавшая в 1910 г. самарским купцам В.А. Курлиной и П.А. Болотину (стоимостью 360 тыс. руб., 135 рабочих, 6 двигателей мощностью 600 л. с.). Это был целый промышленный комплекс из фабрики, двух дре-

¹ Там же. С. 352, 357, 402.

² Курмаев В.Н. Очерки истории Табынского края (с древнейших времён до начала XX века). Уфа, 1994. С. 143–144.

³ Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 74; Краткий очерк двадцатипятилетней деятельности Алафузовских торгово-промышленных предприятий. 1891–1916. Пг., 1916. С. 74–76.

⁴ Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 102, 143, 250, 928.

весно-массных заводов на водяном и паровом двигателях, 2 лесопилок, кирпичного и дегтярного заведений. Работали школа, больница, лавка. В год отсюда поставлялось 150 тыс. пуд. товара на 300 тыс. руб.: жёлтая обёрточная бумага в листах, рулонах и катушках, шведский картон для оклейки стен, картон в листах, кульки (пакеты)¹.

В начале XX в. в Уфимской губернии сложилась достаточно сильная полиграфическая отрасль. На 1913 г. среди всех городов России Уфа занимала 20–22-е места по количеству напечатанных работ (163 названия), тиражу (152 330 экз.) и стоимости (23 673 руб.)². Выпускалась статистическая, художественная и иная литература, газеты, рекламная продукция на русском, тюрко-татарском и других языках. Крупнейшими на 1910 г. являлись в Уфе типолитография торгового дома Л. Милоков и И. Медведев (годовое производство 38–43 тыс. руб., работало 68 чел.), товарищества Ф.Г. Соловьёв и К^о (27 тыс. руб.), печатня и переплётная Н.К. Блохина (19 тыс. руб., 55 чел.). В 1914 г. действовало в Уфе 7 типографий, в Белебее, Бирске, Стерлитамаке (в том числе товарищества «Нур» М. и А. Утямышевых), Мензелинске, Златоусте – по две, в Давлеканово – одна (А.П. Фризен)³.

С ростом численности индустриального населения менялась система питания. Помимо домашнего приготовления пищи, жители приобретали готовые изделия (колбасы, сыры, мороженое и пр.) небольших полукустарных заведений, начинает складываться пищевая промышленность. В 1911 г. в Уфе действовало 5 заведений по выпуску минеральных и фруктовых вод, 7 крендельных, 5 конфектных и пряничных фабрик (Р.П. Платонова, братьев Усмановых и др.). Самым крупным предприятием была пряничная и кондитерская фабрика купца Д.П. Берштейна в Уфе с годовым производством в 60 тыс. руб. Здесь трудились 63 рабочих, было 3 двигателя в 2 л. с. (1910 г.).

Промышленная революция, охватившая Урал в начале XX в., создала предпосылки для появления в крае *металлообработки и машиностроения*. Наряду с крупными предприятиями (уфимские железнодорожные мастерские, вагоностроительный завод в Усть-Катаве, где в 1914 г. трудилось 1533 чел.) возникают небольшие частные предприятия. В горнозаводской зоне выпускались ножи, вилки, гвозди, подковы и пр. В Уфе действовали механическое медно-литейное и слесарное заведение В.Ф. Козлова (годовое производство 3–4 тыс. руб., 10 рабочих, двигатель в 6 л. с.), где ремонтировались различные машины и производилась «установка водопроводов», мастерская И.Т. Фролова и М.А. Кузнецова (продукции на 8 тыс. руб., 23 чел., двигатель в 3 л. с.). Выделялся завод И.И. Гутмана в Уфе (годовое производство 100 тыс. руб., 100 рабочих, двигатель в 20 л. с.), где выпускались пожарные трубы, конные приводы и пр. К началу Первой мировой войны в крае сложилась многоотраслевая промышленность, в 1911 г. только в Уфе действовали 4 мыловаренных предприятия, заводы полуфаянсовой посуды торгового дома Тюрина и Кондручина, сельскохозяйственных орудий «Привод» и др.⁴

¹ Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 143; ЦГИА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3086. Л. 3–4; Уфимские губернские ведомости. 1917. 11 января.

² Россия. 1913. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 360–361.

³ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С. 182–184.

⁴ Там же. С. 175; Список фабрик и заводов России 1910 г. С. 320, 811; Справочная книга г. Уфы. С. 249–250.

Однако, несмотря на все успехи «промышленной революции» и ввоз в край большого количества товаров, растущий спрос сельского населения в разнообразных производственных, бытовых изделиях и услугах полностью не удовлетворялся. Фабричная продукция оставалась достаточно дорогой, гужевое сообщение не обеспечивало бесперебойного поступления товаров в глубинку. В начале XX в. большое значение для экономики края сохраняло *кустарное производство*. Сельские ремесленники работали как по заказам соседей, так и выполняли заявки скупщиков. На деревенских ярмарках и базарах продукция кустарей успешно соперничала с фабрично-заводской.

По данным переписи 1912 г. число промысловых хозяйств в Уфимской губернии составляло 29% (138,3 тыс. дворов)¹. Лишь в некоторых случаях конкуренция массовых и более дешёвых городских товаров уничтожала деревенское ремесло. Резко сократилась выделка домашних тканей, в упадок пришло кожевенное дело (центр с. Нижегородка под Уфой). Другие кустарные отрасли сохраняли своё значение. В 1912 г. подробно обследовали часть промысловых хозяйств (9925). Доходность ремёсел показывает таблица.

Промысел	Число хозяйств	Производство в год изделий на сумму	Чистый заработок
Кузнечный	1324	144 693,5	85 675,7
Колёсный	574	127 319,85	48 138,5
Лаптевый	559	64 364,74	42 831,32
Производство сельскохозяйственных машин и орудий	546	325 742	118 794
Портняжный	533	63 709,8	55 108,3
Рогожно-кулеткацкий	521	65 228,6	3019,5
Сапожный	435	96 479,8	49 380,2

Деревню обслуживали многочисленные кузнецы, повсеместный гужевой транспорт гарантировал заказы колесникам, другие мастера изготавливали ободья, полозья, дуги, оглобли, хомута, телеги, гарантасы и сани. В значительной степени село обувалось в собственную продукцию, помимо дешёвых лаптей, деревенские сапожники поставляли сапоги, ботинки, кожаные галоши, башмаки, коты. Был распространён пошив одежды, производство валенок, войлочных шляп, овчин, бочек и кадок всевозможных размеров, глиняной посуды, ложек, трубок, веретён и даже гармоник – всем обеспечивали многонациональное крестьянство Башкортостана сельские мастера. Большое значение имели предпочтения деревенских жителей к традиционному набору товаров, их вкусы далеко не всегда учитывала городская промышленность.

С другой стороны, многие кустарные промыслы трансформировались в мелкий бизнес, изделия кустарей поступала на общероссийский рынок. Уникальное положение сложилось в Благовещенске, где рабочие закрывшегося завода перешли к производству сельскохозяйственных машин, в первую очередь знаменитых веялок-«уфимок», созданных по образцу американской веялки Гранта. В 1912 г. в Благовещенской волости Уфимского уезда 382 промысловых хозяйства вырабатывали про-

¹ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 21.

дукции на 229 380 руб. (чистый заработок составлял 87 586 руб., или в среднем по 229 руб. на двор). Благовещенские веялки продавались по всему Южному Уралу, вывозились в другие губернии России и, особенно, в Западную Сибирь. Исключительно на рынок работал рогожно-кулеткацкий промысел, поставлявший тару (мешки и пр.) под зерно и иной товар. Деревенские кустари изготавливали плетёную и гнутую «венскую» мебель, пивные, посудные и для мытья шерсти корзины, верёвки, мочало, дёготь, обжигали древесный уголь, делали кирпичи¹.

В сельской местности действовали многочисленные мелкие семейные или с небольшим числом наёмных работников заведения самого разнообразного профиля. В 1909 г. в с. Зирган функционировали кожевенная мастерская Ф. Хабибуллина (вырабатывалось продукции на 600 руб.) и пять овчинно-дубильных В.Д. Шабалова (75 руб.), Н.Ф. Милонова (60 руб.) и др. Причём, никто из кустарей разрешения на промысловую деятельность не имел. В д. Апсалимово Уршакминской волости (все Стерлитамакский уезд) работали три салотопенных заведения Рафиковых (выработка – 660, 1080, 1200 руб.)².

В сравнительно небольших масштабах жители края уходили в отход на заработки. В Стерлитамакском уезде жители Бишкаиновской и Бушман-Кипчакской волостей занимались на сплав леса, с плотами ходили до устья Камы и даже на Волгу – до Саратова. Население южных волостей работало на Ташкентской, Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах, некоторые отправлялись на горные заводы, из Куганакской волости крестьяне шли в Верхнеуральский уезд для пилки леса. За работу в течение 3–6 месяцев отходники приносили домой от 20 до 70 руб.³

Особой отраслью местной экономики было кумысничество (лечебно-оздоровительный туризм). С постройкой Самаро-Златоустовской железной дороги в край на лечение кумысом стали приезжать тысячи людей, среди которых примерно 40% были «больны в явной или скрытой форме туберкулёзом». Многие прибывали, чтобы отдохнуть на прекрасной башкирской природе. Возникшие кумысолечебные заведения принимали около 1/5 приезжих. Возле железнодорожных станций Шафраново, Глуховская, Аксаково действовали кумысолечебницы врачей Нагибина, Жданова, Б.А. Монастырёва, неплохо оборудованные санатории «Ключёвка», «Русская Швейцария», «Шафраново». Башкирским кумысом лечились многие известные люди – писатель А.П. Чехов, поэты М.И. Цветаева, Саша Чёрный и др. Но основная масса отдыхающих селилась по башкирским и иным селениям (Чишмы, Ябалаклы, Караякупово, пр.). Если в санаторном заведении месяц пребывания обходился в 150 руб., то аренда жилья (с покупкой кумыса и т. д.) в деревне стоила 70–80 руб. В начале 1910-х гг. в Уфимскую губернию приезжало до 5 тыс. кумысников, 4 тыс. селились в 26 деревнях и 10 кумысолечебницах Белебеевского уезда, около тысячи – в Уфимском уезде (13 селений). Преобладали отдыхающие из Москвы, Санкт-Петербурга и соседних губерний (Казанской, Вятской, Пермской, Самарской, Оренбургской).

¹ Кустарные промыслы Уфимской губернии. Уфа, 1912. С. 2, 4, 18 и др.; таблицы; Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913. С. 39, 73–75; см. также: Дегтярёв А.Н. Кустарное производство и товарно-денежное обращение в Уфимской губернии (1865–1917 гг.). М., 2000.

² ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 841. Л. 111 об., 113 об. – 114.

³ Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии. Б. м. и г. С. 9.

Современник подчёркивал, что для населения этот промысел очень «важный в бытовом отношении»¹.

Башкортостан в начале XX в. являлся одним из наиболее динамично развивавшихся аграрно-индустриальных регионов России с многоотраслевой промышленностью, сложившейся кредитно-финансовой системой и современными транспортными коммуникациями. Результатом «промышленной революции» стало увеличение численности неаграрного, урбанизированного населения на железнодорожных станциях, речных пристанях, в крупных торговых сёлах. По материалам переписи 1917 г. количество жителей, вообще не имевших посевов, существовавших на заработки, предпринимательский доход и пр., составило в Уфе и Уфимском уезде (без беженцев) около 30% всего населения. В Топорнино почти 40% русских жителей (173 двора из 447) не занимались земледелием, в Благовещенске было 1139 беспосевных хозяйств, в Чишмах – 243, в пригородной Богородской волости – 555. На юге Башкортостана фактически сформировался новый город – Мелеуз – с населением 6,4 тыс. чел. В 1917 г. из 1125 хозяйств местных жителей в 895 семьях (80%) не сеяли хлеба. Экономика Мелеуза держалась на обслуживании соседних хлебопроизводящих волостей (торговля, промыслы, транспорт и пр.)².

§ 2. Многоукладный аграрный строй Башкортостана в начале XX в. Столыпинская земельная реформа

Южный Урал в начале XX в. являлся одним из основных зернопроизводящих регионов Российской империи. В среднем за 1909–1913 гг. по величине избытков хлеба и картофеля на душу населения Уфимская губерния занимала 12-е место (11,5 пуд.), Оренбургская – 16-е место (8,16 пуд.). Если южные губернии вывозили пшеницу и ячмень, то Уфимская губерния представляла исключение с ржано-пшеничным экспортом. Отсюда хлеб отправлялся преимущественно за границу (6 из 10,4 млн пуд., или 57,7% вывезенного зерна из Уфимской губернии поступало в Западную Европу)³.

Развитие сельского хозяйства определялось природными условиями, при экстенсивной агротехнике величина сборов зависела от плодородия почвы и капризов погоды. Регулярно бывали засухи. В начале XX в. «наблюдался один сильный недород хлебов в 1901 г. и два неурожая в 1906 и 1911 гг., значительные недороды были в 1902, 1903, 1907 и 1914 гг., в остальные года урожай или превышал нормальный или близко к нему приближался»⁴. Самая тяжёлая ситуация сложилась в 1911 г. Всё лето не было дождей, стояла сильная жара, «возвращались только семена; о возме-

¹ Станкевич К.Ф. Современное положение кумысного промысла в Уфимской губернии и меры к его урегулированию. Уфа, 1912. С. 1, 4–5, 7, 21–23, 23–26 ; см. также: Гуляев А.А. Очерки кумысолечебных заведений Уфимской губернии. Уфа, 1913. Вып. I–II.

² Подсчитано по: Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; Он же. Уфимские пригороды (конец XIX – начало XX века) // Уфа: прошлое, настоящее, будущее. Уфа, 2000; ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 487.

³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 95, 105, 106.

⁴ Брагин А.М. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. (По данным подворной переписи 1915 года). Уфа, 1916. С. 31.

щении же затрат по пользованию землёй, по обработке и уборке, а главное об каких-либо остатках на продовольствие и будущее обсеменение полей – не могло быть и речи»¹. С другой стороны, в 1904, 1908–1910, 1912–1913 гг. была хорошая урожайность, выше на помещичьих полях. Например, в 1909 г. собирали ржи, овса, пшеницы 65, 76 и 68 пуд. у частновладельцев, и 58, 62, 62 у крестьян². Всего же средняя урожайность в Уфимской губернии за 1904–1913 гг. составляла для ржи 52 пуда с десятины, овса – 45, пшеницы – 41 пуд.³

«Как-бы ни были низки урожаи, – отмечал современник, – губернию выносит беспредельная площадь её полей, дающих в общем колоссальный сбор, который ставит губернию на видное место среди производящих губерний ... Европейской России». В среднем в Уфимской губернии в год поступало из крестьянских хозяйств 111,2 млн пуд. хлеба, частновладельческих – 8,8, итого – 120 млн пуд.⁴ По данным агронома И.Л. Орлова «в годы средних урожаев с крестьянских полей собирается в губернии свыше 120 миллионов пудов разного хлеба, из которых половина продаётся... С частновладельческих полей в среднеурожайные годы собирается всего лишь до 6–7 миллионов пудов хлеба»⁵. Председатель губернской управы П.Ф. Коропачинский отмечал, что в 1912 г. крестьянство собрало (с картофелем) 110 млн пуд.⁶

Площадь крестьянских посевов в Уфимской губернии, согласно сведениям переписи 1912–1913 гг., составляла 2,7 млн дес., помещики (частновладельцы) засевали ещё 105 тыс. дес. Около 4/5 посевной площади занимали три основные зерновые культуры. Под озимой рожью находилось 37,2% крестьянских земель, овёс занимал 22,9%, яровая пшеница – 18,3%⁷.

Основным продовольственным хлебом оставалась озимая рожь. Уфимская губерния входила в число регионов Европейской России с самыми крупными ржаными посевами (7-е место)⁸. Исключая Златоустовский и Стерлитамакский уезды, рожь везде первенствовала в крестьянском хозяйстве. «По своему составу уфимская рожь обладает выдающимися качествами и пользуется заслуженной известностью на хлебном рынке; искусственной засорённости зерна здесь не наблюдается и местная хлебо-торговля таких приёмов не знает»⁹. Всего по переписи 1912–1913 гг. рожь занимала свыше 1 млн дес., но правильное трёхполье, при котором под неё отводилась половина засеянной земли (или 1/3 пашни), к 1917 г. существовало только в Мензе-

¹ Смирнов Н. Краткий обзор коммерческой деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 1911 г. сравнительно с предшествующими годами. Самара, 1913. С. 156.

² Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1909 год. Уфа, 1910. С. 42–43, 50–51.

³ Красильников М.П. О положении крестьянского хозяйства в Уфимской губернии. Уфа, 1914. С. 2.

⁴ Он же. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 13.

⁵ Орлов И. Краткий обзор мероприятий уфимского губернского земства по улучшению сельского хозяйства. Уфа, 1917. С. 3.

⁶ Об урожае хлебов и трав в 1912 г. и о состоянии продовольственно-семенного вопроса в 1913 г. [Уфа, 1913]. С. 3.

⁷ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Уфа, 1914. Ч. П. Таблицы. С. 1803; подсчитано по: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915.

⁸ Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов в России за двадцатилетие 1888–1912 гг. Пг., 1915. С. 12.

⁹ Баев И.П. К проекту сооружения железной дороги Оренбург – Уфа – Кунгур. Статистико-экономические материалы. Уфа, 1913. С. 105.

линском уезде, в остальных – около 40%, а в Златоустовском и Стерлитамакском удельный вес ржи опускался до 25–28%.

В яровом клину также доминировал «серый» хлеб – овёс, которым в 1912–1913 гг. было занято 620 тыс. дес. Особенно большую роль он играл в северо-западных Мензелинском и Бирском уездах, превышая посевы всех других яровых культур. Как и рожь, овёс в значительных размерах вывозился из губернии. На горные заводы и лесоразработки в восточной части Башкирии, которые обслуживались многочисленным конским поголовьем, что требовало больших поставок овса. В Златоустовском уезде посевы овса даже превышали ржаные, как и в соседних Красноуфимском и Кунгурском уездах Пермской губернии¹. Это был единственный уезд, где главный крестьянский хлеб – «матушка-рожь» – занимал третье место в посевных площадях. В сравнении с другими регионами, Уфимская губерния опять же входила в ряды крупнейших поставщиков овса: 5-е место в Европейской России после Вятской, Пермской, Тамбовской и Казанской².

В начале XX в. бурно развивалось производство пшеницы, в 1912–1913 гг. она занимала 495 тыс. дес. В Стерлитамакском и Златоустовском уездах «белый» хлеб находился на первом месте, в Белебеевском – на втором. Но в общероссийском масштабе Уфимская губерния занимала достаточно скромное, 13-е, место по величине пшеничных посевов³.

Помимо этих трёх основных зерновых культур в Уфимской губернии в 1912–1913 гг. немало сеяли гречихи (196 тыс. дес., или 7,2%). «Наиболее “гречневыми” уездами являются Бирский и Уфимский», – отмечал М.П. Красильников. Под просом, любимым башкирским и татарским населением, было занято 160 тыс. дес. (5,9%). Далее шли полба (81,3 тыс. дес., 3%) и горох (71,5 тыс. дес., 2,7%), приусадебные культуры – «второй» народный хлеб картофель (35 тыс.), а также конопля (17 тыс.) и лён (13 тыс. дес.), поставлявшие растительное масло, волокно и семя на продажу, – вместе занимали 2,4%.

Одна из главных экспортных культур страны – ячмень, обогнавший по вывозу за границу пшеницу (в 1913 г. из России было отправлено в Западную Европу 240 млн пуд. ячменя и 203 млн пуд. пшеницы)⁴, высевался в Уфимской губернии в очень малых количествах, всего 6 тыс. дес. по переписи 1912–1913 гг. (0,2%) и, преимущественно, украинцами. Растили также чечевицу, кормовую свёклу, огурцы, мак, кукурузу, горчицу, вику, репу, сурелку, рапс, лук, кормовые травы (3,6 тыс. дес.) и т. д. Распространяется совершенно новая культура – подсолнечник, выращивавшийся как на масло, так и для торговли семечками («грызовой подсолнух»). В 1909 г. в Белебеевском уезде под подсолнечником находилось 1005 дес., в Стерлитамакском – 178 дес.⁵

¹ Баев И.П. К проекту сооружения железной дороги Оренбург – Уфа – Кунгур. Статистико-экономические материалы. Уфа, 1913. С. 28.

² Прегер Р.И. Указ. соч. С. 84.

³ Там же. С. 53.

⁴ Измутьева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XX в. (опыт количественного анализа). М., 1991. С. 44.

⁵ Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России. Киев, 1913. С. 373; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 240–241, 544–545, 868–869, 1044–1045, 1412–1413, 1794–1795, 1802–1803; Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 9–10.

Повсеместное распространение имело приусадебное (домашнее) огородничество, проникавшее и в мусульманскую деревню, картофель сажали все народы. Возле Уфы, крупных торговых селений и станций формировалось товарное огородничество. Так, земский ветеринарный врач Ш.Х. Еникеев на хуторе у д. Зинино в 1917 г. из своих 18 дес. под картошку отвёл 1 дес., выращивал также свёклу, морковь и репу (все по 0,5 дес.). В окрестностях Бирска процветало садоводство. В с. Удельные Дуванеи яблоневые сады держали С.Ф. Екимов (100 кв. саженей), З.Г. Ступин (50 саж.) и многие другие. На хуторах при Дудкином Перевозе (окраина Уфы) жители разводили бахчи. Возле д. Иткулово (совр. Давлеканово) В.О. Золотарёв имел 4 дес. подсолнуха и 2,5 дес. огурцов. По железной дороге в 1912 г. со станций Уфа, Черниковка, Шакша, Иглино было «вывезено около 140 т[ыс.] пудов луку – целый огромный промысел. Одно Иглино отправляет 125 т. пудов, Уфа и Черниковка отправляют 26 т. пуд. огурцов, Иглино, Тавтиманово, Черниковка – около 170 т. пудов картофеля». Из местных сортов славились «дыни разные Стерлитамакские, помидоры, арбузы из Зубовки, огурцы – зеленцы Чесноковские»¹.

Вторая отрасль сельского хозяйства – **животноводство** – в начале XX в. сохраняла преимущественно потребительский характер. На рынок поступали шкуры, кожи, шерсть, мясо и пр., но в основном как побочные продукты домашнего хозяйства². По данным подворной переписи 1912–1913 гг. в Уфимской губернии насчитывалось свыше 1 млн лошадей, 1,3 млн голов крупного рогатого скота, около 2,6 млн овец и 290 тыс. свиней³. Много скота держали на юго-востоке Башкортостана, входившем в состав Оренбургской губернии.

Основной тягловой силой оставалась лошадь. «Скот, благодаря отчасти местным бытовым условиям, – утверждал современник, – а также благодаря отвратительным кормовым условиям, плох, малопродуктивен и слабосилен». Средний вес лошади в Уфимской губернии составлял 18 пуд., иногда опускаясь до 10 пуд., тогда как у немецкого крестьянина лошадь весила 42 пуда⁴. В крестьянском хозяйстве полноценный рабочий возраст лошади начинался с четырёх лет. Выращивание молодняка для бедного населения было тяжёлой нагрузкой, поэтому пополнение («ремонт» – как говорили в то время) конского стада в немалой степени поддерживался постоянным пригоном с юга табунов. Многие ярмарки (особенно Мензелинская) становились центрами распределения лошадей по окрестным волостям. Товарный характер коневодство сохраняло в кумысном деле (использовались лошади башкирской породы) в долине р. Дёма, а также в отдельных помещичьих имениях, где разводили для про-

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 240, 274; Он же. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 17, 25; Орлов И.Л. О содействии сельско-хозяйственной кооперации // Материалы по сельско-хозяйственной кооперации Уфимской губернии. Уфа, 1914. Вып. I. С. 18.

² На Нижегородской ярмарке «лучшим сортом» считались яловые (коровьи) кожи и козлиная из Уфимской губернии. Отсюда, а также из Оренбургской губернии, поступали степная и русская овчина, конские и бычьи кожи, выделанные кожи из Стерлитамака и Златоуста (Каменский В.И. Отчёт о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1902 года. Нижний Новгород, 1903. С. 69–71, 73, 75).

³ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1804; подсчитано по: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии.

⁴ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 17.

дажи породистый скот. Важное значение имела Уфимская конюшня государственного коннозаводства (в 1913 г. там содержалось 72 производителя)¹.

Среди башкирского населения в начале XX в. встречались большие табуны (конское мясо употреблялось в пищу, сохранялись традиции полукочевого хозяйства). В 1917 г. в степной Ильчигуловской волости Белебеевского уезда А. Галимов из д. Теветеево держал 55 лошадей (40 рабочего возраста), М. Юлкуптин из д. Бурзян-Ильчигулово – 50 (29), Т. Мусин из д. Ново-Абишево – 49 (42) голов. В горно-лесной Азнаевской волости Стерлитамакского уезда башкир А. Хусаинов из д. Сайраново имел 40 рабочих лошадей, 20 коров, а всего скота у него насчитывалось 160 голов².

Разведение крупного рогатого скота велось для обеспечения нужд крестьянского хозяйства в навозе и молочных продуктах. Качества местного скота было плохое, средний вес коровы перед мировой войной составлял 15 пуд., тогда как «у немца 38–44 пуда». В целом животноводство в крае развивалось медленно. На 1000 дес. удобных земель в уфимском крестьянском хозяйстве приходилось 123 лошади, 239 голов крупного рогатого скота и 349 овец, тогда как в западноевропейском – 119–172 лошади, 475 коров и 791 овец³. Продуктивный скот начинал появляться в зажиточных дворах (в пойме Белой разводили мясной скот), небольшие молочно-товарные фермы имелись у наиболее предприимчивых помещиков. На юге Башкирии в крупных хозяйствах сохранялись большие стада овец. В Зильдяровской волости в 1912 г. в поместье купца Д.И. Бородина держали 100 овец, у крестьянина Е.Ф. Кожаева было 40 голов, в Ильинской волости (все Белебеевский уезд) в хозяйстве дворянина С.М. Бунина имелось 63 овец, у купца С.А. Кириллова – 55 голов⁴.

Но рынок молочных продуктов развивался медленно из-за проблем с транспортировкой скоропортящегося товара (холодильники-рефрижераторы только появились на железной дороге) и небольшого спроса в городах. В начале XX в. значительное число городских семей сами держали коров. В 1914 г. в Уфе насчитывалось 3147 голов крупного рогатого скота, в Белебее – 430, Бирске – 695, Стерлитамаке – 1386 коров⁵.

Расселившиеся в предгорьях Урала (Уфимский и Стерлитамакский уезды) латыши, а также белорусы и другие переселенцы принесли традиции развитой культуры молочного животноводства. Много коров держали в 1917 г. хуторяне Архангело-Латышской колонии Архангельской волости Стерлитамакского уезда (К.Д. Унгур – 11 голов, М.М. Арон – 10, О.М. Фрейман и Э.Я. Флойтман – по 12 коров)⁶. Латыши соседней Бакалдинской молочной артели в 1913 г. от продажи масла получали в среднем на одно семейство 453,6 руб.⁷ В основанной в 1907 г. Ауструмской артели состояло в 1913 г. 72 хуторянина, которые держали 490 коров, примерно по 7 голов на двор. На продажу латыши делали из свежих сливок «парижское масло, а из остальных голштинское и простое сливочное. По особому заказу готовится прес-

¹ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 29.

² Роднов М.И. Пережитки полукочевого хозяйства у башкир Уфимской губернии в начале XX века. Уфа, 2001. С. 12, 25.

³ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 17.

⁴ Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. С. 14–17.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1019. Л. 11 об.

⁶ Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 442.

⁷ Сельско-хозяйственный листок. 1913. № 26 (15 ноября). Стб. 8.

сованная сметана и творог»¹. Опыт перенимало окрестное население. Многие муллы башкиры из той же Архангельской волости держали по несколько коров и купили сепараторы (З.М. Султанбеков из д. Муллакаево, А.А. Акбаев из д. Тимирбаево, М. Мухаметжанов из д. Кысынды, З. Бакиев из д. Абзаново)².

На рубеже XIX – XX вв. быстрыми темпами развивалось маслоделие в Западной Сибири, вывоз сибирского масла стал одной из важных статей российского экспорта. Повсеместно возникали маслодельные артели, скупавшие молоко у крестьян и перерабатывавшие его в масло на общественных маслобойках. «Волна» маслодельной кооперации с 1910 г. захватила и восточную часть Башкортостана. В 1912 г. в Уфимской губернии действовало 19 маслодельных артелей (Линдовская в Белебеевском уезде, Насибашевская в Златоустовском уезде и др.)³. Население в большом количестве закупало сепараторы. Перед Первой мировой войной в Златоустовском уезде имелось 7642 сепаратора, в Стерлитамакском – 5810, Белебеевском – 2081, Уфимском – 1935, на запяе их было немного (Бирский уезд – 812, Мензелинский – 50 штук)⁴.

На юге Башкортостана отдельные зажиточные хозяева имели достаточно крупные отары овец. В д. Бугуруслановка Стерлитамакского уезда крестьянин Г.Е. Романов держал 430 овец, татары-хуторяне братья Шахмаевы – 350, Е.И. Пастухов (хутор Владимирский) – 260 овец⁵. По скотопрогонным трактам из южных степей пригоняли на продажу баранов. Так, башкир из д. Нагадаевка Стерлитамакского уезда М. Алтыбаев в 1905 г. закупил в Оренбурге и Уральской области и пригнал 6 отар овец (1242 головы)⁶. В пригородных волостях развивалось свиноводство, немало держали коз – своеобразный показатель бедности, «ту знаменитую башкирскую козу, которая составляет всё благополучие башкирского скотного двора»⁷.

Очагами сосредоточения породистого скота оставались немногочисленные помещичьи имения. Например, в поместье дворян Харитоновых возле с. Кармаскалы (граница Уфимского и Стерлитамакского уездов) в 1917 г. в семи стадах выпасалось 198 заводских и рабочих (рысистых и арденнских) лошадей, 67 волов, 249 голов крупного рогатого скота (87 дойных швицких коров), 77 оксфордширских овец и 97 йоркширских свиней. Дополняли картину 250 кур породы плимутрок, 80 гусей, 200 пекинских уток и 20 индеек⁸.

В крестьянском хозяйстве держали немало домашней птицы. По (наверняка, приблизительным) сведениям за 1906 г. в Уфимской губернии насчитывалось 425 349 гусей, 232 887 уток и 1 919 254 кур⁹. Крупные города Западной Европы и России потребляли огромное количество яиц, а промышленное птицеводство ещё не возникло. По деревням разъезжали торговцы, скупавшие или обменивавшие у хозяек куриную

¹ Отчёт о деятельности Ауструмского кооперативного маслодельного завода за 1913 год // Материалы по сельско-хозяйственной кооперации Уфимской губернии. Вып. I. С. 95.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 441, 442.

³ Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1912. С. 131.

⁴ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 18.

⁵ Роднов М.И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 40.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 696. Л. 17 и об.

⁷ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. С. 17.

⁸ Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 22.

⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 718. Л. 84.

продукцию. Яичный бизнес в начале XX в. принял значительные масштабы. Существовала отработанная технология хранения (яйца известковали) и перевозки хрупкого товара, который вывозился железнодорожным транспортом или по Белой в Рыбинск. В Уфимской губернии (Бирск, Белебей, Уфа) яйца скупали чувашские предприниматели Селивановы, АО «В. Гильван» из Санкт-Петербурга и др.¹

Сохранялось как промысел рыболовство, но вырубка лесов, обмеление рек, нарастающие уловы привели к исчезновению в ряде мест «многих ценных пород рыбы (красули, форели и хариуса)», под угрозой оказались запасы белорыбицы и осетровых (стерляди, осетра, белуги и севрюги)². В крае появляется рыбоводство. К 1912 г. в Уфимской губернии имелись 3 казённых рыбоводных завода: «показательный – в помещении Губернского музея», на железнодорожной станции Уфа «в водоёмном здании» и в Бирском уезде в имении «Угрюмка» В.А. Бруснициной, где в прудах разводили белорыбицу, хариуса и стерлядь. Также действовали земский завод при Белебеевской и рыбоводный пруд при Ляховской сельскохозяйственной школах, планировался казённый рыбоводный завод с прудами в Усень-Ивановском лесничестве³. «Кроме того, 26 озёр подверглись мелиорации, состоящей в их расчистке и шлюзовании. Из рыбных могил озёра превратились в прекрасные рассадники для разведения лещей, судаков и сазанов. ... В Златоустовском уезде возник ряд частных прудовых хозяйств»⁴.

Большие изменения происходили в пчеловодстве, на смену бортям и колодам приходили рамочные ульи. По данным переписи 1912–1913 гг. в Уфимской губернии пчеловодством занимались в 25 628 крестьянских хозяйствах, где держали 311 143 улья (в среднем свыше 12 ульев на двор). Пчеловодство было распространено в лесных приуральских волостях, где в башкирских деревнях в начале XX в. сохранялись старинные традиции. Так, в д. Смакаево Азнаевской волости по переписи 1917 г. С. Фахрисламову принадлежало 50 ульев, А. Кулиахметову и Ф. Мифтахитдинову – по 30. Но наибольшее количество семей, разводивших пчёл, в 1912–1913 гг. было отмечено в Белебеевском уезде (11 268 хозяйств с 162 045 ульями), где они составляли 11,2% от общего количества дворов. В Уфимском уезде удельный вес пчеловодов достигал 6,8%, в Стерлитамакском – 6,3% среди всех жителей⁵.

Районирование. Башкортостан являлся обширным регионом, отличавшимся существенными различиями природно-климатическими и условиями в социально-экономическом развитии. Районирование территории края по материалам переписи 1917 г. осуществил агроном И.Л. Орлов⁶. Опираясь на его данные, в границах Баш-

¹ См.: Гусаров Ю.В. Иностранное предпринимательство в Чувашском крае в конце XIX – начале XX вв. (О деятельности некоторых яичных торговцев) // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе. Чебоксары, 2002; ЦГИА РБ. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 11. Л. 83–91, 109–111.

² Перетерский И.Д. Из деятельности Уфимского Аксаковского общества рыбоводства и рыболовства за 1910–11 гг. Уфа, 1912. С. 9–10; красуля – таймень.

³ Кучин И.В. Правительственное и земское рыбоводство в Уральском крае и за границей к 1912 году. Уфа, 1911. С. 6–7.

⁴ Доброхотов Ф.П. Урал северный, средний, южный. Пг., 1917. С. 208.

⁵ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 544–545, 868–869, 1802–1803; Отчёт пчеловода А.А. Юрьева по исследованию состояния пчеловодства в Стерлитамакском уезде. Уфа, 1901; ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 437.

⁶ Орлов И.Л. Сельско-хозяйственные районы БАССР (По данным переписи 1917 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 1; То же. Отдельный оттиск. Уфа, б. г.

кирской АССР 1920-х гг., выделены девять основных сельскохозяйственных районов (рисунок 1). Хотя сведения И.Л. Орлова относятся к военному времени, когда произошло сокращение посевов пшеницы, его наблюдения позволяют увидеть региональную специфику¹.

Большая часть северо-запада и центра края входила в первый трёхпольный, ржано-овсяной район (Бирский, большая часть Белебеевского и Уфимского, север Стерлитамакского уездов). Здесь была наибольшая плотность населения (свыше 30 чел. на кв. км), господствовала традиционная община, начинали проступать признаки демоэкологического кризиса (аграрное перенаселение, вырубка лесов, максимальная распашка земель, истощение почвы и пр.). Крестьянство компенсировало эти негативные факторы переходом к трёхпольному севообороту (пар – озимые – яровые) и унавоживанием пашни. В 1909 г. из Бирского уезда сообщали, что «в последнее время крестьяне начали сознавать пользу удобрения полей навозом, ... некоторые крестьяне начали удобрять свои земли навозом»². На крайнем северо-западе Башкортостана к началу XX в. сложилось практически правильное трёхполье, озимая рожь занимала более 45% пахотных угодий, среди яровых культур доминировал овёс – до 30–40% на правом берегу Белой и 18–30% в левобережных волостях. На юге первого района, в лесостепных волостях Белебеевского и Стерлитамакского уезда и на севере, в пограничных с Пермской губернией лесных волостях Бирского уезда удельный вес пара сокращался до 15–30%, появлялись залежные земли (2–12%), которые забрасывались на время для естественного восстановления плодородия почвы.

Например, в Илишевской волости Бирского уезда по переписи 1912–1913 гг. озимая рожь занимала 48,6% крестьянских посевов, овёс – 32,9%, далее шли горох (6,7%) и просо (6,3%). В предгорной Кальчир-Табынской волости Стерлитамакского уезда (совр. Гафурийский район) под рожью находилось 30,7% посевов, овсом – 23,9, гречей – 18,5%. В самых южных волостях первого района, за счёт хозяйств переселенцев, высевалось много пшеницы. Так, в Уршакминской волости Стерлитамакского уезда (совр. Аургазинский район РБ) посевы ржи составляли 30,1%, овса – 17,8, пшеницы – 29,2%. Уровень агротехники здесь был практически одинаков у всех народов.

Возле Уфы сложился второй, пригородный район из 8 волостей Уфимского уезда с преимущественно русским населением. Помимо зерновых, местные жители переключились на выращивание продукции для рынка. Во втором районе также существовало трёхполье, но уже вводились посевы кормовых трав, много выращивали картофеля и овощей, держали большое поголовье свиней. В Осоргинской волости (к югу от Уфы) по переписи 1912–1913 гг. рожью было засеяно 47%, овсом – 17,7%, гречихой – 15,6%, картофелем – 6,7%. В Иглинской волости картофель занимал 5,5% посевных площадей, много сеяли кормовых трав (клевера) – 212,21 дес. и лука (281,4 дес.), а поголовье свиней составляло 15,9% от всего крестьянского стада (по уезду – 9,4%). Большую роль в жизни деревни играла близость железной дороги.

¹ Орлов И.Л. Сельско-хозяйственные районы БАССР. (По данным переписи 1917 г.). Уфа, б. г. С. 12–14, 50–52; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 272–273, 288–289, 496–497, 512–513, 520–521, 528–529, 544–545, 836–838, 852–853, 860–862, 870, 1004–1005, 1036–1037, 1364–1365.

² Сельско-хозяйственный листок. 1909. № 8 (20 июля). Стб. 14.

Рис.1
Районы

- 1-зерновой, трехпольный, ржано-овсяной
- 2-пригородный
- 3-улучшенный
- 4-пшеничный первый
- 5-пшеничный второй
- 6-пшеничный третий
- 7-просяной
- 8-животноводческий
- 9-овсяной

Наивысший уровень агротехники был отмечен в третьем, улучшенном, зерновом, картофельном, травопольном районе, включавшем несколько волостей Уфимского и Стерлитамакского уездов (совр. Иглинский и Архангельский районы РБ). В рядах многонационального населения развитой культурой сельскохозяйственного производства выделялись латыши. Среди зерновых доминировали рожь и овёс, наиболее приспособленные для лесной, предгорной зоны хлеба. Много выращивали картофеля (в Свято-Троицкой волости она занимала 8,8% площадей) и трав (клевер с тимофеевкой). В Архангело-Латышском сельском обществе (220 дворов по переписи 1912–1913 гг.) сеяли рожь (17,6%), овёс (31,8%), картофель (14,4%), а также редкий в крае ячмень (15,4%). Помимо зерновых, много земли отводили под травы (325,7 дес.). Хуторянин К.Я. Пикевиц арендовал 32 дес., держал 2 рабочих лошади, 13 коров, всего скота – 49 голов, имел железный плуг, веялку, косилку, сепаратор, брал в аренду молотилку, развёл сад в 0,1 дес. Кроме ржи, овса, пшеницы, ячменя, картофеля, в 1914–1917 гг. он засеял 6 дес. многолетними травами¹.

Непрерывно растущий спрос на пшеницу для городского населения и экспорта способствовал складыванию нескольких пшеничных районов. Четвёртый район включал волости Белебеевского и Стерлитамакского уездов вблизи Самаро-Златоустовской железной дороги. Здесь была средняя плотность населения (20–30 чел. на кв. км), встречались залежные земли, среди посевов первенствовала яровая пшеница (30–50%), немного высевали ржи. Например, в Илькульминской волости озимая рожь по переписи 1912–1913 гг. занимала всего 21,7% посевных площадей, трёхполье в этой местности ещё не утвердилось. Зато под пшеницей находилось 48,2% посевов, в соседних (совр. Альшеевский, Давлекановский, Миякинский и др. районы РБ) Зильдяровской волости пшеница занимала 45,8%, в Казангуловской – 63,6, Киргиз-Миякинской – 41,8%.

Пятый пшеничный район включал самые южные волости Стерлитамакского уезда и лесостепные чернозёмные волости Оренбургской губернии, огибавшие с юга Уральские горы. Здесь была низкая плотность населения, 10–20 чел. на кв. км и менее, яровая пшеница занимала 50–70% посевных площадей, рожь – до 15, овёс – до 18%, лишь на севере Зауралья он составлял до 40% посевов. Так, в Фёдоровской волости Стерлитамакского уезда пшеницей было занято 61,3% всех площадей.

Ещё один, шестой, пшеничный район охватывал сельскохозяйственную зону Златоустовского уезда. Уровень агротехники здесь приближался к трёхполью, но большой спрос на «белый» хлеб со стороны окрестного горнозаводского населения, вывоз зерна из региона стимулировали расширение посевов под пшеницей. В Сикиязской волости по переписи 1912–1913 гг. пшеницей было занято 41,3% (рожь – 22,6, овёс – 29,2%), Тастубинской – 46,4, Усть-Икинской – 35,6%. Второе место в посевах отводилось под овёс.

В горно-лесной зоне Башкортостана И.Л. Орловым выделялись районы, отличавшиеся от обычных сельскохозяйственных. На правобережье Стерлитамакского уезда к началу XX в. сохранился ареал древнего башкирского земледелия: сельмой, просяной, район. И.Л. Орлов включил в него всего две волости – Ильчик-Темировскую и Азнаевскую. Среди местного башкирского населения большую роль имело выращивание проса, составлявшего 20–23% посевов указанных волостей по переписи 1912–1913 гг. Так, структура посевных площадей Азнаевской волости выглядела следую-

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 442.

щим образом: просо – 22,9%, овёс – 19%, полба – 17,3, рожь – 17,1, пшеница – 15,7, гречиха – 7,5%. В д. Уразбаево (башкиры-вотчинники) просом было засеяно 28,5% всех земель. Удельный вес озимой ржи был невелик, господствовали яровые культуры, среди которых, кроме проса, нужно отметить значительные посевы полбы – архаичного зернового хлеба (пшеница-двузернянка). Среди башкир соседних волостей также посевы проса были очень велики. В Кальчир-Табынской волости Стерлитамакского уезда под просом было занято 24,1% всех посевов.

Непосредственно горно-лесные волости Уфимской и Оренбургской губернии составляли восьмой, животноводческий, район. Кроме лесных промыслов и работы на заводах, жители разводили много скота. Наряду с отгонным скотоводством с сенокосением и стойловым содержанием зимой, в зауральских степях среди башкир сохранялось полукочевое хозяйство. Земледелие велось в очень небольших размерах и также сохраняло архаичные черты, как в предыдущем районе. Так, в Макаровской волости Стерлитамакского уезда (совр. Ишимбайский район) под просо было отведено 29,8% посевов.

Наконец, в горно-лесных селениях Златоустовского уезда, непосредственно примыкавших к промышленной зоне, местные жители специализировались на выращивании овса – «топлива» гужевого транспорта (девятый район). Так, во 2-й Айлинской волости посевы овса составляли 40,1%, ржи – 38,3, пшеницы – 20,1%. Металлургические заводы обслуживались большим количеством рабочих лошадей, что создавало устойчивый спрос на овёс.

Социальная структура. С сельскохозяйственной специализацией в целом совпало социально-экономическое районирование (рис. 2). На территории Башкортостана в начале XX в. можно выделить четыре основных типа аграрного развития, резко отличавшихся по уровню жизни. Северо-запад оставался регионом господства полунатурального патриархального крестьянства, объединённого в тысячи поземельных общин (более зажиточными были волости вдоль рек). Здесь действовали уравнительные механизмы распределения земли и налогов, поддержки слабых семей за счёт более богатых. Для этого переделались в зависимости от числа мужчин-работников в семье пахотные и сенокосные участки (и размер налогов), а до начала XX в. действовала круговая порука, когда община платила подати за бедняков. В большинстве деревень имелись хлебозапасные магазины (склады), откуда выдавалось зерно в случае неурожая. Община следила за порядком в крестьянских семьях, отстраняла нерадивых домохозяев, помогала неимущим.

В с. Тастуба Златоустовского уезда сельское общество в июле 1899 г. «постановило устранить домохозяина Я. Волкова от управления хозяйством, как человека, ... ведущего предосудительный образ жизни и расстраивающего домашнее хозяйство», передав управление его сыну Н.Я. Волкову¹. В д. Подлубово Булгаковской волости Уфимского уезда проживала 55-летняя безземельная крестьянка (скотины тоже не имелось) В.Ф. Нестерова с тремя дочерьми, все члены семьи были слепы. Про них в 1917 г. во время переписи записали: «кормит общество»². По решению Осоргинского волостного схода Уфимского уезда правление в 1901 г. выделило «на призрение сирот вдовы Натальи Ивановой» 42 руб. 51 коп.³

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 100а. Л. 453.

² Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 519.

³ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2470. Л. 9.

Рис. 2
Районы
 1-общинный,
 полунатуральный
 2-уфимский рыночный
 3-фермерские
 4-горно-лесной

Общинники помогали друг другу в трудные времена засух и неурожаев. В 1898 г. в Белебеевском уезде у соседей и родственников бедняки брали хлеб «заимообразно пуд за пуд», тоже отмечалось в Мензелинском уезде, где получали хлеб в долг у «добрых людей», оказывая затем родственникам и знакомым «во время жнитва помощь». В Бирском уезде нуждающиеся крестьяне брали зимой зерно «пуд за пуд», обязуясь возвратить осенью из нового урожая помогавшим им соседям натурой или деньгами по существующим ценам. В Уфимском уезде в долг предоставляли «на совесть», «заимообразно» с возвратом по «стоимости во время уплаты»¹.

Общинная взаимопомощь, поддержка соседей и родственников проявлялись в институте «помочей» (башкирское, татарское – омэ), бесплатных (или за простое угощение) единовременных работ в пользу нуждающихся семей: строительство жилья погорельцам, уборка хлеба и т. д. Естественно, что первыми на выручку приходили родственники, которых в деревне было великое множество. В с. Дюртюлли Альшеевской волости в хозяйстве ушедшего на Первую мировую войну К. Мухамадрахимова трудился брат, фронтовикам Я. и Р. Ризвановым помогал отец, у 70-летнего М. Ильясова единственный сын находился в армии и полевую работу выполняли родственники².

Уравнилельно-распределительные функции традиционной российской общины (у всех народов края) были необходимым условием выживания крестьянства при низкой продуктивности земледелия. Общинная взаимопомощь компенсировала слабость рыночных отношений. Не случайно подобный тип хозяйствования назван «моральной экономикой»³. В сознании патриархального крестьянства господствовали идеи коллективизма, народного монархизма, религиозности. В башкирской д. Ново-Яушево Стерлитамакского уезда в 1911 г. заявляли, что единоличнику нельзя идти против общества, «интерес которого должен быть более соблюдаем»⁴. «Жить надо ровно, богатых и начальства не надо», – вторил житель д. Богдановки Мензелинского уезда в 1908 г.⁵ Строгой иерархии в природе (Бог), семье (домохозяин), общине (староста) соответствовала высшая единодержавная власть в государстве (Царь). На молодёжной вечеринке в д. Бардовка Базановской волости Бирского уезда в декабре 1908 г. крестьянин К. Козлов заявил: «А я и Бога и Царя признаю, ... Царя ругать нельзя»⁶. В с. Новотроицкое Бирского уезда в марте 1912 г. сельчанин И. Перевышин во время спора сказал, «что теперь не старое время и что при настоящем государе Императоре мужикам живётся хорошо»⁷. Во время революции 1905–1907 гг. из многих деревень к царю поступали верноподданнические обращения. Так, в декабре 1905 г. тепляри с. Абдуллино Ярославской волости Златоустовского уезда совершили

¹ Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1897–98 год. Уфа, 1899. Вып. I. С. 103, 112, 116, 118.

² ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 174.

³ По Дж. Скотту «моральная экономика» выживания и борьбы с голодом относится к некапиталистическому миру (см.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5).

⁴ ЦИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 25. Л. 3 об.

⁵ Там же. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 260. Л. 22 об.

⁶ Там же. Д. 312. Л. 536.

⁷ Там же. Д. 464. Л. 372.

молебен в мечети и выразили «верноподданнические чувства и искреннюю благодарность от лица магометан за дарованные вместе с другими вероисповеданиями великие милости Государя Императора, как отца, заботящегося о своих детях, заверяя, что никакие смуты, вызываемые врагами России, не поколеблют чувство преданности своему Государю». Адрес абдуллинцев попал к Николаю II и 5 марта 1906 г. он собственноручно начертал – «Прочёл с удовольствием»¹.

Патриархальное крестьянство сохраняло традиционное трудовое право. Сельчане в массе не воспринимали буржуазный индивидуализм, их сознание оставалось общинно-коллективистским, уравнилельно-социалистическим. Земля и всё, что на ней произрастает, должны принадлежать не собственнику, а труженику, «земля есть мирская да Божья»². «Земля тоже, что и воздух, – говорилось в эсеровской листовке Дёмского крестьянского союза (1907 г.). – Каждый человек вдыхает воздух по мере его потребности, а ни чуть не за десятерых, так и земля должна быть обрабатываемой по мере и на надобности каждого»³. Это создавало благоприятную почву для проникновения в деревню антибуржуазных социалистических взглядов. «Социализм есть не что иное, как логическое завершение трудового правосознания, которое хотя и сильно пострадало от вторжения в народную жизнь чуждых ему элементов капиталистической культуры, но всё ещё до сих пор живо в душе нашего мужика», – утверждал в 1906 г. М. Туган-Барановский⁴.

Традиционалистские, бедняцко-средняцкие слои крестьянства с посевом от 2 до 10 дес. составляли подавляющее большинство населения северо-западного Башкортостана. Почти во всех уездах Уфимской губернии по переписи 1912–1913 гг. они охватывали основную часть жителей, в Мензелинском уезде их насчитывалось 68% от общего количества крестьянских хозяйств, в Бирском – 63, Уфимском – 59, Белебеевском – 57, Стерлитамакском – 51, Златоустовском – 47%. В северо-западных уездах удельный вес патриархального крестьянства поднимался почти до 2/3 дворов⁵. В хозяйствах с посевом 2–10 дес. выращенного хлеба или едва хватало на пропитание семьи до нового урожая, или имелся весьма скромный излишек зерна (не более 120–140 пуд.), который использовался для покупки фабричных товаров, улучшения питания, создания страховых запасов на случай недорода. Во время неурожая огромные массы населения оказывались на грани полуголодного существования. Основной задачей патриархального крестьянства являлось выживание, обеспечение семьи продовольствием, а не получение прибыли.

Из-за начинавшегося на западе малоземелья и перенаселённости деревни, низкой производительности земледелия в традиционной общине в начале XX в. сложился значительный слой пауперов (от латинского *pauper* – бедный), охватывавших до 20–30% крестьянских хозяйств (беспосевные семьи или дворы с посевом до 2 дес.). Их существование было уже невозможно без дополнительных заработков (батрачество, отходничество, кустарные промыслы, извоз и пр.), собственное земледелие не обес-

¹ Уфимские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1906. 11 января; 29 марта.

² Туган-Барановский М. Национализация земли. СПб., 1906. С. 118.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 260. Л. 27.

⁴ Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 118.

⁵ Подсчитано по: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. (без горнозаводских и горно-лесных волостей).

печивало прожиточного минимума. Но из-за недостаточного развития рыночной экономики (случайности, нестабильности наёмных заработков) количество «чистого» сельского пролетариата, вообще не имевших посева семей, было очень мало (6–8%, до 10% в Златоустовском уезде). Абсолютное большинство сельских «низов» держали маленькие посева. По переписи 1912–1913 гг. в группе дворов с посевом до 2 дес. в среднем на семью приходилось в Мензелинском уезде – 1,38 дес., Уфимском – 1,24 дес. и т. д.¹ Хроническая бедность, крайне низкий уровень жизни были «нормой» для значительных масс сельского населения.

Вопиющая нищета многих семей поражала даже современников. Кооператор П.В. Камкин рассказывал в 1908 г.: «В своих разъездах по губернии мне часто приходится наблюдать такую картину. Въезжаешь в деревню и видишь, что вся она состоит из жалких лачуг, нередко без крыш»². В голодный 1911 г. русский крестьянин остановился у знакомого башкира. Впечатления оказались настолько сильны, что мужик отправил записку в газету. «Хозяин ничего себе, – сообщал он, – немного, чтобы бедный: лошаденка есть, овец штук пяток, коровы, скажем, нету, – коза есть... Вот и посмотрел я, чем они живут-то, что едят-то: утром, значит, зингейка* сварила нелупленного картофеля полкотла – поели с солью, без хлеба! Самих двое да четверо ребят. Потом зингейка сходила подоила козу, принесла... ну так стакана три, рази маненько поболее. Поставила самовар, заварила чаю плиточного, отрезала по маленькому куску хлеба всем и с молоком, но, мотри, без сахара напоила чаем; это пошло наместо обеда. К вечеру затопила подтопок, так печурочка под котлом, приставила воды, а сама пошла опять доить козу, принесла опять с эстоль же. Когда вода, значит, скипела, влила туда молоко, опять скипятила, принесла пригоршню муки и разболтала её в кипятке. Этим семья поужинала, мотри, опять же без хлеба. Вот тут и работай, как хошь, с этакой пищи-то ... тут не токмо работать, а впору только ноги таскать»³.

На другом полюсе традиционной деревни находилась общинная «верхушка», удельный вес которой на северо-западе края был невелик. По данным переписи 1912–1913 гг. зажиточные многопосевные хозяйства (свыше 10 дес. посева) составляли в Бирском уезде 10%, в Мензелинском – 8%, то же наблюдалось на западе Белебеевского уезда. Уравнилельные механизмы (чересполосица, переделы земли и пр.) препятствовали складыванию крупного предпринимательского хозяйства. Зажиточные «верхи» в традиционной деревне использовали общинные институты взаимопомощи для эксплуатации более бедных односельчан. «В сущности, – отмечал современник, – угощение "на помочах" обычно кулачское преступное деяние, именуемое вовлечением "неразумных" в невыгодную сделку»⁴. Широко было распространено ростовщичество (в башкирской и татарской деревне деньги под проценты ссужало мусульманское духовенство). Так, в Ирехтинской волости Мензелинского уезда заимодавцами являлись «главным образом – муллы»⁵.

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 62, 66, 169–170.

² Сельско-хозяйственный листок. 1908. № 5 (август). С. 23.

* Зингейка (башкирское) – жена брата, по смыслу здесь она жена хозяина. Гость младше его по возрасту, поэтому русский обращается как младший к жене старшего брата.

³ Сельско-хозяйственный листок. 1911. № 10 (15 декабря). Стб. 82.

⁴ Рождественский Ив. Указ. соч. С. 28.

⁵ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 174, 182.

Однако бедняцко-средняцкое большинство постепенно «выдавливало» предпринимательские элементы. В начале XX в. на северо-западе Башкортостана происходило сокращение удельного веса товарных хозяйств, социальная структура была схожей с центрально-чернозёмными губерниями. Современник отмечал, что здесь «призрак капитализма» скрылся, «как будто испугался этой общей нищеты», маячили лишь «одинокие фигуры кулаков»¹. Например, в Бирском уезде за 1900–1911 г. в большинстве волостей наблюдалось уменьшение доли дворов с посевом свыше 10 дес., значение капиталистических, рыночных слоёв неуклонно падало². В местной прессе регулярно появлялись жалобы предпринимателей на общинные преграды. «Община словно связала руки, не даёт свободно вздохнуть, взяться за улучшение своей нелёгкой доли». Выход многим виделся только один – бежать, бежать на хутора и отруба «подальше от “мирской” неподвижности, “мирской глупости” в свой собственный уголок, чтобы зажить там своим умом – разумом»³. Когда же сельчанин, «наконец, проникнется уважением к чужой собственности», – говорил некий В.И. Сидоркин, – когда будет искоренён «взевшийся в плоть и кровь нашего крестьянина обычай травить чужие посевы?» А ещё хутора пропагандируют. «В лоск стравят и разорят»⁴.

Внешне сходный характер имела социальная структура в горно-лесной зоне Башкортостана (рис. 2). Низкая продуктивность земледелия в тяжёлых климатических условиях способствовала сохранению общинных традиций взаимопомощи. Здесь абсолютное большинство населения имело очень небольшие посевы, важную роль играло животноводство у башкир. Но наличие рядом многочисленных металлургических заводов и рудников привело к массовому вовлечению местных жителей в промышленное производство. Башкиры, русские и др. добывали руду, вырабатывали древесный уголь, занимались лесоразработками, извозом, сплавом леса, постройкой судов, трудились на различных специальностях в золотодобывающей, чёрной и цветной металлургии. Сочетание патриархальной общины с индустриальным производством создало особую обстановку в горно-лесной башкирской деревне. Значительная часть населения вела полунатуральное животноводческо-земледельческое хозяйство и одновременно являлась подсобными рабочими.

Своеобразное развитие происходило в волостях, примыкавших к Уфе. Первый крупный город Башкортостана и важнейший транспортный центр создал устойчивый спрос на сельскохозяйственную продукцию, что привело к ускоренному формированию локального рынка. Предпринимательская прослойка здесь складывалась среди пореформенных переселенцев (латышей, белорусов, украинцев, др.), покупавших или арендовавших землю и создававших «классические» единоличные фермы. С другой стороны, товарное хозяйство возникает и внутри общинного крестьянства (русского, татарского, чувашского, мордовского и др.). В приуфимском районе происходила трансформация сельской общины, как в Подмоскowie⁵, когда

¹ Маслов Пётр. Аграрный вопрос в России (условия развития крестьянского хозяйства в России). СПб., 1906. С. 442–443.

² Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 213.

³ Сельско-хозяйственный листок. 1913. № 10 (1 мая). Стб. 4.

⁴ Там же. 1910. № 7 (25 июля). Стб. 67.

⁵ См.: Ковалёв Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004.

внутриобщинные распорядки постепенно приспособляются к интересам рынка. Распространялось буржуазное восприятие своих земель как частной собственности, неделимого наследственного владения крестьянской семьи. В с. Шарлык-Баш Янышевской волости припущенники в 1917 г. считали себя «собственниками подворных участков»¹. В Дмитриевской волости в д. Ветошниково (русские) землю не делили более 30 лет и «общину уже не считают». В с. Лавочное (все Уфимский уезд) крестьяне полагают «общину уничтоженной, а себя собственниками подворных участков»². Традициям уравнительности противостоял набиравший силу буржуазный индивидуализм. Оставаясь общинником, зажиточный крестьянин создавал крупное единоличное хозяйство. Так, 56-летний И.Г. Сазонов из с. Булгаково Уфимского уезда к 1917 г. имел 11 дес. пахотной земли в общине и купил ещё 65 дес. Его хозяйство включало 38,5 дес. посева (с травами), 5 рабочих лошадей, 4 коровы, жнейку, молотилку, веялку³.

Иная ситуация сложилась на юге и северо-востоке Башкортостана (рис. 2). Революционное воздействие железнодорожного транспорта, связавшего эти территории с общероссийским и мировым рынками, непрерывно растущий спрос на пшеницу и другую продукцию сельского хозяйства, капиталовложения в аграрную сферу (крестьян-переселенцев и купцов), поставки высокопроизводительной техники способствовали быстрому внедрению передовых технологий и кардинальным переменам в социальной структуре. С конца XIX в. формируется многочисленная прослойка предпринимательских (фермерско-кулацких) хозяйств, занимавшихся целенаправленным производством товарной продукции на продажу.

По материалам переписи 1912–1913 гг. в полосе Самаро-Златоустовской железной дороги, между Уфой, Белебеем и Стерлитамаком сложился целый район – своеобразный «Американский уезд» – на площади 1,5 млн дес., 49% земель которого уже находилось в частной собственности крестьян (личной, товарищеской, а также оформленной во время Столыпинской реформы). Зажиточные хозяйства с посевом более 10 дес., где товарный излишек зерна в среднем равнялся 300–500 пуд., в урожайные годы достигая 1 тыс. пуд. и более, составляли значительную часть населения (свыше 20%). В Стерлитамакском уезде в 1912–1913 гг. в Николаевской волости сельская «верхушка» (более 10 дес. посева) охватывала 75% дворов, в Резановской – 45%, в Четырмановской, Аллагуватовской, Бегеняш-Абукановской волостях – 37–40% и т. д. Предпринимателям принадлежало абсолютное большинство (свыше 50%) посевов, в их руках находилось сельскохозяйственное производство, они поставляли на рынок основную часть зерна. Всего на юге Уфимской губернии (в условном «Американском уезде») зажиточные дворы составляли около 30% населения. Рядовым явлением стали «кулацкие» посёлки, состоявшие из семейных кланов предпринимателей. Так, в д. Григорьевка Николаевской волости проживали мордовские фермеры Панышины (Марфа Никитична в 1917 г. имела 100 дес. посева, Николай Дмитриевич – 108 дес., Евдоким Фёдорович – 94,22 дес. и т. д.), Кожаевы, Потешкины. Возле д. Верхние Услы Бегеняш-Абукановской волости раскинулись владения се-

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167.

² Там же. Д. 168.

³ Там же. Д. 519.

мейных кланов Хамзиных (Лукману Гизитдиновичу принадлежало 118,5 дес. посева, Усману Гайнитдиновичу – 68 дес.) и Шахмаевых.

Среди сельских предпринимателей сформировался слой крупных фермеров, владельцев настоящих «пшеничных фабрик». Только в Белебеевском уезде по переписи 1917 г. (на четвёртом году войны) зафиксировано 385 предпринимателей, имевших по 50 дес. посева и выше (106 русских, 78 украинцев, 67 немцев, 43 башкира, 30 тептярей, 25 мордвы, по 9 мишар и эстонцев, по 6 татар и чувашей, 3 поляка, 2 белоруса и один швейцарец). А лидерами белебеевского фермерства являлись башкир-мулла Нурдаулет Султанов (589,36 дес. посева, Имянликулевская волость), татарин Зиннатулла Кашаев (309 дес., Старо-Калмашевская волость), тептяр А.Р. Музафаров (285,6 дес., Богадинская волость), украинцы А.И. Герасименко (245 дес.) и Т.Р. Герасимов (224 дес., оба из Казангуловской волости)¹.

Например, 53-летнему припущеннику «ново-башкиру» М. Исанбирдину в Старо-Калмашевской волости Белебеевского уезда в Аблаевском товариществе принадлежало 110 дес. земли (61 пашни). Возле д. Киндир-Куль он единолично купил хутор в 150 дес. (80 пашни) и, наконец, у помещика А.А. Плансона в Тюрюшевской волости взял в аренду целое имение за 1400 руб. в год (более тысячи десятин). Перед Первой мировой войной М. Исанбирдин руководил огромным хозяйством – 333 дес. посева, 28 рабочих лошадей, 24 коровы, 302 овцы, 15 плугов, две сеялки, жнейка, косилка, две молотилки, три веялки и паровая мельница в придачу².

Предпринимательское хозяйство в основном специализировалось на выращивании пшеницы, хотя жёсткой монокультуры в крае не было. Началось активное внедрение передовых технологий и современной техники. В среднем за 1909–1911 гг. в Уфимскую губернию ввозилось земледельческих машин около 300 тыс. пуд., в том числе около 100 тыс. пуд из-за границы³. Жатвенная машина уже в 1903 г. не считалась «новостью в Казангуловской и Альшеевской волостях» Белебеевского уезда⁴. «В наиболее производящих районах, – отмечал М.П. Красильников, – жнейки и даже сноповязалки являются довольно популярными машинами»⁵. В некоторых местах «соха стала таким же редким орудием, каким раньше был плуг», – утверждалось в 1911 г.⁶ Только через Стерлитамакский уездный земский склад было продано в 1909–1911 гг. 542 уборочные машины, 106 рядовых сеялок, а всего товаров на 443,5 тыс. руб.⁷ По переписи 1917 г. в Белебеевском, Стерлитамакском и Златоустовском уездах с наиболее высоким уровнем развития предпринимательского хозяйства было сконцентрировано 86% сеялок, 73% косилок и 82% жаток⁸. Если в начале XX в. единичные крестьяне из Месягутово и окрестностей решались на очистку зерна, то

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 71, 218, 220, 222, 230, 232–233, 305–306.

² ЦИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 176. Л. 42; Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. С. 38–41.

³ Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. I // Труды ЦСУ РСФСР. М., 1921. Т. VII, вып. I. С. 36.

⁴ ЦИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 80. Т. 2. Л. 418 об.

⁵ Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края. С. 13.

⁶ Сельско-хозяйственный листок. 1911. № 2–3 (28 марта). Стб. 133–134.

⁷ Уфимский земский календарь на 1913 год. С. 74–75.

⁸ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. Т. 5, вып. 2. М., 1923. С. 129.

теперь, – утверждал современник, – «мужики чуть не дерутся из-за очереди на зерно-очистительном обозе»¹. Агроном В.К. Жарков свидетельствовал, как в 1908 г. они «с трудом» продали одну рядовую сеялку, в 1909 г. уже 20, в 1910 г. – 64. Если в 1907–1908 гг. сепараторов продавали по 7–8 штук, то в 1909–1910 гг. сбывали до 130 аппаратов². Башкир М. Рахимкулов из д. Казангулово Белебеевского уезда держал три однолемешных и один многолемешный плуги, сеялку, веялку, жнейку, молотилку, сепаратор, арендовал косилку³, затратив на их приобретение не менее 500 руб.

Фермеры интересовались новыми культурами, выписывали агрономическую литературу, модернизировали своё хозяйство. В Златоустовском уезде житель с. Месягутово И.Ф. Цепилов, посеяв в 1909 г. клевер с тимофеевкой, специально затем оставил одну десятину на семена, что позволило ему в 1910 г. определить рентабельность семенного клевера. Чистый доход составил 118,3 руб. Ни один хлеб, даже пшеница не сравнится, – так поразила богатого сельчанина эта культура⁴. Не традиции отцов, а рынок теперь диктовали крестьянину, что выращивать. Крестьянин д. Верхние Курмезы Васильевской волости Белебеевского уезда Д. Матвеев за образцовое ведение хозяйства был удостоен премии в 300 рублей в честь трёхсотлетия династии Романовых. В 1912 г. он из 16,75 дес. посева, помимо ржи, пшеницы, овса, проса, гречи, картошки и прочего, на своём хуторе посеял по 1,5 дес. люцерны и костра, а также 0,25 дес. тимофеевки и эспарцета⁵. Согласно данным переписи 1912–1913 гг. хозяйствам высшей посевной группы (более 10 дес., 15% от общего количества) принадлежало в Уфимской губернии, например, 46% площадей под кормовыми травами, 71% посевов рапса, 78% подсолнечника, 54% ячменя, 45% гречихи, 67% пшеницы⁶.

В самых крупных фермерских хозяйствах ряд операций (сев, жатва и первичная обработка зерна) были почти полностью механизированы. Широкое применение машин препятствовало формированию массового слоя сельского пролетариата. В южных уездах Уфимской губернии, где наиболее быстро развивалось предпринимательское хозяйство, в структуре деревни беспосевных батраков насчитывалось всего 6,9% семей, пауперизированное население (до 2 дес. посева) составляло 12,8%, бедняцко-средняцкое крестьянство (2–6 дес.) – 31,1%, «крепкие» середняки (посева 6–10 дес.) – 19,5%, зажиточные дворы – 29,7%⁷. Традиционные слои крестьянства охватывали почти половину населения, но экономический потенциал деревни (поголовье скота, посевные площади, инвентарь) находился у сельской «верхушки».

Второй фермерский район сформировался на северо-востоке Башкортостана (рис. 2), в земледельческих волостях Златоустовского уезда, где крестьянство специализировалось на поставках хлеба для жителей соседних горных заводов. Сове-

¹ Сельско-хозяйственный листок. 1913. № 27 (30 ноября). Стб. 48.

² Там же. 1911. № 2–3 (28 марта). Стб. 5.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 213.

⁴ Сельско-хозяйственный листок. 1911. № 1 (январь). Стб. 8, 12.

⁵ Халютин П.В. Крестьянское хозяйство в России. Извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память трёхсотлетия Царствования Дома Романовых. Пг., 1915. Т. II. Чернозёмная полоса Европейской России. С. 330, 334.

⁶ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1798, 1802–1803.

⁷ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 222.

менники подчёркивали, что «покупателями является заводское население, и при низких ценах на хлеб, насколько значительным является спрос на муку пшеничную, настолько и незначителен он на муку ржаную»¹. По переписи 1912–1913 гг. посевы пшеницы, основной товарной культуры края, занимали 47% всех посевных площадей Дуванской волости, 43% Метелинской, 38% Михайловской, 41% Сикиязской, по 46% Тастубинской и Ярославской². Плодородные почвы, благоприятный, хотя и несколько суровый, климат, обилие лесов, окружавших Айскую лесостепь, всё способствовало процветанию этих мест. «Первое впечатление при моём въезде в с. Ново-Петропавловское (Карантров тож), – сообщал очевидец – это картина сравнительной зажиточности крестьян»³. Даже на общинных землях здесь существовало «пестрополе» – индивидуальное ведение хозяйства.

Удельный вес зажиточных дворов (более 10 дес. посева) составлял по переписи 1912–1913 гг. в Старо-Белокатайской волости – 60,4%, Усть-Икинской – 56,3%, Михайловской – 46,3%, Насибашевской – 33,2%. Житель с. Старый Белокатай, 47-летний Ф.Т. Чепуров, по переписи 1917 г., только зерновых (без огородов) засеивал 39 дес. (по 12 дес. озимой ржи и яровой пшеницы, 15 дес. овса), держал 11 рабочих лошадей, 10 коров, 10 ульев, имел молотилку, две веялки, две косилки, сепаратор, нанимал подённых и сдельных работников. При этом собственной земли было всего 8,8 дес. пашни. Ещё 8,8 дес. пашни он купил у соседей, затем купил 60 дес. (12 дес. пашни) и арендовал у башкир 39,5 дес, да ещё взял на год 30 дес. покосов⁴. В развитии предпринимательского хозяйства на северо-востоке большую роль играла аренда земли у местных башкир-вотчинников.

По всей видимости, аналогичные процессы складывания предпринимательского (фермерско-кулацкого) хозяйства происходили на крайнем юге Башкортостана, в пределах Оренбургского и Орского уездов Оренбургской губернии. Хотя по этой территории не сохранилось надёжных исторических источников, структура земледелия здесь совпадала с «американскими» волостями Стерлитамакского и Белебеевского уездов. Х.Ф. Усманов попытался определить структуру крестьянства Оренбуржья по количеству рабочего скота. В Оренбургском и Челябинском уездах удельный вес зажиточного крестьянства он установил в 19–23%, в Верхнеуральском и Орском уездах – 25–27%, оговорившись, что показатели по рабочему скоту «ниже, чем по величине посева»⁵. По классификации И.Л. Орлова⁶ пять волостей Оренбургского уезда (Бушман-Суун-Каракипчакская, 1-я Каракипчакская, Семёно-Петровская, Таймасовская и Юмагузинская), а также 6 волостей на крайнем северо-востоке (около совр. города Учалы) входили с тремя стерлитамакскими волостями в залежно-паровой, пшенично-овсяной район с экстенсивным земледелием. Среди посевов доминировала

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Самара, 1899. Т. VI. С. 575.

² Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1012–1013, 1020–1021, 1028–1029, 1036–1037, 1044–1045.

³ Сельско-хозяйственный листок. 1913. № 17 (1 июля). Стб. 12.

⁴ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 244, 252–253.

⁵ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 274.

⁶ Орлов И.Л. Сельско-хозяйственные районы БАССР (По данным переписи 1917 г.). Уфа, б. г. С. 26–28, 31; Орлов Иван Лаврентьевич – помощник уфимского губернского земского агронома с 1911 по 1917 гг.

ли яровая пшеница – 48,39%, овёс – 26,7% и рожь – 11,47%. Соседние волости из Оренбургского и Орского уездов (Аллабердинская, Бурзяно-Кипчакская, Бурзянская, Имангуловская, 2-я Каракипчакская, Мурапталовская, Разномойская, Ташлинская, 2, 3 и 6-я Усергановские, Фёдоровская) с пятью южными волостями из Стерлитамакского уезда И.Л. Орлов объединил в залежно-паровой, пшенично-овсяной, мясной район, отличавшийся нагульным животноводством. В посевной площади по-прежнему царил пшеница – 58,55%, далее шли овёс – 19,34% и просо – 4,43%. Кургазинская волость Оренбургского уезда входила в Мелеузовский район (пшеница – 50,68%, овёс – 25,19%, рожь – 15,57% всех посевов).

Зилаирский залежно-паровой, пшенично-овсяной, многоскотный район составили четыре волости Орского уезда (Салиховская, 1, 4 и 5-я Усергановские). Среди посевов первенствовали пшеница – 65,48%, затем овёс – 22,15% и рожь – 2,66%. Озимых в округе почти не сеяли. Последний, Зилаирский зауральский залежно-паровой, пшенично-овсяной, многоскотный, коневодный, кумысный район И.Л. Орлов составил из волостей Орского уезда (Самарская, 1 и 2-я Тангауровские, 8-я Усергановская). Помимо кумысного башкирского коневодства, здесь существовало экстенсивное земледелие, в посевах преобладали яровая пшеница – 67,32% и овёс – 25,55%. Остальные оренбургские волости являлись животноводческими, малопосевными, горнолесными. С юга от Уральских гор протянулся сплошной ареал пшеницы, на выращивании которой специализировались как раз предпринимательские двory.

В многонациональном Башкортостане формирование товарного хозяйства, естественно, отличалось у разных народов из-за неодинакового уровня социально-культурного развития. Однако главным фактором оставалось воздействие рыночной экономики. В районах преобладания полунатуральной патриархальной общины у всех этносов наблюдалось замедленное, заторможенное складывание предпринимательского слоя. И наоборот, на юге и северо-востоке Башкортостана отмечалось ускоренное образование фермерских хозяйств среди всех проживавших там национальных групп. Сравним по переписи 1917 г. социальную структуру русского крестьянства всего Бирского уезда и русских 13 волостей Белебеевского уезда, лежавших вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги¹ (таблица, число хозяйств в процентах).

Русские	Без посева	С посевом				всего
		до 4 дес.	от 4 до 10 дес.	от 10 до 15 дес.	свыше 15 дес.	
Бирского уезда	13,3	33,9	40	8,6	4,2	100
Южных волостей Белебеевского уезда	21,3	16,5	25,9	15,5	20,8	100

¹ Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 119; Имай-Карамалинская, Нигаметуллинская, Альшеевская, Гайныямаская, Ильчигуловская, Васильевская, Киргиз-Миякинская, Зильдяровская, Илькульминская, Менеузбашевская, Ново-Шаховская, Ильинская, Аксаковская волости (ЦИ ИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 170–175, 184–185, 189–192, 198–209, 219–221, 232–234, 236–237, 239–240, 242).

Хотя материалы переписи 1917 г. завышают долю беспосевных хозяйств из-за беженцев Первой мировой войны, разница велика. Русские севера Башкирии на 74% состояли из бедняцко-средняцких масс (с посевом до 10 дес.) – патриархального крестьянства. Сельская верхушка охватывала немногим более 1/10 населения. На юге самых зажиточных дворов в пять раз больше, а вообще хозяйства с посевом свыше 10 дес. составляли 36,3% – каждый третий русский крестьянин. Значительно меньше был удельный вес полунатуральных дворов.

Русские предприниматели преобладали численно. Так, на юге Уфимской губернии, в условном «Американском уезде», в 1917 г. среди 10 163 хозяйств с посевом 10–15 дес. русских было 3460 (34,05%), далее шли башкиры – 1885 дворов (18,55%), украинцы – 1266 (12,46%), чувашаи – 1130 (11,12%) и мишари – 737 (7,25%). А в числе 11 024 самых крупных предпринимательских хозяйств, засевавших свыше 15 дес., русские составляли 41,55% (4580 дворов), украинцы – 15,94% (1757), башкиры – 14,08% (1552), чувашаи – 7,58% (836), мордва – 7,26% (800)¹. Но по удельному весу зажиточных семейств среди «своего» населения лидировали немцы, эстонцы, латыши. Например, на немецком Горчаковском хуторе в Казангуловской волости Белебеевского уезда в 1917 г. проживало 12 семей, из которых 8 домохозяев засеивали более 15 дес., остальные от 12 до 15 дес. Хуторяне имели массу высокопроизводительной и дорогой сельскохозяйственной техники. Восемь хозяев даже перешли исключительно на многолемешные плуги. Всего на Горчаковском хуторе насчитывалось 15 сеялок, 16 жнеек, среди которых преобладали жатки – самовязки, не просто скашивавшие хлеб, но увязывавшие его в снопы, было 7 молотилок, 11 веялок, 10 косилок (на покосе немцы старались обходиться своими силами, не нанимали косарей) и 11 сепараторов. Крупнейший немецкий фермер – Г.М. Вилимс держал 94 голов скота (16 рабочих лошадей, 8 коров), засеивал 162 дес., из инвентаря приобрёл два железных однолемешных и 6 многолемешных плугов, две сеялки, две жнейки-самовязки, веялку, косилку, сепаратор и арендовал молотилку².

Высокая доля предпринимательской прослойки была среди украинцев, а также мордвы и чувашей – народов развитой земледельческой культуры. Украинские переселенцы преимущественно осели именно в южном, наиболее развитом регионе. В отдельных волостях зажиточная верхушка среди украинцев доходила до 40–50% всех жителей. Например, в Бегеняш-Абукановской волости Стерлитамакского уезда в 1917 г. насчитывалось 151 многопосевное хозяйство украинцев из 286, или 52,8%³. Процветанию украинской деревни также способствовала достаточно высокая земледельческая культура, приспособленная к засушливому степному климату⁴.

На фермерском юге проживала основная масса чувашей и мордвы. Особенно выделялись последние. В Белебеевском и Стерлитамакском уездах доля зажиточной верхушки у мордвы в 1917 г. составляла в Карагушевской волости – 62,7%, Четырмановской – 54, Ильинской – 40,9, Васильевской – 37,4%. А в Бегеняш-Абукановской волости многопосевные чувашские дворы охватывали 44,4%, в Васильевской – 41,8,

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 221.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 212.

³ Там же. Д. 444–445.

⁴ Роднов М.И. Социальная структура украинского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века // Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Уфа, 1993. С. 138–141.

Менеузбашевской – 32,9% и пр.¹ Белорусские переселенцы в основном селились в предгорных волостях, где требовался тяжёлый труд по освоению лесных урочищ. Удельный вес многопосевных хозяйств среди них был невелик, также как среди марийцев и удмуртов, проживавших в зоне традиционной общины.

Башкирский фермер, формирование слоя предпринимателей у мусульманского населения. К началу XX в. мировое аграрное производство в значительной степени держалось на освоении новых территорий (колоний и окраин), где фермерское хозяйство сложилось почти исключительно среди европейских (христианских) переселенцев. В США и Канаде, Австралии и Новой Зеландии, Аргентине, Алжире и т. д. коренное население либо было полностью вытеснено с плодородных земель, либо становилось поставщиком дешёвой неквалифицированной рабочей силы. Сходные процессы происходили и в Российской империи – в Крыму, на Северном Кавказе, в Степном крае (совр. северный Казахстан), Сибири. Но в Заволжье и на Южном Урале сложилась уникальная ситуация. Предпринимательское хозяйство возникло не только у «господствующего» православного населения (русских, украинцев, мордвы, чувашей) и «европейских» переселенцев (немцы, эстонцы, латыши), но и среди мусульманского крестьянства – башкир-вотчинников и различных групп татар. К началу XX в. мусульмане Поволжья и Приуралья были глубоко инкорпорированы в общероссийские социально-экономические структуры, обладали равными имущественными и юридическими правами, дискриминация в хозяйственной деятельности полностью отсутствовала.

Общий экономический подъём в Башкортостане, наступивший после проведения Самаро-Златоустовской железной дороги, затронул и мусульманскую деревню. Более того, в фермерской зоне (рис. 2) оказались группы башкир, ранее занимавшиеся животноводством и отличавшиеся более низким уровнем земледельческой культуры². Обилие земли (высокоплодородные чернозёмы) и дешёвый труд бедных соседей – однообщинников, близость к рынкам сбыта (железная дорога), наличие дополнительных источников для образования первоначального капитала (продажа или аренда земли, кумысничество, доходы от животноводства) открывали для предприимчивых, с хозяйской «жилкой», быстро воспринимавших новации башкир широкие возможности для образования товарного хозяйства и достижения успеха.

Сравним социальную структуру (по посеву) башкирского крестьянства всего Бирского уезда (зона полунатурального хозяйства) и башкир 13 южных волостей³ по данным переписи 1917 г.⁴ (число хозяйств в процентах).

¹ Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 177–245, 416–505.

² См., напр.: Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Часть II. Быт башкир. Л., 1925. С. 59 («В общем нельзя однако не признать, что земледельческое хозяйство у башкир стоит много ниже, чем у русского населения»).

³ Белебеевский уезд: Ново-Шаховская, Илькульминская, Нигаметуллинская, Богадинская, Менеузбашевская, Ильчигуловская, Имай-Карамалинская, Зильдяровская; Уфимский: Новосёловская, Сафаровская; Стерлитамакский: Ишпарсовская, Уршакминская, Бегеняш-Абукановская волости.

⁴ Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 180–183, 190, 198–201, 203–209, 229. Т. 2, 232–234, 236–237, 239–240, 444–445, 454, 467–468, 501–502, 546–547, 555–559, 578; Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. С. 119.

Башкиры Руденко	Без посева	С посевом				всего
		до 4 дес.	от 4 до 10 дес.	от 10 до 15 дес.	свыше 15 дес.	
Бирского уезда	7,46	52,2	33,6	4,92	1,82	100
Южных волостей	8,59	37,07	34,45	10,82	9,07	100

Разрыв в уровне развития южных и северных башкир в первую очередь по удельному весу сельской верхушки. В Бирском уезде многопосевные дворы (свыше 10 дес.) составляли 6,74%, причём «чисто» предпринимательские хозяйства (более 15 дес. посева) охватывали крайне малую величину (1,82%). На юге зажиточные башкирские дворы достигали 19,89% (каждый пятый), а доля крупных хозяйств в пять раз превышала бирские показатели. Проживавшие на юге, в самых «развитых» волостях, башкиры в целом имели социальную структуру схожую с остальным крестьянством. Всего в фермерской зоне по переписи 1912–1913 гг. сельская верхушка (более 10 дес. посева) у всех народов составляла 29,71%, у башкир – 19,89%. Разрыв количественный, но не качественный. Существование среди башкирского крестьянства предпринимательских хозяйств не прошло мимо внимания современников. Известный этнограф С.И. Руденко счёл необходимым выступить «против огульного обвинения башкир в бесхозяйственности». В книге, подготовленной перед мировой войной, он утверждал, что в восточной, зауральской Башкирии, которую он наиболее подробно изучал, «встречаются хозяева, прекрасно обрабатывающие десятки десятин земли новейшими земледельческими орудиями и убирающими хлеб при помощи машин»¹.

Из-за большого количества земли у башкир-вотчинников предприниматели не стремились покинуть общину. При д. Ново-Абишево Ильчигуловской волости Белебеевского уезда в начале XX в. Т. Мусин имел собственный хутор, 126 лошадей, 68 голов крупного и 230 мелкого рогатого скота, засевал 45 дес. Землю он арендовал «не по нужде», «а исключительно для расширения своего хозяйства с целью обогащения»². По переписи 1917 г. Т. Мусин, 50-летний вотчинник башкир, имел 29,22 дес. посева, 49 лошадей, 7 коров, 60 овец. Брат его, мулла С.А. Мусин, 53-х лет, владел 36 лошадьми, 8 коровами, 60 овцами, под посевом было 28,37 дес.³ Все крупнейшие (более 50 дес.) посевики башкиры-вотчинники Стерлитамакского уезда хозяйствовали только на наделной земле. С. Абдуллин из д. Давлеткулово Зиргановской волости имел 98,7 дес., Г. Супханкулов из д. Ново-Усманово Уршакминской волости – 120,8 дес. Его земляк, М.-Ш. Габдраков, кроме своей наделной земли (66,1 дес.), арендовал у односельчан ещё 25 дес.⁴ В д. Нижне-Хозятово Абраевской волости Уфимского уезда 48-летний вотчинник М.-С. Мурзагареев в 1917 г. засевал 25,25 дес., держал 8 рабочих лошадей, 7 дойных коров, 6 овец, 40 овец, 3 улья, купил немало инвентаря (3 однолемешных и один многолемешный плуги, сеялку, молотилку, веялку, сепаратор)⁵. Выходить за пределы общи-

¹ Руденко С.И. Указ. соч. С. 59.

² ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 114. Л. 144 и об.

³ Роднов М.И. Пережитки полукочевоего хозяйства у башкир Уфимской губернии в начале XX века. С. 12.

⁴ Он же. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. С. 24, 140.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 506.

ны башкирским фермерам не было никакой необходимости. В глазах окрестного населения подчёркивалась их зажиточность. Современник приводил прозвище многоземельных вотчинников: «бояре в белых кафтанах»¹.

В целом к 1917 г. в Башкирии сложился весьма многочисленный слой мусульманских крестьян – предпринимателей. Всего по материалам переписи 1917 г. в Уфимской губернии (без Мензелинского уезда) имелось следующее количество зажиточных хозяйств среди мусульманского населения (таблица), до Первой мировой войны их число было больше.

Многopосевных семей у башкир и татар насчитывалось почти 19 тысяч, свыше 100 тыс. чел. населения, обладавших значительным экономическим потенциалом. Сформировался целый социальный слой, это было достаточно массовое явление, оказавшее большое воздействие на судьбы своих этносов. Башкиры по числу зажиточных хозяйств опережали все прочие группы мусульманского крестьянства вместе взятые. Среди семей с посевом от 10 до 15 дес. башкир насчитывалось 52% от общего количества, среди дворов с посевом свыше 15 дес. – 55,2%².

Группа	Дворов с посевом 10–15 дес.	Дворов с посевом свыше 15 дес.
Башкиры	6247	3662
Тептяри	2647	1305
Мишари	1851	1011
Татары	1090	565
Прочие*	189	86
Итого небашкир	5777	2967
Всего	12 024	6 629

Особенностью складывания фермерского хозяйства у башкир и других групп мусульманского населения было присутствие в их рядах исламского духовенства. Сельские имамы в начале XX в. не имели официального статуса духовного сословия, не получали жалования от государства, жили на доходы от паствы и собственного земледельческого хозяйства (общины предоставляли надел приглашённому мулле). Высокий культурный уровень, наличие капиталов способствовало предпринимательской деятельности. Мусульманское духовенство заводило большие посевы, покупало машины и рабочий скот, переходило к передовым технологиям. Например, мулла Г. Валеев выписал с земского склада семена люцерны на 6 руб., яровая пшеница сорта «Полтавка» была отправлена добровольным корреспондентам (они сообщали статистическую информацию для земства) в Белебеевский уезд мулле Т.А. Тюгашеву в д. Сапашево, азанчею Ф. Хабибутдинову в д. Нарышево, «муезину» Т. Зенятуллину в д. Мендяново, а мулла Х. Мухаметов из Кизганбашевской волости Бирского уезда получал от земства высокоурожайный Шатиловский овёс³.

¹ Атнагулов С. Башкирия. М.; Л., 1925. С. 42.

² Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 299.

* Мусульмане, тюмены, тептяри-татары, алаторы.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-178. Оп. 1. Д. 6. Л. 326 об.; Сельско-хозяйственный листок. 1909. № 2 (февраль). Стб. 71–72; № 3 (март). Стб. 83.

В южных многоземельных волостях мулла-предприниматель был обычным явлением. Так, в д. Мурзагулово Ильчигуловской волости Белебеевского уезда мулла А. Ахметьянов держал 10 лошадей, 3 коровы, всего скота – 33, засеивал 23,67 дес., из инвентаря приобрёл к 1917 г. два железных однолемешных и один многолемешный плуги, жнейку, молотилку, косилку¹. Из подобной семьи вышел А.-З. Валидов, вспоминая про хозяйство отца – сельского имама: «Постепенно он сам стал выращивать картошку в загонах для скота, она была крупная. Выращивал он и капусту и приучил к этому своих родственников. Он посадил в саду плодовые деревья, каких не было у мурлы Кашшафа и мишарей. Со временем я убедил отца расширить поле до 10 га. Травы мы косили серпом, но на огромных полях работать стало тяжело, и мы привлекали подённых рабочих, татар и русских ... Так, за время моего детства, отец быстрыми темпами приобщил нашу абсолютно средневековую жизнь к современности. В течение десяти лет перед моим отъездом в далёкие края на учёбу в нашей жизни произошли перемены, достойные веков»².

Среди отрядов татарского крестьянства в начале XX в. сложилась несколько иная ситуация. В отличие от башкир, основная масса татар проживала в северо-западной части Уфимской губернии, где доминировали патриархальные, традиционные слои. При наличии высокой земледельческой культуры³, у татар не было такого земельного богатства, и складывание фермерских элементов происходило медленнее. Татарские общины испытывали нехватку земельных угодий, а предпринимательские элементы преимущественно устремлялись в торговлю. По переписи 1917 г. наибольший удельный вес многопосевные дворы имели у мишарей Бакаевской волости (20,6%) в Уфимском уезде, в Московской волости Бирского уезда (татары, 25,8%). Самым развитым оставался Белебеевский уезд, где выделялись надельные дворяне из мишарских родов (Терегуловы, Еникеевы и др.). Здесь высокий удельный вес зажиточных хозяйств был отмечен в Ново-Шаховской волости (татары – 28,8, гептяри – 41,8%), Зильдяровской (мишари – 21,7%), Киргиз-Миякинской (татары – 25,6%) и Богадинской (мишари – 31,7%)⁴.

В начале XX в. в Башкортостане сохранялось *помещичье хозяйство*, в Уфимской губернии насчитывалось свыше 1 тыс. имений, но их значение в сельскохозяйственном производстве оставалось небольшим. Согласно земскому исследованию в 1912–1913 гг. помещикам принадлежало 3,7% посевных площадей в Уфимской губернии, единичные поместья располагались на юге Башкортостана, в пределах Оренбургской губернии. Значительная часть дворян вообще не занималась земледелием, имения сдавались в аренду, использовались как летние дачи, много было площадей под лесом.

На западе края, в условиях нараставшего крестьянского малоземелья, помещики вели отработочное хозяйство, использовали труд сельчан с их инвентарём и лошадьми, которые нанимались за деньги, аренду пашни или покосов. За счёт этого помещики экономили средства на приобретение и содержание собственного инвентаря и рабочего скота, что повышало доходность имений. Отработками обрабатывалось

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 207.

² Заки Валиди Тоган. Воспоминания / Пер. с турецк. В.Б. Феоновой. М., 1997. С. 24.

³ См.: Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX в. М., 1981; Татары. М., 2001. Гл. 6.

⁴ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 298–299.

примерно 46% помещичьей пашни в Мензелинском уезде, 39% в Уфимском, 33–34 % в Бирском и Белебеевском уездах. Особенно велика была роль обработок в крупных имениях (с площадью свыше 500 дес.), где 42% пашни вспахивалось и засеивалось крестьянами их собственным инвентарём. Даже в «образцовых» хозяйствах, где широко использовались новейшие достижения агротехники, владельцы привлекали крестьян с их сохами и истощёнными лошадьми. В поместье дворянина Б.Н. Ляуданского¹ в 1917 г. на 600 дес. посева имелось 59 рабочих лошадей, 30 волов и трактор, а также 16 железных плугов. Примерно около 300 дес. посева обрабатывалось своими силами, а на остальную работу нанимались крестьяне. Чтобы вести хозяйство без обработок, помещику потребовались бы серьёзные капиталовложения: вдвое увеличить поголовье рабочего скота и закупить большое количество пахотных орудий.

При низкой механизации, отсутствии тракторной обработки пашни, даже крупные предпринимательские хозяйства купцов, вложивших средства в земледельческое производство, не могли обойтись без найма крестьян с их рабочим скотом и инвентарём. В Мензелинском уезде (купцы Стахеевы) и на юге, в полосе Самаро-Златоустовской железной дороги в начале XX в. существовали агрофирмы, специализировавшиеся на выращивании зерна. В Белебеевском уезде ряд поместий приобрели самарские купцы-мукомолы. Например, потомственному почётному гражданину П.И. Шихобалову в Ильинской волости принадлежало имение возле д. Григорьевка площадью 5008 дес. В 1912–1913 гг. засеивалось 1650 дес. (583,33 дес. пшеницы, 408,33 дес. ржи, 200 дес. кормовых трав и пр.), держали большое стадо в 355 голов, в том числе 69 рабочих лошадей и 100 волов². При примерной нагрузке в 4 дес. на лошадь (2 вола = 1 лошади), своими силами у купца обрабатывалось около 500 дес.

Наиболее предприимчивые землевладельцы переходили к многоотраслевому хозяйству с большой ролью животноводства. В имении дворян Харитоновых около с. Кармаскалы с 1907 г. было введено травосеяние (костёр, люцерна), выращивались морковь и свёкла, картофель, действовали три племенных завода по разведению лошадей, мукомольная мельница, сыроварные и маслодельные заводы, продукция сбывалась в Уфу. Только летом 1917 г. было переработано около 5 тыс. пуд. молока, реализовано 400 пуд. сыра, 57 пуд. масла, 34 пуд. молока и 2 пуда 8 фунтов сметаны³.

Столыпинская земельная реформа. В начале XX в. под воздействием нараставшего аграрного кризиса изменился правительственный курс по отношению к общине, ранее считавшейся гарантией стабильности в деревне, оплотом патриархальных устоев. Кабинетом П.А. Столыпина была начата широкомасштабная аграрная реформа, целью которой стало разрушение общины как архаичного института, препятствовавшего развитию рыночной экономики, и, наоборот, поддержка единоличного хозяйства. Реформу подготовил ряд законодательных актов: в 1905 г. были отменены выкупные платежи (с 1 января 1906 г. наполовину, с 1 января 1907 г. полностью), изменено правовое положение крестьян, отменялись сословные ограничения, окончательно ликвидировались подушная подать и круговая порука⁴.

¹ Роднов М.И. Характер помещичьего хозяйства Уфимской губернии накануне Октября // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986. С. 33–35.

² Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. С. 18–21.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 580.

⁴ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 187–189.

По указу 9 ноября 1906 г. любой крестьянин-общинник получил право укрепить свои пахотные наделы в личную собственность. Эта земля больше не подлежала общинным переделам, становилась наследственным владением. За домохозяевами сохранялось пользование общими сенокосами, лесными угодьями, выгонами и пр. Вышедший из общины крестьянин имел право свести, соединить свои разбросанные полосы пашни в единый участок – отруб, или же перенести туда жильё и образовать хутор. Механизм укрепления земли был максимально упрощён. Заявление подавалось через старосту сельскому обществу, которое в месячный срок должно было вынести большинством голосов на сходе решение (приговор) и указать участки, переходящие в личную собственность домохозяина (для образования отруба или хутора требовалось уже 2/3 голосов). Если решение сходом не принималось, земский начальник в принудительном порядке производил выдел.

Указ 9 ноября 1906 г. был принят III Государственной Думой в качестве закона от 14 июня 1910 г. с некоторыми дополнениями, в частности в беспередельных общинах все домохозяева признавались собственниками своих наделов. Новый этап в реализации Столыпинской реформы наступил после принятия закона 29 мая 1911 г. о землеустройстве. Акцент был перенесён с юридического оформления прав собственности на фактическое создание единоличного хозяйства. Общинники теперь могли требовать выдела отрубного участка без укрепления земли¹.

Созданные в Уфимской губернии землеустроительные комиссии развернули широкую работу по уничтожению многополосности и вообще чересполосицы, дальнотемелья и выделению отрубов, хуторов, посёлков, установлению границ селений и пр. Только в 1909 г. в Белебеевском уезде целиком разверстались на отруба земли Березовского общества Альшеевской волости, Шаровско-Глуховского в Аксаковской, Каменец-Подольского товарищества в Менеузбашевской, Туяшевского в Гайнымакской, землемеры делили на участки, приобретённые с помощью Крестьянского банка, владения Дурасовского товарищества Ильинской и Шатман-Тамаковского Зильдяровской волости². Закон 9 ноября 1906 г. не распространялся на две большие группы сельского населения – башкир-вотчинников³ и так называемых коренных собственников (русских и других крестьян, купивших землю у башкир до 1861 г., проживали в основном в Златоустовском уезде). Выход из общины у них регулировался иными правилами, юридически разрешался и раньше. Лишь по закону о землеустройстве от 29 мая 1911 г. Столыпинская реформа полностью распространилась на башкирское население.

За девять лет проведения реформы (1907–1915 гг.) заявления об укреплении земли в частную собственность в Уфимской губернии подали 65 833 домохозяев, из них вышли из общины 46 482 чел. с общей площадью 319 388 дес. В беспередельных общинах ещё 1812 крестьян получили документы на укрепление земли (13 281 дес.). Итого в Уфимской губернии 48 294 чел. вышло из общины (15% крестьянских семей

⁰ Оформить, приватизировать; термин от названия документа – «купчей крепости».

¹ Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958. С. 76–78.

² Овчинников Н.Г. Внутринадельное землеустройство в Белебеевском уезде Уфимской губернии в 1909 году. Белебей, 1909. С. 18–19.

³ Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 85.

с надельной землёй). По Оренбургской губернии из общины выделилось 30% надельных хозяйств¹.

По данным подворной переписи 1912–1913 гг. в Уфимской губернии насчитывалось 400 471,63 дес. укрепленной надельной земли². Значительно более высокие данные приведены в материалах переписи 1917 г., согласно которым в Уфимской губернии 55 492 хозяйства (12,8%) укрепили 691 289,9 дес. надельной земли (11,6%)³. В наибольшей степени выход из общины происходил в южных уездах и вокруг Уфы, где особенно активно развивалось предпринимательское хозяйство. Столыпинская реформа облегчила возможности образования фермерского землевладения, легализовала уже давно реально существовавшее индивидуальное товарное хозяйство. Именно в южных степных регионах страны наблюдался максимальный выход из общины, в Таврической губернии – 64%, Екатеринославской – 54, Самарской – 49% дворов⁴. И в Стерлитамакском уезде к 1917 г. укрепили землю 32,1% общинников (23,3% надельной земли), в Уфимском – 19,1, Белебеевском – 13,4% хозяйств, которым принадлежало 16,8 и 16,4% надельных угодий.

На северо-западе Башкортостана, в районах преобладания традиционной общины Столыпинская реформа встретила резкое неприятие крестьянства, вплоть до открытого сопротивления. К 1917 г. в Бирском уезде вышло из поземельной общины всего 8% крестьян, в Мензелинском – 5,2%, которым принадлежало 6,3 и 5,3% надельных владений. Никакого серьёзного воздействия на полунатуральное крестьянство Столыпинская реформа не оказала, выживание бедняцко-средняцких масс было невозможно вне общинного коллектива. Не стремилась порывать с общиной и зажиточная верхушка, использовавшая общинные институты в эксплуатации односельчан.

Очень скромные результаты имела реформа в Златоустовском уезде, отличавшимся высоким уровнем капиталистического развития, где укрепили свои наделы в частную собственность всего 6,9% хозяйств (3,9% общинной земли). Большинство населения северо-восточного Башкортостана составляли башкиры-вотчинники и русские коренные собственники, на которых реформа до 1911 г. не распространялась. Здесь было распространено пестрополье, фактически тот же отруб, когда крестьянин на своём участке сеял, что хотел. В условиях многоземелья предпринимательские хозяйства могли нормально существовать внутри общины, как было в селениях вотчинников.

Столыпинская реформа в небольшой степени успела повлиять на жизнь деревни. По собранным во время переписи 1917 г. сведениям, из 55 390 дворов Уфимской губернии, укрепивших надельную землю в личную собственность, лишь 10 901 домохозяйин соединил пахотные участки в единый отруб (19,7%), был образован 1041 хутор (1,9%). Около 80% крестьян, формально вышедших из общины, продолжали владеть пашней чересполосно⁵, земли были разбросаны посреди участков других сельчан. Их хозяйство по-прежнему подчинялось общинным распорядкам (принудительный севооборот, общественный выпас скота и пр.). После юридического оформления

¹ Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 80–81.

² Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1798–1799.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 41, 103–107.

⁴ Гюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 196.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 41, 103–107.

своих чересполосных наделов в личную собственность, в реальности, крестьянин избегал лишь очередного передела. Не случайно, многие сельчане не разделяли наделные и купчие владения. Плохо приживалась в крае и пропагандируемая хуторская форма расселения. Купивший у Крестьянского банка хутор в 21,12 дес. зажиточный крестьянин Х.С. Файзуллин тем не менее остался жить в родной деревне Бикметево Дедовской волости. А на вопрос анкеты «Почему не живёт на хуторе?» ответил: «Опасно жить одному»¹. В условиях того времени наиболее оптимальной формой для предпринимательских хозяйств являлся небольшой посёлок (даже у немцев, латышей и других переселенцев). Многие зажиточные крестьяне лишь формально записывались хуторянами ради получения банковских кредитов, на деле оставаясь жить в деревне². Во время переписи 1917 г. в Уфимской губернии были зафиксированы 4855 хозяйств в хуторах-посёлках и лишь 131 хутор-одиночка³.

Из общины выходило много бедных домохозяев, часто уже порвавших с земледелием, они продавали свои наделы и окончательно переселялись в города. Семьи, пользовавшиеся большим количеством земли, стремились сохранить за собой владения и выходили из общины. Зажиточные хозяева и даже предприниматели-некрестьяне скупали укрепленные наделы бедноты. В малоземельных районах это приводило к острым конфликтам из-за столкновения интересов. Выделенцы стремились получить землю поблизости от дома, нарушались сельские севообороты, общинники всячески противились образованию отрубов и хуторов. Иногда властям приходилось использовать вооружённую силу, как в с. Акташ Мензелинского уезда⁴.

Кроме того, местные власти иногда насильно навязывали сельчанам новые формы землепользования, плодили «бумажные хутора» ради отчётности. Весной 1910 г. в Стерлитамакском уезде земский начальник С.Р. Минцлов свидетельствовал, как один чиновник «в яркой погоне за крестиками и благоволениями свыше ездит по уезду, пропагандируя хутора и отруба, причём во многих деревнях, особенно в башкирских, пускает в ход угрозы: если, мол, не перейдёте на отруба, то отберу у вас всю землю. Грозные крики его и форменное платье запугивали многих, и общества ставили такие “добровольные” приговора о своём желании перейти на отруба». Потом башкиры просили у председателя земской управы: «узнай, пожалста, какой приговор наша писал? Тамга ... клал, а не знаем, под что?»⁵

Столыпинские преобразования оказали заметное влияние на жизнь деревни, но сколько-нибудь существенных перемен в социально-экономическом развитии края она не произвела. Это была кратковременная реформа, уничтоженная в самом начале её реализации. Выход из община начался в 1907 г. и максимальных результатов достиг в 1908–1909 гг., потом последовал спад, усугублённый голодом в 1911 г. С началом Первой мировой войны она фактически была свёрнута⁶, а в 1917 г. вообще отменена.

В начале XX в. аграрный строй Башкортостана представлял из себя сложную систему различных взаимосвязанных укладов (типов хозяйствования). Господствующую

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 847.

² См.: Красильников М.П. Хутора Уфимской губернии. Уфа, 1914.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 73–74.

⁴ См.: Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 88–91, 95–96.

⁵ Минцлов С.Р. Уфа. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992. С. 122.

⁶ Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 81.

роль играла капиталистическая экономика, на юге и северо-востоке края сложился многочисленный слой фермеров-кулаков, развивалось предпринимательское хозяйство в окрестностях Уфы, среди помещиков – дворян и купцов – складывались крупные агрофирмы. С другой стороны, на северо-западе Уфимской губернии существовали сплошные территории, где безраздельно царила традиционная поземельная община, свыше 60% населения составляли патриархальные, полунатуральные хозяйства, в очень слабой степени связанные с рынком. Традиционный уклад – как система экономических и коллективистских культурных приоритетов – враждебно воспринимал буржуазный индивидуализм, отторгал ценности капиталистического общества, выдавливал предпринимательские хозяйства, чей удельный вес в Бирском и Мензелинском уездах сокращался. Значительная часть помещичьих имений по старинке держалась на использовании отработок окрестного бедного крестьянства. Даже в фермерских районах немалую долю составляли традиционалистские слои. Господствовавший капиталистический (рыночный) уклад подавлял полунатуральную экономику, эксплуатировал её, отгеснял на «обочину» исторического развития. В деревне Башкортостана, как и всей России, подспудно тлел огонь острых социальных конфликтов.

§ 3. Общественно-политическая ситуация в крае

Подавление революции 1905–1907 гг. не привело к быстрой нормализации обстановки в крае. В Уфимской губернии продолжало действовать активное антиправительственное революционное подполье, оказавшееся в полной изоляции от либеральных кругов. Торгово-промышленная буржуазия, интеллигенция, средний класс в целом были удовлетворены уступками самодержавия, а, с другой стороны, негативный опыт революционных потрясений избавил состоятельные слои общества от чрезмерного радикализма.

В условиях конституционной монархии в России не сложилось подлинной многопартийности. Единственной легальной политической организацией в Башкортостане был филиал (отдел) монархической черносотенной партии «Союз русского народа» (СРН). К 1908 г. окончательно сложилась его структура в регионе, в Уфе возник губернский отдел (председатели – купец Г.А. Бусов в 1908–1911 и с 1914 гг., А.С. Шабрин в 1912 г., И.А. Пантелеев в 1913 г.). Образовались уездные отделы в Белебее, Бирске, Златоусте, а также подотделы в сельской местности – Нагаевский и Надеждинский в Уфимском уезде, Давлекановский, Раевский, Чермасанский в Белебеевском, Ольгинский в Мензелинском уездах. Какой-либо заметной деятельности местные организации не вели и пользовались небольшим влиянием среди средних городских слоёв и рабочих. К 1911 г. прекратил существование Златоустовский отдел СРН, к 1913 г. распалось большинство сельских организаций¹.

¹ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год. Уфа, 1908. С. 41, 52, 58, 64, 74–75, 81; адрес-календари за 1909–1914 гг., см. также: Максимов К.В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905–1917 гг.). Уфа, 2003.

В сентябре – октябре 1907 г. в крае прошли выборы в III Государственную Думу. По новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. изменился состав выборщиков в пользу наиболее состоятельных слоёв населения (землевладельческой и первой городской курий), сократилось число выборщиков от крестьян. В Уфимской губернии это привело к уменьшению доли мусульман. На заключительном губернском избирательном съезде в Уфе 14 октября 1907 г. из присутствовавших 100 выборщиков мусульман было всего 21. Кроме того, было сокращено число выбиравшихся думских депутатов от Уфимской губернии с десяти до восьми¹.

Если эсеры выступали за бойкот новой Думы (в Златоусте и «Дёмским крестьянским союзом партии социалистов-революционеров» были выпущены листовки против участия в избирательной кампании²), то РСДРП принимает решение идти на выборы. В Уфе социал-демократы вели интенсивную агитацию, создали комиссии, обходили избирателей, выпустили листовки на русском и тюрко-татарском языках³. Как и на предыдущих выборах, монархисты объединились с «Союзом 17 октября», а кадеты с мусульманами («Иттифак»). В результате из 8 депутатов были избраны 4 представителя мусульманской партии (члены первых Дум К.Б. Тевкелев и М.М. Тукаев, а также А.Ш. Сыртланов и Ш.З. Махмудов). От кадетов вновь получил депутатский мандат Г.В. Гутоп, прошли помещики Ю.Ю. Блюменталь и граф А.П. Толстой, который в Думе примкнул к фракции прогрессистов. Успеха добились и эсдеки, восьмым депутатом был выбран уфимский столяр В.Е. Косоротов. Но заседать в Думе ему не пришлось. 23 октября 1907 г. на станции Юрюзань он произнёс большую речь, в которой допустил откровенные антиправительственные высказывания, например, что власть «отправляет солдат из своей местности в другую и там заставляет их стрелять в своих же соотечественников... всех правительственных чинов нужно стрелять, да здравствует свобода!». В результате, уже 26 октября по приговору суда В.Е. Косоротов был приговорён к 11 месяцам тюремного заключения, а в Думу вместо него был переизбран помещик К.П. Харитонов (прогрессист)⁴. III Государственная Дума, единственная из всех, проработала полный срок и в 1912 г. были назначены выборы в следующую, четвёртую, Думу.

Уфимская администрация, губернатор П.П. Башилов провели большую работу по организации выборной кампании. По предложению губернатора предварительные и избирательные съезды были разделены. Выборы по всем куриям прошли с 12 сентября по 4 октября 1912 г. На запрос МВД П.П. Башилов отвечал, что «к деятельности Государственной Думы большинство сельского населения губернии, весьма малокультурного и политически неразвитого, относится совершенно безразлично и только вопросы, затрагивающие имущественные его интересы, как, например налоговый,

¹ Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002. С. 173.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 225. Л. 1; Д. 260. Л. 26–27.

³ Уральский рабочий. 1907. 15 октября.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 386. Л. 5–7, 38; см. также: Д. 87, 493, 773, 801, 843; ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907. Д. 580. Л. 68–69; *Боюнович М.М.* Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв 1907–1912 гг. М., 1909; *Он же.* Члены Государственной Думы. Третий созыв. М., 1910; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов. Уфа, 1998. С. 301–302.

земельный и т. п., а у мусульман – и религиозный, привлекают некоторое внимание. Более же интеллигентная часть населения, а равно землевладельцы и жители городов относятся к работам Думы с интересом, но в оценке значения и полезности этих работ резко расходятся». Избирательная кампания в IV Думу почти ничем себя не проявляла, население к агитации относилось индифферентно. За исключением эсеров, организации которых в крае распались, все остальные политические силы приняли участие в выборах¹.

На губернском избирательном собрании, где выборщики от курий голосовали за кандидатуры думских депутатов, сложилось «что-то вроде блока» социал-демократов с кадетами. Из 97 выборщиков, прибывших на собрание, кадетов с сочувствовавшими насчитывалось 45 чел., мусульман – 16, эсдеков – 3, а 33 выборщика относились к «правым». В избирательной кампании в IV Думу широкое распространение получило выдвижение беспартийных кандидатов. Итогом голосования стало относительное поражение мусульманской партии. Впервые она получила в Думе менее половины мест от Уфимской губернии, прошло всего три из восьми депутатов (опять К.Б. Тевкелев, адвокат И.А. Ахтямов и сельчанин Г.Х. Байтерьяков). Кадеты провели вновь Г.В. Гутопа, мензелинских помещиков А.П. Мельгунова и Н.В. Катанского. В Думу также прошли земский служащий из крестьян Златоустовского уезда А.А. Сычѳв и уфимский рабочий, социал-демократ В.И. Хаустов².

Революционное движение в конце 1907–1908 гг. в Уфимской губернии включало три основных течения: социалистов-революционеров (эсеров), анархистов-коммунистов и социал-демократов (преимущественно большевиков)³. Эсеровские группы существовали во многих населѳнных пунктах Башкортостана. Во главе их фактически стояла уфимская городская организация партии социалистов-революционеров (ПСР), устав которой был утверждѳн на конференции 1 ноября 1907 г. Председателем уфимского комитета являлся банковский служащий А.М. Баранов, уехавший затем из Уфы, секретарѳм – врач М.Г. Зайцев. Осенью 1908 г. прошли выборы нового состава комитета. По данным полиции в руководство уфимских эсеров входили М.Д. Ершов-Перепелов, А.В. Попов, С.И. Елисеев, Л.А. Зубарева и др.⁴

Эсеры вели пропаганду среди молодѳжи (учеников землемерного училища, семинаристов, гимназистов, реалистов, имелась ученическая организация эсеров) и рабочих Уфы. В городе было несколько самостоятельных кружков. Для снабжения литературой эсеры сформировали большую партийную библиотеку (свыше 1200 изданий книг и брошюр). На собственные средства содержали переплѳтную мастерскую⁵.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Таблица 2; Ф. 1327. Оп. 2. Д. 235. Л. 1–2, 14–16; ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 451; Уфимские губернские ведомости. 1912. 15 сентября.

² ЦАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 281. Л. 18; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 36, 42, 336, 504, 774, 847; Ф. 1327. Оп. 2. Д. 235. Л. 56 об.; Мусульманские депутаты Государственной думы России. С. 280, 283.

³ Подробнее см.: *Роднов М.И.* Революционный террор в Уфимской губернии в конце 1907–1916 гг. // *Право, насилие, культура в России: региональный аспект (первая четверть XX века)*. М.; Уфа, 2001; *После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов)*. Уфа, 2002.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 265. Л. 35 об., 48 об., 85 об.; Д. 278. Л. 456; Д. 297. Л. 3; Д. 580. Л. 218.

⁵ Там же. Д. 265. Л. 57 об., 60 об., 80 об.; Д. 266. Л. 626 об.; Д. 285. Л. 701 об.; Д. 286. Л. 1277; Д. 287. Л. 95, 131.

В Уфе у эсеров была своя типография, которую для безопасности переносили из дома в дом. В первой половине 1908 г. они продолжали издавать газету «Знамя Урала» (в июле вышел восьмой номер), печатали отдельные выпуски газет «Крестьянская дума» и «Бюллетень уфимского комитета Всероссийского железнодорожного союза». Кроме того, местная организация получала различные центральные издания ПСР – «Всероссийский железнодорожный союз», «Земля и воля», др. Эсеровские газеты распространялись среди революционного подполья, на различных общественных мероприятиях и даже открыто продавались на улицах¹.

При уфимской организации ПСР имелась боевая дружина, которой в 1908 г. был совершён ряд террористических актов. 9 июня эсеры застрелили инженера Куракина, начальника депо станции Уфа, 30 октября на улице был убит В. Соколовский, подозреваемый в сотрудничестве с полицией².

Деятельность уфимских эсеров находилась под постоянным контролем правоохранительных органов, несколько осведомителей регулярно информировали жандармерию о делах партийной организации. Во второй половине 1908 г. на эсеров обрушилась волна репрессий. Первые массовые обыски в Уфе прошли 31 марта, а 11 июня, 27 сентября, 31 октября, 19 ноября 1908 г. полиция организовала серию арестов среди эсеров. Были захвачены партийная библиотека, мастерская, большое количество нелегальной литературы, оружие, задержан ряд видных деятелей, многие из которых затем были отправлены в ссылку. Прекращает работу эсеровская типография, а осенью 1908 г. основную часть оборудования и половину шрифта перевезли в Казань, оставив в Уфе небольшую «летучую» типографию³. Во второй половине 1908 г. деятельность уфимских эсеров замирает.

Центром эсеровского влияния в горнозаводской части являлся Златоуст, где существовала сильная партийная организация, имелась боевая дружина, совершались теракты. В своей типографии они издавали прокламации и газету «Крестьянин и рабочий». Полиция регулярно проводила аресты и обыски. Пропаганду эсеровских взглядов вели отдельные лица и небольшие группы в Симе, Миньяре, Усть-Катаве, Катав-Ивановском заводе и других селениях⁴.

Организации социалистов-революционеров существовали в ряде иных мест. В с. Благовещенский завод имелась боевая дружина эсеров, в состав которой входили И.В. Рыбников, Д.Д. Васинский, П.И. Зенцов и др., но 21 сентября 1908 г. эта группа боевиков была разгромлена полицией (4 чел. арестованы)⁵. В Бирске в 1908 г. сложилась организация ПСР, основанная студентом из Томска И.М. Колесниковым. Эсеры вели агитацию среди крестьян Бирского уезда, распространяли прокламации (в иногородческом училище действовал гектограф), а 3 октября убили В.А. Журавлёва, подозреваемого в предательстве. В октябре 1908 г. бирская группа была ликвидирована

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 262. Л. 11; Д. 265. Л. 32 об., 57 об.; Д. 266. Л. 579; Д. 267. Л. 654; Д. 276. Л. 942; Д. 278. Л. 459; Д. 287. Л. 33; Д. 290. Л. 21.

² Там же. Д. 265. Л. 85 об.; Д. 283. Л. 317, 323–325; Д. 580. Л. 218 об.

³ Там же. Д. 265. Л. 86 об.; Д. 266. Л. 603 об.; Д. 267. Л. 683 об., 716 об.; Д. 278. Л. 440а; Д. 286. Л. 1166–1169; Д. 329. Л. 693 об.

⁴ См.: Там же. Д. 262, 265, 266, 278, 279, 307.

⁵ Там же. Д. 267. Л. 755, 757, 783; Д. 277. Л. 18.

полицией, изъята нелегальная литература, оружие, арестовано 15 чел. (В.Ф. Канцеров, М. Шерстобитов, братья Чернядьевы, др.)¹.

В районе Давлеканово и Раевки с лета 1907 г. действовал «Дёмский крестьянский союз партии социалистов-революционеров». В деревнях Белебеевского и Стерлитамакского уездов велась антиправительственная агитация, созывались собрания сельчан, распространялись прокламации «Дёмского союза» и другая нелегальная литература. В мае 1908 г. был проведён второй крестьянский съезд, на котором представители Раевки, Бирска, Белебея и иных мест обсуждали внутрипартийные вопросы, борьбу со Столыпинской реформой, рассказывали о положении дел в сельских группах. Массовые обыски и аресты в мае 1909 г. не дали полиции оснований для судебного преследования, но деятельность крестьянского союза прекратилась².

Осенью 1907 г. в Уфе возникла группа анархистов-коммунистов. Они не имели чёткой организации, многие боевики сотрудничали с другими революционными партиями. Занимались они исключительно грабежами и террористической деятельностью. В конце 1907 г. анархисты письмами вымогали деньги у многих уфимских купцов (Нагеля, Зайцева и др.), запугивая не желавших платить. 8 ноября 1907 г. было подложено взрывное устройство к магазину Авдеева, а 31 января 1908 г. бросили бомбу в дом купца Д.П. Берштейна. На счету анархистов числился ряд других экспроприаций (ограбление пассажиров поезда близ Уфы 31 октября 1907 г., налёт на квартиру И.А. Верниковского 17 марта 1908 г.). Совместно с эсерами анархисты содержали мастерскую по изготовлению бомб, а также фальшивых паспортов, захваченную полицией в сентябре 1907 г. 22 декабря 1907 г. в Уфе прошла серия обысков и арестов анархистов. Попытка организовать группу анархистов для совершения экспроприации была отмечена в октябре 1908 г.³

В отличие от других революционеров полиция долгое время не могла нанести серьёзного удара по местным социал-демократам (большевистского толка). После арестов 21 ноября 1907 г., почти целый год правоохранительные органы разыскивали типографию эсдеков, пытались задержать руководящий состав, в большинстве состоявший из профессиональных революционеров. Массовые обыски 25–26 июня 1908 г. не дали практически никаких результатов. За январь – октябрь 1908 г. в тайной большевистской типографии вышло несколько номеров газет «Уральский рабочий» и «Уфимский рабочий», брошюра «Песни борьбы», прокламации «Красный призрак», первомайская «К рабочим Урала», о безработице, подписной лист для сбора пожертвований в пользу осуждённых депутатов второй Думы и пр. Литература широко расходилась по губернии. Так, 30 апреля в Симе полиция отобрала два номера «Уфимского рабочего» и пять первомайских листовок. 17 октября 1908 г. был напечатан последний 28-й номер газеты «Уфимский рабочий» малого формата, в котором говорилось «о трудностях дальнейшего выпуска». Большевики сумели узнать о готовящейся ликвидации и типографию, с уже готовым набором 29-го номера, спрятали под

¹ ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 267а. Л. 1–11, 27, 33–34; см. также: Сахратуллин С.Ф. Из истории Бирской организации социалистов-революционеров // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1997.

² Там же. Д. 260. Л. 17, 20, 26, 60–64, 69 и др.

³ Там же. Д. 260. Л. 86; Д. 279. Л. 104–106, 114; Д. 286. Л. 1359; Д. 307. Л. 1025; Д. 311. Л. 3, 37, 47, 60–61, 67, 69, 72, 118.

полом квартиры. Работавшие в типографии нелегальные революционеры успели скрыться¹.

В ночь на 20 октября 1908 г. полиция провела в Уфе массовые обыски (46 чел.) и аресты. В тюрьме оказалась руководящая верхушка социал-демократов (Б.Г. и О.Г. Бронтманы, А.А. Черепанов, М.И. Ефремов, З.Ш. Садыков, Д.М. Брагинский и др.). Большевики заранее подготовились на случай провала. Два правомочных члена должны были организовать выборы нового состава городского комитета, которые и состоялись в ноябре. В него вошли Н.Г. Вагин, В.В. Спиридонов, А.А. Кийков – редактор «Уфимского рабочего», Н.И. Колягин, Н.А. Ермолаев и «некто Брагин»². В ноябре 1908 г. в Уфу прибыл представитель ЦК РСДРП С.В. Модестов, уполномоченный для выбора делегатов на общероссийский съезд. Он намеревался провести губернскую конференцию, но был арестован³.

Во главе сильной боевой большевистской организации, осуществившей в годы революции 1905–1907 гг. ряд крупных операций, после ареста её руководителей М.С. Кадомцева и М.В. Гузакова встали сотники дружины К.А. Мячин и А.М. Калинин. Совместно с другими революционерами (анархистами, латышскими боевиками) уфимские эсдеки совершили ряд терактов. 18 июня 1908 г. в поезде были ограблены артельщики (лица, перевозившие деньги) Симского завода, захвачена большая сумма. 30 августа в двух верстах от пригородной д. Камышлы боевики напали на конную почту, ехавшую из Оренбурга в Уфу. Охрана ответным огнём отбила нападение, но один стражник был убит. 3 сентября на той же дороге около д. Булгаково террористы захватили почту с небольшой суммой. Вечером 1 октября 1908 г. революционеры ограбили почту, следовавшую из Миасского завода на железнодорожную станцию (Оренбургская губерния). Было похищено 40 тыс. руб. Другим источником пополнения партийной кассы являлось вымогательство денег «под угрозой смерти». Например, «9 июня купцу Берштейну было предложено выдать 500 рублей для комитета»⁴.

В Златоусте социал-демократы выпускали газеты «Голос рабочего» и «Красное знамя», совершили теракт. Группы рабочих – сторонников социал-демократических идей существовали на разных заводах Уфимского и Златоустовского уездов. Наибольшей организованностью отличались миньярцы, где имелся комитет РСДРП и боевая дружина⁵.

В Архангельской волости Стерлитамакского уезда действовала небольшая латышская организация. 30 мая 1908 г. они убили лесопромышленника Клементьева, но уже в июне полиция арестовала значительную часть боевиков. Социал-демократический кружок (М.С. Юрьев, И.М. Авдонин и др.) в 1908 г. имелся в с. Топорнино Уфимского уезда⁶.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 266. Л. 396, 406, 417, 430, 466–467, 500, 520, 531; Д. 272. Л. 303; Д. 279. Л. 322; Д. 280. Л. 415–416, 423–424; Д. 285. Л. 979; Д. 368. Л. 1120.

² Там же. Д. 264. Л. 23, 256; Д. 265. Л. 139 об.; Д. 266. Л. 531 об.; Д. 277. Л. 309, 352, 368; Д. 283. Л. 210–218.

³ Там же. Д. 301. Л. 24–25, 45.

⁴ Там же. Д. 262. Л. 34; Д. 266. Л. 465; Д. 301. Л. 751 об.; Д. 311. Л. 162, 168, 199, 202; Д. 321. Л. 45 об., 46 об.; Д. 323. Л. 150; Д. 337. Л. 562.

⁵ См.: Там же. Д. 265, 276, 283, 329; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 108.

⁶ Там же. Д. 272. Л. 354, 726 об.

Разгром революционного движения в 1909 г. Несмотря на волну репрессий, обрушившуюся на антиправительственное подполье края во второй половине 1908 г., революционеры сохранили свои партийные структуры и предприняли ответные действия. Наибольшую жизнеспособность проявили социал-демократы (большевики), отличавшиеся особенно крепкой и возобновляемой организацией. Другие революционные течения находились в состоянии распада и активной деятельности не вели.

Глубокий кризис переживала партия социалистов-революционеров. В первые месяцы 1909 г. уфимская организация эсеров несколько оживилась. Прибывший в Уфу опытный подпольщик Г.М. Карпман возглавил руководство, возобновил работу типографии, в феврале эсеры выпустили отчёт о денежных средствах. Однако в марте наиболее активные деятели покинули город. На состоявшемся в начале 1909 г. заседании уфимского комитета ПСР было принято постановление, где говорилось: «полицейский обыск и репрессии последнего времени доведены до той степени, что некоторым товарищам невозможно продолжать партийную работу». Уфимский комитет решил «на время прекратить всякую организацию кружков». Эсеры даже не смогли созвать в Уфе конференцию, предложив членам организации вопросы обсуждать «в отдельности»¹.

В это же время сторонники социалистов-революционеров были потрясены известием, что руководитель боевой организации партии («святая святых») Е.Ф. Азеф в течение многих лет являлся агентом царской охранки. 26 декабря 1908 г. ЦК ПСР принял постановление, что Азеф «объявляется провокатором», о чём стало известно в Уфе уже к февралю 1909 г. Наконец, в ночь на 11 июня 1909 г. полиция произвела в Уфе массовые обыски (31 чел.) и аресты. Наиболее активные эсеры (Я.Е. Севастьянов, Т.А. Мальцева, А.С. Моисеев, А.И. Столбов) оказались в тюрьме². Уфимская организация ПСР была окончательно разгромлена.

Оставшиеся на свободе сторонники эсеровского движения никакой работы не вели. «Положение дел в партии социалистов-революционеров признаётся весьма печальным, – отмечалось в отчёте жандармерии за октябрь 1909 г. – Повальное бегство членов – активных и “сочувствующих” продолжается с ужасающей для партии последовательностью»³.

Златоустовская организация эсеров в начале 1909 г. выпускает и распространяет прокламации «Памяти 9-го января» и «Товарищам златоустовским рабочим». Именно Златоуст был выбран местом проведения VI экстренного областного (уральского) съезда ПСР, который состоялся 14 марта 1909 г. в окрестностях города. Прибывшие представители из Перми, Вятки, Ижевска, Тюмени, Екатеринбурга, Уфы (Г.М. Карпман) и Златоуста обсудили положение дел в партии, выбрали делегатом на III общероссийский съезд Б. Нестеровского. Однако уже 17 марта в городе проходят аресты и в ночь на 1 мая 1909 г. полиции удалось разгромить местных эсеров. Небольшие эсеровские кружки существовали в 1909 г. в Сатке и с. Айлино⁴.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 271. Л. 171, 191, 193; Д. 331. Л. 63.

² Там же. Д. 322. Л. 70–72; Д. 331. Л. 24, 54, 155.

³ Там же. Д. 318. Л. 16.

⁴ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 271, 275, 276, 285, 286, 322, 329, 374.

Практически отсутствовало в крае анархистское движение. Лишь весной 1909 г. супруги Хахалкины попытались организовать в Уфе группу анархистов-коммунистов, но уже в мае были арестованы¹.

Центром антиправительственного движения в Уфимской губернии являлись социал-демократы. Уфимская городская организация РСДРП в начале 1909 г. переживала сложный момент. Партийный комитет, в состав которого на смену опытным профессиональным революционерам в конце 1908 г. «были выбраны лица или не играющие никакой роли в прежней организации, или лица, хотя и имевшие ранее значение в таковой, но за последнее время почему либо отстранившиеся от дел», оказался не работоспособен и прекратил существование. Кроме того, в первой половине 1909 г. на уфимских эсдеков обрушилась серия массовых обысков и арестов: 19 февраля, накануне суда над М.С. Кадомцевым, когда были задержаны большинство членов комитета, 28 марта, 29 апреля и др. Проходят выборы нового руководства и к лету 1909 г. в Уфе действовал городской комитет РСДРП (П.М. Боков, телеграфист К.В. Готовцев, секретарь – банковский служащий А.И. Кирьянов, др.) и железнодорожный районный комитет (рабочие Н.К. Зайцев, И.Н. Безруков, А.С. Сулев и др.). Новый актив уже в мае на собраниях обсуждал восстановление организации, внутрипартийные вопросы, возобновление деятельности типографии. До мая 1909 г. уфимский комитет РСДРП выпустил на гектографе лишь первомайскую прокламацию. В июле типография была подготовлена к работе и в августе социал-демократы издали денежный отчёт комитета. Затем планировалось продолжить выпуск газеты «Уфимский рабочий» и опубликовать воззвание к выборщикам депутата III Государственной Думы (вместо выбывшего В.Е. Косоротова), составленное врачом В.И. Ишерским².

Однако прошедшие в Уфе 5 июля 1909 г. массовые обыски и аресты социал-демократов, развернувшиеся осенью репрессии против боевиков привели к фактическому распаду уфимской организации, типография уже в сентябре была опять сложена и прекратила работу. В ночь на 18 декабря 1909 г. полиция провела в Уфе серию обысков с целью обнаружения типографии, но революционеры успели её вывезти за город. Тогда же был задержан К.В. Готовцев – последний из двух оставленных на случай возрождения комитета правомочных членов (П.М. Боков 19 ноября, спасаясь от ареста, внезапно уехал в Москву)³. Уфимская организация РСДРП прекратила существование.

Не имея собственного печатного органа, уфимские социал-демократы в 1909 г. получали центральные издания – газету «Пролетарий», отчёт Парижской конференции РСДРП, который размножили на гектографе, сохраняя связи с Санкт-Петербургом, Екатеринбург, иными регионами. В начале 1909 г. уфимцы вместе с златоустовским и миньярским партийными комитетами выступили инициаторами созыва общеруральской конференции РСДРП⁴.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 286. Л. 1359–1360.

² Там же. Д. 264. Л. 23, 79, 99 об., 117–119, 125–126; Д. 271. Л. 12 об. – 13, 23 об. – 24, 33–34, 63, 86; Д. 276. Л. 653–655; Д. 285. Л. 787–788, 979–986.

³ Там же. Д. 264. Л. 156, 256, 259, 310; Д. 271. Л. 161–162; Д. 273. Л. 776–777, 790; Д. 322. Л. 81; Д. 394. Л. 62.

⁴ Там же. Д. 264. Л. 20 об., 121; Д. 327. Л. 1; Д. 347. Л. 91; Д. 386. Л. 522.

Существовавшая при уфимской организации боевая дружина распалась. Часть боевиков летом 1909 г. попытались объединить для совершения новых экспроприаций А.М. Калинин, Ф.И. Сыноров и приехавший в Уфу В.Д. Галанов. Однако в ночь на 5 июля полиция их арестовала (Калинин скрылся и был задержан лишь в декабре). Возглавивший затем дружину Н.М. Козлов организовал 30 июля убийство в окрестностях Уфы тюремного надзирателя В.Е. Уварова. В результате 1–3 августа прошли новые аресты¹.

Несмотря на официальный отказ руководства РСДРП и ПСР от террористической деятельности, сформировавшийся революционный «социум» был не способен к другой работе и не желал подчиняться партийным функционерам. По всей стране возникают самостоятельные террористические организации². И часть боевиков из Уфы, Златоуста, горных заводов в начале лета 1909 г. также создала группу «из бывших дружинников при пролетарских организациях Уральской области, признающих экспроприацию казённых денег». Во главе этой боевой дружины стояло бюро (К.А. Мячин, В.М. Алексакин, Т.С. Кривов, затем добавились И.А. Хрущёв и В.И. Алексеев). 22 июля близ Златоуста состоялось общее собрание, где обсуждались приём новых членов, тактика действий, «выяснение отношения ... группы к пролетарским организациям». После собрания бюро приняло решение ограбить станцию Миасс, центр золотодобывающего района. Был разработан детальный план и в начале августа боевики небольшими группами выехали «на дело».

В ночь на 26 августа 1909 г. революционеры напали на вокзал станции Миасс, где в почтовой комнате похитили более 50 тыс. руб. и пять слитков золота, четверо охранников были убиты. Налётчики благополучно скрылись на захваченном паровозе³.

Дерзкое ограбление вызвало широкомасштабные ответные действия. Полиция нескольких губерний развернула настоящую «охоту» на террористов. Но боевики не собирались прекращать своих операций. В сентябре 1909 г. в Самаре состоялся съезд боевой дружины РСДРП, на котором К.А. Мячин, Н.М. Козлов, П.И. Зенцов и другие «обсуждали вопрос о приобретении взрывчатых веществ и производстве террористических актов в гор. Уфе». Однако в результате арестов большинство участников Миасской экспроприации к концу 1909 г. оказались в тюрьме, оставшиеся на свободе несколько человек уехали в Италию, где на награбленные деньги финансировали школу социал-демократической группы «Вперёд» в Болонье. В ходе полицейских облав был задержан и ряд других террористов. К ноябрю 1909 г. боевых организаций революционеров в крае не осталось⁴.

В горнозаводской части Уфимской губернии в 1909 г. существовали партийные комитеты РСДРП в Златоусте и Миньяре, а также несколько небольших групп и кружков (Аша, Сим, Кропачёво и пр.). Социал-демократы Златоуста выпустили два номера газеты «Красное Знамя», однако серия арестов привела к разгрому организа-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 264. Л. 100, 113, 115; Д. 322. Л. 81, 107–108; Д. 337. Л. 559, 562, 566, 568.

² См.: *Рябухин Е.И.* Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение её связей с массами (1907–1914 гг.). Ч. II, кн. I–II. Саратов, 1972–1973; *Капузович И.С.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; *Макарчук С.В.* Экстремистские политические группировки в Забайкалье в 1906–1908 годах // *Права, свободы человека и политическая борьба.* Уфа, 2000.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 323. Л. 150–151; Д. 344. Л. 6; см. также: *Рыбченко Т.И.* Пляска Святого Витта. Уфа, 1992. С. 143–148.

⁴ Там же. Д. 264. Л. 191 об.; Д. 271. Л. 111, 132, 146.

ции, а в ночь на 1 мая 1909 г. полиция захватила и типографию. Оплотом социал-демократического движения оставался Миньяр, где также базировалась боевая дружина. На рубеже 1908 и 1909 гг. горнозаводскую часть Уфимского и Златоустовского уездов буквально захлестнула волна террора. В ноябре 1908 г. был убит управляющий Аша-Балашовским заводом инженер П.П. Кучкин, в апреле ограбили полесовщика И. Лобачёва, в конце мая – июне 1909 г. произошло пять терактов (крушение товарного поезда на участке Сулея – Единовер 16 июня, ограбление кассы станции Симская в ночь на 21 июня, др.) и т. д. В ответ в сентябре 1909 г. полиция провела серию арестов членов Миньярской боевой дружины, 16 чел. оказались в тюрьме¹. Была ликвидирована группа латышских боевиков, оказывавших ожесточённое сопротивление. При попытке задержания двух террористов на хуторе Скаберга в Архангельской волости Стерлитамакского уезда погибли четверо полицейских².

К концу 1909 г. антиправительственное подполье в крае, в обстановке полного прекращения массовых выступлений, отхода многих членов революционных организаций от активной деятельности и непрерывных полицейских преследований, почти полностью прекратило деятельность.

Остатки революционного подполья в 1910 – первой половине 1914 гг. К 1910 г. в Уфимской губернии от полицейских разгромов сохранились, ушли в глубокую конспирацию разрозненные группы оппозиционно настроенных рабочих и интеллигентов. Оставшиеся на свободе революционеры находились под пристальным контролем правоохранительных органов. Прекратилась всякая практическая деятельность (издание нелегальной литературы, теракты, митинги и пр.). Инициативу в возрождении революционной активности чаще проявляли приезжие подпольщики.

Уфимские приверженцы народнических идей были полностью дезорганизованы, явки утеряны, велась одиночная устная агитация «крайне конспиративно». Несколько бывших боевиков-эсеров попытался сплотить на совершение грабежей прибывший в Уфу осенью 1910 г. Н.И. Метальников. Однако в ночь на 27 февраля 1911 г. наиболее активные деятели были арестованы и отправлены затем в ссылку (И.А. Кривошеин, К.Н. Овечкин, И.С. Ерёмкин, хранивший партийную типографию, др.). «Каких-либо революционных выступлений со стороны названных лиц, – отмечалось полицией, – проявлено не было». В феврале 1912 г. в Уфе ненадолго обосновался бежавший из Сибири видный эсер В.А. Чайкин. По его «связям» полицией в ночь на 9 апреля была проведена серия обысков. Весной 1914 г. вернувшиеся из ссылки А.С. Моисеев и Я.Е. Севастьянов пытались возобновить деятельность партийной организации. Кружок в основном состоял из молодёжи (семинаристы, ученики землемерного училища), прошло несколько собраний³.

В то же время круг сторонников народнической идеологии среди уфимской интеллигенции и рабочих существовал постоянно, поддерживались связи с заграницей,

¹ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 264, 272, 273, 276, 282, 285, 286, 311, 312, 322, 329, 338, 339; Кийков А. Из былого Урала. Материалы по истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье (1905–1916 гг.). Уфа, 1923. С. 92; *Опарин И.* Мои воспоминания // Революционное прошлое. Уфа, 1923. № 1. С. 68.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 272. Л. 606–608, 669 об.

³ Там же. Д. 368. Л. 968; Д. 374. Л. 50 об.; Д. 382. Л. 321–322; Д. 422. Л. 39–40; Д. 428. Л. 1145–1150; Д. 429. Л. 158 об. – 159; Д. 450. Л. 28, 31 об. – 31; Д. 455. Л. 3 об.; Д. 533. Л. 3, 22, 51–51 и др.

другими городами России. В Уфу поступала литература эсеров, центральный орган партии газета «Знамя труда», другие издания («Летучий листок Рабочего», первомайская 1914-го года прокламация западно-сибирской группы)¹. В 1911–1912 гг. предпринимались усилия возродить эсеровскую организацию в Златоусте.

Среди уфимских анархистов попытка сплотить боевиков, возобновить вымогательство денег у купцов отмечалась в начале 1910 г. Обыски и аресты (были задержаны А.Р. Шеломенцев, Б.И. Николаевский и др.) в мае 1910 г. привели к распаду группы. В конце 1912 – начале 1913 гг. супруги Хахалкины вновь возглавили небольшой кружок анархистов-коммунистов. В феврале 1913 г. они выпустили на гектографе и распространили прокламацию по поводу 300-летия Дома Романовых².

Сторонники социал-демократических идей в 1910 г. ничем себя не проявляли, хотя полиция не оставляла слежку за ними. Так, 20 июля 1911 г. в Уфе на улице был схвачен П.В. Гузаков, бежавший в 1909 г. из тюрьмы и вернувшийся летом 1911 г. из-за границы. С апреля 1911 г. переехавший на жительство в Уфу В.П. Арцыбушев, врач В.И. Ишерский и др. пытались восстановить организацию, наладить связи с соседними городами и заграничными группами РСДРП. Активизировались социал-демократы осенью 1912 г. во время выборов в IV Государственную Думу. Стремясь провести своих кандидатов, они организовали в сентябре собрание рабочих, где выборщиками были выдвинуты Н.П. Брюханов и И.С. Вегер, сумели отпечатать около ста воззваний с их именами и распространить среди рабочих железнодорожных мастерских, провести собрание руководящего актива. Несмотря на аресты и противодействие власти, депутатом IV Думы стал рабочий-железнодорожник социал-демократ В.И. Хаустов³.

Наличие своего представителя в высшем законодательном собрании России оказало значительное влияние на деятельность уфимских эсдеков. В.И. Хаустов, как член фракции РСДРП (входил в группу семи депутатов меньшевиков), имел большие возможности для налаживания партийных связей, получения литературы, ведения пропаганды. На имя Хаустова поступали письма, приветствия из Уфимской губернии, пожертвования рабочих Уфы газетам «Правда» (большевистская) и «Луч» (меньшевистская). Через С.Ф. Гарденина и В.А. Захарова Хаустов посылал в Уфу большое количество экземпляров газеты «Луч», сам выступал с лекциями о страховании рабочих в Уфе, Миньяре, Аше. Стараясь пресечь подобную активность, направленную на возрождение организации, полиция в апреле 1913 г. провела обыски (С.Ф. Гарденин и др. были задержаны)⁴.

В.И. Хаустову не удалось сплотить уфимских социал-демократов. В Думе, на страницах «Правды» и «Луча» разгорелась ожесточённая полемика между большевиками и меньшевиками. Хаустов стремился заручиться поддержкой местных рабочих, не понимавших сути разногласий, требовавших прекратить вражду, которая их только дезорганизует, а обоим газетам слиться в одну. В ноябре 1913 г. группа железнодорожников из 6 чел. (И. Безруков, И. Беляков, Ф. Першин, А. Абрамов и др.) приня-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 369. Л. 17, 169; Д. 417. Л. 125–127; Д. 450. Л. 46; Д. 497. Л. 55.

² Там же. Д. 273. Л. 864, 960, 969; Д. 375. Л. 3; Д. 390. Л. 112–113; Д. 505. Л. 177, 193.

³ Там же. Д. 342. Л. 692, 696; Д. 381. Л. 84 об., 124, 161, 196; Д. 414. Л. 154–155; Д. 431. Л. 1258–1259; Д. 451. Л. 67, 130–131; Д. 454. Л. 1242.

⁴ Там же. Д. 491. Л. 2 об. – 3; Д. 493. Л. 10–11, 127, 154, 164.

ла резолюцию в поддержку меньшевиков, причём, не собирая подписей, решили, что их может поддержать 600 чел. Резолюцию от имени 600 рабочих отправили В.И. Хаустову и она была напечатана в меньшевистской «Новой Рабочей газете». Возмущённые фальсификацией, рабочие большевики разных предприятий (М. Нестеров, С. Коротков, др.) организовали две ответных резолюции (за 16 и 18 подписями) с протестом и поддержкой большевистских депутатов Думы, проводивших «марксистскую тактику». Обе резолюции были опубликованы в газетах «За Правду» и «Пролетарская Правда»¹. В Уфе среди сторонников социал-демократических идей преобладало большевистское направление. В.И. Хаустов тем не менее продолжал поддерживать связи с Уфой. Через него в кредит рабочие уфимских типографий выписывали «Путь Правды» и «Северную Рабочую газету», которые распространял М.Е. Нестеров².

Итогом политической активности среди социал-демократов в 1912–1913 гг. стало стремление восстановить уфимскую организацию РСДРП. В феврале 1914 г. на собрании 20 рабочих был избран руководящий коллектив (переплётчик типографии М.Е. Нестеров, токарь депо А.Ф. Абрамов, слесарь железнодорожных мастерских С.А. Коротков). Новая организация собирала деньги в фонд рабочей печати, наладила получение и распространение литературы, установила связи с Миньяром и Златоустом, обсуждалась идея выпуска первомайской прокламации. Разногласия большевиков и меньшевиков проявились и здесь. М. Нестеров и С. Коротков, считая «избранный коллектив не соответствующим и бездеятельным», обратились к Н.П. Брюханову* с просьбой взять на себя руководство, но большинство рабочих не согласилось с его условием роспуска избранного коллектива. 22 июня 1914 г. за городом собралось около 30 рабочих для обсуждения организационных вопросов, где Нестеров и Коротков заявили о выходе из руководства, так как «члены его не проникнуты в достаточной степени духом марксизма». Оказавшийся на этом собрании Б.И. Николаевский, прибывший из Санкт-Петербурга сотрудник меньшевистской «Нашей Рабочей газеты», зачитал составленную им резолюцию от имени «Уфимской объединённой группы марксистов», которая затем была опубликована. Но в ночь на 5 июля 1914 г. в Уфе прошли обыски среди эсдеков, а наиболее активные деятели оказались в тюрьме (рабочие М.Е. Нестеров, А.Ф. Абрамов, С.А. Коротков, Ф.Г. Захаров, а также мелкий торговец К.В. Готовцев и токарь мастерских В.П. Давыдов-Железняков)³.

В июле 1914 г. Уфу посетил известный большевик, депутат IV Думы М.К. Муранов, объезжавший города Урала. В Уфе он встречался с сёстрами Тарасовыми, В.П. Арцыбушевым, но выступить с докладом не пришлось, так как вся социал-демократическая организация, по словам М.К. Муранова, «оказалась разбитой. Име-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 415. Л. 262; Д. 491. Л. 86, 91, 93; Д. 492. Л. 321.

² Там же. Д. 491. Л. 216.

* В Уфе проживал в ссылке ряд видных социал-демократов из интеллигенции, не участвовавших ни в какой партийной деятельности (Н.П. Брюханов, А.И. Свидаевский и др.). А.Д. Цюрупа, впоследствии крупный советский руководитель, успешно занимался бизнесом. В 1912 г. в Уфе скупку яиц вели А.К. Книс, А.Д. Бюллер, Я.А. Бюллер и А.Д. Цюрупа, которые создали фирму (Центральная ул., 30), имевшую 2 склада на Лагерной горе и заготовившую товара на 40 тыс. руб. (ЦГИА РБ. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 12. Л. 146 об.).

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 491. Л. 214; Д. 492. Л. 321–322; Д. 530. Л. 45–49, 51.

нующие себя большевиками на деле плетутся в хвосте ликвидаторов». В тот же день депутат покинул город¹.

В 1910–1914 гг., несмотря на отсутствие партийной организации, в губернию и Уфу поступало большое количество социал-демократической прессы. Из-за границы и Петербурга, других мест нелегально и открыто по почте приходили газеты большевистского и меньшевистского направлений: «Социал-демократ», «Правда» («За Правду», «Путь Правды», «Пролетарская Правда», «Трудовая Правда», «Рабочий»), «Северная Рабочая газета», «Луч», «Пролетарий», «Пролетарское знамя», украинская «Спилка», латышский «Социал-демократический вестник», а также прокламации и пр.² Среди рабочих и интеллигенции существовали устойчивые оппозиционные настроения, поддерживались крайние радикальные течения.

В Златоусте также неоднократно местные эсдеки пытались возродить политическую деятельность, М.К. Муранов выступил здесь на многочленной массовке. В Миньяре к началу 1910 г. сохранился единственный в губернии партийный комитет РСДРП, деятельность которого, несмотря на полицейские преследования, продолжалась и в июле 1914 г. большевик М.К. Муранов нашёл в Миньяре «полную с.-д. организацию»³.

К началу Первой мировой войны антиправительственное движение в крае находилось в глубоком подполье. За 1910–1914 гг. всякая революционная работа (издательская, террористическая и др.) прекратилась. Хотя левосоциалистические настроения были распространены среди части рабочих и интеллигенции, создать какие-либо организационные структуры подпольщики не могли. Власти, накопившие богатый опыт в борьбе с революционным движением, в зародыше пресекали любую антигосударственную деятельность.

Рабочее и крестьянское движение. Со второй половины 1907 г. забастовочное движение в крае пошло на убыль. В условиях экономической депрессии предприниматели и государство, вводя сдельную форму оплаты труда, увольняя зачинщиков, добились резкого сокращения количества стачек. Общий спад революционной активности также повлиял на позицию рабочих.

Во второй половине 1907 г. наиболее крупным трудовым конфликтом была августовская забастовка в депо станции Златоуст из-за снижения оплаты и введения сверхурочных работ. Администрация депо отказалась удовлетворить требования и вызвала из Уфы 100 железнодорожников. Однако уфимцы отказались заменить бастующих и были отправлены обратно. Начались аресты и увольнения, введены войска и рабочих заставили приступить к исполнению своих обязанностей⁴. А 90 уфимских железнодорожников 7 августа были уволены. В ответ уфимский комитет РСДРП выпустил листовку, состоялось собрание рабочих депо и мастерских, разогнанное полицией. Забастовка в Златоусте была также поддержана рабочими Челябинска⁵.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 533. Л. 156 об., 201.

² См.: Там же. Д. 327, 368, 369, 415, 491, 530, 533.

³ Там же. Д. 533. Л. 156; см. также: Д. 327, 329, 364, 430.

⁴ Уфимский рабочий. 1907. 15 августа; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 223. Л. 171 об., 173 и об.; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 66. Д. 11. Л. 34.

⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 314. Л. 34; Уфимский рабочий. 1907. 15 августа.

Осенью 1907 г. стачки проходили на ряде заводов Уфимской и Оренбургской губерний. Так, 29 сентября объявили забастовку 36 подмастерьев Богоявленского стекольного завода в Стерлитамакском уезде. Бастующие, получавшие подённую плату по 35 коп., потребовали прибавки по 5 коп. В результате трёхдневной стачки требование подмастерьев было удовлетворено¹. Волнения в 1907 г. происходили среди рабочих Юрюзанского и Катав-Ивановского заводов, где владелец намеревался закрыть производство. В октябре 1907 г. прошла забастовка приказчиков хлеботорговых фирм на станции Давлеканово из-за произвольного удлинения хозяевами рабочего дня при сохранении прежнего заработка. В результате двухдневной стачки приказчики добились выполнения своего требования². Трудящиеся депо станции Уфа (56 чел.) отметили день 1 мая 1908 г. невыходом на работу³.

Рабочий день на предприятиях Уфимской губернии в среднем составлял 10–12 часов, среднегодовая зарплата в 1907 г. равнялась 207, 05 руб., в 1908 г. – 215, 97 руб., в 1909 г. – 202,7 руб., в 1910 г. – 212,43 руб., отставая от среднероссийской. В Уфе продолжали деятельность отдельные профсоюзы – торговых служащих и швейников. Представители последних участвовали в конце 1907 г. в работе Волжско-Уральской конференции. В 1908 г. типографские рабочие Уфы предприняли неудачную попытку создать свой профсоюз, состоялись два нелегальных собрания, оргбюро (А. Кривошеин, И. Павлов, А. Зиновьев) разработало устав, но губернатор его не утвердил. В 1908 г. была запрещена деятельность Уфимского общества торговых служащих. В горнозаводской зоне был закрыт профсоюз в Миньяре, действовал лишь профессиональный союз на казённом Златоустовском заводе⁴.

Экономический подъём способствовал активизации рабочего движения в крае. В феврале 1910 г. бастовали грузчики железнодорожной станции Уфа⁵. В апреле прекратили работу в трёх цехах Миньярского завода. Трудящиеся требовали принять обратно 140 уволенных товарищей, даже соглашаясь на понижение своей заработной платы⁶. В июне рабочие Богоявленского стекольного завода объявили забастовку, требуя увеличения оплаты труда. Но когда администрация объявила о намерении закрыть предприятие, все вынуждены были приступить к работам⁷. В 1911 г. в течение двух недель продолжалась стачка в типографии «Печать» в Уфе⁸.

Более наступательным рабочее движение становится с 1912 г., после трагедии на Ленских золотых приисках в Сибири, получившей широкий общественный резонанс. Первомайский праздник был отмечен отказом от работы в Миньяре, Златоусте, стачкой в четырёх уфимских типографиях⁹. Самой крупной и организованной была забастовка в июне 1912 г. на Златоустовском казённом заводе, поводом для которой

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 66. Д. 11. Л. 37; ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 131. Л. 223–226.

² Вестник Уфы. 1907. 18 ноября.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 66. Д. 11. Л. 43.

⁴ Филимонов М.А. Профсоюзы Башкортостана в XX веке: социальные ориентиры и опыт практической деятельности. Уфа, 2002. С. 34–35.

⁵ Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 по 31 декабря 1910 года. М., 1981. С. 494.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 529. Л. 45.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1910. Д. 81, ч. 2. Л. 3.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 386.

⁹ Лескова Л.И. О статистике стачек рабочих Урала в 1910–1914 гг. // История СССР. 1960. № 4. С. 38.

послужили грубые нарушения техники безопасности. 8 июня прекратили работу 1232 чел. в снаряжном цехе, был выдвинут ряд экономических требований. Претензии заводской администрации предъявили, без остановки производства, рабочие кузнечного, механического и др. цехов. Руководству предприятия пришлось пойти на частичные уступки¹. В конце 1912 г. прошла забастовка на Миньярском заводе (990 чел.), в проведении которой большую роль сыграла местная большевистская организация, ряд требований рабочих был выполнен².

В 1913 г. в авангарде стачечного движения также шли миньярцы (март, июнь, октябрь), требовавшие увеличения расценок и улучшения условий труда. В июне их поддержали рабочие Аша-Балашовского завода³. В стачечном движении также участвовали рабочие-башкиры, трудившиеся на различных золотых приисках Оренбургской губернии.

В 1914 г. рабочие многих предприятий отмечали Первомайский праздник. Не работали на предприятиях Гутмана и Шамова в Уфе, стоял Миньярский завод и четыре цеха Усть-Катавского вагоностроительного завода. В Миньяре кроме того распространялись гектографированные прокламации с призывом к забастовке, вывешивались красные флаги. Ушла с работы в праздник часть рабочих Златоустовского завода. На следующий день все приступили к исполнению своих производственных обязанностей, «за исключением бастующих молотобойцев Усть-Катава»⁴.

Крупнейшим трудовым конфликтом первой половины 1914 г. была забастовка в Миньяре*. После отказа администрации в повышении зарплаты 9 мая началась забастовка, охватившая к 15 мая весь завод (более 1400 чел.). 25 мая правление объявило о полном расчёте всех бастующих и закрытии предприятия. В центральных губерниях началась вербовка рабочих. Материальную помощь забастовщикам оказало Миньярское волостное правление, часть уволенных отправилась на другие заводы, вернувшихся поставили на выгрузку, отвозку и колку дров. На соседних предприятиях стачку не поддержали⁵.

Рабочее движение на Южном Урале, как и по всей стране, пережив период глубокого спада, в 1910 г., с началом экономического подъёма, активизировалось. Прошёл ряд крупных забастовок с чисто экономическими требованиями, рабочие некоторых предприятий в горнозаводской части Уфимской губернии сумели несколько улучшить своё материальное положение.

За годы революции 1905–1907 гг. крестьянство Башкортостана набралось большого опыта политической деятельности. В деревню проникала подпольная литература, возвращались односельчане, участники революционного движения в городах и в

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 630. Л. 184–192, 203, 221.

² Там же. Л. 313; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 387.

³ См.: Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. 1883–1917. Челябинск, 1972. С. 228.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 491. Л. 216; Д. 531. Л. 16, 21; Д. 534. Л. 323.

* В Симском горнозаводском округе два предприятия – в Симе и Аше – выпускали полуфабрикат (чугун), а на Миньярском заводе изготавливали готовую продукцию, поэтому здешние рабочие, оставившая производство, парализовали деятельность всего округа и могли диктовать условия хозяевам – авт.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 534. Л. 413–422, 425, 429, 430–431, 444.

армии. В с. Верхотор Стерлитамакского уезда в 1908 г. против волостного старшины П.Ф. Долгова выступила группа крестьян во главе с В.Л. Ипполитовым. Старшина требовал от властей арестовать последнего, «так как ... Ипполитов с самого октября 1905 года не может расстаться с мыслью, что он постиг всю государственную мудрость и, сколько дел у меня в Верхотуре не встречалось, Ипполитов везде появлялся», называл старшину мошенником, на сходках шумит, вмешивается в дела властей, критикует, подрывает авторитет, дурно влияет на крестьян¹.

В д. Нимислярово Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда в 1907 г. вернулся с русско-японской войны запасной унтер-офицер «из местных башкир» С. Исмагилов, который служил в Челябинском полку, «прославившемся» в революцию. Он начал противодействовать сельскому старосте А. Газизову, на сходах открыто осмеивал того за сбор податей – надеешься «должно быть получить от царя большую чугунную медаль на шею фунтов в 30», собирал у себя дома единомышленников из запасных солдат. «Нередко устраивает в другом конце селения "свой" сход и на нём решались вопросы, как раз противоречившие решениям законного схода», вызывает «брожение умов», – жаловался староста². На смену богобоязненному патриархальному крестьянину приходила молодёжь, взгляды которой формировались под воздействием городской цивилизации.

В многоукладной аграрной экономике Башкортостана наиболее острые противоречия просматривались в районах традиционного крестьянского хозяйствования, где усиливались малоземелье, перенаселение, ухудшалась экологическая обстановка. Массовый характер сохраняло воровство леса, самовольные порубки в помещичьих, заводских и казённых лесных дачах. Они отмечались как в горно-лесных волостях, так и на западе края, там крестьянство испытывало острую нехватку дров и строительных материалов из-за истребления собственных лесов под пашню³. Например, в мае 1908 г. правление Белорецких заводов вынуждено было вызвать стражников на помощь местной полиции из-за порубок строевого леса жителями Узьянского и Кагинского посёлков. С 1908 по 1914 гг. в Верхнеуральском уезде было оштрафовано за самовольную рубку 429 чел., Катайскому волостному старшине отправлено 64 исполнительных листа для взыскания штрафа с башкир⁴.

Конфликты на экономической почве возникали между помещиками и соседними общинами, тем более, что в Башкирии многие имения образовались путём не всегда законного приобретения земли. Основное количество спорных ситуаций отмечалось на малоземельном западе и в горно-лесных волостях, где сельскохозяйственные угодья (пашня, сенокос) представляли большую ценность. В июле – августе 1907 г. башкиры Макаровской и Петровской волостей Стерлитамакского уезда вели борьбу из-за лугов с окрестными помещиками⁵. Соседство бедного полунатурального крестьянства с «образцовыми» имениями, резкий разрыв в уровне жизни порождал зависть, ненависть к сытым и богатым, нередко выливавшуюся в уничтожение чужой собствен-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 101. Л. 61, 63, 64 об.

² Там же. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 279. Л. 69 и об.

³ Там же. Д. 105. Л. 280; Д. 223. Л. 158, 206; *Усманов Х.Ф.* Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 156–158.

⁴ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 65; Д. 370.

⁵ Там же. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 223. Л. 196–198.

ности и поджоги. В 1908–1910 гг. на усадьбах помещиков Мельгунова, Лапшина, князя Вяземского, самарского купца Шихобалова полиция отмечала факты поджогов хозяйственных построек, жилых помещений, запасов сена, уничтожение инвентаря.

На северо-западе Уфимской губернии оказывалось наибольшее сопротивление односельчанам, пожелавшим выделиться из общины во время Столыпинской реформы. Жители с. Сикияз Златоустовского уезда в 1912 г. избили крестьянина Рязанова, возбудившего ходатайство о выходе из общины. Крестьяне грозили: «Вот тебе выдел, вот тебе отруб, убьём тебя и убьём землемера, который приедет отмеривать землю». Хуторяне и отрубники нередко жили в обстановке открытой вражды со стороны общинников. В мае 1908 г. в с. Багряш Троицкой волости Мензелинского уезда сгорели 23 двора и 8 амбаров крестьян, укрепивших землю в частную собственность.

В многоземельных башкирских волостях вспыхивали острые конфликты из-за сдачи в аренду общественных угодий, на чём наживалась сельская верхушка. В декабре 1907 г. в д. Куватово Тангауровской волости общинники отказались подписывать приговор о сдаче земли в аренду кулакам с хутора Воскресенского. Документ изорвали, а старосту и писаря избили. В июне 1908 г. в д. Темясово (все Орского уезда) состоялся объединённый сход четырёх Бурзянских волостей, на котором обсуждался вопрос о сдаче земли под разработку полезных ископаемых. Большинство собравшихся башкир (около 5 тыс. чел.) выступили против. Когда земский начальник распустил сход и оставил выборных, которые и были должны подписать договор об аренде, толпа ворвалась в волостное правление, избила местную администрацию и не допустила заключения невыгодной сделки¹. Сопротивление оказывалось при размежевании последних башкирских дач. Так, в июне 1909 г. башкиры Балакчинской дачи Бирского уезда отказались выделять людей для межевания на местности, властям пришлось нанимать посторонних рабочих².

В целом, обстановка в деревне Башкортостана в 1907–1914 гг. была спокойной. Единичные экономические конфликты, столкновения крестьян и помещиков, земельные споры не оказывали никакого заметного воздействия на жизнь села. Однако социальная напряжённость, особенно на северо-западе края, сохранялась, постепенно изменялась ментальность крестьянства.

¹ См.: Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 158–161.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 105. Л. 276–278 об.

§ 4. Мусульманское либеральное движение в 1907–1914 гг.

Новый избирательный закон 3 июня 1907 г. внёс большие изменения в «Положение о выборах в Государственную думу», ограничив доступ в неё революционным и демократическим элементам и обеспечив большинство партиям, стоявшим правее кадетов. В частности, было сильно урезано представительство в Думе национальных окраин*. Сама система выборов дискриминировала права меньшинств. В результате почти 20-миллионное российское мусульманство было представлено в III Государственной Думе (1 ноября 1907 – 9 июня 1912 гг.) 10 депутатами, из которых 8 объединились в самостоятельную фракцию (5 чел. из Башкирии). Уфимскую губернию представляли: депутат I и II Думы К. Тевкелев, депутат II Думы М.-Ш. Тукаев, Алиоскар Сыртланов – землевладелец, военный юрист, сын депутата первых двух Дум Ш. Сыртланова и Шарафутдин Махмудов – учитель медресе из Стерлитамака. От Оренбургской губернии был избран Зигангир Байбурун – врач, общественный деятель. Кроме того, депутатом от Казанской губернии в Думу был избран дворянин Белебеевского уезда Уфимской губернии Гайса Еникеев, который перед выборами проживал в Казани и был распорядителем учебно-воспитательных и благотворительных учреждений, основанных на капиталы миллионера А.Г. Хусаинова¹.

После запрещения партии «Иттифак» мусульманская фракция в Думе оставалась единственной легальной политической организацией, представляющей интересы российских мусульман. Это обстоятельство заставило совещание членов ЦК «Иттифак», проходившего нелегально в августе 1907 г., поставить вопрос о создании постоянного бюро при фракции. Бюро предполагалось образовать в Петербурге из наиболее образованных и политически активных мусульманских либералов, не вошедших в Думу, которые бы помогали фракции в её повседневной работе. Это предложение было поддержано «состоятельной частью мусульман» с обещанием финансовой помощи, однако деньги для этого так и не были собраны. Единственным и бескорыстным помощником мусульманской фракции в III Думе на протяжении 1907–1909 г. был А.-М. Топчибашев.

Вновь вопрос о создании бюро при фракции был поднят на собрании «почётных мусульман» Оренбурга, состоявшемся 23 июня 1909 г. На нём с сообщением о деятельности Государственной Думы и мусульманской фракции выступили К. Тевкелев и А.-М. Топчибашев. Собрание нашло, что создание постоянного бюро при фракции и его финансовое обеспечение «нравственный долг мусульман». Собрание постановило создать в Оренбурге финансовую комиссию для решения этой задачи под председательством миллионера М.Г. Хусаинова, куда были выдвинуты крупные промышленники, торговцы и издатели: М.-З. Рамеев, У. Хусаинов, Ф. Каримов, Х. Усманов и др. Собрание просило К. Тевкелева и А.-М. Топчибашева «принять на себя всё дело организации бюро». Кроме Оренбурга, подобные собрания прошли в Уфе – 30 июня, в Троицке – 7 июля и ещё в четырёх городах².

* Коренное население Средней Азии и Казахстана было лишено избирательных прав под предлогом, что оно не достигло «достаточного развития гражданственности».

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 261. Л. 1 об.

² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1909. Д. 291. Л. 8–10.

Однако бюро при мусульманской фракции III Думы не было создано. По данным уфимской полиции со ссылкой на газету «Вақыт» в сентябре 1910 г. мусульманские либералы собирались поддерживать фракцию следующим образом: «1) организовать в провинции бюро, которые доставляли бы сведения центральному бюро в Петербурге; 2) назначать в главное бюро лиц с юридическим образованием; 3) найти деньги». Роль провинциальных бюро должны были выполнять мусульманские благотворительные общества, которых к 1910 г. насчитывалось более 30. Финансировать мероприятие обещали «несколько богатых мусульман». Основная трудность заключалась в поиске «хороших работников для бюро»¹. Однако, привлекать к работе лидеров бывшего «Иттифака» не решались, опасаясь обвинений в панисламизме.

Борьба с панисламизмом стала одним из направлений национальной политики правительства П.А. Столыпина. Младотурецкая революция 1908 г. усилила интерес к оппозиционному мусульманскому движению внутри страны. С целью противодействия «панисламистской пропаганде» при Министерстве внутренних дел в январе 1910 г. было созвано «Особое совещание по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае». Из материалов «Особого совещания»² видно, что царская администрация явно преувеличивала значение и распространённость панисламистской идеи среди мусульманского населения. Под понятие «панисламизм» подводилось любое проявление национального самосознания среди тюркских народов. Требования религиозной реформы, светской национальной школы, стремление к просвещению и культуре мусульманского общества расценивались как «антигосударственная политика» и «сепаратизм». «Особым совещанием» было признано необходимым направить деятельность правительственных органов по борьбе с панисламизмом на 1) усиление положения православной церкви; 2) урегулирование школьно-образовательного дела среди мусульман; 3) упорядочение «государственно-правового положения» мусульманского населения и усиление «правительственного контроля».

Исходя из решений «Особого совещания», Департамент полиции 18 декабря 1910 г. издал секретный циркуляр, направленный всем начальникам губернских жандармских управлений. Оценивая панисламизм как мусульманское движение, «на которое розыскными органами должно быть обращено особое внимание», директор Департамента требовал «принять меры к немедленному приобретению соответствующей секретной агентуры для освещения преступной деятельности панисламистов и их революционных организаций в целях своевременного пресечения таковой». Циркуляр предписывал жандармским органам на местах обращать особое внимание «на деятельность как педагогического персонала мусульманских школ, так и на магометанских духовных лиц», а также «следить за деятельностью панисламистских издательств ... и за панисламистской литературой во всех её видах»³. Полиция и власти, видевшие к каждому прогрессивном движении, в каждом протесте против невежества антиправительственную пропаганду, стали искать «панисламизм» везде и всюду. В Мензелинске было закрыто книгоиздательство «Сагадат» и запрещено об-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 204 об., 206 об.

² См.: Красный архив. 1929. № 4. С. 107–127; № 5. С. 61–83.

³ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1910. Д. 74. Л. 143.

щество при нём по распространению мусульманской литературы¹. Прошли обыски в новометодном медресе «Галия» и книжном магазине «Шарк» в Уфе, в Оренбурге у редактора и сотрудников газеты «Вақыт», в Троицке в библиотеке для мусульман «Няжат» и в книжном магазине «Хезмят»². Со стороны Департамента полиции была даже попытка организовать показательный политический процесс над «панисламизмом». В качестве жертвы были выбраны мударрисы и мугаллимы Ижбобинского медресе Сарапульского уезда Вятской губернии³.

Не последнюю роль в раздувании кампании по борьбе с «панисламизмом» сыграла консервативно настроенная часть мусульманского духовенства, так называемые кадимисты, противники прогрессивного метода обучения в конфессиональной школе. Пытаясь объективно подойти к общественным реалиям, оренбургский губернатор в донесении в Департамент полиции отмечал: «За последнее время среди мусульман образовались две партии: одна прогрессивная, стремящаяся получить более широкое общее образование и ввести в повседневную жизнь обычаи и распорядки, присущие более культурной части населения. ... Нововведениям этим далеко не сочувствует другая, более многочисленная, часть мусульман из числа малоразвитых людей, которые, относясь крайне фанатично к строгому соблюдению всех внешних обрядов своей религии и обычаев, не могут равнодушно относиться к введению каких-бы то ни было новшеств в их жизнь»⁴.

Начальник Оренбургского губернского жандармского управления полковник Бабич докладывал о методах, которыми пользовались кадимисты. Надеясь расправиться с прогрессистами с помощью правительства, они писали на них доносы и жалобы. Так, «уполномоченный от группы мусульман гор. Троицка, состоящей из 122 лиц, Шагаибзян Шагиахметов 8-го апреля 1909 г. подал министру внутренних дел прошение, в котором ходатайствовал о закрытии в Троицке «Благотворительного мусульманского общества», библиотеки «Няжат» и «Общества приказчиков» и о высылке в порядке охраны ряда лиц за допускаемую ими противоправительственную и противообщественную пропаганду». Однако ходатайство троицких мусульман не было удовлетворено, жандармские агенты «в деятельности названных лиц, обществ и учреждений ничего предосудительного» не обнаружили. В мае 1910 г. на имя Оренбургского губернатора поступило новое прошение от 500 мусульман, жителей г. Троицка. Они ходатайствовали «изъять из обращения новые учебники и устранить от преподавания из татарских школ учителей с новым направлением». Но и это прошение было оставлено без последствий⁵. Среди мулл-кадимистов были и постоянные жандармские агенты. Один из них – ишан Байгузинской волости Бирского уезда А. Абдулвагапов, «исполняя поручение жандармского полковника», доносил на всех «почему-либо ему неприятных имамов, называя всех революционерами»⁶.

¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1910. Д. 74. Л. 127–128.

² Там же. Оп. 1911. Д. 74, ч. 53. Л. 22; Цаликов А. Кавказ и Поволжье. М., 1919. С. 174–175; Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия четвёртая. СПб., 1911. Ч. 2. Стб. 2935; «Русское слово». 1911. 15 февраля.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 138, 140, 147.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1908. Д. 234, т. I. Л. 67 и об.

⁵ Там же. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1913. Д. 74, ч. 53. Л. 117–118.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 121 и об.

Лидерами реакционно-клерикального направления в мусульманском движении были издатель журнала «Дин ва магишат» («Вера и жизнь»)* мулла М.-В. Хусаинов и петербургский ахун, редактор газеты «Нур» («Луч») С. Баязитов, впоследствии назначенный оренбургским муфтием. Последним в начале 1914 г. в Петербурге была организована проправительственная партия «Сырате-Мустаким» («Правый путь»). По оценкам мусульманских либералов, партия эта была по духу своему и по целям «копия с русских черносотенных»¹. Именно верхушка мусульманского духовенства, состоящая собственно на службе государства, стала опорой царского правительства в проведении кампании против «панисламистов».

Мусульманские депутаты с трибуны III Думы осуждали «инородческую» политику правительства, заявляя, что оно искусственно создаёт «мусульманский вопрос». При обсуждении сметы расходов МВД на 1910 г. мусульманская фракция отмечала, что она «направлена на борьбу с прогрессивными стремлениями страны», правительство подавляет «культурное начинание» мусульман, закрывая школы и культурно-просветительные учреждения².

Мусульманская фракция в III Думе выступила в принципе против Столыпинского варианта решения аграрного вопроса, против искусственного разрушения общины, «которая является ещё жизнеспособной ... и более целесообразной формой землепользования», разрушение общины «поведёт к обогащению отдельных лиц в ущерб крестьянской массе» и что «закон этот разбивает крестьян на классы, сеет между ними раздор»³. Общинная форма землепользования была традиционной для тюркских народов, в частности для башкир. Депутаты, видимо, опасались обнищания и радикализации крестьянство, что могло разрушить единство мусульманского общества.

Члены мусульманской фракции участвовали в обсуждении многих проблем внутренней жизни страны, но особую активность они проявляли по вопросам народного просвещения. Правительство под давлением общественности вынуждено было признать необходимым введение всеобщего начального обучения и внесло в III Думу ряд законопроектов, которые рассматривались в думской комиссии по народному образованию**. Фракция и национальная печать активно формировали общественное мнение, депутаты совершали поездки в провинцию, устраивали собрания мусульман, знакомили их с деятельностью Государственной Думы и фракции. Такое собрание было организовано в августе 1909 г. на нижегородской ярмарке уфимскими депутатами К. Тевкелевым и М. Тукаевым⁴. Летом – осенью 1910 г. состоялась поездка члена фракции С. Мақсудова по мусульманским городам. В первых числах июля он побывал в Уфе. В помещении «Мусульманского благотворительного общества» прошло неофициальное

* Журнал издавался с 31 декабря 1906 г. до 1917 г. в Оренбурге и был официальным органом кадимистов.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 533. Л. 287–288.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 2. Стб. 1986.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия вторая. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 1307–1308.

** Членами комиссии по народному образованию были мусульманские депутаты Г. Еникеев и Ш. Махмудов.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1909. Д. 291. Л. 5–7 об.

собрание, где депутат познакомил уфимцев с состоянием дел в фракции и планами на предстоящую сессию Думы, где должны были рассматриваться законопроекты о всеобщем начальном образовании. В свою очередь члены Общества после собрания знакомили с законопроектами о начальном школьном образовании мусульманское население губернии. Так, поручение Общества в Стерлитамакском уезде выполнял конторщик типографии «Восточная печать» Г. Кильдибеков¹.

Осенью 1910 г. С. Максудов прибыл в Оренбург, где на встрече с ним и оренбургским депутатом З. Байбуриным 1 октября в местном театре собралось много народа. Обсуждались положения законопроектов о всеобщем начальном образовании, собрание обратилось с просьбой, «чтобы мусульманские школы имели родной язык, на котором должны преподаваться все предметы»². Под влиянием этого собрания в газете «Вақыт» появилась статья «О начальных школах», где говорилось, что III Дума «готовит законопроект, по которому наших детей будут воспитывать в таких школах, где отсутствует наша религия, родной язык и национальный дух. ... Если законопроект не будет изменён в нашу пользу, то исчезновение нашей нации неизбежно»³.

Результатом этой пропагандистской кампании были десятки писем и телеграмм, направленные в октябре-ноябре 1910 г. на имя председателя Государственной Думы от мусульманских обществ Мензелинского уезда, Бирска, Оренбурга и др. Суть пожеланий мусульман сводилась в основном к двум моментам: чтобы законопроект «О начальных училищах» не распространялся на конфессиональные школы-мектебы, а преподавание в государственной начальной школе, где учатся дети татар и башкир, было на их родном языке⁴.

Вопрос о языке преподавания в государственной школе был самым принципиальным в концепции о школьном образовании мусульманской фракции. Правительственный законопроект «О начальных училищах» предусматривал преподавание в начальной школе на государственном, русском, языке (ст. 16). В ходе обсуждения этой статьи в Думе было внесено дополнение фракции октябристов: «в местностях, в коих имеется нерусское население, обладающее своей письменностью [следовал перечень народностей], разрешается учреждение училищ с природным языком преподавания». Мусульманская фракция, в целом поддержав это дополнение, внесла поправку в неё о замене слова «татарский» на «мусульманский» язык, обосновав тем, что все мусульманские народы России говорят на различных наречиях одного тюркского языка и имеют единую арабскую графику письма⁵. Дополнение октябристов было принято (без поправки мусульманской фракции). Законопроекты «О введении всеобщего начального обучения» и «О начальных училищах» были приняты Думой, но не получили одобрения Государственного Совета. Россия так и не получила закона о всеобщем начальном образовании.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 210, 232 и об.

² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1911. Д. 74, ч. 53. Л. 3 и об.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 209.

⁴ Там же. Л. 211, 214 и об., 216, 218 и об., 222 и об.

⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. Сессия четвёртая. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 1236–1237, 1269–1271.

Проблемы школьного образования мусульманского населения рассматривались также на совещании при Уфимской губернской земской управе в мае 1911 г., в котором активное участие приняли мусульманские либералы, приехавшие на юбилей муфтия М. Султанова – думские депутаты С. Максудов, Г. Еникеев, Ш. Махмудов, М.-Ш. Тукаев, учителя И. Терегулов, М. Чанышев, Ш. Киндикеев, Х. Ахтямов, муллы З. Абызгильдин, Г. Рахманкулов, Х. Мухамедов и др. Острые дискуссии на совещании развернулись по вопросам о языке преподавания в начальной школе для мусульман, программе и продолжительности обучения и т. д. Точка зрения земской управы часто не совпадала с позицией мусульманской интеллигенции, но последние преобладали численно и проводили свои решения. В частности, в постановлении совещания было записано, что языком преподавания в начальной школе должен быть родной язык учащихся-мусульман¹. На основе решений этого совещания Уфимской губернской земской управой был представлен доклад «О постановке начального образования восточных инородцев» первому всероссийскому общеземскому съезду по народному образованию, который проходил в Москве в августе 1911 г.² Ни одно из положений этого доклада не было утверждено общеземским съездом.

Несмотря на запрещение партии «Иттифак», либералы продолжали контролировать и материально поддерживать мусульманские благотворительные общества. В Оренбургской губернии к середине 1911 г. функционировало 13 организаций, среди членов их правлений встречались лица, проходивших в жандармских списках как «панисламисты». Председателем «Оренбургского мусульманского благотворительного общества» был Г. Мишкин, членом правления Ф. Каримов; в правление «Мусульманского благотворительного общества Сеитовского посада» входил М.-З. Рамеев; во главе «Троицкого мусульманского общества» стоял М.-Г. Яушев, членами правления были Л.-Ш. Яушев и Х. Габбасов³. В 1910 г. по сведениям уфимской полиции были попытки созыва съезда представителей благотворительных обществ мусульман Урало-Поволжья с целью «объединения» и, видимо, создания координационного центра, однако «эти попытки успехом не увенчались»⁴.

Расширился круг задач, решаемых мусульманскими благотворительными обществами. «Мусульманское общество» в Уфе под председательством С. Джантюрина стало коллективным членом общероссийской общественной организации «Лига образования», учрежденной кадетами. Планировалось открытие новых национальных школ в губернии, финансирование обучения способных юношей из башкир и татар в-стамбульских медресе⁵. Газета «Вақыт» отмечала появление новой тенденции в деятельности мусульманских обществ. Они стали устраивать в просветительских целях вечера и выступления. В январе 1911 г. в здании Мусульманского общества

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 33–34 об.; Журналы совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы 23–25 мая 1911 г. Уфа, 1911.

² Доклад Уфимской губернской земской управы «О постановке начального образования восточных инородцев» // Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 года. Доклады. М., 1911. Т. I. С. 680–691.

³ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1911. Д. 74, ч. 53. Л. 4 и об., 27–28 об.

⁴ Там же. Оп. 1913. Д. 74, ч. 86. Л. 18.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 236.

в Оренбурге была организована лекция редактора журнала «Шура» Б. Шарафа на тему «История Оренбургского края», в которой говорилось «о прежних жителях башкирах и киргизах, о первых поселениях русских, их отношении к инородцам»¹.

Сама газета «Вақыт», главный печатный орган прогрессивной мусульманской общественности Урало-Поволжья, стала активнее реагировать на политические события внутри страны и за рубежом. Так, в номере за 12 марта 1911 г. появилась переводная статья «Перемена правительства», в которой говорилось о возможной отставке П.А. Столыпина. Оценивая национальную политику главы правительства, «Вақыт» писала, что «премьер-министр в деле “надоедания” населению перешёл границу»². За публикацию этой статьи на редактора газеты был наложен денежный штраф.

Статья в «Вақыте» за 16 сентября 1912 г. «Кого избирать?» была расценена оренбургским губернатором как «неуважение к правительству», за что её редактор Ф. Каримов был подвергнут 6-недельному аресту³. Статья была посвящена выборам в IV Думу и содержала предвыборную программу мусульманских либералов, основным пунктом которых было требование, «чтобы в России для блага её укоренилась конституция». Предлагалось также расширение избирательных прав мусульманского населения, проведение в жизнь положений Манифестов 17 апреля и 17 октября 1905 г., осуществление религиозной реформы для мусульман⁴. Предвыборная платформа была выработана в августе 1912 г. на узком совещании в уфимском доме С. Джантюрина, где участвовали депутат Думы К. Тевкелев, имам второй соборной мечети Уфы Ф. Камалетдинов и видные общественные деятели братья Ибрагим и Ибниамин Ахтямовы⁵.

Хотя предвыборная кампания в IV Государственную Думу среди мусульманского населения велась гораздо активнее, чем в предыдущие, мусульманская фракция в ней оказалась самой малочисленной – всего 6 депутатов, из которых трое были из Уфимской губернии. Были избраны Ибниамин Ахтямов – юрист, помощник присяжного поверенного, сын депутата I Думы А. Ахтямова, Габдуллатиф Байтерьяков – крестьянин Белебеевского уезда, К. Тевкелев – депутат первых трёх Дум. От Оренбургской губернии был вновь избран депутат предыдущей Думы Г. Еникеев.

По своему составу Государственная Дума четвёртого созыв была ещё более консервативной, чем предыдущая. В IV Думе образовалось сильное право-октябристское большинство, поддерживавшее реакционную национальную политику правительства, которую провозгласил 5 декабря 1912 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов. Во время обсуждения депутат И. Ахтямов от имени мусульманской фракции заявил: «С чувством глубокого сожаления мы должны констатировать, что на перемену политики правительства по отношению к инородческому вопросу мы рассчитывать не можем. Здесь всё остаётся по-старому»⁶.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 412.

² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1911. Д. 74, ч. 53. Л. 7 и об.

³ Русское слово. 1912. 22 сентября.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1912. Д. 130, ч. 47. Л. 17 и об.

⁵ Там же. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1912. Д. 74, т. 3, ч. 2. Л. 155; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 451. Л. 62–63.

⁶ Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 371.

Поводом к столь пессимистической оценке послужил, в частности, запрет правительства на сбор средств российскими мусульманами в помощь раненым солдатам турецкой армии, воюющей на Балканах. С просьбой разрешить оказать поддержку госпиталям «Красного полумесяца» обратились к губернатору оренбургские и каргалинские мусульмане. Оренбургский губернатор переправил прошение в Министерство внутренних дел, которое дало отрицательный ответ. Однако, это не помешало местным мусульманам тайно собрать для раненых единоверцев значительную сумму, которая была передана редактору «Вақыта» Ф. Каримову. В ноябре 1912 г. он выехал в Стамбул в качестве военного корреспондента своей газеты¹.

Балканская война 1912–1913 гг. и поражение в ней Турции вызвали в российском обществе подъём прославянских настроений, правые депутаты Думы открыто говорили о победе «славянства над исламом»². Однако, судя по переписке, возникшей между начальниками губернских жандармских управлений Вятской, Пермской и Уфимской губерний в январе 1913 г., представления о «панисламизме» были разные. Вятские и пермские жандармы таковыми считали представителей либерального оппозиционного мусульманского движения, джадидистов. Начальник Уфимского губернского жандармского управления полковник В.П. Иванов отвечал, что «из практики видно, что очень многие из прогрессивных мусульман вовсе не сторонники панисламизма». Скорее фанатичные кадимисты, по его мнению, были приверженцами объединения мусульман мира и священной войны против «неверных»³.

В это время отмечалось появление среди мусульманской интеллигенции новой идеологии – пантюркизма, что было также связано с событиями на Балканах. Лидером пантюркистского течения назывался Юсуф Акчурин, переехавший в 1908 г. в Стамбул и издававший там популярный среди российских мусульман журнал «Тюрк-Юрды» («Мир тюрков»). В России, как отмечал начальник Оренбургского губернского жандармского управления в июле 1913 г., «местной мусульманской печатью идея “пантюркизма” проводится весьма осторожно». Формированию национального самосознания тюркских народов способствовали, в числе прочих прогрессивных изданий, газета «Вақыт» и журнал «Шура»*. Так, в ряде номеров «Шуры» за 1912 г. публиковались статьи с характерными названиями «Кто мы такие?», «Мы тюрки»⁴.

В отличие от соседних регионов, администрация Уфимской губернии отличалась либеральным отношением к мусульманскому населению**, что несомненно определялось большим удельным весом мусульманских депутатов в Государственной Думе. Из 10 депутатов от Уфимской губернии в I Думе было 6 мусульман, во второй – 7 из

¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1912. Д. 74. Т. 3, ч. 2. Л. 175, 225; Ч. 53. Л. 6.

² Государственная дума. Четвёртый созыв. Ч. 2. Стб. 16–17.

³ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1912. Д. 74, ч. 86. Л. 36 и об., 38–40 об., 49–51 об.

* Журнал «Шура», как приложение к газете «Вақыт», издавался в Оренбурге с 1908 по 1918 гг. братьями Шакиром и Закиром Рамеевыми. Главный редактор – Р. Фахретдинов.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1913. Д. 74. Л. 87–88, 224–225 об.; Мир ислама. 1912. Т. I, вып. 2. С. 269–270.

** Лидер правых депутатов в Думе В.М. Пуришкевич составил своеобразный «список доверия» для министра внутренних дел, рейтинг губернаторов, где проживало нерусское население. Уфимский губернатор П.П. Башилов был отнесён к «неудовлетворительным» управителям (Уфимский вестник. 1914. 11 мая).

10, в третьей – 4 из 8, в четвёртой – 3 из 8 депутатов. В то же время от Казанской губернии в IV Думе не было ни одного представителя мусульманского населения.

Мусульманская фракция в IV Думе, как и прежде, поднимала вопрос о национальных школах, у них сформировалась собственная концепция по этому вопросу. В выступлениях депутата Г. Еникеева от имени фракции говорилось о необходимости создания светской национальной школы (низшей, средней, высшей) со специальными программами, со своим преподавательским составом, независимым от правительства финансированием за счёт частных пожертвований и земских средств¹. Фракция ратовала за сохранение традиционных школ с передачей их в ведение мусульманского духовенства. Для этого 28 марта 1914 г. на рассмотрение Думы был внесён законопроект «О предоставлении Оренбургскому духовному собранию права выдавать свидетельства на звание учителей и учительниц мусульманских духовно-приходских школ (мектебе и медресе)»². Но в связи с началом Первой мировой войны законопроект не рассматривался.

Поднимался вопрос об отмене ограничений юридических прав граждан в зависимости от их религиозной принадлежности. По инициативе мусульманской фракции IV Думы 54 депутата внесли законодательное предположение «Об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания»³. Вопрос поступил в комиссию судебных реформ, но в Думе также не обсуждался.

В феврале 1914 г. мусульманская фракция на узком совещании с участием бывших в Петербург лидеров джадидистского движения И. Гаспринского, А.-М. Топчибашева и Ф. Каримова наметила программу дальнейшей деятельности, очертило круг проблем, требующих скорейшего рассмотрения Государственной Думе. Важнейшим представлялась реформа управления духовными делами мусульман⁴. Понимая, что шесть думских депутатов не могут иметь полного представления и не вправе принимать решения самостоятельно, председатель мусульманской фракции К. Тевкелев ходатайствовал перед МВД о созыве мусульманского съезда. Прошение было удовлетворено, на съезде разрешалось рассмотреть следующие вопросы: «1) о пересмотре действующих законоположений о духовных правлениях магометан Российской империи и 2) о выработке основных положений реорганизации управления духовными делами мусульман»⁵.

Съезд состоялся в Петербурге с 15 по 25 июня 1914 г. Кроме мусульманских депутатов Думы на съезд были приглашены и приняли в нём участие 35 чел., преобладали представители мусульманского духовенства. Башкирский край представляли бывшие думские депутаты А. Ахтямов, С. Джантюрин, М. Тукаев, Х. Усманов, Я. Хурамшин, а также редактор журнала «Шура», известный просветитель Р. Фахретдинов, др. – всего 10 чел.⁶ На съезде рассматривались только вопросы о преобра-

¹ Государственная дума. Четвёртый созыв. Ч. 3. Стб. 665–666; То же. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 4. Стб. 960–962.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 787. Л. 4 и об.

³ Там же. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 90. Л. 1–2.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1908. Д. 234, т. 2. Л. 37.

⁵ Там же. ДП ОО. Оп. 1906. Д. 609. Л. 70.

⁶ Там же. Л. 71 об.

зовании духовного быта мусульман, политика почти не затрагивалась. После активного обсуждения был принят проект «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи», который предусматривал создание единой системы управления религиозными делами, расширение прав духовных правлений и оказание государственной материальной поддержки мусульманскому духовенству. Решения съезда в виде отдельных законопроектов должны были быть вынесены на рассмотрение Государственной Думы. Помимо официальных заседаний, состоялись частные собрания участников съезда, на которых обсуждалась возможность возрождения партии «Иттифак эль-муслимин» с соответствующей организационной структурой¹. Осуществлению проектов помешала война.

Таким образом, Манифест 3 июня 1907 г. положил начало новому политическому режиму, который ограничил во многом гражданские права и свободы, полученные в период революции. Была запрещена партия «Иттифак эль-муслимин», резко сокращено мусульманское представительство в Государственной Думе. Усилились гонения на новометодные школы, национальную печать, благотворительные общества. Под видом борьбы с «панисламизмом» правительство подавляло не только оппозиционные выступления, но и любые культурно-экономические начинания мусульман. Во многом в этой борьбе правительству помогало реакционное духовенство, кадимисты. Мусульманские либералы, свернув свои политические лозунги, продолжали культурно-просветительскую деятельность. С началом Балканской войны среди российских мусульман стал расти интерес к политике, получивший отражение на страницах национальной печати. Были созваны ряд легальных совещаний и мусульманский съезд, которые в завуалированной форме обсуждали проблемы культурно-национальной автономии для мусульман России.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1908. Д. 234, т. 2. Л. 88–92; Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917. С. 55.

§ 1. Экономическое положение в 1914–1917 гг.

Для крестьянства – основного населения Башкортостана – война стала тяжёлым испытанием. Почти половина мужского населения деревни была призвана в армию. Из Уфимской губернии к 1917 г. было мобилизовано 323,2 тыс. чел., или 45% всего количества мужчин-работников, из Оренбургской (гражданская территория) – 160,3 тыс. чел., или 49,6%¹. Многие крестьянские семьи, в первую очередь более бедные и малолетние, лишились единственного кормильца. Вся тяжесть земледельческого труда легла на плечи женщин, подростков, стариков. В зажиточных дворах убыль компенсировалась наймом² и применением машин, в перенаселённых северо-западных уездах использовались избыточные трудовые ресурсы.

На нужды фронта (в кавалерийские части, артиллерию, обозы) реквизировался рабочий скот. За годы Первой мировой войны численность лошадей в Уфимской губернии уменьшилась с 1 млн голов по переписи 1912–1913 гг. до 993,5 тыс. в 1917 г. Количество рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах губернии сократилось на 67 тыс. голов (с 848,5 до 781,7 тыс.)³. Кроме того, Башкирия являлась крупным поставщиком мяса. Так, план поставок на 1916 г. составлял для Оренбургской губернии (включая казачество) 1750 тыс. пуд., для Уфимской – 1 млн пуд. мяса⁴. Это вело к постепенному сокращению поголовья. Если в 1916 г. в Уфимской губернии количество крупного рогатого скота и овец (1316,8 и 2965,3 тыс.) ещё превышало довоен-

¹ Поуездные итоги Всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. Т. 5, вып. 2. М., 1923. С. 78, 126.

² По данным переписи 1916 г. в крестьянских хозяйствах Уфимской губернии работало 24,6 тыс. беженцев и военнопленных (Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г.: Предварительные итоги по уездам. Уфа, 1916. С. 2).

³ Подсчитано по: Там же. С. 127; Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 1804.

⁴ Журналы Оренбургского губернского земского собрания. VII и VIII чрезвычайных сессий 8–9 марта и 2 августа 1916 года. Оренбург, 1916. С. 90; Главнейшие положения поставки скота и мяса для действующих армий, тыловых воинских частей и пр. из Уфимской губернии. Уфа, 1916. Вып. I. С. 3.

ный уровень, то в 1917 г. произошло уменьшение численности крупного рогатого скота на 64 тыс. (до 1252,9 тыс.), а овец – на 126 тыс. голов (до 2839 тыс.). Во время Первой мировой войны в губернии возросло лишь количество свиней (с 289,9 тыс. по переписи 1912–1913 гг. до 437,6 тыс. в 1917 г.)¹. Обвального сокращения поголовья в крестьянских и помещичьих хозяйствах не происходило.

С лета 1914 г. в край почти полностью прекратился ввоз сельскохозяйственной техники из-за закрытия границы на западе страны, а немногочисленные отечественные предприятия сельскохозяйственного машиностроения переключались на оборонные заказы. Мировая война кардинально изменила ситуацию с вывозом зерна. С железнодорожных станций большое количество хлеба ранее отправлялось в балтийские порты для последующего экспорта, часть грузов прямо шла за границу. Так, в первой половине 1914 г. из Аксаково было вывезено 3 тыс. пуд. гороха в Данциг и 2 тыс. в Кёнигсберг, со станции Шафраново отгружали в германские и австрийские города просо, гречиху, горох, отруби (Броды – 6750 пуд., Глейниц – 900, Данциг – 10500, Здунек – 1000, Кёнигсберг – 1000, Коттовицы 1500 пуд.)². С началом военных действий экспортное отправление прекратилось совершенно. Хлебные грузы направлялись главным образом во внутренние губернии Европейской России. В 1915 г. из Шафраново зерно и мука вывозились в московский промышленный район, в Петроград (142 154 пуд.), в прифронтовые города (Белосток, Двинск, Полоцк), а также в Финляндию (23 236 пуд. в Выборг, 14 168 в Йёнэсу, 12 144 в Сердоболь и т. д.)³. В годы войны происходит разрыв устоявшихся хозяйственных связей, что прямо повлияло на ситуацию в деревне. Упал спрос на яровую пшеницу, главный экспортный товар, да и в целом структура крестьянских посевов изменилась.

Если в 1912 г. у крестьян Уфимской губернии посевы озимой ржи составляли 37,2% всей площади, то в 1916 г. они достигли 37,9, а в 1917 г. – 39,8%. В то же время удельный вес посевов яровой пшеницы сократился с 18,3 до 15,7 и 14,9% в 1917 г. Возросли площади под овсом: 22,9% в 1912 г., 23,8% в 1916 г., 26,9% в 1917 г.⁴ На фоне сокращения доли пшеницы, стабильно увеличивались площади под серыми хлебами. Рожь закупали для снабжения армии, «чёрный» хлеб традиционно являлся основным продуктом питания в центральной России и в условиях экономического кризиса, натурализации рынка он оставался наиболее выгодным товаром. Овёс в больших объёмах закупало интендантство, а в горнозаводской части Башкирии значительное поголовье рабочего скота занималось перевозками руды, угля, дров, готовой продукции, что также поддерживало устойчивый спрос на овёс.

Массовая мобилизация мужского населения, реквизиция рабочего скота, разрыв хозяйственных связей, наступавший товарный голод, инфляция, однако, не привели к

¹ Подсчитано по: Поуездные итоги Всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. С. 127; Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. С. 1804.

² Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скорости, по отправлению. За 1914 год. Самара, 1915. Вып. I. С. 84–85, 90–91.

³ Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скоростью по отправлению за 1915 год. I. Самара, 1916. С. 62–63.

⁴ Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. // Труды ЦСУ РСФСР. М., 1922. Т. VI, вып. 3. С. 7.

катастрофическим последствиям. Площадь крестьянских посевов в Уфимской губернии за первые три года войны сократилась на 13%, или 348 тыс. дес. (с 2707 тыс. по переписи 1912–1913 гг., до 2398 тыс. в 1915 г. и 2359 тыс. дес. в 1916 г.). Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. крестьянские посевы возросли до 2549 тыс. дес., хотя по-прежнему не достигли довоенного уровня. Крестьянское хозяйство (полунаатуральное общинное и предпринимательское) продемонстрировало высокую степень устойчивости, способность выживать в условиях экономического кризиса. Зато помещичье (частновладельческое) хозяйство во время Первой мировой войны пережило глубокий упадок. Площадь помещичьих посевов сократилась со 104,8 тыс. дес. в 1912–1913 гг., до 86,9 тыс. в 1916 г. и 71,1 тыс. дес. в 1917 г.¹ Если крестьянские посевы в Уфимской губернии с 1913 по 1917 г. уменьшились всего на 5,8%, то помещичьи – на 32,2%. Острая нехватка рабочих рук, неумение приспособиться к новой, кризисной, ситуации нанесли сильнейший удар по помещикам края.

На обстановку в Башкортостане в военную пору в решающей степени влияла величина сборов хлеба, зависевшая от погодных условий. Начало войны совпало с частичным недородом. Если в предвоенные годы в среднем в Уфимской губернии с крестьянских полей собирали по 120 млн пуд., то в 1914 г. валовой сбор составил лишь 90 млн пуд. хлеба². Но следующий, 1915-й, год был одним из самых урожайных в начале XX в. Валовой сбор зерна достиг 174 млн пуд.³ В 1916 г. был получен средний урожай – 116,5 млн пуд.⁴ Если в мирном 1913 г. средняя урожайность в Уфимской губернии составляла: ржи – 45 пуд. с дес., пшеницы – 58, овса – 65, то в 1914 г. – 31, 35, 32; в 1915 г. – 68, 62, 70; в 1917 г. – 56, 40, 37 пуд.⁵ В Оренбургской губернии собирали яровой пшеницы в 1914 г. – 41 пуд с дес., в 1915 г. – 48, в 1916 г. – 22, в 1917 г. – 34 пуд.⁶ В целом, обстановка в деревне Башкортостана в период мировой войны оставалась достаточно стабильной, никаких чрезвычайных ситуаций с продовольствием не возникало. Более того, прекращение экспорта привело к увеличению запасов зерна в крестьянском хозяйстве, на что также повлияли нараставший товарный голод и инфляция, когда продавать зерно за стремительно обесценивавшиеся бумажные деньги не имело смысла. Избыточный хлеб сельчане направляли на самогонование, корм скоту, стали лучше питаться. По данным Н.Д. Кондратьева в производящих губерниях России к 1915 г. потребление ржи на душу населения увеличилось⁷.

¹ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1803; Брагин А.М. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. (По данным подворной переписи 1915 года). Уфа, 1916. Таблицы. С. 11; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (По подсчётам, произведённым местными переписными учреждениями). Пг., 1916. Вып. I. С. 126–127; Поуездные итоги Всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. С. 128–129.

² Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. Уфа, 1918. С. 13; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1917. С. 71.

³ Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа, 1917. С. 14.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 682. Л. 95.

⁵ Там же. Л. 96; Д. 690.

⁶ Сельскохозяйственный бюллетень № 3–8 за 1917 год. Оренбург, 1917. С. 40.

⁷ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 132.

Во время войны в крае закупалось большое количество хлеба. Сначала скупка велась на рыночных принципах различными ведомствами, земством, предпринимателями, поставлявшими товар в армию, тыловые гарнизоны, на заводы и в города. В заготовительную кампанию 1915–1916 гг. уполномоченный по закупке хлеба для армии в Оренбургской губернии Беляев основную часть товара (79%) приобрёл через торговцев. В Уфимской губернии (уполномоченный Коропачинский) хлеб в основном закупался прямо у крестьян (52,4%), а также у посредников (39%), кооперативов (6,4%) и землевладельцев (2,2%)¹. Объёмы закупок непрерывно возрастали. Если в заготовительную кампанию 1914–1915 гг. только уполномоченным Министерства земледелия было закуплено в Уфимской губернии свыше 10 млн пуд. хлеба, то в 1915–1916 гг. всего заготовили 18,5 млн пуд., а в 1916–1917 гг. – 24 млн пуд.²

Уже в 1915 г. в стране начали вводиться различные ограничительные меры, а в конце 1916 г. была установлена хлебная развёрстка для снабжения армии и оборонной промышленности. Крестьянство (и помещики) было обязано сдавать хлеб по твёрдым государственным ценам, в случае отказа его реквизировали. Государственные органы определяли величину раскладки по волостям. План поставок для Уфимской губернии составил 43,1 млн пуд. хлеба, для Оренбургской – 19 млн пуд.³ Твёрдые цены были ниже рыночных, поэтому продажа зерна в казну происходила медленно и не была закончена до Февральской революции. Оптовые поставки хлеба в условиях непрерывного роста цен были выгодны крупным производителям. Только за 1915 г. дворянство Уфимской губернии выплатило Дворянскому земельному банку 2,8 млн руб. долгов, хотя в предшествующий период они лишь увеличивались⁴.

Война потребовала больших дополнительных расходов, которые правительство покрывало увеличением массы денег в обращении и, соответственно, величины налогообложения. Так, доходы уфимского земства, составлявшие в 1913 г. 4,7 млн руб., в 1914 г. возросли до 5 млн, а в 1915 г. – до 5,7 млн руб. Основным плательщиком оставалось крестьянство. Из 2,4 млн руб. доходов, полученных земством в 1915 г. от обложения земель, с крестьянских надельных угодий поступило 1,6 млн руб. Для восполнения убытков, вызванных запретом на продажу спиртных напитков, на 1915 г. был резко увеличен государственный поземельный налог. Если в 1914 г. по Уфимской губернии он составлял 143,2 тыс. руб., то в 1915 г. – уже 451,7 тыс. руб.⁵ В последующие годы рост налогов продолжался. Например, доходы уфимского уездного земства в 1915 г. равнялись сумме в 338,4 тыс. руб., на 1916 г. величину податей установили в 655,3 тыс., а на 1917 г. – в 1 млн руб.⁶

На Южном Урале в годы Первой мировой войны имелись немалые запасы хлеба. По переписи 1916 г. в Уфимской губернии излишки зерна составляли 22–24 млн пуд.,

¹ Материалы к вопросу о государственном регулировании хлебной торговли. Пг., 1916. С. XVI.

² Обзор Уфимской губернии за 1915 год. С. 53; ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 162. Л. 204 об., 209 об.

³ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 257–258.

⁴ Отчёт Государственного Дворянского земельного банка за 1915 г. Пг., 1916. Таблицы к I части отчёта. С. 8–9.

⁵ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. Прил. 29; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1916. Прил. 24, 26; То же за 1915 год. Прил. 23, 24.

⁶ Смета расходов и доходов Уфимского уездного земства на 1917 год. Уфа, 1916. С. 82–83.

в том числе у помещиков – 3 млн пуд.¹ В Оренбургской губернии в руках крестьянства к 1 июля 1916 г. оставалось 11,7 млн пуд. хлеба из урожая предыдущего 1915 г.² С началом военных действий, закрытием западных границ и почти полным прекращением экспорта в общественном сознании и у властей царил уверенность, что уж хлебом то Россия обеспечена в избытке. Однако в действительности в стране, которая ещё в 1913 г. была одним из основных поставщиков зерна в мире, начался острейший продовольственный кризис.

Непрерывный спрос на хлеб и иную продукцию сельского хозяйства для многомиллионной армии, снабжения населения Петрограда, Москвы и других городов, а также центральных губерний Российской империи, существовавших за счёт ввоза продовольствия, натолкнулся на падение товарности крестьянского хозяйства, резкий рост натурализации аграрного сектора экономики, распад рыночных связей. В условиях быстрого падения покупательной способности рубля (инфляция, поступление в деревню массы денег в качестве пособий семьям мобилизованных), переключения промышленности на выпуск военной продукции, прекращения импорта потребительских товаров, машин и оборудования российский хлебороб лишился стимулов к продаже своего зерна, так как на вырученные деньги нечего было купить. В деревне наступила острая нехватка сахара, соли, керосина, фабричных тканей и обуви, сельскохозяйственного инвентаря и пр. Попытки государства воззвать к сознательности и патриотизму крестьянина, чтобы он продавал хлеб за обесценивавшиеся «бумажки», имели сравнительно скромный эффект в обстановке накопленного веками недоверия мужика к казне, неприязни к чиновнику-бюрократу. В 1916 г. царское правительство было вынуждено ввести продразвёрстку – насильственное изъятие продовольствия по фиксированным ценам. Но было поздно. Натурализация экономики стремительно нарастала, на базарах постепенно утверждался натуральный обмен товара на товар.

В первый год войны запрет на продажу спиртного был с одобрением встречен населением. «Наконец то мы отрезвились. Как отрадно видеть в такое тревожное для нашего отечества время трезвую жизнь в деревне. ... Самые закоренелые пьяницы приняли благообразный вид, принялись за работу и сами удивляются, что они могут жить без водки..., у них откуда появились деньги. И горячие благодарные слёзы их семей ежедневно несутся к небесам»³. Но эффект «сухого закона» был кратковременным, с 1915 г. быстро начало развиваться самогонарение (куда направлять зерно было более выгодно, чем продавать), потребление суррогатов и азартные игры. Зато государственный бюджет понёс огромные убытки.

«Сухой закон» оказал краткое положительное воздействие на торговлю, оставшиеся у населения деньги увеличили спрос на потребительские товары. Несмотря на сокращение числа торговых заведений в Уфимской губернии с 10,4 до 9,7 тыс., сумма прибылей возросла с 6,7 до 9,8 млн руб. в 1915 г., или на 46%⁴. Но это было временное явление, запасы старых довоенных товаров закончились и в сельской местности Башкортостана с 1915 г. началось массовое закрытие лавок, магазинов, хлебос-

¹ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г.: Предварительные итоги по уездам. С. 8; ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 682. Л. 93 об.

² ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 36. Л. 14.

³ Уфимский вестник. 1914. 2 сентября.

⁴ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 238–239.

сыпных амбаров. Так, в 1916 г. остановили заготовку зерна Ф.С. Солодянкин в д. Бизяр, С.Н. Варзаносцев в Михайловке, И. Султангалиев в д. Старые Казанчи (Старо-Казанчинская волость). В Старо-Балтачево, Тошкуре, Старо-Янбаево закрылись торговые предприятия, в Аскино «пустует с 1914 г.» амбар А.П. Крылова, с весны 1917 г. прекратили деятельность в Николо-Берёзовке торговый дом «Н. Дедюхин с сыновьями» и предприниматель Д.В. Беляев (все Бирский уезд)¹ и многие другие. Бедственное положение рядового сельского и городского обывателя вызвало в годы войны усиленный рост потребительской кооперации, в определённой мере улучшившей снабжение предметами первой необходимости².

В обстановке товарного голода, дефицита и инфляции главным товаром на рынке становился хлеб, стоимость которого непрерывно возрастала. Уже осенью 1914 г. цена на рожь и ржаную муку в Уфимской губернии увеличилась по сравнению с уровнем 1913 г. на 22–23%, на пшеницу и пшеничную муку – на 16–19%, на овёс – на 47%. В ноябре 1915 г., после обильного урожая, рожь и пшеница на местном рынке стоили уже на 71–74% дороже, чем до войны, а овёс «подскочил» на 105%³. Рост цен на зерно приносил повышенные прибыли крестьянам, но значительная часть деревни сама постоянно нуждалась в покупном хлебе и быстрое удорожание продовольствия ставило её в тяжёлое положение. Так, в зиму 1914–1915 гг., по подсчётам земцев, для 320 тыс. малопосевных семей (до 6 дес.), а это 68% хозяйств Уфимской губернии, недоставало 12,7 млн пуд. хлеба⁴. Огромный урожай 1915 г. лишь на время сгладил ситуацию, с середины 1916 г. в России разразился настоящий продовольственный кризис.

Начался бурный рост цен. Если в июле 1913 г. в Уфимской губернии пуд ржаной муки стоил 64 коп., то в июле 1916 г. – 127 коп., в октябре 1916 г. – 178 коп., в январе 1917 г. – 220–260 коп. Пшеничная мука со 103 коп. за пуд в июле 1913 г. подскочила до 229 коп. в июле и 328 коп. в октябре 1916 г., а в январе 1917 г. она продавалась на местных рынках по цене от 375 до 425 коп. Зерновая рожь и пшеница, а также овёс к началу 1917 г. втрое подорожали по сравнению с мирным временем⁵. Причём, если за 1913–1916 гг., включая два полных года войны, цены на основные хлеба выросли в среднем в 2 раза, то осенью 1916 г. произошёл скачок примерно на треть. Перед значительной частью населения хлебопроизводящей Уфимской губернии встала угроза голода. С осени 1916 г. в крае возникла острая нехватка муки, даже ржаной («на местном рынке не стало никакой муки»), появились трудности со снабжением населения солью, мылом, спичками. На сахар были введены карточки⁶. Постепенно в Уфимской и Оренбургской губерниях в течение 1916 г. устанавливается нормиро-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-151. Оп. 1. Д. 38. Л. 33 об. – 34, 80 об. – 81, 83 об. – 84, 90 об. – 91.

² См.: Самородов Д.П. Становление и развитие системы стационарной торговли в дореволюционной Башкирии (эпоха капитализма). М., 2001. С. 142 и др.

³ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. С. 486–491; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 214–219; ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1425. Л. 30, 39–41.

⁴ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 84–85.

⁵ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 487, 489, 491; ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1425. Л. 30, 39–41; Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 142.

⁶ Уфимская жизнь. 1917. 8, 10 января.

ванное распределение основных продуктов питания. Осенью 1916 г. в Оренбурге выдавался по карточкам один пуд муки в месяц на человека¹. Уфимская городская управа в октябре 1916 г. признавала, что «местные продовольственные органы ... не могут, не в состоянии предотвратить грозного продовольственного кризиса, противостоять результатам дезорганизации всей хозяйственной жизни нашей страны»². Длинные очереди у продуктовых лавок, перебои со снабжением, спекуляция стали обыденным явлением в жизни рядового обывателя.

Экономический кризис, натурализация рынка серьезно повлияли на социальную структуру деревни Башкортостана. Обеспокоенное проблемами с продовольствием, царское правительство в 1916 г. организует первую в истории Всероссийскую сельскохозяйственную перепись. Затем начинается подготовка к следующей, которую провело летом 1917 г. уже Временное правительство. Материалы этих двух исследований показывают значительные сдвиги в жизни крестьянства края. Если перед войной удельный вес малопосевных бедняцких хозяйств (посева до 4 дес.) в Уфимской губернии составлял 49%, то в 1916 г. их доля возросла до 55,7%. Количество семей, практически не обеспечивавших себя своим продовольствием, увеличилось за счёт обнищавших середняцких дворов. Также в годы Первой мировой войны сократился удельный вес середняцких мелкотоварных хозяйств (посева 4–10 дес.), регулярно поставлявших на рынок небольшие излишки, с 35,4% (по переписи 1912–1913 гг.) до 33,4% в 1916 г. В военную пору в немалой степени изменился внутренний состав этого социального слоя. Вместо обедневших середняков сюда вошли вчерашние зажиточные предпринимательские многопосевные дворы, в условиях экономического кризиса сокращавшие размеры своего хозяйства. Поэтому удельный вес середняцких посевов во время войны несколько возрос с 37,4% до 42,4% (при небольшом падении площадей с 1001,5 тыс. до 962,5 тыс. дес.).

Главное значение для экономики края имела убыль в группе сельских предпринимателей, занимавших главное место в поставках продовольствия (свыше 40% зерна до войны), являвшихся основными держателями запасов хлеба. Если по переписи 1912–1913 гг. в Уфимской губернии насчитывалось около 70 тыс. семей с посевами от 10 дес. и более, то к 1916 г. удельный вес деревенских предпринимателей (кулаков, фермеров) сократился с 15,6 до 10,9% (50,3 тыс. дворов). Почти на треть уменьшилась доля самых высокотоварных хозяйств, поставлявших на внутригубернский рынок и на вывоз за пределы края основную массу зерна. Хотя, согласно данным переписи 1916 г., местным фермерам по-прежнему принадлежала значительная часть крестьянских посевов – 36,8% (838,2 тыс. дес.)³, каждый третий предприниматель края намеренно, просчитав возможные убытки, сокращал площади под зерновыми, рассчитывая переждать неблагоприятную экономическую ситуацию. Да и остальные далеко не все соглашались продавать свои запасы государству за обесценивавшиеся бумажные деньги. Предприниматель уходил с рынка. Например, в 1917 г. на немец-

¹ Китанина Т.М. Указ. соч. С. 208.

² Доклад Уфимской городской управы по продовольственному отделению Уфимской городской думы 11 октября 1916 г. Уфа, 1916. С. 27.

³ Подсчитано по: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг.; ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 173, 175 (здесь и далее без горнозаводских и горно-лесных волостей, а также не учитываются беженцы и высланные).

ком Горчаковском хуторе Белебеевского уезда проживал фермер А.А. Дик, имевший две сеялки, жнейку, молотилку, косилку, 6 плугов, много прочего сельскохозяйственного инвентаря и скота, но хлебом не засевавший ни единой десятины¹. Этот, без сомнения, весьма богатый сельчанин, не желал рисковать в условиях крайне нестабильной политической и экономической ситуации в стране.

На северо-западе Башкортостана к 1916 г. доля предпринимательских дворов не превышала 10%. Подавляющую массу здесь составляли нерыночные слои крестьянства, имевшие незначительные товарные излишки. Лишь на юге и северо-востоке фермерско-кулацкие хозяйства охватывали существенную долю (в Белебеевском уезде семей с посевом свыше 10 дес. насчитывалось 14,3%, в Стерлитамакском – 13,4, Златоустовском – 18,6%)². В районах высокотоварного земледелия фермеры, уменьшая размеры производства, в массе всё же продолжали вести расширенное рыночное хозяйство. Так, И.М. Асабин из мордовского с. Андреевка Булгаковской волости Уфимского уезда в 1917 г. имел 48 дес. пашни, но засевал всего 12 дес.³ По переписи 1916 г. в Белебеевском уезде многопосевным дворам (14,3%, см. выше) принадлежало 44,1% всех крестьянских площадей под зерновыми, в Стерлитамакском – 48,2%, в Златоустовском уезде – 55,6%. Сохранились и очень крупные предпринимательские хозяйства. В Четырмановской волости Стерлитамакского уезда, на границе с Оренбуржьем, в 1917 г. хозяйствам (9,6%), засевавшим по 23 дес. и более, принадлежало 33,3% всех крестьянских посевов⁴.

Несмотря на нараставшую натурализацию сельскохозяйственного производства, разрыв экономических связей, инфляцию и т. д., к лету 1917 г. в аграрном секторе Башкортостана предпринимательское высокотоварное хозяйство сохраняло устойчивые позиции, масштабы кризиса ещё не привели к необратимым последствиям. В обстановке военного времени особое значение приобрело крупное помещичье хозяйство. Хотя его доля в края была невелика, помещики, в отличие от мелкого и среднего предпринимателя, не могли уйти с рынка, спрятаться в «скорлупу» полунатурального существования. Помещики производили значительные объёмы зерна, которое невозможно было долго хранить на месте, дворянам и купцам приходилось реализовать свою продукцию по государственным ценам, что обеспечивало стабильное поступление на рынок пусть и небольших масс товарного хлеба.

Первая мировая война вызвала перестройку всей **промышленности**. Заводы Уфимской и Оренбургской губерний переключались на выпуск военной продукции. Однако милитаризация экономики создала большие проблемы. Спад производства в гражданских отраслях, почти полное закрытие западных границ и импорта вызвало острый товарный дефицит. Народное хозяйство России оказалось неподготовленным к таким испытаниям.

Ведущая отрасль края – горнозаводская промышленность в 1914–1916 гг. находилась в достаточно стабильном положении. Доменные заводы дали в 1914 г.

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 212.

² Подсчитано по: Там же. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 173. Л. 2–6, 38; Д. 175. Л. 94, 132, 144, 158, 174, 204–207, 209, 212, 218–219, 230, 233.

³ Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 519.

⁴ Подсчитано по: Там же. Д. 504–505.

12,6 тыс. млн чугуна, в 1915–1916 гг. – по 12,9 млн пуд.¹ Ещё в 1916 г. они выплавляли чугуна на 10,5% больше, чем в мирном 1913 г. Доля заводов края в общеуральском производстве чугуна поднялись с 20,8 до 27,9%. Однако темпы прироста выплавки неуклонно падали: в 1914 г. чугуна было получено на 7,6% больше, чем в предыдущем году, в 1915 г. – 2,6%, в 1916 г. – только 0,3%. При этом, в годы войны было возобновлено производство на ранее остановленных предприятиях – в 1914 г. на Катав-Ивановском, а в конце 1916 г. на Авзяно-Петровском заводах.

Ведущими производителями военной продукции оставались казённые заводы Златоустовского горного округа. Здесь в 1914 г. было получено 5,1 млн пуд. чугуна, в дальнейшем выплавка держалась на уровне 4,5–5 млн пуд. Помимо металла в округе выпускались артиллерийские снаряды разных калибров, холодное оружие, шанцевый инструмент и пр. Благодаря поддержке военного ведомства, под руководством которого они перешли в августе 1915 г., Златоустовские заводы в годы войны щедро финансировались, были оборудованы новые корпуса, установлено большое количество станков, усилено силовое хозяйство. Казённые предприятия находились в лучшем положении в отношении заказов, обеспечении сырьём, топливом, транспортом, рабочей силой. В 1913 г. здесь было занято 12,2 тыс. чел., в 1915 г. – 17 тыс., в 1916 г. – 20,6 тыс., в начале 1917 г. – уже 23,8 тыс. чел.² За годы войны число рабочих увеличилось почти вдвое.

Казённые заводы края дали фронту в 1914 г. 690,1 тыс., в 1915 г. – 1063,1 тыс., в 1916 – 1149,9 тыс. штук снарядов³. Если в 1913 г. они выпускали продукции по условно рыночным ценам на 7,3 млн руб., то в 1915 г. – уже на 15,5 млн руб. Особенно быстрыми темпами развивался Златоустовский завод, стоимость валовой продукции которого в 1915 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась в три с лишним раза, а количество рабочих – в полтора раза⁴. Но основное количество металла давали частные заводы Уфимской, увеличившие выплавку чугуна в 1915 г. по сравнению с 1913 г. на 34,4%, и Оренбургской губерний (прирост на 17,8%). Однако уже в 1916 г. началось сокращение производства чугуна на 6% в Уфимской и на 4,6% в Оренбургской губерниях. Особенно резкое падение производства наблюдалось на Симских (с 3269 тыс. пуд. в 1913 г. до 2049 тыс. в 1916 г.), Инзерских (с 1486 до 9945 тыс. пуд.) и ряде других заводов. В 1916 г. показатели производства чугуна были выше довоенного уровня на заводах Белорецкого акционерного общества (на 75%), Зигазинском заводе Асеева (на 14%), Никольском Злоказовых (на 71%), на Катав-Ивановском заводе с 1914 по 1916 гг. выплавка чугуна увеличилась на 73% (но за 1915–1916 гг. она упала на 9,8%)⁵.

¹ Подсчитано по: Статистика выплавки чугуна ... за декабрь 1914 г. Пг., 1915. С. 3–4; То же за декабрь 1916 г. Пг., 1917. С. 3–4; Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 40–43; То же за 1914 год. С. 48–51; То же за 1915 год. С. 35–37.

² Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 41–43; То же за 1915 год. С. 34–36; Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Свердловск, 1927. Т. I. С. 112–113.

³ Подсчитано по: *Залесский С.А.* Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы первой мировой войны // Исторические записки. Т. 65. 1959. С. 118.

⁴ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 41–43; То же за 1915 год. С. 34–36.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I, ч. 2. С. 401–402; *Васильев С.М., Чемерис В.П.* На путях к Октябрю. Уфа, 1960. С. 20.

Переход на выпуск военной продукции потребовал увеличения производства проката, железа и стали. Так, выпуск маргеновского металла на Белорецких заводах вырос в 1915 г. по сравнению с 1913 г. на 40% (с 2571 тыс. до 3605 тыс. пуд.)¹. А частные металлургические предприятия Уфимской губернии произвели стальных и железных полуфабрикатов больше, чем в 1913 г., на 61 % (5025 тыс. пуд. в 1915 г. против 3119 тыс. пуд.)². Производство проката на передельных заводах Уфимской и Оренбургской губерний возросло за 1914–1916 гг. почти в два раза, с 3654 тыс. до 7172 тыс. пуд. Прирост обеспечивался главным образом за счёт Симских и Белорецких заводов. Последние увеличили выпуск проката с 3404 тыс. в 1914 г. до 6498 тыс. пуд. в 1916 г.³

Переход на военную продукцию приводил к сокращению производства изделий мирного характера. Если в 1914 г. предприятия края выпускали 1693 тыс. пуд. кровельного железа, то в 1916 г. – только 986 тыс. пуд. Выделка же сортового железа, необходимого для изготовления снарядных заготовок, выросла с 1693 тыс. пуд. в 1914 г. до 2520 тыс. пуд. в 1916 г. Производство проволоки на Белорецком заводе увеличилось с 500,7 тыс. пуд. в 1913 г. до 1313,3 тыс. пуд. в 1916 г.⁴

Военные заказы обеспечивали гарантированные прибыли. В 1915–1916 гг. заводладельцы сумели получить ряд выгодных подрядов. Так, Симское общество обязалось поставить 2 млн пуд. снарядной стали для Златоустовского, Невьянского и других казённых заводов, 700 тыс. пуд. пушечной болванки для Путиловского завода, 200 тыс. пуд. взрывательной стали для других петроградских заводов, а также выпустить по заказу Главного инженерного управления 1580 штук интендантских повозок и 20 тыс. кругов подковы. Главное военно-техническое управление 2 февраля 1916 г. заказало на Белорецких заводах 195 тыс. пуд. колючей проволоки, 17 июня – более 1,6 млн пуд. катаной проволоки и т. д. Заводладельцы Злоказовы получили заказ Главного артиллерийского управления на изготовление гранат, бомб и мин⁵.

Расширение военного производства в горнозаводской промышленности края сопровождалось переоборудованием предприятий. В 1915 г. на Белорецком заводе был пущен вновь построенный проволочно-гвоздильный цех с годовой производительностью в 2200 тыс. пуд.⁶ Мощность центральной электрической станции была увеличена и к 1918 г. составляла 4624 л. с. (3400 кВт), а по общей энерговооружённости (10 904 л. с.) Белорецкий завод входил в число ведущих заводов Урала⁷. На металлургических предприятиях возникали и расширялись механические цеха, заводы края переходили от реализации сырого продукта к производству готовых изделий.

Первая мировая война оказала неоднозначное воздействие на положение местного капитала. На фоне деградации более слабых предприятий (Никольского, Зигагин-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 282. Л. 7–8; Д. 448. Л. 41.

² Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 43; То же за 1915 год. С. 37.

³ Статистика выплавки чугуна ... за декабрь 1914 г. С. 13–14; То же за декабрь 1916 г. С. 13–14; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 48–51.

⁴ Статистика выплавки чугуна ... за декабрь 1913 г. С. 10; ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 448. Л. 26.

⁵ Залесский С.А. Указ. соч. С. 113.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 448. Л. 45.

⁷ См.: Гаврилов Д.В. Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // Отечественная история. 2007. № 1. С. 154.

ского, Инзерского, Лапыштинского заводов), не выдержавших трудностей военного времени, усилили свои позиции крупные компании (Симское общество и др.). Всё более отчётливой становилась тенденция к комбинированию производства: соединению на частных заводах металлообрабатывающей, металлургической и каменноугольной промышленности. Продолжалась постепенная монополизация горнозаводской промышленности, подчинение её финансовому капиталу. Наиболее важные изменения затронули общество Белорецких заводов.

Их владельцы, компания московских немцев «Вогау и К^о», с началом Первой мировой войны оказалась в сложном положении. В мае 1915 г. во время немецкого погрома в Москве была разграблена и сожжена главная контора фирмы, ущерб измерялся громадной суммой в 2 млн руб. Летом 1915 г. в компанию Вогау был назначен правительственный инспектор, контролировавший все коммерческие операции. В результате фирма летом 1916 г. продала Белорецкий металлургический комбинат акционерным обществам Коломенского и Сормовского машиностроительных заводов, финансировавшихся двумя петроградскими банками – Международным и Учётно-ссудным. Последние приобрели 2/3 акций Белорецкого общества, чтобы создать собственную металлургическую базу. Новые владельцы, увеличив основной капитал на 5,25 млн руб., стали собственниками также Тугайкульских каменноугольных копей. Затем начались переговоры о покупке Катав-Ивановского округа, завершившиеся его приобретением в конце 1917 г.¹ В крае создавалась мощная монополистическая группировка, объединившая ряд ведущих предприятий и связанная с крупнейшими банками страны.

Оживление в горнозаводской промышленности, вызванное военными заказами, к 1916 г. сменилось начавшимся спадом. Истощение запасов сырья и топлива, изнашивание оборудования без замены приводило к сокращению прироста выплавки чугуна, производства железа и стали, недогрузке производственных мощностей. Так, в 1914–1916 гг. на Белорецком заводе средний процент неиспользованной мощности составлял по доменным и мартеновским печам 38%, новопроволочному стану – 45, прокатному стану – 34%. Выделка мартеновского металла в Белорецке сократилась с 3606,9 тыс. пуд. в 1915 г. до 3436,4 тыс. пуд. в 1916 г., или почти на 5%. Производство листового железа на Тирлянском заводе в 1916 г. снизилось на 27,3% (с 1498,7 до 1089,7 тыс. пуд.)². Наметившийся с осени 1916 г. спад производства усилился в первые месяцы 1917 г., охватив практически все предприятия горнозаводской промышленности Башкортостана, некоторые уже не справлялись с взятыми казёнными заказами. Так, в декабре 1916 г. на заводах Белорецкого общества месячная выработка была выполнена по выпуску сортового железа на 33,5%, листового – на 23,4%, катаной проволоки – на 63,2%. В мае 1916 г. на Белорецком заводе вообще не работали мартеновская печь и крупносортовый стан, в июне – доменная и мартеновская печи, часть оборудования загрузалась не полностью³.

¹ Залесский С.А. Чёрная металлургия Урала в годы первой мировой войны // Исторические записки. Т. 55. С. 168–169; ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 2. Д. 145, 163, 172; Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002. С. 197; см. также: Отечественная история. 1993. № 5. С. 156.

² ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 448. Л. 26, 37, 41.

³ Там же. Д. 373. Л. 194; Д. 388. Л. 67.

Большое значение имел нараставший кризис топливно-сырьевой базы металлургической промышленности и проблемы на транспорте. На частных предприятиях Уфимской губернии добыча железной руды в 1913–1915 гг. выросла на 14% (с 8571 тыс. до 9762 тыс. пуд.)¹. В 1915 г. на 14 действовавших рудниках Оренбургской губернии было добыто 6,92 млн пуд. железной руды. Но затем добыча стала резко падать, в 1916 г. она сократилась на 21,5%. Обеспечение предприятий сырьём затруднялось нехваткой гужевого транспорта. Если в 1914–1915 гг. Белорецкое общество с помощью найма лошадей у местных жителей вывезло 1726 тыс. пуд. руды с Магнитной горы (за 80 вёрст), то в следующем году – только 775 тыс. пуд.² В годы Первой мировой войны усилился спрос на каменный уголь, добывавшийся в Оренбургской губернии на копиях общества Белорецких железоделательных заводов, братьев Злоказовых и др. Местный уголь использовался для отопления и паровозов, для коксования был непригоден. Южноуральские заводы, применявшие минеральное топливо, ввозили донецкий и сибирский уголь, подвоз которого с осени 1916 г. сократился в 3–4 раза. В результате Тирлянский завод, работавший исключительно на каменном угле, находился со второй половины 1916 г. «в действии по две недели в месяц, и то при неполной нагрузке»³. Со второй половины 1916 г. простои доменных и мартеновских печей, прокатных станций, электростанций стали повсеместным явлением.

Стратегическая Самаро-Златоустовская магистраль, загруженная военными составами, не справлялась с обслуживанием местной промышленности. В начале 1917 г. администрация Катав-Ивановского завода сообщала, что для перевозки руды нужно ежедневно до 8 вагонов⁴. Не меньшие проблемы вызывала потребность в гужевом транспорте, на котором подвозились уголь, дрова, руда, готовая продукция к станциям и пр. Свой конный обоз у заводов был невелик, а ослабленная войной деревня не могла выставить нужное количество лошадей. С ноября 1916 г. частично была введена гужевая повинность для населения горнозаводских районов, проходившая на невыгодных и тяжёлых для жителей условиях. В Орском уезде человеку с лошадью назначали плату в 1 руб. 25 коп. в день, тогда как только прокорм лошади стоил 2 руб. В результате наблюдался падёж рабочего скота, возчики голодали и часто просто разбегались. Так, для Златоустовского округа было назначено 5950 подвод (вместо требуемых 12 тыс.), прибыло на работы – 5295, состояло в действительности на работах – 2632, а к февралю 1917 г. их осталось только 1754⁵. В зиму 1916–1917 гг. потребности горных заводов по вывозу дров и древесного угля удовлетворялись на 30–40%.

На юго-востоке Башкортостана продолжала развиваться цветная металлургия. С 1914 по 1915 гг. добыча медной руды увеличилась с 0,84 до 1,68 млн пуд., а производительность медеплавильного завода возросла с 15,7 до 37,5 тыс. пуд. Таналыкская медь поступала на электролиз на Кыштымский завод, который поставлял очищенный металл синдикату «Медь». Однако с 1916 г. стали сказываться затруднения из-за нехватки рабочей силы, затруднений в получении оборудования, особенно взрывчатых

¹ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 43; То же за 1915 год. С. 37.

² ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 2. Д. 91. Л. 33, 94.

³ Там же. Оп. 1. Д. 448. Л. 31; *Васильев С.М., Чемерис В.П.* Указ. соч. С. 21.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 980. Л. 3.

⁵ Древесное топливо на Урале. Пг., 1917. С. 41, 44.

веществ. Добыча руды в 1916 г. сократилась до 1,6 млн пуд., а производство составляло 42,7 тыс. пуд. меди, также было очищено 14 пуд. золота. Спад продолжался и в 1917 г., когда было добыто 1,1 млн пуд. руды, выплавлено 38,1 тыс. пуд. меди¹. Прибыли Южно-Уральского горнопромышленного акционерного общества (ЮУ-ГАО) выросли со 198 тыс. в 1915 г. до 696 тыс. руб. в 1916 г., в 3,5 раза².

Первая мировая война вызвала общий спад в развитии золотодобычи на Южном Урале. Уже в первый год войны добыча золота в крае сократилась на 74 пуда и составила 234 пуда³. Уменьшалось число разрабатываемых приисков, их производительность и добыча. В 1916 г. лишь в Оренбургском горном округе добыча золота увеличилась на 1,8% за счёт деятельности ЮУГАО и двух приисков З.М. Рамеева⁴. Отрицательно сказывались призывы старателей на военную службу, затруднения в подвозе топлива, получении взрывчатых веществ и оборудования. В то же время в золотодобывающую промышленность Башкортостана пришли передовые технологии, благодаря капиталовложениям и деятельности Южно-Уральского общества.

В 1914 г. закончена постройка Таналыко-Баймакского медеплавильного завода (стоимость всего оборудования составляла около 1,5 млн руб.). По оценке специалистов «уже на первом этапе» медь являлась лишь побочной продукцией завода. При выплавке в 1916 г. 700 тонн черновой меди было извлечено 577 кг золота и 3976 кг серебра. Для соединения завода с рудниками в 1914–1915 гг. была построена узкоколейная железная дорога на конной тяге. К июлю 1915 г. на Семёновском руднике начал работу циановый завод (стоимостью 350 тыс. руб.). Первые два года его деятельность носила скорее опытный характер, тем не менее было получено свыше 16 пуд. золота и 11 пуд. серебра. Из добывавшихся открытым способом окисленных руд Тубинского рудника – «жемчужины» всего района промыслов – извлекалось золото на Тубинской бегунной фабрике (первоначальная стоимость около 170 тыс. руб.). С 1916 по 1919 гг. здесь было получено 576 кг чистого золота. После больших вложений первых лет, деятельность ЮУГАО стала приносить прибыль даже в условиях кризиса военного времени. Были дополнительно выпущены акции. На 1 января 1917 г. кредитором фирмы выступало Общество Кыштымских заводов, с которым в июне 1916 г. ЮУГАО заключило договор на поставку черновой меди с Таналыкского завода. Компания имела счета в Русском торгово-промышленном и Сибирском торговом банках⁵.

Война вызвала серьёзные изменения в обрабатывающей промышленности. Разрушение, натурализация внутреннего рынка, разрыв хозяйственных связей с другими регионами страны, перебои в работе железнодорожного транспорта, мобилизации,

¹ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. С. 244; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 405; ЦГИА РБ. Ф. И-361. Оп. 2. Д. 30. Л. 4 и об.; Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924 гг. Л., 1928. С. 54–55.

² Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 201.

³ Труды XII местного съезда золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний. Екатеринбург, 1915. С. 175–178.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 74. Д. 866. Л. 18.

⁵ Макарова В.Н. Золотодобывающая промышленность Башкортостана в период двух модернизаций (80-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.). Уфа, 2006. С. 108–112; цианид – вещество с помощью которого золото отделяется от породы.

топливно-сырьевой кризис вызвали упадок многих отраслей промышленности. На смену квалифицированным работникам приходили женщины и подростки, что приводило к падению производительности труда. По сравнению с предвоенным временем количество промышленных предприятий сократилось в Уфимской губернии к концу 1915 г. на 19% (с 2675 до 2164), в том числе фабрик с паровым двигателем стало меньше за 1913 по 1915 гг. на 18,3% (с 251 до 205)¹. А численность наиболее крупных заведений, подчинённых надзору фабричной инспекции (не менее 15 рабочих и механический двигатель, при отсутствии последнего не менее 30 занятых), в Уфимской губернии уменьшилась со 110 до 99, в Оренбургской – со 102 до 95. Но за счёт предприятий, выполнявших военные заказы, количество рабочих в обрабатывающей промышленности возрастало. В 1915 г. в Уфимской губернии во всех обрабатывающих отраслях было занято 23 174 чел., против 17 133 чел. в 1913 г. (на 35% больше), хотя из-за закрытия в 1914 г. винокуренных заводов численность рабочих, подчинённых надзору фабричной инспекции, уменьшилась с 6622 в 1913 г. до 6085 в 1915 г. (на 8%). По мере обострения экономического кризиса число закрывавшихся предприятий увеличивалось. В 1916 г. в Уфимской губернии под надзором инспекции осталось 91 заведение с 6162 рабочими, в Оренбургской – 95 с 7310 чел.²

В различных отраслях ситуация была неодинаковой. Если за 1913–1915 гг. в Уфимской губернии на предприятиях по механической обработке дерева количество рабочих выросло более чем в 4 раза (с 1651 до 7720 чел.), то в других отраслях сокращалось и число заведений и количество занятых. По сравнению с предвоенным временем предприятий по обработке животных продуктов стало меньше на 23,4%, а рабочих – на 19%, численность мельниц уменьшилась на 32% (занятых – на 29%)³. Падала производительность обрабатывающей промышленности. Если в 1913 г. фабрично-заводские предприятия выпускали валовой продукции на 23 981 тыс. руб., то в 1914 г. – на 16 140 тыс., в 1915 г. – на 14 591 тыс. руб. За полтора года войны в стоимостном выражении (без учёта инфляции) производительность уменьшилась почти на 40%, а маслодельных заводов – на 30–50%. Рост производства наблюдался в кожевенных заведениях и металлообработке. В Оренбургской губернии до 1916 г. успешно развивались также мукомольная и лесопильная отрасли⁴.

Наиболее устойчивым было положение предприятий, выполнявших военные заказы. Так, в 1915 г. в Уфимской губернии из 99 промышленных заведений, состоявших под надзором фабричной инспекции, 14 с количеством рабочих 3400 обслуживали «нужды государственной обороны». С начала 1916 г. мобилизация промышленности усилилась, многие предприятия получали заказы военного министерства и различных управлений. В 1916 г. в Уфимской губернии на нужды армии работало 103 предприятия, в том числе 7 мастерских раздавали заказы по домам. На 61 крупных заведениях трудилось 4085 чел. (на снаряжном заводе Военно-промышленного комитета – 218, на механическом заводе Гутмана в Уфе – 150 и т. д.). Всего в 1916 г.

¹ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Прил. 25; То же за 1915 год. Прил. 22.

² Народное хозяйство в 1916 году. Пг., 1922. Вып. VII. С. 130–132.

³ Там же; Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Прил. 25; То же за 1915 год. Прил. 22; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 407–408.

⁴ Статистический сборник за 1913–1917 гг. Т. VII, вып. I. М., 1921. С. 12–13, 24–25, 26–27; О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. С. 156.

в Уфимской и Оренбургской губерниях на нужды обороны работало 150 предприятий и мастерских, в которых было занято более 50 тыс. чел.¹, выпускалась самая разнообразная продукция. Например, на Нижне-Троицкой суконной фабрике в Белебеевском уезде для военного ведомства и обмундировочных мастерских поставлялись казённые сорта сукна – серошинельное, мундирное, шароварное и башлычное².

С объявлением войны в армию была мобилизована большая масса рабочих. Только по 15 сентября 1915 г. с Белорецких, Катав-Ивановских и Симских заводов отпущены на фронт 6600 чел., а для призыва по месту жительства ушли ещё 2498 рабочих³. Особенно сильно сократилось число занятых на вспомогательных операциях (горняков, углекопов, дроворубов, углежогов, возчиков и пр.). «Война выхватила большой процент взрослых рабочих, и в рабочих ощущается недостаток на фабриках и заводах» – свидетельствовали современники⁴. На место квалифицированных специалистов приходили женщины и подростки, выходцы из средних слоёв, укрывавшиеся от фронта, не имевшие необходимого производственного опыта. Хозяева предприятий жаловались на нехватку рабочей силы, добивались отсрочки от призыва. Правительство в 1915 г. отменило закон о воспрещении использования женщин и подростков в ночных и подземных работах, разрешило удлинить их трудовой день, а затем разрешило отпуск военнопленных для работ на частных предприятиях, вербовку иностранцев (китайцев, персов и пр.).

В более благоприятном положении находились заводы Златоустовского казённого округа, рабочие которых получали отсрочку с самого начала войны. Численность занятых здесь возросла вдвое, достигнув 23,8 тыс. чел. На 1 января 1917 г. на предприятиях округа насчитывалось 2625 подростков (11% всех рабочих), 2062 женщин (8,7%) и 2563 военнопленных (10,8%). На Бакальском руднике эти, низкооплачиваемые, категории составляли 65% всех занятых. На Белорецком заводе к осени 1916 г. подростков, женщин, иностранцев (китайцы, корейцы), военнопленных было 32% от общей численности рабочих, а на Тугайкульских каменноугольных копях почти половина. На Инзерском и Лапыштинском заводах трудилось 312 военнопленных, на предприятиях ЮУГАО в январе 1917 г. их было более 24% от всех занятых⁵.

Однако набор женщин, подростков, иностранцев и пленных не мог компенсировать нехватку квалифицированных специалистов. Белорецкому заводу в феврале 1916 г. требовалось 212 рабочих, в сентябре – 520, в том числе 230 токарей, слесарей, кузнецов, котельщиков и пр. На Катав-Ивановском заводе в конце 1915 г. вместо необходимых 6600 куренных рабочих имелось лишь 3340, острая нехватка в рабочей силе была на рудниках Белорецкого, Инзерского, Симского обществ⁶.

¹ Обзор Уфимской губернии за 1915 год. С. 32; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 408; *Васильев С.М., Чемерис В.П.* Указ. соч. С. 19.

² Краткий очерк двадцатипятилетней деятельности Алафузовских торгово-промышленных предприятий. 1891–1916. Пг., 1916. С. 76.

³ ГАСвердловской области. Ф. 73. Оп. 1. Д. 44. Л. 80–81.

⁴ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. С. 43.

⁵ Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. I. С. 112–113; ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 361. Л. 33; Д. 388. Л. 45 и об.; Ф. И-99. Оп. 1. Д. 70. Л. 1; Ф. И-361. Оп. 1. Д. 31; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 409.

⁶ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-163. Оп. 1. Д. 334. Л. 1–39; ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 980.

В годы Первой мировой войны увеличилась численность башкир, занятых в индустриальном производстве, ранее в основном трудившихся на ввозовских работах (на рудниках, приисках, копях, лесных разработках, гужевых перевозках и пр.). Так, в январе 1917 г. из 308 чел. в мартеповском цехе Таналькского медеплавильного завода башкир насчитывалось 24%. Они также составляли от 23 до 46% рабочих рудников, 26% служивших в железнодорожном отделе ЮУГАО и т. д.¹ Значительное число башкир и татар работало в доменных, механических цехах Инзерского, Лапыштинского и др. заводов.

В условиях войны увеличилась продолжительность рабочего времени, широкое распространение получили сверхурочные работы, привлечение низкооплачиваемого труда женщин и подростков, которые получали в 2–3 раза меньше мужчин. Китайцы в январе 1916 г. на Белорецком заводе зарабатывали ещё меньше, по 20–40 коп. в день. В то же время месячная зарплата квалифицированных рабочих возрастала. За первые два года войны на Симских заводах она увеличилась на 38% (с 31 до 43 руб.), Катав-Ивановском на 19% (с 42 до 50 руб.), Златоустовском – на 32% (с 37 до 49 руб.). На предприятиях, подчинённых фабричной инспекции, средний годовой заработок рабочего за 1913–1915 гг. увеличился на 29% (с 217 до 280 руб.) в Оренбургской губернии и на 3,5% в Уфимской (с 274 до 284 руб.).² Особенно быстрый рост номинальной заработной платы происходил со второй половины 1916 г. Так, в первой четверти 1917 г. по сравнению с тем же периодом 1914 г. заработок рабочего в доменном производстве Белорецкого завода увеличился от 48 до 94%, в мартеповском цехе – на 51–92%, в соответствующих цехах Аша-Балашовского – на 72–206%, Симского – на 171–245%³ и т. д.

Однако в условиях галопирующей инфляции и товарного голода даже такой быстрый рост зарплаты не успевал за ценами на потребительские и продовольственные товары. Кроме того бумажные деньги уже не гарантировали доходы населения, в обстановке дефицита главным становился доступ к реальным товарам. Жители разбросанных среди уральских гор заводских посёлков сталкивались с нехваткой основных продуктов питания, дров, мыла, спичек, керосина и произволом торговцев. В январе 1916 г. отмечалось, что «рабочие Катав-Ивановского завода переживают острый кризис за несвоевременным поступлением из Челябинска муки и овса. Неполучение в ближайшем времени грозит нежелательными последствиями со стороны рабочего населения завода»⁴. Управляющий Инзерскими заводами в ноябре 1915 г. сообщал оренбургскому губернатору: «жители обратились ко мне с жалобой на местных лавочников-торговцев, прося сделать распоряжение о запрещении им скупки до базара хлеба и овса, привозимых на продажу обывателями Белорецкого завода, Ломовки, Верхнеуральска и др. местностей. Торговцы продукты покупают накануне с постоянных дворов..., в виду чего жителям не удаётся ничего купить на базаре с первых рук, а приходится ... перекупать у лавочников, конечно, по удороженной цене»⁵.

¹ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-361. Оп. 1. Д. 31.

² Статистический сборник за 1913–1917 годы. Т. VII, вып. I. С. 119–123; ЦГИА РБ. Ф. И-163. Оп. 1. Д. 204. Л. 7–8; Д. 270. Л. 9; Д. 346; Ф. И-361. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 666. Л. 1–9; Васильев С.М., Чемерис В.П. Указ. соч. С. 23.

⁴ РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 907. Л. 196; Васильев С.М., Чемерис В.П. Указ. соч. С. 23.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-99. Оп. 1. Д. 21. Л. 39.

Плохими оставались жилищные условия в рабочих посёлках, медицинское и пенсионное обслуживание. Первая мировая резко ухудшила материальное положение рабочего класса и средних городских слоёв Башкортостана, не имевших собственного домашнего хозяйства, в наибольшей степени зависевших от уровня цен, ситуации на продовольственном рынке. Крестьянство оказалось лишённым поставок основных промышленных товаров, в обстановке дефицита и непрерывной инфляции нарастала натурализация экономической жизни, деньги вытеснялись прямым товарообменом. Зажиточные слои деревни, обладатели основных запасов зерна, были лишены всяких стимулов к реализации урожая, поставкам хлеба для государства.

§ 2. Влияние войны на общественно-политическую обстановку в крае

19 июля 1914 г. Германия объявила войну России. В борьбе за передел мира страны «центральной оси» (Германская, Австро-Венгерская и Турецкая империи) развязали Первую мировую войну. Россия выступила на стороне Англии и Франции.

На следующий день, в воскресенье 20 июля 1914 г. в Уфе на Соборной площади собралась многочисленная толпа «на горячее молитвословие о даровании побед войскам». Присутствовали епископ Уфимский и Мензелинский Андрей, губернатор П.П. Башилов, накануне срочно вернувшийся из отпуска. Царю была отправлена верно-подданническая телеграмма¹. В первую пятницу после объявления войны, 25 июля, духовенство «всех мечетей города Уфы при громадном стечении мусульман совершило торжественное молитвословие о даровании побед доблестному воинству»².

Мирная жизнь кончилась. Газеты заполнили указы военного времени, начался призыв на действительную службу нижних чинов. Уфимская губерния объявлялась в состоянии чрезвычайной охраны, воспрещалась всякая антиправительственная деятельность, митинги и пр. Особенно усиливался контроль в Уфе и Златоусте. Впоследствии губернатор своими указами продлевал состояние чрезвычайной охраны каждые полгода. В августе 1914 г. в России был введён «сухой закон»³.

В начале войны «настроение всех классов населения было патриотическое» – отмечали местные власти⁴. Война воспринималась массами как оборонительная, справедливая, направленная на спасение незащищенной Сербии, а в газетах именовалась как «вторая Отечественная». Господствовала уверенность в силе русской армии, все надеялись на быстрое окончание военных действий. Различные государственные и общественные организации Уфимской губернии посылали Николаю II телеграммы с выражением верно-подданнических чувств по случаю начала войны. Приветствия поступили от уфимской городской думы, Булекей-Кудейского, Мелеузовского, Аскинского, Нагаевского волостных сходов, Стерлитамакской городской управы, гласных бирского уездного земства, общины старообрядцев поморского согласия, мусульман Караякуповской волости⁵ и других.

¹ Уфимские губернские ведомости. 1914. 23 июля.

² Там же. 30 июля.

³ Там же. 2, 6 августа, 10 сентября.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 554. Л. 8.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1914. 30 июля, 6 августа, 6, 13 сентября.

Подъём патриотических чувств вызвал некоторое проявлений в массах антинемецких настроений. Среди крестьян ходили слухи, что у немцев (помещиков и колонистов) отберут землю. Наблюдалась враждебность рабочих к немцам-мастерам. В уфимских железнодорожных мастерских слегка побили мастера Вайнгольда¹. Со стороны местной власти также усилился надзор за проживавшими в крае немцами. Например, житель Уфы К.Ф. Фек в 1915 г. за германофильство был выслан в Иркутскую губернию, а А.Л. Кейля оштрафовали на десять рублей².

Общественность Башкортостана с первых дней войны начала оказывать различную помощь армии. При уфимской общине сестёр милосердия сформировался лазарет Красного Креста. 10 августа 1914 г. на чрезвычайном губернском земском собрании был образован уфимский губернский комитет Всероссийского союза помощи раненым воинам, взявший на себя приём раненых, устройство госпиталей и пр., уфимское торгово-промышленное общество пожертвовало 5 тыс. руб. на военные нужды, в Белебее также ассигновали правительству 5 тыс. руб. и постановили оборудовать госпиталь на 100 кроватей. При уфимской железнодорожной больнице открыли отделение для 20 раненых воинов. Пожертвовали денежные суммы армии Поисевский волостной сход Мензелинского уезда и немцы-меннониты первого стана Уфимского уезда³. Жители д. Уразаево Старо-Балтачевской волости Бирского уезда 23 июля 1914 г. оказали помощь мобилизованным односельчанам за счёт денег, получаемых от сдачи в аренду мельницы⁴.

Война принесла в каждый дом, каждую семью слёзы и горе. С ноября 1914 г. в местных газетах начали публиковать именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам Уфимской губернии. В списке № 2 от 12 ноября извещалось, что 4 августа был ранен рядовой Г. Сиразитдинов из Карагушевской волости Стерлитамакского уезда, 15-го – Сайфедин Мусин из Макаровской волости, а Галитулла Насыбуллин из Гайныямакской волости Белебеевского уезда убит 7 августа⁵. Война принимала затяжной характер.

Мирная жизнь **крестьянства** была внезапно прервана разразившейся войной. Мобилизация началась в разгар полевых работ. На призывных пунктах собирались многотысячные толпы крестьянской молодёжи. Подспудно накапливавшееся недовольство и отчаяние прорвалось в стихийных бунтах мобилизованных. Утром 21 июля 1914 г. собранные в Белебее запасные стали громить лавки торговцев на базарной площади. Отряд конно-полицейской стражи с нагайками и шашками бросился разгонять толпу. Призывники отступили в окружавшие площадь узкие переулки и начали бросать камни, в ответ стража открыла огонь. Семь стражников и два призывника получили лёгкие ранения⁶. Волнения мобилизованных происходили также в ряде других мест Уфимской и Оренбургской губерний. В Бирске 21 июля толпа запасных разгромила цейхгауз и разобрала хранившийся там хлеб, бросала кирпичами в стражников. Призывники добились улучшения своего питания⁷.

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 14 об.

² Там же. Д. 568. Л. 535 и об.

³ Уфимские губернские ведомости. 1914. 23 июля, 14, 16 августа, 20, 27 сентября, 1 ноября.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 507. Л. 551.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1914. 12 ноября.

⁶ НА РГ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 632. Л. 36.

⁷ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 396.

Наиболее крупное выступление мобилизованных произошло в Стерлитамаке. Уже 19 июля в город в большом количестве стали прибывать запасные нижние чины, а 21 июля на сборном пункте скопилось более 10 тыс. чел., с ними много родных и знакомых. Местные власти оказались не готовы к приёму такой массы мобилизованных. Обстановка накалялась, была запрошена помощь из Уфы, но удержать ситуацию под контролем не удалось. Призванные были недовольны качеством и недостатком пищи. Прибывали в первую очередь крестьяне из окружавших Стерлитамак деревень, которые требовали вместо питания выдать им кормовые деньги на руки, надеясь помочь своим семьям. Возмущение усилилось после того, как 21-го числа во время переключки уездный воинский начальник ударил двух рядовых, отказавшихся встать в строй. Разгорячённая толпа мобилизованных вышла из повиновения. Раздавались возгласы, что их гонят на войну, а семьи остаются без хлеба. Разгромив кухни на сборном пункте, толпа двинулась на базар и начала громить лавки торговцев хлебом, которые за эти дни почти вдвое взвинтили цены на белый хлеб (с 4 до 7 коп. за фунт). От нападения и разгрома также пострадали казённый винный склад, где с обеих сторон была открыта стрельба, мануфактурный магазин Г.Г. Усманова, ряд других лавок и трактиров. Нападению подверглось несколько городских. Активное участие в погроме приняли многие горожане¹.

На следующий день, 22 июля, была предпринята попытка напасть на казначейство, однако часовой выстрелом отогнал толпу². В течение двух дней отряды стражников, полиция, вооружённые дружины обывателей Стерлитамака наводили порядок в городе, проводили обыски и аресты³. С помощью прибывшей к 11 часам ночи из Уфы команды Очаковского полка, власти окончательно восстановили контроль над положением. События в Стерлитамаке вызвали такое беспокойство администрации, что, в дополнение к уже имевшимся воинским частям, из Оренбургской губернии был вызван отряд казаков в 150 чел.⁴

Всего к следствию по делу о стерлитамакском погроме было привлечено 94 чел., значительная часть за грабежи. Отдельно судили четверых запасных (Н.М. Пономарёва, М.А. Спиридонова, М. Бикметева и М. Уразбахтина) за организацию беспорядков, оскорбление офицеров, бросание камней, а рядового Бикметева за попытку отнять оружие у часового. Всех приговорили к смертной казни через расстрел, заменённый для Пономарёва (лишён медали за русско-японскую войну) и Бикметева бессрочной каторгой, для других – 20 годами каторжных работ⁵. Бунты мобилизованных показали глубокие антивоенные настроения в российском крестьянстве, слабость государственного аппарата на местах, не имевшего должного авторитета в массах, не способного без вооружённой силы восстановить контроль над населением.

Рост антинемецких настроений в обществе спровоцировал ряд выступлений в деревне. Например, отвозивший на станцию мобилизованных земляков, крестьянин д. Екатериновки Петровской волости Стерлитамакского уезда И.Т. Гуленин, вернув-

¹ НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 1036. Л. 7–8; Д. 1042. Л. 11; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 544. Л. 6.

² НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 1037. Л. 18–19.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 544. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8; НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 1042. Л. 15.

⁵ НА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 1046. Л. 7–8; 1047. Л. 110 об.; ЦГИА РБ. Ф. И-179. Оп. 1. Д. 14. Л. 49; Ф. И-187. Оп. 1. Д. 507. Л. 561.

шись 21 октября 1914 г., стал агитировать соседей самовольно рубить лес помещика Бореля, так как тот немец. Вечером 22 октября до 35 чел. открыто, в присутствии лесной стражи стали рубить лес. Стража открыла огонь, пять сельчан получили ранения¹. Напряжённые взаимоотношения сохранялись и в дальнейшем. Летом 1916 г. жители с. Петровского самовольно пасли скот в лугах помещика Борель. Когда 29 июня управляющий решил отогнать крестьянский скот, толпа с палками напала на усадьбу, побив двоих служащих. Управляющему пришлось открыть стрельбу. Пятеро крестьян было арестовано².

Но в целом обстановка в деревне края в годы Первой мировой войны была спокойной, серьёзных социальных конфликтов практически не было, продолжавшиеся отдельные порубки казённых и помещичьих лесов, споры горнозаводского населения Златоустовского уезда с администрацией заводов по поводу наделения землёй³ существенного значения не имели. Лишь на западе края, в условиях наступившего там достаточно острого малоземелья, случались трудовые конфликты. Так, в мае 1915 г. в Афанасовской волости Мензелинского уезда в имении Стахеевых после 12-часового трудового дня крестьяне д. Соболеково отказались продолжать работу, потребовали повышения зарплаты, а 6 мая они выбили окна и разломали печь в доме для нанявшихся Стахеевыми рабочих⁴. В другом поместье Стахеевых в Сухаревской волости Мензелинского уезда в ночь на 25 октября 1915 г. крестьянин д. Нератовка С.И. Карягин поджёг омет (стог) соломы, нанеся владельцу ущерб в 2400 руб. После ареста он лишь сожалел, «что не сжёг ещё хутор и другой омет соломы и что не более как через два года богатых помещиков не будет». В ходе следствия выяснилось, что накануне было собрание крестьян, решавших совершить поджог, а урядника и управляющего имением, если придут разыскивать, убить. Этим жители хотели отомстить за порчу помещичьим скотом крестьянского льна⁵.

Решающее влияние на настроение в деревне в 1914–1917 гг. оказывали вести с полей сражения, судьба близких, призванных в армию, социальные внутрикрестьянские конфликты, взаимоотношения с помещиками и государством отошли на второй план.

Большее значение имело положение в городах, позиция **рабочих**, в основном занятых на производстве военной продукции. Заказы для фронта обеспечивали загруженность предприятий, высокую занятость (квалифицированные специалисты освобождались от призыва в армию) и заработка, хотя нарастающая инфляция и кризис народного хозяйства снижали уровень жизни рабочего класса. С началом Первой мировой войны, несмотря на охвативший страну патриотический подъём, на горных заводах края происходили несколько крупных трудовых конфликтов, вызванных экономическими требованиями бастовавших. В авангарде забастовочной борьбы находился пролетариат Миньяра (здесь наибольшим влиянием пользовались большевики), где крупная стачка началась ещё 9 мая 1914 г. и лишь к январю 1915 г. властям

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 507. Л. 561.

² Там же. Д. 572. Л. 238.

³ См.: Там же. Д. 554. Л. 238; Ф. И-86. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об.; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. М.; Л., 1965. С. 485.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 553. Л. 28.

⁵ Там же. Д. 560. Л. 52–53.

удалось окончательно справиться с движением¹. В ночь с 17 на 18 июля 1914 г. забастовали рабочие Гирлянского завода. Стачка продолжалась 12 дней, бастующие добились введения новых расценок².

В 1915 г. наиболее массовые и продолжительные волнения охватили рабочих Белорецка. Сначала забастовку начали 1 марта в новопроволочном цехе 68 рабочих, переведённых из старопроволочного цеха. Их требование увеличить зарплату на 50% было удовлетворено администрацией и 4 марта забастовка прекратилась³. Затем с 17 по 24 мая бастовали 80 чел. крупносортового цеха, настаивавших на установлении трёхсменной работы вместо двухсменной и прибавки к заработной плате. Дирекция согласилась лишь добавить по 10 коп. за каждые 1000 пуд. проката, остальные претензии отклонила⁴. Аналогичный характер носили забастовки, проходившие 9–20 июля в крупносортом и в сентябре – в новопрокатном цехах⁵.

Одновременно недовольство начали высказывать рабочие-сезонники, наберобанные Белорецким заводууправлением среди сельских жителей Уфимской, Оренбургской, Рязанской и других губерний, значительную часть которых составляли башкиры. Трудящиеся протестовали против низкой заработной платы, тяжёлых жилищных условий, недостатка продовольствия и товаров первой необходимости, плохой медицинской помощи и т. д. В течение сезона (май–июль) 1915 г. четыре раза бастовали рабочие, занятые на торфяных разработках. В первой стачке (12–14 мая) участвовало 431 чел. На требование о повышении зарплаты администрация была вынуждена добавить сверх установленной договорной цены по 6 руб. на каждого рабочего в виде единовременной суммы. На вторую забастовку с 22 по 25 мая поднялось всего 16 чел., поэтому им не удалось добиться даже частичного удовлетворения своих претензий. Здесь же в июне состоялась забастовка 28, в июле – 252 рабочих⁶. Крупная забастовка в июне–июле 1915 г. произошла на Усть-Катавском заводе. Она охватила 1084 из 1430 рабочих предприятия. Рабочие сумели добиться значительного повышения оплаты труда⁷.

Резкое ухудшение экономической ситуации в стране в 1916 г., повсеместные трудности со снабжением продовольствием и товарами первой необходимости, на фоне военных неудач обусловили рост стачечного движения. Только в Уфимской губернии состоялось 18 забастовок. Впереди шли рабочие Миньярского завода, бастовавшие 10 раз в течение года, по четыре кратковременные стачки отмечались в Белорецке, Усть-Катаве, две в Аше⁸. Забастовочное движение 1916 г. отличалось наступательным характером. Быстрый рост цен приводил к реальному снижению уровня жизни. Периодическое повышение заработной платы администрацией не успевало компенсировать потери от инфляции. Так, правление Аша-Балашовского завода не-

¹ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 516, 534.

² Васильев С.М., Чемерис В.П. Указ. соч. С. 16.

³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 308, 319–320.

⁴ Там же. Д. 391. Л. 2.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 74. Д. 859. Л. 31, 33, 35; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 428.

⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 384–385 об.; ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 2. Д. 116. Л. 113; РГИА. Ф. 102. Оп. 106, 1915 г. Д. 47, ч. 2. Л. 14–15.

⁷ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 428.

⁸ Васильев С.М., Чемерис В.П. Указ. соч. С. 31–32.

сколько раз производило прибавку к зарплате, летом 1916 г. увеличило её на 62,5%, затем предлагало ещё 10% добавки, но рабочим этого уже было недостаточно¹.

Для жителей заводских посёлков, разбросанных в горах Южного Урала и существовавших почти исключительно за счёт привоза продуктов и иных товаров, экономический кризис, разрыв прежних хозяйственных связей, перебои на железнодорожном транспорте создавали угрозу полуголодного существования даже для наиболее благополучных государственных оборонных предприятий. Например, утром 29 августа 1916 г. рабочие снарядного цеха Златоустовского завода временно остановили производство и пригласили управляющего прибыть к ним. На переговорах они требовали увеличить зарплату, заготовить для них муки и сахара. 30 сентября заводоуправление сообщило о надбавке к зарплате, но в меньшем объёме, чем просили рабочие. В результате первая смена не ушла с завода, а дождавшись второй, в два часа дня опять потребовала увеличить оплату труда «или установить твёрдые цены на жизненные припасы»². Требования о повышении зарплаты, улучшении снабжения мукой, сахаром, дровами поднимались перед руководством рабочими уфимских железнодорожных мастерских в сентябре–октябре 1916 г.³ Только на небольших предприятиях полкустарного типа забастовочного движения в годы войны практически не было.

Обстановка военного времени ещё более осложнила деятельность **революционного социума**. Усилила внимание к малейшим проявлениям оппозиционных настроений жандармерия (содержался штат секретных сотрудников среди революционеров, велись постоянная слежка и цензура над перепиской, возбуждались судебные преследования по всем фактам антигосударственной деятельности). Лица призывного возраста, подозреваемые в причастности к революционным кругам или возвращавшиеся из ссылки, сразу подлежали мобилизации в армию. Антиправительственное движение существовало только в губернских центрах (Уфа, Оренбург) и в горно-заводском промышленном районе среди интеллигенции и рабочих. В уездных городах и на селе революционных группировок практически не было, проживали лишь отдельные лица, связанные с различными партийными течениями. Южный Урал и в годы войны оставался местом административной ссылки. Власти распределяли неблагонадёжных в основном по сельской глубинке. В конце 1916 г. бывших студентов Московского университета выслали под гласный надзор полиции в Лемезинский завод (П.А. Андреев) и Киргиз-Мияки (Б.С. Полудин), а бывшему студенту Харьковского университета Б.В. Емельянову местом ссылки избрали Стерлибашево⁴.

В условиях постоянных преследований со стороны правоохранительных органов революционное подполье в Башкортостане с июля 1914 до февраля 1917 г. мало чем себя проявляло. Не существовало чётких партийных структур, оформленного членства, руководящих органов, поддерживались слабые и постоянно прерываемые связи с центральными и соседними организациями. Революционная деятельность в основном ограничивалась устной агитацией, единичными были случаи издания прокламаций, проведения массовых собраний, террористических актов. Инициатива и конкретная реализация практических действий исходила преимущественно от молодых ради-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 581. Л. 891.

² Там же. Л. 910, 912, 913.

³ Там же. Д. 572. Л. 269, 273, 276, 280.

⁴ Там же. Д. 558. Л. 73, 82, 83.

кально-настроенных рабочих, учащихся, вернувшихся из ссылки членов прежних группировок. В то же время целый ряд известных деятелей революционного движения из интеллигенции, проживавших в крае, либо фактически не участвовали ни в каких конкретных акциях, либо, находясь в глубокой конспирации, осуществляли скрытое воздействие (А.Д. Цюрупа, А.И. Свицерский, И.З. Штейнберг, В.П. Гиневский, В.П. Арцыбушев и другие). Однако революционный социум в крае продолжал существовать («в угнетённом состоянии») и в случае массового общественного недовольства сохранял потенциал для возврата к активной политической деятельности.

Прикрытием для работы революционеров иногда служили легальные организации, где в руководстве преобладали оппозиционно настроенные лица. Уфимские эсдеки группировались вокруг «Общества вспоможения частному труду», по мнению жандармерии, «издавна служащее явкой социал-демократов»¹. Его председателем к началу 1917 г. являлся Н.П. Брюханов, членами правления состояли А.А. Юрьев и В.А. Седенков², а секретарём до ухода в армию служил Ф.Г. Захаров. Миньярская кооперативная лавка оставалась центром, вокруг которого объединялись местные социал-демократы. Она была закрыта 4 января 1915 г. постановлением губернатора³.

Несмотря на широкую популярность народнических идей в российском обществе, партия социалистов-революционеров во время Первой мировой войны оставалась в состоянии глубокого кризиса и организационного распада. Один из лидеров уфимских эсеров И.З. Штейнберг (приехал в край с беженцами) подчёркивал «полную забитость партийной работы в годы войны»⁴. К июлю 1914 г. в Уфе существовал небольшой кружок молодёжи, пытавшейся воссоздать организацию эсеров. Входили в него ученики землемерного училища Н.А. Шмелёв, Г.Г. Птицын, воспитанник духовной семинарии В.В. Краснощёков и другие. По сведениям жандармерии во главе группы стоял А.С. Моисеев⁵. В 1915 г. кружок прекратил существование. Отдельные эсеры ушли добровольцами в армию⁶. Из-за отсутствия своей партийной организации некоторые эсеры сотрудничали в годы войны с социал-демократами (А.Л. Шеломенцев)⁷.

Другим очагом народнического влияния оставался Златоуст. Среди рабочих местного казённого завода было немало сторонников партии социалистов-революционеров, но эсерской организации не имелось, «хотя и были попытки» её образовать⁸. Местные эсеры подозревались в причастности к покушениям на инженера Е.Н. Енько и мастера Ф. Лапина в 1915 и 1916 гг.⁹ В июне 1916 г. управляющий заводом получил анонимку с угрозами, подписанную – «местный комитет с-р»¹⁰. Попытка создать эсеровскую группу, провести собрание, запланировать серию террористических актов была предпринята некоторыми рабочими завода в сентябре 1916 – январе 1917 гг.¹¹

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 533. Л. 201.

² Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа, 1917. С. 80.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 534. Л. 431, 438.

⁴ Дело народа. 1917. 4 мая.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 533. Л. 3, 22, 51, 60.

⁶ Там же. Д. 551. Л. 16 об.; Д. 560. Л. 478–479.

⁷ Там же. Д. 581. Л. 1075–1076.

⁸ Там же. Л. 821 об.

⁹ Там же. Д. 552. Л. 42 об.; Д. 588.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 580. Л. 75.

¹¹ См.: Там же. Д. 595, 601.

В августе–сентябре 1914 г. ряд лиц (Е.Р. Хахалкина и другие) подозревались в попытке возобновить деятельность уфимской группы анархистов-коммунистов¹. В дальнейшем анархистского движения в крае не отмечалось. Именем анархистов иногда прикрывались уголовники. Например, в феврале 1915 г. у бирского купца В.К. Белова вымогала 10 тыс. руб. некая «шайка анархистов из Варшавы»².

Социал-демократы Уфы в годы Первой мировой войны также не были объединены в какую-либо организационную структуру. Большевик М. Коковихин вспоминал впоследствии, что партийной организации в полном смысле «фактически не было, за исключением группки из 4–5» чел.³ Однако имелся определённый круг сторонников социал-демократических идей, состоявший из рабочих железнодорожных мастерских, других предприятий города, интеллигенции, ссыльных. В отличие от прочих политических течений, жандармерия не прекращала слежку за эсдеками на протяжении всего военного времени. В отдельные месяцы число поднадзорных доходило до 9 чел.⁴ Среди социал-демократов Уфы имелись сторонники большевистского и меньшевистского течений, взгляды многих со временем менялись.

Основными направлениями их деятельности являлись одиночная устная антивоенная и антиправительственная пропаганда, распространение марксистской литературы, обсуждение внутрипартийных вопросов, участие в работе легальных организаций. Предпринимались попытки издания прокламаций⁵. Кроме того, уфимский социал-демократ меньшевик В.И. Хаустов состоял депутатом IV Государственной Думы. Он регулярно приезжал в Уфу (январь, май–июнь, октябрь 1915 г., весь 1916 г.)⁶.

В мае 1916 г. в Уфу прибыли студенты Казанского университета социал-демократы Г.Ш. Олькеницкий, А.Х. Рабинович и К.Ю. Шнуровский. На организованых с помощью местных рабочих А.Ф. Безрукова, И.М. Белякова и других собраниях на частной квартире 15 и 18 мая читался антивоенный манифест конференции в Циммервальде, иная литература, обсуждался вопрос об образовании коллектива выборщиков из рабочих уфимских предприятий, чтобы «укрепить народившуюся социал-демократическую организацию в Уфе» и вступить в связь с социал-демократами соседних городов. Студенты пробыли в городе до июня⁷.

В горнозаводской части Башкортостана социал-демократические взгляды традиционно пользовались популярностью среди части рабочих. В Златоусте организация эсдеков сложилась к середине 1915 г., большую помощь в этом «оказали рабочие беженцы». В течение 1915 г. в Златоусте были три случая расклейки антивоенных прокламаций в количестве трёх экземпляров, подписанных «Уральская группа социал-демократов»⁸. 9 января 1916 г. в снаряжном цехе Златоустовского завода были обнаружены три рукописные прокламации, ещё несколько штук роздали рабочим. Листовки посвящались годов-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 533. Л. 263, 272.

² Там же. Д. 553. Л. 252.

³ Коковихин М. Партийная работа подполья Миньярской организации // Былое Урала. Уфа, 1924. № 3. С. 47.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 581. Л. 1165–1167.

⁵ Тарасова Л.М. Из прошлого // Революционное прошлое. Уфа, 1923. № 1. С. 60.

⁶ См.: ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 553. Л. 323–384; Д. 581. Л. 1075–1167.

⁷ Там же. Д. 553. Л. 315; Д. 581. Л. 1116–1118.

⁸ Там же. Д. 552. Л. 1; Д. 554. Л. 8; Д. 581. Л. 815 об.

щине событий 9 января 1905 г. и были подписаны «Златоустовский исполнительный комитет». По делу о распространении листовок задержали П. Опарина и Бычкова, а в феврале – марте 1916 г. полиция ликвидировала наиболее активную часть социал-демократической группы, арестовав В.Г. Бисярина, Сухоева и Голдырева, ряд рабочих отправили в армию¹. Небольшие кружки социал-демократов в годы войны существовали в Миньяре, Тирляне², некоторых других горнозаводских посёлках.

Партия конституционных демократов (кадеты) пользовалась известной поддержкой торгово-промышленных кругов, интеллигенции, служащих. Выступая за победоносную войну, кадеты требовали либеральных реформ в направлении создания конституционной монархии. Две, издававшиеся в Уфе, оппозиционные, по оценке жандармерии, газеты «Уфимский вестник» и «Уфимская жизнь» занимали прокадетскую позицию, опираясь на столичную печать близкого направления – «Русские ведомости», «Русское слово», «Речь». Газеты расходились в основном среди образованных горожан³. Кадеты также не имели оформленной структуры. Посетивший Уфу в мае 1915 г. один из лидеров кадетов А.И. Шингарёв утверждал, что «местная партийная организация была мертва». На встречу с ним явилась кадетская группа всего из пяти лиц, хотя затем на непартийное совещание собралось 70 чел.⁴

Ведущие роли среди местных кадетов играли присяжные поверенные Н.Н. Быховский и П.М. Сокуров, дворяне П.П. и А.П. Толстые, уфимский городской голова А.И. Верниковский, председатель губернской земской управы П.Ф. Коропачинский. Под их влиянием Уфимская городская дума приняла резолюцию о необходимости отмены положения о чрезвычайной и усиленной охране в губернии и создания нового правительства из лиц, пользующихся доверием страны⁵. В 1914 г. уфимская дума вступила в прокадетский Всероссийский союз городов, перечислив туда 15 тыс. руб.⁶ Уфимские либералы также были представлены в высших законодательных органах власти России. Депутат IV Государственной Думы Г.В. Гутоп примыкал к кадетской фракции, а помещик граф А.П. Толстой являлся членом Государственного Совета⁷. Местные кадеты поддерживали контакты с руководством партии, организациями из соседних регионов. На Поволжском областном совещании кадетов (Самара, 20–21 октября 1915 г.) присутствовал П.М. Сокуров (от Уфы)⁸. В мае 1916 г. в Уфу приехал депутат Государственной Думы, член ЦК партии кадетов Ф.И. Родичев⁹.

В целом, деятельность революционных организаций и политических партий в Башкортостане в годы Первой мировой войны оказывала влияние на сравнительно

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 552. Л. 55; Д. 580. Л. 108 и об.; Д. 581. Л. 815; Д. 584. Л. 300, 306, 312.

² См.: *Коковихин М.* Указ. соч.; *Оглобин А.Я., Юрлов В.М. и др.* Организация и работа коммунистической партии по Тирлянскому заводу и его окрестностям // *Былое Урала.* Уфа, 1924. № 4. С. 86.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 2.

⁴ *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 209; А.И. Шингарёв в 1910 г. купил в Урман-Кудейской волости 250 дес. земли (ЦГИА РБ. Ф. И-158. Оп. 1. Д. 23. Л. 1).

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 2, 16.

⁶ *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 35.

⁷ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. С. 12; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 525. Л. 12; Д. 551. Л. 16.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 525. Л. 13–14.

⁹ Там же. Д. 571. Л. 1032–1033.

небольшую часть населения – политически грамотных рабочих, интеллигенцию, учащуюся молодёжь, торгово-промышленные круги. В условиях жёсткого государственного контроля в обстановке военного времени сколько-нибудь массовые политические акции были невозможны.

Первая мировая война и мусульманское либеральное движение. Вступление России в войну вызвал взрыв патриотизма в обществе, захватившего башкирское и татарское население. Так, 24 июля 1914 г. на чрезвычайном заседании мусульманского благотворительного общества в Оренбурге было решено передать в пользу раненых на войне 1 тыс. руб. и начать сбор добровольных пожертвований среди мусульманского населения. 26 июля была созвана экстренная сессия Государственной Думы, которая продемонстрировала «единение царя с народом» перед лицом внешнего врага. Члены мусульманской фракции, уфимские депутаты И. Ахтямов и К. Тевкелев, опоздавшие на сессию, продемонстрировали свою солидарность с Думой и опубликовали в кадетской газете «Речь» обращение, в котором уверяли, «что мусульмане будут вместе с русским народом до конца бороться с врагами»¹.

Своё официальное заявление об отношении к Мировой войне мусульманская фракция сумела огласить только на январской сессии 1915 г. Её председатель К. Тевкелев закончил выступление словами: «мусульмане вместе со своими согражданами проникнуты одним сознанием своего долга – твёрдо отстаивать с оружием в руках честь и достоинство Русского государства и воодушевлены одним желанием – довести до скорого и успешного конца настоящую грозную войну»². По инициативе мусульманской фракции Думы был созван съезд представителей мусульманских благотворительных обществ России, состоявшийся 6–10 декабря 1914 г. в Петрограде. На нём присутствовали 28 делегатов из 15 городов страны. На съезде был рассмотрен ряд вопросов, связанных с оказанием помощи фронту и координацией деятельности. Съезд призвал мусульман повсеместно организовать сбор денежных средств в пользу солдат и их семей, широко используя для этого различные собрания и религиозные праздники. Было принято специальное решение о создании санитарного отряда для отправки на Кавказский фронт, снабдив его всеми необходимыми средствами. Также постановили направить на фронт группу мулл, чтобы поддержать боевой дух солдат-мусульман. По инициативе съезда вскоре была создана общественная организация – «Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям», располагавшийся в Петрограде с правом открытия местных отделений. Источником доходов Комитета должны были стать пожертвования мусульманского населения России. В состав Комитета в числе других вошли И. Ахтямов, С. Джантюрин, А. Сыртланов, К. Тевкелев. По сведениям полиции на официальных заседаниях делегаты «не выходили из пределов разрешённой ... программы», но в кулуарах слышались разговоры, что «никто из присутствующих на съезде не относится искренне к помощи раненым, а всё это делается по необходимости из политических соображений»³.

¹ Уфимский вестник. 1914. 3 августа.

² Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия третья. Б. м. и г. Стб. 34–35.

³ ГА РФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1908. Д. 234, т. 2. Л. 122, 130–131 об.; Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936. С. 296–297.

Вступление Турции, единственного независимого мусульманского государства, в Мировую войну в конце октября 1914 г. на стороне германского блока поставило российских мусульман перед трудной дилеммой. С одной стороны, Турция стала врагом России, с другой – между Турцией и мусульманами России были давние и прочные связи. Царское правительство, по-видимому, опасалось, как бы мусульмане не стали своего рода «пятой колонной». В ответ на «инородческую» политику нового председателя Совета министров И.Л. Горемыкина 20 июля 1915 г. в Думе уфимский депутат К. Тевкелев выступил с заявлением от имени представителей латышского, литовского, эстонского, армянского, мусульманского и еврейского населения России. В нём выражалась уверенность, «что в деле отражения врага и победы над ним одним из главных условий успеха является подъём духа в среде населяющих Россию народов». Депутаты от национальных фракций надеялись, что «в ближайшем будущем» будут приняты меры «к устранению всяких административных стеснений, направленных против отдельных народностей» и отменены все «ограничительные законы, связанные с вероисповеданием или национальностью»¹. Но заявление это не было поддержано русским большинством Думы.

Ухудшились отношения с русскими либералами в Думе. При создании межпартийной коалиции («Прогрессивный блок») в её состав не была приглашена мусульманская фракция из-за малочисленности и разногласий по национальному вопросу (культурно-национальная автономия членами блока признавалась только за Финляндией и Польшей). Внешнеполитическая программа также не устраивала мусульманских депутатов, в частности притязания на «полное обладание» Россией проливами Босфор и Дарданеллы с Константинополем и «достаточной частью прилегающих берегов», объединение Армении в этнографических границах под российским протекторатом². В декларации «Прогрессивного блока» от 26 августа 1915 г. ни слова не говорилось о проблемах мусульман. В национальной печати появился ряд статей, обвинявших мусульманскую фракцию Думы в «неучастии» в блоке и несговорчивости. В ответ депутаты через газеты отвечали, что «мусульманская фракция не была осведомлена об этом блоке и представители их не были приглашены в подготовительное собрание». Критика со стороны печати являлась не совсем корректной, говорил депутат И. Ахтямов на встречах с избирателями и корреспондентами газет в Уфе³.

Нарастающий кризис в стране, неудачи на фронтах усиливали оппозиционные настроения в обществе. По поводу декларации очередного премьер-министра Б.В. Штюрмера от имени мусульманской фракции К. Тевкелев заявлял: «Неспособность власти понять и оценить настроение страны, упорное нежелание предоставить народу свободу в деле создания условий, обеспечивающих победу, привели к той полной дезорганизации тыла, которая теперь наблюдается во всех областях нашей

¹ Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия четвёртая. Пг., 1915. Ч. 1. Стб. 187.

² Шелохаев В.В. Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 129.

³ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1916. Д. 74, т. 3. Л. 2–5, 25 и об., 42 об.

жизни)¹. В условиях роста политической нестабильности депутаты IV Думы воспринимались как лидеры всех российских мусульман.

Осенью 1915 г. среди мусульманской общественности Урало-Поволжья начинает активно обсуждаться вопрос о помощи своей думской фракции. К. Тевкелев в обращении к единоверцам отмечал, что небольшая группа депутатов физически была не в состоянии не только решать, но даже поставить перед Думой и правительством проблемы. Он предлагал создать при фракции совещание, куда приглашал видных общественных деятелей из мусульман. Первыми откликнулись уфимские либералы, которые в декабре 1915 г. командировали в Петроград Шакира Мухамедьярова, Закира Кадырова и Сабирзяна Шамгулова. Приглашённый председателем фракции Фатых Каримов из Оренбурга не смог приехать, так как второй редактор газеты «Вақыт» А. Фахретдинов отправился на фронт военным муллой².

Из-за задержек совещание при мусульманской фракции начало свою работу только в начале февраля 1916 г. Обсуждались вопросы о политической платформе фракции, её тактике, создании постоянного бюро при ней и отношении к «Прогрессивному блоку». В ходе длительных дискуссий совещание признало программу бывшего «Союза мусульман» за основу политической платформы, «правее которой мусульманская фракция не имеет права действовать». При голосовании было решено объединиться в Думе с представителями других национальных меньшинств и образовать свой «блок инородцев». А присоединение к «Прогрессивному блоку» допускалось лишь после признания требований об отмене ограничений в юридических правах мусульман.

По докладу особой комиссии, членами которой состояли С. Джантюрин, Г. Еникеев, Ш. Мухамедьяров и Г. Исхаков, совещанием было принято постановление о создании при фракции постоянного бюро из четырёх равноправных с депутатами лиц. Кроме того, было признано необходимым иметь ещё одного секретаря, трёх писцов и служащих. Финансовые расходы на содержание бюро должны были поступать ежегодно «от уфимцев – 5 тысяч, казанцев – 6 тысяч, оренбуржцев – 4 тыс. рублей, а остальную часть от Троицка, Орска, Сеитовского посада, Семипалатинска, Москвы, Астрахани». Приглашались для участия в бюро представители Кавказа, Туркестана, Крыма³.

Вскоре бюро при фракции начало свою работу. Председателем его стал Ахмед Цаликов – представитель Северного Кавказа. От Уфимской губернии для работы в бюро были командированы Ш. Мухамедьяров и начинающий политик, будущий лидер башкирского национального движения Ахмет-Заки Валидов⁴. В начале июня 1916 г. состоялись первые заседания бюро с участием членов фракции, где составили план работы. В течение июня – июля для предстоящей обсуждения в Думе членами бюро был подготовлен ряд докладов о состоянии школьного образования среди российских мусульман⁵. На осенней сессии Государственной Думы, начавшейся 1 нояб-

¹ Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия четвёртая. Пг., 1915. Ч. 2. Стб. 1406.

² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1916. Д. 74, т. 3. Л. 16–18, 52; Д. 74, ч. 53. Л. 1 и об.

³ Там же. Д. 74, т. 3. Л. 53 об., 61–65.

⁴ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Уфа, 1994. Кн. I. С. 162–163.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1916. Д. 74, т. 3. Л. 100–101 об., 106, 107.

ря 1916 г., мусульманские депутаты присоединились к резкой критике правительства Б.В. Штурмера. В своём заявлении 3 ноября мусульманская фракция отмечала, что «никогда мрачная практика национального угнетения не достигала таких размеров, как в настоящее время освободительной войны»¹.

Таким образом, в течение первого года Мировой войны мусульманские либералы, как и огромное большинство российских граждан, поддержали правительство в этой войне. Началась оказывать помощь раненым воинам, собирались средства среди населения. Но затем, по мере ухудшения положения в стране и неудач на фронте, среди мусульманского населения стало усиливаться недовольство правительственным курсом. Даже достаточно консервативная мусульманская фракция в IV Государственной Думе переходит в оппозицию и, несмотря на разногласия из-за проливов, в целом поддерживает «Прогрессивный блок». Среди мусульманской элиты, в условиях надвигающегося кризиса, предпринимается попытка создать своеобразный политический центр на основе думской мусульманской фракции.

Кризис доверия к власти. Поражения российских армий весной–летом 1915 г. и огромные потери стали ударом по настроению народа. Население считало эту войну «беспримерною по количеству жертв». По оценке местных властей, массы находятся в подавленном состоянии. Крестьяне, поддерживая в целом необходимость победы над врагом, «смотрят на войну как на какое то народное бедствие, или испытание, ниспосланное Богом». Среди рабочих возобладало вообще безразличное отношение к войне, «кто бы ни победил, всё равно рабочему жить чем сейчас лучше не будет»².

Люди задавались вопросами, почему государство не готово в должной мере к военным действиям, почему армия испытывает недостаток оружия, боеприпасов и всего необходимого, чем объяснить невиданные в истории России жертвы. Всё это вызывало «недовольство властью и сдвиг общества влево». В донесениях в Петроград о настроении населения Уфимской губернии в конце 1915 г. недоверие рабочих и крестьян к высшей власти приписывалось влиянию прессы и «главным образом письмам, получаемым ими с театра войны от родственников, где все неудачи наших войск объясняются изменой правительства, в составе которого много немцев, на этой почве создаётся много легенд». По губернии ходили самые разнообразные слухи о заговорах против великого князя главнокомандующего Николая Николаевича, самого императора, о покушении на жизнь царя на крейсере и т. д.³

Несмотря на запреты военной цензуры, в письмах домой солдаты ярко характеризовали ужасы войны. Рядовой Загидуллин из д. Бишевлярово Мурзаларской волости так характеризовал обстановку: «мы находимся от австрийцев в 2-х верстах. В окопах у нас по два аршина снегу, что мы здесь видим, то не дай Бог видеть никому. Счастливых людей ранят и они едут домой, а мы здесь живём как собаки». Рядовой 13-й роты 244 пехотного полка Ималетдин Гильманов в письме в д. Шарыпово Верхне-Кигинской волости сообщал, что «германцы снарядами разбили все наши окопы, наши бедные солдаты валяются под ногами кто без рук, кто без ног, такое мучение видят только солдаты, а все порядочные люди живут дома. Будет ли конец войне и

¹ Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия пятая. Б. м. и г. Стб. 84.

² ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 14; Д. 554. Л. 6.

³ Там же. Д. 551. Л. 15; Д. 553. Л. 1; Д. 554. Л. 8 об.

приедем ли мы домой – неизвестно». Рядовой 350-го транспорта 70-го обозного батальона Иштуганов из д. Ибраево отмечал: «наши дела очень плохие, здесь грязь, ходить нельзя. У нас сапог нет, остались одни голенища. Целый месяц хожу без сапог. Нам останавливаться не дают, всё гонят из одной деревни в другую. Мы ходим босиком, из 10 человек трое в сапогах. Наш обоз самый плохой, не то что солдаты, даже лошади стоят по двое суток голодные»¹.

В письмах из армии звучал один и тот же вопрос – когда наступит мир? «Мы с часу на час ожидаем миру», – писал в конце 1915 г. в с. Карантрав Ново-Петропавловской волости Андрей Чебыкин. Не слышно ли у вас о мире, – спрашивал в письме рядовой Н. Шульгин, – «а у нас ничего не слышно». Солдаты и сами с горечью понимали, что их надежды напрасны. «Наш батальонный командир сказал, – общал крестьянину д. Абсалямово Дуван-Мечетлинской волости Баймухамету Мухаметдинову его сын, – что пока свою землю мы не вернём – мира не будет, а чем будем завоёвывать нам не говорят и мы тоже не знаем. С самого начала войны наши лучшие силы выбыли, остались на позиции одни дети и старики. Теперешние солдаты не только неприятеля, но и своих генералов боятся, сидят в окопах и плачут. Когда из окопов мы идём на отдых, то многие не могут нести винтовок и мешки и им помогают другие солдаты. Этими детьми обратно земли не вернёшь и скорее они попадутся сами немцам»².

Шовинистический угар первых месяцев войны постепенно проходил и солдаты всё чаще начинали задаваться вопросом – ради чего они гибнут? «Мы здесь грудью идём против дождя германских пуль, – писал в д. Лагирево (все Златоустовского уезда) Гайфулле Аглиуллину рядовой Валиулла Аглиуллин, – а за что мы сами не знаем». Открытый антивоенный протест звучал в письмах рабочих Златоуста, призванных в армию. Неизвестный рядовой иронизировал: «а воевать у нас силы хватит, хлеба тоже, а до народа какое нам дело. Прикажут мы и станем по народу стрелять. Братья, сёстры, отцы и матери – все нам нипочём. Немцев только бить мы не умеем, снарядов не хватает, а для своих сколько хочешь». «Ты права, – продолжал он, – у солдата не должно быть нервов. И их наверное и нет. Потому что если бы были, то давно бы лопнули. И война кончилась бы давно». Ополченец, также благоразумно не подписавшийся, сообщал Ф.И. Архипову в Златоуст, что мир может наступить «только тогда, когда будут продиктованы условия мира народом и рабочим классом и не правителями этой кровопролитной и братоубийственной войны. Вы знаете, как всем защитникам этой войны всё это опротивело»³.

Не менее сильное воздействие на умонастроение населения оказал охвативший с 1915 г. Россию экономический кризис. Дороговизна, нехватка основных продуктов питания и товарный голод вообще, затруднения на транспорте, произвол торговцев и предпринимателей ударили в первую очередь по бедному городскому населению. Недовольство вызывало бездействие властей, неспособность защитить интересы простого народа, остановить взвинчивание цен, наказать спекулянтов. В условиях резко обострившегося экономического положения зимой 1915–1916 гг. местные власти

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 570. Л. 581, 590, 605 об.

² Там же. Л. 579, 620 об.

³ Там же. Л. 595–596, 640.

прибегали к ограничительно-запретительным мерам. Уфимский губернатор П.П. Башилов, например, 15 января 1916 г. запретил «вывоз дров из города Уфы и входящих в его черту поселений». 18 марта губернская управа воспретила вывоз из губернии всякого скота, а также мяса свыше 25 пуд. на человека¹.

В массовом сознании все неудачи и просчёты отождествлялись с личностью императора Николая II, царской семьёй, придворным окружением. Именно на них возлагалась ответственность за бедствия народа. Отрицательно повлияла на авторитет самодержавия конфронтация двора с Думой. Интеллигентные слои общества, – докладывали в столицу уфимские власти, – считают, что «без помощи Государственной Думы» правительство не сможет решить все задачи. «Работой Государственной Думы за последнее время население очень довольны, – сообщали в декабре 1915 г. из Златоуста, – и высказывает недоумение по поводу роспуска Думы»².

В годы войны чрезвычайно низко упал престиж царя, династии Романовых, самой монархической идеи. Исчезала патриархальная вера в доброго патриархального монарха. Полицией возбуждались многочисленные дела об оскорблении Его Императорского Величества. «У нашего государя ничего не выслужить кроме увечья», – говорила крестьянка Х.Я. Васева из д. Семириково Сикиязской волости Златоустовского уезда. «Царь не за нас воюет, а за себя», – считал С. Султангареев из д. Актемирово Калмыковской волости³. Башкир д. Уразаево Старо-Балтачевской волости Бирского уезда И. Давлетбаев отказался дать денег для мобилизованных, заявив: «если у государя императора своих средств не хватает, то зачем он собрал своих солдат». Житель д. Скворчиха Татьяновской волости Стерлитамакского уезда Е. Устимов, при объявлении о реквизиции полушубков, ответил: «что у него взяли двух сыновей на войну, да ещё будут грабить вещи, разве это царь наш, это обиральщик. Его самого убить надо». В д. Старо-Арасланово Богадинской волости Белебеевского уезда крестьянин Х. Сеитбурханов публично заявил: «царь солдат берёт, а земли не даёт. Его за это убить мало»⁴. В д. Шабызбашево Байсаровской волости Мензелинского уезда башкир Г. Набиуллин говорил, что «наш царь с войной перебьёт весь народ, чем бить его – нужно застрелить самого царя, тогда лучше будет»⁵.

Монархия в целом и августейшие особы стали объектом шуток, издевательств и прямых оскорблений. В различных слоях общества циркулировали гнусные слухи по поводу государыни и Гришки Распутина⁶. Распутинщина в огромной степени дискредитировала самодержавие. В декабре 1915 г. находившийся на излечении в Петрограде раненый боец приводил в письме в Уфу популярные стишки: «Грядущий день есть сер и смутен, / Конца распутия нет, как нет. / Вот почему один Распутин / Весь изменяет кабинет»⁷.

Падение авторитета верховной власти и самого государства переносилось на местный аппарат. Жандармский унтер-офицер Е. Каширин жаловался из Стерлитамака

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 579. Л. 10, 61.

² Там же. Д. 551. Л. 3; Д. 554. Л. 6 об.

³ Там же. Д. 560. Л. 42, 209.

⁴ Там же. Д. 507. Л. 551, 559, 568.

⁵ Там же. Д. 560. Л. 37.

⁶ См., напр.: Там же. Л. 31.

⁷ Там же. Д. 570. Л. 755 об.

в июне 1916 г. на выслушанные им от прапорщика-фронтовика оскорбления, «что вот у нас такие обжиралы и прохвосты ожирели здесь, да и не хотят даже честь отдать»¹. Среди наиболее образованной части общества нарастало ощущение роковой развязки, угрозы всему государству. В начале 1916 г. в Уфу на имя Н.Н. Быховского поступило письмо с копией обращения председателя Государственной Думы М.В. Родзянко главе правительства И.Л. Горемыкину. «Настал решающий момент, – говорилось в конце письма, – наступают грозные события, чреватые гибельными последствиями для чести и достоинства России... Отечество в опасности»². Современник свидетельствовал о деградации высшей элиты страны в 1916 г.: «В стране происходил роковой процесс изживания внутренней силы власти. От власти оставались лишь внешние её формы без внутреннего смысла, содержания и оправдания. Все связи власти со страной порывались, как нити истлевшей ткани. Власть вырождалась и исчезала»³.

Правящие круги не слышали голосов из народа. Самодержавие потеряло поддержку практически всех слоёв общества. Наступил 1917-й год.

§ 3. Февральская революция 1917 г.

Первая мировая война до предела обострила все противоречия, показала внутреннюю слабость царской России. В феврале 1917 г. в результате вооружённого восстания в Петрограде самодержавие было свергнуто, 300-летнее правление династии Романовых закончилось.

На Южный Урал первое официальное известие о революции поступило 28 февраля. В ночь с 27 на 28 февраля за подписью М.В. Родзянко была составлена телеграмма к населению страны о том, что временный комитет членов Государственной Думы «нашёл себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Комиссар Министерства путей сообщения А.А. Бубликов 28 февраля распорядился разослать это воззвание по железнодорожному телеграфу⁴. В Оренбурге начальник Ташкентской железной дороги Мазуровский, получив телеграмму, оповестил лишь городские власти⁵. Встревоженная событиями в Петрограде администрация в Уфе и Оренбурге заняла выжидательную позицию. Но утаить информацию было невозможно, 1–2 марта в обоих губернских центрах стало известно о свержении самодержавия.

2 марта 1917 г. в Уфе вышло специально подготовленное издание «Телеграммы “Уфимской жизни”», где сообщалось о перевороте в Петрограде и образовании Временного правительства. В 2 часа дня началось экстренное заседание Уфимской го-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 596. Л. 58.

² Там же. Д. 570. Л. 627.

³ Цит. по: *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003. С. 101.

⁴ *Пушкарёва И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 199.

⁵ Заря. 1917. 9 апреля; *Дударь Е.И.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (Март 1917 – июнь 1918 гг.). Оренбург, 1967. С. 10.

родской думы, где обсуждался вопрос о власти. Собравшаяся около думы толпа горожан ворвалась в помещение, началось создание новых органов власти, была отправлена телеграмма Временному правительству. А 3 марта в газете «Уфимский вестник» на двух страницах были опубликованы подробные сообщения о победе революции¹.

Падение непопулярного режима встретило поддержку среди значительной части интеллигенции, буржуазных кругов, рабочих и крестьян. Свободную Россию приветствовало собрание граждан Бирского и Белебевского уездов в с. Асяново. Приветственные телеграммы поступили также из Ирехтинской волости Мензелинского уезда, Мурзаларской волости Златоустовского уезда, с. Аскино Бирского уезда² и многих других мест.

В результате Февральской революции, начального этапа Российской революции 1917 г., в стране сложилась сложная политическая обстановка, когда одновременно действовали различные органы власти. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, во главе с эсерами и меньшевиками, 2 марта 1917 г. заключил соглашение с временным комитетом Государственной Думы о формировании последним Временного правительства, которому была обещана поддержка и признание в качестве верховной власти в России. На местах также возникли новые политические структуры – советы и комитеты общественных организаций. Существовавшие при царском режиме органы местного самоуправления – земство и городские думы, выражавшие интересы узкого круга региональной элиты – оказались не способны возглавить революционное движение. Они не воспринимались в качестве политических центров даже интеллигенцией и никаких претензий на обладание властью в провинции не предъявили. В течение нескольких дней новые революционные организации существовали параллельно со старой царской администрацией.

Уфимский губернатор П.П. Башилов ещё 24 февраля выехал в Петроград, где уже начались революционные события. Исполнявший его обязанности вице-губернатор А.П. Толстой выпустил 2 марта обращение, где говорилось, что в Петрограде произошли «большие события» и призвал население к спокойствию³. Вернувшись того же числа (2 марта) в Уфу⁴ губернатор П.П. Башилов поддержал образованный буржуазными кругами комитет общественных организаций. 4 марта губернатор издал обращение к жителям края, в котором, призывая «всех к сохранению полного порядка и спокойствия», объявил, что он вступил в соглашение с Уфимским комитетом общественных организаций и предложил всем подчинённым ему учреждениям и должностным лицам оказывать этому комитету всемерное содействие⁵. Все приказы по полиции П.П. Башилов договорился отдавать совместно с комитетом⁶. Однако удержаться у власти не удалось. Царские губернаторы были настолько непопулярны в народе, что Временное правительство приняло решение заменить их. Получив распоряжение премьер-министра князя Г.Е. Львова, 6 марта П.П. Башилов объявил о

¹ *Мордвинцев Г.В.* Март 1917 г. в Башкирии (Хроника событий). Уфа, 2001. С. 14–17.

² Известия уфимского губернского комиссариата. 1917. 2 апреля.

³ *Мордвинцев Г.В.* Указ. соч. С. 15–16.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1313. Л. 267.

⁵ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 2.

передаче управления губернией председателю губернской земской управы П.Ф. Копачинскому¹.

Одновременно из местных государственных учреждений и армии удалялись наиболее одиозные фигуры, сотрудничество с которыми могло скомпрометировать новую власть. Под давлением солдатских масс был смещён командир 103-го полка Богоявленский, ряд других высших офицеров. Со своих постов были отстранены председатель Уфимского окружного суда А.А. Григорьев, прокурор В.С. Смирнов, снят и арестован начальник губернской тюрьмы Г.А. Гебих, смещены полицмейстер С.А. Шамлевич и пристав И.Ф. Андреев. В ночь на 6 марта были арестованы все жандармские офицеры.² Аресты производили младшие офицеры уфимского гарнизона (прапорщик Трибульский и др.), установившие контакты с земцами и представителями новой власти. Февральская смена власти в крае прошла легко и бескровно. В авторитарных государствах как Российская империя все решающие события происходят в центре. Провинция получала революцию «по телефону»³.

Быстрота и лёгкость победы Февральской революции на местах подтверждали, что правящая династия утратила доверие народа. В обстановке всеобщего революционного подъёма практически были невозможны сколько-нибудь значительные выступления сторонников монархии. Крах империи вызвал противодействие лишь части православного духовенства, начавшего антиреволюционную агитацию среди верующих. Так, 13 марта на закрытом заседании Уфимского комитета общественных организаций обсуждался вопрос «о происходящих в разных местах города черносотенных собраниях и произносимых в церквях речах вредного для нового строя содержания»⁴. Священник с. Осиновка Бирского уезда А. Дьяков трактовал «современное положение, как козни диавола и как движение против веры», предсказывал анархию и резню. Домашнему аресту была подвергнута игуменья Мензелинского женского монастыря, пропаганду вели некоторые священники в Стерлитамакском и ряде других уездов⁵. Революционные власти запретили издание журнала православного духовенства «Сеятель»⁶. Кроме того, комитетом общественных организаций под домашний арест были заключены «ставленник правых групп Петрограда» муфтий Баязитов и член Магометанского собрания Капкаев⁷. Верующие в целом поддержали

¹ ЦИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1313. Л. 269; Башилов Пётр Петрович, окончил Императорское училище правоведения, владел пятью иностранными языками, служил эстляндским, а в 1907–1911 гг. новгородским губернатором, до назначения в Уфу был награждён 6 орденами. Уволен со службы 1 мая 1917 г. Личного недвижимого имущества не имел, но у его матери было две дачи в Царском Селе (*Николаев А.Е.* Личный состав новгородских губернаторов по послужным спискам в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории Новгородчины XIX–XX вв. Великий Новгород, 2001. С. 50–53). После отставки П.П. Башилов проживал в качестве частного лица в Уфе вплоть до установления Советской власти, затем вернулся на родину, в Ленинградскую область (г. Новая Ладога). Во время коллективизации, в 1930 г., престарелый экс-губернатор был осуждён к ссылке (Архив Волховского краеведческого музея, опубликовано в интернете историком Е. Кулешовым).

² ЦИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2, 6; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; Д. 8. Л. 7, 22, 24.

³ См.: *Роднов М.И.* Февральская революция в Башкортостане: смена власти (новые подходы и решения) // Февральская революция и проблемы истории Башкортостана. Уфа, 1997. С. 9–10.

⁴ ЦИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 65; Вперёд! 1917. 28 марта.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 44.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 4.

действия новой власти. Например, мусульмане Стерлитамака прислали телеграмму «с выражением благодарности по поводу ареста муфтия Баязитова и казья Капкаева»¹. А совещание уездных комиссаров в начале апреля даже обратилось к населению с постановлением о недопустимости самовольного удаления священников².

Скрытое сопротивление революционным переменам наблюдалось и в войсках уфимского гарнизона. Командиры некоторых частей запрещали офицерам участвовать в собраниях. Начальник эвакуационного пункта генерал Фефелов не принял присягу Временному правительству, пытался не пустить подчинённых ему солдат на торжественный парад, посвящённый победе революции. Командир 2-й роты 144-го полка прапорщик Струцкий всячески скрывал от солдат известие о свержении царя, препятствовал ведению революционной пропаганды в роте³. Однако это были единичные факты, крайне правые силы были слишком слабы, чтобы задержать развитие революции.

Образование органов Временного правительства в Башкортостане. Как только стало известно о падении самодержавия, местные буржуазные круги приступили к организации своих органов власти. В Уфе 2 марта на частном совещании гласных (депутатов) городской думы было решено образовать Комитет общественных организаций. Собранное по инициативе председателя губернской земской управы П.Ф. Коропачинского совещание проходило в очень бурных дискуссиях. Умеренные (прокадетские) гласные заявляли, что «революция уже кончилась», нужно поддерживать решения нового правительства. Большевик И.А. Ахтямов возражал: «власть занималась исключительно до сих пор угнетением народа», нужен особый революционный орган, который будет «стоять на страже осуществления правового порядка на местах»⁴. Большинство в комитете составляли представители земства, думы, буржуазная интеллигенция, обладавшие опытом многолетней работы в органах самоуправления. В телеграмме в Петроград 3 марта Уфимский комитет общественных организаций объявлял себя губернским комитетом и провозглашал своими основными задачами «содействие укреплению нового строя» и контроль за деятельностью правительственных учреждений в губернии, просил Временное правительство признать его⁵.

Председателем общих собраний Комитета был избран присяжный поверенный И.А. Ахтямов, председателем президиума стал уфимский городской голова А.И. Верниковский. В первый состав президиума также входили П.Ф. Коропачинский, гласный уфимской думы К.Ф. Вячкилев, председатель Уфимского уездного союза кредитных кооперативов К.М. Старков, большевики А.И. Свицерский, управляющий делами областного военно-промышленного комитета, и председатель рабочей группы этого комитета М.А. Плотников. Секретарём Комитета был большевик Н.П. Брюханов, работавший агентом Донского земельного банка. Впоследствии состав президиума был расширен до 13 чел., в число которых вошли военный врач меньшевик Н.Н. Плаксин и помощник присяжного поверенного эсер И.З. Штейнберг.

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Л. 7.

² Вперёд! 1917. 11 апреля.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Д. 8. Л. 58, 158–159.

⁴ Уфимский вестник. 1917. 3 марта; Мордвинцев Г.В. Указ. соч. С. 15.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

Комитетом были назначены комиссары для контроля за деятельностью правительственных учреждений и на места. К апрелю 1917 г. было 29 комиссаров, в том числе по судебным, тюремным делам, разборке жандармского архива, судоходству, для контроля за полицией и деятельностью духовенства, по борьбе с пьянством и др.¹ Являясь официальным органом Временного правительства, Комитет общественных организаций смещал царских чиновников, утверждал новую власть в губернии. Под давлением масс Комитет сначала действовал достаточно оперативно. В телеграмме правительству, сообщая, что по «требованию населения и войск» 5 марта были назначены комиссары, он оправдывался, что «в интересах охранения спокойствия комиссары вынуждены уже приступить к исполнению своих обязанностей», не дожидаясь официального признания².

По своей структуре Комитет общественных организаций был аморфной политической организацией, в состав которой входили депутаты от самых разнородных социальных слоёв и групп населения. Норма представительства устанавливалась самим комитетом. Так, к апрелю 1917 г. членами Комитета состояли депутаты от городской управы, думы, земства, союза кредитных товариществ, биржевого комитета, попечительства о бедных мусульманах, купеческого общества, дворян, духовенства, союза фармацевтов города Уфы, союза учителей, рабочих керосиновых баков и даже легковых извозчиков. Члены Комитета избирались не по партийной принадлежности, а по личным деловым качествам. Поэтому в его состав вошло много представителей от социалистических партий, опытных политических деятелей: социал-демократы А.Д. Цюрупа, А.А. Юрьев, В.П. Арцыбушев, Ф.Я. Першин, эсеры В.П. Гиневский, И.З. Штейнберг и др.³

По мере роста политической активности масс, размежевания классовых сил значение Уфимского губернского комитета общественных организаций падает. Среди рабочих наибольшее влияние имели Советы. Кроме того, практически перестали участвовать в работе Комитета большевики. Вообще управлять деятельностью такой рыхлой организации было трудно. Уже 29 марта и 13 апреля в Комитете рассматривался вопрос «о постоянном отсутствии членов президиума на его заседаниях»⁴. Постепенно главную роль представителя власти на местах начинали играть комиссары Временного правительства. В губерниях, где было земство, права и обязанности губернаторов передавались председателям губернских земских управ. В Уфимской губернии комиссаром Временного правительства стал П.Ф. Коропачинский⁵.

В уездах власть Временного правительства представляли уездные комитеты общественных организаций (носившие разные названия) и уездные комиссары. 21–22 марта был организован Уфимский уездный комитет общественных организаций, председателем президиума которого был избран заведующий отделом народного образования уездной земской управы С.Д. Стрежнев. При выборах депутаты от крестьян отвергли призывы «не верить “лже-учителям” и не идти на поводу у рабочих и интеллигентов»⁶.

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

² Там же. Д. 1. Л. 8.

³ Там же. Д. 3. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 24 об., 50.

⁵ Уфимский вестник. 1917. 9 марта.

⁶ Там же. 24 марта; Вперёд! 1917. 23 марта.

В Стерлитамаке 6 марта состоялось организационное собрание по выборам уездного общественного комитета, получившего название Стерлитамакский уездный комитет Временного правительства. Членами комитета были представители земства, городского самоуправления, потребительской и кредитной кооперации, рабочих, торгово-промышленных служащих, интеллигенции. 7 марта избрали президиум из 10 чел., председателем которого стал гласный думы провизор А.Н. Лебедев. Комитет назначил комиссаров в полицейское управление, на почту, к воинскому начальнику и др. В обращении к населению уездный комитет объявил, что «все законы остаются в силе», указав, что «всякая критика действий нового правительства вообще, комитета и его избранников» будет «преследоваться по всей строгости законов». Уездным комиссаром был избран сначала председатель уездной земской управы А.Л. Тукаев, затем помощник присяжного поверенного В.Я. Прозоровский¹. В Стерлитамакском уезде, отличавшемся высоким уровнем развития предпринимательского хозяйства, сильной социальной поляризацией общества, уже с марта–апреля развернулась острая борьба комитета Временного правительства и местного Совета за власть в городе и уезде.

В Белебее 5 марта на чрезвычайном собрании городской думы, при участии общественности, был образован временный исполнительный комитет Народной воли, председателем президиума которого стал член уездной земской управы А.А. Алексеев. Представители местной администрации, «вчерашние черносотенцы» дружно превратились в либералов. Председатель уездной земской управы В.И. Бунин был избран представителем в губернский комитет общественных организаций. Однако массовое недовольство бывшей администрацией привело к тому, что В.И. Бунин внезапно заболел и уже 7 марта подал в отставку. Председателем управы и уездным комиссаром был избран А.А. Алексеев, а В.И. Бунина, городского голову А.В. Шумилова, исправника, начальника тюрьмы и ряд других прежних руководителей арестовали «исключительно в целях их ограждения от эксцессов населения уезда», как сообщалось в Уфу. Председателем комитета Народной воли избрали большевика М.В. Котомкина, хорошо известного жителям Белебея в качестве председателя организованного во время войны общества потребителей, боровшегося с местными спекулянтами².

Общественные комитеты возникли также на некоторых железнодорожных станциях Белебеевского уезда. В начале марта образовался Альшеевско-Раевский комитет³. 6 марта в Давлеканово был избран Комитет общественной безопасности, руководство которым оказалось в руках крупных торговцев и мукомолов. Председателем стал кадет Г.С. Каховский. Недоверие рядового населения к такому комитету привело в начале апреля к массовым беспорядкам, для прекращения их из Уфы была направлена команда солдат⁴.

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 68 об.; Д. 21. Л. 63–64; Д. 22. Л. 2; Вперёд! 1917. 8 апреля.

² В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов – участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957. С. 42–43; ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6. Л. 23; Д. 27. Л. 2; Д. 38. Л. 3–4; Известия уфимского губернского комиссариата. 1917. 2 апреля.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

⁴ Там же. Д. 17. Л. 31; Д. 27. Л. 4–5.

9 марта 1917 г. создаётся Бирский народный комитет, председателем президиума стал инспектор народных училищ Н.А. Зефиров. Для контроля за правительственными учреждениями избрали комиссаров. Уездным комиссаром Временного правительства был выбран член уездной земской управы, помещик Н.С. Криницкий. В целом обстановка в городе оставалась спокойной. В массах господствовали настроения в поддержку Временного правительства и оборончества. Например, на митинге 19 марта рабочие и солдаты Бирска поручили народному комитету потребовать от Петроградского Совета «продолжать войну до победного конца»¹.

В Мензелинске 16–17 марта на собрании представителей кооперативов, волостных старшин, земских и городских общественных организаций и двух возникших районных комитетов общественной безопасности был избран Временный комитет из 6 чел., по три от русских и мусульман. Председателем стал А.И. Катаев. Председатель Мензелинской уездной земской управы Н.В. Катанский, придерживавшийся правых взглядов, депутат IV Государственной Думы, исполнял обязанности уездного комиссара. 12–14 апреля Временный комитет был преобразован в Мензелинский уездный комитет общественных организаций. Комитет выразил недоверие уездному комиссару, вместо которого избрали члена комитета Г.Г. Глубоков².

В Златоусте сначала возник Совет рабочих и солдатских депутатов и лишь затем по выработанной им схеме 24 марта был образован Златоустовский комитет общественных организаций. Председателем президиума избрали заводского фельдшера К.П. Плестинина. В состав президиума вошло 12 чел. от городского управления, горного ведомства, рабочих, кооперативов, с.д. и с.р. партий и др. Для контроля за деятельностью правительственных органов комитет не назначил своих комиссаров, а признал таковыми комиссаров Совета. Златоустовский комитет общественных организаций играл второстепенную роль в политической жизни города и уезда. Комиссаром Временного правительства по Златоустовскому уезду являлся председатель уездной земской управы И.С. Аистов³.

Организация Советов рабочих и солдатских депутатов. Наряду с органами власти, выражавшими в общем интересы средних слоёв, торгово-промышленных кругов, интеллигенции, в Башкортостане создавались Советы рабочих и солдатских депутатов, представлявшие как интересы промышленных рабочих, так и традиционалистских слоёв – призванных в армию крестьян. Образование Петроградского Совета, его воззвания, традиции 1905 г., когда возникли первые Советы в России, указывали революционно-настроенным кругам на необходимость формирования собственных политических организаций. В Уфе 3 марта состоялось собрание рабочих и солдат гарнизона, на котором было решено образовать Совет рабочих и солдатских депутатов, избрана комиссия по его организации⁴. Председателем президиума комиссии был эсер слесарь А.Л. Шеломенцев. 5 марта на втором заседании комиссии был принят план создания Совета, а затем комиссию решено было объявить временным

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 24. Л. 3; Д. 26. Л. 28; Известия уфимского губернского комиссариата. 1917. 2 апреля.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 20. Л. 29, 32–33; Д. 26. Л. 161; Вперёд! 1917. 23 марта.

³ Вперёд! 1917. 14 апреля; ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6. Л. 22 об., 31.

⁴ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). Сборник документов и материалов. Уфа, 1957. С. 10.

Советом рабочих и солдатских депутатов. В адрес Петроградского Совета была отправлена приветственная телеграмма. Состав исполнительного комитета установили в 34 чел., по 16 от рабочих и солдат и по одному делегату от социал-демократов и эсеров¹. Всего в уфимский Совет вошли 82 солдата (по двое от каждой роты гарнизона), 72 рабочих (по одному от каждой сотни рабочих города) и по 4 делегата от социал-демократов и социалистов-революционеров². Первоначально в президиум исполкома Совета были избраны эсер В.П. Гиневский, социал-демократы рабочие М.И. Родионов и В.П. Давыдов (оказался агентом царской охранки, в середине марта арестован и исключён из Совета), солдаты И. Верниковский и Константинов³. Председателем президиума стал В.П. Гиневский⁴, член правления губернского комитета Земгора по снабжению армии. Исполком 10 марта принял воззвание к трудящимся Уфы, где извещал о своём образовании и призывал к сплочению рабочих и солдат вокруг Совета⁵.

Выборы в Совет происходили на непартийной основе. Политические партии в Уфе ещё создавались. Основная масса рабочих и особенно солдат была малограмотна, не разбиралась в партийных программах, часто не видела разницы между социал-демократами и социалистами-революционерами. Большинство членов Совета составляли беспартийные, за политическое руководство которыми боролись две основные силы: большевики и эсеры. В марте–апреле наибольшим влиянием в уфимском Совете пользовались эсеры.

Радикальные демократические требования аграрной программы эсеров отвечали чаяниям традиционалистских слоёв деревни – крестьян-общинников, из которых в основном состоял уфимский гарнизон. Эсеры пользовались влиянием среди служащих, народнической интеллигенции и рабочих Уфы, в первую очередь – на мелких предприятиях, а также среди высокооплачиваемых рабочих железнодорожных мастерских. Кроме того, эсеры, имевшие в Уфе давние революционные традиции, приняли активное участие в создании Совета, выдвинули из среды рабочих и интеллигентов ряд энергичных организаторов и пропагандистов.

В марте – начале апреля позиции эсеров и большевиков, входивших в объединённую с меньшевиками социал-демократическую организацию, по многим принципиальным вопросам были близки. В РСДРП до приезда В.И. Ленина из Германии шёл поиск стратегии, были широко распространены идеи сотрудничества с другими партиями. Поэтому в первое время идейная борьба в уфимском Совете не принимала острых форм, обе партии основное внимание сконцентрировали на совместной организационной работе. Результатом такого соотношения политических сил стали пере-выборы руководства Совета. 20 марта был избран новый президиум в составе Н.П. Брюханова (с.д.), В.П. Гиневского (с.р.), солдат Д.М. Титова (с.р.), П.М. Пономарёва (с.д.), И.В. Верниковского (близок к эсерам). 1 апреля дополнительно были включены трое рабочих: А.Л. Шеломенцев (с.р.), М.И. Родионов (с.д.) и машинист депо Уфа

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 32. Л. 114.

² Вперёд! 1917. 25 марта.

³ Уфимский вестник. 1917. 8 марта.

⁴ *Аминев З.А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа, 1966. С. 45.

⁵ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. С. 13.

П.Г. Никоноров (с.р.)¹. Хотя эсеры получили большинство мест в президиуме, председателем его стал большевик Н.П. Брюханов, опытный революционер и прагматичный политик.

Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов развернул активную работу. Были созданы комиссии: финансовая, митинговая, издательская, военная, осведомительная, по проверке полномочий депутатов². Совет начал широкую агитацию среди рабочих, служащих, солдат, помогал в организации цеховых и местных комитетов, повёл борьбу за введение 8-часового рабочего дня на предприятиях Уфы. Большое внимание Совет уделял налаживанию связей с рабочими уездных городов, горнозаводских посёлков и даже крестьянами. В марте-апреле представители уфимского Совета объехали практически все основные промышленные центры губернии. Например, Брюханов посетил многие горные заводы, помогал в организации там Советов. В Златоусте побывали Цюрупа, Титов, Родионов, Гиневский, Шеломенцев, в Белебее – Трунцев и Булгаков, Кузнецов был на Алафузовской фабрике в с. Нижне-Троицкое, Шарохин – в с. Топорнино³. Уфимский Совет контролировал действия администрации, участвовал в устранении сторонников старого строя.

Преобладание эсеров, неопределённость тактической линии большевиков обусловили господство в Совете революционного оборончества, захватившего трудящиеся массы. Протестуя против империалистической войны, провозгласив лозунг «Мир без аннексий и контрибуций», Совет в то же время призывал до заключения международного мира «участвовать в обороне страны и её нового правового строя». 8 апреля уфимский Совет единогласно присоединился к резолюции Всероссийского совещания Советов, которое высказалось в поддержку Временного правительства, за продолжение войны⁴.

Происходило создание Советов и в большинстве уездных городов. В середине марта был организован стерлитамакский Совет рабочих и солдатских депутатов, куда вошли представители рабочих кожевенных и мукомольных предприятий, типографий, солдат местного гарнизона. Председателем Совета был избран солдат пулемётной команды большевик А.А. Николаев⁵. В Белебее сначала возник Совет солдатских депутатов, позже преобразованный в Совет рабочих и солдатских депутатов. Председателем стал беспартийный солдат Киселёв. Протестуя против травли Петроградского Совета буржуазных газет, белебеевский Совет заявил о его поддержке, так как он «пользуется неограниченным доверием всего трудового народа»⁶. В Бирске был образован Совет рабочих и солдатских депутатов, также в основном состоявший из беспартийных⁷. Преобладание в уездных городах доиндустриальных слоёв населения (крестьян, ремесленников-кустарей), служащих, интеллигенции, немногочисленность

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 32. Л. 10, 38.

² Вперёд! 1917. 25 марта.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 32. Л. 10 об., 15–16.

⁴ Там же. Л. 11, 123.

⁵ За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961. С. 71; *Васильев С.М., Чемерис В.П.* Указ. соч. С. 44.

⁶ В борьбе за власть Советов. С. 42, 44; Вперёд! 1917. 7 апреля.

⁷ За власть Советов. С. 85–86.

рабочего класса обусловили медленное становление Советов. Большую роль в укреплении Советов играли солдаты гарнизонов, особенно в Стерлитамаке и Белебее.

Особое значение для развития революции в крае имело создание Советов на горных заводах Уфимской и Оренбургской губерний, где была сосредоточена основная часть рабочего класса. 2 марта в Златоусте организуется Совет рабочих и солдатских депутатов, возглавивший революционное движение в городе. Был избран президиум из 14 чел. во главе с председателем Николаевым. Совет устранил представителей старой власти, заменил полицию милицией из заводских рабочих. Для проведения текущей работы были выбраны комиссии: по уездным делам, продовольственная, расценочная, финансовая, литературно-агитационная и др., назначены 8 комиссаров, в том числе к горному начальнику, в казначейство, на почту и телеграф. Кроме городского Совета, в начале марта возник Совет рабочих депутатов станции Златоуст. Железнодорожный Совет (председатель Д. Цуканов) разоружил полицию, отстранил от должности начальника станции. В апреле оба Совета объединились. Советы рабочих депутатов возникли и в соседних горнозаводских посёлках – Кусе, Сатке, Бакальском руднике, Петропавловском, Миасском и Михайловском заводах, которые также как и златоустовский Совет находились под влиянием эсеров¹.

Во многих горнозаводских посёлках края сначала складывались временные органы новой власти – исполнительные комитеты, которых затем заменили Советы рабочих депутатов. На собрании граждан Аша-Балашовского завода 7 марта был выбран временный исполнительный комитет, состоявший из 13 рабочих и 5 служащих. Председателем стал лаборант П.С. Коробков. Комитет, по согласованию с администрацией завода, установил 8-часовой рабочий, добился прибавки к зарплате, решал вопросы найма и увольнения. 6 апреля приехавший из Уфы Н.П. Брюханов на собрании рабочих предложил организовать Совет рабочих депутатов. 8 апреля в цехах завода прошли выборы депутатов, всего в Совет было избрано 22 рабочих и 5 служащих².

В Миньяре 5 марта на народном собрании возник исполнительный комитет, большинство в котором также составляли рабочие. Председателем стал рабочий большевик П.Г. Забалуев. Комитет сосредоточил в своих руках всю власть в посёлке. Были образованы продовольственная, организаторская, просветительная и др. комиссии. Комитет установил контроль над производством, ввёл 8-часовой рабочий день во всех цехах, по настоянию большевиков приступил к организации Совета рабочих депутатов. 9 апреля на общем собрании граждан завода, созванном временным исполнительным комитетом, был избран Совет в составе 28 чел. (20 рабочих, включая двух женщин, 8 из служащих и интеллигенции)³.

Собрание граждан Симского завода 6 марта избрало временный исполнительный комитет из 25 чел., подавляющее большинство рабочие. Председателем комитета стал управляющий заводом В.И. Егоров, его заместителем большевик В.А. Чевардин. Симский комитет также избрал комиссии для ведения текущей работы, с 27 марта добился установления 8-часового рабочего дня. 5 апреля на собрании жителей, по

¹ Александров Ф.А. Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году. Уфа, 1951. С. 26–27; Вперёд! 1917. 13 апреля; ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 65.

² Вперёд! 1917. 11, 18 апреля.

³ Там же. 29 марта, 12, 18 апреля; В борьбе за власть Советов. С. 113.

инициативе большевиков было решено организовать Совет из рабочей части исполнительного комитета и выбранных по цехам депутатов¹. Большинство в Симском, Миньярском, Аша-Балашовском Советах рабочих депутатов составляли большевики².

В Усть-Катаве 6 марта на общем собрании был избран местный комитет из представителей рабочих, общественных организаций, крестьян окрестных селений. Комитет выделил исполнительную комиссию из 9 чел. 18 марта в Усть-Катаве возник Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками³. На собрании населения Катав-Ивановского завода 6 марта выбрали волостной комитет из 30 чел., который взял управление делами, арестовал местного земского начальника⁴. Исполнительный комитет был образован в Юрюзани⁵.

В марте-апреле Советы рабочих депутатов возникли на заводах юго-восточного Башкортостана, входившего в состав Оренбургской губернии. При помощи члена оренбургского Совета рабочих депутатов социал-демократа А.М. Потапова были организованы Советы рабочих депутатов в Белорецке и Тирляне. Руководство белорецким Советом оказалось в руках эсеров, представитель которых инструктор-монтажёр В.П. Шрамков стал председателем Совета⁶. Советы рабочих депутатов были образованы также в Баймаке и в посёлке Кананикольский завод⁷.

Борьба за армию. Создание милиции. В условиях нестабильной политической ситуации особое значение имело влияние на вооружённые силы. Власть, лишённая военной опоры, была бессильна. Солдаты уфимского гарнизона сразу вошли в Совет рабочих и солдатских депутатов, образовав военную секцию. Офицеры 6 марта создали свой Комитет офицеров военной организации уфимского гарнизона, сотрудничавший с Комитетом общественных организаций. Накануне, в ночь на 5 марта «все офицеры дали торжественную клятву на верность новому правительству». Офицерская организация не имела реальной силы. Поэтому, «не чувствуя под собою достаточной почвы», чтобы держать солдат под контролем, уже 10 марта офицеры приняли решение идти на сближение с Советом для создания единой солдатско-офицерской организации. Поддержанные уфимским Советом, 12 марта на общем собрании солдаты и офицеры согласились объединиться. 15 марта был избран исполнительный комитет совета единой Военной организации (11 офицеров и 17 солдат) и президиум из 6 чел. (по трое от каждого), председателем которого стал большевик поручик А.К. Евлампиев. 31 марта, в связи с его избранием в Казанский военно-окружной комитет, председателем был выбран прапорщик Логинов. Были созданы культурно-просветительная, осведомительная, контрольная комиссии. В условиях

¹ Вперёд! 1917. 9 апреля.

² Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917–1918 гг.). Сборник документов и материалов. Челябинск, 1957. С. 19.

³ Вперёд! 1917. 22 марта; Васильев С.М., Чемерис В.П. Указ. соч. С. 46.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

⁵ Вперёд! 1917. 24 марта.

⁶ Заря. 1917. 2 апреля; Былое Урала. Уфа, 1924. № 4. С. 75; Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927. Вып. I. С. 53.

⁷ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. С. 93; Заря. 1917. 26 апреля.

быстрого падения воинской дисциплины в уфимском гарнизоне, консервативное высшее офицерство не могло удержать под своим влиянием рядовых. Главную роль в работе Военной организации играли депутаты Совета – солдаты и низшие офицеры, среди которых было много демократически настроенных лиц. Впоследствии Военная организация слилась с Советом рабочих и солдатских депутатов¹.

Губернский Комитет общественных организаций, не сумев установить контроль над уфимским гарнизоном, пытался сохранить старую царскую полицию. Назначенный 5 марта комиссаром для наблюдения за деятельностью полиции К.Ф. Вячкилев издал распоряжение, чтобы полиция исполняла все свои обязанности. Комитет общественных организаций снабдил полицию нарукавными повязками, выказав ей полное доверие. В ответ уфимская полиция 5 марта письменно признала Временное правительство, выразив готовность искренне ему служить². Повсеместно полиция просто переименовывалась в милицию, которую возглавляли бывшие исправники. Например, начальником уфимской уездной милиции был назначен бывший исправник М.Д. Нестеров³, а мензелинский уездный исправник В.Н. Сторожев стал начальником милиции Мензелинска⁴. Последние всячески противились замене личного состава. Тот же В.Н. Сторожев указывал, что «увольнение всей стражи не желательно, так как имеются выступления против существующего порядка, с начала полевых работ возможны аграрные беспорядки»⁵.

Такая политика вызывала недовольство революционно-настроенного общества. Уфимские «милиционеры» жаловались, что со стороны населения «было несколько случаев оскорблений, угроз и даже насилий над низшими чинами полиции». 7 марта во время торжественной манифестации по случаю победы революции Комитет общественных организаций вообще убрал полицейских с улиц города⁶. Из разных мест поступали сообщения о недовольстве крестьянства оставлением старых полицейских. Взрыв негодования в Белорецке вызвало назначение начальником милиции бывшего полицейского⁷. Рядовое население, не дожидаясь указаний сверху, само отстраняло и разоружало полицию. В Николо-Берёзовке комитет общественной безопасности посадил под домашний арест пристава Белякова, разоружил стражников, избрав начальником милиции местного жителя Н.С. Баранова⁸. В Иглино арестовали урядника Колмацкого и, опасаясь самосуда над ним, выслали в Уфу⁹. Повсеместно шла ликвидация полиции на горных заводах края.

В Уфе Совет рабочих и солдатских депутатов уже 7 марта вынес постановление о нежелательности пользоваться услугами полиции¹⁰. Неоднократно, как например 12 и 26 марта, 10 апреля, уфимский Совет требовал от Комитета общественных орга-

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; Д. 17. Л. 5, 14–17, 29, 39; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

² Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 9; Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

³ Там же. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 8. Л. 55.

⁴ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26. Л. 161.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

⁷ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. С. 8–9.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26. Л. 176.

⁹ Там же. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 8. Л. 109, 115.

¹⁰ Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

низаций убрать бывших полицейских, заменить их солдатами¹. Недовольство народа, стихийное устранение полиции на местах, давление Совета вынудило пойти на полную замену полиции милицией, главным образом из выздоравливающих солдат. В марте городской думой, а затем на совместном заседании президиумов Комитета общественных организаций, Совета рабочих и солдатских депутатов и совета Военной организации был принят проект создания городской милиции². Начальником её стал капитан 103-го пехотного полка Г.И. Аглинцев³, придерживавшийся демократических убеждений. 14 апреля была учреждена временная комиссия из представителей трёх вышеупомянутых организаций (по три чел.) для наблюдения за деятельностью милиции, с правом приглашать и увольнять милиционеров. За поступившими в милицию оставалась их прежняя служба без сохранения жалования⁴. Создание демократической милиции фактически окончательно лишило Комитет общественных организаций (и комиссара Временного правительства) всякой вооружённой силы в крае, что в условиях сложной политической обстановки и начавших постепенно восстанавливаться партийных боевых дружин большевиков и эсеров означало полную беспомощность власти в реализации любых конкретных мероприятий.

Создание местных партийных организаций. После свержения самодержавия проживавшие в Башкортостане революционеры приступили к восстановлению своих партийных организаций. Начиная со 2 марта, после ряда собраний был организован уфимский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В состав комитета вошло 13 чел. (9 большевиков и 4 меньшевика). В президиум комитета были выбраны 5 чел.: большевики А.И. Свицерский, санитарный врач Б.М. Эльцин, Н.П. Брюханов, М.И. Родионов и меньшевик И.А. Ахтямов, который стал председателем президиума. Первоначально в организации насчитывалось 50–60 членов. С 19 марта уфимский комитет начал издавать газету «Вперёд!». Для определения отношения к создавшейся политической ситуации в стране 17 марта было проведено заседание группы, где с докладом о текущем моменте выступил А.И. Свицерский. Он высказался за условную поддержку Временного буржуазного правительства «во всём, что способствует установлению народовластия». Группа единогласно приняла этот тезис, а по вопросу о войне, также единодушно, постановила «признать необходимым в целях защиты революционных завоеваний русской демократии ... продолжение войны»⁵. Большое влияние на такую позицию социал-демократов оказало создание в Уфе объединённой организации, включавшей большевиков и меньшевиков.

В Уфе преобладали в населении мещане, служащие, интеллигенция, рабочий класс был малочислен. В единственном крупном предприятии города – железнодорожных мастерских и депо квалифицированная и высокооплачиваемая верхушка рабочих поддерживала умеренных социалистов. После февральской революции в партию вступило много новых членов из рабочих и учащейся молодёжи, слабо знавших историю РСДРП и вообще азы марксизма, не разбиравшихся во внутрипартийных

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; Д. 32. Л. 12; Вперёд! 1917. 12 апреля.

² Вперёд! 1917. 31 марта.

³ Там же. 11 апреля.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 32. Л. 40.

⁵ Пройденный путь. Вып. I. С. 83; Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957. С. 50.

разногласиях. Условия приёма были облегчены. Сначала для вступления требовалась рекомендация двух членов партии. Затем желающих просто записывали, кандидатуры обсуждали на общих собраниях и, если не было возражений, зачисляли¹.

Большевики доминировали в объединённой организации, составляя большинство в руководстве, однако влияние меньшевиков среди рядовых членов было тоже велико. Это показали выборы делегата от Уфы на Всероссийскую апрельскую конференцию. Несмотря на противодействие большевиков, большинство голосов получил меньшевик И.А. Ахтямов. Чтобы получить мандат на конференцию, Н.П. Брюханову пришлось ещё раз объехать горные заводы, делегатом от которых он был избран².

Существование объединённой организации привело к появлению ряда меньшевистских статей в газете «Вперёд!», там же публиковались объявления о «Займе Свободы», выпущенном Временным правительством для сбора средств на войну. С другой стороны, позиции большевиков усиливались. Они активно работали в Совете, профсоюзах, иных организациях. Росла численность группы. В начале апреля в Уфе насчитывалось 120 членов партии³. Из тюрем и ссылок возвращались опытные революционеры, старые большевики-подпольщики. Многие из них поступали на работу в железнодорожные мастерские, где 10 апреля был образован районный комитет партии, во главе которого стал большевик токарь П.И. Зенцов⁴.

В марте-апреле начали свою деятельность социал-демократические организации в ряде уездных городов и горнозаводских посёлков. В Белебее возникла небольшая группа большевиков, во главе с Котомкиным и уездным врачом П.Н. Владимирским⁵. В Бирске сложилась группа социал-демократов меньшевистского толка, которая в начале апреля избрала уездный комитет, возглавлявшийся председателем Л.Б. Красовским, бухгалтером местного отделения Сибирского банка⁶. В Златоусте вышедшие из подполья социал-демократы организовали партийный комитет (объединённый). Председателем его стал большевик Е.А. Преображенский⁷. Сильные большевистские организации возникли в Миньяре (19 марта), Симе (29 марта), Аше (30 марта), Усть-Катаве (5 апреля)⁸. В Белорецке 7 апреля образовалась большевистская группа, был избран президиум из 5 чел., в состав которого входил ветеран российского революционного движения П.В. Точисский⁹.

Происходит формирование структур других партий. 5 марта организуется еврейская социал-демократическая партия Бунд. Был избран исполнительный комитет, председателем президиума стал счетовод Ф.А. Фенстер¹⁰. На правах национальной секции Бунд входил в уфимскую организацию РСДРП.

¹ Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. С. 50; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. С. 27.

² За власть Советов. С. 39–40.

³ Вперёд! 1917. 11 апреля.

⁴ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. С. 33.

⁵ В борьбе за власть Советов. С. 42.

⁶ За власть Советов. С. 86; Вперёд! 1917. 18 апреля.

⁷ Былое Урала. Уфа, 1924. № 3. С. 128.

⁸ Вперёд! 1917. 31 марта, 9, 11, 18 апреля.

⁹ Там же. 30 апреля.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

В начале марта в Уфе возник губернский комитет партии эсеров (ПСР), под председательством А.И. Бриллиантова, бухгалтера городской управы. Эсеры создали 14 комиссий – рабочую, крестьянскую, военную и др., начали издавать газету «Земля и воля», печатать прокламации и брошюры¹. Весной 1917 г. это была самая влиятельная и популярная партия в России. В ряды эсеров хлынуло огромное число служащих, интеллигенции, рабочих, крестьян, молодёжи. Уфимская организация эсеров во многом определяла позицию Совета рабочих и солдатских депутатов.

Опираясь на прослойку высокооплачиваемых специалистов, а также рабочих, тесно связанных с землёй, возникли эсеровские группы на горных заводах края. В Златоусте сложилась крепкая рабочая организация эсеров, лидером которой был Н.О. Голлендер². Большим влиянием эсеры пользовались в Белорецке, Катав-Ивановске, Юрюзани. В Бирске и Белебее, где 11 апреля был создан уездный комитет³, эсеровские группы состояли в основном из служащей интеллигенции.

Интересы интеллигенции, предпринимателей, либеральных помещиков представляла конституционно-демократическая партия (кадеты). Первое организационное собрание уфимских кадетов прошло 6 марта⁴. В начале апреля был составлен комитет, в ряды которого вошли граф П.П. Толстой, редакторы газет «Уфимский вестник» – Н.Н. Быховский и «Уфимская жизнь» – А.Ф. Ница, др.⁵ Обе газеты являлись неофициальным рупором местных кадетов.

Февральская революция положила конец многовековому периоду Российской самодержавной империи. Перед страной открылось несколько вариантов возможного развития, от дальнейшей модернизации по западному либеральному пути, до скатывания в пучину нового традиционализма. Однако продолжавшаяся мировая война, тяжёлое экономическое положение резко ограничивали время и «историческое пространство» для реализации реформ. Нужны были быстрые решительные действия.

¹ Дело народа. 1917. 4 мая.

² Былое Урала. № 3. С. 129.

³ Земля и воля. 1917. 16 апреля.

⁴ Вперёд! 1917. 8 апреля.

⁵ Там же. 15 апреля.

§ 1. Традиционная этническая культура

Несмотря на все изменения, происходившие во второй половине XIX – начале XX вв. в социально-экономическом положении населения Южного Урала, в традиционной сельской культуре (одежде, убранстве жилищ, праздниках и пр.) ещё сохранялась этническая специфика¹. Если в деревенской планировке господствовали уже квартальные схемы с чётким разграничением усадеб по улицам, то в организации *сельской усадьбы* преобладали две разные народные традиции. Одна, с обособленным жилищем, разбросанными хозяйственными постройками появилась с юга и, видимо, была связана с бытом скотоводов. Другая предполагала тесную связь дома со службами, что было необходимо в суровом климате лесного севера, выстраивание построек по границам усадьбы, непосредственно за сенями избы, что приводило к появлению глаголеобразных, а иногда и замкнутых дворов.

В Башкирии был больше распространён первый тип усадьбы. С большим или меньшим числом строений (это определялось материальным достатком семьи), он был характерен не только для башкир, но и для татар, чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы, в степной местности – для украинцев, белорусов, русских. Выявлялись закономерности в планировке таких усадеб: разделении их на «чистую» и хозяйственную части, группировка построек по функциональному признаку, определённое размещение по периметрам двора. В непосредственной близости от дома могли находиться

¹ См.: Народы Башкортостана: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2002; *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000; *Кутушева Г.Р.* Традиционный костюм башкир в Западном Башкортостане (к проблеме этнокультурных взаимодействий). Уфа, 2003; *Петров И.Г.* Чувашаи Башкортостана: Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры. Уфа, 1994; *Садиков Р.Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов. Уфа, 2001; *Щербаков А.С.* Мордовское население Башкортостана. Уфа, 2005; *Бабенко В.Я.* Украинцы в Башкирской ССР. Уфа, 1992; *Шитова С.Н.* Башкирская народная одежда. Уфа, 1995; *Янбухтина А.Г.* Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа, 1993; *Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979; Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф.* Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002; др.

«чистые» службы, амбар и др. Против дома, по другую сторону ворот, обычно располагалась летняя кухня (у башкир, татар) или клеть, которая нередко использовалась как летнее помещение для молодой пары (у марийцев, удмуртов). Сарай и особенно хлева размещались в противоположном от дома углу. Перед ними, а чаще в огороде, ближе к реке, строилась баня. Это сооружение из брёвён (в безлесных районах – из обмазанного плетня или камня) было особенно характерно для народов финского происхождения и северных русских. К XIX в. бани («мунса» – баш., «мунча» – тат., чув., «монча» – мар., «миньчо» – удм.) стали общераспространённым явлением на Южном Урале. В аулах башкир, продолжавших выезжать на пастбища, зачастую строили общую баню на несколько семейств. За хозяйственным двором находился овин с гумном, где молотили, сушили и хранили хлеб. Однорядная связь построек чаще встречалась у славянских народов, меньше у мордвы и марийцев, ещё реже у татар и башкир. У последних на рубеже XIX–XX вв. можно было увидеть до десяти вариантов взаиморасположения дома и хозяйственных построек, в том числе выстроенные в ряд¹.

Разновидностью, характерной главным образом для при заводской зоны, была замкнутая «покоеобразная» усадьба, мощёная брёвнами, иногда крытая. Такие дворы, своеобразные крепости с глухими заборами и «русскими» воротами на запорах, сооружались в горах в русских селениях, соседних башкирских и татарских аулах, были они характерны и для белорусских хуторов.

Наряду с многими сходными чертами в устройстве поселений и усадеб, существовали специфические этнические приметы. В языческих марийских, удмуртских и некоторых чувашских деревнях это прежде всего «священные рощи». У финно-пермских народов было заметно почтительное отношение к деревьям, их селения отличало обилие зелени. В усадьбах марийцев, удмуртов, мордвы и чувашей сохранялись бревенчатые избушки, выполнявшие назначение летних кухонь, по сути – своеобразные семейные святилища, в устройстве которых (земляной пол, отсутствие потолка, окон, открытый очаг с подвешенным котлом) угадывались черты древних жилищ. С ними можно сравнить в конструктивном отношении избушки «бурама» на летовках горных башкир. Зимним вариантом древнего жилья и в начале XX в. были землянки, использовавшиеся в усадьбах в качестве погребов, омшаников, помещений для зимовки ягнят и в других хозяйственных целях.

По-разному развивались декоративные архитектурные традиции. Башкирские дома чаще выходили на улицу фасадом, украшались оконные наличники и фасадная стена. У татар дом и «чистые» строения скрывались за плотным забором, основное внимание уделялось украшению фронтона. Это могла быть фигурная рустовка, резьба на причелинах, слуховое окно, декоративный балкон, карнизы и фризы. Богатые традиции домовой резьбы имелись у русских. Помимо оконных наличников и карнизов, резьбой украшали ворота и калитки, крыльцо. В приуральских городах и посёлках для украшения домов применяли художественное чугунное литьё и резную жечь. В пределах уездов и волостей работали опытные оформители-резчики, инди-

¹ См.: Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Народное искусство башкир. Л., 1968; Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979; др.

видуально или в составе плотничьих бригад. Это могли быть татары, башкиры, русские, реже представители других народов.

У каждой группы населения были излюбленные приёмы резьбы по дереву, свои орнаментальные традиции. В конце XIX – начале XX вв., когда повсеместно распространилась пропильная резьба, башкирские мастера отдавали предпочтение орнаментам, выполненным на доске с выборкой фона, накладным и рельефным под влиянием декоративно-художественных традиций, связанных с искусством аппликации и выработкой деревянной посуды. Марийцы в старину украшали конёк избы скульптурным изображением птицы или коня, в их декоре преобладали накладные мелкие фигуры, собранные в композицию, иногда применялась раскраска. В степной местности, у проживавших там башкир, украинцев, мордвы, чувашей и других народов, архитектурный декор не развивался.

Выбор материала для строительства и даже конструкция не зависели от этнических традиций, определялись природными условиями. Повсеместно в лесной зоне была распространена однокамерная бревенчатая изба с двускатной тесовой или корьевой крышей. К ней пристраивали сени. В безлесной местности сооружали жилища глинобитные, саманные, плетневые с засыпкой и обмазкой или каменные из плитняка. Для покрытия использовали солому, дёрн (по накатнику), скрепляя их глиной. Такие избы были в степных селениях башкир, чувашей, мордвы, украинцев и др.

Термин «изба» характерен для русских Севера и средней полосы России. В южных губерниях у славян дом называли «хатой». В Башкирии присутствовали оба термина. У башкир и татар жилище именовалось «өй», «йорт». Близки к этому марийское «пөрт», чувашские «пүрт», «сүрт», удмуртское «корка», мордовское «кудо». Последнее название сохранилось у марийцев как обозначение старинной летней кухни.

В обеспеченных хозяйствах устанавливали «сдвоенные» жилища – две близко поставленные избы, соединённые сенями. Одна из них выполняла роль «чистой», другая – кухонной половины. Отделение «чистой» части жилья от хозяйственной особенно было свойственно мусульманам башкирам и татарам. У финнов и русских дальняя часть «сдвоенного» дома служила жильём для молодой брачной пары.

В начале XX в. обычным явлением в крае стали пятистенки – избы из смежных комнат с сенями во всю длину сруба. Их нередко рубили русские плотники. У мусульман в таких домах предпочитали устраивать два входа из сеней, изолируя комнаты. В этом продолжилась традиция обособления в жилище женской «половины». Вместе с пятистенками распространились четырёхскатные крыши. начали появляться новые кровельные материалы: железо, черепица. Стропильная конструкция всё решительнее вытесняла старые крыши «на самцах» и на столбовых опорах.

Преобладающим типом *интерьера* на Южном Урале был интерьер с печью у входа, обращённой устьем к фасадной (уличной) стене*. Разные народы эту простейшую планировку освоили, приспособив к своему быту. У башкир и татар печь часто ставили на расстоянии от стен, иногда передвигали ближе к центру, оставляя за нею проход на хозяйственную половину. Характерной деталью интерьера являлись нары –

* Классификация устройства интерьера впервые была осуществлена при описании русских изб, и этот тип известен как северно-средне-русский (Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 238–241, 246; и др.).

помост из досок против топки печи. Занавесом жилище разделяли, изолируя кухонную часть от остального пространства. Место у передней стены являлось у башкир и татар почётным. У русских, чувашей, марийцев, белорусов, мордвы «красным» считался передний угол – по диагонали от печи. Здесь стояли стол и лавки. У христиан в углу помещались иконы и лампадка. Среди русских, мордвы, белорусов, марийцев, удмуртов, чувашей, кое-где у татар, реже у башкир, у печи над входом устраивали полати, а за печью у двери тёплую лежанку.

Некоторые различия имелись в устройстве очага. Русские духовые печи были объёмными, с просторной топкой, сложной системой дымоходов, с запасной лежанкой, помостом для сушки дров, нишами для хозяйственных вещей и самовара. Под влиянием русских развивались печи других народов. Зачастую они были менее сложными: функцию приготовления пищи выполнял дополнительный очаг с котлом. Кое-где в горах у башкир сохранялись своеобразные камин-чувалы («сбуал») с вертикальной топкой и прямым дымоходом. Вместе с тем, в других районах, как и у остальных народов края, существовали хлебные печи («кимэк мейес»), использовавшиеся не только для выпечки хлеба, но и для обогрева жилища. В «чистых» комнатах в конце XIX и начале XX в. сооружали круглые или прямоугольные печи-голландки.

Вмазанный в низкую печурку котёл считался приметой кочевого быта. Котёл, подвешенный на цепях к своду печи, являлся пережитком древнего финно-угорского интерьера. Эти приспособления встречались у разных народов края. Подвесной котёл можно было увидеть в удмуртских, марийских, чувашских, мишарских деревнях. В других случаях, у марийцев, чувашей, удмуртов и даже русских устраивали небольшие подтопки с вмазанным казаном. Очаги с котлом («усак») являлись наиболее характерным элементом башкирского и татарского интерьера.

Во внутреннем убранстве изб сохранялось многое, наиболее типичное для уклада того или иного народа. Иногда специфику порождало своеобразное применение чужих традиций.

Широко были приняты в интерьере почти всех групп населения Башкирии нары. У марийцев на нарах у входа держали утварь, вёдра с водой. Здесь же находился угол для семейных трапез и поминовения умерших. Иногда сюда была повернута топка печи. Прежде печь в жилище финно-угров находилась в переднем углу и была повернута устьем ко входу. Это и объясняет нахождение трапезного места и нар у дверей. Под влиянием финно-угорского населения у части башкир (горноуральских, прикамских) появились нары у входа одновременно с длинными нарами у передней стены. Топка чувала, сложенного в свободном углу у дверей, освещала и обогревала одинаково как те, так и другие. Дошатый помост за печью («пол»), заменявший кровать, присутствовал в жилищах белорусов, украинцев и русских из южных губерний. Очевидно, башкирский и татарский интерьер оказывал влияние на устройство жилищ соседей.

Для многих народов, в том числе белорусов, украинцев и части русских, характерно широкое использование в интерьере текстиля: ковров, дорожек, вышивок, тканых и ситцевых занавесей, полотенец, салфеток. Повсюду можно было увидеть жерди под потолком для полотенец, одежды и утвари, подвесные колыбели, сундуки, сложенную горкой постель. Нередко у печи отгораживалось место для рождённых в зимнее время ягнят или телёнка.

Таким образом, внешнее и внутреннее устройство жилищ и усадеб населения Башкирии обнаруживало много общего. Южный Урал являлся частью (периферией) восточноевропейского культурного ареала. При общении тюркского, финно-угорского и славянского населения постепенно трансформировались и сглаживались этнические различия¹.

Структура народного хозяйства, экологические условия были решающими в формировании **пищевых традиций**. Хотя для человека характерна консервативность вкусовых ощущений, приверженность к определённым способам приготовления блюд, их сочетанию в пищевом рационе, тесное этнокультурное взаимодействие затронуло не только повседневное питание народов края, но и обрядовую пищу. Основой питания были зерновые культуры, широкое распространение получил картофель, выращивали другие огородные культуры. Их дополняли мясо-молочная пища и, меньше, природные ресурсы – рыба, дикорастущие плоды и ягоды, дичь. Муку и крупу население вырабатывало на многочисленных мельницах и крупорушках, как архаика сохранялись домашние деревянные или каменные ручные жернова и ступы.

У всех народов заготавливали впрок толокно – муку из предварительно сваренных и высушенных (прокалённых) зёрен пшеницы или овса. У башкир лакомством считалась пшеница «курмас», прокалённая в смазанном жиром котле. Выпечка хлеба из заквашенного хмелевым солодом (у украинцев квасом) ржаного, меньше пшеничного, теста в домашних подовых печах практиковалась повсеместно. Лишь у южных, горных и степных башкир и кое-где в восточном Зауралье, следуя старым обычаям, для повседневного потребления вместо хлеба выпекали пресные лепёшки в небольших печурках, сложенных на открытом воздухе. У марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов небольшие лепёшки, испечённые на поду печи или зажаренные на сковороде в масле, служили ритуальным кушаньем на коллективных молениях.

Обрядовым и праздничным блюдом являлись блины. Их пекли из разбавленного хлебного теста или из ячменной, овсяной, гороховой муки, а также из толчёного пшена. Горка смазанных маслом блинов была атрибутом свадебного стола. Пекли блины и на поминках. Восточные марийцы, удмурты, татары, северные башкиры сохраняли старинную традицию запекать готовые блины с крупяной (обычно пшённой, сваренной в молоке или мясном бульоне) кашей, горохом или конопляным семенем. Широко были распространены печёные кушанья – небольшие пресные и кислые лепёшки, часто с начинкой, типа шанег и ватрушек («пэрэмэч» – тат., сев. башк., «пүремэч» – чув., «перемэч», «шаньга» – мар., «перепеч», «шанга» – удм.) с творогом, ягодами, рублёным мясом, а также картофелем, яйцами, луком, грибами. У татар, северных и западных башкир гостевым и обрядовым блюдом был «бэлеш» – пирог из пресного, замешанного на яйцах теста, с начинкой из мяса и каши, позже – мяса и овощей. У чувашей «пелеш» считается заимствованным из татарской кухни. У русских сходным с ним был свадебный «курник» – закрытый пирог с курицей или говядиной. Пшённую кашу, курицу и яйца запекали и в мордовском свадебном пироге. Обычным блюдом на праздничном столе русских и некоторых других народов была рыба, запечённая целиком в тесте. Под влиянием русских распространились

¹ См.: Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир: Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М., 1984. С. 203–221.

закрытые пироги из кислого теста с разнообразной начинкой. Кроме мясных и молочных продуктов, использовали в пироги свежие и сушёные ягоды: калину, рябину, черёмуху (в виде черёмуховой муки), полевую клубнику, дикий чеснок, шавель и пр.

Видимо, к скотоводческой кухне относились сваренные в жиру изделия из пресного теста. Небольшие шарики или ромбики, сдобренные иногда мёдом и сахаром, подавались к праздничному столу башкир, татар, чувашей, удмуртов, марийцев. У татар и приуральских башкир сдобные изделия были особенно разнообразны: «сәксәк», «йыгуаса», «бауырһаҡ», печенье «кош теле» («птичий язык»), хворост присутствовали на праздничном столе, входили в состав гостинцев. В городах и посёлках всеобщее признание получили русские крендели и баранки.

Много общего наблюдалось в переработке молочных продуктов. С отстоявшегося молока собирали сливки. В пищу употребляли скисшее молоко или специально заквашенное. Особым разнообразием отличались молочные продукты у тюркских народов. Откинутое кислое молоко со сметаной у татар и части башкир подавали к завтраку. Перекисшим молоком («катык», «эсеғатык») приправляли похлёбки и бульон. Из сливок или сметаны у всех народов сбивали масло, нередко в узком долблённом сосуде с помощью мутовки. В начале XX в. распространение получают сепараторы. Большую часть масла перетапливали и хранили, подсолив, в деревянных кадочках. У башкир, татар и части марийцев к чаю готовили слабо взбитое масло из свежих сливок («ак май» – букв.: белое масло). У юго-восточных башкир для повседневного потребления использовали масло, сбитое из сливок с добавлением кислого молока, а оставшаяся пахта была питательным и утоляющим жажду напитком. В горах и отрогах Южного Урала к чаю подавали топлёное масло с дикой вишней или костяникой.

В скотоводческих районах масло было привычным продуктом на столе обеспеченных семей. У русских, белорусов, украинцев, чувашей, удмуртов сливочное масло потреблялось редко. В их кулинарии обычно использовали растительное (конопляное, подсолнечное) масло, свиное сало.

Широкое распространение имел творог. У башкир и татар, кроме обычного, было принято готовить красный творог («кызыл эремсек»), выпаривая в котле творожистую массу. Перемешанный с маслом или мёдом, такой творог подавали к чаю, использовали для начинки пирогов. У марийцев на праздники и моления выпекали в печи творожные лепёшки («туара»). Из перекисшего молока, путём кипячения и отделения от сыворотки, получали сырки. Их ели свежими, размешивая в бульоне, или сушили (иногда коптили), заготавливая на зиму. Технология приготовления башкирских сырков («жорот») в XIX в. заинтересовала медицинскую общественность. Информация об этом продукте, имевшем целебные свойства, помещалась в журналах¹. Такие сырки изготавливали и соседние народы. У марийцев «курт» сушили на зиму, заготавливали на моления. Среди русских Урала сухие солёные «лепёшки» из творога охотно брали в дорогу. Не менее популярен в крае был освежающий напиток из кислого молока, размешанного с водой («айран» – башк., «эйрен» – тат., «арьян» – удм., «эрьян» – морд., «йыры» – мар., «турах уйране» – чув.).

¹ Заварин В. Из Красноуфимского уезда Пермской губернии. О башкирах и башкирском молочном хозяйстве // Вестник Русского сельского хозяйства. М., 1889. № 9. С. 794–796; Альтгаузен Е. Химический состав крута // Военно-медицинский журнал. СПб., 1874. Ч. СХХI, отд. 7. С. 1–5; и др.

В употреблении мяса сказывались народные обычаи. Удмурты, например, в силу давних охотничьих традиций, широко использовали мясо диких животных и птиц. У всех финно-угорских народов ценилась зайчатина. Русские, напротив, мясо зайца не ели, как и конину. Предпочтение у них, а также у белорусов и украинцев отдавалось жирной свинине, на Урале в русской кухне широко использовалась баранина. У башкир и татар праздничными считались блюда из баранины и конины. Ели конину чуваша и марийцы. Особое пристрастие испытывали тюркские и финно-угорские народы к гусятине. Свинину мусульмане не ели. Говядину употребляли в пищу все народы. У русских, чувашей, марийцев, мордвы, татар, меньше у башкир в число гостей-вых и обрядовых блюд входила сваренная или запечённая в тесте курятина.

Мясо обычно варили в котлах, под влиянием русских иногда тушили в печи, реже жарили. У большей части башкир, чувашей, марийцев сваренное мясо подавалось отдельно от бульона, с лапшой или картофелем. У остальных некрошенное мясо опускалось в сваренный суп. У многих народов, особенно башкир и татар, было принято варить суп или бульон с домашней лапшой или кусочками раскатанного теста. У русских суп-лапша с курицей считался свадебным и поминальным блюдом. У южных башкир в начале XX в. сохранялся старинный ритуал угощения гостей специальным блюдом («бишбармак», «куллама») – варёным мясом, подаваемым в чаше вместе с выбранной лапшой. Кушанье запивали бульоном, размешанным с «коротом».

Наследием древних традиций в кухне многих народов было особое мясное блюдо – колбаса из свежего мяса и крупы («тултырма», «тутырмыш» – башк., «тутырма» – тат., «тултармаш» – чув.), любили готовить такое блюдо при убое скота марийцы и мордва, а также украинцы. Специфическую разновидность колбасы («казы», «казылыг») – вяленую или копчёную, из кусочков засоленного конского мяса и сала, делали и употребляли в пищу башкиры, татары, марийцы. Способ консервирования мяса вялением был распространён у башкир и татар¹. По мере надобности из вяленого мяса и кусочков подобной колбасы варили суп. Под влиянием славянских народов на праздничном столе у всех жителей края появился холодец. У скотоводов-башкир к старинным обычаям относилось угощение варёной головой животных по весне (в день поминовения всех умерших) наиболее уважаемых стариков. Со второй половины XIX в. повсюду стали популярны пельмени – «варёные пирожки» с мясом, творогом, капустой, картофелем*.

Особую роль у финно-угорских народов имело употребление яиц, связанное с языческими представлениями. Яйца варили или запекали в целом виде на семейные торжества, поминки, коллективные моления. Возможно, их влияние сказывалось на окрестных народах. В башкирских и татарских деревнях яйца собирали для победителей на сабантуе. У татар, северных башкир, удмуртов, марийцев сохранялся обычай бросать яйца в свежеспаханную борозду с пожеланием плодородия. У славян бытует пасхальный обычай обмениваться крашеными яйцами.

К началу XX в. среди сельского населения Башкирии потреблялось несколько видов напитков. Из проросших зёрен ячменя, овса с добавлением прокалённой или

¹ Гаделгареева Р.Г. Традиционные способы консервирования молочных и мясных продуктов у башкир // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 53–61.

* Название «пельмень» из пермских (удм., коми) языков: «пель» – ухо, «нянь» – хлеб.

обычной муки готовили пенистую брагу («буза» – башк., «поза» – тат., морд.), у угро-финских народов и чувашей, реже у русских варили пиво. Под влиянием русских распространился хлебный квас. Делали медовуху, по весне собирали берёзовый сок, из которого чувашаи делали вино («эрех»). Башкиры из кобыльего молока путём его сквашивания и тщательного взбалтывания получали кумыс. Многие из напитков (кумыс, брага, др.) служили ритуальными на коллективных трапезах в праздники и в дни молений. Существовала специальная посуда (резные кадочки, ковши и чаши) для этих напитков. В южной Башкирии и в восточном Зауралье использовались кожаные сосуды для кумыса: разных размеров турсуки, чаны, ведёрки.

Со второй половины XIX в. большое распространение получил чай, в деревнях появились самовары. Чаепития во многих случаях упростили дневной рацион питания. У башкир, татар и других народов чай пили со сливками или молоком, подавали на стол с мёдом, маслом, мучными изделиями. Помимо покупного чая, заваривали травы: душицу, мяту, смородиновый лист, сухие ягоды. Среди славянских народов чаепития не были столь желанны, к трапезе почти всегда подавали квас, а любимым десертным напитком был компот из сухих ягод и фруктов («кузвар»). Украинцы готовили свекольный квас. Заваривали также целебные травы. Башкиры и татары запасали сухую ягодную пастилу «как». Под влиянием городской культуры и с распространением сахара стали варить варенье.

Внутри национальных культур имелись значительные локальные особенности. Например, среди башкир чётко разграничивались зоны главенствующего употребления ячменя (Зауралье) и проса (Приуралье). К востоку от Урала с ячменём связано обрядовое кушанье из цельного зерна («күжә») и жертвенная брага («буза»). В обрядах Приуралья главным угощением были пшённая каша («бутка»), сваренная на молоке или в мясном бульоне, и редкостное по технологии приготовления блюдо («сук») – отваренное пшено, растолченное и взбитое в ступе с каймаком¹. Особенно богат был ассортимент блюд в кухне западных и северных башкир, испытавших сильное воздействие татарских и русских традиций, вплоть до широкого употребления в пищу картофеля, капусты и других овощей, включая бахчевые (тыквы). Современник обращал внимание на роль гостеприимства в передаче культурных традиций. В Бирском уезде «у русских праздник – гостями являются татары и черемисы; ... у язычника праздник – в гостях у него русские и мусульмане»².

Самобытность сохранила на рубеже XIX–XX вв. **народная одежда**: колоритно выглядели тканые и вышитые платья, многообразны были украшения из серебра, кораллов, бус и бисера, традиционными оставались многие головные уборы. Определённый консерватизм проявлялся в покрое одежды и декоративных способах её оформления. В комплексе украшений и характере орнамента у каждого народа присутствовали как относительно поздние, так и ранние пласты художественной культуры. Этнические особенности сохраняли прежде всего женские костюмы.

¹ Шитова С.Н. Материальная культура башкир бассейна Юрзани и среднего Ая // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 113–120; Курганские башкиры. Уфа, 2002; Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 78–90; и др.

² Филоненко В.И. Отчёт о командировке в Бирский уезд к язычникам-инородцам // Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. Приложение.

У марийцев, удмуртов, чувашей очень часто для одежды продолжали использовать домотканину: белую, клетчатую, полосатую. У тюркских народов домотканая одежда изготавливалась в северных районах. Кроме платьев, фартуков, штанов, здесь шили и верхние кафтаны из полосатого холста. Однако в большем употреблении по всей территории у татар и башкир были фабричные и привозные с Востока кустарные ткани. Среди последних были популярны шёлковые и полушёлковые материалы с абровым рисунком.

В традициях ткачества у народов южного Приуралья было много общего. Однотонный или пестрядинный холст, украшенный браными розетками, использовался в северных районах для праздничной одежды. Традиционными не только у башкирских, но и татарских (особенно мишарских), а также марийских, удмуртских женщин стали праздничные комплекты из тканого платья и фартука. Свадебный костюм жениха здесь нередко включал узорные домотканые штаны и вышитую рубаху. Вещи различались незначительно: расцветкой, длиной платьев и рубах, некоторыми второстепенными деталями кроя, вышитыми узорами. Одежду из узорного холста носили и чуваша по всей Башкирии. Обрядовая марийская, мордовская и чувашская одежда шилась из белого полотна и вплоть до XX в. сохраняла архаичные черты в характере вышитого орнамента, цветных вышивках на груди, плечах и спинке.

Особенностью тюркских и финно-угорских народов Урало-Поволжья было включение верхней одежды не только в повседневный, но и праздничный костюмный комплекс. У южных и восточных башкир на платье и рубаху надевали несколько распашных одежд: безрукавные камзолы, приталенные казакины, просторные бешметы и «еляны». Праздничной и свадебной мужской и женской одеждой мог быть суконный белый чекмень. Верхнюю одежду для торжественных случаев украшали позументом, цветными нашивками, вышивкой, монетами, кораллами, узорной пряжкой. Марийцы на платье надевали короткий сборчатый кафтанчик из полосатого или белого холста – «шовыр», удмурты носили безрукавки-камзолы или приталенную одежду «зыбын» из шерстяной домашней ткани в полоску. Под влиянием башкир у некоторых северных групп марийцев и удмуртов женской праздничной одеждой стали тёмные халаты «селэн», а верхняя одежда вошла в женский костюм.

В прохладную погоду всюду в Башкирии надевали суконные зипуны и чекмени, зимой – овчинные шубы и тулупы. В богатых башкирских семьях нередко имелись щеголеватые мужские и женские шубы из меха лисиц, волков, выдр. В других случаях башкирские женщины могли и не иметь зимней одежды: выходя по хозяйству во двор, набрасывали шерстяную тканую шаль или надевали тёплую одежду мужа.

Несмотря на влияние городской культуры, народная одежда в основе длительное время сохраняла традиционный покрой. В Приуралье платья и мужские рубахи было принято конструировать туникообразно – со станом из цельного полотнища (без швов на плечах). Тюркская одежда отличалась более широким подолом за счёт расклешенных боковых вставок, что переняли некоторые соседи (удмурты, икско-сюньские марийцы), которые нашивали цветные полосы и позумент вокруг нагрудного разреза, пришивали широкие оборки к низу подола или выше талии. Рано появились у местного тюркского и финно-угорского населения платья с отрезной прибороженной юбкой. Верхняя одежда также была слегка приталенной и расширенной к низу. У башкир и татар преобладали цельнокроеные камзолы и халаты, у марийцев,

удмуртов и др. шили отрезные густо присборенные по талии кафтаны и зипуны. Поверх кафтанов финно-угры надевали нарядные фартуки. Подпоясывание костюма было обязательным и существовали специальные пояса с кистями. У северных башкир и татар фартук являлся лишь домашней одеждой.

Головной убор и набор украшений отражали возрастное и семейное положение человека. Девушки и замужние женщины имели разные уборы, а женщины преклонного возраста одевались иначе, чем молодые. Одновременно головные уборы и украшения особенно выразительно определяли этническую специфику костюма. Нередко они оказывались решающим признаком при характеристике местных этнографических особенностей.

В начале XX в. в народной одежде башкир выделялось семь локальных комплексов¹. В каждом из них имелся своеобразный вид шейно-нагрудных украшений. У северо-западных башкир это ожерелья из металлических блях на шнурке или на цепочках и крупные янтарные или стеклянные бусы. В остальных комплексах присутствовали массивные нагрудники из монет, металлических подвесок и кораллов, нашитых на плотную тканую основу трапецевидной или полуовальной формы, иногда соединённые на плечах с наспинниками. За каждым из таких украшений закрепилось своё название: нагрудник «һакал» и наспинник «сәскап» у юго-западных (дёмских) башкирок, нагрудник «яға» и наспинник «иңһәлек» – в восточнозауральском (челябинском и курганском) комплексе, нагрудники «селтәр» и «алмизеу» – в юго-восточном, нагрудник «муйнса» – в северо-восточном и т. д. Помимо нагрудников, носили коралловые и серебряные ожерелья, а также перевязи. Целый набор украшений был связан с головными уборами. Девушки и молодые женщины на севере Башкирии носили в старину шапочки «такья» с бусами и монетами, а в горных приинзерских аулах – головные ободки с металлическими нашивками и подвесками из бус. Распространённым головным убором замужних женщин на обширном пространстве бывшей Ногайской дороги являлся шлемообразный коралловый «кашмау» с наспинной полосой, расшитой бисером и раковинами, с длинными околоушными подвесками и ювелирной застёжкой с подвесками. Его надевали на платок или покрывало «тастар».

В Челябинском и Курганском Зауралье во многих семьях хранились старинные полотенцеобразные тастары с вышитыми концами, их уже не носили. На основной территории Башкирии пожилые женщины покрывали голову тастаром из светлого ситца. Колоритно выглядели красные покрывала из сдвоенных фабричных платков на молодых замужних женщинах. Их украшали монетками по краю надо лбом и на подбородочной тесьме, околоушными подвесками из кораллов, бисера. Яркий цветочный узор ситца дополняла ручная вышивка по краю платка. Обилие нашивок из кораллов и серебра характеризовало в целом башкирский костюм на Южном Урале и в Зауралье. Большой любовью пользовались кольца и браслеты, всевозможные косные подвески. С возрастом количество украшений в женском костюме уменьшалось. Пожилые женщины носили перевязи, коралловые ожерелья, бусы. На платок или тастар почтенные женщины надевали шапки, отороченные мехом куницы или выдры. На севере Башкирии были распространены разнообразные колпачки («калпак»): в

¹ Штотова С.Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. С. 165–182.

виде маленькой цилиндрической шапочки, украшенной бисером и вышивкой серебряной нитью, мешкообразные бархатные с вышивкой и белые вязаные.

В татарских деревнях¹ женщины носили под платком такие же маленькие плоские или мешкообразные колпачки с околышем, расшитым бисером, блёстками, жемчугом. Сохранялись кое-где и длинные вязаные колпаки с ажурным узором. Из украшений у татар были приняты бусы, ожерелья из ювелирных медальонов и особенно – съёмные воротники «яка чылбыры» с ажурными пряжками и длинными подвесками, закрывающими грудь. На платье надевали полукруглые нагрудники из позумента и лент с серебряными нашивками. Пожилые женщины носили перевязи «дэуэт» с футлярчиками для молитв, жетонами и монетами. Большой любовью у татарских женщин пользовались браслеты и перстни, разнообразны были татарские серьги.

У чувашей в качестве убора замужних женщин повсеместно сохранялся полотенеобразный «сурпан», концы которого с тканым или вышитым орнаментом и кружевом опускались с головы на спину. Его носили с головной повязкой типа чалмы «сурпан тутри» или шлемообразным «хушпу». Последний имел форму усечённого конуса или цилиндра с открытым верхом. Основа убора зашивалась серебряными монетками, бусами и бисером. Как и башкирский «кашмау», он имел наспинную полосу, зашитую бусами и ювелирными бляхами. Девичьим убором служила «тухья» – шапочка с бисером и монетами, имевшая куполок-навершие. В комплексе украшений, как и в головных уборах, прослеживается связь с южными районами Чувашии. К краю головного покрывала на груди прикреплялся кожаный треугольник, зашитый монетами («сурпан ҫакки»). Поверх платья надевали плетёные из бус широкие пелерины («мйй ҫыххи») с монетками или раковинами-ужовками по краю или ожерелья из бисера и монет («сұха»). Под влиянием дёмских башкир у белебеевских и бижбулякских чувашей появились полукруглые нагрудники с монетами «сұхал» и наспинники «чёҫкап». Оригинальным дополнением праздничного костюма были парные вышивки на холсте с бахромой («сарә»), прикреплявшиеся к поясу сзади².

Универсальным женским головным убором у удмуртов в начале XX в. был небольшой платок, который складывали вдвое на угол и, повязав на лоб, концы завязывали на затылке. К традиционным относилось сохранившееся у пожилых женщин «полотенце» с затканными концами, спускающимися на спину («чалима»), его закрепляли на голове налобной повязкой. В качестве свадебного убора до конца XIX в. сохранялся старинный «айшон» на берестяном каркасе, обильно украшенный лентами, бисером, монетами, раковинами. К нему прикреплялось вышитое покрывало «сюлык». В удмуртских деревнях можно было встретить девичью холшовую шапочку «такья», зашитую монетами. Женщины надевали на праздники нагрудники «чыртывьесъ» из монет и бисера, чересплечные перевязи «камали», «бутьмар». Шею и грудь украшали бусами, ожерельями из монет и ювелирных медальонов. Носили

¹ Воробьёв Н.И., Хисамутдинов Г.М., Юсупов Г.В. Историко-этнографические исследования северо-западных районов Башкирии // Советская этнография. 1962. № 6; Суслова С.В. Традиционная одежда приуральских татар середины XIX – начала XX вв.: К проблеме этнокультурного районирования татарского этноса в Приуральском регионе // Приуральские татары. Казань, 1990. С. 29–52; и др.

² Иванов Л.А. Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей // Учёные записки / НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. (Исторический сборник). Чебоксары, 1966. Вып. 31. С. 156–180.

браслеты и кольца. Распространены были косники с монетами и бусами (в девичьем костюме) и серьги¹.

Женщины-марийки в северной Башкирии волосы покрывали специальным убором «а́кай» в виде прямоугольного куска холста, узкая часть которого, приходящаяся на лоб, была сшита углом, к выступу пришивались монетки. Вся поверхность убора была покрыта вышивкой с вкрапленным бисером, затылочная часть, нависающая над спиной, заканчивалась бахромой. Поверх убора набрасывался платок. Прежде платки были холщовые с традиционной вышивкой, в начале XX в. они использовались в свадебном обряде. У белебеевских и икско-сюньских мариек под влиянием чувашей и отчасти башкир носили головное полотенце «шарпан», в праздники поверх него надевали «кашпау» – головной убор с полосой на спине, унизанный серебряными монетами, бисером и стеклярусом.

Свадебным убором на севере являлась шапочка «такья» с бусами и монетами. На праздники девушки повязывали налобники – ленты с нашитыми монетами, бисером, блёстками и бахромой. Их сочетали с накосной лентой «чачкап». В костюме восточных марийцев более активно использовались для украшений монеты. Особой любовью пользовались пелерины и ожерелья. Некоторые из них представляли из себя ткань, покрытую бисером, бусами и монетами («шүэшпидыш»). К украшению на плечах подсоединялась наспинная полоса с монетами. Ворот рубах было принято скреплять фигурными застёжками «шыркама». Под влиянием тюркских народов поверх платья прикрепляли полукруглый нагрудник с позументом и монетами («кёкрак теңге»). Повсюду в Башкирии марийские женщины из состоятельных семей имели трапециевидный или закруглённый нагрудник «соҒа», «онтенге» с монетами, пуговицами, раковинами-ужовками, бисером. Знали марийцы и украшение типа перевязи. Своеобразный свадебный комплект составляли околоушные подвески, соединённые подбородником из бисера и монет. Популярны были серьги, украшенные пушками и кисточками. У татар и башкир марийцы покупали браслеты и кольца². Сходство в украшениях и головных уборах народов Приуралья объяснялись широкими культурными заимствованиями и общими этническими компонентами, вошедшими в состав различных этносов.

Костюм мордвы юга Уфимской губернии относился к заволжскому комплексу женской одежды³ с характерной, украшенной вышивкой и блёстками, белой рубахой (с разрезом спереди на подоле), дополненной передником и вышитым, с длинной бахромой, назадником «пулокаркс». Украшениями служили бусы и нагрудник из красных бус и белого стекла с металлическими подвесками и бубенчиками по краю. Головным убором девушек служила налобная лента с бусами. Женщины закрывали волосы «сорокой» – мягким, покрытым вышивкой головным убором со спускающимся на спину широким прямоугольником ткани. Среди северной группы мордвы сохранились сведения о ношении сарафана. В Стерлитамакском уезде мордовские женщины, под влиянием переселенцев из южных губерний, носили юбки.

¹ Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов // Труды института этнографии (новая серия). М., 1951. Т. X. С. 33–87; Гринкова П.Н. Домашние промыслы, связанные с изготовлением одежды у удмуртов Башкирской АССР // Советская этнография: Сборник статей. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 113.

² Селеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. С. 159–209.

³ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 184.

Отлична по стилю от тюркских и финно-угорских костюмов была одежда восточных славян. В ней чётко выявлялись два комплекса: южный (для южных русских, украинцев, белорусов) и северный, сочетавшиеся в пределах Башкирии. На севере края в качестве исторического женского русского костюма выступал «сарафанный комплекс», характерный для северных и центральных губерний. В южных районах состав костюма определяла поясная одежда «понёва» в виде двух-трёх полос ткани, прикреплённых к поясу или частично сшитых. Вариантом являлась юбка. И сарафан и понёву надевали на рубаху туникообразного, без швов на плечах, покроя (на севере) или с вшитыми наплечниками-«поликами». Украшением рубахи служила мелкая вышивка на предплечьях. Красный или красно-чёрный геометрический узор на белом полотне был очень декоративен. Переселенцы из южных и западных губерний дополняли костюм короткой безрукавкой.

Девичьими и свадебными головными уборами были повязки-венки с лентами и цветами. Женщины в стремлении тщательно укрыть волосы, носили мягкие плотные шапочки («повойники», «чепцы»), поверх их – платки. Способ покрытия платком, сложенным вдвое на угол, со свисающими на грудь концами отличал русских и других славян от соседних народов. Сохранялись старинные головные уборы молодых женщин – кокошники, обычно они присутствовали в сарафанном комплексе. Украшений в славянском костюме было немного. Это бусы, ожерелья из монет (у украинцев), бисера или янтаря, серьги, броши для застёжки платья, перстни и кольца. Нарядились главным образом в праздничные дни.

У всех народов края более традиционно одевались люди старшего возраста. Старинный костюм сохранялся наиболее полно в качестве свадебной одежды. Новшества, затронувшие сельский быт, ещё не смогли видоизменить основу народной одежды. Даже при появлении массовой фабричной продукции сохранялись многие составные части прежнего костюма, использовались головные уборы, своего пошива обувь.

Распространенной в крае обувью являлись лыковые лапти, которые носили с оными, вязаными или суконными чулками. Различались русские, мордовские, татарские и др. лапти. В качестве рабочей обуви одевали их и северные башкиры. В Пермской губернии башкиры на зиму шили низкую меховую обувь с тканевым верхом. В Челябинском уезде и кое-где в горах носили самодельную обувь с суконными голенищами. Праздничная женская обувь с украшенным аппликацией белым суконным верхом была популярна среди башкир Зауралья. Пожилые татары и башкиры носили мягкие ичиги с кожаными и резиновыми галошами. Узорные ичиги и мягкие туфли без задников работы казанских и оренбургских мастеров расходились по мусульманским деревням, пользовались спросом в городах. У башкир, особенно в южных и восточных районах, была распространена кожаная обувь – мужские и женские сапоги, башмаки. В качестве праздничной обуви надевали сапоги мужчины всех национальностей. Женщины из состоятельных семей приобретали «коты» – глубокие башмаки фабричного изготовления и ботинки-гусарики. Зимней обувью служили валенки и пимы. На базарах можно было купить нарядную валяную обувь с цветным вкатынным узором, украшенную вышивкой и цветными кисточками.

Общепризнанными головными уборами были мужские шапки-ушанки и войлочные катаные шляпы. У мужчин-мусульман повседневным убором являлись тубетейки. Приметно выглядели высокие шапки башкир с меховой оторочкой, суконные и

меховые малахаи, колпаки с прерывистыми, как бы разрезанными полями. Украинцы и белорусы носили летом соломенные шляпы, которые сами плели, зимой суконные и меховые мягкие шапки своего изготовления и картузы. Таким образом, в народной одежде оставалось немало этнического. Однако и в этой относительно консервативной области быта в начале XX в. проявлялась тенденция к сглаживанию локальных и национальных различий, характерная для всех культур в обстановке интенсивных хозяйственных и социокультурных контактов.

§ 2. Развитие башкирского литературного языка

Во второй половине XIX в. в языковой коммуникации башкир функционировали общенародный башкирский разговорный язык с его территориальными диалектами и говорами, башкирский устно-поэтический язык и тюрко-татарский язык, «тюрки» Урало-Поволжья. На последнем шло обучение в медресе (параллельно с арабским) и мектебе, велась официальная и частная переписка, создавались художественные произведения, различные произведения исторического, педагогического, религиозного и др. содержания.

На развитие башкирского литературного языка сильнейшее влияние оказывали просветительская литература, которая лингвистически заметно отличалась от других памятников. Увеличивались собственно башкирские языковые элементы; формируются новые стили как в поэзии и художественной прозе, так и в публицистике и научной литературе. Своей народностью и приближенностью к разговорной речи, языку фольклора особенно отличались произведения башкирских просветителей – Мифтахетдина Акмуллы и Мухаметсалима Уметбаева.

М. Акмулла писал свои стихи на «тюрки», однако его язык уже значительно отличался от языка суфийских поэтов первой половины XIX в. (Т. Ялсыгулов, А. Каргалы, Х. Салихов, Ш. Заки), структурно меняясь в зависимости от жанра. В творчестве М. Акмуллы заметное место занимали мадхия (ода), марсия (элегия), насихат (назидание), шикаят (жалоба, стенание), хитап (поэтическое обращение к народу), мактуб (стихотворное письмо), газель, улэн (народный стих), кубаир (эпос), айтеш (словесное состязание) и загадка. Обилие разрабатываемых жанров вело к расширению словаря и грамматических норм. В стихотворениях поэта впервые наглядно и ярко начинают выступать элементы живой разговорной речи; наряду со старыми нормами словесности, не нарушая нормативности письменно-литературного языка, вводятся новые правила художественной речи¹.

В этой связи исключительный интерес для истории башкирского литературного языка представляет произведение М. Акмуллы «Дамулла Шихаб ад-Дин хадратнинг марсийаси» («Элегия в память Шигабедина Марджани»), посвящённое выдающемуся мусульманскому мыслителю, философу и историку. Оно написано возвышенно-патетическим стилем, отвечающим требованиям жанра мадхии (оды). Поэт намеревался послать оду Ш. Марджани, но, получив известие о его кончине, Акмулла пере-

¹ *Шакур Рашит*. Звезда поэзии Мифтахетдина Акмуллы (Жизнь. Творчество. Мировоззрение). Уфа, 1981. С. 62–68.

делал произведение в марсию (элегию), дописав в этом жанре новую главу¹. Основная часть произведения – мадхия – написана в размере одиннадцатисложника, а марсия – в восьмисложном размере². В языке элегии много арабизмов, характерных для возвышенного стиля: фазыл (превосходство, достоинство), заһир (ясный), маһир (искусный) и др. Некоторые арабские слова входят в сочетание с тюркскими вспомогательными глаголами кыл-, бул-, ит-: аграз кыл- (враждовать), тәхмил кыл- (навязывать), хамил бул- (владеть) и др. Встречаются в элегии книжные тюркские слова: йарык (свет, блеск), төрлөк (разный), бән, мән (я), канча (сколько), морфологические показатели (падёжные формы дын / дин, а / ә, глагол ул (быть, остановиться), повелительное наклонение на ын / ен, инфинитив на маға / мәгә и т. д.).

Вместе с тем в элегии использовано немало слов и фразеологизмов родного для поэта народно-разговорного языка: шонқар (кречет), толпар (крылатый конь), йылкы (лошадь), кашка (белое пятно на лбу животного), бәйге (гонки, скачки), эшем такыр (дела мои ровны), аряк (противоположная сторона), кырын (кособоко, набекрень), күргәз (показывать), тустак (чаша), анау-мынау (тот и этот), аланда (встрепенуться), арык бүре (истощённый волк), кырын-йарын (ходить шатаясь; ходить неверным путём), курайы килешкәндә көйләй торған (коль подходит курай, то заиграет), турғайның тозағына лачин төшмәй (в ловушку воробья сокол не попадётся), һәр кош очуб лачин булмай (летающая птица, ещё не сокол) и т. п. В элегии образ Марджани с большим искусством сравнивается с тулпаром (йылкының толпарындай йулдуз кашка), путеводной звездой (тимерказык), шункаром (һауада ул бер шонқар әйләнә очкан) и с другими поэтическими образами и метафорами, характерными для языка башкирского фольклора. Таким образом, Акмулла достигает гармоничного сочетания устной и книжной традиций: первая здесь выступает как основная, ведущая, а вторая дополняет её, наделяя стиль произведения глубоким скорбным пафосом.

Поэт-просветитель, владеющий всеми стилями книжной словесности, Акмулла был одновременно непревзойдённый сәсэн в родных краях и знаменитый акын в казахских степях и создавал свои импровизации на башкирском и казахском языках. По словам Р. Фахретдинова, Акмулла даже говорил, «смешивая башкирский язык с казахским языком, произнося башкирские слова на казахский манер. Однако у него это получалось так естественно, будто бы так и было нужно»³. Подлинно народный сказитель, Акмулла органично сочетал в своих экспромтах народный стих с выразительными средствами книжной поэзии. Тем самым, он дал толчок плодотворному взаимодействию в башкирской словесности нормативного книжного стиля со свободными установками устно-поэтического творчества народа на всём пространстве художественной речи.

А показательные образцы такого сплава дал он сам. Например, знаменитое стихотворение Акмуллы «Башқорттарым, укыу кәрәк!» («Башкиры мои, ученье нужно!») и по форме и по содержанию напоминает кубаир, где почти каждая строка состоит из народного изречения – айтем. Другое популярное стихотворение поэта «Өлгөр һүз» («Назревшее слово») вовсе напоминает ожерелье народных пословиц и афоризмов. «Например, в распространённой башкирской поговорке говорится: «Вак һибелгән

¹ Шура. 1912. № 14. С. 431.

² См.: Әхмәтйәнов К.Ә. Әзәбиәт теорияһы. Өфө, 1971.

³ См.: Шакиров З. Хәтерҙә калған бер изтәлек // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 25/2.

йондоззан / Балкып торган ай артык. / Буш химергән айгырзан / Ярһып торган тай артык» («Сияющая на небе луна / Лучше мелко рассыпанных звёзд. / Лучше иметь горячего стригунка, / Чем иметь ожиревшего жеребца»). Стихотворение Акмуллы нанизывает: «Асманда тыуған йондоззан / Яктырып тыуған ай артык; / Жабы тыуған эш атынан / Казанат тыуған тай артык» («Светящая на небе луна / Лучше блестящих звёзд. / Лучше иметь чистокровного стригунка, / Чем иметь полукровку»).

В поэзии Акмуллы особое место занимает сатирический стиль. «Сатира Акмуллы была качественно новым явлением в башкирской поэзии» – отмечает современный исследователь¹. Поэт использовал различные народные эпитеты, сравнения, метафоры и иные выражения саркастического характера: «Подойдѣшь ближе, он [мулла], как горн кузнечный, / Облить тебя грязью может, очистить – нет. / Коснёшься невзначай – будто бочка с дѣттем, / Лишь очернить он может, обелить – нет». Эпистолярное творчество Акмуллы (стихотворные письма – мактубы), хотя и было адресовано отдельным людям, обращено к широким массам и передавалось из поколения в поколение².

Таким образом, Акмулла своей прекрасной и честной поэзией показал, что книжный литературный язык может быть по-народному богатым и выразительным. Язык поэта вобрал в себя все достижения предшествующей письменно-литературной традиции и объединил их с выразительными средствами разговорной речи в одно неразрывное целое.

Такой же синтез живой народной речи с письменными традициями языка тюрки в публицистике, научной и переводческой литературе осуществил Мухаметсалим Уметбаев. Разностороннее творчество писателя испытало сильное влияние русской и западноевропейской культуры. Но решающее влияние на его поэтическое творчество оказала классическая поэзия Востока. М. Уметбаев часто использовал традиции древней тюркоязычной поэзии, арабизмы, фарсизмы, осmano-турецкие заимствования. В то же время он умело применяет образы и сравнения бытовой речи. Особенно много слов и выражений из башкирского разговорного языка и фольклора М. Уметбаев включает в произведения историко-этнографического характера, как, например, в стихотворение «Үткән заманда башкурд кизларининг узатиливи» («Как в старину провожали башкирских девушек», 1897).

М. Уметбаев, свободно говоривший по-русски, внёс большой вклад в обогащение башкирского языка заимствованиями из русского и европейских языков. Только в стихотворении «Үткән ғүмер калған хәтер» («Жизнь прошла – осталась память», 1897) поэт использовал более 20 слов: старшина, кантон, начальник, пасон (фасон), солдат, телеграф, пароход, холера, тиф, санитар, мастер, микроб и др. В творчестве М. Уметбаева представлены уже закрепившиеся к концу XIX в. в бытовой речи башкирские русские заимствования, ставшие собственными выражениями и грамматическими конструкциями. Так, в статье «Уршак купури» («Уршакский мост») встречаются слова и речевые обороты: йакшы итүб (хорошо), әйтүб карадылар (предупреждали), жауап бирә килдек (постоянно отвечали), зимства (земство), почтовый һәм прасилуч-

¹ Хусаинов Г.Б. Роль и место творчества Акмуллы в истории башкирской литературы и литературы других народов // Акмулле – 150 лет. Уфа, 1984. С. 37.

² Ахмадиев В.И. Эпистолярная поэзия Акмуллы // Там же. С. 60–67.

нуй йулла (почтовый тракт и просёлочная дорога), помишиклар һәм купислар (помещики и купцы) и пр.

На понятном и доступном для башкир языке создавал М. Уметбаев путевые заметки. Его многочисленные переводы отражали влияние башкирского фольклора: так, стихотворения А.С. Пушкина он перевел в духе башкирских кубаиров и протяжных песен. М. Уметбаевым заложены основы башкирской научной терминологии, сформированы стили изложения такого материала. Его историко-этнографические записи коренным образом отличались от традиционной для башкирской и татарской литературы генеалогической и хронологической формы. В своей беллетристике М. Уметбаев использовал уникальные формы народных диалога (эйтеш) и монолога (эйтем), включал в текст образцы национального фольклора – сказания, легенды, пословицы и поговорки, тем самым заложил основы башкирской прозы.

Большой вклад М. Уметбаев внёс в тюркское языкознание. Он написал «Краткую татарскую грамматику» (Казань, 1901), которая сыграла конструктивную роль в обстановке острых споров о литературном языке. Ряд авторов (А. Максюттов, М. Бигиев, И. Гаспринский) требовали принять турецкий язык в качестве литературного для всех тюркских народов России; религиозные деятели выступали за арабский; выдвигались также идеи общетюркского языка и, конечно, татарского. М. Уметбаев выступил с собственной концепцией, отстаивал идею насыщения письменного литературного языка общенародным разговорным (в Башкортостане – башкирским), стремился придать своим произведениям «башкирское звучание». По словам Р. Фахретдинова, он «и при разговоре, и даже при чтении своих стихов, написанных на тюрки, сам того не замечая, тюркские слова и выражения заменял башкирскими»¹.

Мухаметсалим Уметбаев и Мифтахетдин Акмулла создали литературно-художественные предпосылки для окончательного выделения башкирского письменного языка из общетюркской словесности. Их творчество оказалось чрезвычайно актуальным, общественно востребованным. На рубеже XIX–XX вв. на Южном Урале в крестьянской среде образуется значительный слой сельских предпринимателей; в городах складывается прослойка башкирской гуманитарной интеллигенции; на местах формируется национальный административный аппарат (особенно массовый на уровне волости). В башкирском обществе растёт удельный вес грамотного населения, в том числе людей получивших образование в русскоязычных учебных заведениях. Образованные, достигшие сравнительно высокого уровня жизни слои башкирского общества – представители так называемого «среднего класса», начинают сознавать свою индивидуальность в тюркском мире, преследовать свои национальные интересы в экономике, политике и культуре.

Именно в этот период предпринимаются попытки использования русского алфавита вместо арабского. В 1892 г. в Оренбурге выходит первый букварь башкирского языка на кириллице (переиздан в 1898 и 1908 гг.), созданный В.В. Катаринским с помощью учителя Серменевской русско-башкирской школы М.-Г. Куватова². Также на

¹ См.: Шакиров З. Указ. соч.

² Башкирское языкознание: Указатель литературы. Уфа, 1980. С. 9; Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 214; Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 39; Киекбаев Дж.Г. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков». Уфа, 1967. С. 29.

основе кириллицы В.В. Катаринский в 1893 г. издаёт «Краткий русско-башкирский словарь»¹. Букварь В.В. Катаринского был первым опытом создания современной башкирской письменности. Русский алфавит с небольшими изменениями букв имел ряд преимуществ перед арабским. Он позволял отразить на письме специфические фонетические особенности народно-разговорного языка. Тогда же предпринимаются попытки издания различных рукописей на башкирском языке. В 1908 г. шакирдами медресе «Галия» и уфимской интеллигенцией была подготовлена к печати рукопись журнала «Тыгу» («Знамя») на башкирском языке. Однако издательство «Шарк» отказалось её опубликовать².

Либерализация общественной жизни в результате революции 1905–1907 гг. и в процессе широкого просветительского движения в тюркском мире России привело к бурному расцвету татарской периодической печати. В этот период в стране на тюрко-татарском языке выходило свыше 30 газет самого различного направления³. Башкирские литераторы сотрудничали со многими из них. Особенно активно они публиковались в Оренбурге, центре общественной и культурной жизни башкирского народа начала XX в., где выходили, в частности, популярная газета «Вақыт» и журнал «Шура», сатирические журналы «Чүкеч», «Карчыга», «Чикеткә», «Яз», «Кармак», религиозный журнал «Дин вә магишат». Башкирские поэты и писатели сотрудничали также в журнале «Акмулла» в Троицке, газетах «Аң» (Казань), «Тормош» (Уфа). Писатели и публицисты М. Гафури, Ф. Туйкин, Г. Исянбирдин, Ш. Бабич, Б. Мирзанов, А. Тангатаров, Ф. Валиев, Х. Габитов, А.-З. Валиди, М. Хадиев, Г. Гумери и мн. др. в своих произведениях широко использовали обороты народной речи и башкирскую лексику, выражая стремление башкирского языка стать литературным. Склонность к применению башкирского языка в качестве литературного ярко проявилось в ходе «Языковой дискуссии» («Тел ярышы»), организованной в 1910 г. журналом «Шура». Оказалось, что литературная общественность края в подавляющем числе (собственно редакционно-издательские объединения) не готова к столь кардинальным переменам. В 1916 г. Ш. Бабич предложил газете «Тормош» своё стихотворение «Көтәм» («Жду»), созданное с ярко выраженными башкирскими мотивами. Но редакция отказалась печатать его.

Однако причины лежали глубже. В начале XX в. в языке башкирских шежере, деловых документов, частной переписки, мунаджатов и байтов арабизированный «тюрки» суфийских писателей постепенно вытеснялся формирующимся татарским литературным языком, более близким к башкирскому и легко воспринимавшимся башкирской интеллигенцией. Язык татарской периодической печати и литературы сочетал традиции письменного языка с богатством народной речи. Происходит интенсивное обновление тюрко-татарского языка на всех уровнях – лексическом, фонетическом, грамматическом, а стиль литературных произведений всё более приобретал народный характер. Тот же путь должен был пройти и башкирский язык.

¹ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. М., 1974. С. 185.

² Ахмадиев В.И. Башкирская поэзия начала XX в. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1971. С. 8.

³ Амирханов Р.У. Татарская периодическая печать (1905–1907 гг.). М., 1988. С. 10, 23–24.

В начале XX в. башкирский язык существовал, главным образом, в форме народно-разговорного языка как средство общения в семье, деревне, волости при обсуждении частных хозяйственных и социальных вопросов. Он включал в себя множество говоров и три основных диалекта: *восточный* (горный, куваканский), на котором говорили на востоке, юго-востоке и северо-востоке Башкортостана, в современных Челябинской и Курганской областях¹; *южный* (луговой, степной, юрматинский) – язык южных и центральных башкир²; *северо-западный*, на котором говорило население северо-западного и западного Башкортостана, находившееся в состоянии постоянного интенсивного взаимодействия с татарским и др. народами. Уже в конце XIX – начале XX вв. восточные и южные говоры начинают использоваться в переводной религиозной литературе и учебниках, в том числе «Башкирско-русском словаре» В.В. Катаринского³. Народная словесность в наибольшей степени проявлялась в языке башкирского поэтического фольклора. Однако из-за разговорной формы бытования она не могла выполнять функцию литературного языка, а выступала лишь в качестве одного из его источников.

Тем не менее, в литературе постепенно уменьшается использование арабо-персидской лексики, связанной преимущественно с общественно-политической сферой языка. В ранних стихотворениях М. Гафури и Ш. Бабича часто употребляются понятия: хөррият (свобода), ихтияр (воля), золум (неравенство), залим (несправедливый), мазлум (угнетённый), эсир (раб, невольник), ислах (реформа), фетнә (восстание, бунт), фиркә (партия) и многие другие. Но ближе к концу 1910-х гг. происходит пополнение словарного запаса на основе башкирского материала, особенно часто терминами с абстрактным значением, образованными с помощью аффиксов – лык/-лек, -ма/-мә, -ыш/-еш, -ам/-эм. Например: шадлык (радость), рэхәтлек (блаженство), коллок (рабство), өйөрмә (вихрь), тартылыш (спор), урам (улица), алкыш (овация) и др. А Ш. Бабич создаёт первые стихотворения на башкирском языке.

Продолжалось влияние книжной тюркской лексики, многие слова сохраняли традиционную фонетическую форму: агыр (тяжёлый), туғры (прямой), йығла (плакать), үгрән (научиться). Сравнительно часто употреблялись местоимения ошбу (это, этот), бән (я). В лексике наблюдалось турецкое влияние, характерное для раннего творчества многих башкирских поэтов: уйку (сон), бөйлә (такой, так), күстәрмәк (показать), кеби (подобно, как, как будто), нә (не, без), ничүн (зачем), йарын (завтра) и др. Однако, по сравнению с предыдущим периодом, книжный пласт лексики сокращается. Словарный запас поэзии начала XX в. активно начинает очищаться от чуждых и непонятных народу слов. Широкое распространение получают в литературном языке слова, термины, фразеологические обороты из разговорной речи. Большой интерес поэтов к жизни башкирского народа приводил к употреблению исконно башкирских слов: чәчкә (цветок), дағы (ещё, опять), узгару (проводить, провести), тымык (тихий,

¹ Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976. С. 14; см. также: Она же. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1996.

² Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979. С. 6.

³ Юлдашев А.А. К проблеме формирования башкирского национального языка // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 100, 114; см. также: Башиев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955; Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (Формирование, современное состояние). Уфа, 1990.

спокойный), мөйөш (угол), башка йетеү (губить, погубить), тап килтереү (встретить), йәйләү (летовка), тустаган (деревянная чаша), сынайык (испытаем), күрмәйенчә (не видя) и т. д.

В произведениях Ш. Бабича, С. Якшигулова, Х. Габитова, Ф. Туйкина, Г. Киикова и др. писателей видна ярко выраженная тенденция к сближению литературного и народно-разговорного языка. Важную роль в этом имело обращение башкирских авторов к национальному фольклору. Например, язык поэзии С. Якшигулова, впервые во весь голос заговорившего от имени башкир, значительно отличался от языка других писателей. В поэтических сборниках «Мөгәллим Солтангилде әфәнденең мәрсиәсе» (Казань, 1908), «Башкорт хәлләре» (Стерлитамак, 1911), «Дим буйы» (Казань, 1912), «Күнел ялкынлары» (Уфа, 1916) немало места занимали выражения и лексические элементы, связанные с башкирской разговорной речью.

Постепенный переход от традиционных языковых средств к современным происходит и в грамматическом строе. Расширяют функционально-семантические границы такие части речи, как прилагательные, наречия, служебные слова и др., употребляемые в башкирском языке. Идёт совершенствование в синтаксическом строе: устраняются архаичные и стабилизируются жизнеспособные конструкции. Процессы развернувшиеся в башкирском национальном языке, собственно языке произведений башкирских поэтов и писателей второй половины XIX – начала XX вв. были началом функционирования современного башкирского национального литературного языка.

§ 3. Литература*

Развитие башкирской культуры и литературы во второй половине XIX в. было неразрывно связано с реформами 1860-х гг., наступившими изменениями в социально-экономическом положении общества. Значительные перемены в области народно-просвещения, возраставшее влияние русских учебных заведений, прогресс в книгоиздательском деле приводили к постепенной демократизации литературно-художественной жизни. Литературу того времени отличали сложность содержания и многообразие форм, обилие творческих направлений и течений. Заметное влияние оказывали фольклорные традиции. Особенно широкое распространение получили байты, близкие по стилистике к произведениям письменной литературы. В байтах о земле отражались реальные социально-экономические процессы, солдатские байты содержали протест против суровых порядков в армии, муштры и несправия, в байтах о войне господствовал дух патриотизма, подчёркивалась неразрывность судеб башкирского и русского народов. Отдельную группу составляли байты религиозно-дидактического характера. К концу XIX в. этот тип литературного произведения вытесняется индивидуальным творчеством.

* Данный параграф – сокращённый вариант соответствующих разделов из подготовленной к изданию коллективной монографии «История башкирской литературы». В 3 т.: Т. 1 / Сост. Г.Б. Хусаинов, М.Х. Надергулов; ред. А.Х. Хакимов, Р.М. Булгаков.

Использованы материалы следующих авторов: Г.Б. Хусаинова, А.Х. Вильданова, Г.С. Кунафина, М.Х. Надергулова, В.И. Ахмадиева, Р.Т. Бикбаева, И.К. Булякова, переводы – С.М. Хусаинова, М.Х. Надергулова, Ф.В. Ахмадиева, Г.Х. Абдрафиковой.

Неотъемлемую часть башкирской литературы составляли произведения устной поэзии, которые создавались путём импровизации. Традиции сэсэнов прошлых веков продолжали Буранбай-Яркай, Ишмухамет Мырзакаев и др. Многие эпические памятники, кубайры, исторические песни времён кантонной эпохи дошли до наших дней благодаря творчеству этих исполнителей. Появление целого ряда исторических песен «Ялан Яркай», «Буранбай», «Сырдарья», «Гафтиляу» и др. народная традиция связывает с именем Буранбай-Яркай. Сэсэн Ишмухамет собрал множество рукописей и художественных произведений, которые он передал Габит-сэсэн (1856–1921).

Габит был знаменитым кураистом и певцом. Исполняя различные произведения, он рассказывал легенды об их возникновении, давал пояснения. Выдающийся фольклорист и сэсэн Мухаметша Бурангулов (1888–1966) назвал его «вместилищем всего башкирского фольклора»¹. Он записал из уст Габита крупнейшие образцы народного творчества «Урал-батыр», «Акбузат», «Идель и Яик», «Кусяк-бий», «Салават», «Карасакал», «Тамъян», а также большое количество песен, кубайров, легенд.

На рубеже XIX–XX вв. устная литература бытовала параллельно с литературой письменной, что составляло своеобразное явление духовной культуры башкирского народа. К концу столетия наблюдался процесс слияния устной и письменной традиции, что приводило к рождению новой художественной словесности, богатой по содержанию и оригинальной по форме. Продолжала развиваться поэзия, пронизанная идеями суфизма, для которой были характерны средневековая абстрактность, традиционные жанровые системы и поэтика. В Башкортостане сочинялись и переписывались в тетради шакирдов стихотворения, мунаджаты, оды, элегии. Религиозное направление, например, ярко представлено в поэзии имама Нугмана, который в 1909 г. в Уфе опубликовал сборник «Стихотворные послания» («Рисалат-и манзумат»). Смысл жизни человека в этом бренном мире автор видит в исправном исполнении законов шариата и поклонении Аллаху, к этому он призывает всех верующих. В творчестве Нугмана присутствуют все формы традиционной поэзии: газель, ода, элегия, назидание, бейт, рубаи и другие. В книге поэта Абульхайра из Стерлитамака «На память друзьям» («Тазкират аль-ахбаб», 1882 г.) привлекает внимание описание событий в башкирском обществе XIX в., некоторых известных личностей и простых жителей города. Абульхайр осуждает отрицательные явления, жестоких чиновников, сравнивает богачей с ядовитыми змеями. Продолжал поэтические традиции Ахмедвали аль-Стерли, написавший стихотворный комментарий к книге Х. Салихова «Собрание нравочений» («Маджмаг аль-адаб»)².

Но наиболее видным представителем суфийской литературы в Башкортостане был **Гали Сокрый** (Мухамметгали, сын Габдессалиха Кников, 1826–1889), уроженец д. Старый Чукур Бирского уезда, происходил из семьи муллы. Закончил знаменитое Стерлибашевское медресе, где в 1850–1851 гг. преподавал. В 1852 г. вернулся в родную деревню и прожил там всю жизнь.

Его поэзию отличают разные идейно-эстетические тенденции, тематическое разнообразие и богатство жанра. С одной стороны, Г. Сокрый продолжает традиционное направление поэзии Г. Усмана, А. Каргалы, Ш. Заки. В некоторых стихотворениях,

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 446. Л. 199.

² См.: Там же. Ф. 7.

элегиях и мунаджатах он поэтизировал религиозно-мистические мотивы, и, обращаясь к произведениям С. Бакыргани, написал «Добавление сходного» («Замм-и назир»), а также стихотворный комментарий «Введение для Фаизы» («Дибаджа-и Фаиза») к книге А. Суфи «Укрепление слабых» («Сабат аль-гажизин»). Г. Сокрый считал обязательным излагать учение ислама и законы шариата в поэтической форме. Не случайно, большинство од и элегий он посвятил религиозным деятелям: муфтию С. Тевкелеву, Н. и Х. Биктимировым, Ягафар-ишану и др. Г. Сокрый гораздо раньше Акмуллы создал большую хвалебную оду Ш. Марджани, прославил своего учителя и поэта Ш. Заки.

С другой стороны, Г. Сокрый предчувствовал новое направление в литературе, не ограничивался религиозной мистикой, как другие суфийские поэты, стремился затрагивать в своём творчестве житейские заботы. Он пытался реалистически отразить состояние просвещения в Башкортостане, духовную жизнь народа. Написанное им стихотворное шежере ирэктинского рода является развитием поэтических традиций создания башкирских шежере. Поэтические книги Г. Сокрыя «Четыре времени года», «Стихотворения Гали», «Хвала Казани», «Хвала Уфе» и др. являлись первыми опытами реалистического изображения истории Урало-Поволжья, жизни и быта башкирского и татарского народов, реальных личностей эпохи. При этом Г. Сокрый оставался приверженцем традиционной поэзии религиозно-схоластического направления и сохранения поэтических традиций мусульманской литературы¹.

Рождение просветительского направления в башкирской поэзии связано с именем **Мифтахетдина Акмуллы (1831–1895)**. В его творчестве отразились поворотные моменты перехода от традиционной к новой литературе, начало смелого новаторства. Мифтахетдин, сын Камалетдина, по прозвищу Акмулла, – оказал большое влияние на казахскую и татарскую литературу. Он родился в д. Туксанбай Куль-Иль-Минской волости Белебеевского уезда, начальное образование получил в своей деревне, затем учился в медресе д. Менеузтамак, Анас, Стерлибашево. Но вскоре переехал в Оренбург, а потом в Троицк – в медресе З. Расулева. Любознательность, стремление к знаниям и упорство помогли глубоко изучить арабскую и персидскую литературу. Большую часть жизни он странствовал по башкирским кочевьям и казахским степям, как учитель, поэт и имам. Трагически погиб в октябре 1895 г., похоронен на мусульманском кладбище Миасса.

Поэтический талант Акмуллы позволял создавать произведения экспромтом. Он читал свои стихи в зауральских аулах, участвовал в поэтических состязаниях с известным башкирским поэтом М. Уметбаевым и казахскими акынами. Произведения поэт заносил в рукописную тетрадь, его стихи записывались также слушателями. Идеино-эстетические взгляды Акмуллы основывались на враждебности разума и темноты, просвещения и невежества. Поэт считал, что несправедливость в обществе сохраняется потому так долго, что ум и просвещение не смогли восторжествовать. В исламе Акмулла видит большую созидательную силу, способствующую развитию человека.

¹ См.: Харисов А. Литературное наследие башкирского народа. (XVIII–XIX века). Уфа, 1973. С. 266; Марджани Ш. Мустафал ал-ахбар. Казань, 1900. Ч. 2. С. 40; Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 164–165 (на башк. и рус. яз.); Надергулов М.Х. Сочинение Г. Сокрыя «Таварих-и Булгария, йаки такриб-и Гари» // Проблемы метода и стиля в башкирской литературе. Уфа, 1982. С. 113 (на башк. яз.); др.

Поэт широко использовал приём контрастного освещения положительных и отрицательных образов. У него не было чисто сатирических стихотворений, но во многих произведениях есть меткие и образные язвительные строфы, развенчивающие необразованность, безразличие к требованиям времени. Корни сатиры, начала художественного высмеивания восходят к творчеству Акмуллы. «Он является первым известным поэтом-сатириком в башкирской письменной литературе. Имя Акмулла ещё в начале XX в. было синонимом слова «смех»¹. Другой особенностью поэзии Акмуллы было широкое использование древней традиции – прямого обращения к народу. Как сказители-сээны, Акмулла сочинял поэтические призывы, самый знаменитый из которых – «Надо учиться, башкиры мои».

Поэзия Акмуллы богата жанровыми формами и разнообразием поэтических особенностей. Самая любимая Акмуллой разновидность стиха – рубаи. Большинство его произведений написаны в этой классической восточной манере. Видимо, четверостишие было самой удобной поэтической формой, обеспечивавшей музыкальность, ритмичность его экспромтов. Заметное влияние на поэзию Акмуллы оказало башкирское и казахское народное творчество, он часто обращается к широко распространенному тогда речитативному жанру «йырау», «жырау», который очень близок импровизаторской сущности Акмуллы. Например, его большое произведение «Йырау» напоминает кубаир, здесь нет повтора в строках в концах строф, хотя ритмика довольно гладка, но оно тяготеет к свободному стиху.

Как просветитель, Акмулла связывал развитие нации, расцвет её культуры, счастье всего народа в целом с деятельностью выдающихся личностей. Поэтому такие жанры, как панегирика и элегия, были особенно популярны в творчестве Акмуллы. Он посвящал свои стихи видным людям эпохи. В 1888–1889 гг. выходит «Элегия на смерть достопочтенного Марджани», где поддерживались реформаторские требования татарского мыслителя, возвеличивалось и идеализировалось наследие Марджани, которого он называл «знаменосцем просветительской жизни».

Одним из первых в башкирской поэзии Акмулла обращается к жанру стихотворного письма – «мактуб», связанного «с появлением нового героя, стремящегося к нравственному совершенствованию». Сохранилось восемь произведений, написанных в этом жанре, другие близки по стилю: «Мое место – тюрьма», «Мактуб Акмуллы, написанный отцу» («Письмо отцу») и др. Выделяются циклы лирических стихов, где отразились его философские воззрения, размышления о смысле жизни («Земля», «Ветер», «Вода», «День и ночь», «Огонь»), посвящённые природным явлениям, временам года («Голубизна», «Весна», «Осень»). Для них характерны народность формы и яркие поэтические открытия.

Акмулла искал языковые формы для нового содержания поэзии. В его произведениях переплетены особенности старого «тюрки» и общенародного разговорного башкирского языка. В «Элегии на смерть достопочтенного Марджани» много башкирских и казахских слов, пословиц и поговорок из обоих языков. Самый любимый поэтом 11-сложный размер стиха встречается как в башкирском народном творчестве, так и в письменной поэзии. Не случайно отмечено, что «одинадцатисложную строфу ... принято называть стихом Акмуллы». С другой стороны, немало произве-

¹ Харисов А. Указ. соч. С. 348.

дений было создано 7-сложным размером кубаира, присущим устной литературе башкирского народа и творчеству эсэннов.

Мифтахетдин Акмулла, одарённый поэт-сказитель, призывал башкирский народ к просвещению. Его взгляды, идеалы, эстетика вобрала в себя духовное богатство своей эпохи, он оставался мусульманином, верил в загробную жизнь, но смотрел на религию как на средство просвещения. Своим поэтическим творчеством, каждая строка которого стала афоризмом, выросшим на восточной классике и традициях башкирской культуры, он оставил достойный след в истории национальной литературы. Его поэзия повлияла на литературу казахов и татар, заняла выдающееся место в истории развития общественной мысли Башкортостана.

Во второй половине XIX в. развивается башкирская проза. Сохраняются традиционные повествовательные жанры, устоявшиеся формы, архаичные черты языка и стиля рукописной литературы предыдущих эпох. В 1880–1890-е гг. продолжали появляться переводы и переложения восточной литературы – книги «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна», «Книга попугая» и др., а также произведения, созданные на основе известных сюжетов: более десятка кысса Ш. Мензелев, дастан «Абугали-сина» Я. Ильсебая, сборник «Хикаят Нуретдина» и др. В них ещё сильны консервативные элементы, трудно ощутить национальный колорит и конкретную историческую основу.

Антологией прозы этого типа стал сборник поучительных и удивительных рассказов Ахмада аль-Мисри «Перевод Навадира» («Навадир тарджимаси», 1899) в переводе Хабибназара Утяки. Большинство хикаятов этой книги созданы в назидательном духе: «Повествование о привлекательности благородных мыслей», «Повествование о благотворительности», «Повествование о необходимости быть справедливым», «Повествование о милосердии к родителям», «Повествование о самоувещевании», «Повествование о терпимости», «Повествование о нравах», «Повествование о вреде жадности». Как правило, хикаяты заканчиваются поучениями. Сборник Х. Утяки являлся своеобразным завершением традиций восточной классической литературы.

В то же время в Башкортостане появляются произведения крупных прозаиков, творчество которых было близко к реалистической русской (европейской) литературе. Крупнейшим представителем этого направления был **Мухаметсалим Уметбаев** (1841–1907). Он родился в образованной семье кантонного начальника, в д. Юмран-Ибрагим (Ибрагимово) Уфимского уезда. Получил прекрасное образование в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, с 1860 г. служил переводчиком и писарем, старшиной Кармаскалинской волости, учителем русского языка и математики в русско-башкирском классе в Стерлитамаке, затем воспитателем в приюте для мальчиков-сирот и чиновником в Духовном управлении мусульман в Уфе. М. Уметбаев поддерживал тесные связи с передовыми представителями башкирской, татарской, русской интеллигенции, в 1883 г. избирается членом Оренбургского отдела Русского

¹ Харисов А.И. Указ. соч. С. 278, 285, 293; Харисов А. Духовные корни. Проблемы литературы и фольклора. Уфа, 1984. С. 109 (на башк. яз.); Хусаинов Г. Новонайденные произведения Акмуллы // Из истории башкирской литературы XIX в. Уфа, 1989. С. 135–143 (на башк. яз.); Ахмадиев В. Эпистолярная поэзия Акмуллы // Акмулле – 150 лет. Уфа, 1984. С. 60–61; Ахметьянов К. Теория литературы. Уфа, 1971. С. 243 (на башк. яз.); Шакур Р. Звезда поэзии: Мифтахетдин Акмулла. Жизнь. Творчество. Мирозрение. Уфа, 1981. С. 136.

географического общества. В 1887–1889 гг. работает в комиссии Министерства внутренних дел по вакуфным делам (Санкт-Петербург, Крым), делает успешную карьеру: коллежский регистратор (1884), губернский секретарь (1885), коллежский секретарь (1889), титулярный советник (1892). Награждён орденом Св. Станислава 3-й степени, двумя серебряными и бронзовой медалями. М. Уметбаев избирается земским гласным, постоянным членом Уфимского попечительского общества о бедных мусульманах, является одним из организаторов помощи голодающим в 1891 г. В 1886 г., в связи с подготовкой к 300-летию Уфы, приложил много усилий для составления праздничной программы. В 1897 г. просветитель издаёт сборник избранных сочинений «Памятки» («Яджяр»), в 1901 г. – «Краткий синтаксис татарского языка». В 1899 г. участвует в работе комиссии по проведению 100-летнего юбилея А.С. Пушкина, писал статьи о творчестве поэта. В 1899 г. по состоянию здоровья М. Уметбаев подаёт в отставку, получив мизерную пенсию. Болезнь и тяжёлые условия жизни постепенно подтачивают здоровье М. Уметбаева, и 28 июля 1907 г. сердце видного просветителя и писателя, «которого не оценили в своё время»¹, перестало биться.

Творчество М. Уметбаева опиралось на традиции народного фольклора, письменной литературы башкирского, татарского и др. тюркоязычных народов, культурное наследие Востока, европейской и русской литературы, общественной и научной мысли. М. Уметбаев придавал исключительно большое значение просвещению. По его мнению, причины многих недостатков кроются именно в невежестве народных масс и поэтому необходимо распространение наук, – только просвещённый народ в состоянии развивать свою экономику и культуру. М. Уметбаевым созданы труды по истории и этнографии башкир («Башкиры», «Материалы к истории г. Уфы», др.), в которых есть немало сведений по устно-поэтическому творчеству, приводится характеристика отдельных жанров. Он высоко оценивал роль выдающихся личностей в истории башкирской культуры – сээнов, педагогов и литераторов Х. Жданова, Т. Ялсыгулова, А. Каргалы, Х. Салихова и, особенно, М. Акмуллы, в котором М. Уметбаев видел единомышленника, называл его «знаменитым поэтом».

В своём творчестве М. Уметбаев выступал как учёный, поэт, публицист, переводчик. Его произведения были проникнуты демократическими, просветительскими идеями, в них затрагивались судьба народа, природа и человек, воспевались любовь, облагораживающие высокие моральные качества, критиковалась нравственная нечистоплотность. В ранних произведениях («Благоденствие», «Завещание и назидание», «Плачущий ребенок» и др.) поднимались философские, этические и религиозные вопросы. М. Уметбаев полагал, что место человека в обществе, его достоинство не определяются богатством, поэт страстно призывал народ к просвещению, трудолюбию, бескорыстию.

Важное место в просвещении, воспитании высоких моральных качеств М. Уметбаев отводил религии. В работе «Назидание» он советует людям помнить, что «в мире науки есть и путь религии». Поэт надеется на помощь обездоленным людям со стороны Бога и благородных «сильных, богатых» людей, советует быть терпеливым, не жаловаться на свою судьбу, так как утвердить себя можно, лишь перенося все невзгоды. В ранних стихотворениях М. Уметбаев прославляет идею монархизма. В па-

¹ Фахретдинов Р. Биографии и печатные книги // Шура. 1915. № 2. С. 49.

негириках «В день коронации» и «Ходынское поле в Москве» он восхваляет нового императора Александра III, считает его великим посланником Бога, святой душой, призванной для установления между народами благополучия и справедливости.

Во многих произведениях М. Уметбаева на первое место выходит познавательное содержание («Лесник», «Прошедшая жизнь», «Как в старину провожали девушек-башкирок», «Правда о земле башкирской» и др.), он является основоположником ба-сенной традиции в башкирской литературе («Ремень и Лыко»). Значительную часть поэзии М. Уметбаева составляет интимная лирика, утверждающая земную любовь. В стихотворениях «Другу», «И ещё», в поэме «В одном городе видел я красавицу» поэт стремился решить тему любви в философском плане, в любовных переживаниях лирического героя обнаруживаются отзвуки сокровенного, искреннего чувства, кото-рые глубоко волнуют читателя.

Поэзия М. Уметбаева стала началом гражданского, демократического направле-ния в башкирской поэзии. В произведениях «Юмранский род», «Жалоба», «У двери» и др. описательность уступает место образности и чувственным ассоциациям. Так, в оде «Юмранский род» поэт с душевной теплотой и гордостью живописует чудесные места родной природы. Но прекрасная Агидель, озера, лежащие «словно белые кол-паки», «луга широкие, где соколы играют», величественные леса были для него не только предметом любования и восхищения, но и местом проживания народа, источ-ником его существования. Он видит вторжение в патриархальную жизнь безжалост-ной индустриальной цивилизации, разрушение традиционного сельского мира: «В стране, когда-то обильной / Скотом, пчёлами и лесами, / Под охраной армии и закона / Водворились промышленники и купцы».

М. Уметбаев – страстный гуманист, его широкая эрудиция и убежденность осо-бенно ярко раскрылись в публицистике. Он выступает в защиту родного народа, рез-ко критикует недостатки в законе о продаже башкирских земель («Уршакский мост», «О литературе и просвещении» и др.). Публицист выступает против дискриминаци-онной политики царизма и национального притеснения. Он верит в социально-экономическое и культурное развитие башкирского народа, что отражено в ряде ра-бот («Общественные порядки», «В российском цирке», «Первое товарищество», «Развивать народное просвещение» и др.). М. Уметбаев пропагандирует передовые достижения, расширяет кругозор читателя («Впечатления от Москвы», «Впечатления от Петербурга», «Удивительные вещи в Петербурге», «О философии» и др.). Так, в статье «Упорядочить народное образование» он считает главными недостатками в народном образовании отсутствие в школах и медресе «европейских наук» и гру-бую русификаторскую политику царизма. Он предлагает улучшение школьного дела начинать с «предварительного обучения детей наукам на своём языке», «ознакомле-ния их с современностью», для чего требуются учебники, наглядные пособия, газеты на родном языке.

Неотъемлемую часть наследия М. Уметбаева составляют переводы. Им переведе-ны с русского и восточных языков на понятный башкирам тюрко-татарский язык по-пулярные брошюры, научные статьи, сказка «О трубе, паласе и яблоке» из «Тысячи и одной ночи», а на русский язык переведены образцы башкирского, татарского, араб-ского, турецкого фольклора и собственные труды, стихотворные и публицистические произведения. М. Уметбаев первым выполнил переводы из русской классической

поэзии, тюркоязычные читатели познакомились со стихотворениями А.С. Пушкина «Романс», «Наслаждение», «Делибаш», поэмой «Бахчисарайский фонтан». Страстный поборник всего нового, он призывал свой народ к просвещению, усвоению культурных достижений народов Запада и Востока, развитию национальной культуры. Многогранное творчество М. Уметбаева явилось основной отправной точкой для дальнейшего развития башкирской национальной культуры и литературы¹.

Крупнейшим представителем мусульманской общественной мысли и литературы татар и башкир Урало-Поволжья был **Ризаитдин Фахретдинов** (1859–1936)². Он родился в д. Кичучат Бугульминского уезда Самарской губернии, в семье муллы³. Образование получил дома и в нескольких медресе (последнее в д. Нижние Чершили), успешно осваивает арабский, персидский и турецкий языки. Уже в годы учёбы выходят его первые книги: «Подарок близким друзьям» («Ат-тухфат аль-анисия», 1887), «Книга, заслуживающая внимания» («Китаб аль-игтибар», 1888) и др. Молодой автор становится известным, Акмулла пишет: «На “Внимание” я обратил внимание: Уважаемый Ризаитдин – совершенная личность»⁴.

В 1891 г. Р. Фахретдинов переезжает в Уфу, с 1898 г. он кадий Оренбургского маетанского духовного собрания, изучает его архив, знакомится со старинными рукописными и печатными книгами, трудами мусульманских учёных. Взгляды Р. Фахретдинова, глубоко религиозного мыслителя, основаны на вере в силу нравственности и культуры, возможности построения общества, основанного на принципах справедливости и равенства, через совершенствование сознания народа, обогащение его духовного мира. В уфимский период он пишет свои знаменитые художественные произведения «Салима, или Целомудрие» (1899) и «Асьма, или Проступок и наказание» (1903), публикует исламоведческие исследования «О том, что касается религии» (1896) и «Коран и его издания» (1900), трактаты о нравственности «Воспитанная мать» (1898), «Воспитанный отец» (1898), «Воспитанный ребёнок» (1898), «Воспитанная жена» (1898), «Нравственность учащегося» и др. Книгой «Ибн Рушд» (1905) Р. Фахретдинов начинает биографическую серию о знаменитых мусульманах, популяризирует странствия российских мусульман «Путешествие Марджани» (1897) и «Путешествие Исмагила» (1903), публикует «Асар» (Т. 1, ч. 1–8. 1900–1904; Т. 2, ч. 9–15. 1905–1908) – биографическую работу энциклопедического характера.

Имя Р. Фахретдинова приобретает известность среди рядовых читателей и интеллигенции, особенно у сторонников реформ – джадидистов. Его религиозно-философские искания, забота об освобождении народа от невежества и нищеты отражали взгляды формировавшегося среди татар и башкир «среднего класса». Р. Фахретдинов был убеждён в необходимости ускоренной модернизации мусульманского общества по европейскому образцу, при сохранении традиций ислама. Сторонники консервативного направления – кадимисты – не приняли идей кадия-реформатора. Последовавшие обвинения, а также порядки, господствовавшие в Духовном собрании, заставили Р. Фахретдинова в мае 1906 г. переехать в Оренбург, где он стал рабо-

¹ См.: История башкирской литературы. В 6 т.: Т. 2. Литература XIX – начала XX вв. Уфа, 1990. С. 230–267 (на башк. яз.).

² См.: Там же. С. 267–292 (на башк. яз.).

³ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 418. С. 66–67.

⁴ Акмулла. Стихотворения. Уфа, 1981. С. 53 (на башк. яз.).

тать вторым редактором газеты «Время» («Вақыт»). Современники с сожалением отмечали, что Р. Фахретдинов «был единственным деятельным человеком в Духовном собрании. Он стремился повысить его роль, перестроить его и служить делу прогресса нации. Однако вследствие того, что другие члены собрания не только не оказывали ему содействия, но, наоборот, противодействовали ему, он не смог исполнить своего желания»¹.

В Оренбурге Р. Фахретдинов проявил себя способным организатором, талантливым журналистом и редактором². В рубриках «Из нашей жизни», «Из жизни зарубежных мусульман» он публикует десятки статей в форме ответов на вопросы читателей, в которых критикует суеверия, схоластическую систему образования, фанатичных мулл, царских чиновников и миссионеров, призывает современников к знаниям. В начале 1908 г. по приглашению золотопромышленников Рамеевых Р. Фахретдинов возглавил литературный, научный и политический журнал «Совет» («Шура»), в котором проработал до конца 1917 г. За короткий срок журнал становится одним из самых популярных периодических изданий, известных не только российским, но и зарубежным мусульманам. Благодаря усилиям Р. Фахретдинова «Шура» стал важнейшим явлением башкирской и татарской литературы. Его постоянными авторами были М. Гафури и Г. Тукай, здесь публикуется более двадцати стихотворений и фельетонов Ш. Бабича, выходят первые работы Г. Ибрагимова, Ш. Камала, М. Файзи и др. писателей. Стараниями редактора в разделе «Библиография и критика» помещаются рецензии на литературные произведения, статьи о творчестве русских писателей и поэтов, переводы их произведений.

Р. Фахретдинов оставался выдающимся просветителем своей эпохи, полагавшим, что развитие народов «основано на знаниях и деятельности, искусстве и просвещении», социальные противоречия он сводил «к искажению ислама и нравственных основ»³. Но даже умеренно-реформаторская позиция выдающегося богослова вызывали противодействие консервативных религиозных деятелей и царской администрации. По подозрению в пропаганде пантюркизма и панисламизма в феврале 1911 г. в доме Р. Фахретдинова был произведён обыск, во время которого полиция изъяла «рукописи, имевшие важное историческое и научное значение, составлению, сбору материалов и подготовке которых к печати он посвятил 20 лет своей жизни»⁴. В дальнейшем, Р. Фахретдинов возвращается в Уфу (после закрытия в 1918 г. журнала большевиками), избирается кадием Духовного управления, а затем муфтием. В Уфе 12 апреля 1936 г. Ризаитдин Фахретдинов умер.

Р. Фахретдинов оставил глубокий след в культуре мусульманских народов Урало-Поволжья, которых он объединял под общим именем «северные турки». В изучении прошлого народа учёный видел способ спасения от застоя, перехода на путь прогресса, активизации национального самосознания. Результаты своей работы он опубликовал в пятнадцати частях двухтомного свода «Асар». В предисловии к первой части

¹ Мусульманский мир («Аль-галем аль-ислами»). 1906. 27 мая.

² Об оренбургском периоде деятельности Р. Фахретдинова см.: Кутушев Р. Новые сведения о Р. Фахретдинове // Агидель. 1983. № 3. С. 122–125 (на башк. яз.); др.

³ Утябаев Р. В его трудах – дух народа // Агидель. 1984. № 1. С. 121 (на башк. яз.); Башиев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа, 1996.

⁴ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 418. Л. 71.

«Асара» Р. Фахретдинов провозглашал: «Я вознамерился написать сию книгу, чтобы собрать вместе и описать просвещённых людей нашей собственной нации. Кроме них я решил попутно упомянуть и тех людей, которые происходили из ряда зарубежных стран и побывали в этой стране. Люди, о которых будет написано, будут теми, о которых я знаю сам. Ведь [созданный] Всевышним Аллахом мир обширен, и людей в нем много. Только вот собрать [всех] просвещённых людей одной страны или одного века наших сил не хватит. Конечно же, мы должны быть извинены в отношении тех людей, о жизни которых мы не написали за неимением сведений о них»¹.

По его мнению, историческая наука не должна быть лишь собранием легенд о ханах и царях. Она должна подняться до уровня летописи, всесторонне освещающей жизнь широких слоёв населения. Р. Фахретдинов собирал и изучал всё, что касалось истории башкирского и татарского народов от эпохи Булгарского государства до начала XX в. «Моё же намерение и выбор погодного порядка [состоят в том, чтобы показать, что учёные], появившиеся прежде, будь они совершенными или несовершенными в науке, для следующих за ними были учителями. Я предпочёл располагать [биографии] в погодном порядке, потому что в душе моей есть заветное [желание] сохранить и уважить эти отношения учительства и ученичества; выяснить, от кого к кому переходила преемственность в науке; изучив обстоятельства жизни отцов и дедов, перейти к сыновьям и внукам; пройдясь по древним временам, соединить их с современными днями; проведя сравнение и сопоставление веков, привести в движение сознание и разбудить разум [читателей]»². Р. Фахретдинов создал поучительные биографии таких выдающихся личностей, как Якуб ибн Нугман, Хамит ибн Идрис, А. Исянгильдин, И. Бикмухамметов, Т. Ялсыгулов, Г. Курсави, Ш. Заки, Г. Усман, Х. Фаизханов, Х. Салихов, А. Каргалы, М. Кутуш-Кыпсаки, М. Акмулла, К. Насыри, Ш. Марджани и др.

Особое значение Р. Фахретдинов придавал формированию национального письменно-литературного языка. «Не имеющие своих собственных языков народы не считаются самостоятельными нациями. Сохранение родного языка является важнейшим долгом каждого человека»³. Р. Фахретдинов оставил заметный след также своей литературной деятельностью. Его прозаические произведения созданы на профессиональном уровне с использованием различных жанровых форм.

В романе «Салима, или Целомудрие» он развивает идею о прогрессе нации, будущее которой связано с молодёжью, ставит проблемы современного образования и воспитания, изучения русского языка, освоения культурных достижений других народов, освобождения женщины, взаимной любви и брака, нравственной чистоты. В центре повести «Асьма, или Проступок и наказание» также лежит конфликт старого и нового, добра и зла, противоречия между реакционными ишанами, некультурными жадными богачами, являющимися «тормозом прогресса», и образованными прогрессивными муллами, педагогами, представителями простого народа и гуманными, щедрыми баями. Автор изображает своих героев в конкретной социальной среде башкирского и татарского общества. Р. Фахретдинов выступает как враг и безжало-

¹ Фахретдинов Р. Асар. Т. 1, ч. 1. С. 5. Казань, 1900.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 11, 13.

стный критик религиозного фанатизма и необразованности. Корреспондент венгерской газеты, побывавший в 1903 г. в Башкирии, отмечал: «Самый видный из башкирских прозаиков Ризаитдин Фахретдинов. Его произведения – очень хорошая сатира на башкирскую и татарскую действительность. Он сторонник европейского просветительства»¹. Высоко оценивал Р. Фахретдинова великий татарский поэт Г. Тукай: «своими книгами “Асма”, “Салима” он показал силу своего письма и даже поэзии, и, в целом, является прекрасным писателем с чётким стилем изложения»². Произведения Р. Фахретдинова оказали большое влияние на башкирскую прозу начала XX в.

В конце XIX – начале XX вв. в местной печати стали появляться произведения башкирских авторов по истории, культуре, этнографии, предпринимались попытки создания произведений на башкирском литературном языке. Одним из таких писателей был **Гарифулла Кииков** (1861–1918), сын известного башкирского поэта Гали Сокрыя. Он родился в д. Старый Чукур, образование получил в медресе своего отца, затем учился в Казани и Касимове, служил в армии (унтер-офицер медицинской службы). Основную часть жизни провёл в д. Старый Курдым (Бирский уезд).

В 1900 г. в Казани выходит первая книга Г. Киикова «Гайн ар-риза» («Источник удовлетворения»), посвящённая жизни и творчеству отца. Помимо высокой оценки его произведений и обращения к религиозным сюжетам, в работе содержатся ценные исторические и литературные сведения об учебе Г. Сокрыя, его паломничествах в Мекку, жизни в родной деревне. Показывая историю создания отцом произведений «Дуновение прохладного ветерка» («Насим ас-саба») и «Поэтический сборник Гали» («Диван-и Галия»), сын знакомит читателей с отдельными стихотворениями из этих сборников. Давая оценку жизни и творчеству Г. Сокрыя, Г. Кииков пишет: «Наверное, за пять столетий среди урман-ирактинских башкир никто не достиг такого совершенства в знании нации, как мой отец»³. В книге есть немало сведений о биографии самого Гарифуллы.

В 1903 г. увидела свет вторая книга Г. Киикова – «Поэтический сборник для детей, или Рифмы для детей» («Диван-и сыбъян, яки Кафият-и сыбъян»). Она насквозь пронизана идеями просветительства и джадидизма. Автор с восхищением пишет о прогрессе науки и техники, о быстром подъёме культуры и просвещения в России. Обращаясь к своему народу, он призывает его идти в ногу со временем, избавиться от старого и ненужного. Поэт указывает на необходимость включения в учебные программы светских предметов, обучения детей новыми методами, разработанными джадидистами, преподавания в медресе на тюркском языке, а не на чуждом народу арабском. Г. Кииков с любовью пишет о родном языке («Знающий тюрки – прекрасен»), критикует кадимистов: «Возьмусь читать байты / Скажут «Язык его башкирский беден» / Проявлю терпимость, спокойствие / Скажут: «Он чванливый». В художественно-эстетическом отношении поэзия Г. Киикова создана в традиционном стиле, в ней мало оригинального. Но, в отличие от отца, Гарифулла больше внимания уделял содержанию произведений, а не формальной стороне стихосложения.

¹ Уфимские губернские ведомости. 1903. 11 июня.

² Гайнуллин М. Татарская литература. XIX век. Казань, 1968. С. 624 (на тат. яз.).

³ Кииков Г. Гайн ар-риза. Казань, 1900. С. 15.

Большой интерес представляют публицистические статьи Г. Киикова. В 1909 г. он принял участие в дискуссии о литературном языке, организованной редакцией журнала «Шура». «У каждого народа есть свой язык, – писал он в статье “Состязание языков”. – Так почему же нам стремиться говорить на чужом языке?! Ведь если кто-либо станет говорить со своими близкими на непонятном им языке, то получится так, как будто в юасу¹ попала полынь. Газеты и журналы можно читать везде: на улице, в поле, в поречье среди кустарников и деревьев. А раз так, то следует читать их на языке близком и понятном для простых людей, чтобы последние часто не переспрашивали, а читающий не пояснял каждый раз “то есть”, “то есть”»¹. Башкирский язык богат, ни в чём не уступает другим, башкиры вправе создать свой литературный язык и на нём организовать периодическую печать, издание книг и обучение детей в школах – вот главная идея писателя.

В статье, посвящённой памяти известного татарского писателя К. Насыри, Г. Кииков вспоминал его наставления избегать чрезмерной арабизации языка². Часть книг и рукописей отца Гарифулла передал Р. Фахретдинову, который намеревался написать труд по истории культуры тюркских народов Урало-Поволжья³. Г. Кииков занимался поиском и сбором арабографичных письменных памятников на севере и северо-западе Башкортостана⁴, легенд и преданий, связанных с топонимией края. Более того, в статье «Состязание языков» Г. Кииков сообщает, что сам создал труд по истории башкирского народа, но не осмелился издать его. Сохранились лишь черновые записи работы Г. Киикова⁵, названной «История башкир и родословная ирактинцев» («Таварих-и башкордиан ва ансаб-и ирактавиан»). Творческое наследие Г. Киикова занимает достойное место в истории культуры родного народа.

В начале XX в., особенно после революционных событий 1905–1907 гг., национальные культуры Урало-Поволжья переживают эпоху необыкновенно быстрого развития, созвучной наступившему «серебряному веку» русской культуры. Экономический подъём на Южном Урале, формирование регионального рынка, расширения сети народных училищ, постепенные успехи джадидистов и приближение образовательного процесса в городских медресе к европейским стандартам, относительная либерализация общественной жизни (свобода вероисповедания и слова), широкое распространение частной (коммерческой) прессы и книгоиздательства, не подчинявшихся указке администрации, не могло не получить отклик в художественном творчестве, оказало мощное воздействие на развитие печати и литературы.

Среди мусульман края получает самое широкое распространение татарская периодическая печать, которая сыграла большую роль в росте национального самосознания башкирского народа. Среди мусульманской прессы выделялись издания демократической направленности: газеты «Свобода» («Азат»), «Свободный народ» («Азат халык»), «Мысль» («Фикер»), «Реформа» («Аль-ислах») – и буржуазно-либеральной ориентации: газеты «Казанский вестник» («Казан мухбире»), «Звезда» («Юлдыз»),

* Печенье, которое готовят в кипящем масле – авт.

¹ Языковое состязание «Шуры» / Составитель Ризаитдин ибн Фахретдин. Оренбург, 1910. С. 46–47.

² Гарифулла ибн Гали Чокрый. Габделкаюм Насыри // Шура. 1913. №5. С. 141–142.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15.

⁴ АВ СПб ФИВ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 34; Д. 7. Л. 78–79.

⁵ ФАРИСК ИЙЯЛ УНЦ РАН. Рукопись 1 а 78; АВ СПб ФИВ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2.

«Время» («Вақыт»), «Идель» и журнал «Совет» («Шура»). Выходило немало изданий консервативного направления: газеты «Луч» («Нур»), «Страна» («Иль»), «Слово» («Сюз»), журнал «Религия и жизнь» («Дин ва магишат»)¹, поддерживавших политику самодержавия и религиозно-схоластические принципы в образовании. Большинство мусульманской прессы отстаивали интересы татарской буржуазии, интеллигенции, среднего класса.

В Башкортостане распространялись газеты и журналы на тюрко-татарском языке, выходившие в Петербурге, Астрахани, Самаре, Уральске, Троицке, Казани, Оренбурге, Уфе и др. городах. Самыми популярными были оренбургские газета «Время» и журнал «Совет». Башкирские писатели и читатели активно сотрудничали с уфимской газетой ««Жизнь»» («Тормош»), с казанскими журналами «Сознание» («Анг») и «Сююмбака», с сатирическими журналами «Молот» («Чукеч»), «Ястреб» («Карчыга»), «Крючок» («Кармак»), выходившими в Оренбурге, и «Акмулла», издававшимся в Троицке.

Некоторые издания («Вақыт» и «Шура») часто публиковали информацию о жизни башкир, казахов, киргиз и др. народов, затрагивали проблемы образования. В статьях доминировали просветительские взгляды, причиной тяжёлых условий жизни башкир называлось невежество самого народа. Большой интерес читателей вызывали дискуссионные материалы. Глубокую тревогу о судьбе своего народа выразил Хаджихафиз Амиров в статье «Башкирские женщины»², вызвавшей острую полемику в печати³. Точку в споре поставила пятнадцатилетняя Рабига Юмагулова: «В каждой работе необходимо писать правду, – требовала она. – Я не ставлю своей целью обнажить грехи башкир и не стремлюсь незаслуженно обидеть их. Я сама башкирка, я очень люблю башкирский народ и хочу, чтобы он жил по-человечески»⁴.

Много внимания в периодической печати уделялось истории башкир⁵. В начале XX в. выходит несколько изданий историко-краеведческого характера: работа Хасана-Гаты Габаша «Подробная история тюркского народа» («Муфассал тарих-и каум-и тюрки») (Уфа, 1909), посвящённая происхождению тюркских народов, а также «История башкир» (Казань, 1912) и «Пугачёв» Мунира Хади⁶. В трудах историков-любителей затрагивались важные научные проблемы. Например, Х.-Г. Габаша выступил против утверждений о том, что башкиры стоят на грани вымирания. «Немало среди башкир учёных и учителей, – писал он, – готовых отдать свою жизнь за дело религии и нации, молодых людей, получивших мусульманское и русское образование. Есть даже выпускники университетов». Нет никаких основания говорить о гибели народа, – утверждал автор, – наоборот, он «очень скоро добьётся прекрасной жиз-

¹ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань, 1966. С. 118.

² Шура. 1915. № 21.

³ Там же. № 23; 1916. № 1, 3.

⁴ Там же. 1916. № 3. Юмагулова-Кушаева Рабига – после 1917 г. активный общественный деятель среди башкирских женщин, в 1920-х гг. – редактор башкирской газеты «Азат катын» («Свободная женщина»).

⁵ Хакимов А. Башкиры. Оренбург, 1908; Слово о башкирах // Шура. 1913. № 9; Хадыев М. Башкиры // Шура. 1916, № 4–7; Музаффаров К.М. Башкиры // Шура. 1917. № 15, 16; Хакимов Н. Катайские башкиры // Тормош. 1914. № 107, 108; и др.

⁶ Хадыев М. Пугачёв // Шура. 1911. № 20, 21, 22; 1912. № 1–5.

ни»¹. Этот вопрос также поднимал в историко-публицистической книге «Переведутся ли башкиры?» Габдрашит Гумери².

В начале XX в. в развитии тюркоязычных литератур Урало-Поволжья происходят глубокие качественные изменения. Благодаря развитию книгоиздательского дела и периодической печати литература становится массовым явлением, охватывавшим самые широкие слои грамотного населения. Наряду с любителями появляются первые профессиональные литераторы, работавшие в сферах образования и издательства. В 1900-е гг. выходят многочисленные произведения поэтов-любителей, продолжавших традиции устного народного творчества Сафиуллы Рахматуллина (1845–1921), Шафика Аминова-Тамъяни (1858–1936), Зияутдина Шипаева (1862–1940), Гатауллы Галиева (1869–1939), Нурмухамета Юмрани (1882–1934), Сабирьяна Мухамедкулова (1890–1934). До 1905 г. известным мастером поэтического слова в Зауралье был Ш. Аминев, среди дёмских башкир – З. Шипаев.

Революционный подъём 1905–1907 гг. отразился в произведениях кураиста и певца Актюри из Троицка, который в сборнике стихов «Книга лавочников» (1907) смело критикует безнравственность, пьянство и разврат, порождённые буржуазным обществом. Проблема национального пробуждения стала темой творчества С. Рахматуллина («Поднимемся, мои башкиры!», 1905), Д. Юлтыя («Достояние башкира», 1908), Г. Худаярова («Обращение к башкирскому народу», 1910), М. Татлыбаева («Обращение к башкирским братьям», 1910). В поэзии обсуждался вопрос об освобождении женщины: стихотворения «Башкирской девушке» С. Якшигулова, «К миру женщин» Д. Юлтыя, «Юной девушке» Я. Юмаева и др. Традиционно большое место в поэзии занимала пейзажная лирика. Г. Исянбердин в стихотворении «На природе» восхищается вечной неуспокоенностью природы. Я. Юмаев в работах «Дочка» (1910), «Казахской девушке» (1914), «Горе ребенка» (1914), «Потерявшему надежду» (1916) противопоставляет безгрешного младенца печальной действительности. С началом Первой мировой войны М. Габдельманов выпускает в Уфе патриотический сборник баитов «Песни войны», затем выходят в Уфе, Оренбурге и Казани его книги «Баит о проливающей кровь немце» (1915), «Воспоминание о войне» (1916), «Баит о состоянии европейской войны» (1917) и др.³

Многочисленные прозаики работают в различных жанрах, показывая высокий уровень башкирской литературы, отвечавшей на запросы времени. Афзал Тагиров (1890–1937) в первых произведениях «Проданные девушки» (1908) и «Униженные» (1908) следовал просветительским традициям, показывая симпатии к бедным и униженным. Зия Уммати (1885–1943), ранее известный по книге «Башкирские, типтярские песни и байты», в 1910 г. издаёт в Стерлитамаке повесть «Отцам – назидание, молодым – урок», где раскрывает крушение устоев патриархального общества, становление буржуазных отношений, подчёркивает необходимость для делового человека знания русского языка. В 1911 г. в Уфе выходит повесть «Несчастные» Мухамметхади Сагди (1883–1932), созданная под сильным влиянием русской литературы,

¹ Хасан-Гата мулла Мухаммет углы аль-Габаши. Муфассал тарих-и каум-и тюрки. Уфа, 1909. С. 117–118.

² Гумери Г. Переведутся ли башкиры? Оренбург, 1912.

³ См.: История башкирской литературы. В 6 т.: Т. 2. Литература XIX – начала XX вв. Уфа, 1990. С. 318–339 (на башк. яз.).

она – одно из самых удачных произведений критического реализма в башкирской прозе начала XX в. Широкий отклик получили произведение З. Уммати «Отцам – назидание, молодым – урок», рассказы «Опасный спутник» Кабира Туйкина (1912) и «Пусть деньги не лежат втуне» Васима Султанова (1913), произведения Ахкамедина Исанбердина (1883–1930) «Скорбная любовь, или Мансур и Галия» (1911), «Скорбь, или Мучительные вечера» (1913), рассказ Файзи Валиева (1893–1941) «В лодке».

Ряд авторов обращается к прошлому башкирского народа. Ф. Сулейманов в рассказах «Башкирское яйляу» (1914), «Тимербай-кураист» (1916), «Мор» (1916) идеализирует прежнюю кочевую жизнь башкир. Внутренний мир человека раскрывала башкирская романтическая литература, ярким представителем которой был Ахнаф Тангатаров (1892–1954). В 1909 г. в журнале «Шура» выходит его перевод небольшого рассказа турецкого писателя Тевфика Фикрета «Рыбаки», в 1910 г. публикуется его первый нэсер (стихотворение в прозе) «К матери». Творчество А. Тангатарова объединяет беспокойный романтический герой, устремлённый в светлое будущее («Когда я смотрю на горы», «Поэтические отрывки», «С надеждой», «Что это?», «Весеннее сумасшествие», «Моим друзьям»). Влияние на развитие реалистического метода оказали работы Г. Ибрагимова, например, «Татарская поэзия» (1913). Его поддержал башкирский писатель и журналист Гали Рафики (1890–1944) в статье «Критик мулла» (1914), написанной в форме рассказа.

Социальные проблемы, трагическая судьба обездоленных, взаимоотношения классов раскрывались в рассказах В. Султанова «Праздник для голодных» (1911) и Ф. Валиева «Копейка» (1915). Получает развитие жанр публицистики. В статьях Г. Гумари, М. Бурангулова, Х. Габитова, Ф. Валиева и др. авторов рассматривалось тяжёлое экономическое положение башкирского народа, критиковались попытки татарской буржуазии не признавать башкир отдельным, самостоятельным народом. В годы империалистической войны одной из главных стала тема страданий, выпавших на долю простого народа: рассказы Г. Рафики «Госкующей по родине», Ф. Валиева «Ирхан-учитель» и др. А. Тагиров в повести «Гольгельба» (1915–1916) выступает как представитель сформировавшегося революционного направления в башкирской прозе¹.

В начале XX в., среди всего многообразия местного литературного мира, начался творческий путь нескольких писателей, ставших классиками национальной культуры, оказавших огромное влияние на весь дальнейший путь башкирской прозы и поэзии. **Мажит Гафури** (1880–1934) родился в д. Зилим-Караново Стерлитамакского уезда. Его отец Нургани был учителем медресе. Рано потеряв родителей, Мажит сам зарабатывал себе на жизнь, батрачил, занимался перевозкой чугуна с Лапыштинского завода. При этом старался учиться, посещал медресе в д. Большое Утяшево, Киешки, «Усмания» в Уфе, «Расулия» в Троице, начал писать стихи. В 1904 г. в Казани отдельным изданием был опубликован рассказ М. Гафури «Жизнь, прошедшая в нищете», а в Оренбурге вышла первая книга стихов под названием «Сибирская железная дорога, или Положение нации».

¹ См.: История башкирской литературы. В 6 т.: Т. 2. Литература XIX – начала XX вв. Уфа, 1990. С. 360–386.

В мир башкирской литературы вошёл новый главный герой – деревенская беднота. В рассказе трудную жизнь Нигматуллы и его жены Сарби автор показал в трагикомических ситуациях. Глубоко сочувствуя односельчанам, М. Гафури не видит выхода из беспросветной нищеты: «Будет ли конец бедам и несчастьям в этой жизни?..» В стихах он отстаивал идеи прогресса, воплощением которого стала магистраль, прошедшая по землям Башкортостана.

Весной 1905 г. М. Гафури оправился в Казань, чтобы поступить в медресе «Мухаммадия», где застала его революция 1905 г. Надежды на новую демократическую Россию поэт выразил в цикле произведений: «Стих радости», «Перемена», «Настала пора», «Наши дни» и др. Поражение революции, социальная поляризация в обществе, крах идеалов о просвещённом свободном обществе М. Гафури запечатлел в стихотворениях «Уныние», «Наши дни», «Две птицы», «Богач» (1907). Но вера в будущее не оставляла его: «Коль живы будем, то увидим – светлый час пробьёт» («Две птицы», 1906). Поэт постепенно склонялся к революционно-демократическому направлению, что отразили стихотворения «Завещание 1906 года 1907 году» и «Ответ 1907 года». Автор делал радикальные выводы: «будут выбиты зубы... волков, жаждущих крови», а «мы сами вонзим острые зубы в известного большого человека» (то есть царя), – за что полиция установила надзор за поэтом.

Раскрывая противоречия времени («Я вышел на базар»), М. Гафури оставался сторонником всеобщего равенства: «Старался я, чтоб были равны и бай, и бедняк». В стихотворном «Обращении к электрическому фонарю» та же идея – фонарь светит одинаково и бедному, и богатому. В произведениях его показаны точные характеры персонажей, живой пейзаж, есть аллегория и острая сатира. М. Гафури первым в башкирской поэзии обратился к международным темам («Положение мусульман в других государствах», «Политика англичан»). Но главным мотивом его творчества оставалась социальная тема. В рассказах «Голодный год, или Проданная девушка» (1906), «Дети-сироты» (1907), повести «Бедняки» (1907) показывалась горькая судьба простого народа. Свою идейно-эстетическую программу М. Гафури выразил в стихотворении «Я и мой народ» (1912): «Я там, где стонут бедняки. / Все нищие – мои друзья. / Они мой круг: с любым из них / сумею столкнуться я». Кроме стихов о социальном неравенстве – «Бай и слуга», «Нищий», «Жалею», «Гатарская женщина», он мечтает о славе и могуществе своей нации, идеализирует старину (сборник «Стихотворения времени», 1909).

Большое влияние на творчество М. Гафури оказал народный героический эпос. В 1903 г. на озере Аслы-Куль он записал башкирскую легенду «Заятуляк и Хыухылу» и издал её. Затем появляются небольшие романтические рассказы «На берегу Белой», «Девушка-булгарка Айсылу», «Летней лунной ночью». Отражением волновавших мусульманское общество проблем религиозно-схоластического и новаторского педагогического образования стала повесть «Жизнь Хамита, или Лейла и моя жизнь». В 1912 г. выходят стихотворения «Борьба за волю», «На жизненном пути» и др., в которых утверждается, что только в борьбе можно обрести счастье, познать радость, и страстно призывал быть готовым к «жизненной борьбе».

Трагические последствия Первой мировой войны воплотились в реалистическом описании жизни народа («Солдатка Хамида», 1915), в тревогах о его судьбе: «Смерть всё ближе подходит к нам, / и угроза её растёт... / И развязка твоей судьбы / наступает,

родной народ!» («Судьба», 1915). В ноябре 1915 г. в казанском журнале «Анг» («Сознание») М. Гафури опубликовал стихотворение «Видно, нет тебя, Аллах!», в котором открыто прозвучали антирелигиозные настроения, как протест против ужасов войны. «О Аллах, видно нет тебя!.. Если бы ты был, / Ты карал бы неправду и сеял добро / И не тратил своих сверхъестественных сил, / Чтоб возвысились золото и серебро». Он считал, что лучше людям даровать счастье на земле, чем в раю, и даже выразил сомнение в существовании Высшего судии. Стихотворение М. Гафури имело широкий отклик. В мечетях Уфы, Казани, Оренбурга, во многих сельских приходах звучали проклятия поэту. Журнал «Религия и жизнь» («Дин ва магишат») в 1916 г. посвятил шестой номер критике поэта-вероотступника, обвиняя его во всех тяжких грехах.

В 1910-е гг. в башкирской литературе появляется новое имя **Шайхзада Бабич** (1895–1919), сразу обратившее на себя внимание незаурядным талантом. Он родился в д. Асяново Бирского уезда в семье муллы, отличался большими способностями, рано проявил интерес к поэзии. Летом 1910 г. Ш. Бабич учит детей в Казахстане и под впечатлениями от обездоленности простого народа, его невежества, пишет одно из первых своих стихотворений «Жалоба» («Ропот»). Осенью 1911 г. Ш. Бабич поступает в уфимское медресе «Галия», где становится активным участником литературных и музыкальных выступлений шакирдов, одним из авторов рукописного журнала, продолжает писать стихи. Под влиянием татарской поэзии Тукая в 1911 г. Ш. Бабич создаёт стихотворение «Габдулла-эфенди Тукаев», где провозглашалось, что долг поэта – вкладывать в душу народа высокие чувства и глубокие мысли. Преподававший в «Галие» литературу писатель Г. Ибрагимов сразу обратил внимание на молодого поэта.

Выходят произведения Ш. Бабича «Ради моего народа» (1914), «Проведи в борьбе свою короткую жизнь!» (1915), «Для кого?» и «Я жду» (1916), в которых главной темой становятся судьба народа и социальные мотивы. В лирических произведениях Ш. Бабич вместо платонического идеала воспевал естественное чувство, простоту и величие любви. Он возводит девушку на божественную высоту, преклоняется перед живой, земной красотой. Особое место в творчестве занимали сатира и пародия. В поэме «Газазил» и стихотворении «На небе Аллах, на земле – сатана» (1916) Аллах и иблис-сатана борются за душу человека, но Аллах давит на него с неба, а сатана – с земли.

Закончив в 1916 г. учёбу в медресе «Галия» Ш. Бабич переехал из Уфы в Троицк, где начал работать учителем. С первых дней он оказался в центре внимания мусульманской молодежи города, участвовал в литературных вечерах. Стремительно ворвавшийся в башкирскую литературу Ш. Бабич встретил революционные события 1917 г. зрелым мастером, создавшим за оставшуюся короткую жизнь целый цикл ярких литературных произведений.

В числе башкирских писателей-просветителей, много сделавших для совершенствования языка и стиля прозы, особое место занимает **Закир Хади** (1863–1932). Он родился в д. Еремеево Белебеевского уезда в семье образованного крестьянина, который зимой обучал детей в медресе. После учёбы у отца, З. Хади занимался в новометодных медресе в д. Тумутук и Касимове, где получил хорошее образование, изучал светские науки, русскую литературу. Затем заканчивает подготовительные курсы для учителей, преподаёт в медресе, много путешествует, побывал в Москве, Петер-

бурге, Уфе. В 1905 г. З. Хади устраивается на работу учителем в Одессе, где создаёт первые литературные произведения, в 1914–1918 гг. преподаёт в Харькове.

Литературное наследие З. Хади невелико. В Оренбурге публикуются его работы «Счастливая девушка», «Официант» (1904), «Милостивая молитва», «Несчастливая девушка» (1905), в Казани – «Магсум» (1906), «Новые хозяева пещеры», «Зиганша-хазрет» (1908). В своих произведениях З. Хади затрагивал вопросы морально-этического воспитания молодёжи и освобождение женщин. Он реалистично описывал хорошо известную ему сельскую жизнь, критически оценивал устаревшие обычаи, консервативное мусульманское духовенство, безобразные порядки в старых медресе.

В маленькой и бедной деревушке из рассказа «Счастливая девушка» женщина была «рождена пахать, как ишак или лошадь». Главный герой – Габбас после учёбы в Казани, где он изучал астрономию, геометрию и стал говорить по-русски, вернулся совсем другим человеком, так что никто из односельчан не узнал его. Гайша – благовоспитанная и скромная красавица – ответила чувствам Габбаса. Попытка шестидесятилетнего муллы взять её второй женой потерпела неудачу. Автор резко выступает против брака без любви. Габбас согласился стать имамом в своей деревне и взялся за перевоспитание односельчан. Жители сначала не понимали «проповедей Габбаса, но прислушавшись к его наставлениям», с усердием занялись выращиванием хлеба. А Гайша начала обучать грамоте деревенских девочек. Автор наставляет: если правильное воспитание в семье является для ребенка залогом его благополучной жизни, то знания, полученные в медресе, важны не только для него самого, но и для счастья и просвещения всей нации.

Противоположный сюжет З. Хади изложил в рассказе «Несчастливая девушка», где причиной трагедии Ханифы стало невежество и бескультурье. Она была девушкой лёгкого поведения, любила повеселиться с деревенскими парнями. В конце концов, несчастная решила проститься с жизнью и повесилась. З. Хади делает нравоучительный вывод: «Надеюсь, что молодежь, увидев в рассказе всё плохое, извлечёт урок, оградит себя от дурных поступков, проникнется любовью к добру и исправится во всех отношениях».

З. Хади много внимания уделяет проблемам образования, открытию новых мечетей в деревнях, выбору в приходские имамы образованных мулл, авторитетных среди населения, критикует устаревшие правила кадимистских медресе, где вместо воспитания будущего нации молодое поколение уродуется духовно и физически. В рассказе «Новые обитатели пещеры» использован эпизод восьмой суры Корана о людях, которых Аллах закрыл в пещере на многие годы. Главные герои Сафаргали и Минлешах, которым надоела беспросветная и тяжелая жизнь в деревне, поступают учиться в медресе ташлинского ишана, где провели тридцать лет, работая на его хуторе с ранней весны до поздней осени, а зимой учась в медресе. Вернувшись домой, они вынуждены были уйти обратно в пещеру-медресе. Оказалось, пока они жили у ишана, времена изменились, появились газеты и журналы, просвещение начало проникать в народ. А герои, превратившись в бесполезных обитателей пещеры, провели жизнь впустую и умерли один за другим.

В своём творчестве З. Хади часто приводит башкирские пословицы и поговорки, обращается к богатому народному языку, местному говору. Его произведения прони-

заны дидактическим и философским содержанием. Произведения З. Хади повлияли на дальнейшее развитие литературно-художественной мысли Башкортостана.

Традиции народного творчества глубоко были восприняты в творчестве **Фазыла Туйкина** (1887–1938), поэта, драматурга, прозаика. Ахметфазыл Ахметкаримович Туйкин родился в д. Зай-Каратай Бугульминского уезда Самарской губернии. Получил образование сначала на родине, затем в казанском медресе «Мухаммадия», учительствовал в Самарской и Уфимской губерниях, в 1911–1914 гг. преподавал в медресе «Хакимия» в Уфе.

Ф. Туйкин начал публиковаться в 1908 г. Его первые стихотворения увидели свет в уральской газете «Фикер» и оренбургском журнале «Шура». В стихах «Родные мои», «Лето красное», «Мир», «Курай», «Агидель» и «Страна родная» поэт описывает красоты родной природы, размышляет о прошлом и настоящем своего народа. Ряд произведения были написаны на мотивы народных песен и такмаков («Старинные песни», «Ашкадар», «Мурадым», «Зиляйлюк» и др.) с указанием, под какую мелодию их следует исполнять.

Поэт активно собирал тексты народных песен. В 1914 г. в Уфе был опубликован его «Сборник песен», в 1912 и 1918 гг. в Казани – книга «Созвездие песен». Он также подготовил к печати работу «Протяжные народные песни», поэму «Идельбай» и др. Несмотря на увлечение прошлым, Ф. Туйкин не идеализировал его, с оптимизмом и надеждой смотрел в будущее. На собранные исторические сюжеты Ф. Туйкин создаёт прозаические произведения. В 1912 г. отдельной книгой был издан его рассказ «Воин Сатыш», вызвавший большой интерес читателей. Герой рассказа, молодой Сатыш уходит защищать город Булгар от захватчиков, но попадает в плен. Через десять лет безграничная любовь к родине придаёт ему силы, чтобы совершить побег. Но когда он возвращается домой, Булгар и его родная деревня уже лежат в руинах.

Ф. Туйкин стоял также у истоков башкирской драматургии. Его пьесы «Герои Отчизны» и «Жертвы жизни» вызвали большой резонанс в культурной жизни и несколько лет подряд ставились на сценах Уфы и Оренбурга. Литературное наследие Ф. Туйкина проникнуто народным духом, а поэтические, прозаические и сценические произведения занимают достойное место в башкирском национальном литературном творчестве начала XX в.

Сафуан Якшигулов (1871–1931). Сафуан, сын Суфияна, Якшигулов родился в д. Ильчигулово Белебеевского уезда. После окончания сельского медресе, обучался в Давлекановском медресе, много читал, самостоятельно изучал историю, географию, русский язык, проявлял большой интерес к литературе, переписывался с М. Уметбаевым, встречался с М. Гафури. После окончания медресе С. Якшигулов был назначен муллой в д. Ново-Яппарово, где построил медресе, занимался обучением детей и просвещением народа.

Первые произведения С. Якшигулова были созданы в 1904–1905 гг. (стихотворение «Из Порт-Артура»). Ряд стихов появились в газете «Мысль» («Фикер», 1906), а аллегорическое приветствие начала революционного движения «Приход весны» – в большевистской газете «Урал» от 1 апреля 1907 г. В дальнейшем он перестал сотрудничать с периодической печатью и публиковал стихи в своих сборниках «Элегия на смерть учителя Султангильди-эфенди» (Казань, 1908), «Башкирские дела» (Стерлитамак, 1911), «Берега Демы» (Казань, 1912) и «Пламя души» (Уфа, 1916).

С. Якшигулов с большими надеждами встретил революционное движение 1905–1907 гг., что отразилось в стихах «Венера», «Весенний рассвет в долинах Дёмы», «Отрывок» и др. В стихотворении «Тормозы возвышения и падения» он призывал бороться за будущее своей нации, «если до этого она была рабом некоторых – станет повелителем». Критическим духом проникнуты стихи «Письмо моим башкирским братьям», «Курай», «Пора юности», «Голос с древнего башкирского кладбища», где он обвиняет современников в беспечности и лени, высмеивал утопичный характер мечтаний о былых просторах. В стихотворении «Против курая» он ратует за просвещение и подъём благосостояния башкирского народа. Он язвительно говорит, что башкиры «Ремёсла не чтя, не зная науки / В своих степях угасали от скуки».

Осуждая «продажу земель», С. Якшигулов в то же время идеализировал прошлое, кочевую жизнь. В своих стихах он воображал многочисленные табуны, изображал прекрасные картины природы («Древние башкирские просторы»), горы, замершие в страхе быть проданными («Берега Дёмы»), и даже слышал голоса предков, обиженных на своих потомков («Голос с древнего башкирского кладбища»). В стихотворении «Теперь» обращается внимание на отсутствие единства среди башкир, постоянные внутренние раздоры: «Умные споры в дружном кругу, / Сменились руганью словно в аду. / «Ревизские души» рассорили всех / Иссякли надежды на разум, успех»¹.

В поэзии С. Якшигулова постоянно звучат темы воспитания молодёжи («Пора юности» и «Письмо к детям»)², освобождения женщин («Страдания башкирской девушки, выданной за старика»). Много места занимает лирика. В сборниках «Берега Дёмы», «Пламя души» он, размышляя об эпохе, проводит поэтические параллели человеческой жизни с природными явлениями («Весенний день», «Глядя на пожелтевшие листья», «Глядя на водный поток»). В стихах «Колесо жизни» и «Жизнь» поэт говорит, что горе и радость всегда чередуются, поэтому нельзя терять надежды на счастливую жизнь.

Большое место в творчестве С. Якшигулова занимали басни, он переводил известные произведения И.А. Крылова, создавал и собственные басни, например «Закованный слон», в которой слон «Не знает, что от оков освобождён, / Понять о свободе он лишен». Внимательно поэт относился к устному народному творчеству, записывал песни дёмских башкир, часть которых опубликовал в сборнике «Берега Дёмы». «Как сказал знаменитый Тукаев, – писал он в предисловии, – народные песни дороже самоцветов и яхонтов, поэтому мы должны ценить и сохранять их»³. Многие стихи С. Якшигулова написаны в размере протяжных песен. На его творчество оказала влияние восточная классическая поэзия, однако он старался писать на «доступном простому человеку» народном языке. В его произведениях большое место занимает лексика собственно башкирского языка, а для татарского читателя он давал пояснения к отдельным башкирским словам.

В целом, С. Якшигулов был одним из ярких представителей просветительского направления, его творчество стало крупным явлением духовной жизни народа, стояло в центре формирования национальной литературы.

¹ Якшигулов С. Пламя души. Уфа, 1916. С. 9.

² Он же. Башкирские дела. Стерлитамак, 1911. С. 13.

³ Он же. Берега Дёмы. Казань, 1912. С. 23.

Фатхелькадир Сулейманов (1889–1976) родился 29 ноября 1889 г. в д. Шигаево (Сары Кульмяк) Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Начальное образование получил в русско-башкирской школе в родной деревне, затем учился в новометодных медресе Челябинска и Троицка («Расулия»), где овладел арабским, персидским и турецким языками. После окончания учёбы занимался преподавательской деятельностью.

Литературное творчество Ф. Сулейманова приходится на 1913–1916 гг. В первом небольшом стихотворении – «Грустная башкирская мелодия» (1914) описаны переживания лирического героя, наблюдающего восход луны. Он с гордостью вспоминает вольную и славную жизнь своих предков и критикует современников за забвение традиций, слабость, беспечность и лень. Стихотворение написано как подражание традиционным башкирским народным песням. Оно напоминает знаменитую песню «Урал» и даже содержит некоторые цитаты из неё. Эта же тема звучит в стихотворении «Тоскуя по кочевью» (1914): «Словно рай, ты, красивое кочевье, / Больше никогда не вернешься к нам! / О чём плачешь, башкир, не плачь, / Ты во всём виновен сам!», а также в нэсере (стихотворение в прозе) «На башкирском кочевье»: «Современное кочевье – гнездо негодяя. Оно потеряло своё великолепие, а народ стал бездарным, остались лишь старые задушевные песни».

В рассказе «Тимербай-кураист» Ф. Сулейманова искусный кураист нанялся пастухом к ставшему хозяином их кочевья Гришке, и всю оставшуюся жизнь провел в чужом для него мире. После его смерти хозяин бросил его мелодичный курай под ноги свиней и собак, а спустя пять лет распахал и могилу Тимербая. Автор предостерегал, что если колонизация края будет продолжаться, то всех башкир ждет такая же судьба.

Ф. Сулейманов создал ряд произведений на исторические сюжеты. В 1914 г. был опубликован рассказ «За родину» о том, как пугачёвцы казнили аксакала башкир-катайцев за то, что он не выдал им джигитов, не желавших участвовать в восстании. Главный герой-аксакал показан гордым и смелым защитником своих сородичей, ярим противником кровопролития. В годы Первой мировой войны Ф. Сулейманов опубликовал стихотворение «Батыр» (1915) с призывом подняться и разбить врага, напавшего на родину. Рассказ «Беглец» (1915) посвящён разбойной жизни и бесславном конце башкирского джигита Курмаша, который со своей шайкой занимался конкравдством и разбоем в Зауралье, а наживался на этом юртовой старшина. Разбогатевший старшина решил избавляться от своих добытчиков. Он заставил Курмаша бежать в лес и спрятаться на старом кладбище. Там джигит и был убит людьми старшины: «Таким образом, на старом заброшенном кладбище появился новый покойник. Однако у него не было ни могилы, ни савана, не отпевавших». Этот рассказ с динамичным и увлекательным сюжетом, стройной композицией, написанный сочным, образным языком, насыщенный народными поговорками, пословицами и крылатыми выражениями является одним из лучших произведений писателя. Ф. Сулейманов оставил довольно богатое и интересное литературное наследие, свидетельствующее о безусловном таланте и своеобразии его творческого пути.

В целом, вторая половина XIX – начало XX вв. стали переломным моментом в развитии башкирской литературы. На смену писателям-одиночкам пришло достаточно многочисленное сообщество поэтов и прозаиков, устное народное творчество за-

менила письменная традиция, а рост количества грамотного населения в Башкортостане создал устойчивый спрос на художественную книжную продукцию. Именно в этот период сформировалась национальная башкирская литературная традиция, пережившая в начале XX в. эпоху подлинного расцвета. Целая плеяда талантливых писателей создала выдающиеся произведения, вошедшие в «золотой фонд» башкирской культуры.

Русская литература. Не только местные русские дворяне, но и купцы, мелкие служащие, «средний класс» очень много читали. Современник вспоминал об Уфе 1880-х гг., что зимой в «теплушках» за магазинами собирались приказчики и разгорались «горячие споры о последней книжке “Отечественных записок”», а купец-лесопромышленник распространял по крестьянам произведения Некрасова, Успенского, Гаршина, Салтыкова, Короленко и др.¹ В обычном поместье Мензелинского уезда в 1909 г. полиция изъяла труды Л. Толстого, П. Лафарга, О. Мирабо, Н. Ленина, В. Либкнехта, Э. Вандервельде, К. Маркса, М. Горького, П. Лаврова и многие иные².

Прогресс в типографском производстве, большая издательская деятельность земства, различных общественных и государственных организаций Уфимской губернии, появление периодической печати (многие газеты регулярно публиковали художественные произведения), успехи народного образования, формирование сети библиотек привело во второй половине XIX – начале XX вв. к складыванию в первую очередь в губернской столице – Уфе – прослойки творческой интеллигенции, сыгравшей огромную роль в сохранении и дальнейшем развитии культурного наследия. Однако для существования своих (уфимских) литераторов благоприятных условий не имелось. Непрерывное поступление в книжные магазины буквально всех новинок русской (а также мировой) прозы и поэзии, подписка, торговля по рекламным объявлениям удовлетворяли любым запросам читающей публики.

В Уфе и губернии была слабо развита региональная пресса, отсутствовали литературные журналы, долгое время (до 1905 г.) конкуренцию единственной официальной газете – «Уфимским губернским ведомостям» составлял лишь коммерческий «Уфимский листок объявлений и извещений», выпускавшийся купцом Н.К. Блохиным³. Местная власть и русские предприниматели (в отличие от мусульман) никакой поддержки художественной интеллигенции не оказывали. Не удивительно, что выдержать конкуренцию со столичными «властителями дум» здешние начинающие авторы были не в состоянии. Из крупных русских литераторов рубежа XIX–XX вв. с Башкортостаном был связан *Михаил Андреевич Осоргин (Ильин)* (1878–1942), автор романа «Сивцев Вражек» (Париж, 1928) и многих других произведений, созданных в эмиграции, в детстве часто гостивший у своей бабушки по отцу, проживавшей в Уфе. Отсюда происходит псевдоним писателя (к югу от города располагалась Осоргинская волость). Позднее в его воспоминаниях осталось: «Река – Белая; поменьше – Дёма; город – Уфа; время – рубеж восьмидесятых и девяностых годов. Нет гравюрной отчётливости, скорее – прозрачные акварели. Вероятно, многое стёрлось

¹ *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 95–96.

² ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 281. Л. 9–19.

³ См.: Периодика Урала. Свердловск, 1976. Вып. 1. Дореволюционные издания. Библиографический указатель / Сост. Г.М. Савиных.

и спуталось в памяти, остались не факты, а впечатления. Конечно, они мне очень дороги»¹.

В подобных условиях часто единственным материалом, с которым можно было «пройти» в большую литературу, на страницы центральных газет, заинтересовать влиятельного издателя была национальная, башкирская тематика*. Критик в начале XX в. отмечал, что работы провинциальных литераторов, «этих весьма симпатичных тружеников печатного слова большей частью бывают раскиданы» по разным газетам и журналам. Авторам приходилось «специализироваться» на малых формах – рассказах, небольших по объёму повестях и воспоминаниях.

Именно с башкирской темой вошёл в литературу Пётр Иванович Добротворский (1839–1908). Он родился в Симбирске, получил прекрасное образование в Михайловском артиллерийском училище в Санкт-Петербурге, но после реформы 1861 г. приехал в Уфимскую губернию, в имение родителей для устройства быта крестьян, женился и остался в Башкирии. Несколько десятилетий П.И. Добротворский служил чиновником по крестьянским делам (мировым посредником и др.), жил в деревне (в Белебеевском уезде, отсюда его литературный псевдоним – Пётр Кармасанов), затем переехал в Уфу. Столкнувшись с беззакониями при продаже башкирских земель, он публикует с конца 1870-х гг. в центральных газетах («Санкт-Петербургские ведомости», «Северный вестник», «Молва», «Голос», «Неделя» и др.) серию публицистических очерков о злоупотреблениях в Уфимско-Оренбургском крае. Его статьи вызвали огромный общественный резонанс по всей России, в 1880 г. их читал сам император Александр II, в результате последовали ревизия М.Е. Ковалевского и отставка генерал-губернатора, что принесло «громчайшую пользу населению местности, равной по пространству целой Франции».

С конца 1880-х гг. П.И. Добротворский начинает активно публиковаться в различных столичных и провинциальных изданиях: «Камско-Волжский край», «Волгарь», «Самарская жизнь», «Волжский вестник», «Наблюдатель», «Русская жизнь», «Русские ведомости», «Мир Божий», сборник «Помочь» (Вологда) и др. В 1888 и 1892 гг. в Москве выходят его книги «В деревне, в заводе, в городе» и «Рассказы, очерки и наброски», в 1901 г. в Екатеринбурге издаётся сборник из десяти рассказов о башкирской жизни «В глуши Башкирии», в 1904 г. в Москве публикуются мемуары П.И. Добротворского «Моя исповедь» и лишь в 1907 г. в Уфе печатается небольшая работа «Губернаторская ревизия. (Из истории голодных годов)».

Несмотря на значительное число публикаций и знакомство с ведущими писателями (Уфу посещали В.Г. Короленко, Н.Н. Златовратский и др.), П.И. Добротворский остался «рядовым» провинциальным литератором, мало замеченным критикой. Творчество его типично для второй половины XIX в., основная тема многих работ – столкновение патриархальной (деревенской, «нравственно-чистой») жизни «простых людей» с неумолимо надвигавшейся индустриальной («пресловутой») цивилизацией, её городами, «прогрессом» и страданиями интеллигенции – «больного человека». П.И. Добротворский ярко изобразил жизнь провинциального города «Мятельска»,

¹ Осоргин М.А. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992. С. 42.

* Периодические издания стремились получать информацию о «местной жизни», из глубинки, привлекая для этого корреспондентов.

«где тёмные люди и для своих тёмных дел открыли “Новую Америку”». Уфа и губерния после проведения железной дороги как раз переживали эпоху бурного экономического развития со всеми сопутствовавшими явлениями эпохи первоначального накопления. Героев П.И. Добротворского иногда упрекали «в излишнем пессимизме». Со сходных позиций показана автором жизнь заводского населения (на его участке находилась Нижне-Троицкая фабрика), среди которого также «езде заметны следы разрушения семейного начала». Этнографически точные зарисовки П.И. Добротворского стали одним из первых художественных описаний положения пролетариата на территории Башкирии.

Лучшими в творчестве П.И. Добротворского, без сомнения, были его деревенские рассказы, где автором создан ряд положительных образов русского крестьянина, чей нравственный облик ещё не испорчен влиянием развращающей городской цивилизации*. Много лет проживший в деревне писатель мастерски рисует сцены народного быта. Такая же фотографическая точность характерна для рассказов о башкирском населении. П.И. Добротворский показывает тяжёлое положение рядовых сельчан, роль мусульманского духовенства, подмечает и новые моменты – складывание национального предпринимательства, появление свободной башкирской женщины-хозяйки (рассказ «Иняй»)¹.

Ярким представителем демократического направления в русской литературе был **Николай Владимирович Ремезов** (1855–1915). Он родился в Казани, но вскоре семья переехала в Уфу. Здесь Н.В. Ремезов окончил городское училище, курсы землемеров и с 1873 по 1884 гг. участвовал в размежевании земель в Уфимской губернии, в том числе башкир-вотчинников и припущенников, став непосредственным свидетелем творившихся злоупотреблений. Н.В. Ремезов в жанре журналистского расследования публикует в 1881–1884 гг. в казанских газетах «Казанский биржевой листок» и «Волжский вестник» серию статей о расхищениях башкирских земель. С указанием точных имён, дат и событий он создаёт запоминающиеся художественно-документальные очерки, где раскрывает всю механику махинаций. К этому времени правительство уже запретило распродажу башкирских земель, но все ремезовские персонажи здравствовали, проживали в Уфе. Разоблачительные материалы вызвали травлю со стороны местного высшего общества и в 1884 г. ему приходится уехать в Санкт-Петербург. Газетные статьи он собирает в сборники и в 1887 г. в Москве выходит первая книга «Очерки из дикой Башкирии. Быль в сказочной стране», а в 1889 г. – вторая часть очерков («Переселенческая эпопея»). Перу Н.В. Ремезова принадлежит также ряд других работ.

Творчество Н.В. Ремезова является, с одной стороны, ценным свидетельством современника, живым описанием бурных событий в судьбах Башкортостана 1870–1880-х гг. (расхищение башкирских земель, начало массового переселения). Но, как всякий представитель «разоблачительного» направления в журналистике, Н.В. Реме-

* Философ С.Л. Франк замечал, что «русская интеллигенция не любит богатства. В её душе любовь к бедным обращается в любовь к бедности... Русского интеллигента влечёт идеал простой, бесхитростной, убогой и невинной жизни» (Цит. по: *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 2. С. 320).

¹ См.: *Добротворский П.И.* В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. Уфа, 1989. С. 5–15 (предисловие М.Г. Рахимкулова), 204–252 и др.; Башкортостан в печати до 1917 года. Уфа, 2003. С. 177.

зов не всегда учитывал сложность и многогранность исторических процессов, предъявлял к людям завышенные моральные требования – непременно «жить по правде», односторонне акцентировал внимание только на негативных моментах*. В отличие от П.И. Добротворского, который боролся за прекращение беззаконий и делал упор на факты, работы Н.В. Ремезова вышли после наведения порядка в земельных отношениях в крае. Поэтому автор больше внимания смог уделить художественной обработке материала, созданию литературных образов расхищителей-злодеев, положительных персонажей (русских и башкирских крестьян), а также сцен из народного быта и жизни уфимского высшего света¹.

С Башкирией связано начало литературной карьеры ряда русских писателей, в творчестве которых отразились природа края, судьбы башкирского народа и т. д. **Василий Васильевич Брусянин** (1867–1919) родился в Бугульме, но с детства жил в Уфе. Окончил здесь землемерное училище, работал землемером в губернии, потом переехал в Петербург. В 1893 г. в газете «Русская жизнь» выходит большой рассказ «Новогодняя ночь в башкирской деревне» – первая значительная публикация В.В. Брусянина. И в дальнейшем в его творчестве присутствует башкирская тема, издаются рассказы, легенды, повести. Например, в рассказе «В лесной Башкирии» видно хорошее знание лесных промыслов, есть яркие зарисовки труда и быта рабочих разных национальностей. В дальнейшем В.В. Брусянин издавался и сотрудничал в крупных газетах, участвовал в политической деятельности, скрывался в Финляндии, выпустил ряд романов. Основные произведения: «Поэты-крестьяне» (1899), «Рассказы» (1902), «Судьба первых депутатов» (1906), «Указатель книг и статей о Государственной думе» (1913), «Белые ночи» (1913), «В рабочих кварталах» (1915) и др.²

В 1896 г. уфимскую гимназию окончил **Григорий Прокопьевич Ларионов (Белорецкий)** (1879–1913), выбравший псевдонимом место своего рождения. Затем он учился в Военно-медицинской академии в Петербурге, служил военным врачом, участник русско-японской войны. Сохранял связи с Башкирией, часто бывал на практике на Урале, посещал Белорецк. Интерес к фольклору местных рабочих привёл его в литературу. В 1901 г. в газете «Уральская жизнь» выходит первая крупная публикация Г.П. Белорецкого «Заводская частушка». В 1902 г. издаётся очерк «Заводская поэзия», выходит ряд рассказов, книга «На войне» (1905). В произведениях по башкирскому материалу Г.П. Белорецкому удавались достоверные описания народного быта, суровой горной природы, честно изображал он межнациональные взаимоотношения, не скрывая своего сочувствия простому люду³.

* Уфимский губернатор П.П. Шрамченко (1880–1882 гг.) приводил сведения, что с 1869 по 1878 гг. всего было совершено 112 купчих крепостей по покупке земли у башкир, из которых жалобы возникли лишь по 24 сделкам (*Шрамченко П.* Земельный вопрос в Уфимской губернии // *Русский вестник.* 1882. Апрель. Т. 158. С. 468). В статьях Н.В. Ремезова приводится описание практически всех этих случаев, которые составляли лишь 1/5 от общего количества сделок – *авт.*

¹ См.: *Ремезов Н.В.* Быль в сказочной стране. Очерки. Уфа, 1986. С. 5–19 (предисловие М.Г. Рахимкулова и Б.С. Давлетбаева), др.

² Башкирия в русской литературе / Сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1993. Т. 3. С. 302 и др.; Ресурсы Интернета.

³ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 79; История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 384; Башкирия в русской литературе. С. 349 и др.

В 1890-е гг. проживал в Уфе один из крупных и весьма популярных русских писателей начала XX в. Александр Митрофанович Фёдоров (1868–1949), в раннем творчестве которого башкирская тема занимала одно из центральных мест и во многом также помогла ему «войти» в большую литературу. В 1895 г. в журнале «Вестник Европы» выходит цикл его стихов «В башкирской степи», а в 1897 г. публикуется первый роман А.М. Фёдорова «Степь сказалась», получивший успех у читателей. Затронув актуальную тему расхищения башкирских земель, автор не остался на уровне разоблачительной публицистики, а эмоциональным языком создал ряд запоминающихся образов литературных героев. Поддерживал творческие связи с А.П. Чеховым и И.А. Буниным, занимался переводами из В. Шекспира и Э. Ростана. Основные произведения: Собрание сочинений в семи томах (1911–1913), «Рассказы» в двух томах, «Пьесы» (1903), «Земля» (1905), «Природа» (1906), «Сонеты» (1907), «Степь сказалась» (1912) и многие др.¹

«Башкирская тема» также затрагивалась в произведениях некоторых уральских литераторов. Одни авторы близко были знакомы с жизнью башкирского народа и создавали реалистичные картины народного быта, для других легенды и предания башкир служили лишь отправной точкой в художественном вымысле. На рубеже XIX–XX вв. в уральской и центральной прессе публиковались работы А.Г. Туркина (1870–1919), П.П. Инфантьева (1860–1913), Н.А. Крашенинникова (1878–1941) и др. «Башкирский» роман Н.А. Крашенинникова «Амеля» в 1917 г. был отмечен Российской Академией наук «Почётным отзывом имени Пушкина».

Башкирию посетили несколько выдающихся русских писателей того времени – Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М.И. Цветаева, В.Г. Короленко и др., в чьём творчестве в различных формах отразились история, люди и природа края. Некоторые литераторы специально путешествовали по Южному Уралу, собирали здесь этнографический и литературный материал (Ф.Д. Нефёдов, Г.И. Успенский, С.Г. и П.Г. Рыбаковы, Н.А. Степной, др.). «Башкирская тема» в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв. оставила яркий след в виде целого ряда талантливых произведений от захватывающих мемуаров С.Р. Минцлова до «Кумысных виршей» Саши Чёрного².

А нерастроченный потенциал местной творческой интеллигенции устремился в сферу изучения истории, экономики, природы родного края. Уже в 1860-е гг. в Уфе формируется историко-краеведческое сообщество, в образованных кругах считалось модным заниматься подобными исследованиями. Губернский предводитель дворянства В.А. Новиков выпускает сборник материалов по истории уфимского дворянства (переиздан с дополнениями в 1903 г., в соавторстве с Н.А. Гурвичем), городской голова Д.С. Волков³ собирал сведения о первых веках существования Уфы и писал статьи на экономические темы, различные сочинения издают чиновники и земцы П.Г. Резанцев⁴, И.Г. Жуковский, А.А. Пекер и др. Но «лидером» долгое время оста-

¹ См.: Сырова Ю.Н. А.М. Фёдоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX – начала XX веков (1885–1920). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006; Она же. Избранная библиография произведений А.М. Фёдорова и литературы о нём (1885–2005). Саратов, 2006; Башкирия в русской литературе. С. 198 и др.; Ресурсы Интернета.

² См.: Башкирия в русской литературе. Т. 3; История Урала в период капитализма. С. 382–385.

³ См.: Ефремов В.А. Литературное наследие Д.С. Волкова: Заметка о неизданных материалах по истории Уфы. Уфа, 1912.

⁴ См., напр.: Резанцев П.Г. Административная роль города Уфы в Оренбургском крае. Уфа, 1902.

вался врач и статистик Н.А. Гурвич (1828–1914), у которого примерно с 1867 по 1887 гг. в Уфе ежегодно выходили разнообразные труды по экономике, демографии, торговле региона¹. Печатался он и позднее².

В начале XX в. эстафету в историко-краеведческих исследованиях подхватили преимущественно преподаватели. Издаются работы по этнографии и истории Башкирии С.М. Матвеева, М.В. Лоссиевского, В.И. Филоненко и др. Всевозможная специализированная литература выпускается по народному образованию, медицине, естественным наукам³, больших достижений достигла земская статистика. Отдельное направление составляла церковно-краеведческая литература, публиковались труды по истории православия, духовных учебных заведений и иным темам И. Гуменского, М.П. Троицкого, Н.П. Тюнина, Е.В. Еварестова, Е.А. Зефинова, И. Алфеева, Н.Н. Модестова и др. А И.Е. Златоверховников в 1899 г. создаёт обобщающее исследование по всей Уфимской епархии⁴. Особой отраслью в местном краеведении в 1900-е гг. стало изучение истории самой Уфы⁵. Постепенно становится обычной практикой издание мусульманскими авторами своих трудов на русском языке (М. Баишев, М. Куватов, И.М. Кутлубаев, М.А. Кулаев, Г.И. Кильдибяков)⁶.

Учреждение с 1905 г. в Уфе новых газет («Уфимский вестник», «Уфимский край» и пр.), увеличение читательской аудитории способствует появлению местных периодических изданий, где литературные материалы занимают одно из центральных мест. В 1911–1914 гг. выпускается сборник учащихся уфимской мужской гимназии «Мозаика», с 1913 по 1917 гг. издавался ежемесячный художественный (духовного направления) журнал «Сеятель», с 1916 г. православное Восточно-русское культурно-просветительное общество печатало журнал «Заволжский летописец», а в 1917 г. в Уфе появляется сатирическо-юмористический журнал «Пчела»⁷.

Медленно и трудно в конце XIX в. начинается собственная издательская (публицистическая, просветительская) деятельность в уездных городах Башкортостана. Иногда среди небольшого круга местной интеллигенции выделялась энергичная «пишущая» личность, как, например, К.Д. Ростовцев в Стерлитамаке⁸ или Д.Н. Тяжельников в Мензелинске⁹. Особое место занимало с. Николо-Берёзовка Бирского уезда, знаменитое своими церковными достопримечательностями. По его истории

¹ См.: Латыпова В.В. Н.А. Гурвич – наш земляк // Живая память. Уфа, 1997.

² См.: Башкортостан в печати до 1917 года. С. 18–156.

³ См.: Каримов К.К. Наука в дореволюционном Башкортостане. Уфа, 1999.

⁴ См.: Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справочник-путеводитель / Авторы-составители П.В. Егоров, Л.Г. Рудин. М., 2005.

⁵ См.: Ница А. Предание о нападении на Уфу сибирских царевичей Аблая и Тевкеля: Историко-критический очерк. Оренбург, 1912; Гуляев А.А. Иллюстрированная Уфа (Уфа в прошлом и настоящем). Уфа, 1914; Уфа в кармане. Уфа, [1913]; др.

⁶ См.: Башкортостан в печати до 1917 года.

⁷ См.: Периодика Урала. Вып. 1.

⁸ К.Д. Ростовцев публиковал различные труды в 1891, 1911, 1912, 1913 гг. и т. д., особенно много по поводу строительства железной дороги (Башкортостан в печати до 1917 года. С. 74, 215, 233, 251 и др.).

⁹ Тяжельников Д.Н. Значение народного образования в разрешении нашего экономического кризиса. [Уфа, 1896]; Он же. О борьбе с засухами. СПб., [1899]; Он же. Крестьянское слово о наших российских порядках. М., 1907; Он же. Отчего зависит наша бедность и как от неё избавиться? Мензелинск, [1917]; др.

вышло несколько популярных краеведческих книг¹, чем не могла похвастаться даже столица края – Уфа.

§ 4. Просвещение

Вторая половина XIX в. явилась периодом становления системы народного образования. Начатая в 1860-е гг. перестройка школы привела к складыванию единой системы, охватывающей всё население страны. Было провозглашено равенство граждан перед законом в получении образования, хотя механизмы его реализации, преемственность между начальной и повышенной школой, не был создан. К школьному строительству были допущены общественные организации, сфера педагогической деятельности перестала быть монополией мужчин, в учебных заведениях усиливалось внимание к преподаванию реальных знаний, пригодных в практической деятельности, широкие масштабы получило образование среди нерусских народов империи².

У населения края, – сообщали местные власти, – наблюдалось «пробуждение потребности в образовании, которое не ограничивается жителями городов, проникает и в селения»³. Население ходатайствовало об учреждении школ, росли пожертвования на нужды образования, устраивались бесплатные воскресные школы. К середине 1860-х гг. насчитывалось 600 начальных училищ в Башкирии⁴. В эти же годы открываются шесть школ для башкир и татар, две для марийцев. После принятия в 1870 г. правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» численность училищ для различных народов значительно возросла.

Весь курс обучения в русско-башкирских, русско-татарских и др. школах определялся имперской политикой царизма. «Конечною целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, – указывалось в правилах 1870 г. – бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом»⁵. В школах для марийцев, чувашей, мордвы и удмуртов преподавался русский язык, арифметика, закон Божий и церковное пение. Обучение проводилось по системе востоковеда и миссионера, профессора Казанского университета и духовной академии Н.И. Ильминского (1822–1891) с применением родного языка. В русско-башкирских и русско-татарских школах учили русскому языку, арифметике, чистописанию и вероучению. Преподавание велось на русском языке (родной язык учащихся не применялся) и по учебникам,

¹ *Шестаков Иаков, священник*. История Камско-Берёзовского Богородицкого миссионерского Черемисского мужского общежительного монастыря Уфимской епархии. СПб., 1910 (выдержало три издания); Под молитвенным покровом Святителя Николая. М., 1910; *Тюнин И.* К посещению Её императорским Высочеством Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной села Николо-Берёзовки Бирского уезда, в 1908 и 1914 гг. Уфа, 1915 (автор ошибся – первый визит был в 1910 г. – авт.).

² См.: *Азаматова Г.Б.* Уфимское земство (1874–1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005. С. 51–192.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 71. Л. 87 об.; РГИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1217. Л. 17.

⁴ *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 98, 100.

⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 3–4. Отд. 1. С. 53.

специально изданным русским шрифтом, «дабы совершенно отторгнуть татар, киргиз и башкир от мусульманской... письменности»¹.

Большие перемены в народном образовании наступили после учреждения в 1875 г. в Уфимской губернии земства. За первые десять лет работы местное земство открыло 93 начальных училища². Всего к середине 1880-х гг. в их ведении состояло 155 школ, почти половина начальных учебных заведений губернии. По сравнению с народными училищами Министерства просвещения трёхгодичные земские школы отличались рядом достоинств: в них работали более подготовленные педагоги, учащиеся бесплатно обеспечивались учебниками, занятия проводились в приспособленных классных комнатах и т. д. Благодаря применению новаторских книг по чтению (Н.Ф. Бунакова, Н.А. Корфа, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского и др.) в их учебный курс, формально не выходящий за программу министерского училища, оказывались включёнными общие сведения по истории и географии, что расширяло кругозор школьников. В отдельных случаях обучали ремёслам.

В 1860–1870-е гг. рост начального образования ограничивался количественными сдвигами. Качественных перемен было немного. Сельская школа существовала исключительно за счёт крестьян, для которых эти расходы были довольно обременительными. От казны помощи не поступало. В 1879 г. расходы на одну школу в Уфимской губернии составляли всего 407 руб., в Оренбургской – 124 руб. Не хватало удобных зданий, классной мебели, учебников, квалифицированных педагогов. К началу 1880-х гг. лишь 30,4% преподавателей края соответствовали по своему образовательному уровню занимаемой должности³. Всё это задерживало проникновение в начальную школу передовых педагогических приёмов. За исключением некоторых городских училищ, до середины 1870-х гг. господствовали старые способы обучения (буквослагательный метод обучения грамоте, механическое заучивание) и воспитания (угрозы, насилие, принуждение).

Мало изменился и объём знаний. По «Положению о начальных народных училищах» 1864 г. целью провозглашалось «распространение первоначальных полезных знаний» и «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий»⁴. Учебный курс включал чтение церковной и гражданской печати, письмо, четыре действия арифметики, церковное пение и закон Божий. В городских (по Положению от 31 мая 1872 г.) и сельских двухклассных (с пятилетней программой) училищах изучались также основы природоведения, географии, истории и математики.

В 1860–1870-х гг. ускорилось развитие средней школы. Открываются прогимназии в Мензелинске и Стерлитамаке, в 1862 г. в Уфе было учреждено женское епархиальное училище, а женские училища II разряда в Бирске и Мензелинске получили статус прогимназий⁵. К началу 1880-х г. в Уфимской и Оренбургской губерниях су-

¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9940. Л. 93.

² Подсчитано по: О положении начального народного образования в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 30.

³ Сельские училища в Европейской России и Привислянских губерниях (По переписи 20 марта 1880 г.) // Статистический временник Российской империи. СПб., 1884. Серия 3, вып. 1. С. 38–39, 233–237.

⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3. Стб. 1226.

⁵ Белафин К.К. К истории просвещения в Оренбургском крае (Женские гимназии и прогимназии в 1875–1899 гг.). Оренбург, 1901. С. 104.

ществовало пять мужских и девять женских средних учебных заведений, где обучалось 1007 чел. мужского и 1426 женского пола. Демократизировался состав учащихся, удельный вес детей дворян и чиновников упал с 73,8% в 1868 г. до 43,4% в 1880 г. в мужских гимназиях, а в женских – с 80 до 59,6%. Их места заняли выходцы из средних слоёв¹.

По Уставу 1864 г. мужские гимназии оставались семиклассными учебными заведениями (по Уставу 1871 г. стали восьмиклассными). После реформы в них несколько сократилось преподавание русского языка и естественных дисциплин, а количество уроков по латыни возросло с 39 часов в неделю до 42,5. Обучение в гимназиях велось исключительно на русском языке, что фактически закрывало в них двери для детей иных национальностей. Лишь изредка в среднюю школу поступали дети состоятельных башкир и татар, для которых в Уфимской гимназии в 1869 г. было введено преподавание «магометанского вероучения». В конце 1870-х гг. в мужских гимназиях края обучалось около 40 башкир и татар (менее 5% всех учащихся)².

Женские гимназии по Положению 1870 г. были семиклассными, кончавшие восьмой дополнительный класс получали звание домашней учительницы. Курс женских прогимназий соответствовал первым четырём классам гимназий. В 1870-е гг. при Мензелинской прогимназии был открыт педагогический класс. Учебно-воспитательная система женской средней школы направлялась на подготовку «будущей матери семейства» и образовательный уровень её был ниже, чем в мужских гимназиях³.

Профессиональное образование в Башкирии в пореформенный период сначала было представлено лишь Уфимской духовной семинарией и духовными училищами, где готовились кадры православного духовенства. Постепенно расширялось преподавание общеобразовательных дисциплин, которым в Уфимской семинарии отводилось 60,6% учебного времени (до реформы было 42,6%). Выпускники духовных школ, куда принимались выходцы из всех сословий, освобождались от обязательного поступления на духовную службу. Светское профессиональное образование началось с педагогического. В 1876 г. в с. Благовещенский завод по инициативе губернского земства открылась учительская семинария. Трёхгодичное обучение имело целью «доставить педагогическое образование молодым людям всех сословий, православного исповедания, желающим посвятить себя учительской деятельности в начальных училищах». Изучались закон Божий, русский язык, математика, история, география, естествоведение, педагогика, чистописание и рисование. Выпускники получали хорошую теоретическую и практическую подготовку.

После принятия в 1870 г. закона об образовании «инородцев» началось учреждение учительских школ для нерусских народов края с целью подготовить из башкир, татар, чувашей и др. учителей, способных внедрить в свою среду «государственные начала», прежде всего русский язык и православие. К середине 1880-х гг. на Южном Урале были открыты три учительские школы, в том числе татаро-башкирская в Уфе в 1872 г. (переведена в Оренбург в 1877 г.) и марийско-чувашская в 1882 г. в Бирске. В

¹ Фархитов М.Н. Указ. соч. С. 116, 120, 121.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1227. Л. 23.

³ См. также: Аминова Л.Я. История женского образования в Башкирии. Вторая половина XIX – начало XX века. Уфа, 2005.

«инородческих» учительских школах был установлен четырёхлетний срок обучения. Специальную и практическую подготовку они давали на уровне учительских семинарий, но преподавание общеобразовательных дисциплин велось слабее. Учебное начальство прямо предписывало инспекторам учительских школ избегать углублённого изучения истории, географии, математики и других предметов. Преподавание велось исключительно на русском языке, родные языки не изучались и не использовались в педагогическом процессе¹.

Учительские семинарии и школы были непривилегированными заведениями. В них обучались в основном дети крестьян и городских низов. В 1880 г., например, из 136 учащихся 96 (71%) являлись выходцами из податных городских и сельских сословий². Создание сети педагогических учебных заведений было значительным событием в культурной жизни края. Благодаря им за последнюю четверть XIX в. начальные школы получили свыше 900 квалифицированных учителей, в том числе из Уфимско-Оренбургской татаро-башкирской – 88, Бирской марийско-чувашской – 146, Благовещенской учительской семинарии – 379 педагогов³.

Реформы 1860-х гг. в области народного просвещения не коснулись мектебов и медресе края, как частных вероисповедальных школ. Их социально-культурная функция по-прежнему сводилась к религиозному воспитанию подрастающего поколения и подготовке духовных кадров. Обучение светским знаниям почти полностью отсутствовало, так как главным достоинством грамоты в глазах мусульман оставалась возможность приобщения к священному Корану. На консервацию старых порядков в примечательных школах влияла и политика правительства. С 1870 г. власти начали насильственно вводить в мектебах и медресе преподавание русского языка путём учреждения при них особого класса со своим учителем. Открытие новых школ без русских классов запрещалось. Кроме того, лицам, желающим занять духовные или общественные должности, вводился экзамен по русскому языку. Всё это вызвало обоснованное недовольство среди башкир и татар, которым воспользовалось консервативное духовенство, выступавшее вообще против светского образования. К концу 1870-х гг. преподавание русского языка осуществлялось лишь в 20 медресе края, тогда как традиционных башкирских и татарских школ всего насчитывалось свыше 800⁴.

Во второй половине XIX в. Башкортостан оставался значительным центром мусульманского просвещения. В Уфимской губернии самым знаменитым было Стерлибашевское медресе (Стерлитамакский уезд). Его мударрисы Харис (1810–1870) и Харрас (1814–1871) Биктимировы (Тукаевы), а затем сын Хариса мударрис Хабибулла Тукаев (1856–1897) поддерживали высокий для того времени стандарт образования. В 1869 г. Харис Биктимиров ввёл в учебный курс преподавание русского языка, так как считал, что «знание русского языка, являющегося государственным, для мусульман России обязательно»⁵. Для шакирдов (учащихся) им выписывалась столич-

¹ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 119, 131–133.

² ЦГИА РБ. Ф. И-124. Оп. 1. Д. 4. Л. 147; Специальные учебные заведения мужские и женские в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти губерниях Привислянских по переписи 20-го марта 1880 года // Статистика Российской империи. СПб., 1890. Вып. 13. С. 79.

³ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 133, 135.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Фәхрәтдин Р. Асар. Оренбург, 1909. Ж. 15. Б. 506.

ная газета «Голос». Стерлибашевские мударрисы были знакомы с новаторскими трудами татарских мыслителей А. Курсави и Ш. Марджани, были в курсе интеллектуальной жизни многих мусульманских стран. Хабибулла Тукаев критически относился к традиционной системе преподавания на Востоке. В 1870–1880-е гг. в Стерлибаше преподавал один из представителей знаменитой татарской учительской династии из Вятской губернии – Габидулла Буби (1833–1883)¹.

Исключительная популярность Стерлибашевского медресе притягивала сюда молодежь со всей округи и даже из Бухары². В 1860–1880-е гг. численность шакирдов составляла около 600 чел. Роль Стерлибашевского медресе в культурной жизни края подчёркивали современники. Посетивший его в начале XX в. академик В.В. Бартольд назвал медресе «одним из живых центров мусульманской науки в России»³. По мнению Н.И. Ильминского, Стерлибашевское медресе, «как сильный подземный корень», давало «опору и силу различным магометанским движениям» на всём Российском Востоке⁴.

В пореформенное время приобрело широкую известность Стерлитамакское медресе. Его подъём был связан с именами высокообразованных мударрисов Камалетдина Нагаева (1808–1890) и Хайруллы Хабилова (1819–1905). Х. Хабилов обладал богатой библиотекой, занимался переписыванием книг и переводами, хорошо знал историю, в преподавании также воспринимал передовые методы. В 1869 г. в этом медресе начали обучать русскому языку. За 1870–1880-е гг. число шакирдов в Стерлитамакском медресе выросло с 200 до 600⁵. В 1864 г. мударрис Мирсяф Камалетдинов (1830–1904) открыл медресе в д. Киешки Уфимского уезда. Благодаря его обширным познаниям по мусульманскому богословию и праву, а также врачеванию, медресе быстро приобрело известность. В 1867 г. в нём обучалось около 200 юношей, затем число учащихся возросло до 500–550 чел. Школа размещалась в пяти зданиях и концу XIX в. Киешкинское медресе превратилось в заметный образовательный центр среди мусульманского населения края⁶.

В 1860–1880-е гг. в Уфимской губернии успешно работали другие медресе с высоким уровнем обучения: в д. Арслан (в 1879 г. было около 150 шакирдов), Биштяк (115), Красная Горка (100), Чишмы (60) Уфимского уезда, в д. Бурай (435), Богдан (200), Тазлар (450) Бирского уезда, в д. Верхние Киги (в 1891 г. 50 учащихся), Нижние Киги (в 1879 г. 80 чел.), Утяш (50) Златоустовского уезда, в д. Адзитарово (в 1875 г. 150 учащихся), Бузовьязы (в 1879 г. 100 шакирдов), Куганакбаш (100), Утяк (50) Стерлитамакского уезда и др.⁷

¹ Шунда ук. Ж. 3 // НА УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 12 (старый акт). Л. 94, 196.

² Рыбаков Г. Прасковьинское инородческое училище Стерлитамакского уезда // Уфимские губернские ведомости. 1876. 26 марта.

³ Бартольд В.В. Стерлибашевское медресе // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.

⁴ Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору св. Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. С. 142.

⁵ Фәхретдин Р. Асар. Ж. 3. Л. 156, 252; РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 263. Л. 629; Д. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 24 об.

⁶ Мотатар ибн мулла Мирхәйдәр. Иске Кыешкы тарихы. Оренбург, 1911. Б. 19, 23; ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959. Л. 34.

⁷ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 60.

В Оренбургской губернии ведущими были девять медресе в Сеитовом посаде (Каргалы), где в 1869 г. всего обучалось 496 татар, башкир и казахов, а к концу XIX в. число шакирдов возросло до 700 чел. Наиболее образованным и авторитетным каргалинским мударрисом был Хайрулла Габдрахманов (1866–1915). Посетивший в 1904 г. Сеитов посад высокопоставленный чиновник А.С. Будилович назвал местные медресе одним из «главных сосредоточий татарской учёности ... в России»¹.

Во второй половине XIX в. устойчиво работали медресе в Оренбурге, в д. Биккул (в 1868 г. было 96 учащихся), Сарманай (97), Мусино (в 1872 г. 160 шакирдов) Оренбургского уезда, в д. Ахун (в 1900 г. 90 учеников) и в самом Верхнеуральске (в 1869 г. 150 шакирдов) того же уезда, в д. Идрис (в 1868 г. было 60 учащихся), Султантемир (72) и самом Орске (в 1872 г. 49 чел.) того же уезда, в Троицке (в 1869 г. было 85 шакирдов), в д. Альмен (в 1868 г. 90 учащихся), Новобухарово (65), Сазкуль (52), Медиак Челябинского уезда².

В этот период создаётся единая система управления народным образованием, «ближайший надзор» за учебными заведениями осуществляли образованные в 1874–1875 гг. Уфимская и Оренбургская дирекции народных училищ. Они входили в состав Оренбургского учебного округа, контролировавшим просвещение в Уфимской, Оренбургской, Пермской губерниях, Уральской и Тургайской областях. Одной из главных задач администрации выдвигалось усиление «христианизаторско-цивилизаторской» роли среди местных народов путём увеличения «прочного организованного» русско-«иногородческих» школ³. В 1874 г. для устройства образования коренных жителей «в том же духе и направлении, которое требуется государственным интересам» все русско-башкирские и русско-татарские школы вместе с мектебами и медресе были переданы в ведение Министерства народного просвещения⁴. Для контроля за ними в Оренбургском учебном округе вводилась новая должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ (в Казанском округе таковая существовала с 1871 г.), которую занял В.В. Катаринский, оставивший заметный след в истории местного просвещения⁵.

В правление императора Александра III возросло влияние православного ведомства. По правилам 1884 г. началось усиленное насаждение «дешёвых», но более благонадёжных церковно-приходских школ. В 1891 г. для ограждения от «вредных начал» в ведение Синода были переданы школы грамоты, возникшие в 1860-е гг. по частной инициативе, учреждались различные миссионерские и «братские» училища. К середине 1890-х гг. в ведении православного духовенства в Уфимской губернии состояло уже 212 школ, или 37,5% всех начальных училищ. Учебный курс церковных

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 806; ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3366. Л. 7; *Фәхрәтдин Р. Асар. Ж. 3. Л. 283*; Отчёт о командировочной поездке тайного советника А.С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. СПб., 1905. С. 120.

² *Фархшатов М.Н.* Указ. соч. С. 61.

³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 8, 1874 г. Д. 30. Л. 1–4, 48–49; Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1875. № 1–3. С. 9–13.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 1436. Л. 8; Ф. 1149, 1874 г. Д. 30. Л. 4, 7, 37.

⁵ В 1892 г. В.В. Катаринский, например, издал «Букварь для башкир», а в 1893 и 1899 гг. при содействии башкира М.-Г. Куватова, учителя Серменевской русско-башкирской школы, – краткий русско-башкирский и башкирско-русский словари.

школ был рассчитан на предоставление элементарных знаний, как правило, путём простого заучивания. Преподавались закон Божий (с правилами богослужения, основными молитвами и священной историей), церковно-славянский язык и пение.

За 1885–1894 гг. число земских, частных, содержавшихся сельскими обществами и городами и прочих школ выросло незначительно: с 771 до 788. Количество учащихся в них увеличилось в 1,3 раза, с 39,6 до 52,4 тыс.¹ Произошли качественные сдвиги в организации начального образования: улучшилось преподавание, утвердился звуковой принцип обучения грамоте, объяснительное чтение, заучивание наизусть отодвинулось на второй план. Возрос уровень подготовки педагогов. В середине 1890-х гг. свыше половины преподавателей начальных школ края имели высшее, среднее или специально-педагогическое образование. Улучшалось материальное положение народных училищ. В 1894 г. расходы на одну светскую школу в Уфимской губернии составляли в среднем 568 руб., в Оренбургской – 270 руб.²

Расширялась в 1880–1890-е гг. сеть училищ для различных народов края. В 1894 г. действовали уже 42 русско-башкирских и русско-татарских школы, 71 училище для крещёных татар и чуваш, 32 школы для марийцев и других язычников, а всего имелось 145 «кинородческих» школ. К 1900 г. их количество выросло до 248, в том числе 93 русско-башкирские и русско-татарские (включая 15 русских классов при медресе), 90 для кряшен и 65 для марийцев. Русско-национальные учебные заведения превратились в существенную культурно-просветительную силу. Вместо провозглашённых целей христианизации и русификации учащиеся, овладевая русской грамотой, получали ключи к достижениям передовой культуры, расширялся их кругозор.

Всего к середине 1890-х гг. в Башкирии было 1454 начальных школ с 79 312 учащимися, а к началу XX в. – соответственно 2144 и 118 746 чел. В 1894 г. из общего количества начальных училищ в Уфимской губернии 28,3% было подведомственно Министерству просвещения, 34,2% земству и 37,5% Синоду. В Оренбургской губернии учебным властям подчинялось 16,4% школ, епархиальному духовенству – 32,3%. В среднем одна школа приходилась на 2528 жителей, но учебных заведений по-прежнему не хватало – свыше 75% детей младшего школьного возраста (8–11 лет) оставались за порогом официального образования (в России – около 66%)³.

В 1880-х гг. замедлилось развитие среднего образование, был взят курс на социальное «очищение» учебных заведений. В 1887–1888 гг. закрываются мужские прогимназии в Мензелинске и Стерлитамаке, а также уездные училища как связующее звено между начальными училищами и гимназиями. Планомерно повышается плата за обучение. В середине 1880-х гг. она возросла, например, в Уфимской гимназии с 30 до 40 руб. в год⁴. В 1887 г. был принят пресловутый циркуляр «о кухаркиных детях», предписывавший строго ограничить приём в гимназии сыновей «кучеров, лаке-

¹ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 107.

² Учебные заведения всех ведомств, находящиеся на территории Оренбургского учебного округа по переписи 31 декабря 1894 г. // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1896. № 3. Приложение. С. 206, 220, 225, 234, 239, 255, 259.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1455. Л. 95; Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 98, 110, 111.

⁴ Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое двадцатипятилетие его существования (1875–1899). Вып. 1 // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1900. № 8. Приложение. С. 120.

ев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей»¹. Изменялась программа обучения за счёт увеличения преподавания «мёртвых», классических языков. В результате число учащихся в мужских гимназиях сокращалось, а в женских росло очень медленно. В середине 1890-х гг. на территории Башкортостана насчитывалось 842 гимназиста и 1323 гимназистки², что составляло примерно 0,1% населения. Среди учащихся вырос удельный вес детей дворян и чиновников, достигший к 1894 г. в мужских гимназиях 60,5%³. Лишь в 1899 г. в Уфе открывается новое учебное заведение – женская прогимназия⁴.

Усиление консервативной политики в области народного образования сказалось и на педагогических заведениях. В «инородческих» школах проводилось крещение воспитанников, что отталкивало массы, вызывало недовольство учащихся. В 1889 г. под предлогом «невыполнения» возложенной задачи «способствовать распространению между татарами-мусульманами образования в русском духе и сближать их с русской народностью» была закрыта Оренбургская татаро-башкирская учительская школа⁵. Вопреки планам властей она стала кузницей для подготовки национальной интеллигенции.

Экономический подъём в Башкортостане требовал подготовки профессиональных кадров и в 1879 г. в Уфу из Оренбурга переводится среднее землемерное училище, основанное двумя годами раньше (в крае проводилось размежевание башкирских земель). В 1891 г. в Мензелинске и в 1896 г. возле станции Аксёново Белебеевского уезда земство открывает начальные сельскохозяйственные школы. Эти три заведения имели трёхлетний курс обучения общеобразовательным и специальным дисциплинам, выпускники получали специальности землемеров, приказчиков, управляющих в имениях. В 1895 г. в Златоусте открывается ремесленное училище, а в 1898 г. в с. Дуван Златоустовского уезда и на Симском заводе Уфимского уезда были учреждены начальные технические училища⁶.

В конце XIX в. открывается новая страница в мусульманском образовании. Формировавшаяся буржуазия, в первую очередь татарское купечество, средний класс, сельские предприниматели понимали необходимость широкого просвещения, финансировали различные начинания, их не устраивала традиционная мечетная школа, не предоставлявшая ученикам практически никаких конкретных знаний, необходимых в условиях рыночной экономики. Мусульманские предприниматели поддерживали новаторов-педагогов, стремившихся использовать вместо буквослагательного звуковой способ обучения грамоте, получивший известность как «усул-и-джадид», то есть новый метод. Поэтому движение за школьную реформу получило название джадидизма, а реформированные мектебы и медресе стали известны как джадидистские (новометодные). Ещё большее значение имело введение в учебный курс светских

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. С. 402.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1379. Л. 8; Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 120.

³ Учебные заведения всех ведомств, находящиеся на территории Оренбургского учебного округа по реписи 31 декабря 1894 г. // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1896. № 1. Приложение. С. 15.

⁴ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 125.

⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 11. С. 801–802.

⁶ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 137.

дисциплин: математики, физики, географии, гражданской истории, татарского и русского языка.

В джадидистских школах вводилась классно-урочная система обучения, годовые и выпускные экзамены, появились наглядные пособия, парты, классные доски, стали соблюдаться санитарно-гигиенические условия. На место учителя-муллы или хальфы – его помощника по школе, пришёл профессиональный учитель – мугаллим. В новометодных медресе господствовало уважительное отношение к личности ученика, гуманные способы поддержания дисциплины, поощрялось сознательное усвоение материала и любознательность, что создавало совершенно новый нравственный климат. Выпускники таких школ были умственно развитее, обладали устойчивым интересом к печатному слову и способностью к самообразованию, занимали более активную гражданскую позицию. Последнее особенно тревожило власти и традиционное мусульманское духовенство.

Джадидистские школы, по словам преподавателя медресе «Хусаинии» Дж. Валиди, в значительной степени были свободны «от старой мертвечины»¹. В некоторых общеобразовательные дисциплины потеснили богословие, такие медресе стояли на пути превращения в светские учебные заведения. Самые передовые из реформированных работали по программе полной или неполной средней школы, но выдаваемые ими свидетельства официально не признавались. Новометодные медресе и мектебы сыграли большую роль в распространении научных знаний и приобщения мусульманских народов Южного Урала к европейской культуре.

Первые джадидистские школы открылись в городах. 1 января 1891 г. новометодное медресе открылось в Оренбурге. В честь покровителей, крупных предпринимателей Ахмеда, Махмуда и Гания Хусаиновых оно называлось «Хусаиния». В том же году на средства Хусаиновых новометодный мектеб был организован в Сеитовом посаде. В 1893 г. звуковой метод обучения и преподавание светских дисциплин были введены в медресе «Расулия» в Троишке, основанном шейхом З. Расулевым в 1884 г. В начале 1890-х гг. джадидистским стало медресе «Усмания», существовавшее в Уфе с 1888 г.²

Из городов новый метод с самого конца XIX в. распространялся по сельским медресе и мектебам. Даже более консервативное сельское население не могло не заметить большую эффективность новометодной школы, которая давала твёрдые навыки чтения и письма за несколько месяцев, для чего раньше требовались годы. Но для широкого внедрения прогрессивных методов обучения и воспитания в деревне не хватало учителей и литературы, здесь отсутствовали богатые покровители просвещения, а жители больше были привержены устоям старины.

Но главным препятствием на пути реформы деревенского мектеба было сопротивление традиционного мусульманского духовенства. Муллы-консерваторы, фанатичные завсегдатаи мечетей (мечет картлары), опасаясь потерять влияние на массы и в первую очередь молодёжь, всячески защищали старую школу. Они распространяли слухи, что новометодисты – «безверники», действуют по указке миссионеров, натравливали наиболее отсталые элементы деревни на новые школы. Мугаллимам их

¹ Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (До революции 1917 г.). М.; Пг., 1923. С. 50.

² Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 87; ФАРИСК ИЙЯЛ УНЦ РАН. Ф. 14. Акт 15. Л. 1.

сторонникам угрожали расправой. Были случаи настоящего разгрома джадидистских мектебов¹. После недолгих колебаний на сторону кадимистов (от араб. кадим – старый) встала и власть, опасавшаяся либеральных настроений среди джадидистов. С конца 1890-х гг. последние стали подвергаться преследованиям.

Стремление башкирского и татарского народов к знаниям, борьба за обновлённую школу привели к росту численности мектебов и медресе. В 1894 г. в Башкортостане 986 мечетных школ (в Уфимской губернии – 780, в Оренбургской – 206), в которых занималось 41 739 учащихся (35 111 мужского и 6628 женского полов). Со второй половины 1890-х гг. сеть мусульманских школ расширялась небывалыми темпами. К 1900 г. количество мектебов достигло 1200 (свыше 900 в Уфимской и около 300 в Оренбургской губерниях). Тем не менее, они не могли вместить всех детей школьного возраста. К началу XX в. организованным обучением было охвачено примерно 15–20% детей (1/3 мальчиков и 1/15 девочек)².

С 1900-х гг. наибольший прогресс наблюдался в начальном образовании. В его запутанную систему входили различные типы учебных заведений. Школы отличались по ведомственной принадлежности, источникам финансирования, программе и продолжительности курса. Учебно-воспитательная работа народных училищ всецело подчинялась органам государственной власти. Общественность отстранялась от школьной жизни, хотя она по-прежнему несла основную часть расходов на образование. Курс преподавания оставался элементарным. В большинстве школ обучали чтению, письму, счёту и закону Божьему и лишь в некоторых, так называемых двухклассных, второклассных и высших начальных – истории, географии, алгебре, геометрии. Начальная школа не имела прямого выхода в среднюю школу, была тупиковой. Лишь незначительная часть ее выпускников, примерно 4–5%, преодолевая множество преград, поступала в средние учебные заведения³.

Экономический подъём, усиление общественного движения обеспечили довольно высокие темпы роста количества школ в начале XX в. За 1901–1904 гг. в Уфимской и Оренбургской губерниях было открыто 292 училища, и число их достигло 2436⁴. В 1905–1907 гг. в Башкортостане начали действовать 199 новых школ, в 1908–1910 гг. – ещё 408⁵. К началу 1911 г. в Уфимской губернии было 1475 народных школ, в Оренбургской – 1464⁶. В последующие годы в условиях улучшения экономической ситуации и оживления общественной жизни темпы роста ещё более возросли. Перед Первой мировой войной в крае насчитывалось 3439 начальных учебных заведе-

¹ Гани бай. Оренбург, 1913. Б. 89.

² Фархитов М.Н. Указ. соч. С. 93–94; Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т. 1. С. 356.

³ Школьная статистика за 1910–11 учебный год. Уфа, 1912. С. 30–31, табл. 11.

⁴ Обзор Уфимской губернии за 1904 год. Уфа, 1905. Табл. 21; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1904 год. Оренбург, 1905. Табл. 15; Фархитов М.Н. Указ. соч. С. 97.

⁵ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведённая 19 января 1911 года. Пг., 1916. Вып. 7, ч. 1. С. 4–5.

⁶ Обзор Уфимской губернии за 1910 год. Уфа, 1911. Табл. 21; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1911. Табл. 15.

ний¹. Одна школа приходилась тогда на 1598 жителей, в то время как в конце XIX в. – на 1920. В годы войны развитие начального образования намного замедлилось.

Возросло число школьников. В 1913 г. в Башкортостане в русских начальных школах обучалось 222,8 тыс. детей (151,1 тыс. м. п. и 71,7 тыс. ж. п.), что почти в 2 раза было больше, чем в конце XIX в.² Начальным обучением в Уфимской губернии охватывалось треть мальчиков и девочек школьного возраста, а в Оренбургской – немногим более половины. Основной контингент учащихся составляли русские, которых насчитывалось от 70 до 85% всех учащихся³. Из нерусских народов наибольшее количество учащихся приходилось на башкир и татар. В 1915 г. в правительственных школах края их обучалось 21 469 чел. (8,1% всех школьников)⁴.

Начальное образование развивалось прежде всего усилиями земства. Так, в Уфимской губернии количество земских школ увеличилось с 323 в 1900 г. до 1231 в 1915 г., или почти в четыре раза. Таким образом, удельный вес земских учебных заведений в школьной системе губернии возрос с 15,1% до 63,8%⁵. Церковные школы, несмотря на поддержку правительства, теряли свои позиции. После революции 1905–1907 гг. их численность стала сокращаться. В 1915 г., например, в Уфимской губернии в ведении православного духовенства было 367 школ, что на 46 было меньше чем в 1904 г.⁶ Церковные школы составляли менее пятой части всех начальных училищ губернии. Упала доля и министерских школ, хотя общее число их несколько возросло.

Для начала XX в. было характерно расширение сети правительственных начальных учебных заведений для нерусских народов. В 1915 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях действовало 826 русско-национальных школ, из них 438 для башкир и татар, 110 для чувашей, 100 для марийцев, 58 для мордвы, 44 для латышей и немцев, 76 для прочих национальностей⁷. Росту этих школ способствовало необратимое втягивание местного населения в рыночную экономику, возросшее убеждение башкир, татар и др. в преимуществах русской школы и грамоты, борьба интеллигенции за развитие национальных культур. Однако «инородческие» школы в росте своём значительно уступали русским. Так, если соотношение нерусского и русского населения в Уфимской губернии составляло примерно 1 : 1, то соотношение «инородче-

¹ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. Табл. 40; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 219. Л. 59 об. – 60.

² Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Табл. 40; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 219. Л. 59 об.–60; Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 98.

³ Однодневная перепись начальных школ в империи. С. 20; Школьная статистика за 1912–13 учебный год. Уфа, 1914. С. 12; Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. Уфа, 1916. С. 23.

⁴ Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 23; ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 302. Л. 60, 64.

⁵ Подсчитано по: Историко-статистические таблицы деятельности Уфимских земств. Уфа, 1915. С. 292–295, 298–303; Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 5; О положении начального народного образования в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 30; Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1900. Т. 7, ч. 3. С. 56; Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 97.

⁶ Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 5; Обзор Уфимской губернии за 1904 год. Уфа, 1905. Табл. 14.

⁷ Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 11; ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 302. Л. 60, 64.

ских» и русских школ – лишь 1 : 2. Хотя учебные заведения, игнорирующие национальные особенности учащихся, не могли не вызывать недовольство и опасение у населения и не пользовались полным его доверием, тем не менее, русско-«инородческие» школы сыграли положительную роль в просвещении башкир, татар и других народов, в приобщении их к передовым достижениям мировой культуры.

В начале XX в. организация начального образования поднялась на качественно новую ступень. Удлинилась продолжительность обучения. В 1915 г. более половины земских и две трети министерских школ Уфимской губернии имели не менее четырёхлетний учебный курс. Намного отставали в этом отношении школы духовного ведомства – 63,8% его школ были трёхгодичными¹. Возрос образовательный ценз учителей. По данным на 1911 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях каждый третий преподаватель имел общее среднее или специальное педагогическое образование².

Улучшалось материальное положение. Если в 1900 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях на одну начальную школу в среднем выделялось соответственно 533 и 401 руб., то в 1910 г. – уже 822 и 495 руб.³ Но содержание школ по-прежнему в основном финансировалось из местных средств. Ассигнования казны покрывали меньшую часть расходов: в Уфимской губернии 40,8%, в Оренбургской – 35,2%⁴. Повысились результаты деятельности школ. Всё больше детей осваивали полную учебную программу. Однако отсеб оставался значительным – в течение учебного года около 20% всех учащихся прекращали посещать занятия⁵. Оставляли школу в первую очередь дети бедняков, отвлекаемые на полевые и домашние работы.

В начале XX в. новым явлением был быстрый рост средних учебных заведений (в 1901 г. реальное училище открылось в Уфе), организация частных гимназий (например, в Уфе появились частная мужская гимназия Н.В. Верниковской и А.Ф. Ница, а также женская гимназия С.П. Хитровской)⁶. Примечательным было появление средних школ в сельской местности (например, в с. Месягутово Златоустовского уезда Уфимской губернии), дальнейшая демократизация состава учащихся и т. д. До начала мировой войны в Уфимской и Оренбургской губерниях было открыто 19 новых средних школ. Из них четыре начали функционировать в 1901–1904 гг., пять – в 1905–1907 гг., семь – в 1908–1910 гг. и три – в 1911–1913 гг. В 1913 г. в 35 средних учебных заведениях края обучалось 11 978 чел. (3926 м. п. и 8052 ж. п.), что было в 2,8 раза больше, чем в конце XIX в.⁷ В 1915 г. в Уфимской и Оренбургской губернии

¹ Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 12–13.

² Однодневная перепись начальных школ в империи. Вып. 7, ч. 1. С. 14; Ч. 2. С. 4–5, 22–23.

³ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1903. Вып. 4. С. LI, 298; Однодневная перепись начальных школ в империи. Вып. 7, ч. 1. С. 22.

⁴ Однодневная перепись начальных школ в империи. Вып. 7, ч. 1. С. 22.

⁵ Школьная статистика за 1910–11 учебный год. С. 22–23; Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 24–25.

⁶ Егорова М.В. Развитие системы частного образования на Урале (1861 – февраль 1917 гг.). Челябинск, 2004. С. 168–169.

⁷ Подсчитано по: Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Табл. 40; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 219. Л. 7, 8, 10, 11, 12а, 13, 15, 16–19, 21–24, 27; Фархитов М.Н. Указ. соч. С. 116.

ях насчитывалось 39 средних школ, в том числе 26 гимназий и прогимназий, девять реальных училищ, два епархиальных женских училища, один женский институт¹.

Средняя школа находилась под особым контролем властей. Её учебно-воспитательная работа строго регламентировалась и всячески оберегалась от проникновения материалистических и демократических идей. В стране отсутствовал единый тип средней школы. Классическая гимназия, насаждаемая правительством, далеко не соответствовала требованиям жизни. Царизм целенаправленно поддерживал сословность образования, его схоластическое направление, хотя делать это становилось все труднее. Чтобы оградить среднюю школу от «низших» слоев, постоянно повышали плату за учение. В 1910–1911 учебном году, например, она равнялась в мужских гимназиях края в среднем 65–95 руб., реальных училищах – 30–50, женских гимназиях – 20–52 руб.² Не случайно среднее образование оставалось привилегией дворян, чиновников, духовенства, купцов, почётных граждан. В мужских гимназиях их дети составляли 62,5% учащихся, в женских – 36,2%, епархиальном женском училище – 93,7%³.

Нерусские народы фактически были лишены возможности получать образование выше начального. В 1913 г. в мужских средних учебных заведениях Уфимской и Оренбургской губерний обучалось всего 50 башкир и татар (2,7% всех учащихся), в женских гимназиях и прогимназиях башкирок и татарок было 46 (1,1%)⁴.

Несмотря на проблемы в области среднего образования (прежде всего оторванность учебного курса от потребностей дня), отдельные учебные заведения края стояли на довольно высоком уровне. К ним, несомненно, принадлежала Уфимская мужская гимназия – старейшее учебное заведение. Многие её выпускники обладали обширными знаниями, стали видными деятелями науки и культуры. В числе известных выпускников гимназии были академик, геолог А.Н. Заварицкий (1884–1952), художник П.В. Мальков (1900–1953), учёный-медик А.Г. Терегулов (1855–1966), актёр, драматург и кинорежиссер Е.В. Червяков (1899–1942), писатель Б.Д. Четвериков (1896–1981) и др.⁵

Потребность в специалистах для различных отраслей народного хозяйства способствовала развитию профессионального образования⁶. Быстро расширялась сеть ремесленно-технических школ. В начале XX в. в Уфимской и Оренбургской губерниях открылись два новых ремесленных училища и четыре низших ремесленных школы. В 1907 г. в Златоусте по инициативе и за счёт общественности возникло четырёхгодичное механико-техническое училище, выпускавшее специалистов средней квалификации для промышленных предприятий. От поступающих требовались знания в объеме четырех классов средней школы. В курсе обучения основное внимание уделялось специальным дисципли-

¹ Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа, 1917. Табл. 33; Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1915 год. Уфа, 1915. С. 1.

² Школьная статистика за 1910–11 учебный год. С. 104–105.

³ Школьная статистика Уфимской губернии за 1909–10 учебный год. Уфа, 1911. С. 148–149.

⁴ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Табл. 40; Школьная статистика за 1912–13 учебный год. С. 66.

⁵ См.: История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 177.

⁶ Подробнее см.: Аминов Т.М. Дореволюционная Уфа как центр профессионального образования. Уфа, 2006; Он же. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века – до 1917 года. М., 2006.

линам: черчению, механике, металлвоведению и т. п. Об учреждении в с. Благовещенский завод ещё одного средне-технического училища ходатайствовало перед Министерством просвещения Уфимское губернское земство, но безуспешно¹. В 1913 г. в 12 технических училищах и школах Южного Урала обучалось 937 учащихся м. п. и 30 ж. п.² Подавляющее большинство составляли дети трудящихся.

Появляются первые финансово-экономические учебные заведения. В 1909 г. в Уфе была открыта начальная торговая школа, а в 1912 г. – среднее коммерческое училище (на счёт Уфимского общества взаимного кредита). Они были призваны готовить сведущие кадры для ведения торгово-промышленных дел³. Курс коммерческого училища был восьмилетним и включал, помимо общеобразовательных предметов в объёме реального училища, политэкономию, бухгалтерию, товароведение, коммерческую корреспонденцию, законоведение, «коммерческую географию». Обучение в торговой школе продолжалось четыре (с 1912 г. – три) года. На специальные дисциплины отводилась в ней почти половина учебного времени. Социальный состав учащихся был неоднородным. Преобладали дети разночинцев: в 1914 г., например, в Уфимском коммерческом училище они составляли 93,3% всех учащихся, а в торговой школе – 98%⁴.

Развивалось педагогическое образование. В 1909 г. в Уфе открылся учительский институт, где велась подготовка кадров для городских училищ (преобразованных в 1912 г. в высшие начальные училища). В 1914 г. в Белебее появилась учительская семинария. Перед мировой войной в пяти педагогических учебных заведениях Уфимской и Оренбургской губерний насчитывалось 366 учащихся⁵. Почти четыре пятых из них были из крестьянской среды. В начале XX в., кроме того, при девяти начальных училищах и прогимназиях края были организованы двух- или трёхгодичные педагогические курсы, а при женских гимназиях и епархиальных училищах работали педагогические классы с одногодичным сроком обучения⁶.

Тем не менее проблема подготовки учителей для начальных школ не была решена. К 1917 г. в Уфимской губернии, например, почти половина народных учителей не имели даже общего среднего образования⁷. Особенно острый недостаток в квалифицированных кадрах испытывали школы для нерусских народов. В них треть учителей занимались обучением, не зная родного языка учащихся⁸. С конца XIX в. Уфимское губернское земство 13 (!) раз обращалось в Министерство просвещения с ходатайством об учреждении татаро-башкирской учительской школы, но неизменно получало отказ. Только в 1916 г. было получено разрешение на учреждение в Уфе трёхгодич-

¹ Григорьев П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. Уфа, 1910. С. 71.

² Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Табл. 40; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 219. Л. 59 об. – 60.

³ См.: Устав Уфимских коммерческого училища и торговой школы общества взаимного кредита. Уфа, 1912. С. 1.

⁴ Отчёт Уфимских коммерческого училища и торговой школы за 1913–14 учебный год. Уфа, 1915. С. 53, 93.

⁵ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Табл. 40; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 219. Л. 20, 26.

⁶ Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1915 год. С. 1.

⁷ Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 35; История Уфы. С. 179.

⁸ Начальные народные училища Уфимской губернии: 1914–15 учебный год. С. 35.

ных педагогических курсов для подготовки учителей из башкир и татар¹. Вопрос об открытии таких же курсов подняло и Оренбургское губернское земство².

В 1908 г. в Уфе губернское земство открыло акушерско-фельдшерскую школу с четырёхгодичным курсом обучения. Она имела целью готовить для земских больниц средний медицинский персонал. Принимались лица с образованием не ниже четырёх классов гимназии, что позволяло сосредоточить основное внимание на изучение специальных дисциплин (анатомии, физиологии, фармакологии, акушерства и др.)³. При открытии поступило 70 учениц. В 1915 г. в школе обучалось уже 119 чел. Из них дочерей дворян было семь, чиновников 11, мещан 36, крестьян 42, иных сословий 23. В 1914–1915 гг. при акушерско-фельдшерской школе дважды были организованы шестинедельные курсы сестёр милосердия, которые окончили более 100 чел.⁴

Кроме того, в Уфимской губернии были открыты две начальные школы огородничества, садоводства, полеводства и пчеловодства⁵. Во всех сельскохозяйственных, военных и духовных учебных заведениях края число учащихся возросло с 1909 чел. в 1900 г. до 2247 чел. в 1913 г., то есть на 18%⁶. Всего же накануне мировой войны в Уфимской и Оренбургской губерниях действовало 36 специальных учебных заведений, где обучалось 3921 чел., преимущественно русских. Детей башкир и татар было не более 2,4%⁷.

В начале XX в. в Башкортостане значительное развитие получили традиционные школы башкир и татар – мектебы и медресе, численность которых возросла более чем в полтора раза. По неполным данным земских обследований 1913–1915 гг. в Уфимской губернии имелось 1579 мусульманских школ (90 936 учащихся), а в Оренбургской – 367 (19 056 шакирдов). Сохранялись домашние пункты обучения. В крае их было зафиксировано 1375⁸.

Успешно продолжалась реформа мусульманских школ в Башкортостане. В результате в начале XX в. более половины из них приобрели вид более или менее организованного на европейский лад учебного заведения⁹. В реформированных, так называемых новометодных или джадидистских мектебах и медресе, наряду с обучением религиозным догмам, преподавались светские предметы (татарский и русский языки, история, география, природоведение и др.), вводилась классно-урочная система, звуковой метод и на-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1, ч. 2. С. 451; История Уфы. С. 179–180.

² См.: Журнал заседаний VIII чрезвычайной сессии Оренбургского губернского земского собрания от 2 августа 1916 г. и доклад губернской земской управы «О возбуждении ходатайства о разрешении Оренбургскому губернскому земству открыть 3-х летние педагогические курсы для подготовки учителей мусульман в инородческие начальные училища» // Журналы Оренбургского губернского земского собрания VII и VIII чрезвычайных сессий 8–9 марта и 2 августа 1916 года. С приложением докладов. Оренбург, 1916. С. 148–149, 205–211.

³ См.: Программа преподавания в Уфимской земской акушерско-фельдшерской школе. Уфа, 1908.

⁴ Отчёт по акушерско-фельдшерской школе Уфимского губернского земства. Уфа, 1916. С. 2–11.

⁵ Школьная статистика за 1912–13 учебный год. С. 69.

⁶ Подсчитано по: Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Табл. 40; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 219. Л. 9, 12, 14, 25, 28; Фархиятов М.Н. Указ. соч. С. 140–141.

⁷ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Табл. 40; Школьная статистика Уфимской губернии за 1912–13 учебный год. С. 66–67, 68–70; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 219. Л. 8, 9, 12, 14, 20, 25, 26, 28.

⁸ Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 7, 8; Бикчентаев И.М. Оренбург валаятендә мәктәпләр. Оренбург, 1916. Б. 11, 14.

⁹ Обухов М.И. Указ. соч. С. 27–34; Бикчентаев И.М. Курсәтелгән хезмәт. Б. 20–22.

глядность обучения. Муллы и их жены – абыстай, необратимо уступали место профессиональным учителям (мугаллим) и учительницам (мугаллима).

Но вокруг проблем мусульманского образования в начале XX в. сохранялась напряжённость. Активизировали действия в защиту традиционной школьной системы кадимисты. На джадидистские школы сильное давление оказывало царское правительство. Изменение направления мектебов и медресе оно считало не отвечающим «интересам» государства. Для того, чтобы сохранить конфессиональный характер татарских и башкирских школ, местным властям предписывалось усилить контроль над ними, не допускать никаких ассигнований земств на предмет их обновления, пресекать любые отклонения от традиционных программ¹. В 1901 г. полиция разогнала педагогические курсы по подготовке учителей для новометодных школ в Сеитовском посаде². В реформированных медресе производились обыски, за видными джадидистами устанавливали слежку, чинили судебные расправы³.

Противодействие реакционных сил, а главное, уровень развития башкирского и татарского обществ не позволили довести реформу мусульманских школ до конца. Новометодная школа не стала в полной мере светским учебным заведением, хотя она далеко ушла вперёд по сравнению со старой, конфессионально-схоластической. Незавершённость школьной реформы сдерживала культурное развитие башкир и татар. Тем не менее джадидистские мектебы и медресе сделали немало для развития грамотности, пропаганды научных знаний, подготовки кадров национальной интеллигенции.

Среди реформированных школ выделялись медресе «Галия» и «Усмания» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Мухаммадия» и «Расулия» в Троицке, некоторые медресе в Сеитовском посаде. Особой популярностью пользовалось медресе «Галия», открытое в октябре 1906 г. за счёт пожертвований состоятельных мусульман как высшее (от. араб. гали – высший) учебное заведение. Оно имело 12-летний учебный курс (из них три года подготовительных), обширную программу. В медресе большая часть времени отводилась на светские предметы, хотя уровень преподавания некоторых из них оставлял желать лучшего. Заведовал медресе прогрессивно настроенный педагог и общественный деятель З. Камали (Парвазетдин бин Джамалетдин бин Камалетдин, 1873–1942). Ему удалось привлечь к преподаванию лучших татарских и башкирских учителей (Г. Ибрагимов, Ф. Сайфи-Казанлы, Дж. Абдюшев и др.) и создать в школе творческую атмосферу. Это заметили власти (несколько раз в медресе производились обыски), в результате меценаты в 1914 г. отказались внести очередные пожертвования.

В «Галию» стекалась стремившаяся к знаниям молодёжь со всей России. Кроме башкир и татар, обучались казахи, узбеки, киргизы и др. В 1913 г. в медресе было 118 чел.⁴ Всего за первые десять лет деятельности в медресе прошли обучение 950 чел., из них муллами стали немногим более 100 чел.⁵ Выпускниками «Галии» были татарские и башкирские писатели и общественные деятели Ш. Бабиш, М. Гафури, Г. Ибрагимов, С. Кудаш, Н. Исанбет, Х. Туфан, К. Хакимов и др., а также деятели культуры казахско-

¹ См.: Фархитов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000.

² Гани бай. Б. 222; Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Казань, 1926. С. 35.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412, 451; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 800. Л. 59 и др.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 466. Л. 478 об.

⁵ Тормыш. 1916. № 566–567.

го (Б. Майлин, Н. Манаев, Ж. Тилепбергенов), адыгейского (Т. Керашев, А. Хатков), узбекского (Б. Салиев, М. Ширмухамедов), киргизского (И. Аралбаев) и др. народов¹.

Видную роль в просвещении башкир и татар, а также казахов сыграло медресе «Хусаиния». Здесь преподавали И.М. Бикчентаев, Дж. Валидов, Г.Х. Еникеев, Ш. Камал и другие учителя. Учебный курс продолжался 14 лет, но программа была уже, чем в «Галие». В 1913 г. в медресе обучалось 294 чел.² В числе шакирдов «Хусаинии» были татарские и башкирские писатели С. Агиш, Г. Гумер, М. Джалиль, С. Рамеев, А. Тагиров, М. Файзи и др.³

В просвещении народа важную роль играли различные формы внешкольного образования, например, рабочие курсы и кружки, добровольные общества по школьному и внешкольному обучению. Возникали новые формы просвещения взрослых: в 1906 г. в Уфе был создан Народный университет.

Таким образом, в начале XX в. в Башкортостане народное образование достигло определённых успехов, что было одним из факторов роста культуры и политического сознания масс. Однако в целом прогресс шёл медленно. Уровень постановки просветительской работы далеко не соответствовал потребностям социально-экономического и культурного развития края. Не было осуществлено даже всеобщее начальное образование, хотя само правительство, земства и городские думы давно выдвинули его на повестку дня⁴. В результате подавляющее большинство населения оставалось неграмотным (для сравнения: в развитых странах Западной Европы уже в последней четверти XIX в. была достигнута всеобщая грамотность, а на рубеже XIX–XX вв. началось осуществление всеобщего неполного среднего образования в объеме 7–8 классов⁵). В Уфимской и Оренбургской губерниях не имелось ни одного высшего учебного заведения. Две трети детей школьного возраста вообще было лишено возможности учиться. Образование было оторвано от жизни и опутано бюрократической опекой, сохранялись сословные пережитки.

Политика правительства в области просвещения вызывала недовольство и протест передовой общественности, требовавшей широкой демократизации образования⁶. Изредка происходили ученические забастовки, в которых, наряду с требованием реорганизации системы образования, выдвигались политические лозунги. Не оставались в стороне и шакирды медресе, происходили массовые выступления учащихся

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 450; История Уфы. С. 183.

² ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 613. Л. 395 об.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 450; Рахмикулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Оренбург, 1997. С. 103–148.

⁴ Проект закона «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» был представлен Министерством народного просвещения ещё на рассмотрение II Государственной Думы, однако не получил силу закона. См.: Постановления школьной комиссии при Уфимской губернской управе по вопросам народного образования. Уфа, 1908; План школьной сети по введению всеобщего обучения в г. Уфе и план школьного строительства. Сост. А.И. Суханов. Уфа, 1911.

⁵ Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р. Культура России IX–XX вв. М., 1996. С. 219.

⁶ См., например: Журнал совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы 23–25 мая 1911 г. Уфа, 1911; План деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. Уфа, 1911.

ся «Галии» и «Хусаинии»¹. Кризис образования, будучи отражением общего кризиса самодержавия, способствовал в свою очередь его углублению.

§ 5. Театр

Культурная жизнь городского «среднего класса» составлялась из различных увлечений, характерных для образованных слоёв преимущественно русского общества. Столицу региона отличал, например, глубокий интерес к музыке². Современник вспоминал про Уфу начала 1880-х гг.: «Из маленьких домиков плыла музыка в тихие улицы. Я дивился, когда в скромненькой квартире чиновника, приказчика, служащего встречал рояль или пианино, скрипку и узнавал, что дети людей, живущих на 50–60 руб. в месяц, берут систематически уроки музыки»³. Представители художественной интеллигенции много сделали для собирания башкирского музыкального фольклора⁴.

Сохранившиеся на окраинах островки природы, немногочисленные общественные и частные парки и сады были излюбленными местами народных гуляний, где играли оркестры, посетители танцевали, катались на коньках, «культурно развлекались». Многообразные виды отдыха включали чтение и игры в карты, зимние прогулки на санях, а летом на лодочках по Белой и Дёме, декоративное цветоводство и садоводство, для немногих научные лекции в различных кружках. В начале XX в. в Уфе и, меньше, в иных городах формируется культура клубного отдыха – от балов в Дворянском собрании и купеческом обществе до общедоступных пивных и ресторанов с варьете. Активно распространяются новейшие изобретения – катание на велосипедах, спортивные игры (футбол, хоккей и др.) и, наконец, кино (синематограф, биоскоп) поражало пока ещё немymi, но уже живыми картинками.

Культурная жизнь губернского центра была весьма разнообразна. Например, 2 февраля 1914 г. в Коммерческом клубе Уфы давался благотворительный спектакль «Счастливый день» Островского и Соловьёва, в Шахматном клубе артист В.Г. Рдатов представлял зрителям пьесу Е. Чирикова «На дворе во флигеле» и сцену М. Стаховича «Ночное». Обширная программа была в городских кинотеатрах. В «Фуроре № 1» шла драма «Бунт совести», а труппа лилипутов демонстрировала пьесу Мясницкого «Я умер». В «Фуроре № 2» показывали картину «На костре жизни», давалась лотерея-аллегри в пользу бедных. В электро-театре «Декаданс» демонстрировалась художественная драма «Виновна-ли». Кроме того, на дневное и вечернее представления приглашал цирк Стрепетова, в Обществе вспоможения частному труду артист Владимирова давал спектакль «Новый мир», а во второй женской гимназии устраивалась лотерея⁵.

¹ См.: ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 122–123, 135; Эфирова А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М., 1948. С. 67–68; Лисовский Н.К. Долой самодержавие! Челябинск, 1975. С. 182, 188.

² См.: Фоменков М.П. К истории развития хорового искусства в Башкирии // Вопросы истории башкирской музыкальной культуры. Уфа, 1990; Ланге В.К. Из истории музыкальной жизни дореволюционной Уфы // Вопросы музыковедения. Уфа, 1977. Вып. 3; др.

³ Елпатьевский С.Я. Указ. соч. С. 87.

⁴ См.: Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. Уфа, 1992; Сулейманов Р.С. Жемчужины народного творчества Урала. Уфа, 1995; др.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 134. Л. 31.

Однако, специальных учреждений культуры, обслуживавших запросы публики существовало очень мало – ряд парков, библиотеки, позднее кинематограф. Своеобразный центр культурной жизни Уфы и губернии пытался создать губернатор А.С. Ключарёв, приложивший большие усилия для строительства Аксаковского народного дома. Он возводился с 1909 по 1914 гг., в канун Первой мировой войны здесь разместились библиотека и учебные заведения¹. Особую роль играл губернский музей в Уфе, один из старейших в России, основанный ещё в 1864 г. Его коллекции с 1871 г. располагались в здании на Верхне-Торговой площади. Несмотря на нехватку средств, работавшие на общественных началах сотрудники комплектовали фонды, вели большую просветительскую работу. В год музей посещали 5–10 тыс. чел. В 1888 г. было образовано особое общество – Комитет губернского музея, во главе которого стояли управляющий государственными имуществами, а затем уфимские губернаторы. При музее трудились подвижники, сыгравшие большую роль в изучении края (Н.А. Гурвич, А.А. Черданцев и др.).

Но средоточием культурной жизни образованных слоёв уфимского общества безусловно оставался театр. Он был местом встречи и главным развлечением культурной элиты, парадом женских нарядов и личного преуспеяния, одним из центров формирования общественного мнения, «социализации личности». Театральная жизнь края во второй половине XIX – начале XX вв. оживляется, возникают новые театры, обновляется репертуар, увеличивается число зрителей, причем их состав демократизировался. Наметился рост сценического мастерства актёров, чему способствовало расширение связей провинциальных театров со столичными. К концу века театр стал самым доступным для широких слоёв населения видом искусства, а известное повышение идейно-художественного уровня вело к росту его роли в культурной жизни местного общества. Хотя «начальство» не всегда допускало пьесы, имевшие социальное звучание, до сцены.

В 1861 г. в Уфе впервые за счёт частных пожертвований было построено удобное деревянное помещение «в три яруса с бельэтажем, ложами и галереями» для летнего театра. Но в 1868 г. оно сгорело². На его месте был сооружён, тоже за счёт пожертвований, зимний театр, который торжественно был открыт в 1876 г.³ Двухэтажное деревянное здание театра, спроектированное губернским архитектором Р.О. Карвовским, вмещало около 800 зрителей и, по оценке современников, было неплохим⁴. Новый городской летний театр был выстроен купцом Н.К. Блохиным в собственном саду (ныне сад им. С.Т. Аксакова). По оценке журналиста, он представлял из себя «не более как низенький сарай, довольно грязный и тесный»⁵.

Но в начале 1890-х гг. Уфа снова осталась без театра: в 1892 г. сгорело здание зимнего театра, через год летнего. Последний был восстановлен в 1894 г. преемником Н.К. Блохина заводчиком В.И. Видинеевым, но уже с рестораном, в котором ус-

¹ См.: *Ерофеев Юрий*. «Пример Уфы заслуживает всякой похвалы» // Бельские просторы. 2002. № 9.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 285; История Уфы. С. 127.

³ Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год. Уфа, 1881. С. 23–24.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1876. 15 мая.

⁵ Сцена. 1885. № 16. С. 380.

пешно реализовывалась продукция водочных и пивоваренных предприятий хозяина¹. Строительство зимнего театра городские власти никак не могли начать и в 1896 г., воспользовавшись этим, трактирщик Кляузников выстроил деревянное здание, «назвав его театром, а себя директором»². Оно не предоставляло никаких удобств для публики, но имело буфет, занимавший больше места, чем зрительный зал.

В последней четверти XIX в. театральные здания появились и в некоторых уездных городах, например, в Стерлитамаке. Обычно это были хлебные амбары, сараи или склады, на скорую руку переоборудованные для представлений. Бытовая неустойчивость театров тормозила их развитие.

Строительство театральных зданий однако не сопровождалось образованием постоянных театральных коллективов. Как и раньше, спектакли ставились приезжими труппами, которые после открытия железнодорожного сообщения стали заезжать на Южный Урал и зимой. В Уфе они почти ежегодно менялись. В 1870–1880-е гг. выступали труппы Хотева-Самойлова, Славянского, Н.С. Вехтера, Андреева, П.М. Васильева-Гладкова, Шумилина и др.³ Многие из них были незначительны в художественном отношении и неустойчивы. Крахи антреприз следовали один за другим. Антрепренер Андреев даже сбежал в конце сезона, не расплатившись с артистами⁴.

С образцами настоящего театрального искусства уфимская публика начала более широко знакомиться лишь в 1890-е гг., когда в городе находились довольно сильные оперные коллективы Семёнова-Самарского и Алмазовой, опереточная труппа Н.Е. Максимова, драматическая труппа крупного провинциального антрепренера П.П. Струйского. Событием в местной культурной жизни стали гастроли артистов столичных театров. В 1895 и 1897 гг. в летнем театре Видинеева успешно выступило Товарищество артистов московского Малого театра, а в 1898 и 1899 гг. – смешанные труппы петербургских казённых и частных театров⁵.

В театральном репертуаре проявлялись две основные линии. Происходило освоение классической и современной драматургии. На уфимской сцене прошли «Лес», «Гроза», «Доходное место», «Волки и овцы», «Женитьба Белугина» и некоторые другие пьесы А.Н. Островского, «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского, «Дядя Ваня» А.П. Чехова, «Разбойники» Ф. Шиллера⁶. Пьесы А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого пропагандировали артисты столичных театров, гастролировавшие в Уфе⁷.

Однако в целом высокохудожественных реалистических спектаклей, было немного. В угоду обывателю в репертуаре преобладали пьесы развлекательного характера, в первую очередь мелодрама. Несмотря на критику, публика ломилась на такие пред-

¹ История Уфы. С. 128.

² Театр и искусство. 1897. № 2. С. 39; 1898. № 43. С. 774.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 285; История Уфы. С. 127; Сцена. 1885. № 16. С. 380.

⁴ Сцена. 1885. № 16. С. 380.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 286; Театр и искусство. 1897. № 10. С. 200; 1898. № 43. С. 774.

⁶ Театральная газета. 1877. 5, 22 сентября, 2 октября; Сцена. 1885. № 16. С. 380; Артист. № 19. С. 115.

⁷ Уфимские губернские ведомости. 1895. 18, 23 мая, 2, 8, 10, 11, 13, 15, 18, 20, 25, 27 июня, 1, 2, 6, 18, 20 июля; 1899. 13, 29 июня, 6, 9, 20 июля; и др.

ставления, чем по-существу и помогала провинциальному театру держаться на плаву. Часто ставились водевили. С 1870-х гг. провинцию охватило повальное увлечение опереттой, зачастую сомнительного литературного достоинства. Коммерческий театр в погоне за «сборами» всё более подпадал под влияние примитивных вкусов неподготовленной публики. Лишь в 1890-е гг. поток безыдейных произведений, идущий с театральных подмостков, несколько сократился.

Во второй половине XIX в. наметились некоторые сдвиги и в актёрском искусстве. Все чаще на провинциальной сцене вырастали незаурядные мастера, отличавшиеся реалистической манерой игры. Так, в Уфе с успехом выступали актеры Н.С. Вехтер, Станиславская-Дюран и др.¹ В сезоне 1890–1891 гг. в Уфе в составе труппы С.Я. Семёнова-Самарского на сцене зимнего театра состоялось выступление 17-летнего юноши Фёдора Шалапина. Именно там исполнением партий Стольника в опере «Галька» С. Монюшко, Фернандо в опере «Трубадур» Д. Верди и Неизвестного в «Аскольдовой могиле» А. Верстовского состоялся его дебют как оперного певца. Уфимская публика видела также игру приехавших на гастроли столичных знаменитостей М.Т. Иванова-Козельского, В.Н. Андреева-Бурлака, Е.К. Лешковской, В.Ф. Комиссаржевской и др.² Особый успех у зрителей снискали артисты Малого театра А.А. Яблочкина и Ф.П. Горев, гастролировавшие в Уфе в 1895 г. Спустя два года уфимцы аплодировали замечательной русской актрисе Г.Н. Федотовой, потрясающе сыгравшей роли в пьесах Островского, Сумбатова, Неvejeина³.

Лучшие антрепренёры (например, А.А. Рассказов) стали больше внимания уделять сценическому оформлению спектаклей и репетициям. Но в целом режиссура в провинции, как впрочем и в центре, делала только первые шаги. Театр оставался преимущественно актёрским, труппы-ансамбли, способные к коллективному творчеству, были редкостью. Поэтому общий профессионально-художественный уровень местных театров был в целом невысоким. Большинство представлений шло с одной-двух репетиций, нередко при полном незнании актёрами своих ролей. Жалкими выглядели декорации, антрепренёры стремились на них экономить.

Популярность театра приводила к появлению любительских драматических кружков, деятельность которых заметно оживилась. В 1885 г. в Уфе образовалось «Общество любителей пения, музыки и драматического искусства». Оно носило замкнутый характер и большинство его членов были из дворян, чиновников, интеллигенции. Позднее возникали более демократические по составу кружки, которые объединяли приказчиков, ремесленников, рабочих. Силами учащейся молодежи и преподавателей спектакли ставились в некоторых учебных заведениях. Любительские представления стали организовываться в уездных городах, в крупных сёлах и заводских посёлках Аскино, Бакалы, Белорецк, Благовещенск, Усть-Катав, Верхоторск⁴. В репертуаре кружков, в целом весьма пёстром, значительное место занимала русская и мировая классика. Хотя постановочный и исполнительский уровень любительских спектаклей был обычно невысоким, население охотно посещало их. Своей

¹ Незнамов М. Старейший русский театр на Урале. Чкалов, 1948. С. 22–31.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 285, 287.

³ Волков-Кривуша С. Русский театр драмы в Уфе. Исторический очерк. Уфа, 1959. С. 11.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 286–287.

деятельностью самодеятельная сцена готовила почву для дальнейшего развития театрального искусства на местах.

В начале XX в. сценическое искусство в провинции получило дальнейшее развитие. В Башкирии это выразилось в увеличении числа театральных антреприз и интенсификации их творческой деятельности, сближении репертуара с жизнью и поступательном насыщении афиши лучшими произведениями русской и зарубежной драматургии, появлении национальных трупп, повышении постановочного уровня спектаклей, значительном расширении социального состава зрителей. В 1900-е гг. постоянно действующие сцены имелись только в Уфе, где летом спектакли обычно шли в театрах наследников Видинеева и Клязникова, а зимой – в залах дома купца А.М. Паршина, Большой Сибирской гостиницы, Дворянского собрания. Представления устраивались также на сценах различных клубов, количество которых быстро росло. Из уездных городов лишь в Стерлитамаке имелись помещения, более или менее приспособленные для театральных представлений, где выступали, как правило, приезжие профессиональные, а также любительские труппы из представителей интеллигенции, рабочих, мещан. В остальных уездных центрах редкие любительские кружки играли обычно в зданиях общественных собраний, клубах, частных домах. Для крестьян представления устраивались силами городских профессиональных трупп, губернскими комитетами Общества попечительства о народной трезвости, а с 1916 г. и показательной драматической труппой Секции народного театра и распространения изящных искусств, организованной при губернской земской управе.

Неустойчивость театральной жизни на местах обуславливалась прежде всего формами её организации: преимущественно частная антреприза, реже товарищества актёров при почти полном отсутствии поддержки со стороны государства. Постоянных театральных коллективов в крае по-прежнему не было. Правда, некоторые из гастрольных театров, по договорённости с администрацией антрепризы, выступали периодически. Например, в Уфе в течении ряда лет сезоны «держали» известные провинциальные антрепренёры П.П. Струйский, С.Я. Семёнов-Самарский (в оперной труппе которого сразу в трёх произведениях дебютировал Ф.И. Шаляпин), П.М. и П.П. Медведевы, Е.Д. Плахотников, чьи труппы могли работать целый сезон, а то и – два. К тому же они организовывали гастроли выдающихся артистов России из крупнейших театров обеих столиц. В Уфе выступали бригады Малого, Московского художественного, Александринского театров, местная публика была знакома с творчеством А.А. Яблочкиной, Г.Н. Федотовой, А.Л. Вишневого, К.А. Варламова, И.Ф. Арбенина, В.Ф. Комиссаржевской, В.В. Стрельской, Н.Н. Ходотова, братьев Адельгейм и многих других знаменитостей. Но всё же среди гастролирующих объединений преобладали посредственные труппы, и крах театральных предприятий происходил постоянно. Так, из Уфы досрочно вынуждены были уехать труппы Кружинина, А.П. Горина и др.¹

В новых условиях наметились большие сдвиги в репертуаре театров. Сцена всё настойчивее обращалась к вопросам, остро волновавшим современников. С начала 1900-х гг. на афишах всё чаще стали появляться пьесы А.П. Чехова («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры») и Л.Н. Толстого («Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Жи-

¹ Театр и искусство. 1910. № 7. С. 167; 1913. № 20. С. 445; и др.

вой труп»¹); гремит голос «буревестника» социальных революций и нового художественного реализма: «Человек – это звучит гордо!» – повсеместно играют вызвавшие широкий общественный резонанс пьесы А.М. Горького «На дне», «Мещане», «Дачники» и др.²

В репертуаре широко были представлены также классические пьесы А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, В. Шекспира, Ф. Шиллера, Софокла («Царь Эдип»)³. Как правило, они составляли основу репертуара столичных корифеев театрального искусства – П.Н. Орленова, Н.О. Васильевой, Е.К. Лешковской, Ф.П. Горева и др., часто гастролировавших в то время в крае⁴. Больше стало уделяться внимание прогрессивной современной драматургии – русской (С. Найденов, Е.Н. Чириков, С.С. Юшкевич, Л.Н. Андреев) и мировой (Г. Ибсен, Г. Гауптман)⁵.

Поворот сцены к жизни, начало превращения её в общественную силу напугало властей, привыкших видеть в театре лишь средство развлечения. Последовали различного рода санкции, которые приняли систематический и грубый характер после революции 1905–1907 гг. Прежде всего был ограничен доступ на сцену актуальных по своей проблематике пьес. Поощрялась постановка декадентской драматургии, такой как «Ревность» М.П. Арцыбашева, «Казнь» Г.Г. Ге, отличающихся предельным натурализмом. С началом войны на сцену хлынул поток лжепатриотических пьес типа «Позор Германии» М. Дольского и др. Демократическая общественность вела неустанную борьбу за реалистическое и высокое искусство, благодаря ей на местных театральных подмостках продолжали идти пьесы Чехова, Горького, Островского⁶.

Рубеж XIX–XX вв. характеризовался в России рождением реалистического театра нового типа. Под влиянием школы К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко в провинции появилась творческая фигура режиссера, стоявшего во главе актёрского ансамбля. Повысились требования к художественному и музыкальному оформлению спектаклей, удлинились сроки их подготовки⁷. Новаторские образы сценического искусства в крае пропагандировали гастролировавшие столичные актёры. Так, актриса и режиссёр Петербургского Александринского театра в 1915–1917 гг. читала курс по истории театра и «системе» Станиславского в Оренбурге в татаро-башкирском театре В.Г. Муртазина-Иманского «Ширкат»⁸. Лучшие местные актёры (А.А. Чаргоны, М.Г. Шевченко, С. Лидин и др.) стали отказываться от штампов, эффектных внешних приёмов игры, стремились раскрыть внутренний мир, психологи-

¹ Уфимские губернские ведомости. 1905. 1 июля; Театр и искусство. 1907. № 5. С. 91, № 35. С. 578; и др.

² Уфимские губернские ведомости. 1905. 18 ноября; Театр и искусство. 1905. № 22. С. 347; 1907. № 5. С. 91; *Лубэ* С. Горьковские спектакли // Чкаловский областной драматический театр им. А. М. Горького: 100 лет. Чкалов, 1957. С. 53–66.

³ Уфимские губернские ведомости. 1905. 25, 27 июня, 2, 6, 18, 20 июля, 4 октября; Театр и искусство. 1905. № 9. С. 148; № 22. С. 347; № 26. С. 422; 1907. № 5. С. 91; № 20. С. 337; 1910. № 43. С. 815; 1913. № 8. С. 192; № 26. С. 542; *Рампа и жизнь*. 1912. № 37. С. 14.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1905. 25 июля, 5 окт., 18, 30 ноября; Театр и искусство. 1910. № 7. С. 167; № 27. С. 517; и др.

⁵ Театр и искусство. 1904. № 20. С. 403; 1905. № 22. С. 347; № 37. С. 597; 1907. № 5. С. 91; № 24. С. 402; 1913. № 26. С. 542; *Рампа и жизнь*. 1912. № 37. С. 14; и др.

⁶ *Рампа и жизнь*. 1912. № 29. С. 16; № 37. С. 14; № 40. С. 16; Театр и искусство. 1913. № 43. С. 872; и др.

⁷ *Рампа и жизнь*. 1912. № 29. С. 16; № 37. С. 14; № 40. С. 16; Театр и искусство. 1907. № 45. С. 750; и др.

⁸ Оренбургская жизнь. 1917. 22 июня.

ческие переживания. Всё это способствовало раскрытию главных идей драматических произведений. Однако в целом преодолеть рутину не удалось. Большинство провинциальных трупп продолжало играть по старинке.

Начало XX в. ознаменовалось крупнейшим явлением в общественной жизни и духовной культуре башкир и татар – рождением профессионального национального театра. Оно было непосредственно связано с процессом секуляризации духовного сознания российских мусульман, выразившихся в событиях исламской реформации в России, широком просветительском движении – джадидизме. Как рапортовал оренбургский полицмейстер губернатору в январе 1901 г., джадидизм – «новаторское стремление или движение... навеяно не искусственно и не пропагандой идеей со стороны каких-либо представителей этого движения, а усвоено и создано практикой жизни»¹. Театру принадлежала особенная роль в духовной жизни народа: будучи публичным искусством, он непосредственно доносил до сознания людей главные идеи времени. Нужно отметить, что спектакли на тюрко-татарском языке ставились и раньше. Но это были одноразовые произведения кружков любителей в медресе, школах, а чаще в семьях состоятельных купцов². Достоверно известно, что в 1901 г. учащиеся уфимского медресе «Усмания» (Х. Кильдебяков, Х. Ахтямов, Ш. Юмажиев и др.) поставили комедию «Рисалят» (Мессия)³.

Первый публичный спектакль на татарском языке состоялся в Уфе 16 апреля 1906 г. по устному разрешению муфтия М. Султанова. В нём участвовали любители из татар и башкир во главе с уроженцем Белебеевского уезда Уфимской губернии, преподавателем русского языка и литературы Ильясбеком Кудашевым (Кудашев-Ашкадарский, 1884–1942). В ноябре–декабре 1905 г. в Оренбурге он уже предпринимал попытку организации первого представления национального театра, однако реакционные элементы местной мусульманской общины с помощью властей сорвали её⁴. Сыгранной в Уфе пьесой стала «Жизнь с тремя жёнами» Г. Исхаки (М.Г. Исхаков), в которой осуждались семейные устои духовенства и богачей. В спектакле участвовали пять девушек: Х. Таначева, Р. Кинзекеева, Р. Урманцева, Г. и З. Ахтямовы⁵.

Становление национального театра происходило в острой борьбе. Традиционалистские круги мусульманского духовенства, опираясь на отсталую часть населения, а нередко и на полицию, всячески препятствовали новому делу. «Баян уль-хак», «Дин вә магишат» и другие издания кадимистов оценивали устройство театра как нарушение шариата (мусульманского права) и грозили его организаторам небесными карами. Демократическая печать («Урал», «Вақыт», «Аль-гаср аль-джадид» и др.) приветствовала рождение нового вида искусства. В театре она видела важный очаг духовной жизни и средство национального возрождения тюрко-мусульманских народов.

Рождённый в благодатной атмосфере просветительского движения и мусульманской реформации национальный театр быстро набирал силу и переходил на профессиональные рельсы. В мае 1907 г. в Оренбурге тот же И. Кудашев-Ашкадарский ор-

¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 114. Л. 18.

² См.: *Риззәтдин ибн Фахретдин*. Комментарии к изречениям пророка Мухаммеда / Перевод М.Ф. Рахимкуловой. Оренбург, 1998. С. 133–139.

³ История Уфы. С. 201; *Ахтямов К.* Бездә беренче театр // Яңы юл. 1923. № 2–3. Б. 36.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 462.

⁵ *Ахтямов Х.* Күрсәтелгән хезмәт. Б. 35.

ганизовал первую постоянную труппу «Фажига ве мосэкин ислямия» («Мусульманская драма и мелодрама» – араб.). Она состояла из татарских и башкирских артистов-любителей в количестве семи человек: В. Муртазин, Нуретдинов, Н. Гайнуллин, Н. Хайретдинов, Ахунов и А. Кулалаев (псевдоним – Ишмуратов)¹. Первым спектаклем труппы стала комедия «Учёные и невежды», перевод и адаптация произведения А.Н. Островского «Ученье – свет, а неученье – тьма, или В чужом пиру похмелье». Вскоре из-за отсутствия постоянной публики, а более – притеснений мусульманской общины, поддержанной губернскими властями, она выехала на гастроли по городам России. По ходу турне труппа пополняется талантливой молодежью: в Казани – первыми женщинами-артистками Сахибджамал Гизатуллиной (Гизатуллина-Волжская, 1892–1974) и её подругой Ф. Шаймардановой, в Нижнем Новгороде – Ф. Самитовой, М. Хайруллиним (псевдоним – Г. Кариев, 1886–1920), в Уральске – Б. Булгарским и др.

В конце 1907 г. в Москве «Фажига» была преобразована в антрепризу «Мосафир мосолман артистлары жамгиате» («Общество бродячих мусульманских артистов»), или кратко «Сайяр» (странствующая – араб.). Во главе объединения стали Г. Кариев, В. Муртазин (взявший псевдоним Иманский, 1885–1938) и С. Гизатуллина-Волжская². Через четыре года в Уфе под руководством С. Гизатуллиной-Волжской начала давать представления труппа «Нур» («Луч»), отошедшая от «Сайяр». В состав уфимской труппы входили Ф. Самитова, З. Богданова, Г. Казанский, Н. Ханжаров, Ш. Шамильский, Ф. Юсупов, Ф. Латыпов, в скором времени видные деятели башкирского национального театра. Позднее к ним присоединились А. Зубаиров, Е. Сыртланова-Шляхтина, М. Тукумбетов, Н. Сакаев³.

В 1915 г. в Оренбурге В. Муртазиним-Иманским создается новая передвижная труппа под названием «Мосолман драма артистлары ширкате» («Товарищество мусульманских драматических артистов»), или кратко «Ширкат» («Товарищество»), куда вошла и часть артистов из «Сайяр» и «Нура» (А. Зубаиров, Г. Казанский, М. Мути, Н. Сакаев, Ф. Самитова, Е. Сыртланова). С первого дня своей художественной деятельности «Ширкат» заявил о своей приверженности теме жизни башкирского народа. «Ширкат» можно считать одним из родоначальников современного башкирского театра.

Репертуар национального театра носил в целом демократический характер. Основу его составляли пьесы корифеев татарской и башкирской драматургии Г. Исхаки («Помолвка», «Зулейха»), Г. Камала («Несчастный джигит», «Первый театр», «Тайны нашего города»), М. Файзи («Галиябану»), Ф. Амирхана («Неравные»), Ш. Камала («Хаджи эфенди женится»), Ф. Гуйкина (Герои Родины), «Жертвы жизни») и др. Широко была представлена русская классическая драматургия. С пьес А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского в оригинале и переводах началась творческая деятельность Кудашева-Ашкадарского. В переводах Г. Камала, С. Сунчелея, Ш. Камала, Г. Керама, Ф. Бурнаша и др. ставились пьесы А.П. Чехова «Вишнёвый сад», М. Горького «На дне» и «Мещане», Мольера «Лекарь поневоле» и «Скупой», В. Шек-

¹ Кудашев А.Г. Национальный театр в Башкирии в начале XX в. // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 11. Д. 5. Л. 5; Паршин М. 20 ел эчендә татар театры // Татар театры: 1906–1926. Казан, 1926. Б. 82.

² Губайдуллин Х. Татарский театр дооктябрьского периода: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 1964. С. 7.

³ Гизатуллина-Волжская С. Татар театры турында истәлеклерем // Татар театры. Б. 139.

спира «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», Ф. Шиллера «Коварство и любовь», пьесы А. Стриндберга, Г. Гауптмана и др.

Своих сцен татаро-башкирские труппы ещё не имели и вынуждены были кочевать не только по городам и селам Урало-Поволжья, но и всей Российской империи, знакомя с театральным искусством другие тюркские народы. При этом актёры нередко подвергались преследованиям царской администрации и клерикалов, травле реакционной печати и слежке полиции. О тяжёлой жизни национального театра Е. Сыртланова-Шляхтина вспоминала: «Горе мы испили полной чашей. Нас, актёров, приравнивали к бродячим собакам, мы были такие же бесправные. [...] Ближайшими и неотступными спутниками нашими были голод и холод. Скитаясь по глухим городам и степным аулам мы мечтали: кончится ли бродячая жизнь?»¹.

Неустроенность жизненного обихода и ненависть реакционеров компенсировалась горячей поддержкой передовых людей эпохи, нарастающей любовью народных масс. Крупнейшие деятели культуры поэты Г. Тукай и Ш. Бабич, драматурги Г. Исхаки, Г. Камал, М. Файзи, просветители Р. Фахретдинов, М. Бигиев, З. Камали, журналисты К. Мотыги-Тухфатуллин, Ф. Карими, С. Алкин, политики А.-З. Валидов, Ю. Акчурин, Г. Еникеев принимали горячее участие в деятельности театральных объединений Башкортостана, способствовали становлению реалистического метода на сцене, материальному благополучию работников театрального искусства. На переломе эпох татаро-башкирский театр неуклонно обретал свое лицо, начинал входить в быт мусульманских народов, стал действенным проводником в их среде идей просвещения и национального обновления. В нём сконцентрировались значительные творческие силы и возможности.

§ 6. Здравоохранение

После образования в 1865 г. Уфимской губернии в ведение губернского правления перешли все немногочисленные медицинские учреждения. Состояние и оборудование больниц было примитивным и порождало опасливое отношение населения к «страшным жёлтым домам» (здания клиник красили в жёлтый цвет). Развитие медицины во многом происходило по частной инициативе. В 1869 г. около Уфы предприниматели Максютов и Курамшин открыли дачи с предоставлением приезжавшим больным кумыса. В 1870 г. на благотворительные сборы Уфимского человеколюбивого общества в Уфе была открыта бесплатная лечебница². К середине 1870-х гг. во всей губернии работали 9 врачей, 75 фельдшеров и 10 повивальных бабок³.

Кардинально ситуация изменилась с учреждением в крае земства. В 1875 г. земские управы приняли от Приказа общественного призрения и иных структур медицинские учреждения: в Уфе – губернскую больницу на 51 койку (30 мужских, 7 женских, 4 детских, 10 башкирских) и дом умалишённых на 36 коек (20 муж. и 16 жен.), в Бирске больницу на 15 коек, в Белебее и Стерлитамаке – по 12 коек, две башкир-

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 464. См. также: Гизатуллина-Волжская С. Курсәтләгән хезмәт. Б. 133–151.

² ЦИИ РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

³ Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. Уфа, 1917. С. 1.

ских больницы в д. Салихово Уфимского уезда и Селясово Бирского уезда (обе по пять коек), а также 53 фельдшерских и 8 акушерских пунктов в четырёх уездах¹. Кроме того, своя сеть медицинских учреждений существовала на металлургических предприятиях, действовали госпитали при Богоявленском (на 12 коек), Верхоторском (12), Архангельском (36), Благовещенском (24) заводах и на рудниках (10 коек). Везде работали фельдшера, лишь на Архангельском заводе имелся врач. При госпиталях были небольшие аптечки, из которых бесплатно или за умеренную плату (Богоявленский, Верхоторский заводы) выдавались лекарства².

Многие из учреждений находились в запущенном состоянии. Земства провели реконструкцию лечебниц, расширили коечный фонд, повысили расходы на содержание. Уже на 1882 г. в Уфимской губернии медицинские кадры составляли 21 врач; из них в городах – 11 (Уфа, Стерлитамак, Белебей, Бирск), 53 чел. среднего медицинского персонала (10 в городах), 16 повивальных бабок (5). В Уфе также работали пять вольнопрактикующих врачей³. В 1882 г. создаётся общество врачей Уфимского губернского земства, в 1883 г. состоялся первый съезд⁴.

Первоначально возможности земской медицины оставались ограниченными. В 1878 г. губернская больница в Уфе оказала помощь всего 617 больным (при наличии 51 койки). Более трети больных были с венерическими болезнями, столько же с тифозной горячкой. Коечное лечение было платным, больной предварительно вносил плату за месяц вперёд, с 1877 г. авансовый взнос сократили до полумесячного. Бесплатно лечили только воспитанников приютов (с 1875 г.), больничную прислугу (1876 г.), пострадавших на службе пожарных (1879 г.), мусульман из приютов и богаделен (1881 г.), служащих с годовым доходом ниже 600 руб. (с 1889 г.) и некоторых других⁵.

В 1878 г. в губернской больнице впервые вводится сестринский уход за больными. Вместо трёх сиделок приглашены были 3 сестры милосердия, которые ухаживали за больными с 7 час. утра и до 9 час. вечера и по очереди вели ночные дежурства⁶. Возрастал приём посетителей. В 1889–1890 гг. было построено новое здание для больницы, что позволило увеличить число коек в два раза (с 51 до 114)⁷. В 1890 г. в губернской больнице пользовался коечным лечением 1681 больной (из них 354 в венерическом отделении, 180 в хирургическом, 165 в терапевтическом). В 1900 г. число коечных больных выросло до 2159 чел. (844 в терапевтическом, 482 в хирургическом и 412 в венерическом отделениях), ещё 7805 чел. прошли амбулаторное лечение⁸.

¹ См.: Основные показатели медицинского обслуживания населения Республики Башкортостан по данным годовых отчётов за 1998 год. Уфа, 1999.

² Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. С. 186.

³ История, современное состояние и перспективы здравоохранения Республики Башкортостан. Уфа, 1999. С. 20–21.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 25–26 (материалы из фонда Н.А. Шерстенникова).

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 32–33.

⁷ Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. 1875–1917. Уфа, 1917. С. 8.

⁸ Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. 1875–1909 гг. Уфа, 1915. Т. 2. С. 445–459.

Губернская больница в основном (на 79,6% в 1901 г.) обслуживала жителей Уфы. Одной из лучших в стране считалась уфимская психиатрическая лечебница (до 1875 г. дом умалишённых). Здесь в 1891 г. содержалось 275 больных, в 1900 г. – уже 606 чел. Много сделал для её становления опытный врач-психиатр С. Сухов, заведовавший больницей с 1890 г. В 1895–1898 гг. психиатрическая лечебница переехала в новое помещение, снабжённое водопроводом и канализацией. Небольшие средства на медицину выделяла городская дума, которая к 1900 г. располагала общей городской больницей на 22 койки, амбулаторией на ул. Казанской (открыта в 1894 г.) и небольшим родильным приютом, содержавшимся на средства человеколюбивого общества¹. В уездных центрах также медицина постепенно развивалась, в Бирске число коек увеличилось с 15 в 1890 г. до 70 в 1900 г., в Белебее – с 12 до 40, Стерлитамаке – с 12 до 32 коек².

Усилиями земства медленно, но неуклонно расширялась сеть медицинских учреждений. С 1875 по 1900 г. число больниц в Уфимской губернии возросло с пяти до 16, а количество коек в них – с 49 до 355. К 1900 г. действовало 29 фельдшерских пункта, 27 врачебных участков, за 1880–1900 гг. только по четырём уездам финансирование здравоохранения выросло в 2,6 раза. Менялась организация медицинской помощи населению. В 1877 г. земство упразднило башкирскую врачебную часть и ввело разъездную систему, действовавшую до 1909 г. Фельдшеры с «разъездным ящиком» с наиболее ходовыми лекарствами выезжали по селениям, где в базарные дни в «сборных избах» проводили на скорую руку осмотр и раздачу медикаментов. Затем вводится разъездная работа врачей, которые объезжали фельдшерские пункты своих участков, вели приём больных и проверяли работу фельдшеров. Земские врачи понимали необходимость учреждения постоянных больниц в сельской местности и уже в 1878 г. приёмные покои открываются в с. Благовещенский завод, Иглино (Уфимский уезд), Аскино и Сейтяк (Бирский), Табынск (Стерлитамакский уезд). С 1880 г. начинают работать больницы в с. Ардалионовке, Аскино и др., в 1880-х гг. земцы неоднократно поднимают вопрос об организации новых больниц, которые учреждаются в с. Надеждино, Калегино Бирского уезда, с. Бакалы и Буздяк Белебеевского, на Богоявленском заводе Стерлитамакского уезда. С 1886 г. по всей губернии началось оформление сельских врачебных участков. В 1890 г. существовало 34 таких участка, из которых 20 было больнично-амбулаторных и 14 с приёмными покоями. Работало 29 фельдшерских пунктов и 5 заводских больниц³.

Аналогичная система организации медицинской помощи сложилась и в Оренбургской губернии, территория которой была разделена на 20 врачебных участков (10 для крестьян и 10 для казаков)⁴. По указу от 22 апреля 1870 г. существовавшая в Оренбургском крае башкирская сельская врачебная часть была реорганизована и со-

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

² См.: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. К сорокалетию существования земств Уфимской губернии. 1875–1914 гг. Уфа, 1915.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–42, 44.

⁴ РГИА. Ф. 1288. Оп. 12. 1877 г. Д. 44. Л. 22–23; Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2855. Л. 6, 18, 24 об.–26; ПСЗ II. Т. 43, отд. 2. № 46590; *Фон-Шлихтинг* Л.П. О современной организации сельско-врачебной части в Оренбургской губернии и ближайших её задачах. Оренбург, 1913. С. 3–4.

единена с общей медициной¹. К концу XIX в. в сёлах и станицах губернии действовало десять больниц (на 115 коек), 17 приемных покоев (на 23 коек), 20 амбулаторий. В них работало 20 врачей, свыше 120 фельдшеров, 26 повивальных бабок². Но всё же по постановке санитарно-врачебного дела Оренбургская губерния отставала от Уфимской.

В конце 1870-х гг. в Уфе учреждается общество Красного Креста, затем вошедшее в состав Российского общества. В нём состояло до 100 чел., оказывалась конкретная помощь населению. Так, в 1880 г. общество Красного Креста собирало пожертвования на организацию и отправку в деревню врачебно-санитарного отряда по борьбе с дифтерией³.

Открытие в 1888 г. сообщения по Самаро-Златоустовской железной дороге вызвало мощное развитие кумысно-санаторного лечения в прилегающих волостях. В 1890-е гг. около станций Глуховская, Приютово и Шафраново возникают санатории Коншина, Аксаковой, Шафранова, Нагибина, Жданова и др. Здесь предлагались домики для больных (в том числе семейные), медицинское обслуживание, развлечения (крокет, качели, лошади для выездов). В каждом заведении содержалось поголовье кобылиц. Например, в кумысном санатории Дурилина возле станции Аксёново было 40 домиков, существовала бесплатная аптека, «врачебная помощь организована прекрасно», работали врач-директор, два студента-медика и две сестры милосердия. К услугам больных имелись библиотека (около 500 книг, читательский абонемент стоил 1 руб.), бильярд и рояль. Санаторий работал с мая до середины августа⁴.

Сильная медико-санитарная служба сформировалась на железной дороге. К 1895 г. для железнодорожников уфимского узла предоставлялись 26 больничных коек, развёрнутых в частном доме, три врача, фельдшер и акушерка оказывали амбулаторную помощь в пяти участках, а особый санитарный участок контролировал санитарно-эпидемиологическую обстановку⁵. Всего к началу XX в. в крае насчитывалось 96 больниц и 28 аптек⁶. Одна больница в Уфимской губернии приходилась на 39,2 тыс. жителей, в Оренбургской – на 53,1 тыс. Большинство лечебниц, особенно сельских были небольшими – на 15–20 коек. Поэтому они не могли охватить сколько-нибудь значительного количества больных. Стационарное лечение получало в среднем лишь 2% обратившихся за врачебной помощью⁷. Больницы испытывали нужду в оборудовании, инструментах, эффективность лечения в них была низкой. Аптеки размещались преимущественно в городах и были труднодоступными для сельских жителей. Основная масса крестьян в случае болезни по-прежнему прибегала к средствам народной медицины.

¹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 12. 1877. Д. 44. Л. 23; ПСЗ II. Т. 45, отд. 1. № 48272.

² РГИА. Ф. 1297. Оп. 292. Д. 104. Л. 106 об.–108, 113; Сборник медико-статистических работ по Оренбургской губернии. Оренбург, 1902. Т. 2, вып. 1. С. 3.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 45–46.

⁵ 110 лет стальным магистралям Башкортостана. Уфа, 1996. С. 46.

⁶ РГИА. Ф. 1297. Оп. 292. Д. 104. Л. 6; Обзор Уфимской губернии за 1900 год. С. 69, 72.

⁷ Обзор Уфимской губернии за 1900 год. С. 70; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1897 год. Оренбург, [1898]. С. 26.

В целом, санитарное состояние края оставалось тяжёлым. Периодически происходили вспышки различных болезней. В 1892 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях разразилась эпидемия холеры. В общей сложности заболело 24 587 чел., из них 12 240 (49,8%) умерли¹. Высокой оставалась общая и особенно детская смертность. Медицинские учреждения четырёх уездов Уфимской губернии в 1900 г. зарегистрировали 3646 случаев заболевания сифилисом, 2030 – скарлатиной, 1968 – брюшным тифом, 566 – дизентерией, 531 – туберкулёзом, 499 – натуральной оспой, 389 – дифтерией, 253 – корью, 57 – сибирской язвой и 41 – сыпным тифом². Обращается внимание на профилактику заболеваний, учреждаются должности санитарных врачей, созданы санитарные бюро. За санитарно-гигиеническим состоянием промышленных предприятий с 1882 г. следили фабричные инспекции, активизировалось оспопрививание. В конце XIX в. в Уфимской и Оренбургской губерниях вакцина против оспы прививалась уже примерно 70–80% всех рождавшихся детей³.

Местная медицинская общественность активно обсуждала проблемы здравоохранения, предлагала план конкретных мероприятий на съездах врачей (1889, 1893, 1895 гг.). Началась публикация информации о заразных заболеваниях и врачебно-санитарной деятельности в Уфимской губернии, поддерживались научные изыскания. В 1899 г. заведующий санитарным отделом врач В.Я. Палфёров получил 300 руб. для бактериологических исследований и командировок в столицы для ознакомления с новейшими методами борьбы с чумой и санитарно-статистической работой⁴.

В начале XX в. продолжалось развитие здравоохранения в Уфимской губернии. За 1900–1913 гг. число земских врачебных участков увеличилось с 39 до 68, а количество земских врачей – с 48 до 99. За это время земством было открыто 20 сельских лечебниц и приемных покоев⁵. Всего к началу Первой мировой войны в ведении Уфимского земства состояло 52 больницы на 1,5 тыс. коек или свыше половины больниц и около двух третей коечного фонда губернии⁶. Заметно повысились земские расходы на медицину. Если в 1900 г. они составляли 479,4 тыс. руб. (19,4 коп. на 1 жителя), то в 1913 г. уже 1816, 1 тыс. руб. (56,8 коп. на 1 жителя)⁷. Перед войной на долю земств приходилось почти 90% всех губернских ассигнований на здравоохранение⁸.

С 1900 по 1913 гг. число врачебных участков в Белебеевском, Бирском, Стерлитамакском и Уфимском уездах возросло с 27 до 46, а количество больниц увеличилось вдвое, с 16 до 32 (обеспеченность койками выросла с 355 до 744). Население обслуживали 64 врача. Ведущую роль продолжала играть губернская земская боль-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 573. Л. 10 об., 42 об.; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1898 год. Оренбург, 1897. С. 107.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 573. Л. 72–74; Обзор Уфимской губернии за 1900 год. С. 2, 86.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

⁵ Обзор Уфимской губернии за 1900 год. Уфа, 1902. С. 68; Там же за 1913 год. Уфа, 1915. С. 75, 76–80; Обзор состояния и деятельности земско-медицинской организации в 1913 году. Уфа, 1914. С. 1; Доклад Уфимской земской управы 41-му очередному губернскому земскому собранию: Краткий обзор состояния медицины и заразных заболеваний в Уфимской губернии в 1914 году. Б. м. и г. С. 1.

⁶ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 76–80.

⁷ Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. Уфа, 1915. С. 208–209.

⁸ Обзор Уфимской губернии за 1913 год. С. 83.

ница в Уфе, где в терапевтическом отделении насчитывалось 32 койки для больных, хирургическом – 30, гинекологическом – 10, инфекционном – 20 и венерологическом – 22 койки. Персонал губернской больницы (5 врачей) состоял из опытных специалистов. Врач А.Л. Нагибин с 1905 г. выполнял операции с чревосечением, только в 1910 г. он совершил 34 подобных хирургических вмешательства. В 1910 г. была учреждена должность прозектора и приглашённый врач Я.Ф. Ястржемский провёл 37 вскрытий умерших в больнице. В 1913 г. здесь был установлен рентгеновский аппарат, что облегчило работу врачей в диагностировании болезней¹.

Усилили внимание к здравоохранению органы городского самоуправления. По примеру земств они организовывали санитарные бюро, учреждали должности санитарных врачей, строили новые больницы. В 1913 г. в Уфе работали две больницы (Чижевская и инфекционная) и пять амбулаторий (Чижевская, Старо-Уфимская, Мало-Казанская, Северная и Нижегородская)². Городскими думами оказывалась материальная поддержка больницам различных ведомств (железнодорожного, тюремного и др.), расположенных на их территории. Кроме того в Уфе до 25 врачей в 1913 г. занимались частной практикой, например врач В.И. Ишерский имел лечебницу для рожениц и больных женщин. В 1913 г. в амбулаториях и больницах Уфы медицинскую помощь получили 53 тыс. чел., из них 3011 больных находились на стационарном лечении в городской и губернской больницах.

Повышалось качество медицинского обслуживания и в уездных больницах. В 1912 г. стерлитамакский хирург М.В. Вакуленко успешно проводил операции, в том числе 30 чревосечений (удаление селезёнки, операции на желудке, предстательной железе и др.)³. Рациональной постановкой здравоохранения отличался казённый Златоустовский горный округ. На каждом заводе имелся госпиталь, на каждом руднике – приёмный покой, имевшие неплохое оборудование. В Златоустовском госпитале, например, работал кабинет электролечения, в 1912 г. закуплено оборудование для рентгеновского кабинета⁴.

Началась подготовка медицинского персонала, потребность в котором быстро возрастала. На средства губернского земства 1 сентября 1908 г. в Уфе открылась фельдшерско-акушерская школа, куда были приняты 60 чел. Преподавательский коллектив включал 5 чел. В 1912 г. состоялся первый выпуск 32 фельдшеров и повивальных бабок⁵.

Особое внимание медицинские службы края обращали на проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий для борьбы с массовыми заразными заболеваниями, такими как тиф, дизентерия, оспа, холера и детские инфекции. В 1905 г. в Уфимскую губернию земство пригласило трёх постоянных противоэпидемических врачей (работали 12 фельдшеров и 3 сестры), с 1908 г. начали работы губернская и уездные санитарные службы, выделялись средства на содержание санитарных лабораторий при уездных врачах, издавался бюллетень «Врачебно-санитарная хроника», ежегодно

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 78.

² Жбанков Д.Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915. С. 134, 297.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 78–79.

⁴ Шлипер Э. Общий обзор состояния горнозаводской медицины Златоустовского горного округа за 1911–1912 гг. Уфа, б. г. С. 3.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 85–86.

созывался санитарный совет губернии. Для санитарных врачей разработали инструкции, правила о санитарно-благотворительных попечительствах.

Особое внимание земство уделяло созданию научной базы для борьбы с эпидемиями. В Уфе открывается целый ряд медицинских учреждений: пастеровская станция в 1905 г., оспенный телятник в 1906 г., сывороточное и диагностическое отделения в 1907 г., ветеринарная лаборатория в 1911 г., химико-гигиеническое отделение в 1912 г. Затем в 1908 г. учреждения были объединены в Бактериологический институт Уфимского губернского земства, выпускавший различные противозидемические препараты¹.

Большая работа проводилась среди населения, распространялись листовки и брошюры на русском и тюрко-татарском языках о заразных болезнях и мерах их предупреждения, читались популярные лекции на медицинские темы. Существовавший при губернском санитарном бюро музей по распространению гигиенических знаний рассылал по уездам литературу. В 1913 г. было издано 24 брошюры и листовки, распространённых в Уфе (1995 штук), Уфимском (6306), Белебеевском (6640), Бирском (4970), Стерлитамакском (470 шт.) уездах. В 1910 г. санитарные службы организовали систематическое обследование источников водоснабжения и добились, что в 1913 г. земство приняло на своё содержание гидротехников. В 1910–1913 гг. врачами велось наблюдение за изготовлением кумыса во всех санаториях и деревнях, куда прибывали кумысники, и за приезжавшими в край больными. Были разработаны правила, чтобы туберкулёзные больные не рассеивали мокроту, а пользовались карманными плеватальницами. Сдаваемые в деревнях помещения подвергались дезинфекции (в 1913 г. было проведено 338 дезинфекций). Надзор врачей осуществлялся за столовыми в кумысных деревнях.

Санитарная служба вела борьбу с авитаминозом и заразными заболеваниями. Ежегодно среди населения отмечались заболевания цингой, например в 1907 и 1912 гг. в Стерлитамакском и Уфимском уездах. Врачи Родзинский и Беляева изучали причины авитаминоза и способы предотвращения вспышек, вели просветительскую работу. Большие силы земство направляло на борьбу с холерой, эпидемия которой в 1910 г. охватила Уфу, Бирск, Белебей, Стерлитамак и 84 селения в пределах этих уездов. С 28 июня по 15 октября было зарегистрировано 1440 больных (438 в Уфе), умерло 770 чел. (53,5% заболевших). Чтобы предотвратить распространение холеры, были направлены 14 врачей и 88 медицинских работников, усилиями которых эпидемию удалось остановить. Однако неполная изоляция больных, многие оставались дома, даже в Уфе 138 заболевших не были помещены в больницы, приводила к распространению холеры и смертность в отдельных случаях оставалась чрезвычайно высокой (до 75%). Пропаганда медицинских знаний нередко встречала сопротивление в крестьянстве, подверженного влиянию знахарей и заклинателей. В 1910–1911 гг. в отдельных башкирских селениях выносились приговоры против открытия больниц².

Работа уфимского земства получила признание медицинской общественности. В 1913 г. на гигиенических выставках в Санкт-Петербурге и Дрездене оно было удостоено малой золотой медали. На Всероссийской гигиенической выставке уфимские

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 66–67.

² Там же. Л. 70.

врачи представили 64 экспоната в виде диаграмм, картограмм, фотоальбомов, моделей, печатные обзоры своей деятельности о медико-санитарных учреждениях, бактериологическом институте и фельдшерско-акушерской школе¹.

Деятельность земской медицины способствовала улучшению здравоохранения в крае. Тем не менее даже быстро прогрессирующая земская медицина не смогла охватить более половины сельского населения, находившегося вне сферы её обслуживания. В 1913 г. в Уфимской губернии на один врачебный участок площадью 1576 кв. вёрст приходилось 43,5 тыс. чел., а по 34 земским губерниям России на один участок в 1050 кв. вёрст приходилось в среднем на 28 тыс. чел.² Не хватало больниц и врачей. Так, в 1913–1914 гг. в Уфимской губернии лишь четвертая часть больных получала какое-то лечение (в других земских губерниях – половина и более), а акушерская помощь при родах оказывалась лишь в трёх случаях из 100³. На селе всё ещё преобладала народная медицина. Недостаток лечебных учреждений, медицинского персонала особенно чувствовался среди башкир и других нерусских народов.

В Оренбургской губернии, где до 1913 г. земства не было, прогресс в здравоохранении в первую очередь зависел от подвижнической деятельностью врачей и фельдшеров, состоявших на государственной службе. По их инициативе активизировалось строительство лечебных учреждений, росло число врачебных участков и фельдшерских пунктов, расширялся контингент медицинских работников, начали проводиться санитарно-статистические исследования. В 1912 г. в сёлах и станицах Оренбургской губернии, разделенной на 32 врачебных участка, насчитывалось уже 16 больниц, 28 амбулаторий, 14 приемных покоев, 132 фельдшерских пункта; в них работало 30 врачей и 217 фельдшеров. Это было в 1,5–2 раза больше чем в конце XIX в. Но темпы роста сельской медицины в Оренбургской губернии были недостаточными, чтобы поднять дело здравоохранения до уровня земских губерний. В Оренбургской губернии в 1913 г. насчитывалось 53 больницы (на 1213 коек), 101 врач, 198 фельдшеров, 48 зубных врачей и дантистов, 51 акушерка, 131 фармацевт⁴. По обеспеченности больничными учреждениями и врачами Оренбургская губерния ещё более отставала от среднероссийских показателей. Так, на одного врача здесь приходилось 22,5 тыс. чел., то есть в 3,3 раза больше чем в целом по стране (6,9 тыс. чел.).

Во время Первой мировой войны земство продолжало достраивать и открывать новые больницы. В 1914 г. начали работу Московская, Кузеевская, Шаровская (Белебеевский уезд) и Белокатайская (Златоустовский уезд) больницы и т.д. Но из-за призыва в армию медицинского персонала упала обеспеченность кадрами. К сентябрю 1915 г. в Белебеевском, Бирском, Стерлитамакском и Уфимском уездах на военную службу были призваны 30% земских врачей, на 15,5% сократилось число фельдшеров. В сельской местности Уфимской губернии к маю 1917 г. были заполнены лишь 60,5% врачебных вакансий, в Уфе – 87%. Медицинские учреждения края перестраи-

¹ Скачилов В.А. Люди подвига и долга. Уфа, 1973. С. 21.

² Отчёт о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Б. м. и г. С. 58; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 455.

³ Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. С. 4; Обзор состояния и деятельности земско-медицинской организации в 1913 году. Уфа, 1914. С. 31.

⁴ Сборник медицинско-статистических работ по Оренбургской губернии: Организация и распределение врачебной помощи в Оренбургской губернии за 1912 год. Оренбург 1913. С. 1–3.

вались на нужды военного времени. В губернской больнице в Уфе увеличилось до 184 число коек для раненых и больных воинов. Резко ухудшилась санитарно-эпидемиологическая обстановка в крае. Мобилизованные запасные, эшелоны пленных, беженцы являлись распространителями различных инфекций. На станции Уфа действовал дежурный медицинский пост, который лишь бегло выявлял заразных больных, но не имел возможности направлять всех в больницы. Так, с 17 октября 1914 по 1 апреля 1915 г. из обнаруженных 560 больных лишь 278 чел. было полностью изолировано, остальные следовали дальше, распространяя инфекцию. В конце 1914 г. среди пленных австрийцев и немцев (из 1 тыс. чел. болело около 300) распространился сыпной тиф. В казармы, где ранее находились запасные, среди которых отмечались случаи тифа, и были размещены военнопленные. В январе 1915 г. в Уфе появились заболевания возвратным тифом, дизентерией, брюшным тифом, в июле вспыхнула эпидемия холеры, занесённая беженцами (27 июля в одном эшелоне было обнаружено пять трупов и 24 заболевших холерой)¹.

Во второй половине XIX – начале XX вв. впервые в истории Башкортостана создаётся отлаженная система регулярного и общедоступного медицинского обслуживания населения. Территория края покрывается сетью аптек, больниц и фельдшерских пунктов с достаточно большим числом медицинских работников, создаются санитарно-эпидемиологическая служба и первые научно-исследовательские учреждения. Медицинскую помощь получает не только городское, но и сельское население, среди которого распространяется большое количество просветительской литературы по санитарии и гигиене. Проводится борьба с массовыми эпидемическими заболеваниями. Активно развивается частная медицинская помощь. Но воздействие здравоохранения на смертность и продолжительность жизни населения остаётся ещё небольшим. До значительной части сельской глубинки профессиональная медицина не доходила, малооплачиваемые слои населения также имели ограниченный доступ к лекарствам и квалифицированной медицинской помощи.

§ 7. Архитектура Башкортостана. Изобразительное искусство

Архитектура. Развитие системы расселения в Башкортостане в пореформенный период происходило при стремительном увеличении численности жителей, основании большого количества новых населённых пунктов, расширению существовавших поселений. Быстрый экономический подъём привёл к опережающему росту городского населения в сравнении с сельским. Со второй половины XIX в. в крае начался новый этап урбанизации. Хотя удельный вес горожан в общей структуре народонаселения был невысоким, количество жителей в Уфе за 1878–1917 гг. выросло в 4,8 раза, в Бирске – в 3,6, Стерлитамаке – 3,7, Белебее – 3,6, Благовещенске – в 2,4 раза².

В большинстве городских поселений к этому времени площади под застройку в пределах старых границ были исчерпаны, начался рост селитебных массивов по новым направлениям. Планировку вновь осваиваемых территорий отличали схематизм,

¹ ЦИИ РБ. Ф. Р-4348. Оп. 1. Д. 4. Л. 74–75.

² *Капимуллин Ф.Б.* Формирование планировочной структуры городов Башкирии: основание городских поселений и формирование планировочной структуры городов БАССР в 1917–1940 гг. Уфа, 1995. С. 16.

игнорирование природно-ландшафтных особенностей местности, новые земельные участки (прямоугольной формы) просто присоединялись к периферии существовавшей городской застройки на местности с относительно спокойным рельефом: в Уфе – к северу от ул. Богородской и Ново-Ивановского кладбища (Северная и Восточная слободы), в Стерлитамаке – к югу от города в междуречье р. Стерля и Ашкадар¹.

Крупных проектных планировочных работ в этот период не предпринималось. На окраинах городов застройка осуществлялась на началах самоорганизации, без соответствующей регламентации и контроля. Обычным явлением было нарушение противопожарных и санитарно-гигиенических норм, вредные производства нередко соседствовали с жилыми постройками. На крутых склонах застройка принимала причудливые очертания. Современник так характеризовал Архиерейскую слободу на южном склоне Уфимского плато: «Весь обрывистый правый берег [...] был сплошь облеплен бесчисленными дощатыми, плетневыми и глинобитными лачугами, чудом державшимися наподобие ласточкиных гнёзд на крутом склоне. Было совершенно непонятным, как в подобной крутизне, в скученной обстановке живут люди, как они доставляют себе питьевую воду, продукты питания, топливо»².

В освоении столь неудобных для проживания участков, совершенно несвойственных исконным сельским поселениям Башкирии, состоял один из феноменов урбанизации. Во многом именно за счёт подобных слободок (Архиерейской, Труниловской, Черкалихинской, др.), где селился бедный люд, выбравшийся из деревенской нишеты, развивалась столица края – Уфа. К началу 1880-х гг. западная граница города проходила по четному ряду домов Никольской улицы (совр. М. Гафури). Намеченные кварталы на противоположной стороне на плане 1883 г. указаны как «вновь проектированные». В 1890-е гг., после прокладки железной дороги начался бурный приток нового населения и освоение прилегающих склоновых территорий. Возникает самобытный в архитектурно-планировочном устройстве селитебный массив – Ново-Нижегородская слобода – и происходит соединение городской застройки с возникшей ещё в 1803 г. Нижегородской слободой. При этом новые окраины сохраняли поликонфессиональный состав населения. По данным однодневной переписи 1879 г. из 18 кварталов Нижегородки мусульмане вообще отсутствовали в шести, в других они составляли менее ¼ жителей и ещё в шести кварталах удельный вес башкир и татар был значителен³.

Центральная часть Уфы (в границах регулярного плана) к началу 1890-х гг. была в основном освоена. Развитие застройки происходило путём её уплотнения: занятия немногочисленных свободных участков, повышения этажности и сноса деревянных строений. Возрастала доля каменных (кирпичных) зданий, количество которых увеличилось с 3,7% в 1898–1900 гг. до 16,3% в 1915–1916 гг. среди всех построек⁴. Важные изменения происходят в архитектурном облике города. Постройки начального периода уфимской эклектики (1860–1880-е гг.) ещё находились под воздействием эстетики классицизма. Равномерный ритм оконных проёмов сочетался со сплошным

¹ Там же. С. 14; Калимуллин Б.Г. Стерлитамак. Уфа, 1954. С. 11.

² Калимуллин Б.Г. Как строили дома и росли люди // Ватандаш. 1997. № 9. С. 174.

³ Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 222, карта; ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 551.

⁴ Семёнова С.Ю. Как строилась и жила губернская Уфа: очерки. Уфа, 2004. С. 65.

оштукатуриванием фасадов и суховатым плоским декором¹. Штукатурка и немногосложная лепнина могли «маскировать под камень» деревянные срубные строения². В некоторых случаях штукатурка и лепной декор сочетались в подобных зданиях с деревянными наличниками³. Нередко деревянный дом обкладывался снаружи кирпичом. Однако, фасады, решённые целиком в кирпиче, в этот период почти не встречаются, неоштукатуренная кирпичная стена исполняла лишь роль фона для карнизов и наличников с деталями, выполненными в лепной технике⁴.

К началу XX в. приёмы строительства деревянных жилых домов с имитацией «под камень» встречались уже редко⁵. Здания в основном строились либо кирпичными (чаще двухэтажными), либо деревянными (одно- и двухэтажными) с богатой резьбой наличников и карнизов. Для обшивки стен применялась сравнительно неширокая (около 8 см) калёванная доска с чередованием горизонтального, вертикального и диагонального расположения элементов на фасаде⁶.

В 1890–1910-е гг. украшения многих кирпичных зданий создавались без использования лепнины. Полуколонки, балясины, карнизные свесы, выполненные из фасонного кирпича, становятся более рельефными, выпуклыми (рис. 1), подчас перегружая фасады небольших сооружений. Обнажение красной кирпичной стены, освобождение её от штукатурки, использование цвета, фактуры и пластических возможностей кирпича в декоративных целях стало важной составляющей перемен, происходивших в гражданской архитектуре Уфимской губернии⁷. Так, характерной особенностью Стерлитамака являлось широкое присутствие в декорации кирпичных зданий мотивов деревянной резьбы⁸, что в Уфе встречалось в виде единичных исключений.

В губернском центре складывается «европейский» городской центр с магазинами, гостиницами и многоквартирными домами. Повышение этажности привело к строительству в

¹ Например, здания Оренбургского магометанского духовного собрания (ул. Тукаева, 50), постройки 1862–1865 гг. и Главной полиции (ул. Октябрьской революции, 14) 1870-х гг. (См.: Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Памятники архитектуры ислама г. Уфы. Уфа, 2005. Вып. 1; Карта «Уфа. Культурное и природное наследие». М., 2006. С. 21).

² Например, дом Набатовых в Уфе (ул. Маркса, 43) 1860–1880-х гг.

³ Никольская церковно-приходская школа (ул. Гоголя, 19) 1880-х гг.

⁴ Дом Максимова (Ткачёва) 1870-х гг. (ул. Коммунистическая, 65 / Крупская, 2), утрачен в 2006 г. (См.: Карта «Уфа. Культурное и природное наследие». С. 14; Архив автора).

⁵ См., например, дом Кузякиных (ул. Цюрупы, 52) (Карта «Уфа. Культурное и природное наследие». С. 22; Архив автора).

⁶ Этот приём являлся почти исключительно городским. На селе при обшивке фасадов применяли более широкие фугованные доски (около 15–20 см), также с калёвкой. В расположении элементов обшивки в деревнях было меньше разнообразия, преобладал горизонтальный рисунок.

⁷ В Уфе это гостиница «Метрополь» (ул. Ленина, 10) – 1903–1905 гг., жилой дом И.В. Поликарпова (ул. Коммунистическая, 34) конца XIX в. (См.: Гостиница «Метрополь» (паспорт) / Сост. Г.С. Заикин, Т.М. Асаченкова, В.А. Крючков. Свердловск, 1974 // Архив Научно-производственного центра по охране и использованию культурного наследия РБ; Особняк купца И.В. Поликарпова: паспорт памятника архитектуры / Сост. С.Б. Зубова, Р.В. Мамалимова. Уфа, 1988 // Там же).

⁸ В Стерлитамаке это декоративное убранство домов по ул. Кутузова, 31, Маркса, 75 и 188, Халтурина, 17, 19, 107, Худайбердина, 21-а, 23 и др. (Архив автора).

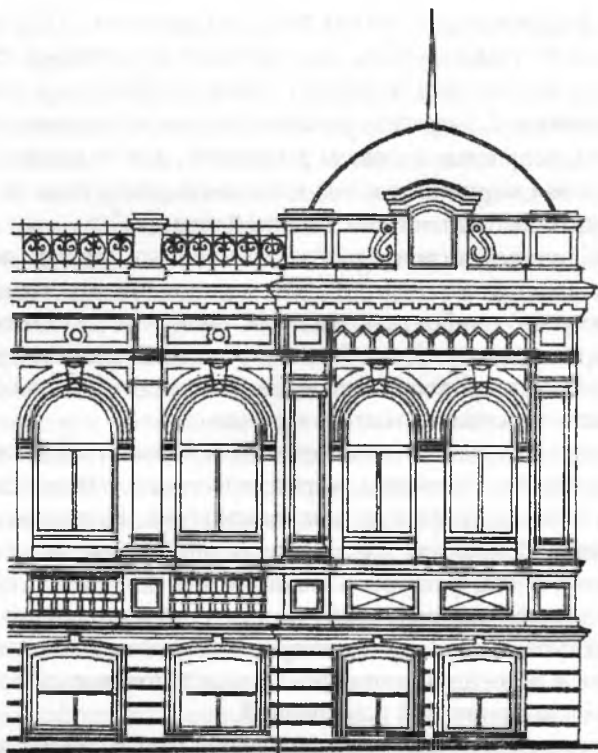

Рис. 1. Дом И.В. Поликарпова. Уфа, ул. Коммунистическая, 34. Конец XIX в.
Рис. А. Кимик-Аминеевой

наиболее престижных кварталах, примыкавших к Верхне-Торговой площади Уфы, зданий в три этажа, либо крупных по объёму двухэтажных. Здесь возводятся значимые общественные объекты. На углу улиц Пушкинской и Центральной в 1909–1914 гг. был сооружён Народный Дом имени С.Т. Аксакова (архитектор П.П. Рудавский)¹.

Строительство жилья для сдачи в аренду стало массовым явлением. Немало жилья в Уфе отдавалось в наём², что влияло на структуру жилого дома, его объёмно-планировочную композицию. В доходном доме необходимо было разделить входы на первый и второй этажи, занимаемые разными квартиросъёмщиками, поэтому лестницы, соединявшие этажи выносились за пределы отапливаемой части сооружения. Два спаренных входа, ведущих на разные этажи, располагались в самостоятельном узком пристрое у одного из флангов основного объёма здания. Возникла лёгкая асимметрия фасада, исчезло акцентирование главной оси проёмом входа, столь свойственное постройкам классицизма и ранней эклектики.

¹ Крупнейшие здания возле Верхне-Торговой площади Уфы: доходный дом В.И. Видинеева (ул. Маркса, 15), постройки около 1900–1903 гг., магазин братьев Каримовых и Шамгулова (ул. Маркса, 23) – 1905–1907 гг., гостиница «Астория» (ул. Маркса, 23) – 1895–1910 гг., доходный дом В.Е. Поносова с аптекой (ул. Ленина, 22) – 1895–1903 гг., Большая Сибирская гостиница с рестораном (ул. Коммунистическая, 43 / Маркса, 14) – 1900 г., доходные дома С.С. Меклера (ул. Маркса, 16, 16/2) – 1910–1912 гг. и др. (См.: Карта «Уфа. Культурное и природное наследие»).

² Семёнова С.Ю. Указ. соч. С. 67.

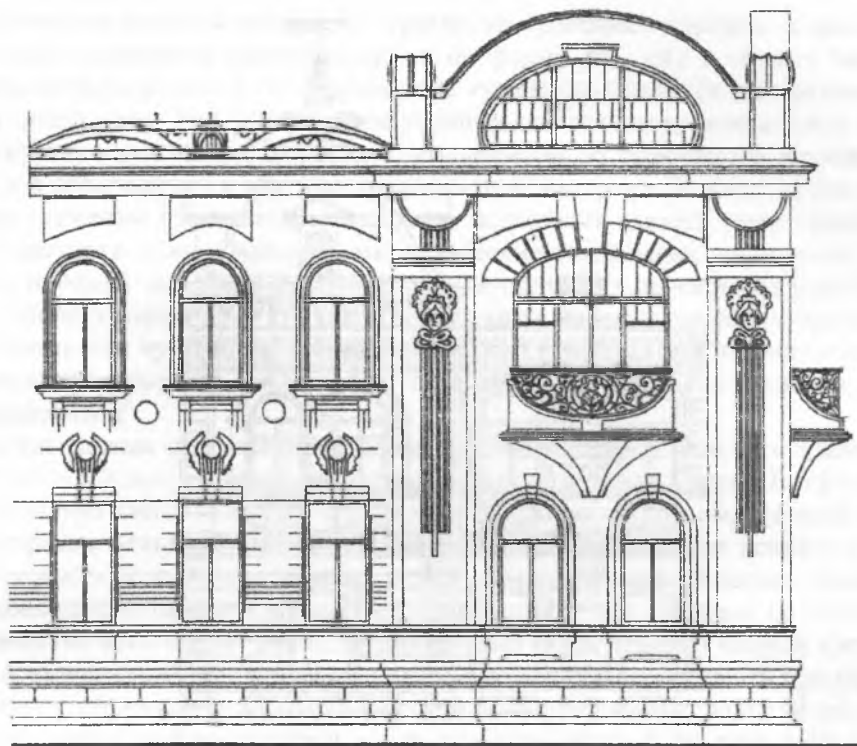

Рис. 2. Дом П.И. Костерина. Уфа, ул. Пушкина, 86. 1912 г.

Рис. А. Кимик-Аминовой

Одновременно в центральных районах города строились индивидуальные жилые дома состоятельных уфимцев. Чаще они располагались в ряду уличной застройки, без отступа от «красной линии», как, например, дома Нагарёвых, П.И. Костерина (рис. 2), В.Ф. Бондаренко и др.¹ Некоторые особняки возводились в глубине усадьбы, отдельно от соседских строений. Таких образцов из-за дороговизны земли и функциональных неудобств, вызванных сокращением внутренней территории усадьбы (где размещались вспомогательные постройки), было немного².

Строгая регламентированность построек, наследующих традиции классицизма, сдержанность архитектуры 1860–1880-х гг. сменяется к рубежу XIX–XX вв. расцветом декоративности и украшения. Здания словно соперничают друг с другом в изобретательности оформления фасадов, разнообразии и оригинальности деталей. Зачастую подобное происходит в ущерб чувству меры, композиционного такта, соподчинённости общего и частного. К иному типологическому ряду восходят небольшие двухэтажные деревянные дома с мезонином, получившие широкое распространение в городской архитектуре рубежа столетий. Выразительность и необыкновенная теплота облика этих зда-

¹ Дом А.А. и П.А. Нагарёвых (ул. Пушкина, 104) – 1901 г., дом П.И. Костерина (ул. Пушкина, 86) – 1912 г., дом Ф.Б. Бондаренко (ул. Чернышевского, 75) – 1897–1908 гг.

² Дом М.А. Лаптева (ул. Гоголя, 27) – 1912–1913 гг., дом Е.А. Поносовой-Молло (ул. Маркса, 6) – конец XIX в., 1910 г.

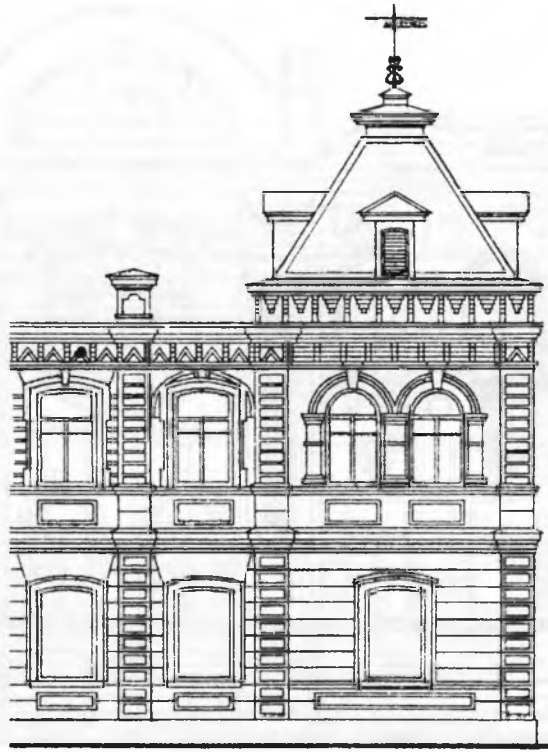

Рис. 3. Дом Р.П. Платонова Уфа, ул. Цюрупы, 38. 1906 г.

Рис. А. Кимик-Аминеевой

ний, утопавших в зелени садов, была созвучна неспешному ритму провинциального города, а пространственная среда идеально соответствовала человеку. В умении минимальными изобразительными средствами достичь композиционной ясности и выразительности образа угадывается влияние профессиональной классической архитектуры¹.

Интенсификация дорожного движения (гузевого и пешеходного), насыщенность улиц предприятиями торговли и обслуживания изменяет отношение застройщиков к городскому пространству. Улицы и особенно перекрёстки, являясь средоточием городской активности, многообразных контактов жителей, становятся важным фактором формирования особого менталитета горожан. Места пересечения центральных улиц получают принципиально иное оформление. Срезанные по диагонали, либо скруглённые углы зданий, выходящих на перекрёстки, соединяют широкими проёмами помещения первых этажей с уличным пространством. Они как бы стремились растворить интерьеры торговых заведений в городской среде и «втянуть» потоки пешеходов – потенциальных покупателей – внутрь зданий².

¹ Жилые дома в Уфе по ул. Карима, 20, Гоголя, 33, Ленина, 117, Октябрьской революции, 67, Достоевского, 50 и многие другие.

² Общество взаимного кредита (Верхне-Торговая площадь, 45) – 1910-е гг., здание торгового дома братьев Крестовниковых (Верхне-Торговая площадь, 46) – 1916 г., доходный дом Г.К. Нагеля (ул. Коммунистическая, 39) – 1875–1901 гг., дом Р.П. Платонова (ул. Цюрупы, 38 / Коммунистическая, 69) – 1906 г., др.

Развиваются силуэты построек. Строгие по очертанию карнизы и кровли эпохи классицизма сменяются разнообразными по форме, рисунку и объёму башенками, шатрами, аттиками (рис. 3–5). Парапетные тумбы соединяются декоративными коваными решётками. Дополнительным украшением свесов кровли служат живописно изогнутые водосточные воронки с орнаментом из просечного железа. Металл вводится в архитектуру и как конструкционный материал. Тонкие литые колонны, несущие элементы балочного перекрытия, позволяют сделать просторными помещения торговых залов, мощные металлические перемычки укрупняют размеры оконных проёмов. всеобщее распространение получают перекрытия в виде небольших по пролёту кирпичных сводиков, уложенных по металлическим прогонам. Литые стальные или чугунные элементы вводятся в конструкции лестничных маршей, ограждающих элементов, ступеней. В отдельных зданиях использовался монолитный железобетон¹.

Новыми типами сооружений в пореформенный период являлись здания банков (рис. 5), полицейских участков, пожарных обществ, земских управ². В Уфе и Белебее строятся здания синематографа. Отдельную большую группу сооружений представляли постройки Министерства путей сообщения. Помимо здания вокзала в Уфе, железнодорожным ведомством было возведено значительное количество станций, мостов, водонапорных башен и вспомогательных помещений. В целом их отличают высокое качество исполнения работ, рациональный (инженерный) подход к проектированию. А выверенный подбор декоративных средств, выдержанность пропорций свидетельствует об участии архитекторов с хорошей профессиональной подготовкой (например, привокзальная площадь и водонапорная башня в Давлеканово).

В сельской местности со второй половины XIX в. происходит «расслоение» общей структуры расселения. Выделяются зоны экономического роста и укрупнения населённых пунктов (торговые, трактовые сёла, волостные центры, узловые станции, пристани). Возрастает роль дорог как важнейших факторов развития планировочных структур. Но в горно-лесных и юго-восточных районах Башкирии сохраняются территории с относительно низкой плотностью населения и архаичной застройкой. Многие заводские посёлки здесь утрачивают первоначальные функции, превращаясь в обычные аграрные селения. Развитие промышленности в начале XX в. привело к строительству не только производственных, но и жилых зданий заводовладельцев в сельской местности, выполненных в основном по образцам классицизма³, тогда как в городах постройки этого стиля почти отсутствуют.

¹ Монолитные железобетонные перемычки зафиксированы автором на дворовом нештукатуренном фасаде здания (ул. Ленина, 66), при строительстве Крестьянского банка подрядчиком Я. Ларионовым были устроены бетонные перегородки (Семёнова С.Ю. Указ. соч. С. 56).

² В Уфе: здания Государственного банка (ул. Театральная, 3) – конец XIX в., Крестьянского поземельного банка (ул. Советская, 14) – 1912 г., первой и второй Пожарно-полицейских частей (ул. Октябрьской революции, 69 и Маркса, 37) – конец XIX в., Вольного пожарного общества с каланчой (ул. Ленина, 67) – 1907 г., губернской земской управы (ул. Цюрупы, 12) – 1880-е гг.; в Бирске: дом купца Коновалова (ул. Мира, 15) – конец XIX – начало XX вв., земская управа (ул. Коммунистическая, 54) – 1909–1912 гг.; в Стерлитамаке: городской общественный банк (ул. Маркса, 100) – конец XIX – начало XX вв., земская управа (ул. Маркса, 103) – 1914 г.; в Белебее – уездная земская управа (ул. Советская, 11) – 1912 г.

³ Например, дом Кабанова в с. Белянка Белокатайского района РБ (1910-е гг.), дом Ляхова в с. Знаменка Белебеевского района (1900-е гг.), дом управляющего имением Ляхова в с. Спартак Ермекеевского района (1901–1903 гг.).

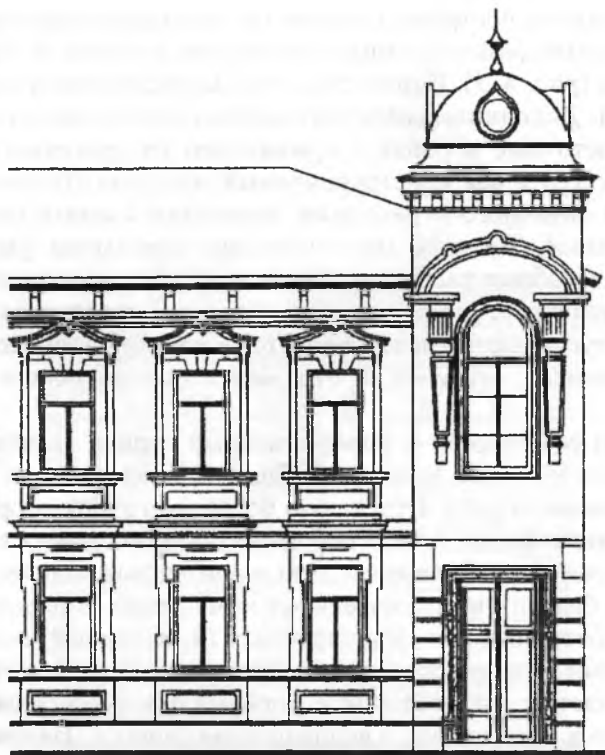

Рис. 4. Дом И. А. Чижёвой. Уфа, ул. Октябрьской революции, 17/1. Начало XX в.
Рис. А. Кимик-Аминеевой

Увеличение разнообразных междеревенских контактов, экономических связей приводило к значительному влиянию транспортных коммуникаций, как своеобразных «объектов тяготения». Также как улицы в системе городских пространств, почтовые тракты нередко становились решающим фактором структурообразования на селе, сменяя в этой роли традиционные природные доминанты (реки и др.)¹.

Большое влияние оказывало земство, занимавшееся составлением планов на устройство селений. Уже к началу 1880-х гг. такие планы были подготовлены на 39 населённых пунктов Уфимского, 56 Мензелинского, 95 Белебеевского и 153 Бирского уездов². При распланировании сёл и деревень особое внимание уделялось противопожарной безопасности. Для предотвращения быстрого распространения огня по деревянным строениям минимальная ширина улиц была увеличена до 20, а переулков – до 10 сажен (ранее было 9 и 6 саж.). В крупных селениях предполагалось устраивать специальные пожарные дворы. Земцы понимали, насколько сложно провести перепланировку на селе. Существовавшее право на земельную собственность не позволя-

¹ Щиргазин А.Р. Формирование планировочного устройства малых населённых мест Башкортостана: принципы историзма и актуальные вопросы методологии планировочного проектирования. Уфа, 2000. С. 25.

² См.: Вестник уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 7; Уфа, 1882. Вып. 3.

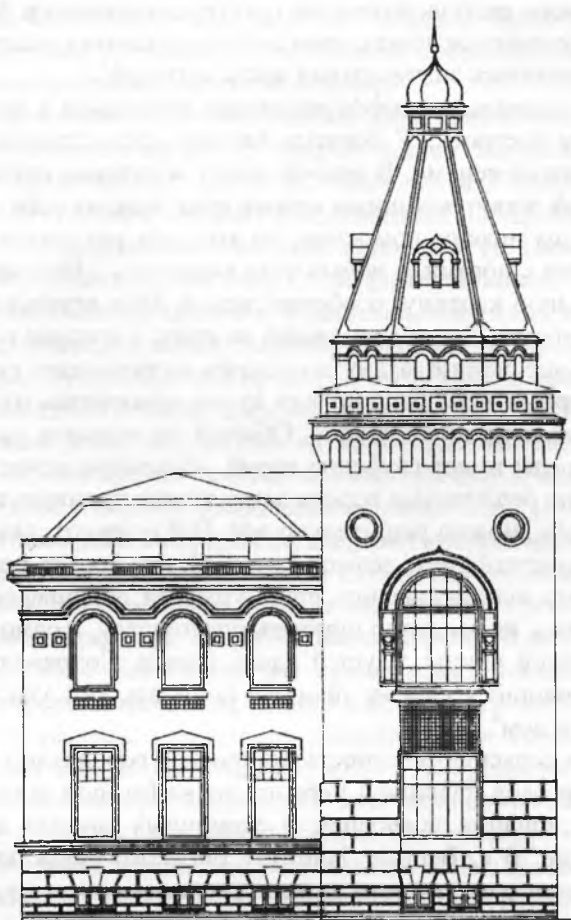

Рис. 5. Крестьянский поземельный банк. Уфа, ул. Советская, 14. 1912 г.
Рис. А. Кимик-Аминеевой

ло «никакой власти ... отнять у владельца усадьбу или заменить её другим участком». Поэтому для утверждения проекта требовалось согласие всех, без исключения, домовладельцев¹.

Рост численности населения и экономический подъём привели к формированию в крае очень крупных населённых пунктов. Современник характеризовал с. Табынск Стерлитамакского уезда как «громадное торговое село» и «село-городок»². Православный священник в 1903 г. отмечал в путевом дневнике: «Перед нами открылась огромная мусульманская деревня. Вся она тут как на ладони... Вот так деревня! прямо город, а не деревня»³. Стремительный рост с. Мелеуз, Зирган, Аллагуватово про-

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 451. Л. 2 об., 7.

² Круковский М.А. Южный Урал: путевые очерки. М., 1909. С. 14, 25.

³ Уфимские епархиальные ведомости. 1903. № 17. С. 1174.

исходил из-за удобного расположения на тракте, связывавшем Уфу, Стерлитамак и Оренбург. В придорожных селениях «сам собою» возникал «заездно-дворовый промысел», извозом занималась значительная часть жителей¹.

Внутри деревни социальная дифференциация приводила к появлению разных по размерам и качеству построек. У богатых башкир изба строилась «в две горницы, соединённых холодными сенями. В правой живут мужчины, принимаются гости, это т. н. *турьяга*, в левой живут женщины *катын ерга*; каждая изба до половины занята нарами, т. е. широким низким помостом, на котором разложены кошмы, подушки, где днём усаживаются с ногами, а ночью спят вповалку... Избушка бедного башкира представляет печальную картину, особенно зимой. Мне приходилось встречать жилища из глины и плетня не более 4 кв. сажен по полу, в которое нужно влезать, низко согнувшись. Маленькое оконце затянуто пузырьём и пропускает тусклый свет»².

К числу характерных черт башкирских аулов относилась их раскрытость, «растворённость» в окружающем ландшафте. Обычай не отделять усадьбу, само поселение от природной среды имеет глубокие корни. «Башкиры относятся к людям более доверчиво и сквозь их решётчатые ворота легко может проникнуть всяк, а уж видеть, что делается в усадьбе, можно решительно всё. Всё открыто. даже лесные башкиры, у которых в лесе недостатка нет, делают самые лёгкие ворота-решётки»³. В башкирской деревне активно использовались преимущества ландшафта, центральная площадь часто выносилась на высокую прибрежную террасу, а само село имело вид односторонне застроенной улицы, идущей вдоль берега. Сохранялись многосемейные усадьбы, когда женившийся сын не покидал родительский участок, а ставил в его глубине собственный дом⁴.

В начале XX в. в сельскую местность проникают городские традиции, появляются жилые дома с торговой функцией первого этажа (второй этаж был жилым). В их облике сказывалось влияние эклектики. В единичных случаях дома оборудовались системой канализации. В с. Верхне-Лачинтау Бирского уезда продуктовый магазин помещался в отдельном одноэтажном здании, расположенном вдоль линии застройки улицы, рядом с жилым домом⁵.

Особую роль в архитектурном облике городов и деревень играла культовая архитектура. Существенно расширилось художественное разнообразие православных храмов. В сельской местности возводятся церкви в стилях русско-византийском (с. Андреевка Аургазинский район, 1869–1872 гг.), псевдорусском (с. Богородское в пределах современной Уфы, 1877 г.), «кирпичном» (с. Кага Белорецкий район, 1899 г.), «русско-готическом» (с. Ира Куяргазинский район, 1914 г.). Развитие объёмной композиции идёт по пути увеличения вместимости храма, сужения трапезной и до-

¹ См.: О проектируемых уфимским губернским земством и другими местными учреждениями железнодорожных путей в Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 15, 18.

² *Калачев А.* Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии // Живая старина. 1899. Вып. 3. С. 325.

³ *Круковский М.А.* Указ. соч. С. 137.

⁴ См.: *Калимуллин Б.Г.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959.

⁵ Также: дома жилые с магазином в д. Калмыково Бураевского района РБ и с. Черлаул Янаульского района, дом жилой с трактиром в д. Кизганбашево Балтачевского района // Архив автора (обследования 1988 г.).

полнения основания колокольни боковыми притворами. Храмовую часть образуют высокие четырёхстолпные четверики. В экстерьере преобладают пятиглавия, шатровые и «византийские» завершения, кирпичный декор.

Наряду с расположением культовых зданий непосредственно в структуре поселений, практикуется вынесение их на периферию жилой застройки, за пределы населённого пункта на возвышенное место (с. Васильевка Стерлибашевского района, 1855–1873 гг.). При отсутствии удобных ландшафтных площадок, восприятие усиливалось возведением беспрецедентно высоких колоколен (с. Николо-Берёзовка Краснокамский, Ира Куюргазинский районы). Со второй половины XIX в. разворачивается строительство православных храмов в чувашских, татарских и др. «инородческих» селениях, в районах с большой долей старообрядческого населения¹.

На развитие в крае мусульманской архитектуры повлияли правительственные указы о снижении минимального числа прихожан мечети с 300 до 200 душ и разрешение возводить молитвенные дома, независимо от количества жителей (единственным запретом оставалось строительство мечетей вблизи селений православных и крышен). Наряду с традиционным способом расположения мечетей на угловом участке при пересечении главной улицы села с переулком, получает распространение их «островное» размещение – при слиянии трёх улиц. В этом случае силуэт мечети играл в панораме селения большую роль, одновременно замыкая перспективу трёх главных улиц (с. Барсуанбашево Чишминский район, с. Юлук Баймакский район и др.).

В народном зодчестве Башкортостана существовал устойчивый тип объёмно-планировочного построения мечетных зданий с небольшим числом вариаций. Характерными чертами оставались: ориентация длинной (а не короткой) оси здания по кыбле и выступающий михраб на консолях; визуальная целостность основного объёма мечети при непрерывной трёхчастности плана (использовался шестистенок с высоким подклетом); устройство восьмигранного остроконечного минарета на крыше и отсутствие внешней площадки для азанчи; внестилевой характер архитектуры, минимальный декор. Многие из этих особенностей были перенесены на каменные мечети, появившиеся в сёлах Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв. (с. Юлук, Верхне-Аврюзово Альшеевский район, с. Мелеуз).

С другой стороны, получают распространение новации. Происходит имитация купольного перекрытия большого молитвенного зала с одновременным смещением минарета с центра кровли к входной части (с. Лаклы Салаватский район, с. Нижне-Яикбаево Баймакский район), начинается установка двух минаретов (с. Старотошкорово Балтачевский район), устройство минарета с «перехватом» (с. Богдашкино Кугарчинский район) и внешней площадки для азанчи (с. Юлук), а также появляется сравнительно более развитое декоративное убранство экстерьера с использованием пропиленной деревянной резьбы (с. Туртык Янаульский район).

Мусульманская архитектура развивается в городах. В Уфе в 1890–1900-х гг. возводится четыре новых мечети, реконструируется здание Первой соборной мечети. В объёмно-планировочной композиции происходит смещение минарета с центра крыши к входу с последующим выделением его в самостоятельный объём, пристро-

¹ Ширгазин А.Р. Православные храмы Башкирии: история и архитектура. Уфа, 1995. С. 19, 38, 80, 86, 95, 118 и др.

енный к основному массиву здания. В Четвёртой соборной мечети (Хакимовской) усиление эмоционального воздействия достигнуто введением двух минаретов. Меняется внутреннее содержание интерьера. Происходит отказ от низкого цокольного этажа традиционных мечетей XIX в., внутреннее пространство организуется устройством единого двусветного молитвенного зала с балконами-галереями для женщин¹.

Широкое развитие народного образования привело к строительству зданий учебных заведений. Чаще это двухэтажные (реже трёхэтажные) красно-кирпичные постройки с крупными оконными проёмами, хорошо освещёнными классами и коридорами, актовым залом. Внешнее убранство их, как правило, сдержанно, лишь средняя часть главного фасада выделялась слабым ризалитом. Эти здания играли важную роль в архитектурном облике Уфы, Бирска, Белебея, Стерлитамака, а также с. Месягутово².

В целом во второй половине XIX – начале XX вв. в Башкортостане происходил бурный рост городских и сельских поселений, увеличивались объёмы строительства, возрастало стилистическое разнообразие построек. Именно в этот период сложился облик «исторических» центров городов края, было построено большое число величественных образцов гражданской и культовой архитектуры. На смену классицизму приходят эклектика, «кирпичный» стиль, ранний модерн, городские новации проникают и в сельское строительство. Впервые в истории началось возведение многоэтажных многоквартирных домов, в Уфе уплотняется застройка наиболее престижных кварталов, создаются торгово-административные и культурные центры городов. При этом сохраняются индивидуальные черты архитектуры Башкортостана, использовавшей ландшафтно-географические и этно-конфессиональные особенности края.

Изобразительное искусство. В начале XX в. позитивные сдвиги происходят и в развитии профессионального изобразительного искусства в Башкортостане. В 1910 г. в Уфе открылась первая изостудия, которую возглавил художник А.Н. Протопопов³, член правления Общества поощрения художников им. А.И. Куинджи. В 1915–1918 гг. другой изостудией в Уфе руководил живописец и график П.М. Лебедев (1882–1974), получивший образование в частной рисовальной школе в Петербурге и на педагогических курсах при Академии художеств. В 1906–1910 гг. он работал учителем графических искусств в Учительской семинарии и прогимназии в с. Благовещенский завод. Там же он открыл изостудию для начинающих художников и любителей искусства. В 1910 г. П.М. Лебедев был переведён в Уфу, где до 1918 г. преподавал рисование и историю искусств в мужской гимназии, Учительском институте и реальном училище. В 1912 г. он участвовал в работе IV международного конгресса в Гер-

¹ См.: Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Указ. соч. Уфа, 2006. Вып. 2.

² В Уфе: медресе «Усмания» (ул. Тукая, 39) – 1906 г., «Галия» (ул. Чернышевского, 5) – 1908 г., Епархиальное женское училище (ул. Тукая, 48) – 1899–1903 гг., Ремесленное училище (ул. Ленина, 7) – 1899–1903 гг., Реальное училище (ул. Коммунистическая, 23), Коммерческое училище (ул. Ленина, 61) – 1908–1912 гг.; в Бирске: Реальное училище (ул. Интернациональная, 10) – 1912 г., Коммерческое училище (ул. Курбагова, 59) – начало XX в., Женская гимназия (ул. Ленина, 30) – конец XIX в.; в Белебее: Женская прогимназия (ул. Красноармейская, 77) – около 1895 г., Реальное училище (ул. Пролетарская, 41) – 1912 г.; в Стерлитамаке: Реальное училище (ул. Комсомольская, 67) – 1910 г.; в Месягутово: Женская прогимназия – 1900–1910-е гг.

³ Уфимская жизнь. 1910. 16 апреля.

мании по вопросам художественного образования. Художник-педагог в Уфе писал картины, некоторые из которых экспонировались на выставках Товарищества передвижников в Петербурге. В созданной им уфимской изостудии начинали своё образование такие местные художники как П.В. Мальков, Л.В. Лезенков и др.¹

С 1906 г. в Уфе жила и работала живописец *М.Н. Елгаштина* (1873–1966), окончившая Высшее художественно-промышленное училище графа Строганова в Москве. На формирование её творчества большое воздействие оказали картины замечательного художника И.И. Левитана и главной темой работ М.Н. Елгаштиной стала природа Башкирии. С Уфой были связаны служба и творческая деятельность земского деятеля, депутата III Государственной Думы от Уфимской губернии, художника *Ю.Ю. Блюментала* (1870–1944). В 1894 г. он окончил Академию художеств, участвовал в выставках картин в Москве и Петербурге, был известен как мастер лирического пейзажа и портретист. Также в Уфу переезжают *В.С. Сыромятников* (1885–1974), окончивший Казанскую художественную школу и выпускник Московской школы живописи и скульптуры В.Н. Мешкова – *А.П. Лежнев* (1888–1956)².

По инициативе этих пятерых художников, а также учителей рисования учебных заведений в 1914 г. в Уфе создаётся первая организация – общество любителей живописи «Уфимский художественный кружок» (1914–1917 гг.). 31 марта 1914 г. был утверждён устав, в котором основными целями провозглашались: «а) Сближение любителей живописи, скульптуры и рисования на почве общих интересов в этой области; б) Изучение вопросов, относящихся к указанной области; содействие развитию и распространению живописи, скульптуры и рисования в районе деятельности общества»³.

Весной или в начале лета 1915 г. в Башкирию с семьёй приехал широко известный в стране художник русского авангарда *Д.Д. Бурлюк* (1887–1967), один из основоположников и теоретиков отечественного футуризма, организатор и лидер художественного общества «Бубновый валет». До весны 1918 г. Д.Д. Бурлюк жил на станциях Иглино и Буздяк, откуда постоянно ездил по близлежащим деревням, в Уфу, Челябинск, Самару, где занимался творческой работой и лекционной деятельностью, знакомя слушателей с направлениями современных живописных школ. Как вспоминал он позднее, в течение трёх «башкирских» лет «много писал красками – более 200 картин»⁴. В Уфе Д.Д. Бурлюка сразу приняли в члены художественного кружка и с этого времени началась реальная деятельность общества любителей живописи.

В октябре 1916 г. в здании губернского музея открылась первая выставка картин Уфимского художественного кружка. Она явилась знаменательным событием в жизни края. В течение трёх месяцев посетители знакомились с работами выдающихся

¹ См.: *Лебедев П.М.* Каталог выставки. М., 1961.

² *Фенина Э.Л.* Художники Башкортостана. XX век: Справочное издание. Уфа, 2002. С. 293, 300, 520 и др.

³ Цит. по: *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932). СПб., 1992. С. 319; Устав Общества любителей живописи под названием «Уфимский художественный кружок». Уфа, 1914.

⁴ Давид Бурлюк. Фактура и цвет. Произведения Давида Бурлюка в музеях российской провинции: Каталог выставки – каталог наследия / Автор вступительной статьи, составитель каталогов и разделов С.В. Евсеева. Уфа, 1994. Кн. 1. С. 24–30.

русских художников И.К. Айвазовского, А.М. Васнецова, И.И. Шишкина из частных собраний уфимцев, а также картинами 24 участников, среди которых было десять членов кружка. В выставочную экспозицию вошли 21 произведение П.М. Лебедева («Двор, серый день» – с выставки Товарищества передвижников, «Уфа у стен монастыря», «Берег реки Белой» и др.), 13 работ Ю.Ю. Блюменталья, шесть В.С. Сыромятникова и т. д. Шестью картинами был представлен учащийся Казанской художественной школы уфимец А.Э. Тюлькин (1888–1980): «Башкирские улочки», «Троицкая церковь» и пр. В 1917 г. А.Э. Тюлькин уже член Уфимского художественного кружка. Д.Д. Бурлюк выставил 20 работ, созданных в 1915–1916 гг. («Берег реки Уфимки», «Предгорье Урала» и др.)¹.

В Уфе самыми близкими друзьями Д.Д. Бурлюка становятся П.М. Лебедев и А.Э. Тюлькин. С ними он обсуждал вопросы современного искусства, бывал на этюдах, а с П.М. Лебедевым расписывал кабинет в доме одного богатого уфимца – «по стенам "скакали" красные и зелёные кони. Заказчик удивился, оплатил работу и велел стереть роспись»². В этот период А.Э. Тюлькин испытал воздействие «аналитического импрессионизма» Д.Д. Бурлюка³.

В марте – апреле 1917 г. в Уфе проходила Вторая выставка картин, организованная художественным кружком. На ней были три работы академика живописи М.В. Нестерова («Итальянский город», этюд «Няня», копия картины П. Рубенса). Свои работы представили 29 участников, из них 15 членов кружка. Д.Д. Бурлюк предложил 32 картины, среди которых семь футуристических композиций («Казак Мамай» и др.), остальные реалистического направления. В числе восьми работ Ю.Ю. Блюменталья были рисунки с натуры депутатов III Государственной Думы⁴.

Третья выставка картин состоялась в том же 1917 г. На ней экспонировал свои работы К.А. Давлеткильдеев (1887–1947). В 1907–1914 гг. он учился в Петербурге в Центральном училище технического рисования барона А.Л. Штиглица, где получил диплом «с педагогическим и декоративным уклоном», а в 1916–1917 гг. – в Академии художеств. К.А. Давлеткильдеев стал первым профессиональным художником из башкир. По возвращении в Уфу он вступает в Уфимский художественный кружок. На выставку представил по три картины и акварели («Два букета», «Сирень», «Осенний этюд» и др.). Шесть произведений предложил А.Э. Тюлькин. Из 33 участников самое большое количество работ выставил Д.Д. Бурлюк – 41 («Река Ай», «Беженцы в Уфе», «Станция Буздяк», «Уфимка. Чёлн», «Изба в Башкирии» и пр.)⁵.

Творческая деятельность местных мастеров постепенно приобретала своих поклонников. В начале XX в. среди богатых уфимцев появляются коллекционеры: сын лесопромышленника И.Н. Шамов⁶, врач В.И. Ишерский, который «покупал у Бурлюка его

¹ Каталог Первой выставки картин Уфимского общества народных университетов и Уфимского художественного кружка. Уфа, 1916.

² Давид Бурлюк. Фактура и цвет. С. 30.

³ См.: Янбухтина А.Г. Александр Тюлькин. Л., 1975.

⁴ Каталог Второй выставки картин Уфимского художественного кружка. Уфа, 1917.

⁵ Каталог Третьей выставки картин Уфимского художественного кружка. Уфа, 1917.

⁶ В 1919 г. заведующий губернским музеем А.А. Черданцев забрал остатки коллекции («галереи») Шамова – свыше 30 картин, фотографии, гравюры (в том числе Рубенса и ван Дейка), а также шесть ящиков с образцами мрамора (Архив Национального музея РБ).

этюды, написанные в реалистической манере. Кажется, были и картины футуристического направления. В столовой одна стена была увешена работами Бурлюка¹.

Подъём художественной жизни в крае встретил горячую поддержку со стороны **Михаила Васильевича Нестерова** (1862–1942). Уроженец Уфы, М.В. Нестеров получил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1877–1881 и 1884–1885) и Академии художеств (1881–1884). В 1875–1914 гг. художник многократно приезжал в Уфу, где жили его родители и сестра. Здесь он создавал ставшие классическими картины «Пустынник» (1888), «Видение отроку Варфоломею» (1889), «Юность Сергия Радонежского» (1891). В 1892 г. – работает над вариантом «Юности Сергия», в 1895 г. написал «Монахов (Под благовест)» и «Чудо». В 1905–1906 гг. он собирает в Башкирии материалы для новых работ. Вдохновлённый красотой родной природы, художник вспоминал: «еду в Уфу, оттуда на Урал до Миасса... Пошли Таганаи – Большой, Малый. То там, то здесь видны горные, полные по краям быстрой воды, реки. Вот и Юрюзань, многоводная, сильная. Она величаво катит свои воды почти в уровень берегов... Суровый, прекрасный край моя родина². Под впечатлением пейзажей Башкирии художник создаёт новые произведения: «Река Белая» (1909), «На Урале», «На реке Белой» и др.³

Примерно в 1905 г. М.В. Нестеров выступает с идеей «создать музей в Уфе» из личного собрания картин, этюдов, скульптуры и «поднести его в дар городу⁴». Уфимская общественность предложила расположить картинную галерею в строящемся Аксаковском народном доме. В 1913 г. М.В. Нестеров оформил документы на передачу своего собрания «законным порядком». Оно включало 30 работ дарителя и картины русских художников И.И. Левитана, А.К. Саврасова, И.Е. Репина, И.И. Шишкина, К.А. Коровина, М.А. Врубеля, А.Я. Головина и др. В июне 1914 г. и сентябре 1915 гг. М.В. Нестеров осмотрел Аксаковский дом и выяснил, что его открытие отложено до окончания войны. Коллекция была доставлена в Уфу только в 1919 г. и стала основой собрания Башкирского государственного художественного музея, с 1954 г. носящего имя М.В. Нестерова⁵.

Таким образом, в начале XX в. в Башкирии складывается первое объединение художников, что способствовало развитию художественного образования и эстетического воспитания населения. Складывается профессиональное изобразительное искусство, начинается творческий путь таких крупных мастеров живописи, как К.А. Давлеткильдеев, А.Э. Тюлькин и др. Большое влияние на формирование местной художественной школы оказали, работавшие здесь, художники М.В. Нестеров и Д.Д. Бурлюк.

¹ Воспоминания Елизаветы Ищерской // Давид Бурлюк. Фактура и цвет. С. 46.

² *Нестеров М.В.* Воспоминания. М., 1989. С. 102–104, 138–139, 176–178, 183, 221–222, 229, 299–300, 303.

³ М.В. Нестеров. Каталог / Автор-составитель И.А. Севостьянова. Уфа, 1984; Произведения М.В. Нестерова в собрании Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова. Альбом / Автор-составитель Э.В. Хасанова. Уфа, 2004.

⁴ *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 300.

⁵ Там же. С. 369, 372; М.В. Нестеров. Каталог; Изобразительное искусство Башкирской АССР. Альбом / Автор-составитель Г.С. Кушнеровская. М., 1974.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XIX – начало XX вв. была одним из ключевых периодов в истории Российского государства. В 1861 г. император Александр II отменил рабство, несовместимое с цивилизованным обществом, позорившее великую европейскую державу. Серия реформ, последовавших за отменой крепостного права, коренным образом преобразовала страну. Началось поступательное движение в направлении формирования рыночной экономики, складывания основ местного самоуправления, либерального государственного устройства. За несколько десятилетий Россия совершила огромный рывок в культурном и экономическом развитии – железные дороги и пароходное сообщение соединили удалённые территории, выросли современная машинная индустрия и кредитно-финансовая система, начались урбанизация, складывание социальной структуры капиталистического общества, выдающиеся успехи были достигнуты в науке и культуре.

Но модернизация империи проходила тяжело. С одной стороны, полунатуральное крестьянство, объединённое в сотни тысяч поземельных общин, слои горожан-разночинцев (мещанство, интеллигенция и пр.) крайне враждебно встретили вторжение рынка, разрушавшего их традиционный образ жизни, приносившего бедствия и разорение. Кроме того, закостенелый административный аппарат, само архаичное государственное устройство (самодержавная монархия в лице консервативных императоров Александра III и Николая II), куцее местное (земское и городское) самоуправление, когда всеми делами заправляла незначительная верхушка региональной элиты, не соответствовала новому уровню общественного и культурного развития.

Постепенная трансформация многоукладной империи прерывалась естественными и неизбежными кризисами, наиболее сильным из которых стала революция 1905–1907 гг. Кризисы имели разрушительные последствия, но медленно «продвигали» российское общество в направлении конституционной монархии. Манифест 17 октября 1905 г., создание выборного высшего законодательного учреждения – Государственной Думы, провозглашение гражданских свобод стали важнейшим результатом революции. Однако наступившая в 1914 г. глобальная катастрофа Первой мировой войны прервала процесс реформирования, Россия, как и остальные континентальные империи (Германская, Австро-Венгерская, Османская), не выдержала системного кризиса. В феврале 1917 г. утратившее поддержку народа самодержавие рухнуло из-за стихийного восстания в Петрограде. Началась антибуржуазная, традиционалистская революция.

В огромной Российской империи процессы индустриальной модернизации сильно различались по регионам. Уфимская губерния оказалась на «границе» двух социально-экономических зон. На северо-западе края, как в центрально-чернозёмных и средневолжских губерниях, к началу XX в. наступали аграрное перенаселение, малоземелье, разрушение экологии. Задышавшееся от нехватки пашен и покосов общин-

ное крестьянство вырубало леса, распахало все пригодные участки земли и стало претендовать на владения соседних дворян и купцов. В деревне царила бедность, малопосевные, полунатуральные семьи составляли до 60% населения, складывался слой потомственных пауперов. Господствовавшая капиталистическая экономика являлась лишь оболочкой, абсолютное большинство населения существовало не по законам рынка. Нарастал острейший социальный конфликт, который стал основным противоречием для всей России.

В Оренбургской, на юге и северо-востоке Уфимской губерний происходили совершенно иные процессы. Как и в степных чернозёмных губерниях и областях южной Украины, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Сибири, здесь сохранялась высокая обеспеченность землёй, а спрос на товарное зерно способствовал возникновению предпринимательского хозяйства. В деревне доминировал фермер-кулак, в руках которого находилась подавляющая часть сельскохозяйственного производства. Во многих волостях прослойка сельских предпринимателей составляла значительную часть населения. В начале XX в. здесь быстрыми темпами шла механизация аграрного сектора экономики, наивысших успехов достигла Столыпинская реформа.

В развитии Южного Урала особую роль сыграла транспортная революция, в первую очередь проведение Самаро-Златоустовской железной дороги через Уфу и Челябинск (1888–1892 гг.). Регион оказался на важнейшей, стратегической коммуникации из Европы в Азию, круглогодичное сообщение связало край со всем миром. В общероссийском рынке Башкирия специализировалась на поставках зерна и леса. Важнейшее значение сохраняли чёрная металлургия и золотодобыча. Интенсивное социально-экономическое развитие привело к возникновению разнообразных отраслей промышленности (пищевой, лёгкой, строительных материалов, лесопереработки и пр.). Но, как и по стране в целом, развитие индустрии, процессы урбанизации происходили здесь слишком медленными темпами. Избыточное население сельских общин не уходило в города, что приводило к росту напряжённости в деревне.

Региональные отличия сказывались в общественной жизни. Более высокий уровень развития Южного Урала обусловил достаточно спокойную обстановку, отсутствовало сколько-нибудь заметное крестьянское движение (даже во время революции 1905–1907 гг.). Антиправительственное подполье опиралось на узкий слой городских маргиналов, молодёжь из рабочих и учащихся. Средний класс, предприниматели, квалифицированный пролетариат уфимских железнодорожных мастерских и горных заводов постепенно разочаровывались в радикальных идеях. С другой стороны, уровень управления регионом не соответствовал новым условиям. Первый глубокий кризис 1905 г. обнаружил всю слабость провинциальных властей (государственных, земских, городских), отсутствие поддержки в массах, опору исключительно на вооружённую силу. В феврале 1917 г. революция пришла в Башкортостан «по телефону», региональная верхушка была сброшена за считанные дни.

Вторая половина XIX – начало XX вв. была одним из важнейших этапов и в судьбах башкирского народа. Отмена кантонной системы в 1860-е гг. привела к распаду прежней башкирской (военно-административной) элиты. Исчезновение самой государственной структуры (Башкирского войска), вокруг которой происходила консолидация башкирского этноса, принципиально изменила ситуацию. Начался медленный раскол общемусульманского тюркоязычного единства (размежевание земель

вотчинников и припущенников, влияние татарской буржуазии). Во второй половине XIX в. отсутствовали городские центры со значительным башкирским населением; среди собственной интеллигенции не было духовных и политических лидеров, чётко отделявших себя от иных тюркских народов. Слабость башкирского общества ярко показала эпоха «свободной торговли», распродажи родовых угодий.

Важнейшим институтом, вокруг которого сохранялось единство башкирского народа, являлось вотчинное право. Башкиры-вотчинники юридически оставались полноправными (коллективными частными) собственниками своих обширных владений. Высокая обеспеченность землёй вотчинников (в среднем в несколько раз выше, чем у припущенников) сохраняла устойчивость башкирского самосознания, это была своеобразная «экономическая граница» между этносами. По всем исследованиям в Уфимской, Оренбургской, Самарской и др. губерниях на рубеже XIX–XX вв. башкиры-вотчинники почти никогда не отказывались от самоназвания «башкир».

Обстановка начала меняться с конца XIX в. Быстрое экономическое развитие, образование на юге и северо-востоке Башкортостана фермерского хозяйства непосредственно сказались на судьбах башкирского народа. Формируется достаточно многочисленный слой сельских предпринимателей из башкир, гуманитарная интеллигенция, низовой (волостной) управленческий аппарат, духовенство, увеличивается доля башкир среди городского населения. Складывавшийся башкирский «средний класс» способствовал развитию собственной литературы и театра, воспринимал достижения русской и европейской культуры, участвовал в мусульманской реформации (джадизм). А с началом революции 1917 г. новая башкирская элита активно включилась в политическую борьбу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- АВ СПб ФИВ РАН – Архив восточных рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ГАСО – Государственный архив Самарской области
- ЗГАО – Златоустовский городской архивный отдел
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан (Казань)
- НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- ФАРИСК ИИЯЛ УНЦ РАН – Фонд арабграфичных рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа)
- ЦГАОО РБ – Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (Уфа)
- ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив РБ (Уфа)
- ЦСУ РСФСР – Центральное статистическое управление РСФСР

ПРИЛОЖЕНИЯ

Во втором томе заканчивается публикация материалов Всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1917 г. по Оренбургской губернии (**приложение № 1**). Ниже приводятся сведения по волостям Троицкого и Челябинского уездов, территории которых либо находятся в административных границах современной Республики Башкортостан, либо там проживает башкирское население. В публикации материалов переписи 1917 г. наименования национальностей даются в современном варианте – не великороссы, а русские, не малороссы, а украинцы, мишари а не мешеряки. Все названия сёл и деревень приводятся точно по первоисточнику, исправлены только явные ошибки, которые удалось установить.

Сокращения: х. – хутор, отр. – отруба, д. – деревня, с. – село, Т-во – товарищество (коллективная частная земельная собственность), св. нет – сведений нет (то есть этой информации не было у оренбургских статистиков в 1917 г. во время обработки результатов переписи, карточки были утеряны или население отказалось давать сведения). Если цифра (или буква) плохо прочитывалась в источнике и нами примерно восстановлена, она подчёркнута. Некоторые населённые пункты представляли собой выселки из более крупных деревень, информация по ним в списке приводится по «материнскому» селению, в этом случае указывается: смотри такой-то №.

В **приложение № 2** включены данные волостных правлений Пермской губернии за 1908 г., где также имелись башкирские деревни (современные Пермская, Свердловская, Челябинская области и самые северные земли Республики Башкортостан – Краснокамский и др. районы). Материалы пермской статистики отличаются тем, что все населённые пункты сгруппированы по общинам (сельским обществам) – низшей административной единице в царской России, являвшейся одновременно и поземельным союзом. Башкирские общины (общества) в Пермской губернии были разные: простые, когда одна деревня или деревня с выселком составляли общину, и сложные. В последнем случае жители нескольких селений выступали совместными владельцами-собственниками всех угодий, вместе избирали сельского старосту. В начале XX в. на Южном Урале завершался процесс размежевания земель башкир-вотчинников, когда каждой деревне выделялись собственные угодья, но в Пермской губернии этот процесс к 1908 г. ещё не был закончен. Сведения в приложении № 2 получены не путём подворной переписи, опроса всех домохозяев как в 1917 г., а от волостной администрации (старшин, писарей). Поэтому разночтения в записях сословия и национальности отражают не точку зрения рядовых жителей, а понимание, самоидентификацию низовой элиты.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.
Алфавитный список населённых мест
Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной
и поземельной переписи 1917 г.

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
ТРОИЦКИЙ УЕЗД				
<i>Байсакальская волость</i>				
1	Байсакалово	башкиры	59	290
2	Иксаново	башкиры	58	274
3	Карагужино	башкиры	63	361
4	Кутуково	св. нет	—	—
5	Суюндюково	св. нет	—	—
<i>Вознесенская волость</i>				
1	Вознесенское	русские	659	3421
<i>Кирыбинская волость</i>				
1	Кирыбинское	русские	332	1711
<i>Мулдакаевская волость</i>				
1	С. Байрамгулово	башкиры	109	556
2	С. Ильчикулово	башкиры	80	423
3	С. Кучуковское	башкиры	66	351
4	Мулдакаево	башкиры	101	509
5	Мулдашево	башкиры	140	726
6	Руд. Мокрая яма	русские	4	12
7	Судеймановское	башкиры	88	452
8	Суюндуково	башкиры	82	441
9	Ялчигулово	башкиры	54	244
<i>Поляковская волость</i>				
1	Поляковка	русские	504	2632
<i>Сызгинская волость</i>				
1	Карбашево	башкиры	40	148
-2	Кардоны Гос. леса	св. нет	—	—
3	Мухалитово	башкиры	39	179
4	Сактаевское	башкиры	42	197
5	Сиитово	башкиры	95	476
6	Силякина	башкиры	21	100
7	Уразбаево	башкиры	69	340
<i>Тунгатаровская волость</i>				
1	Абзаково	башкиры	48	261
2	Авязовское	башкиры	66	348
3	Абсалямово	башкиры	61	331
4	Бурангулово	башкиры	36	170
5	Байрамгулово	св. нет	—	—
6	Ильчагулово	св. нет	—	—

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоёго пола
7	Каримово	башкиры	186	877
8	Кужаево	башкиры	96	463
9	Курамино	башкиры	156	746
10	Кучурово	св. нет	–	–
11	М. Муйнаково	башкиры	67	344
12	М. Балдуг	башкиры	29	134
13	Мулдакаево ¹	св. нет	–	–
14	Мулдашево	св. нет	–	–
15	Рудник мокрая яма	св. нет	–	–
16	Сейтебеково	башкиры	44	195
17	Ст. Муйнаково	св. нет	–	–
18	Ст. Балбуково	башкиры	59	323
19	Сулейменово	св. нет	–	–
20	Суюндуково	св. нет	–	–
21	Выс. Суюндук	св. нет	–	–
22	Татлымбей	башкиры	43	231
23	Тунгатаровское	башкиры	239	1198
24	Тюляковское	башкиры	73	351
25	Ялчигулово	св. нет	–	–

ЧЕЛЯБИНСКИЙ УЕЗД

Заманиловская волость²

23	Пятиозерное	башкиры	24	118
----	-------------	---------	----	-----

Карасёвская волость

1	Аджитарово	мишари	393	1971
2	Бахаревское	башкиры	271	1440
3	Жарковское Т-во	русские	13	91
4	Зайкова	русские	2	16
5	Карасевское	башкиры	343	1830
6	Каксардино или Барангулово	башкиры	227	1112
7	Киреевский х. мельн.	русские	14	123
8	Казанцевский х.	св. нет	–	–
9	Какаревское	русские	8	47
10	Мансурово	мишари	290	1456
11	Сафакулово	башкиры	235	1213
12	Сумоклино	мишари	180	958

Катайская волость

1	Аскароро	башкиры	36	154
2	Аскароро	башкиры	32	132
3	Аскароровское	башкиры	42	185
4	Аракай	см. № 9	–	–
5	Байгалинское	башкиры	82	460
6	Буздукуль	см. № 54	–	–
7	Бухарово	башкиры	68	332
8	Ваганово	башкиры	2	19

¹ Смотри Мулдакаевскую волость. Повторная запись? – *сост.*² Всего в волости 27 селений, главным образом русские.

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоого пола
9	Гайтово	башкиры	60	267
10	Гайтовская заим.	русские	9	51
11	Забни Габердицово	башкиры	34	160
12	Ильясово	русские	3	29
13	Ильясовское	башкиры	76	376
14	Искандерово	башкиры	34	154
15	Казаккулово	русские	136	667
16	Казаккуловская	русские	7	48
17	Казенная Статья	см. № 62	—	—
18	Копейкина	украинцы	5	25
19	Кобылинская	см. № 12	—	—
20	Коблинская	см. № 55	—	—
21	Кильевская	башкиры	8	39
22	Куйбаково	башкиры	58	272
23	Куйбаковская	башкиры	2	28
24	Кулсаринское	башкиры	57	262
25	Кобылинская	см. № 13	—	—
26	Кашкуль	см. № 68	—	—
27	Катулово	св. нет	—	—
28	Ляготина	башкиры	2	32
29	Майлык	см. № 44	—	—
30	Монатово	башкиры	39	195
31	Монатово	башкиры	52	224
32	Монатово	башкиры	14	63
33	Муртазы	см. № 7	—	—
34	Н. Аминово	башкиры	44	242
35	Никонова Заилья	русские	2	12
36	Н. Ильясово	башкиры	19	67
37	Н. Искандарова	башкиры	8	35
38	Н. Юламанова	башкиры	54	263
39	Парамоновка	русские	36	272
40	Подьясово	башкиры	20	101
41	Подьясово	башкиры	13	78
42	Подьясовское	башкиры	2	12
43	Подьясовское	башкиры	7	47
44	Судеймановское	башкиры	65	280
45	Сорочья	см. № 70	—	—
46	Статья Утичьа	украинцы	41	260
47	Статья № 3	русские	26	147
48	Статья № 5	украинцы	7	48
49	Статья № 6	русские	45	288
50	Статья № 8	русские	16	78
51	Статья № 10	св. нет	—	—
52	Статья № 11	св. нет	—	—
53	Статья № 12	русские	45	276
54	Статья Юлеманово	башкиры	23	83
55	Танрыкулово	башкиры	115	537
56	Терегулово	см. № 54	—	—
57	Темяково	башкиры	29	136
58	Тунгуевская	башкиры	41	207

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
59	Туманово общ.	см. № 3	—	—
60	Тумаковское	русские	30	178
61	Тунгуевское	башкиры	4	27
62	Торгун	см. № 54	—	—
63	Убалина	башкиры	25	119
64	Упалы	см. № 60	—	—
65	Шагаевский	русские	31	200
66	Шаляпинское № 10	русские	45	272
67	№ 11 Шалитинский уч.	русские	36	235
68а	Шарыпово	башкиры	23	89
68б	Шарыпово	башкиры	72	333
68в	Шарыпово	башкиры	32	140
69	Шарыпова Заимки	русские	9	63
70	Шамуранская	см. № 51	—	—
71	Шганово	башкиры	72	362
72	Шагаево	башкиры	23	94
73	Юломаново	русские	7	44
74	Чагостина Заимки	св. нет	—	—

Мавлютовская волость

1	Араткул. 2-е Заим. на з.д.	русские	15	131
2	Архипова мел. заим.	русские	8	63
3	Ераткуловское	башкиры	58	274
4	Кульсаринское	башкиры	102	527
5	Мавлютово I	башкиры	131	600
6	Заим. б. д. Мавлютова	русские	16	166
7	Заим. на з. позем. бан.	русские	17	125
8	Рыкаева I	башкиры	69	311
9	Рыкаева II	башкиры	20	67
10	Туркаева	башкиры	27	127
11	Утебаевская	башкиры	13	61

Метелевская волость

1	Абдырево	башкиры	85	371
2	На ст. Абдыров. имен.	св. нет	—	—
3	Аргаяш ст. Ом. ж. д.*	русские	57	345
4	Бигюкова	башкиры	32	130
5	Божикаево	башкиры	123	616
6	Божикаевская заимка	русские	13	103
7	Б. Ультраковское	башкиры	49	195
8	Будка 216	св. нет	—	—
9	Дарбишево	башкиры	115	465
10	Ишмалино	башкиры	113	519
11	Картугай Заимка	русские	11	68
12	Кр. Банка Заимка	русские	8	52
13	Кр. поз. Банка Заимка	русские	16	114
14	Кусеньбаево	башкиры	31	129
15	Левощевское	башкиры	108	500

* Омская железная дорога.

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
16	Мало-Ультраковское	башкиры	31	139
17	Маражанбаевское	башкиры	46	199
18	Метелево	башкиры	122	612
19	Молевых Заимка	св. нет	—	—
20	Мамбетово	башкиры	20	94
21	Мратова	башкиры	37	139
22	Н. Соболевка	башкиры	116	511
23	Плаксина Заимка	русские	5	48
24	На зем. позем. Банка заимка	русские	3	13
25	Разъезд 180	св. нет	—	—
26	Сатлыковское	русские	111	516
27	На зем. д. Сатлыковой заимка	русские	14	85
28	На зем. Сатлыковой заим.	русские	18	142
29	На зем. Соболев. заим.	башкиры	29	211
30	Супхангулово	башкиры	9	39
31	Суфиной д. заим.	башкиры	7	48
32	Суфино	башкиры	49	246
33	Сюряково	башкиры	56	262
34	На зем. Ультрак. заим.	башкиры	2	16

Мухамет-Кулуевская волость

1	Айбатово	башкиры	50	226
2	Акбашевское	башкиры	156	739
3	Алишево	башкиры	71	319
4	Альмесво	башкиры	65	286
5	Байгузинское	башкиры	66	317
6	Байрангуловское	башкиры	154	643
7	Безпалово	русские	6	45
8	Б. Куйсарино	башкиры	173	791
9	Б. Медиак	башкиры	63	290
10	Г-во Губертово	русские	9	73
11	Давлетбаево	башкиры	69	324
12	Ераткулово	башкиры	71	360
13	Заимки	русские	54	456
14	Имангуловское	башкиры	7	37
15	Исянгильдино	башкиры	200	857
16	Ишкинино	башкиры	43	195
17	Козыревское	башкиры	39	161
18	Крутолаповское	русские	33	193
19	Кузяшево	башкиры	152	704
20	Кулсарино I-е	башкиры	117	533
21	Кулакаевское	башкиры	75	314
22	Курамшино	башкиры	60	255
23	Мало-Исянгильдино	св. нет	—	—
24	М. Кулсаринское	башкиры	33	148
25	М. Кулуево	башкиры	74	336
26	М. Медиак	башкиры	9	50
27	Мамаево	башкиры	54	247
28	Мустафино	башкиры	69	279
29	Мухамедкулово	св. нет	—	—

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
30	Селяевское	башкиры	103	511
31	Сирюсино	башкиры	55	247
32	Соколова	см. № 7	—	—
33	Скютокова	башкиры	45	202
34	Тамлянский	св. нет	—	—
35	Тляукаево	башкиры	17	79
36	Т-во Тугузбаевское	русские	6	47
37	Туйгуново	башкиры	42	160
38	Туктубай	башкиры	133	621
39	Усманово	башкиры	82	357
40	Халитово	башкиры	14	65
41	Ялтырево	башкиры	104	547
42	Яраткулово I	св. нет	—	—

Сарт-Калмыкская волость

1	Абдульменево	башкиры	48	241
1а	Абдульменево I-а	башкиры	79	378
1б	Абдульменево I-б	башкиры	23	130
2	Абултаево	башкиры	61	314
3	Азналкинское	башкиры	50	270
4	Азнатино	башкиры	58	262
5	Аптыкаевская	башкиры	155	772
6	Арасланово	башкиры	48	232
7	Арасланово	башкиры	7	34
8	Баккай	св. нет	—	—
9	Башкирцева	см. № 68	—	—
10	Баязитово	башкиры	71	354
11	Биккантинская	украинцы	9	62
12	Бикбердино	башкиры	170	768
13	Бугуевское	русские	5	45
14	Бурматова	русские	15	121
15	Бурыл. Айгирово	башкиры	68	292
16	Бороздино	русские	19	91
17	Бокаевка	башкиры	124	621
18	Б.-Султаново	башкиры	325	1478
19	Буманскуловское	русские	14	70
20	Варду	русские	2	13
21	Власово	русские	4	21
22	Дрыгино	русские	2	19
23	Жигай	русские	41	226
24	Земниковское	русские	8	41
25	Земринговка	украинцы	21	170
26	Ибрайкульская	русские	10	68
27	Илимбейская	русские	4	28
28	Ибдрашитово	башкиры	81	397
29	Кашкалык	русские	15	105
30	Кужакульское	русские	18	139
31	Куисанова	башкиры	110	545
32	Кутурды	русские	8	58
33	Куяпская	украинцы	11	65

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоого пола
34	Кудрявцева	русские	1	4
35	Камаров	русские	2	22
36	Котлубаево № 1	башкиры	73	289
36а	Котлубаево № 2	башкиры	9	30
37	Марьякова	св. нет	—	—
38	Мало-Султаново	башкиры	115	556
39	Мезенцева уч.	св. нет	—	—
40	Мезенковский х.	св. нет	—	—
41	Мышикаево	башкиры	84	429
42	Мухаметово	башкиры	42	202
43	Мурзабаево	башкиры	93	510
44	Маганцева	русские	3	14
45	Магилевская заим.	русские	6	22
46	Михайловка заим.	св. нет	—	—
47	Мизюрки	русские	10	57
48	Ново-Кусай	русские	2	19
49	Орехова	русские	2	26
50	Покровское I-е	русские	19	154
50а	Покровское II-е	украинцы	16	122
51	Прудок	русские	9	59
52	Сарт-Абдрашитово	башкиры	104	490
53	Сибашево	башкиры	52	265
54	Сибашево I-е	башкиры	32	146
54а	Софиевка	башкиры	31	214
55	Соколовская	башкиры	20	121
56	Сулейманово	башкиры	16	89
57	Субботинка	русские	9	64
58	Суторшина	русские	3	18
59	Тунгунское	русские	8	54
60	Угеевка	башкиры	63	284
61	Улубанская	русские	12	100
62	Уравай	русские	3	16
63	Хохланская	русские	9	72
64	Хромовская	русские	2	13
65	Хитринский	св. нет	—	—
66	Шафеевское	башкиры	34	187
67	Шафеевка	башкиры	84	359
68	Шамурино	см. № 50	—	—
69	Щучанская	русские	8	61
70	Япак	башкиры	21	124
71	Фёдоровская	украинцы	29	193

Султаевская волость

1	Ахмостина Заим.	русские	3	23
2	Б. Илембетово	башкиры	31	147
3	Б. Кузубаево	башкиры	96	381
4	Бегушева	св. нет	—	—
5	Гурова Заимка	русские	2	11
6	Даутова	башкиры	43	197
7	Заимка	св. нет	—	—

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоёго пола
8	Игуминово	русские	8	56
9	Ишимганово	башкиры	75	365
10	Кайпулово	башкиры	36	154
11	Каракаево	башкиры	56	263
12	Лезина I-я заимка	русские	4	32
13	М. Илембетово с.	башкиры	11	45
14	М. Кuebаево с.	башкиры	47	226
15	Мансурово д.	башкиры	27	127
16	Мелентьева Заимки	русские	8	50
17	Морозова заимки	русские	3	17
18	Муртазина д.	башкиры	42	181
19	Нокаевское	башкиры	78	349
20	Нугуманово	мишари	253	1317
21	Плаксина заим.	русские	6	37
22	Сакулова	башкиры	29	152
23	Сулгаево	башкиры	162	736
24	Сураковское	башкиры	135	604
25	Седельникова заим.	русские	4	35
26	Тляугаево	башкиры	69	313
27	Тогузбаевское	башкиры	35	151
28	Тохтамышево	башкиры	38	164

Черлинская волость

1	Абилкаева	башкиры	44	202
2	Аканкина	св. нет	–	–
3	Б. Яумбаева	башкиры	52	216
4	Заимка	русские	3	19
5	Изяшево	башкиры	50	232
6	Кузубаево	башкиры	52	229
7	Курманово	башкиры	121	564
8	М. Яумбаево	башкиры	45	177
9	Моисеево	башкиры	71	319
10	Назаровский выс.	св. нет	–	–
11	Саргайды	св. нет	–	–
12	Шамгулово	башкиры	15	72

Источник: Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Оренбург, 1917. С. 28–29 (Троицкий уезд), 31–33, 36–40 (Челябинский уезд).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.
Башкирские селения Пермской губернии
по сведениям волостных правлений за 1908 г.

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ УЕЗД				
Карабольская волость				
Мякотинское общество				
Алабуга	108	696	вотчинники – башкиры	на оз. Алабуге, мечеть, селение распланировано ¹
Голикаева (Урускуль)	68	333	вотч. – башкиры	на оз. Урускуле, мечеть
Сатлыкова	57	319	вотч. – башкиры	на оз. Урускуле, мечеть
Бердениш	125	737	вотч. – башкиры	на оз. Берденише, мечеть, распланировано
Кирпичик	19	98	вотч. – башкиры	на оз. Кирпичике, мечеть
Иткульское общество				
Средний Иткуль	39	186	вотчинники и припущенники – башкиры	мечеть
Ключи	42	215	то же	мечеть
Даутова	38	189	то же	
Кульмяковская волость				
Кульмякова (или Алькина)	55	269	вотч. – башкиры	при ключе, волостное правление, земская станция ²
Зыранкуль	39	188	вотч. – башкиры	при ключе, мечеть
Биктимирова	35	167	вотч. – башкиры	на озере, мечеть
Ямантасва	14	93	вотч. – башкиры	на речке
Юздашева	33	186	вотч. – башкиры	на речке, школа
Кулужбаева (Итьжбаева)	45	199	вотч. – башкиры	на речке, мечеть, школа
Загильшина (или Пороховая)	6	37	вотч. – башкиры	
Саринская волость				
Осановское общество				
Сарина (Сары)	150	823	вотч. – башкиры	на оз. Калдах, мечеть, земская школа
Сулейманова (или Юкина)	26	146	вотч. – башкиры	на оз. Калдах
Шарапкулова	49	257	вотч. – башкиры	на оз. Шарапкуле
Назарова	23	133	вотч. – башкиры	на р. Тече
Большая-Таскина	47	280	вотч. – башкиры	на оз. Калдах, мечеть
Малая-Таскина	18	104	вотч. – башкиры	на р. Тече
Старо-Асанова	76	417	вотч. – башкиры	на р. Тече, мечеть, волостное правление, фельдшерский пункт
Ново-Асанова	81	451	вотч. – башкиры	на р. Тече, мечеть

¹ Местной администрацией в селении была проведена «правильная» (геометрическая) планировка дворов и усадеб по разработанным планам с учётом санитарных норм и рельефа местности.

² Земская почтовая (ранее ямская) станция, где проезжавшие получали свежих лошадей.

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Итбаева (Сытаева, Малая Ассенова, Этбаева)	18	123	вотч. – башкиры	на р. Зюзелке
Булагова	55	312	вотч. – башкиры	на р. Зюзелке, мечеть

Аязгуловское общество

Аязгулова (или Старая)	72	349	вотч. – башкиры	на р. Зюзелке
Курткачакова (Улогач, Сараклинина)	23	119	вотч. – башкиры	на оз. Улогаче
Утебаева (Мещеряк, Семаркина)	10	56	вотч. – башкиры	на р. Зюзелке
Старо-Соболева (или Тик-Турды)	27	138	вотч. – башкиры	на р. Зюзелке
выс. Назиров	5	25	вотч. – башкиры	на р. Зюзелке

Карагайкульское общество

Каинкуль	51	277	припущенники – башкиры	на оз. Карагайкуле
Карагайкуль	64	320	то же	на оз. Карагайкуле
Ибрагимова (Большой Суртаньш, Сунабаева)	54	295	то же	на оз. Суртаньше
Сарикульмякова (Пимик, Шигаева)	98	546	то же	при болоте Сарбалык
Апакова (Камарскалы)	25	119	то же	на оз. Марскалах
Кармаскаль	8	39	то же	на оз. Марскалах
Суртаньш (или Шуран)	15	94	то же	на оз. Суртаньше

КРАСНОУФИМСКИЙ УЕЗД

Азигуловская волость

Верх.-Азигуловское, Ниж.-Азигуловское и Ибаткинское общества

Азигулова	331	1147	вотч. ¹ – башкиры	на оз. Удое, мечеть, школа, волостное правление, земская станция, еженедельный базар по субботам, ярмарки: 25 января и 11 ноября – трёхдневные, распланировано
-----------	-----	------	------------------------------	--

Биткинское общество

Биткина	33	132	бывшие государственные – башкиры	на р. Удое, мечеть, распланировано
---------	----	-----	----------------------------------	------------------------------------

Старобиткинское общество

Старая-Биткина	74	352	то же	на р. Удое, мечеть, распланировано
----------------	----	-----	-------	------------------------------------

Усть-Манчажское общество

Усть-Манчаж	68	365	тептяри ¹ – башкиры	на р. Удое, мечеть, распланировано
-------------	----	-----	--------------------------------	------------------------------------

¹ Разряд указан: «башкиры вотченники», народность – башкиры.

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Бакийковское общество				
Бакийкова	133	635	то же	на р. Удос, мечеть, распланировано
Рахмангулова	9	34	то же	на р. Удос
Бахметевское общество				
Бахметева	76	240	то же	на р. Манчаже, мечеть, распланировано
<i>Ачитская волость</i>				
Больше-Турьшинское общество²				
Верхний или Малый Турьш	62	345	бывшие государственные – башкиры	на р. Иргише, распланировано
Гайнинское общество				
Гайны	95	548	то же	на р. Бисерте, мечеть, распланировано
<i>Больше-Окинская волость</i>				
Больше-Окинское общество				
Большая Ока	389	2308	припущенники и вотчинники – русские, башкиры и татары	на р. Большой Оке, три мечети, земская школа, волостное правление, земская станция, еженедельный базар по вторникам, ярмарки: 20 февраля и 15 ноября, обе четырёхдневные, распланировано
<i>Белянковская волость</i>				
Белянковское общество				
Белянка	101	544	башкиры-вотчинники – башкиры	на р. Белянке, мечеть, земская школа, волостное правление, земская станция, фельдшерский пункт, распланировано
Каипова (Каипка)	61	334	то же	на р. Тунканде, распланировано
Перевозная (Арганча)	25	122	то же	на р. Уфе, распланировано
Каркеевское общество				
Каркеева	66	386	то же	на р. Тунканде, мечеть, распланировано
Ново-Маскаринское общество				
Ново-Маскара (Мошкара)	75	397	то же	на р. Куржалке, распланировано

¹ Тептяри – здесь сословие.

² В самой деревне Больше-Турьшево проживали бывшие государственные – татары.

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Старо-Маскара (Ангастак)	57	382	то же	на рр. Ангастаке и Ситаре, распланировано
Старо-Юлдашева	21	120	то же	на р. Уфе, распланировано
Ашасва (Куржалга)	25	177	то же	на р. Куржалге, распланировано
Ново-Юлдашевское общество				
Ново-Юлдашева (Исакова)	61	338	то же	на р. Ике, распланировано
Юсупова (Шуранка)	21	94	то же	на р. Сурдоме, распланировано
Аптрякова (Шуранка)	33	160	то же	на р. Сурвяже, распланировано
Верх-Белянковское общество				
Верх-Белянка	25	136	то же	на р. Белянке
<i>Белянковская волость</i>				
Белянковское общество				
Белянка	101	544	башкиры-вотчинники – башкиры	на р. Белянке, мечеть, земская школа, волостное правление, земская станция, фельдшерский пункт, распланировано
<i>Утинская волость</i>				
Нижне-Потамское общество				
Усть-Сарга (Черегулова)	30	152	бывшие государственные – башкиры	
<i>Шокуровская волость</i>				
Шокуровское общество				
Шокурова с выселком Тюльгаш	215	1557	вотч. – башкиры	на р. Шокуровке, мечеть, земская станция, земская школа, волостное правление
Перепряжка (Аккуль)	58	326	вотч. – башкиры	на р. Шараме, мечеть
Уфа-Шигиринское общество				
на р. Уфе, мечеть	93	497	вотч. – башкиры	на р. Уфе, мечеть
Акбашевское общество				
Акбашева	106	474	вотч. – башкиры	на р. Шараме
Артя-Шигиринское общество				
Артя-Шигири (Мавлюкаева)	96	457	вотч. – башкиры	на р. Арте
Гляшинское общество				
Тимирбаева (Сорочка)	44	230	вотч. – башкиры	на р. Оке
Такина	67	341	вотч. – башкиры	на р. Усть-Машке, мечеть
Гляшкова (Гляшева)	95	454	вотч. – башкиры	на р. Суе
Ишалина	61	286	вотч. – башкиры	на р. Суе, мечеть

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
<i>Ювинская волость</i>				
Рахмангуловское общество				
Рахмангулова	118	666	башкиры-вотчинники ¹ – татары	на р. Уфе, мечеть, распланировано
Бишкова	38	215	то же	на р. Уфе, мечеть, распланировано
Усть-Баякское общество				
Усть-Баяк	135	685	башкиры-вотчинники и припущенники – татары	на р. Баяке, мечеть, распланировано
Коянкова	35	165	то же	распланировано
Сызгинское общество				
Сызги	176	901	«вотчинники и припущенники» – татары	на р. Сызге, мечеть, распланировано
Озерковское общество				
Озерки	141	753	вотчинники – татары	на р. Уфе, мечеть, распланировано
Усть-Бугальшское общество				
Усть-Бугальш	191	942	вотчинники и припущенники – татары	на р. Бугальше, мечеть, распланировано
ОСИНСКИЙ УЕЗД				
<i>Бардымская волость</i>				
Аклушинское общество				
Аклуши	255	1256	вотч. – башкиры	на р. Аклуше, мечеть
Бичуринское общество				
Бичурина или Узун-Ялан	360	1826	вотч. – башкиры	на р. Барде, мечеть
Бардымское общество				
Барда или Казмак	528	2600	вотч. – башкиры	на р. Казмаке, мечеть, фельдшерский пункт, базар по средам, однодневные ярмарки: 5 сентября и 24 ноября
Тюндюковское общество				
Тюндюк	222	1079	вотч. – башкиры	на р. Тюндюк, мечеть
Верх-Шлыкское общество				
Верх-Шлыки	86	431	вотч. – башкиры	на р. Шлыке, мечеть
Ново-Чатовское общество				
Ново-Чатова	57	261	вотч. – башкиры	на р. Чаговой
Утаевское общество				
Утай или Утаева	34	212	вотч. – башкиры	на р. Утае

¹ Разряд (сословие) указан в виде: «башкиры вотчинники», народность – татары.

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Красноярское общество				
Краснояр или Арзынаул	647	3167	вотч. – башкиры	на р. Тулве, мечеть, школа, волостное правление, земская станция
Мостовинское общество				
Мостовая или Сюзда	83	453	вотч. – башкиры	на р. Мостовой, мечеть
Чатовское общество				
Чатовая или Верх-Казмак	98	506	вотч. – башкиры	на р. Чатовой, мечеть
Бардабашевское общество				
Бардабашка	82	515	вотч. – башкиры	на р. Барде, мечеть
Баршанда (выс.)	3	20	вотч. – башкиры	
Больше-Гондырская волость				
Ильметевское общество				
Аксаитова	234	1151	башкиры-вотчинники ¹ – башкиры	на р. Арде, 2 мечети, распланировано, базар по понедельникам
Ильметева	94	769	то же	при ключе Ильмете, мечеть, распланировано
Маматеева	103	516	то же	при колодцах, мечеть, распланировано
Юсупов (пос.)	48	232	то же	при ключе Маловодном, мечеть
Елпачихинская волость				
Елпачихинское общество				
Елпачиха или Удик	478	2601	вотч. – башкиры	на р. Малой Амзе, 2 мечети, русско-башкирская школа, волостное правление, земская станция, еженедельный базар по четвергам
Уймужевское общество				
Уймужева	285	1229	вотч. – башкиры	на р. Уймуж, мечеть
Ольховка (выс.)	17	61	вотч. – башкиры	
Уймужевское общество				
Уймужева	285	1229	вотч. – башкиры	на р. Уймуж, мечеть
Ольховка (выс.)	17	61	вотч. – башкиры	
Федорковское общество				
Федоркова или Ушмутчи	215	1061	вотч. – башкиры	на р. Малой Амзе, мечеть
Акбашевское общество				
Акбаш или Амзеш	220	1218	вотч. – башкиры	на р. Большой Амзе, мечеть

¹ Сословный разряд записан в форме «башкиры вотчинники».

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Кудашевское общество				
Кудашева	131	458	вотч. – башкиры	на р. Большой Амзе, мечеть
Юкшур (пос.)	45	98	вотч. – башкиры	при ключе Юкшур
Кузмяровское общество				
Кузмярова или Баяул	270	1680	вотч. – башкиры	на р. Большой Амзе, мечеть
Березниковское общество				
Березники или Кайнаул	262	1431	вотч. – башкиры	на р. Чиризе, мечеть
Чалковское общество				
Чалкова или Бакчаул	94	570	вотч. – башкиры	на р. Тулве, мечеть
Ишимовское общество				
Ишимова или Тубанаул	163	934	вотч. – башкиры	на р. Чиризе, мечеть
Чувашаевское общество				
Чувашаева или Яматай-аул	43	262	вотч. – башкиры	на р. Большой Амзе, мечеть
Ишменевское общество				
Ишменева или Ишманаул	41	348	вотч. – башкиры	на р. Тулве, мечеть
Быков выселок	9	40	вотч. – башкиры	
Канюковское общество				
Канюкова или Арамаул	65	372	вотч. – башкиры	на р. Тулве, мечеть
Усть-Тунтуровское общество				
Усть-Тунтурова или Таваул	210	1386	вотч. – башкиры	на р. Тулве, мечеть
Большой Илянчик (пос.)	5	27	вотч. – башкиры	на р. Илянчике
Малый Илянчик (пос.)	10	40	вотч. – башкиры	на р. Илянчике
Искиревское общество				
Искирь	126	640	вотч. – башкиры	на р. Искире, мечеть
Актыбаевское общество				
Актыбай	32	161	вотч. – башкиры	на р. Тулаче
Кувиинское общество				
Кувия	38	157	вотч. – башкиры	на р. Кувии
Зирминское общество				
Зирмия	29	142	вотч. – башкиры	на р. Зирмии
<i>Ново-Артауловская волость</i>				
Ново-Артауловское общество				
Новый Артаул или Янгыки	132	746	вотч. – башкиры	на р. Варяше, 2 мечети, волостное правление
Варяш	94	533	вотч. – башкиры	на р. Варяше, мечеть
Варяш-Баш или Шатун	48	308	вотч. – башкиры	на р. Варяше, мечеть
Урада	88	408	вотч. – башкиры	на р. Ураде, мечеть

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Таш-Илга или Шурали	32	158	вотч. – башкиры	на р. Буге, мечеть
Пулат-Илга или Пулатка	81	416	вотч. – башкиры	на ключе Пулатке, мечеть
Ошья-Тау	28	174	вотч. – башкиры	на р. Ошье, мечеть
Искаков пос. или Байтугай	19	104	вотч. – башкиры	на ключе Калдаулы
Бедряж-Актау	56	310	вотч. – башкиры	на р. Восаде, мечеть
Чишмина или Таш-Тау	51	354	вотч. – башкиры	на ключе Чишмине, мечеть
Актаева или Карман-Актау, Белая гора	50	276	вотч. – башкиры	на р. Ямьяде, мечеть
Чангакуль	39	237	вотч. – башкиры	на ключе Чангакуле
Хмелевка (пос.)	31	197	вотч. – башкиры	на р. Хмелевке, мечеть
Вояда	68	388	вотч. – башкиры	на р. Вояде, мечеть
Турьги	93	491	вотч. – башкиры	на р. Вояде, мечеть
Акылбай	39	205	вотч. – башкиры	на р. Вояде
Байсар	42	277	вотч. – башкиры	на ключе Среднем Баргаше

Сарашевская волость

Сарашевское общество

Сараша	507	2134	вотч. – башкиры	на р. Тулве и Сарашке, 3 мечети, волостное правление, русско-башкирская земская школа, базар по вторникам, двухдневная ярмарка 19 сентября
Дегтярка (выс.)	4	21	вотч. – башкиры	на р. Сарашке
Чапчальда (выс.)	9	40	вотч. – башкиры	на р. Чапчальде

Верх-Ашапское общество

Верх Ашапова или Новая деревня	115	643	вотч. – башкиры	на р. Ашапе, мечеть
--------------------------------	-----	-----	-----------------	---------------------

Сюзьяновское общество

Сюзьянова	122	613	вотч. – башкиры	на р. Сюзьяне, мечеть
-----------	-----	-----	-----------------	-----------------------

Султановское общество

Султанаева	241	1187	вотчинники и припущенники – башкиры и тептяри	на р. Тулве, 2 мечети, магомтанское училище «Медрессе» ¹
------------	-----	------	---	---

Батырбаевское общество

Батырбаева	115	587	вотч. – башкиры	на рр. Неню и Батырбаевке, мечеть
Брюзлы или Бурузлева	76	365	вотч. – башкиры	на р. Брюзлы, мечеть

Усть-Шлыковское общество

Усть-Шлыки	58	280	вотч. – башкиры	на р. Ашапе, мечеть
------------	----	-----	-----------------	---------------------

Старо-Ашапское общество

Старо-Ашапова	48	235	вотч. – башкиры	на р. Ашапе, мечеть
---------------	----	-----	-----------------	---------------------

¹ Так в источнике.

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Искильзинское общество				
Нижняя Искильзя	66	348	вотч. – башкиры	на р. Карачайке, мечеть
Верхняя Искильзя	32	194	вотч. – башкиры	на р. Искильзе
Таныпское общество				
Таныпова	298	1368	вотчинники и припущенники – башкиры и тептяри	на рр. Тулве и Ермии, 2 мечети, магометанское училище «Медрессе»
выс. Талый Ключ	5	23	то же	на р. Ермии

ПЕРМСКИЙ УЕЗД

Кояновская волость

Кояновское общество

Коянова (Гасимки)	411	1975	вотч. – башкиры	на р. Мулянке, мечеть, волостное правление, земская станция, распланировано
-------------------	-----	------	-----------------	---

Култаевское общество

Култаева	290	1359	вотч. – башкиры	на рр. Мулянке и По-мельничной, мечеть, земская школа, распланировано
----------	-----	------	-----------------	---

ШАДРИНСКИЙ УЕЗД

Аминевская волость

Аминевское общество

Аминева	80	452	вотч. ¹ – башкиры	при Моховых озерах, волостное правление, земская станция
Акчувашева или Чебакуль	79	423	то же	на озере Чебакуль
Ибрагимова	63	258	то же	на р. Тече
Ятикова или Каракульмак	11	65	то же	на р. Тече
Надырова	26	173	челябинские мещане – башкиры	на р. Тече

Буринская волость

Буринское общество

Бурина	146	755	вотч. – башкиры	на озере, мечеть, одноклассное министерское училище, волостное правление, земская станция, распланировано
--------	-----	-----	-----------------	---

¹ Сословие (разряд) в этой волости указано как «башкиры вотчинники», народность – башкиры.

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Юмагулова или Малые Сыгряна	30	152	вотч. – башкиры	на оз., распланировано
Баязитова	47	275	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано
Капканова	58	293	вотч. – башкиры	на оз., распланировано
Кубагушева или Ганькина	44	263	вотч. – башкиры	на оз., распланировано

Ашировское общество

Аширова	50	262	вотч. – башкиры	на оз., распланировано
Аливкулова (Халитова)	46	231	вотч. – башкиры	на оз., распланировано
Махмутова	50	269	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, земская школа, распланировано
Мосеева или Моськина	49	276	вотч. – башкиры	на оз., распланировано

Байбускаровское общество

Байбускарова	71	419	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано
Иксанова	75	427	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано

Кунакбаевское общество

Кунакбаева	100	537	вотч. – башкиры	на р. Бичкурке, мечеть, земская школа, распланировано
Казыкбаева (Купчумова)	75	422	вотч. – башкиры	на р. Караболке, мечеть, распланировано
Кызылова или Казылова	116	639	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано
Султанаева или Скайлы	32	199	вотч. – башкиры	на р. Караболке, распланировано
Чекурова	65	342	вотч. – башкиры	на р. Караболке, мечеть, распланировано

Муринское общество

Мурина	78	507	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано
Карина или Большие Сыгряна	39	233	вотч. – башкиры	на р. Симе, распланировано
Серкина	66	407	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано

Халитовское общество

Халитова или Тахталым	90	571	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано
Баракова или Буксаева	60	315	вотч. – башкиры	на оз., мечеть, распланировано
Ильчигулова	23	117	вотч. – башкиры	на оз., распланировано

Кызылбаевская волость

Кызылбаевское общество

Кызылбай	367	1933	вотч. – башкиры	на озере без названия, мечеть, русско-башкирское
----------	-----	------	-----------------	--

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
Кырчина	21	118	вотч. – башкиры	училище министерства народного просвещения, волостное правление, земская станция на оз., мечеть
Терсюкское общество				
Терсюк	326	1728	вотч. – башкиры	на р. Терсюке, мечеть, русско-башкирское министерства народного просвещения училище
Ичкинское общество				
Ичкина	381	2123	вотч. – башкиры	на р. Ичкине, мечеть, русско-башкирское мип училище
Сибиркинское общество				
Сибиркина	94	533	вотч. – башкиры	на р. Ичкине, мечеть
<i>Теченско-Башкирская волость</i>				
Муслюмовское общество				
Муслюмова	590	3520	вотчинники и припущенники – мешеряки	на р. Тече, 3 мечети, земская школа, волостное правление, земская станция
Курмановское общество				
Курманова	506	2872	то же	на р. Тече, 3 мечети
Кунашакское общество				
Кунашак	949	6227	то же	около оз. Кунашака и в 1½ вер. от оз. Уельги, 4 мечети, земская школа, приёмный покой, еженедельный базар по четвергам
Борисовское общество				
Борисова	150	850	то же	при оз. Катабаш-Куле и в ½ вер. от оз. Камыш-Куля, мечеть
Султановское общество				
Султанова или Сашшты	119	703	то же	около оз. Сашшты, мечеть
Исаевское общество				
Исаева	122	661	вотч. – башкиры	на р. Тече, мечеть
Гауртуринское общество				
Гауртурина	99	640	бывшие государственные – мешеряки	на р. Тече, мечеть

Населённый пункт	Дворов	Человек	Сословие и народность	Примечания
<i>Тюляковская волость</i>				
Тюляковское общество				
Тюлякова	82	430	вотч. – башкиры	на р. Караболке, мечеть, земская школа, волостное правление, земская станция
Мало-Тюлякова (Тюбальяр)	19	102	вотч. – башкиры	на р. Караболке
Иркабаева	73	357	вотч. – башкиры	на р. Караболке, мечеть
Мало-Иркабаева или Бакиева	18	120	вотч. – башкиры	на р. Караболке
Серикаевское общество				
Серикаева	45	244	вотч. – башкиры	на р. Караболке, мечеть
Канзафаровское общество				
Канзафарова или Каразбаева	74	398	вотч. – башкиры	при озере Уельге, мечеть
Ильтиндинова или Тамакова	24	145	вотч. – башкиры	при оз. Уельге
Арыковское общество				
Арыкова или Кулембетова	68	392	вотч. – башкиры	при оз. Уельге, мечеть
Соболева	48	264	вотч. – башкиры	при оз. Уельге
Мансуровское общество				
Мансурова	78	439	вотч. – башкиры	при колодцах, мечеть
Сапогова	17	92	вотч. – башкиры	при колодцах
<i>Усть-Багарякская волость</i>				
Нижнедеревенское общество				
Нижняя	638	3853	вотч. – башкиры	на р. Синаре, земская школа, волостное правление, земская станция, фельдшерский пункт, 2 мечети, еженедельный базар по средам, распланировано
Новодеревенское общество				
Новая	501	3064	вотч. – башкиры	на р. Синаре, 2 мечети, распланировано
Усмановское общество				
Усманова	240	1477	вотч. – башкиры	на р. Багаряке, мечеть, школа грамоты

Источник: Список населённых мест Пермской губернии. Екатеринбургский уезд. Пермь, 1908. С. 24–25, 27–28, 43–45.

Список населённых мест Пермской губернии. Красноуфимский уезд. Пермь, 1909. С. 9, 19, 22, 24–25, 61, 64–67.

Список населённых мест Пермской губернии. Пермский уезд. Пермь, 1908. С. 55.

Список населённых мест Пермской губернии. Осинский уезд. Пермь, 1908. С. 18–20, 23, 39–41, 53–54, 73–74.

Список населённых мест Пермской губернии. Шадринский уезд. Пермь, 1908. С. 8, 15–17, 35, 52–56.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3
Добыча золота в Башкортостане в 1910 г.

Таблица показывает добычу россыпного и жильного (в таблице – ж) золота в 1910 г.
в Уфимской и Оренбургской губерниях в пудах, фунтах, золотниках, долях*.

Прииск	Владелец (арендатор)	Кто разрабатывал	Число рабочих	Добыто золота
Уфимский горный округ Уфимской губернии				
Верхне-Авзянский	Общество Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов		225	6-30-37-33
Горный			12	0-5-53-87 (ж)
Осиновый лог			45	0-18-39-69
Каменный ключ			–	–
разведки			32	0-0-91-6
Кургашлинский	Товарищество Гамьяно-Тангаурских золотых промыслов		2109 (?)	5-6-47-70
Шатакский			622	1-13-29-57
Снежный			115	0-8-19-23
в Тептяро-Учалинской казённой даче Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии				
Куруелгинский	А.Н. Жемчужников	А.Г. Кузьмин	27	0-3-49-81
Борис-Николаевский	А.Г. Кузьмин		10	0-0-4-78
Петропавловский	Д.И. Андреева	А.Г. Кузьмин	10	0-0-73-22
Успенский	М.Т. Герасимов	В.Ф. Ягодкин	11	0-0-29-49
Александровский	Иверское золото-промышленное товарищество	В.Ф. Ягодкин	14	0-2-7-69
Мариинский			11	0-0-80-1
Иверский	Иверское золотопром. т-во		12	0-0-34-8 (ж)
Валентиновский	В.А. Ратьков-Рождов		12	0-0-7-53
Александровский	Рязановы	А.М. Баталин	10	0-2-71-24
Елизаветинский	М.Я. Ильичев		11	0-0-41-86
Крестовоздвиженский			11	0-1-88-36 (ж)
Алексеевский	К.П. Козьмин	С.П. Прибылев	6	0-0-16-10
Надеждо-Вознесенский	наследники М.Т. Тимофеева		4	0-4-3-66 (ж)
Спасо-Воскресенский	С.Е. Серовиков		5	0-0-41-3 (ж)
Николае-Святительский	К.А. Глухих		4	0-0-7-0
Казанский			4	0-0-12-0
Вознесенский	Тептярская золотопромышленная компания		32	4-18-49-86 (ж)
Сергиевский			32	1-16-45-90 (ж)
Алексеевский			10	0-0-45-80

* 1 пуд = 40 фунтов = 16,38 кг; 1 фунт = 96 золотников = 0,40951 кг; 1 золотник = 96 долей = 4,266 г; 1 доля = 44,4 мг.

Прииск	Владелец (арендатор)	Кто разрабатывал	Число рабочих	Добыто золота
Василие-Николаевский	Е. Польте	Тептярская зол. компания	12	0-0-13-14 (ж)
Надеждинский	Тептярская з. к.		10	0-0-42-78
Марие-Магдалинский	Т-во химических зав. П.К. Ушков и К ^о	А.С. Прибылев	48	0-1-34-37
Благословенный	Д.П. Поносов		12	0-0-2-2
Александровский	н-ки С.Г. Глазунова		10	0-0-3-91
Ольгинский	Н.В. Покровский		4	0-0-0-14
Алтын Бар			16	0-0-10-73
Николае-Святительский	И.Г. Баталин		12	0-0-25-24
Муртыкты	Тептярская золотопромышленная компания		25	0-2-61-56 (ж)
Керебие			10	0-0-87-4 (ж)
Орский уезд, в дачах Преображенского завода				
Уваряжский	В.Н. Охотников		23	0-35-30-3 (ж)
Орский уезд, в дачах башкир-вотчинников				
Владимирский	башкиры- вотчинники	М.З. М.С. Рамеев	5	0-2-67-0
Ганалыкский		конкурсное управле- ние по делам Д.И. Ан- дреевой	84	0-30-27-6
Мрасовский			61	0-18-8-63
Уртазым-Горяевский			20	0-3-58-45
Каратальский		М.Ш. М.С. Рамеев	18	0-8-62-12
Таруллинский	10		0-0-43-26	

Источник: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 году. СПб., 1913. С. 34-37, 52-55, 60-63. Последний (Таруллинский) прииск, видимо, находился на р. Тараулы, приток р. Большого Кизила. На территории РБ располагался также ряд приисков Мулдакаевской дистанции в Миасской казенной даче.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдрафикова Г.Х., 249
Абдулахатов Н.Р., 27
Абдулахатов Н.Р., 27
Абдулвагапов А., 176
Абдуллин С., 150
Абдюшев Дж., 291
Абрамов А. (А.Ф.), 167, 168
Абульхайр, 250
Абызгильдин Г., 15
Абызгильдин З., 179
Абызгильдин Ш., 91
Авдеев (Кибардин) В.В., 51
Авдонин И.М., 162
Аверьяновы (Е.К. и С.А. Аверьяновы), 121
Авижанская С.А., 231
Аврех А.Я., 208
Агиш С., 292
Аглиуллины В., Г., 213
Адагуров И.В., 120
Адельгейм братья, 297
Адрианов Г., 97
Азаматов Д. Д., 6
Азаматов Д.Д., 7, 9, 11, 12, 14
Азаматова Г.Б., 276
Азеф Е.Ф., 163
Айвазовский И.К., 322
Акбаев А.А., 132
Акмулла М., 12, 243, 244, 245, 246, 247, 251, 252, 253, 254, 256, 258, 261
Аксаков Г.С., 8
Аксаков С.Т., 294, 312
Аксакова, 304
Актюря, 262
Акчурин Ю., 87, 88, 92, 181, 301
Алексакин В.М., 165
Александр П., 22, 29
Александр III, 11, 49, 114, 255, 281, 324
Александра Фёдоровна, 24
Александров Ф.А., 224
Алексеев А.А., 220
Алексеев В.И. (В.), 63, 81, 165
Алексей, 50
Алисов Г., 90
Алкин К., 25
Алкин С., 90, 301
Алмазова, 295
Алтыбаев М., 132
Алтыгужин Х., 8
Алфеев И., 275
Альтгаузен Е., 235
Амвросий, 36
Аминев З.А., 222
Аминев Ш., 262
Аминев-Тамъяни Ш., 262
Аминов Т.М., 288
Аминова Л.Я., 278
Амиров Х., 261
Амирхан Ф., 300
Амирханов Р.У., 247
Анастасия Кузьминична, 39
Андреев Г., 81
Андреев И.Ф., 217
Андреев Л.Н., 298
Андреев П.А., 205
Андреев, 295
Андреева Д.И., 116, 117
Андреев-Бурлак В.Н., 296
Андрей (Ухтомский), 26, 32, 33, 200
Андроник, 57, 68
Антоний III (Храповицкий), 26
Ануфриев М., 120
Аптекарь М.И., 47
Аралбаев И., 292
Арашков В.А., 123
Арбенин И.Ф., 297
Арон М.М., 131
Архипов Ф.И., 213
Арчыбашев М.П., 298
Арчыбушев В.П., 167, 168, 206, 219
Аршаруни А., 92, 94
Асабин И.М., 191
Асадуллина Д.В., 78
Асаченкова Т.М., 311
Асеев И.С., 59
Асеев М.В., 115, 192
Атанова Л.П., 293
Атнагулов С., 151
Афанасьев Н., 55
Ахмадиев В.И., 245, 247, 253
Ахмадиев Ф.В., 249
Ахметьянов А., 152
Ахметьянов К., 253
Ахтямов А. (А.А.), 25, 74, 87, 89, 90, 180, 182
Ахтямов И.А., 159, 180, 209, 210, 218, 227, 228
Ахтямов К., 299
Ахтямов Х., 179, 299
Ахтямовы братья, 179, 299
Ахун, 300

- Бабенко В.Я., 230
 Бабич Ш., 247, 248, 249, 257, 265, 291, 301
 Бабичев М.-З., 122
 Басв И.П., 128, 129
 Баишев М., 275
 Баишев Т.Г., 248
 Баишев Ф.Н., 257
 Байбурун З., 91, 174, 178
 Байдосов Т.В., 36
 Байтеряков Г.Х. (Г.), 159, 180
 Бакиев З., 132
 Бакулин, 61
 Бакыргани С., 251
 Балахонцев С.П., 74
 Балашов А.Н., 113
 Балашов И.П. и Н.П., 112
 Балашова Е.А., 112
 Баранов А.М., 159
 Бартольд В.В., 280
 Батыршин Г.Ф. (К.), 106
 Бахметьев Б.А., 114
 Башилов П.П., 20, 158, 181, 200, 214, 216, 217
 Баязитов Б., 91
 Баязитов М., 22
 Баязитов М., 22, 23, 24, 25
 Баязитов С., 177
 Безак А.П., 8
 Безруков А.Ф., 207
 Безруков И.Н., 164, 167
 Бекчурин М., 11
 Белавин К.К., 277
 Белицер В.Н., 241
 Белкин И.С., 38
 Белов В.К., 207
 Белов П.И., 36
 Белорецкий Г.П., 273
 Белосельский-Белозёрский К.Э., 113
 Белосельский-Белозёрский С.К., 114
 Белослудцева Т.П., 120
 Белоусов П., 32
 Беляев Д.В., 189
 Беляев, 61, 307
 Беляков И. (И.М.), 167, 207
 Бережковский В.Н., 29
 Бернштам Т.А., 27
 Берштейн Д.П., 124, 161
 Бигиев М., 246, 301
 Биглов М.М. (М.), 75, 93
 Бикбаев Р.Т., 249
 Бикбулатов Н.В., 230, 231
 Бикметев М., 202
 Бикмухамметов И., 258
 Биктимировы Н. и Х., 251, 279
 Бикчентаев И.М., 292
 Бинбаум, 40
 Биньковский Э.Н., 111
 Бисярин В.Г., 208
 Благоев Д., 76
 Блохин Н.К., 28, 124, 270, 294
 Блюменталь Ю.Ю., 158, 321, 322
 Бовин И.А., 100
 Богданова З., 300
 Богин Ш.А., 47
 Богоров Л.Л., 109
 Боиович М.М., 75, 158
 Бойкова Л.И., 62, 77
 Боков П.М., 164
 Болашенко С., 97
 Болотин П.А., 123
 Бондаренко В.Ф., 313
 Борель, 203
 Бородин Д.И., 131
 Брагин (А.М.), 127, 186
 Брагинский Д.М., 162
 Бриллиантов А.И., 229
 Бронтманы Б.Г., О.Г., 162
 Брусничина В.А., 133
 Бруснянин В.В., 273
 Брюханов Н.П., 76, 77, 167, 168, 206, 218, 222, 223, 224, 227, 228
 Буби Г., 280
 Бубликов А.А., 215
 Будилович А.С., 87, 281
 Буевич В., 64
 Букейханов А., 90
 Булгаков, 223
 Булгаков Р.М., 6
 Булгаков Р.М., 249
 Булгарский Б., 300
 Буляков И.К., 249
 Бунаков Н.Ф., 277
 Бунин В.И., 220
 Бунин И.А., 274
 Бунин С.М., 131
 Буранбай-Яркай, 250
 Бурангулов М., 250, 263
 Буранов Ю.А., 113, 114, 115, 116, 196
 Бурлюк Д.Д., 321, 322, 323
 Бурнаш Ф., 300
 Бусов Г.А., 67, 68, 69, 70, 157
 Бухартовский Г.Г., 68, 69
 Быховский Н.Н., 71, 208, 215, 229
 Бычков И.Д., 74
 Бюллеры (А.Д., Я.А.), 168
 Вагин Н.Г., 162

- Вайнгольд, 201
Вакуленко М.В., 306
Валеев Г., 151
Валеев М.А., 6
Валидов А.-З. (Заки Валиди Тоган), 152, 247, 301
Валидов Дж., 284, 292
Валиев Ф., 247, 263
Вандервельде Э., 270
Варзаносцев С.Н., 189
Варламов К.А., 297
Васева Х.Я., 214
Васильев А., 33
Васильев В.М., 43, 44
Васильев М., 34
Васильев С.М., 61, 192, 195, 198, 199, 204, 223, 225
Васильева Н.О., 298
Васильева О.В., 33
Васильев-Гладков П.М., 295
Васинский Д.Д., 160
Васнецов А.М., 322
Вахитов В., 103
Вдовенко А., 99
Вегер И.С., 167
Ведерников Д.Н., 61
Верди Д., 296
Верниковская Н.В., 71, 287
Верниковский А.И., 208, 218
Верниковский И. (И.В.), 222
Верниковский И.А., 161
Верстовский А., 296
Вершинин С., 39
Вехтер Н.С., 295, 296
Видавский И.И., 30
Видинеев В.И., 122, 294, 312
Вилимс Г.М., 148
Вилонов Н.Е., 76
Вильданов А.Х., 249
Виталий (Митяев), 35
Витте С.Ю., 86
Вишневский А.Л., 297
Владимиров, 293
Вогау, 97, 114, 115, 194
Воецкий Н., 33
Волин Б.М., 77
Волков Д.С., 274
Волков Я., 137
Волков-Кривуша С., 296
Воробьев Н.И., 240
Врубель М.А., 323
Вяземский, 173
Вячкилев К.Ф., 109, 218, 226
Габаша Х.-Г., 261, 262
Габдельманов М., 262
Габдраков М.-Ш., 150
Габдрахманов Х., 281
Габдулхаков Р.Б., 53, 54, 59, 79, 80
Габидуллин Х., 92, 94
Габитов Х., 247, 249, 263
Габитова Р.Х., 51, 77, 78
Габит-сэсэн, 250
Гаврилов Д.В., 193
Гаделгареева Р.Г., 236, 237
Газизов А., 172
Гайнуллин М., 259, 261
Гайнуллин Н., 300
Галанов В., 81
Галанов В.Д., 165
Галанов М., 68
Галиев Г., 262
Галимов А., 131
Галунов А.И., 106
Галуновы, 107
Галютдинов И.Г., 6
Гарденин С.Ф., 77, 167
Гареев И.С., 6
Гаспринский И., 87, 92, 182, 246
Гауптман Г., 301
Гафури М., 247, 248, 257, 263, 264, 265, 267, 291, 310
Гвоздикова И.М., 2, 6
Ге Г.Г., 298
Гебих Г.А., 217
Геннадий (Беляев), 35
Герасименко А.И., 144
Герасимов Т.Р., 144
Гизатуллина (Гизатуллина-Волжская) С., 300, 301
Гильманов И., 212
Гиндин И.Ф., 114
Гиневский В.П., 206, 219, 222, 223
Гиневский П.Ф., 67, 68
Гоголев В.А. (Ф.А.), 106
Гоголь Н.В., 295, 298, 300
Голдырев, 208
Головин А.Я., 323
Горев Ф.П., 296, 298
Горемыкин И.Л., 92, 210, 215
Горин А.П., 297
Горохов С.П., 106
Горохова Е.С., 120
Гороховы, 119
Горький А.М., 270, 298, 300
Горяев К.П., 116
Готовцев К.В., 164, 168

- Грачёвы, 120
 Грибоседов А.С., 295, 298, 300
 Григорьев А.А., 217
 Григорьев Д.В., 40
 Григорьев П.Н., 289
 Гринкова П.Н., 241
 Груздёвы братья (Н.А., Б.А., В.А.), 109
 Грунский И.П., 76
 Губайдуллин Х., 300
 Гуго Марк, 115
 Гудков Г.Ф., 112, 115
 Гудкова З.И., 112, 115
 Гузаков М. (М.В.), 78, 162
 Гузаков П. (П.В.), 81, 167
 Гуленин И.Т., 202
 Гуляев А.А., 127, 275
 Гуменский И., 275
 Гумери Г. (Гумари Г., Гумер Г.), 247, 262, 263, 292
 Гурвич Н.А., 274, 275, 294, 310
 Гурьянов В., 83
 Гусаров Ю.В., 133
 Густомесов В., 63, 81
 Гутман И.И., 53, 61, 83, 124, 171, 197
 Гутоп Г.В., 67, 74, 158, 159, 208

 Давлетбаев Б.С., 273
 Давлетбаев И., 214
 Давлеткильдеев К.А., 322, 323
 Давыдов В.П., 168, 222
 Данилко Е.С., 35, 38
 Даньев А., 32
 Дегтярёв А.Н., 126
 Деев В.М., 122
 Дервиз фон С.П., 116
 Джалиль М., 292
 Джантюрин С.С. (С.), 67, 74, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 103, 179, 180, 182, 209, 211
 Диаконов А., 39
 Дик А.А., 191
 Дионисий (Хитров), 26
 Дионисий, 34
 Дмитриев-Мамонов В.А., 110
 Добротворский П.И., 271, 272, 273
 Доброхотов Ф.П., 133
 Долгов П.Ф., 172
 Дольский М., 298
 Донской Х., 91
 Дрейфус Л., 106, 107
 Дубровин А.И., 69
 Дударь Е.И., 215
 Дудоров И.П., 123
 Думова Н.Г., 208

 Дурново П.Н., 60
 Дьяков А., 217
 Дьяконов А.В., 109, 122
 Дэрлмэнд, 88

 Еварестов Е.В., 68, 275
 Евлампиев А.К., 225
 Евсеева С.В., 321
 Егоров А., 97
 Егоров В.И., 224
 Егоров П.В., 27, 275
 Егорова М.В., 287
 Екатерина II, 7
 Екимов С.Ф., 130
 Елгашигина М.Н., 321
 Елисеев С.И., 159
 Елпатьевский С.Я., 270, 293
 Елькин А.Я., 56, 61
 Емельянов Б.В., 205
 Еникеев Г. (Г.Х.), 174, 177, 179, 180, 182, 211, 292, 301
 Еникеев Ш.Х., 130
 Еникеевы, 152
 Енько Е.Н., 206
 Ерёмкин И.С., 166
 Ермолаев Н.А., 162
 Ерофеев Ю., 294
 Ерусланов П., 43, 44, 45
 Ершова О.П., 37
 Ершов-Перепелов М.Д., 159
 Ефремов В.А., 274
 Ефремов И.К., 102
 Ефремов М.И., 162

 Жарков В.К., 145
 Жбанков Д.Н., 306
 Жданов В.Н., 103
 Жданов Х., 254
 Жуковский И.Г., 74, 274
 Журавлёв В.А., 160

 Забалусев П.Г., 224
 Заварин В., 235
 Заварицкий А.Н., 288
 Заварицкий Н., 30
 Загидуллин И.К., 12
 Загидуллин, 212
 Заикин Г.С., 311
 Зайнаев Г., 42
 Зайцев, 161
 Зайцев М.Г., 159
 Зайцев Н.К., 164
 Заки Ш., 152, 211, 243, 250, 258

- Залесов Г., 28
Залесский С.А., 192, 193, 194
Заруцкий М.Ф., 106
Захаров В.А., 167
Захаров Ф.Г., 168, 206
Збитнев И.Т., 119, 120
Зезина М.Р., 292
Зенцов П.И., 160, 165, 228
Зенятуллин Т., 151
Зефирова Е. (Е.А.), 34, 275
Зефирова Н.А., 221
Зиятханов И., 90
Зинов П.Т., 120
Зиновьев А., 170
Златоверховников И.Е., 27, 34, 275
Златовратский Н.Н., 271
Злоказов В.П., 110
Злоказов Ф.А., 110, 113
Злоказовы братья, 110, 113, 192, 195
Зологарёв В.О., 130
Зубаиров А., 300
Зубарева Л.А., 159
Зубова С.Б., 311
- Ибаев К., 42
ибн Идрис Хамит, 258
Ибрагимов Г., 89, 94, 257, 263, 265, 291
Ибрагимов Р., 87, 92
Ибраев Г., 13
Ибсен Г., 298
Иванов В.П., 181
Иванов Г., 109
Иванов Л.А., 240
Иванов-Козельский М.Т., 296
Иванушкин Е.Т., 38
Игнатъев А.П., 87
Игнатъев Р.Г., 28
Изместьева Т.Ф., 129
Ильминский Н.И., 9, 276, 280
Ильсебай Я., 253
Ильясов М., 139
Инфантъев П.П., 274
Ипатов Н., 32
Ишполитов В.Л., 172
Исанбердин А., 263
Исанбет Н., 291
Исанбирдин М., 144
Исмагилов С., 172
Исхаков Г. (Исхаки Г., Исхаков М.Г.), 92, 211, 299, 300, 301
Исянбердин Г., 247, 262
Исянгильдин А., 258
Иустин (Полянский), 26, 31
- Ишерский В.И., 167, 306, 322
Ишмаев А.Х., 106
Ишмурагов, 300
Ишмухамет, 250
Иштуганов, 213
- Кабанов А.Ф., 117
Кадомяцевы И.С., Э.С. и М.С., 63, 77, 80, 81, 162, 164
Кальеров З., 211
Казанский Г., 300
Калачев А., 318
Калиев Ю.А., 43
Калимуллин Б.Г., 310, 318
Калимуллин Ф.Б., 309
Калимуллин, 106, 309, 310, 318
Калимуллина Д.Б., 311, 320
Калинин А. (А.М.), 81, 162, 165
Кальсин, 115
Камал Г., 300, 301
Камал Ш., 257, 292, 300
Камалетдинов М., 280
Камалетдинов Ф., 180
Камалетдинов Ш., 24
Камали З., 91, 291, 301
Каменские, 101
Каменский В.И., 130
Камкин П.В., 141
Кантимирова Р.И., 62, 66, 68, 71
Канцеров В.Ф., 161
Капкаев А., 91
Капкаев Г., 25
Каплан С.А., 52, 76
Капшугович И.С., 51, 52, 65, 82, 165
Карвовский Р.О., 294
Каргалы А., 243, 250, 254, 258
Кариев Г., 300
Каримов К.К., 275
Каримов Ф., 87, 88, 89, 91, 174, 179, 180, 181, 182, 211, 301
Кармазин Г.Г., 42
Карман Г.М., 163
Карягин С.И., 203
Катаев А.И., 221
Катанский Н.В., 159, 221
Катаринский В.В., 246, 248, 281
Каховский Г.С., 220
Кашаев З., 144
Каширин Е., 214
Кашиц В., 62
Кашшаф, 152
Кейль А.Л., 201
Келеповский А.И., 65, 80

- Келлер Б.Л., 117
 Керам Г., 300
 Керашев Т., 292
 Кестер К.С., 41
 Киекбаев Дж.Г., 246
 Кииков Г., 249, 259, 260
 Кийков А.А., 54, 77, 79, 162, 166
 Кильдебяков Х., 299
 Киндикеев Ш., 179
 Кинзекеева Р., 299
 Киньябулатов А.У., 6
 Кириллов С.А., 131
 Кириянов А.И., 164
 Киселёв, 223
 Китанина Т.М., 107, 187, 190
 Клементьев, 162
 Климент (Верниковский), 26
 Климович Л., 25, 209
 Ключарёв А.С., 61, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 84, 294
 Кляузников, 295, 297
 Книс А.К., 168
 Князев Г.П., 120
 Князев Е.И., 120
 Князев М.Д., 120
 Князевы, 119
 Ковалёв Д.В., 142
 Ковалевский М.Е., 271
 Кожасев Е.Ф., 131
 Кожасвы, 143
 Козлов А.П., 75
 Козлов В.Ф., 124
 Козлов К., 139
 Козлов Н.М., 165
 Козлова К.И., 45
 Коковихин М., 207, 208
 Коковцов В.Н., 180
 Колесников И.М., 160
 Колотовы братья, 102
 Кольбе, 83
 Колягин Н.И., 162
 Комиссаржевская В.Ф., 296, 297
 Комов А.Ф., 46
 Кондратьев Н.Д., 127, 186
 Кондручин И.П., 109
 Кононов А.Н., 246
 Константин (Коровин), 35
 Константинов, 222
 Корелин А.П., 105
 Корнеев С., 62
 Коробков П.С., 224
 Коровина К.А., 323
 Королёва Н.Г., 73
 Короленко В.Г., 270, 271, 274
 Коропачинский П.Ф., 50, 67, 71, 128, 208, 218, 219
 Коротков С. (С.А.), 168
 Корф Н.А., 277
 Косоротов В.Е., 158, 164
 Костерин П.И., 52, 313
 Костригин Д., 39
 Котомкин М.В., 220
 Кошман Л.В., 292
 Красильников М.П., 105, 108, 118, 125, 128, 129, 130, 131, 132, 144, 156, 186
 Краснощёков В.В., 206
 Красовский Л.Б., 228
 Краузе А.Ф., 109
 Крашенинников Н.А., 274
 Кривов Т.С., 165
 Кривошеин А., 170
 Кривошеин И.А., 166
 Кривошеин Я.А., 36
 Крикшев-Сиполин Э.Ф., 41
 Криницкий Н.С., 221
 Кругловы братья, 123
 Кружинин, 297
 Крузе М.Э., 41
 Круковский М.А., 317, 318
 Крутовских А.В., 110
 Крыжановский Н.А., 8, 9
 Крылов А.П., 189
 Крылов И.А., 268
 Крысин В.А., 76
 Крюков Н.А., 114
 Крючков В.А., 311
 Куватов М. (М.-Г.), 246, 275, 281
 Кугушев А.А., 49, 67
 Кугушев В.А., 76
 Кудаш С., 291
 Кудашев (Кудашев-Ашкадарский) И., 299, 300
 Кудашев А.Г., 300
 Кудряшов, 62
 Кузев Р.Г., 231
 Кузнецов, 103
 Кузнецов А.В., 109, 122
 Кузнецов А.И., 103
 Кузнецов М.А., 124
 Кузнецов П., 103
 Куинджи А.И., 320
 Кулаев М.А., 275
 Кулалаев А., 300
 Кулешов Е., 217
 Кулиахметов А., 133
 Куликов В.И., 38
 Кульбаков Ш.А. (Ш.), 75, 93

- Кунафин Г.С., 249
Куракин, 160
Курбангалеев Г., 17
Курлина В.А., 123
Курмаев В.Н., 123
Курпячев М., 91
Курсави А., 280
Курсави Г., 258
Курсеева О.А., 49, 72
Кутлин В.В., 123
Кутлуахмедов Г., 16
Кутлубаев И.М., 275
Кутушев Р. Р., 6
Кутушев Р. Р., 6
Кутушев Р.Р., 68, 91, 257
Кутушева Г.Р., 230
Кутуш-Кыпсаки М., 258
Кучин И.В., 133
Кучкин П.П., 166
Кучуков Ш., 95
Кушнеровская Г.С., 323
- Лавров П., 270
Ланге В.К., 293
Ландсберг Ц.А., 65
Лапин Ф., 206
Лаптев В.Р., 110
Лаптев К.А., 69
Лаптев М.А. и В.А., 119, 122, 313
Лапшин, 173
Ларионов (Белорещкий) Г.П., 273
Ларионов М.С., 122
Латыпов Ф., 300
Латыпова В.В., 32, 34, 275
Лафарг П., 270
Лебедев П.М., 320, 321, 322
Лебедевков А.Н., 220
Левитан Г., 47
Левитан И.И., 321, 323
Лежнев А.П., 321
Лезнков Л.В., 321
Лейкинд О.Л., 321
Ленин В.И. (Н.), 222, 270
Леонов М.И., 51, 80
Лескова Л.И., 170
Лешковская Е.К., 296, 298
Либкнехт В., 270
Лидин С., 298
Лисовский Н.К., 58, 293
Лобачёв И., 166
Лобунченко А.П., 60, 65, 68
Логинов, 225
Лопатто В.Д., 56, 62
- Лопухов Е., 39
Лоссиевский М.В., 275
Лубэ С., 298
Лысанов Д.С., 118
Львов Г.Е., 216
Любинецкий Н.А., 27, 28, 29
Лядов М., 75, 78
Ляуданский Б.Н., 103, 153
Ляхов Н.В., 65
- Мавринский И.Л., 59
Мазуровский, 215
Майлин Б., 292
Макаров В., 32, 46
Макарова В.Н., 116, 117, 196
Макарчук С.В., 165
Максимов К.В., 55, 58, 60, 62, 67, 69, 70, 157
Максимов К.Н., 6
Максимов Н.Е., 295
Максудов С., 177, 178, 179
Максютов А., 246
Максютов С.Д. (С.), 74, 89
Максютова Н.Х., 248
Малеев А.А., 56, 65
Малеев А.П., 75
Мальков П.В., 288, 321
Мальцева Т.А., 163
Мамалимова Р.В., 311
Манаев А.С., 102, 103, 123
Манаев Н., 292
Манаев С.С., 110
Манаевы, 119
Мандрыкин, 61
Марджани Ш., 9, 243, 244, 251, 252, 256, 258, 280
Марк Г., 115
Маркелова Л.А., 99
Маркс К., 270
Маслов П., 142
Матвеев Д., 145
Матвеев С. (С.Б.), 32, 34
Матвеев С.М., 275
Матинов Ш., 89
Маторин Н.М., 43, 44, 45
Матюшкин С., 33
Махмудов Ш.З. (Ш.), 158, 174, 179
Мацкевич Л., 40
Медведев И., 124
Медведевы П.М. и П.П., 297
Мейен В.Ф., 96
Мелетий, 32
Меллер-Закомельский В.В., 117
Мельгунов А.П., 159, 173

- Мельников Ф.Е., 51
 Мендияров Г., 45
 Мензелеви Ш., 253
 Меньков Н.С., 106, 107
 Метальников Н.И., 166
 Мешков, 101
 Мешков Н.В., 98, 102, 321
 Миллер Р.Н., 117
 Милонов Н.Ф., 126
 Милоков Л., 124
 Минцлов С.Р., 156, 274
 Мирабо О., 270
 Миржанова С.Ф., 248
 Мирзанов Б., 247
 Миронов Б.Н., 272
 аль-Мисри А., 253
 Митрофанов А.Х., 77
 Мифтахитдинов Ф., 133
 Михалёв С.И., 103
 Михей (Алексеев), 26
 Мишкин Г., 179
 Модестов Н. (Н.Н.), 34, 275
 Модестов С.В., 162
 Моисеев А.С., 163, 166, 206
 Мольер, 300
 Монастырёв Б.А., 126
 Моношко С., 296
 Мордвинов А.А., 114, 118
 Мордвинова Е.А., 114
 Морвинцев Г.В., 216, 218
 Мотыги-Тухфатуллин К., 301
 Музафаров А.Р., 144
 Музаффаров К.М., 261
 Муранов М.К., 168, 169
 Мурзагареев М.-С., 150
 Мурзин Г., 24
 Мургазин-Иманский В.Г. (Мургазин В.), 298, 300
 Мусин С.А., 150
 Мусин Сайфедин, 201
 Мусин Т., 131, 150
 Мустафин Г., 91
 Мутин М., 300
 Мухамадеев Х., 15
 Мухамадрахимов К., 139
 Мухамедкулов С., 262
 Мухамедов Х., 179
 Мухамедова Р.Г., 230
 Мухамедрахимов К., 91
 Мухамедьяров Ш., 211
 Мухаметдинов Б., 213
 Мухаметжанов М., 132
 Мухаметов Х., 151
 Мухитов Ш., 106
 Мызгин И.М., 63, 80, 81
 Мырзакаев И., 250
 Мясников В., 81
 Мясницкий, 293
 Мячин К. (К.А.), 81, 162, 165
 Набиуллин Г., 214
 Нагаев К., 280
 Нагарёвы, 313
 Нагель, 161, 314
 Нагибин А.Л., 306
 Надергулов М. Х., 6
 Надергулов М.Х., 251
 Назаров И., 109
 Назиров С.М., 102
 Найденев С., 298
 Накоряков Н.Н., 80
 Накоряков Н.Н., 63, 76, 77
 Нарский И.В., 57, 70, 74, 75, 76
 Насыбуллин Г., 201
 Насыри К., 258, 260
 Наталья Иванова, 137
 Нафанаил (Троицкий), 26
 Недель И., 40
 Незнамов М., 296
 Немировича-Данченко В.И., 298
 Неопиханов А.А., 98
 Нестеров М.В., 322, 323
 Нестеров М.Е. (М.), 168
 Нестерова В.Ф., 137
 Нестеровский Б., 163
 Нефёдов Ф.Д., 274
 Нигматуллин Х.Х., 117
 Никанор (Бровкович), 31
 Никанор (Бровкович), 26
 Никитский А.И., 29
 Николаев А.А., 224
 Николаев А.Е., 217
 Николаев В., 42
 Николаев С., 33
 Николаевский Б.И., 167, 168
 Николай II, 15, 49, 68
 Николай II, 15, 50, 55, 58, 87, 114, 140, 200, 214, 324
 Никоноров П.Г., 223
 Никулин В.Н., 112
 Ница А.Ф., 229, 275, 287
 Новиков Ап.В., 67, 68
 Новиков В.А., 274
 Нугман, 250
 Нуретдинов, 300

- Обухов М.И., 290
 Обухов, 84
 Овечкин К.Н., 166
 Овчинников Н.Г., 154
 Оглобин А.Я., 208
 Озерецковский, 81
 Олезов А.П., 59
 Олькеницкий Г.Ш., 207
 Ольшанский Д.С., 41
 Опарин И., 166
 Опарин П., 208
 Орленов П.Н., 298
 Орлов В., 33
 Орлов В.Н., 114
 Орлов И.Л. (И.), 128, 130, 133, 134, 136, 146, 147
 Осоргин (Ильин) М.А., 270, 271
 Островский А.Н., 293, 295, 296, 298, 300
 Охотников В.Н., 111, 117
 Ошурко В.А., 83
- Павлов И., 170
 Палфёров В.Я., 305
 Пантелеев И.А., 157
 Панышины, 143
 Паршин А.М., 297, 300
 Пастухов Е.И., 132
 Пашин И., 109
 Пашков В.А., 111, 123
 Пекер А.А., 274
 Первозванский И., 33
 Перевышин И., 139
 Перетерский И.Д., 133
 Першин Ф. (Ф.Я.), 100, 167, 219
 Пётр (Екатериновский), 26
 Петров И., 30
 Петров И.Г., 230
 Петров Ю.А., 97, 115, 194
 Петунин В.А., 118
 Пикевич К.Я., 136
 Пильнов В.Е., 36
 Пименов М., 109
 Писемский А.Ф., 295
 Плаксин Н.Н., 218
 Плансон А.А., 144
 Платонов Р.П., 124, 314
 Плахотников Е.Д., 297
 Плестинин К.П., 221
 Плотников М.А., 218
 Подьяконов С.А., 112
 Позолотин И.А., 106
 Полетаев, 61
 Поликарпов И.В., 311
- Полудин Б.С., 205
 Пономарёв Н.М., 202
 Пономарёв П.М., 222
 Попов А.В., 159
 Попов Д.Г., 70
 Порубов М.А., 120
 Порфирий (Соколовский), 26
 Потапов А.М., 225
 Потешкины, 143
 Потоцкий В.М., 77
 Прегер Р.И., 128, 129
 Протопопов (Чёрный) С.С., 51
 Птицын Г.Г., 206
 Пуришкевич В.М., 93
 Пушкарёва И.М., 215
 Пушкин А.С., 246, 254, 256
- Р. Р. Садиков, 6
 Рабинович А.Х., 207
 Раймов Р.М., 52, 77, 81, 86
 Рамсеев М.-З., 88, 89, 90, 117, 174, 179
 Рамсеев М.-Ш. М.-С., 91, 116, 117, 257
 Рамсеев С., 292
 Распутин Г., 214
 Рассказов А.А., 296
 Расулев Г., 15
 Расулев З., 251, 284
 Рауш, 59
 Рафики Г., 263
 Рафиковы, 126
 Рахимкулов М.Г., 145
 Рахимкулова М.Ф., 292
 Рахманкулов Г., 15, 179
 Рахматуллин С., 262
 Рдатов В.Г., 293
 Резанов Е.В., 105
 Резанцев Д.В., 71
 Резанцев П.Г., 274
 Ремезов Н.В., 272, 273
 Репин И.Е., 323
 Ризвановы Я. и Р., 139
 Римский С.В., 27, 29
 Рискин Л.В., 123
 Родзинский, 307
 Родзянко М.В., 215
 Родионов М.И., 222, 223, 227
 Роднов М. И., 6
 Роднов М.И., 35, 121, 127, 130, 131, 132, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 159, 217
 Рождественский И., 121, 122, 141
 Романов Г.Е., 132
 Ропп Ф.Г., 114

- Ростан Э., 274
 Ростовцев К.Д., 275
 Рубенс П., 322
 Руденко С.И., 149, 150
 Рудин Л.Г., 27, 275
 Рыбаков Г., 280
 Рыбаковы С.Г. и П.Г., 183, 274
 Рыбников А.А., 126
 Рыбников И.В., 160
 Рыбченко Т.И., 82, 165
 Рышкевич М.Е., 6
 Рябухин Е.И., 165
 Рязанов, 173

 Савиных Г.М., 270
 Саврасов А.К., 323
 Сагди М., 262
 Садиков Р.Р., 46, 230
 Садыков З.Ш., 162
 Сазонов И.Г., 143
 Сайфи-Казанлы Ф., 291
 Сайфутдинов Г., 51
 Сакаев Н., 300
 Салиев Б., 292
 Салихов Х., 243, 250, 254, 258
 Самитова Ф., 300
 Самородов Д.П., 97, 107, 109, 110, 189
 Сафаргали и, 266
 Сафонов Д.А., 64, 65, 85
 Сахратуллин С.Ф., 80, 161
 Саша Чёрный, 274
 Свердлов Я.М., 76
 Свидерский А.И., 56, 59, 60, 62, 76, 168, 206, 218, 227
 Севастьянов Я.Е., 163, 166
 Северюхин Д.Я., 321
 Севостьянова И.А., 323
 Сеидбурханов Х., 24
 Сеитбурханов Х., 214
 Сейдуков Н., 14
 Сейфитдинов Ш. (Ш.С.), 93, 94
 Селивановы, 133
 Семенкин А., 42
 Семёнова С.Ю., 310, 312, 315
 Семёнов-Самарский С.Я., 295, 296, 297
 Семёнов-Тянь-Шанский В.П., 108, 109
 Сенников А.М., 109
 Сепеев Г.А., 241
 Серафим, 35
 Сергеев Ю. Н., 6
 Сергеев Ю.Н., 26, 31, 33, 34, 38, 39, 40, 41
 Серебренников А.И., 103
 Серметев М., 16

 Сидоренко Н.С., 67
 Сидоркин В.И., 142
 Симонов В.В., 40
 Симоновы братья, 110
 Сиразитдинов Г., 201
 Скачилов В.А., 308
 Скотт Дж., 139
 Славянский, 295
 Смирнов В.С., 217
 Смирнов И.Н., 47
 Смирнов Н., 128
 Смирнов Х., 26
 Соколов-Новосёлов А., 62, 81, 82
 Соколовский В., 160
 Соколовский И.Н., 52
 Соколовский И.Н., 52, 53
 Сокрый Г., 250, 251, 259
 Сокуров П.М., 71, 208
 Соловьёв Е.Н., 29
 Соловьёв Ф.Г., 124
 Соловьёв, 293
 Солодянкин Ф.С., 189
 Солтангилде, 249
 Сорокин В.И., 110
 Софокл, 298
 Софроний, 35
 Софроновы, 119
 Спасский, 81
 Спасский, 60
 Сперанский В., 34
 Спиридонов В.В., 162
 Спиридонов М.А., 202
 Станиславская-Дюран, 296
 Станиславский К.С., 298
 Станкевич К.Ф., 127
 Старков К.М., 218
 Стахеев В.Г., 102, 106
 Стахеев И., 106
 Стахеев И.Г., 102, 106
 Стахеевы, 101, 102, 106, 109, 153, 203
 Стахович М., 293
 Степанов Н.Н., 110
 Степанов С.А., 55, 70
 Степной Н.А., 274
 аль-Стерли А., 250
 Столбов А.И., 163
 Столыпин П.А., 71, 94, 153, 175, 180
 Сторожев В.Н., 226
 Стрежнев С.Д., 219
 Стрелков Ф., 32
 Стрельская В.В., 297
 Стрепетов, 293
 Стриндберг А., 301

- Строганов, 321
Струве Г., 87
Струйский П.П., 295, 297
Струкова М.Н., 80
Струцкий, 218
Стуколкин С., 103
Ступин З.Г., 130
Сулев А.С., 164
Сулейманов Г., 8
Сулейманов Р.С., 293
Сулейманов Ф., 263, 269
Сулейманов Ш., 8, 15
Султанбеков З.М., 132
Султангалиев И., 189
Султангареев С., 214
Султанов В., 263
Султанов М., 11, 12, 14, 15, 17, 19, 20, 24, 57,
68, 179, 299
Султанов Н., 144
Султанова М., 11, 14, 179, 299
Сумбатов, 296
Сунчелей С., 300
Супханкулов Г., 150
Сусллова С.В., 230, 240
Суфи А., 251
Суханов, 109, 292
Сухов С., 303
Сухоев, 208
Сухоруков В.А., 109
Сыңоров Ф.И., 165
Сырова Ю.Н., 274
Сыромятников В.С., 321, 322
Сыртланов А.Ш. (А.), 158, 174, 209
Сыртланов Ш.Ш. (Ш.), 71, 74, 75, 88, 89, 90, 92,
93, 174
Сыртланова-Шляхтина Е., 300, 301
Сычѣв А.А., 159
- Таганов Н.П., 106
Тагиров А., 262, 263, 292
Тагирова Н.Ф., 98
Таначева Х., 299
Тангатаров А., 247, 263
Тарасовы сѣстры (Тарасова Л.М.), 207
Татлыбаев М., 262
Тахбеков Ш., 43
Тевкелев К.Б. (К.), 13, 74, 75, 89, 93, 158, 159,
174, 177, 180, 182, 209, 210, 211
Тевкелев С., 9, 10, 251
Тевкелева Ф., 14
Терегулов А.Г., 288
Терегулов Г., 25
Терегулов И., 179
- Терегуловы, 152
Терентьев В.Л., 82
Тилепбергенов Ж., 292
Титов, 223
Титов Д.М., 222
Токарев В., 81
Толстой А.П., 158, 208, 216
Толстой Л.Н., 270, 274, 277, 295, 297
Толстой П.П., 74, 75, 208, 229
Топчибашев А.-М., 87, 90, 92, 174, 182
Трибульский, 217
Троицкий М.П., 275
Трунцев, 223
Трясоногов В., 81
Туган-Барановский М., 140
Туйкин А.А., 267
Туйкин К., 263
Туйкин Ф., 247, 249, 267, 300
Тукаев А.Л., 220
Тукаев М.М. (М.-Ш.), 75, 88, 93, 158, 174, 179,
182
Тукаев Х., 279
Тукай Г., 257, 259, 301
Тукумбетов М., 300
Туркин А.Г., 274
Туфан Х., 291
Тюгашев Т.А., 151
Тюкавкин В.Г., 153, 155
Тюлькин А.Э., 322, 323
Тюнин И., 276
Тюнин Н.П., 275
Тюрин М.В., 109
Тяжелников Д.Н., 275
- Уваров В.Е., 165
Узиков Ю.А., 77
Уметбаев М., 12, 245, 246, 251, 253, 254, 255,
267
Уммати З., 262
Унгур К.Д., 131
Уразбахтин М., 202
Уркарт Л.А., 117
Урманова З., 14
Урманцева Р., 299
Усман Г., 258
Усманов Г. (Г.Г.), 109, 202, 250
Усманов Х., 93, 174, 182
Усманов Х.Ф., 61, 62, 146, 154, 155, 156, 172,
173
Усмановы братья, 124
Успенский Г.И., 270, 274
Устимов Е., 214
Уткин И.И., 120

- Уткины, 119
 Утябаев Р., 257
 Утяки Х., 253
 Утямышевы М. и А., 124
 Ушинский К.Д., 277
 Ушков П.К., 111
- Фаизханов Х., 258
 Файзи М., 257, 292, 300, 301
 Файзуллин Х.С., 156
 Фархшатов М. Н., 6
 Фархшатов М.Н., 34, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 290, 291
 Фатхутдинов Р.Р., 6
 Фатыхова Ф.Ф., 230
 Фахретдинов А., 211
 Фахретдинов Р., 12, 181, 182, 244, 246, 254, 256, 257, 258, 260, 299, 301
 Фахрисламов С., 133
 Фёдоров А.М., 274
 Фёдоров В.А., 27
 Фёдоров Н.М., 122
 Фёдорова М.А., 122
 Федотова Г.Н., 296, 297
 Фек К.Ф., 201
 Фенина Э.П., 321
 Феонова В.Б., 152
 Фефелов, 218
 Фикрет Т., 263
 Филарет (Мальшевский), 26
 Филимонов М.А., 170
 Филоненко В.И., 43, 44, 45, 237, 275
 Флойтман Э.Я., 131
 Фоменков М.П., 293
 фон Дервизу С.П., 116
 фон Шуберга Б.К., 112
 фон-Дитмар Н.А., 118
 фон-Кауфман П.М., 95
 Фон-Шлихтинг Л.П., 303
 Франк С.Л., 272
 Фрейман О.М., 131
 Фридолин (Дашин) В.Ю., 51
 Фридрихсен К.Г., 40
 Фролов И.Т., 124
 Фролов, 53
- Хабибулин Х.Г., 102
 Хабибуллин Ф., 126
 Хабибутдинов Ф., 151
 Хабиров Х., 280
 Хади З., 265, 266
 Хади М., 247, 261
 Хадыев М., 261
- Хайретдинов Н., 300
 Хайруллин М., 300
 Хакимов, 107
 Хакимов А., 261
 Хакимов А.Х., 6
 Хакимов К., 291
 Хакимов М.-Н., 106
 Хакимов Н., 261
 Халиков Н.А., 152
 Халитова З., 22
 Халфины братья, 106
 Халютин П.В., 145
 Хамзины, 144
 Хамит ибн Идрис, 258
 Хамитов Ш.Ю., 106
 Ханжаров Н., 300
 Ханифа, 266
 Хантемиров А., 8
 Харисов А.И, 251, 252, 253
 Харитонов К.П., 158
 Харитоновы, 132, 153
 Хасабов Э.Н., 102
 Хасанов К.Г., 75, 93, 94
 Хасанов М. (М.М.), 21, 75, 93
 Хасанова Э.В., 323
 Хатков А., 292
 Хаустов В.И., 59, 159, 167, 207
 Хахалкина Е.Р., 207
 Хахалкины, 164, 167
 Херувимов К., 34
 Хисамутдинов Г.М., 240
 Хлебников С., 30
 Хлестов А.С., 120
 Ходотов Н.Н., 297
 Холмогоров А.П., 33
 Хотев-Самойлов, 295
 Христофор (Смирнов), 68
 Хрущёв А., 81
 Хрущёв И.А., 165
 Худаяров Г., 262
 Хурамшин Я.Х. (Я.), 74, 89, 182
 Хусаинов А. Г., 13
 Хусаинов А., 131
 Хусаинов А.Г., 174
 Хусаинов Г. Б., 6
 Хусаинов Г.Б., 245, 253
 Хусаинов М.-В., 177
 Хусаинов М.Г., 174
 Хусаинов С.М., 249
 Хусаинов У., 174
 Хусаиновы, 284
- Цаликов А., 86, 176, 211

- Царегородцев Е.С., 120
Цветасва М.И., 126, 274
Цепилов И.Ф., 145
Цехановецкий Б.П., 58
Цехановецкий Б.П., 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 65
Циунчук Р.А., 89
Цуканов Д., 224
Цюрупа А.Д., 76, 168, 206, 219, 223
- Чайкин В.А., 166
Чайников И.П., 120
Чанышев М., 179
Чаргоны А.А., 298
Чебыкин А., 213
Чевардин В.А., 224
Чемрис В.П., 192, 195, 198, 199, 204, 223, 225
Чепуров Ф.Т., 146
Червяков Е.В., 288
Черданцев А.А., 294, 322
Черепанов А.А., 162
Черепанов С.А., 76
Чернонебов Я.С., 106
Чёрный Саша, 126
Чернядьевы братья, 161
Четвериков Б.Д., 288
Чехов А.П., 126, 274, 295, 297, 298, 300
Чириков Е.Н., 293, 298
Чмутов С., 97
- Шабалов В.Д., 126
Шабрин А.С., 157
Шагиахметов Ш., 176
Шаймарданова Ф., 300
Шакиров З., 244, 246
Шакур Р., 253
Шакур Рашит., 243
Шалупов М.Ф., 36
Шаляпин Ф.И., 296, 297
Шамгулов С., 211
-Шамильский Ш., 300
Шамлевич С.А., 217
Шамов, 115, 171, 322
Шамов И.Н., 102
Шангареев И., 98
Шараф Б., 180
Шарафетдинов (Ногаев) К., 8
Шарохин, 223
Шахмасевы братья, 144
Шахмуратов Ш., 43
Шаширин Т.И. (Т.), 63, 81
Шевченко М.Г., 298
Шевырин В.М., 215
Шекспир В., 274, 298, 301
- Шеломенцев, 223
Шеломенцев А.Л., 206, 221, 222
Шеломенцев А.Р., 167
Шелохаев В.В., 210
Шерстенников Н.А., 302
Шерстобитов М., 161
Шестаков И., 276
Шефтель И.М., 56
Шиллер Ф., 295, 298, 301
Шингарёв А.И., 208
Шипаев З., 262
Ширгазин А. Р., 6
Ширгазин А.Р., 311, 316, 319, 320
Ширмухамедов М., 292
Шитова С. Н., 6
Шитова С.Н., 230, 231, 234, 237, 239
Шихобалов П.И., 153, 173
Шишкин И.И., 322, 323
Шкурко Э.А., 48
Шлёнкин П., 32
Шлипер Э., 306
Шмелёв Н.А., 206
Шнуровский К.Ю., 207
Шотт Л.И., 122
Шрамков В.П., 225
Шрамченко П.П., 273
Штейнберг И.З., 206, 218, 219
Штиглиц А.Л., 322
Штольцман С.А., 98
Штрупп Н.М., 109
Шгюрмер Б.В., 210, 212
Шуберт фон Б.К., 112
Шуклина Н.Я., 99
Шульгин В.С., 292
Шульгин Н., 213
Шумилин, 295
Шумилов А.В., 220
Шуппе А.Ф., 114
- Щербаков А.С., 230
- Эльцин Б.М., 227
Эфиоров А.Ф., 293
- Юдаевы братья, 102
Юлдашев А.А., 248
Юлкулдин М., 131
Юлтый Д., 262
Юмагулова (Юмагулова-Кушаева) Р., 261
Юмаев Я., 262
Юмажиев Ш., 299
Юмрани Н., 262
Юрлов В.М., 208

- Юрчикова А.Ю., 38
 Юрьев А.А., 61, 133, 206, 219
 Юрьев М.С., 162
 Юсупов Г.В., 240
 Юсупов Р.М., 230
 Юсупов Ф., 300
 Юшкевич С.С., 298
- Яблочкина А.А., 296, 297
 Ягафар-ишан, 251
 Ягафова Е.А., 43
 Ягудины братья, 106, 107
 Якимова Е.В., 101
 Якимова П.К., 101
 Якимовы, 101
 Яковлев И.И., 66
 Яковлев К., 47
 Якуб ибн Нугман, 258
 Якутов И.С., 59, 61, 62, 76, 79
 Якшигулов С., 249, 262, 267, 268
- Ялсыгулов Т., 243, 254, 258
 Ямаева Л. А., 6
 Ямаева Л.А., 17, 86, 158
 Ямашев Х., 51, 77
 Янбухтина А.Г., 230, 322
 Ястржемский Я.Ф., 306
 Яушев В., 87
 Яушев Г., 8
 Яушев Л.-Ш., 179
 Яушев М.-Г., 179
 Яушевы братья, 13
- Azamatov D.D., 8, 15, 17, 22, 24, 25
- Isimoto K., 46
- Stienwedel Charles., 60
 Stremecki J., 46

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I. Конфессиональная структура населения Башкортостана во второй половине XIX – начале XX вв.	
§ 1. Оренбургское магометанское духовное собрание в 1861–1917 гг. Ислам в Башкортостане	7
§ 2. Уфимская православная епархия, другие христианские течения	26
§ 3. Язычество в крае	41
Глава II. Революция 1905–1907 гг. в Башкортостане	
§ 1. Развитие революции в крае в 1905 г.	49
§ 2. Стабилизация общественно-политической ситуации в 1906–1907 гг. Поражение революции	66
§ 3. Мусульманское либеральное движение в Башкирии в 1905–1907 гг.	86
Глава III. Социально-экономическое развитие Башкортостана в начале XX в.	
§ 1. Рыночная экономика (транспорт, финансы, промышленность)	96
§ 2. Многоукладный аграрный строй Башкортостана в начале XX в. Столыпинская земельная реформа	127
§ 3. Общественно-политическая ситуация в крае	157
§ 4. Мусульманское либеральное движение в 1907–1914 гг.	174
Глава IV. Башкортостан в годы Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г.	
§ 1. Экономическое положение в 1914–1917 гг.	184
§ 2. Влияние войны на общественно-политическую обстановку в крае	200
§ 3. Февральская революция 1917 г.	215
Глава V. Культура Башкортостана второй половины XIX – начале XX вв.	
§ 1. Традиционная этническая культура	230
§ 2. Развитие башкирского литературного языка	243
§ 3. Литература	249
§ 4. Просвещение	276
§ 5. Театр	293
§ 6. Здравоохранение	301
§ 7. Архитектура Башкортостана. Изобразительное искусство	309
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	324
Список сокращений	327
ПРИЛОЖЕНИЯ:	238
№ 1. Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. (Троицкий, Челябинский уезды)	329
№ 2. Башкирские селения Пермской губернии по сведениям волостных правлений за 1908 г.	337
№ 3. Добыча золота в Башкортостане в 1910 г.	349
Именной указатель	351

Научное издание

**ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Том II.

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка Ю. М. Абсалямов

Подписано в печать 18.05.2007.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать на ризографе. Усл.-печ. л. 29,9. Уч.-изд. л. 31,45.

Тираж 300 экз. Заказ № 2.0096.07.

Для заметок

Для заметок